

РСТ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XXI

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS
UNIVERSITY

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ
RUSSIAN UNION OF GERMANISTS

**РУССКАЯ
ГЕРМАНИСТИКА**

GERMANIC PHILOLOGY IN RUSSIA

**ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ**

**YEARBOOK
OF THE RUSSIAN UNION OF GERMANISTS**

ТОМ XXI

VOLUME XXI

ISSN 2782-2605
<https://yearbook.rug.lunn.ru>

**НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ДИСКУРСЫ И ТЕКСТЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИИ, КОРРЕЛЯЦИИ**

**DEUTSCHSPRACHIGE TEXTE UND DISKURSE:
EVOLUTION, TRANSFORMATIONEN,
KORRELATIONEN**

XXI СЪЕЗД
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
СМОЛЕНСК, 23 — 25 НОЯБРЯ 2023 ГОДА

*Организатор:
Смоленский государственный университет*

Ежегодник «Русская германистика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия Ежегодника размещена на платформе НЭБ: www.elibrary.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-81832 от 31 августа 2021 г.

Периодичность издания: 1 раз в год
Ежегодник включен в электронный каталог АО «Почта России». Индекс ПН197

Р е д к о л л е г и я :

д. ф. н., проф. *А. В. Иванов* (главный редактор),
к. ф. н., ст. науч. сотр. *Н. С. Бабенко* (отв. редактор лингвистической части),
д. ф. н., проф. *Н. А. Бахши* (отв. редактор литературоведческой части),
к. ф. н., доц. *А. В. Белобратов*, д. ф. н., доц. *Р. В. Белютин*,
д. ф. н., проф. *Л. И. Гришаева*, д. ф. н., проф. *С. И. Дубинин*,
д. ф. н., проф. *А. И. Жеребин*, д. ф. н., проф. *Ж. В. Никонова*,
д. ф. н., проф. *Л. Н. Полубояринова*, к. ф. н., вед. науч. сотр. *Н. Н. Трошина*

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Вып. XXI: «Немецкоязычные дискурсы и тексты: эволюция, трансформации, корреляции» («Deutschsprachige Texte und Diskurse: Evolution, Transformationen, Korrelationen»). — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2024. — 548 с.

ISSN 2782-2605

В том включены статьи, подготовленные по материалам докладов, сделанных на XXI съезде Российского союза германистов «Немецкоязычные дискурсы и тексты: эволюция, трансформации, корреляции» («Deutschsprachige Texte und Diskurse: Evolution, Transformationen, Korrelationen»), прошедшем 23—25 ноября 2023 г. в Смоленске при поддержке Смоленского государственного университета. Обращение к значимой для германистики дискурсивной проблематике сопряжено с пилотными изысканиями в условиях быстрого развития новых информационных технологий и стратегий их использования в различных коммуникативных пространствах. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам съездов и конференций германистов, проводимых в рамках РСГ. Входящие в выпуск статьи отражают актуальное состояние исследовательской деятельности отечественных германистов в различных областях гуманитарного знания.

ISSN 2782-2605

9 772782 260002 >

© НГЛУ, 2024

The Yearbook is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the main scientific outcomes of PhD and advanced PhD theses

Registered by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of Registration PI No. FS77-81832 dated August 31, 2021

The electronic version of the Yearbook is available on the website: www.elibrary.ru

Periodicity (release) of the Yearbook: once a year

E d i t o r i a l B o a r d :

Ivanov, Andrey V., PhD (advanced) in Philology, Professor (editor-in-chief),
Babenko, Nataliya S., PhD in Philology, Senior Researcher (executive editor, Linguistics),
Bakshi, Nataliya A., PhD (advanced) in Philology, Professor (executive editor, Literary Studies),
Belobratov, Aleksandr V., PhD in Philology, Associate Professor,
Belyutin, Roman V., PhD (advanced) in Philology, Associate Professor,
Dubinin, Sergey I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Grishayeva, Lyudmila I., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Nikonova, Zhanna V., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Poluboyarimova, Larisa N., PhD (advanced) in Philology, Professor,
Troshina, Natal'ya N., PhD in Philology, Leading Researcher,
Zherebin, Aleksey I., PhD (advanced) in Philology, Professor

Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists, vol. 21: “German-language Discourses and Texts: Evolution, Transformations, Correlations” (“Deutschsprachige Texte und Diskurse: Evolution, Transformationen, Korrelationen”). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University (LUNN), 2024. — 548 p.

ISSN 2782-2605

This volume includes articles based on reports made at the 21st Congress of the Russian Union of Germanists “German-language Discourses and Texts: Evolution, Transformations, Correlations”, held with the support of Smolensk State University on November 23—25, 2023. The appeal to discursive issues significant for German studies is associated with pilot research in the context of the rapid development of new information technologies and strategies for their use in various communicative spaces. The Yearbook continues to publish articles on the proceedings of the congresses and conferences held by the Russian Union of Germanists. The articles included in this volume reflect the current state of Russian Germanists’ research activities in various fields of humanitarian knowledge.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	10
ЛИНГВИСТИКА.....	12
<i>Блинова Ю. А.</i> Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы	13
<i>Большакова Т. М.</i> Типология интертекстуальных отношений в немецком школьном нормативном дискурсе.....	33
<i>Быкова О. И.</i> Интерпретационный потенциал коннотации в дискурсивных практиках	55
<i>Гончарова Е. А., Нюбина Л. М.</i> Особенности ментально-речевых действий дискурсивной личности автора в немецкоязычных текстах «литературы путешествий»	73
<i>Гришаева Л. И.</i> Презентация субъекта как коммуникативная стратегия: условия для реализации, причины и следствия трансформаций	94
<i>Едличко А. И.</i> Актуальные тенденции развития немецкоязычной вариантной лексикографии	139
<i>Иванов А. В., Иванова Р. А.</i> Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben?.....	171
<i>Карпов В. И.</i> О корпусном методе в контрастивных исследованиях пунктуации: двоеточие в немецком языке	194
<i>Кемпер Д.</i> Qualifikation und Arbeitsmarkt. Wer kann schon protokollieren?.....	218
<i>Кострова О. А., Захаров В. С.</i> Условные придаточные предложения с союзом <i>sofern</i> в различных типах дискурса	226
<i>Кострова О. А.</i> Концептуальная пассивизация ситуаций в немецкой лингвокультуре.....	249
<i>Кротова Е. Б., Добровольский Д. О., Цветаева Е. Н., Шафандин А. В.</i> Вариативность управления немецких генитивных предлогов (по корпусным данным).....	267
<i>Лаххайн Б., Никонова Ж. В., Аверкина Л. А.</i> Digital Literacy, erschöpftes Europa, Dataism — mit der Sprache der Megatrends auf dem Weg in die Zukunft	283
<i>Нефедова Л. А.</i> Лингвокультурный типаж «женщина-политик Германии» в современных европейских СМИ (лингвогендерный компонент).....	299
<i>Петрова М. В.</i> Речевое взаимодействие «человек — машина» как новая коммуникативная практика в цифровой реальности (на материале немецкого языка)	320

<i>Трошина Н. Н.</i> Динамика научного дискурса в цифровую эпоху	351
<i>Туманова Е. О.</i> Эонимы как репрезентанты прецедентного феномена «Скандал» в политическом дискурсе Германии: лингвокультурологический анализ.....	369
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	396
<i>Ишимбаева Г. Г.</i> Нарративные дискурсы романа Д. Кельмана <i>Тилль</i> ...	397
<i>Коршунова Л. Ю.</i> Проблема рецепции в акте коммуникации: драма Артура Шницлера <i>Слово</i> («Das Wort»)	416
<i>Наумова В. С.</i> Трансформация военной темы в лирике немецкого и русского экспрессионизма	431
<i>Сибирцева В. Г.</i> <i>Мессиада</i> и другие произведения Клопштока в России: непростой путь к читателю.....	448
<i>Федяева Т. А.</i> Жанровые трансформации мистериальной традиции в творчестве Ф. Миттерера на рубеже XX—XXI веков.....	469
<i>Цветков Ю. Л.</i> Повествовательный дискурс и жанр <i>Сказки 672 ночи</i> Гуго фон Гофмансталя: современные отечественные подходы.....	489
РЕЦЕНЗИИ	506
<i>Абрамов П. В.</i> Воплощенная утопия как приглашение к диалогу. Рец. на кн.: <i>Жеребин А. И.</i> Место встречи — утопия. Из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с.	507
<i>Аверина А. В.</i> Дискурсивные частицы в тексте. Рец. на кн.: <i>Иванов В. Д.</i> Функции дискурсивных частиц в немецком языке. М.: Прометей, 2024. 182 с.	514
<i>Горожанов А. И.</i> Рец. на кн.: <i>Сытько А. В.</i> Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск: МГЛУ, 2023. 248 с.	520
<i>Сибирцева В. Г.</i> Рец. на кн.: Литература и искусство в поле притяжения Гете (= <i>Literatur und Kunst im Spannungsfeld Goethes</i>): сб. науч. ст. / отв. ред. П. В. Абрамов. М.: МГЛУ, 2023. 734 с.....	526
<i>Туманова Е. О.</i> Гендерное симметрирование фразеологизмов в структурно-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Рец. на кн.: <i>Нефедова Л. А.</i> Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: МПГУ, 2023. 232 с.	530
СООБЩЕНИЯ	537
<i>Бакши Н. А.</i> Навстречу будущему (Золотурнские дни литературы)	538
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	542

CONTENTS

Editorial Foreword	10
LINGUISTICS	12
<i>Blinova Yu. A.</i> Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature.....	30
<i>Bolshakova T. M.</i> Typology of Intertextual Relations in German School Normative Discourse	53
<i>Bykova O. I.</i> Interpretative Potential of Connotation in Discourse Practices.....	71
<i>Edlichko A. I.</i> Current Trends in Dictionaries of Varieties of the German Language.....	169
<i>Goncharova E. A., Nyubina L. M.</i> Peculiarities of Mental-Speech Actions of the Author’s Discursive Personality in German-Language Texts of “Travel Literature”	91
<i>Grishayeva L. I.</i> Presentation of the Subject as a Communicative Strategy: Conditions for Implementation, Causes and Consequences of Transformations	136
<i>Ivanov A. V., Ivanova R. A.</i> Is the German Scientific Discourse Still Alive?...	190
<i>Karpov V. I.</i> On the Corpus Method in Contrastive Study of Punctuation: Colons in German	216
<i>Kemper D.</i> Qualifications and the Labour Market: Who Can Take Minutes of Meeting?	225
<i>Kostrova O. A.</i> Conceptual Passivation of Situations in German Linguistic Culture	265
<i>Kostrova O. A., Zakharov V. S.</i> Conditional Subordinate Clauses with the Conjunction <i>sofern</i> in Different Types of Discourse	247
<i>Krotova E. B., Dobrovol’skiy D. O., Tsvetaeva E. N., Sharandin A. V.</i> On the Government Variation of German Genitive Prepositions: A Corpus-based Analysis.....	281
<i>Lachhein B., Nikonova Zh. V., Averkina L. A.</i> Digital Literacy, an Exhausted Europe, Dataism — on the Road to the Future with the Language of Megatrends.....	295
<i>Nefedova L. A.</i> Linguocultural Type of “Female Politician of Germany” in Modern European Media (Linguo-Gender Component)	317
<i>Petrova M. V.</i> Man — Machine Speech Interaction as a New Commu- nication Practice in Digital Reality (Exemplified by the German Language)	349
<i>Troshina N. N.</i> The Dynamics of the Scientific Discourse in the Digital Epoch	367

<i>Tumanova E. O.</i> Eonyms as Representatives of the Precedent Phenomenon “Scandal” in German Political Discourse: A Linguocultural Analysis	394
LITERARY STUDIES	396
<i>Fedyayeva T. A.</i> Genre Transformations of the Mystery Tradition in the Works of F. Mitterer at the Turn of the 20 th — 21 st Centuries	487
<i>Ishimbaeva G. G.</i> Narrative Discourses of D. Kehlmann’s Novel <i>Till</i>	414
<i>Korshunova L. Yu.</i> The Problem of Reception in the Act of Communication: Arthur Schnitzler’s Drama <i>Das Wort</i> (“The Word”)	429
<i>Naumova V. S.</i> Transformation of the Military Theme in the Lyrics of German and Russian Expressionism	446
<i>Sibirtseva V. G.</i> <i>The Messiah</i> and Other Works by Klopstock in Russia: Difficult Path to the Reader	467
<i>Tsvetkov Yu. L.</i> Narrative Discourse and the Genre of <i>Tales of 672 Nights</i> by Hugo von Hofmannsthal: Modern Domestic Approaches	503
REVIEWS	506
<i>Abramov P. V.</i> Embodied Utopia as an Invitation to Dialogue. Book Review: Zherebin A. I. (2023) <i>The Meeting Place is Utopia. From the History of Literary Relations between Russia, Germany, Austria</i> . Saint Petersburg: Vladimir Dal’, 421 p.	507
<i>Averina A. V.</i> Discourse Particles in the Text. Book Review: Ivanov V. D. (2024) <i>Functions of Discourse Particles in German</i> . Moscow: Prometey, 182 p.	514
<i>Gorozhanov A. I.</i> Book Review: Syt’ko A. V. (2023) <i>Deontic Utterance: Semantic Characteristics and Pragmatic Potential (Exemplified by Russian and German)</i> . Minsk: Minsk State Linguistic University, 248 p.....	520
<i>Sibirtseva V. G.</i> Book Review: Abramov P. V. (ed.) (2023) <i>Literature and Art in Goethe’s Field of Attraction: Collected Papers</i> . Moscow: Moscow State Linguistic University, 734 p.....	526
<i>Tumanova E. O.</i> Gender Symmetry of Phraseological Units in Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Aspects. Book Review: Nefedova L. A. (2023) <i>Gender Inclusive Phraseology of the Modern German Language: Symmetry of Phraseological Units from the Gender Viewpoint</i> . Moscow: Moscow Pedagogical State University. 232 p.....	530
REPORTS	537
<i>Bakshi N. A.</i> Towards the Future (Solothurn Literature Days)	538
LIST OF CONTRIBUTORS	545

ОТ РЕДАКЦИИ

В XXI выпуск Ежегодника Российского союза германистов *Русская германистика* включены материалы, связанные в основном с проблематикой 21-го съезда РСГ, проходившего в Смоленском государственном университете 23–25 ноября 2023 г. на тему «Немецкоязычные дискурсы и тексты: эволюция, трансформации, корреляции». Съезд имел преимущественно лингвистическую направленность и проходил с участием литературоведов, которые выступали с докладами в рамках предложенной тематики. Обращение к значимым для германистики проблемам изучения дискурсов и текстов было сопряжено с пилотными изысканиями в условиях быстрого развития новых информационных технологий и стратегий их использования в различных коммуникативных пространствах.

В центре внимания находились вопросы, касающиеся новых коммуникативных практик, учитывающих данные цифровой реальности и связанные с ними изменения *homo loquens*. В рамках проблематики, обнаруживающей принципиальную значимость в сфере изучения процессов формирования дискурсов и текстов в информационный век, обсуждались такие вопросы как:

— динамика различных видов дискурса, сопровождающаяся сменой научных парадигм и расщеплением сформировавшихся типов текста / речевых жанров в актуальных коммуникативных практиках;

— повышение значимости аксиологического контекста как фактора появления инноваций в дискурсе;

— формирование новой эмоциональности в различных дискурсивных средах.

Содержание этого выпуска главным образом составляют статьи, посвященные актуальным проблемам корпусной лингвистики, включая критическое осмысление ее возможностей и достижений как новой технологии извлечения более точного знания о функционировании языковых единиц, а также лингвокультурологии в ее преломлении к специфике немецкоязычного материала, отражающего динамику в том числе и социально-политических процессов в современных условиях развития общественных отношений. Немецкоязычная лингвокультура представлена в Ежегоднике во множестве проявлений: ее феномены рассматриваются в концептуальном, коммуникативном, информационном, политологическом ключе как формирующие новую языковую реальность, определяющие перспективу ее развития.

Предметом отдельного обзора стал анализ состояния профильной для германистики вариантной лексикографии, оказывающей все большее влияние на современную практику создания словарей благодаря широкому применению вариантологического подхода.

В Ежегоднике представлены также материалы, связанные с возможностями использования искусственного интеллекта для решения традиционных лингвистических проблем. Новое звучание в этом выпуске получили вопросы интертекстуальности и прецедентности в связи с повышением их роли в разных типах дискурса, включая художественный и институциональный.

Таким образом, характерной чертой XXI выпуска *Русской германистики* является внимание авторов к активным процессам и изменениям в немецкоязычной культуре, использование ее вербальных ресурсов в условиях формирующейся коммуникативной цифровой реальности.

Регулярное проведение съездов РСГ и издание на этой основе Ежегодника позволяет говорить о включенности отечественной германистики в развитие современного гуманитарного знания, учитывающего специфику современной немецкоязычной коммуникации в различных областях науки и культуры.

ЛИНГВИСТИКА

LINGUISTICS

Ю. А. Блинова

Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОНОМАСТИКОН И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ ДИСКУРСА НОВЕЙШЕЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье на материале романов Бернхарда Шлинка *Olga* и Юли Цее *Über Menschen* прецедентные имена анализируются с позиций когнитивной лингвистики. Прецедентные имена как одна из форм прецедентности является важной категорией в дискурсе современной художественной литературы. Изучение прецедентного ономастического пространства художественного дискурса позволяет увидеть, каким образом складывается интертекстуальный опыт автора и читателя в немецкой лингвокультуре. Прецедентные имена обладают свойством эвокативности, благодаря которому имена собственные выступают в художественном дискурсе маркерами интертекстуальности, культурных кодов и средством вербализации ключевых концептов немецкой культуры XX и XXI вв. Изучение прецедентного ономастического пространства позволяет увидеть основные источники, влияющие на процесс инкультурации членов конкретного общества и определяющие культурное пространство нации. Анализ прецедентного ономастикона обоих романов показывает, что тип немецкой лингвокультуры XX в. определяется, прежде всего, как книжный, а XXI в. свидетельствует о смене типа культуры. Культурное пространство становится медиасредой, общество характеризуется как медианасыщенное, а культура — как экранная. В художественном дискурсе XXI в. невозможно проследить путь инкультурации героя, но можно говорить об экспансии голливудских ценностей из фильмов жанров фэнтези и фильмов-катастроф. Этнокультурные немецкие концепты *ORDNUNG*, *SICHERHEIT*, *GEMÜTLICHKEIT* в художественном дискурсе XX в. проявляются в виде культурных концептов *BILDUNG* ‘образование’ и *GLAUBE* ‘вера’. Концепт *VERLORENER TRÄUMER* ‘заблудший идеалист’ становится донором для концепта *FERNWEN* ‘тоска по путешествиям и дальним странам’, а последний эволюционирует в концепт *ÜBERMENSCH* ‘сверхчеловек’. Для концептосферы художественного пространства начала XXI в. значимым остается концепт *BILDUNG*, концепт *GLAUBE* утрачивает свое влияние, в то время как в ассоциативном поле концепта *FERNWEN* появляются новые признаки — эс-

капитистское и расщепленное сознание. По всей видимости, можно говорить о том, что концепт FERNWEH становится донором для таких новых ментальных образований как VIRTUELLER ESKAPISMUS 'виртуальный эскапизм' и PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG 'расщепление личности'. Культурный феномен и концепт ÜBERMENSCH продолжает эволюционировать. Концепт CORONA опредмечивает страх, напоминающий о хрупкости общества изобилия, в котором живет современный человек.

Ключевые слова: прецедентные имена; концепты BILDUNG 'образование', GLAUBE 'вера', FERNWEH 'тоска по путешествиям и дальним странам', VIRTUELLER ESKAPISMUS 'виртуальный эскапизм', PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG 'расщепление личности', ÜBERMENSCH 'сверхчеловек', CORONA; дискурс художественной литературы; немецкий язык

1. Введение

Изучение художественного дискурса как особой формы коммуникации представляет для лингвистов особый интерес, поскольку фикциональный мир может служить инструментом познания действительности и культуры. Сложность понимания литературного текста В. Е. Чернявская объясняет тем, что читатель находится в процессе постоянной семантизации и воссоздания смыслов, заложенных автором языковыми средствами, формами, структурами, разного рода коммуникативными сигналами, влияющими на читателя, направляющими его восприятие и управляющими им. Адресат имеет свои коммуникативно-прагматические установки, собственные фоновые знания, оказывающие влияние на понимание и интерпретацию заложенных в тексте смыслов (ЧЕРНЯВСКАЯ 2021: 54-55). Более того, необходимой предпосылкой и условием понимания фикционального текста является интертекстуальная компетенция, формируемая в процессе социализации личности. В. Е. Чернявская определяет ее как способность интерпретировать смыслы, выводить имплицатуры и пресуппозиции на основе знания прецедентных текстов и ситуаций, на основе владения общими кодами и социокультурными конвенциями (ibid.: 191-192).

В художественном дискурсе метонимической заменой прецедентных текстов часто выступают прецедентные имена и

названия, открывающие исследователю доступ к интертекстуальному пространству лингвокультуры и интертекстуальному опыту отдельной личности. Немецкий ономатолог Фолькер Кольхайм называет в первую очередь имена собственные наряду с цитатами, аллюзиями и анаграммами в качестве референциальных сигналов интертекстуальности. Благодаря свойству эвокативности имена представляют собой идеальное средство для реализации автором интертекстуальных стратегий. Возникающее при этом межтекстовое взаимодействие исследователь обозначает как онимическую интертекстуальность (Integronymität) (KONLHEIM 2022: 203-204). Под эвокативностью в лингвистике понимается способность вызывать особого рода интерпретацию, основанную на операции когнитивного блендинга (контаминации смыслов), в процессе которого создается семиотически сложный план содержания (БЕДАНОКОВА 2015: 23).

Лингвокультура как некое пространство общей памяти и особая семиотическая система имеет свои компоненты, облекаемые в языковую форму. Одной из таких коллективных мыслительных единиц являются концепты. В нашем исследовании мы отталкиваемся от определения О. А. Костровой, согласно которому художественный концепт — это произвольно используемый автором для реализации своего художественного замысла вариант базового этнокультурного концепта или языкового стандарта, создающий этноспецифику производимого текста (КОСТРОВА 2021: 21).

В художественном тексте выявить концепты непросто, поскольку создаваемые ими образы синтезируются из номинаций, обозначающих разные признаки концепта, создающие его ассоциативное поле. Более того, отмечается множественность способов вербализации концептов. В качестве средств актуализации как универсальных, так и этноспецифических признаков концептов могут выступать прецедентные имена и названия. К ним мы относим особую группу имен собственных с широко известным денотатом, обладающих когнитивной и эмоциональной значимостью в рамках определенной лингвокультуры или глобально. Эти имена имеют коннотации и ассоциации, составляющие их прагматический компонент значения, а также богатый

тропеический потенциал. В дискурсе прецедентные имена используются в качестве средств вторичной номинации, выполняя характеризующую и экспрессивно-оценочную функцию (БЛИНОВА 2007: 7-8).

Цель статьи состоит в том, чтобы обнаружить, какие прецедентные имена и названия используются авторами для реализации интертекстуальных стратегий, а также какие лингвокультурные концепты создают этнокультурную специфику немецкого новейшего художественного дискурса и обеспечивают сохранность «культурной памяти» немецкой нации.

Материалом статьи послужили роман современного немецкого прозаика Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, 1944) *Ольга* (*Olga*, 2018) и роман Юли Цее (Juli Zeh, 1974) *Über Menschen* (2021). В романе *Ольга* перед читателем через призму частных человеческих судеб оживает история Германии, начиная с 1870 г. до 90-х гг. XX в. Роман Цее описывает время пандемии в Германии, локдаун 2020 г., переживаемый героиней романа Дорой в маленькой деревне Бракен земли Бранденбург. Ткань повествования обоих произведений позволяет проследить и описать ключевые художественные концепты, актуальные в XX в., в первых двух десятилетиях XXI в. и базовые для немецкой культуры в целом. Анализ и описание концептов проводится с помощью метода семантико-когнитивного анализа прецедентных имен, объективирующих концепты в дискурсе и открывающих доступ к их содержанию, что позволяет выявить признаки концепта и смоделировать сам концепт.

2. Результаты исследования

Если прецедентное ономастическое пространство романа *Ольга* наполняют в большой степени антропонимы и имена персонажей художественных произведений и сказок, то прецедентный ономастикон романа *Über Menschen* составляют в большей степени производные от названия вируса Согопа и названия популярных Интернет-технологий и платформ сети Интернет, имена современных политиков и известных личностей, названия фильмов и имена персонажей из них, названия популярных песен.

Прецедентный ономастикон романа Шлинка *Ольга* включает названия книг, песен, имена писателей, поэтов и философов, ока-

завших наибольшее влияние на формирование мировоззрения немцев в XX в., и открывает перед нами культуру книжного типа. Среди названий прецедентных текстов, *встречающихся в романе в значительном количестве, и значимых для процесса инкультурации, следует привести следующие: Bibel* 'Библия', *Katechismus* 'Катехизис', *Das Leben Jesu* 'Жизнь Иисуса', *Grimms Märchen* 'Сказки братьев Гримм', *Märchen aus Schlesien und Pommern* 'Сказки Силезии и Помераний', *Sagen von Rübezahl* 'Легенды о Рюбецале', *Anekdoten um den Alten Fritz* 'Исторические анекдоты о Старом Фрице', *Struwwelpeter* 'Штрувельпетер', *Die Schicksale der Puppe Wunderhold* 'Записки куклы', *Faust* 'Фауст' Гете, сборник песен *Deutscher Liedergarten*, романы европейских писателей *Robinson Crusoe* 'Робинзон Крузо' Даниэля Дефо и *Gullivers Reisen* 'Путешествие Гулливера' Джонатана Свифта, *Göttliche Komödie* 'Божественная комедия' Данте, а также имена таких известных немецких писателей и поэтов как Friedrich Schiller (Фридрих Шиллер), Eduard Mörike (Эдуард Мерике), Heinrich Heine (Генрих Гейне), Bertold Brecht (Бертольд Брехт), и философа Friedrich Nietzsche (Фридрих Ницше). Отметим, что среди прецедентных текстов доминируют национальные тексты, что свидетельствует о сохранности немецкой книжной культурной традиции в XX в.

Анализ прецедентного ономастикона романа *Über Menschen* выявил доминирование названий из сети Интернет и фильмов, что говорит о переходе от книжного к экранному типу культуры, когда медиасреда и информационные технологии комплексно интегрированы в культурное пространство. Общество первых двух десятилетий XXI в. характеризуется исследователями как медианасыщенное. Медиасреда носит преимущественно аудиовизуальный характер, а получение информации осуществляется экранным способом (ГРЕКОВ 2008: 11). Лидирующую позицию в романе Цее в ряду названий киберпространства занимают один из популярнейших Интернет-ресурсов видеохостинг YouTube и крупнейшая в мире поисковая система Google, затем следует крупнейшая торговая площадка Amazon, программа для видеоконференций Zoom, социальные сети Facebook, Twitter, Instagram, мессенджер WhatsApp, онлайн-платформа для знакомств Tinder, а также имена героев из фильмов и сериалов «Бэтмен» (Batman,

1966—2022), культовой эпической космической саги «Звездные войны» (Star Wars, 1977, 1980, 1983, 1999, 2002, 2005, 2015, 2017, 2019) с его центральным персонажем Дартом Вейдером (Darth Vader), американского сериала «Ходячие мертвецы» (The Walking Dead, 2010—2022), фильма и сериала «Бонни и Клайд» (Bonnie und Clyde, 1967, 2013), фильмов-катастроф немецкого режиссера, сценариста и продюсера Роланда Эммериха (Independence Day, The Day After Tomorrow, Godzilla, 1998; Midway, 2019), название компьютерной стратегической игры «Ферма» (Farmville, 2009). Единственными литературными героями, встречающимися в романе, являются Пеппи Длинный чулок 'Pippi Langstrumpf' со своей мартышкой господином Нильсоном 'Herr Nilsson', Робинзон и Пятница 'Robinson und Freitag'.

Практически полное отсутствие национальных прецедентных текстов в произведении, за исключением нескольких названий песен, показывает, что в новых сложившихся условиях говорить о процессе инкультурации как сохранении национальной книжной культурной традиции не приходится. В новом культурном пространстве с экранным способом получения информации, яркостью медиа-образов, воздействием спецэффектов происходит размытие национальной идентичности и экспансия голливудских ценностей.

Если в культуре книжного типа умозрительные идеальные ценности и эталоны социального поведения порождались в основном мифологией, религией, литературой и искусством, а также философией и гуманитарными науками, то мировосприятие современного человека формируется медийным пространством, ценности и культурные символы производятся в кино, компьютерных играх, произведениях жанра фэнтези, транслирующих представления о благе и зле, и компенсирующих снижение влияния религии, литературы и искусства на массовую культуру.

О снижении влияния религии и античной мифологии на культуру в XX и XXI вв. говорит редкое употребление в обоих произведениях прецедентных мифонимов и онимов библейского происхождения. Так, мифонимы свидетельствуют, с одной стороны, о сильном влиянии античной литературы и мифологии на книжную культуру Германии, а с другой — подчеркивают

образованность героев и актуализируют в художественном дискурсе концептуальные признаки двух семантических моделей концепта ОБРАЗОВАНИЕ: «Образование» — «Развитие личности» и «Образование» — «Показатель статуса». К ним относятся такие характеристики как широкий кругозор, эрудированность личности, элитарность, престижность образования, успешность образованного человека. Сохранность прецедентных мифонимов в речи персонажей косвенно показывает, что главными протагонистами в немецкой художественной литературе как в XX в., так и в начале XXI в. остается образованная личность, а сам дискурс по-прежнему предназначается и является значимым для образованных носителей. Редкая встречаемость мифонимов говорит о истончении этого культурного слоя в немецкой культуре в описываемый период.

На христианский слой культуры в художественном дискурсе XX в. указывают прецедентные агионимы, актуализирующие лингвокультурный концепт GLAUBE 'вера'. Но их относительно небольшое количество в тексте косвенно свидетельствует об отходе религиозных ценностей на второй план в культуре XX в. В художественном дискурсе начала XXI в. концепт GLAUBE подвергается еще более значительным изменениям. В романе Цее отношения между главной героиней и ее любимым человеком Робертом рушатся из-за веры Роберта в конец света сначала в виде экологической катастрофы, а затем — коронавируса. Вера Роберта в неизбежность катастрофы становится соперницей Доры в отношениях, которую Дора называет Апокалипсисом.

- (1) Robert, der ihre Beziehungen einfach weggeworfen und sich in *die Apokalypse* verliebt hat. *Die Apokalypse* ist eine Nebenbuhlerin, mit der es nicht aufnehmen kann. *Die Apokalypse* verlangt Gefolgschaft, hinauf zu den Höhen kollektiver Schicksalsbewältigung (ZEH 2021: 8)
- (2) *Corona* ist anschaulich. Schnell, dramatisch, gut zu bebildern. Messbar in den Folgen. Außerdem scheint dem Virus eine geradezu *biblische* Zwanglosigkeit innewohnen. Irgendwann musste das dicke Ende kommen (ibid.: 14).

В романе прецедентные агионимы не являются больше маркерами традиционного религиозного сознания. Христианское сознание уступает место лоскутной религиозной идентич-

ности. Герой создает свою эрзац-религию. Вера в Бога заменяется верой в гибель мира и человечества.

- (3) Obwohl es für Robert gut lief, schlief er nachts schlecht. Dora begriff, dass er wirklich Angst hatte. Seine Besessenheit war keine politische Pose, sondern entsprang dem ehrlichen Glauben an den Weltuntergang. „I decided to panic“, hatte *Greta* gesagt, und Robert tat es ihr nach (ibid.: 70).

Противоположным полюсом ключевого этнокультурного концепта SICHERHEIT ‘безопасность’ с ключевыми признаками «уверенность в завтрашнем дне», «надежность и стабильность», «безопасность и защищенность» становится концепт СТРАХ. Герои Цее охвачены страхом и впадают в панику, им не хватает чувства защищенности и безопасности. Их страхи подогреваются со всех сторон. Воплощением развенчания мифа о безопасном существовании мира становится Грета Тунберг, шведская экологическая активистка. Она попала в список 100 самых известных и влиятельных людей мира за продвижение мнения о неизбежном экзистенциальном кризисе человечества в результате изменения климата. Героиня романа Дора воспринимает Тунберг как бомбу, взорвавшую ее жизнь, лишившую ее спокойствия и счастья.

- (4) Sie (Dora) mochte Robert, Jochen und die Kreuzberger Wohnung. Sie hatte genug Geld und einen Job, der ihr gefiel. Nichts fehlte und nichts störte. Bis *Greta Thunberg* in ihr Leben trat (ibid.: 64).

Мирная повседневность общества потребления постоянно подпитывается насилием. Сюда относится весь апокалиптический материал средств массовой информации: от фактов убийства до атомной или бактериологической угрозы. Цивилизацию изобилия преследует не призрак нехватки, а призрак хрупкости (Бодрийяр 2021: 328).

Апокалипсис наших дней, вызывающий страх и ужас, парализующий жизнь, связан в романе с новым концептом CORONA. На 400 страницах произведения встречается более 50 употреблений лексики Corona и ее производных, что говорит о лейтмотивной и сюжетообразующей функции этого концепта.

- (5) Die Unzufriedenheit ist in der Lage, ganze Gesellschaft zu sprengen. Man braucht nur ein wenig Zündstoff, Flüchtlinge oder *Corona*, und schon droht das ganze Gebilde auseinanderzufliegen, weil niemand

jemals wirklich an die Segnungen von Frieden und Wohnstand geglaubt hat (ibid.: 174).

Насыщенность текста романа композитами, одним из компонентов которых является Corona, говорит о его когнитивной и эмоциональной значимости. Коронавирус изменил жизнь современного человека, привнес в его жизнь не только новые понятия, но и новые правила, видоизменил его досуг и времяпрепровождение. В качестве примеров следуют привести следующие: illegale Corona-Party, Corona-Abstand, Corona-Panik, Corona-Krise, Corona-Leugner, Corona-Witze, Corona-Tests, Post-Corona-Zeit, Corona-Demonstrationen, Corona-Tagebücher, Corona-Exil, Corona-Debatte, Corona-Gespräche, Corona-Regeln, Corona-Talkshows, Corona-Kritiker, Corona-Bürger. Наиболее часто встречающиеся в романе словосочетания — wegen Corona ‘из-за короны’ и trotz Corona ‘вопреки короне’, поскольку человек во время пандемии либо подчиняется новым условиям и правилам, либо (в меньшей степени) делает что-то вопреки им. В любом случае пандемия становится новым поворотным пунктом в жизни современного человека, новой точкой отсчета времени в XXI в.

Роман *Ольга* насыщен антропонимами, точнее, именами знаменитых путешественников, репрезентирующих пространственно-временной код и образующих один из смысловых стержней романа (мотивы ‘путешествия’ и ‘желание прославиться’) и опредмечивающих активно формирующийся в конце XIX — начале XX вв. концепт FERNWEH ‘тоска по путешествиям и дальним странам’. Особого внимания заслуживают имя норвежского полярного путешественника-исследователя Руаля Амундсена и английского исследователя, одного из первооткрывателей Южного полюса Роберта Скотта, поскольку именно эти личности стали образцами для подражания возлюбленного Ольги.

(6) Du wolltest *Amundsen* sein, und wenn nicht *Amundsen*, dann *Scott*, statt Dein Leben zu leben (SCHLINK 2019: 302).

Человек XXI века, постоянно находясь в медиапространстве, прежде всего опирается на событийную информацию из СМИ, выполняющих сегодня культурно-регулятивную роль (ФЛИЕР 2016: 97). Безусловно, это находит отражение в романе Цее, на страницах которого часто фигурируют имена политиков

и известных личностей, ср: Angela Merkel, Helmut Kohl, Höcke (AfD), Greta Thunberg, Alexander Gerst, Donald Trump, Bill Gates, Le Pen, Orban, Salvini, George Floyd.

Концепт FERNWEH претерпевает изменения в новом культурном пространстве. Постоянное присутствие и доступность развлечений в жизни современного человека приводят к его бегству или уходу от действительности посредством развлечений, т. е. к проявлению эскапизма. Сегодня Ютуб позволяет покорять не только экзотические страны, но и космическое пространство. Тоску по путешествиям в дальние страны Дора утоляет, просматривая с ученым-геофизиком и космонавтом из ФРГ Александром Герстом видео о том, как тот выходит в открытый космос. В романе встречается 12 употреблений прецедентного имени Alexander Gerst 'Александр Герст'. В минуты беспокойства и страха у Доры возникают мысли о бегстве от действительности и ассоциации с полетами Александра Герста.

(7) Sie raucht eine Zigarette, legt den Kopf in den Nacken und sieht zu den Sternen hinauf. Sie stellt sich vor, in den *Weltraum* zu fliegen. Wie es wäre, in Schwerelosigkeit zu schweben, umgeben von Dunkelheit, Kälte und Stille. Nachts will Dora weg. Nicht nur ins Robert-Exil, nicht nur aufs Land, sondern richtig weg. Auf fundamentale Weise. Vielleicht streben. Oder ins *All*, zu *Alexander Gerst*, über den man gelegentlich etwas in der Zeitung lesen konnte, bevor nur noch über Corona geschrieben wurde (ЗЕН 2021: 51).

Современные философы и культурологи называют стремление к эскапизму одной из характерных черт современного общества. Все чаще эскапизм превращается в путешествие в переносном смысле, в перемещение в воображаемый мир. Основой этого мира могут быть как какой-то уголок реального мира, так и описанный или показанный эскапистскими жанрами фэнтези, научной фантастики в литературе, кинематографе, а также компьютерными играми (Труфанова 2012: 102-105).

Дора, не зная, как ей справиться с ситуацией потери работы, разрыва отношений, новой жизни в деревне, сажает в саду картофель и представляет себе свою жизнь в другом мире с инопланетными существами, но где присутствует немецкий космонавт Александр Герст:

- (8) Die Erde über die Pflanzung häufelt sie zu kleinen Wällen und stellt sich dabei vor, sie vergrabe die Eier einer *Alien-Königin*. Bei einem Trip mit *Gerst ins All* wurde Dora von *fremden Wesen entfernt*, die ihr einen Chip ins Gehirn implantiert haben. Damit können sie Dora fernsteuern (ZEN 2021: 231-232).

Эскапистское сознание связано с расщеплением сознания, с удвоением мира. Человек стремится вырваться из привычных рамок своего обыденного мира и оказаться в некоем другом, вообразимом мире, чтобы не просто получить разрядку, отдых от обыденности, а найти новые способы постижения мира (ТРУФАНОВА 2012: 101-102). Появление эскапистских семантических признаков в концепте FERNWEH показывает его связанность с концептом PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG ‘расщепление личности’, на ассоциативную связь с которым указывает семантический признак «расщепление сознания». Как указывает О. А. Кострова, концепт PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG сформировался под влиянием новой информационной среды и контрастирует в ассоциативном поле донорского, т. е. базового общекультурного, характерного для немецкой ментальности концепта SICHERHEIT с его ядерным компонентом, т. е. чувствами безопасности и уверенности (КОСТРОВА 2021: 51-66). К основным семантическим признакам нового концепта исследователь относит «иллюзорность, расщепленность сознания и виртуальную зависимость» (ibid.: 94).

Художественный концепт XVIII в. VERLORENER TRÄUMER ‘заблудший идеалист’ породил страстное желание путешествовать, завоевывать и покорять дальние страны и благодаря ассоциативному полю стал модификацией или концептом-донором для значимого художественного концепта ÜBERMENSCH ‘сверхчеловек’ (ibid.: 64).

Одним из важнейших антропонимов, упоминаемых в анализируемых романах, является имя философа Фридриха Ницше как автора понятия «сверхчеловек», оказавшего влияние на культурную жизнь Европы конца XIX — начала XX в.

В романе *Ольга* непосредственно показывается влияние Ницше и его идей на формирование личности. Герберт сначала пытается найти у Ницше ответы на свои вопросы, связанные с

Богом и верой, а затем становится одержимым идеей стать сверхчеловеком, чтобы прославиться самому, а также одновременно прославить и возвеличить Германию. Но в романе Герберт так и остается заблудшим идеалистом, ему не удастся стать сверхчеловеком.

- (9) Sein Lehrer hatte *Nietzsche*, den Tod Gottes, den *Übermenschen* und die Wiederkehr des Gleichen erwähnt, und Herbert hoffte, bei *Nietzsche* Antworten auf seine Fragen zu finden (SCHLINK 2019: 42).
- (10) Er (Herbert) redete von den zwei Klassen, ohne die es keine Kultur gebe, einer höheren und einer niederen, von der Stärke und Schönheit reiner Rassen, von der Fruchtbarkeit der Einsamkeit, vom vornehmen Menschen und von *Übermenschen*, der zugleich ins Große und ins Tiefe und Furchtbare wächst. Er beschloss, ein *Übermensch* zu werden, nicht zu rasten und nicht zu ruhen, *Deutschland groß zu machen* und *mit Deutschland groß zu werden*, auch wenn es ihm Grausamkeit gegen sich und gegen andere abverlange (ibid.: 43).

Концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК является абсолютизацией идеи возвышения человека. Эта идея, как показывает С. С. Березовская, стала мировоззренческой сенсацией, вызвавшей эволюционирование культурного героя. Если Трикстер — это недо- или полугерой, Подвижник — это полубог, то Сверхчеловек — это Бог и даже более. Это апогей эволюции культурного героя, цель которого достигает космических масштабов. Это великий культурный реформатор, провозвестник новой веры, спаситель заблудшего человечества, способный сыграть важную роль во всеобщем противостоянии добра и зла. Феномен сверхчеловека может быть осмыслен как новый миф, наделенный свойствами всеобщности, универсальности и бесконечной повторяемости (БЕРЕЗОВСКАЯ 2010: 70-71).

Нового культурного героя в романе *Ольга* представляет собой фигура Бисмарка. Эта реальная историческая фигура проходит путь искусственной мифологизации и «национализации» через соединение с персонажами германской мифологии Зигфридом и Вотаном, с историческими фигурами — вождем херусков Арминием (Германом), с кайзером Фридрихом Барбароссой, с Лютером. К началу XX в. популярность и признание Бисмарка выливаются в настоящий культ (МЕДЯКОВ 2018: 201). В лице Бисмарка была реализована идея создания нового наци-

онального символа и супергероя. Распространение этих взглядов повлияли и на Ольгу, главную героиню романа, считающую Бисмарка ответственным за появление в Германии двух поколений, увлеченными идеей ее величия.

- (11) Sie (Olga) fand, mit *Bismarck* hat das Verhängnis angefangen. Seit er Deutschland auf ein zu großes Pferd gesetzt hat, auf dem es nicht habe reiten können, hätten die Deutschen alles zu groß gewollt (SCHLINK 2019: 134);
- (12) Als *Bismarck* ihnen schließlich ihr Vaterland geschaffen hat, hatten sie sich ans Phantasieren gewöhnt (ibid.: 259);
- (13) Zu groß — es war, woran Olga meinte, Herbert und Eik verloren zu haben, wofür sie *Bismarck* verantwortlich machte und wovon sie auch meine Generation versucht sah (ibid.: 149).

Концепт ÜBERMENSCH продолжает свое существование и развитие в культуре XXI в. Роман Цее носит провокационное название *Über Menschen*, последняя глава второй части романа далеко не случайно имеет такое же название. В ассоциативном поле концепта появляются новые семантические признаки. Теперь это тот, кто больше всех знает, умеет, ему позволено больше, чем другим, поскольку он обладает высшей истиной. Он сам возвышается над другими. В романе — это Роберт, партнер героини Доры, журналист, освещающий сначала вопросы экологической катастрофы, а затем пандемии.

- (14) Dora muss wieder an Robert denken. Ihm hat sie tatsächlich einmal vorgeworfen, dass er sich über andere Menschen erhebt. Dass er sich für einen *Supra-Menschen* hält. Vielleicht nicht direkt *in Nietzches Sinn*. Aber für einen, der mehr weiß, mehr kann und mehr darf als die anderen. Weil er im Besitz einer höheren Wahrheit ist (ZEN 2021: 128).

Второй семантический признак концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК связан с темами расизма и неонацизма в Германии и преодоления нацистского прошлого. Актуализация этих признаков в тексте романа происходит посредством прецедентных имен Гитлера, Хорста Весселя, строк из гимна НСДАП, так называемой песни Хорста Весселя «Horst-Wessel-Lied» («Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen...»), частого упоминания ультраправой партии AfD и ее лидеров, а также имени George Floyd (Джордж Флойд), смерть которого вызвала протесты против расизма в США в 2020 г. Отдельная глава романа носит его имя.

Цее заставляет свою героиню испытать страх перед неонацистами. Однажды Дора слышит строки из нацистского гимна Хорста Весселя, который распевает ее сосед Готе вместе с друзьями. Они имеют специфический внешний вид: бритые наголо, крупного телосложения с широкими плечами, в шортах-карго с камуфляжным рисунком. Дора боится их и не знает, как ей вести себя. Она преодолевает свой страх и говорит соседу, что она принципиально не возьмет стулья от Готе. У нее появляется чувство гордости за себя, что она смогла сказать неонацисту это в лицо, а не написала комментарий в Интернете, как это делает большинство. Стараясь побороть свой страх, она звонит Роберту, который сообщает ей, что он больше боится второй волны эпидемии. Автор романа поднимает вопрос о страхах современного человека: неонацизме, коронавирусе, экологической катастрофе.

Еще один сосед Доры, кабаретист Штефан, записывает и выкладывает в Интернет свое выступление против современных неонацистов, используя их символику.

(15) Die rechte Hand hält er, als trüge er die Fackel der Freiheitsstatue. Dann streckt er den Arm mit flacher Hand nach vorn: *Hitlergruß*. Als Nächstes ballt er die Hand an der Schulter zur sozialistischen Faust. Dann wieder Freiheitsstatue. *Hitlergruß*. Sozialistenfaust (ibid.: 239).

В своем обращении к неонацистам он сравнивает их с образом сверхчеловека 70-80-летней давности и называет их не способным ни к чему отребьем в нижнем белье.

(16) Wisst ihr noch? Ist gar nicht lange her. Vor siebzig, achtzig Jahren. Da wart ihr *Übermenschen*. Da wart ihr Herrenmenschen. Blonde Rassenhengste auf dem Weg zur Weltherrschaft. Philosophen haben euch beschrieben, Komponisten haben euch besungen, fremde Länder haben vor euch gezittert, und das Volk ist euch hinterhergedackelt. Und heute?

Heute sitzt ihr am Campingtisch. Hinter euch der Bauwagen, vor euch ein warmes Bier. Ihr raucht polnische Zigaretten, salutiert vor der Reichsflagge und malt eure eigenen Personalausweise. *Übermenschen* im Unterhemd. Ihr rettet nicht Deutschland. Ihr rettet Feinripp-Industrie. Abschaum seid ihr. Ihr seid der Abschaum, den ihr immer ausrotten wolltet. Keiner mag euch, keiner braucht euch. Ihr verschlafft die Tage und versauft die Nächte. Ihr glaubt jeden Mist, der im Internet steht, und pflanzt Kartoffeln für den Tag X (ibid.: 239-240).

Концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК связан с темой осмысления и преодоления нацистского прошлого, а также со стремлением избавиться или снять коллективную ответственность за нацистские преступления. Одна из глав романа называется «Floyd» в честь афроамериканца, убитого в США белым полицейским при задержании. Дора смотрит видео с убийством на Ютубе несколько раз, ее охватывает страх, ее руки дрожат, она мысленно проводит параллель со своим соседом деревенским наци Готе.

(17) Während der nächsten Stunden wird sie das Zittern nicht mehr los. Immer wieder erklärt sie sich selbst: Das in Minneapolis war nicht Gote. Das hat mit Gote nichts zu tun. Ihr Verstand versucht sich in einem Proseminar über *Unterschiede zwischen deutschen und amerikanischen Rassismus*. Aber auf einer anderen Ebene ist ihr das gleichgültig. Rassismus ist, wenn man bestimmte Menschen für wertlos hält. *Das ist grauenvoll, und das gilt überall auf der Welt* (ibid.: 339).

За описанной ситуацией стоит глубокая идеологическая проблема, связанная с попытками представить преступления нацизма не как беспрецедентные, а приравнять их к глобальной проблеме расизма. Мы видим, что «спор историков» продолжается в XXI в., поскольку вопрос преодоления прошлого напрямую связан с самосознанием и национальной идентичностью немцев (РУЛИНСКИЙ 2013: 55).

3. Выводы

Прецедентные имена как одна из форм прецедентности является важной категорией в дискурсе современной художественной литературы, поскольку дает возможность исследователям выявлять культурно-значимую информацию, а также выстроить иерархию ценностей в определенной культуре на конкретном этапе ее развития или в определенную эпоху.

Изучение прецедентного ономастического пространства позволяет увидеть основные источники, влияющие на процесс инкультурации и определяющие культурное пространство нации. Прецедентные имена и названия подтверждают, что тип немецкой лингвокультуры XX в. определяется как книжный. Анализ прецедентного ономастикона романа Цее свидетельствует о смене типа культуры: культурное пространство становится медиасредой, общество характеризуется как медианасы-

ценное, а культура как экранная. В художественном дискурсе XXI в. невозможно проследить путь инкультурации героя, но можно говорить об экспансии голливудских ценностей из фильмов эскапистских жанров фэнтези и фильмов-катастроф. Жизнь героев наполняется через медиасреду именами известных личностей — от политиков до космонавта.

Прецедентный ономастикон открывает перед нами эволюцию культурных концептов и их взаимосвязей. Этнокультурные немецкие концепты ORDNUNG, SICHERHEIT и GEMÜTLICHKEIT в художественном дискурсе XX в. проявляются в виде культурных концептов BILDUNG ‘образование’, GLAUBE ‘вера’. Концепт VERLORENER TRÄUMER ‘заблудший идеалист’ становится донором для концепта FERNWEH ‘тоска по путешествиям и дальним странам’, а сам он эволюционирует в концепт ÜBERMENSCH ‘сверхчеловек’.

Для концептосферы художественного пространства начала XXI в. значимыми остаются концепт BILDUNG ‘образование’; концепт GLAUBE ‘вера’ утрачивает свое влияние; в ассоциативном поле концепта FERNWEH ‘тоска по путешествиям и дальним странам’ появляются новые признаки — эскапистское и расщепленное сознание. По всей видимости, можно говорить о том, что концепт FERNWEH становится донором для новых ментальных образований VIRTUELLER ESKAPISMUS ‘виртуальный эскапизм’ и PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG ‘расщепление личности’. Культурный феномен и концепт ÜBERMENSCH ‘сверхчеловек’ продолжает эволюционировать. Пандемия, вызванная коронавирусом, стала поворотным моментом, разделившим жизнь на «до» и «после», а концепт CORONA, опредмечивает страх, напоминающий о хрупкости общества изобилия, в котором живет современный человек.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Беданоква З. К. Эвокативность как свойство и жанр имплицативной коммуникации // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия: филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 21—27. [Bedanokva, Zuleikhan K. (2015) Evokativnost' kak svoystvo i zhanr implikativnoy kommunikatsii (Evocativeness as a Feature and Genre of Implicative Communication). *The Bulletin of the Adyge State University*,

- 4 (168), 21—27. (In Russian)].
- Березовская С. С. Концепт Культурного героя как универсалия культуры // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 338. С. 68—71. [Berezovskaya, Sofia S. (2010) *Kontsept Kul'turnogo geroya kak universaliiya kul'tury* (The Concept of a Cultural Hero as a Universal Phenomenon of Culture). *Tomsk State University Journal*, 338, 68—71. (In Russian)].
- Блинова Ю. А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара: Самарский гос. педагогический ун-т, 2007. [Blinova, Yulia A. (2007) *Pretsedentnyye imena sobstvennyye v nemetskom gazetnom diskurse* (Precedential Proper Names in German Newspaper Discourse). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russian)].
- Бодриляр Ж. Общество потребления. М.: Аст, 2021. [Baudrillard, Jean. (2021) *Obshchestvo potrebleniya* (The Consumer Society). Moscow: AST Publishers. (In Russian)].
- Греков М. А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: автореф. дис. ... канд филол. наук: 09.00.13. Омск: Омский гос. педагогический ун-т, 2008. [Grekov, Maksim A. (2008) *Fenomen eskapizma v medianasysychennom obshchestve* (The Phenomenon of Escapism in Media-saturated Society). Extended abstract of PhD thesis in Philosophy. Omsk: Omsk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты. М.: Флинта, 2021. [Kostrova, Olga A.; Bepalova, Elena V.; Blinova, Yulia A. & Omel'kina, Oksana V. (2021) *Nemetskiy khudozhestvennyy tekst: kognitivnyye i lingvokul'turnyye aspekty* (German Literary Text: Cognitive And Linguocultural Aspects). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Медяков А. С. «Хайль Бисмарк!» «Железный канцлер» как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX—XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 201—223. [Medyakov, Aleksandr S. “Heil Bismarck!” “Zheleznyy kantsler” kak simvolicheskaya figura nemetskogo natsionalizma v otкрыtkakh rubezha 19—20 vv. (“Heil, Bismarck!” “The Iron Chancellor” as a Symbolic Figure of German Nationalism in Postcards at the Turn of the 19th to the 20th Centuries). *Siberian Historical Research*, 2018, 2, 201—223. (In Russian)].
- Рулинский В. В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских куль-

- тур. 2013. № 1 (27). С. 46—56. [Rulinskiy, Vasily V. (2013) “Spor istorikov” v Germanii: problema otvetstvennosti za natsistskiye prestupleniya (“Historians’ Dispute” in Germany: The Problem of Responsibilities for the Nazi Crimes). *Bulletin of Slavic Cultures*, 1 (27), 46—56. (In Russian)].
- Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // *Философия и культура*. 2012. № 3. С. 96—107. [Trufanova, Elena O. (2012) Eskapizm i eskapistское soznaniye: k opredeleniyu ponyatiy (Escapism and Escapist Consciousness: Terms and Definitions). *Philosophy and Culture*, 3, 96—107. (In Russian)].
- Флиер А. Я. Символ в культуре: генезис — функции — значимость // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 1. № 1. С. 94—99. [Flier, Andrey Ya. (2016) Simvol v kul'ture: genezis — funktsii — znachimost' (Symbol in Culture: Genesis — Functions — Significance). *Observatory of Culture*, 2016, 1 (1), 94—99. (In Russian)]. doi.org/10.25281/2072-3156-2016-1-1-94-99.
- Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2021. [Chernyavskaya, Valeriya E. (2021) *Tekst i sotsial'nyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya* (Text and Social Context: Sociolinguistic and Discourse Analysis of Sense Production). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Kohlheim, Volker. (2022) Interonymität. Wilhelm Raabes Erzählung Gutmanns Reisen. *Namenkundliche Informationen*, 114, 203—220.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Schlink, Bernhard. (2018) *Olga*. Zürich: Diogenes Verlag AG.
- Zeh, Juli. (2021) *Über Menschen*. München: Luchterhand.

Yu. A. Blinova
Samara National Research University

**Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts
in Contemporary German Literature**

In the paper based on the novels *Olga* by Bernhard Schlink and *Über Menschen* by Juli Zeh precedent names are analyzed from the positions of cognitive linguistics. Precedent names as one of the forms of precedence are an important category in modern fictional discourse. Study of the precedent onomastic space of the fictional discourse allows one to see how intertextual experiences of the author and the reader are formed in the

German linguoculture. Precedent names are evocative and this specific feature allows for their use in the fictional discourse as intertextual and cultural markers as well as a means of verbalization of key moments of the German culture of 20th and 21st centuries. Study of precedent onomastic space allows one to see the basic sources influencing the process of enculturation and defining national cultural space. Analysis of the cultural onomasticon of both novels shows that the type of German linguoculture of the 20th century can be defined primarily as literary, but the 21st century witnesses the significant changes in types of culture. Cultural space shifts to media environment, society is characterized as media-saturated, and culture can be characterized as a screen culture. In fictional discourse of the 21st century it is impossible to trace the enculturation path of the hero, meanwhile the expansion of the Hollywood values from fantasy and disaster films features more prominently. German ethnocultural concepts of ORDNUNG 'order', SICHERHEIT 'security', GEMÜTLICHKEIT 'cosiness' in the fictional discourse of the 20th century are manifested in the form of such cultural concepts as BILDUNG 'education', GLAUBE 'faith'. Concept of VERLORENER TRÄUMER 'lost idealist' becomes donor to the concept of FERNWEH 'wanderlust', while evolving into the concept of ÜBERMENSCH. For the concept sphere of fictional space of the 21st century the concept of BILDUNG 'education' remains relevant, while the concept of GLAUBE 'faith' loses its influence. In the associative field of the FERNWEH 'wanderlust' concept new features appear, namely the split consciousness and the consciousness of the escapist. In all probability one can say that the concept of FERNWEH 'wanderlust' becomes donor to the new mental formations such as VIRTUELLER ESKAPISMUS 'virtual escapism' and PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG 'split personality'. The cultural phenomena and the concept of ÜBERMENSCH continues to evolve. The concept of CORONA objectifies the fear of the modern man, based on the fragility of the affluent society.

Keywords: precedent names; concepts of BILDUNG 'education', GLAUBE 'faith', FERNWEH 'wanderlust', VIRTUELLER ESKAPISMUS 'virtual escapism', PERSÖNLICHKEITSSPALTUNG 'split personality', ÜBERMENSCH, CORONA; fictional discourse; German language

Для цитирования:

Блинова Ю. А. Прецедентный ономастикон и лингвокультурные концепты дискурса новейшей немецкой литературы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 13—32.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-13-32.

To cite this Article:

Blinova, Yulia A. (2024) Precedent onomastikon i lingvokul'turnyye kontsepty diskursa noveyshey nemetskoj literatury (Precedent Onomasticon and Linguocultural Concepts in Contemporary German Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 13—32. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-13-32.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; принята к публикации 24.04.2024

The article was submitted 01.03.2024; accepted for publication 24.04.2024

Т. М. Большакова
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Цель исследования — определение особенностей реализации интертекстуальности в нормативном дискурсе начальных школ ФРГ на основании типологического описания выявленных в нем интертекстуальных отношений. Школьный нормативный дискурс рассматривается как совокупность текстов, основной интенциональной целью которых является регулирование деятельности школьных учреждений. Методология исследования предполагает отбор из нормативных текстов интертекстов, эксплицированных с помощью соответствующих маркеров; выбор критериев, релевантных для проведения типологического описания выявленных видов межтекстового взаимодействия; классификацию интертекстуальных отношений на основании комплекса выбранных критериев. Обнаружено, что при вариативном подходе к выбору фигур интертекста в отдельных текстах в их общем массиве маркеры имплицитной интертекстуальности (аппликации, аллюзии, титульные и адресные ссылки) доминируют над цитатами. Вместе с тем и те, и другие являются средствами риторической интертекстуальности в 37% от общего числа исследованных текстов. Включенность текстов в нормативно-правовую и социально-культурную среду школьной системы образования ФРГ позволяет предположить положительную маркированность нормативного дискурса по отношению к спонтанной интертекстуальности. Продемонстрирована также вариативность подходов нормоотправителей к решению проблемы «интертекстуальной насыщенности» текстов и к отбору текстов-доноров из внутренних и внешних ресурсов учебных заведений. Исследование функционально-прагматического потенциала интертекстов обнаружило их полифункциональность, реализующуюся с помощью информативной, компрессивной, референционной и аргументативной функций, а также функции ценностно-нормативного обоснования предписаний, функции создания единого когнитивно-психологического пространства и функции облегчения доступа к претексту. Исследование в целом показало, что в школьных учреждениях ФРГ отсутствуют универсальные подходы как к выбору в пользу интертекстуальных включений, так и к конкретным способам

их реализации. Теоретическая значимость исследования заключается в попытке разработать многокритериальный подход к типологическому описанию интертекстуальных отношений в текстах, формирующих нормативный дискурс. Практическая значимость обусловлена возможностью применения результатов исследования в практике преподавания немецкого языка, при написании учебных работ по теме интертекстуальных отношений и при создании текстов, целью которых является нормативная регуляция поведения субъектов социального взаимодействия.

Ключевые слова: интертекстуальность; типология интертекстуальных отношений; нормативный дискурс; немецкий язык

1. Введение

Настоящее исследование посвящено изучению специфики реализации интертекстуальности в пространстве школьного нормативного дискурса, сферой функционирования которого являются немецкие учебные заведения начальной ступени. Школьный нормативный дискурс рассматривается как совокупность тематически связанных между собой текстов различных жанров, главной целью которых является нормативная регуляция деятельности всех субъектов педагогического процесса, вовлеченных в институциональное взаимодействие в рамках выполнения ими ряда социальных ролей, обусловленных такими статусами как учитель, непедagogический сотрудник школы, ученик, родитель, опекун, посетитель школы.

Цель исследования заключается в выявлении в текстах, формирующих школьный нормативный дискурс, фигур интертекста, или маркеров интертекстуальных связей, определении типов реализующейся с их помощью интертекстуальности и описании результатов актуализации их функционально-прагматического потенциала, направленного на достижение воздействующего эффекта на определенную целевую аудиторию — учащихся младшего школьного возраста, выступающих в роли субъектов нормы, и их родителей, либо также выступающих в роли субъектов нормы, либо наделяемых ролью посредников и помощников, обязанных осуществлять взаимодействие с учебным учреждением и поддерживать детей при выполнении ими правил, составляющих ценностно-нормативную основу их поведения в рамках конкретного

школьного социума.

Новизна исследования заключается в выявлении интертекстуальных отношений и составлении их расширенной типологии на основе дискурса, который до настоящего времени не выступал объектом рассмотрения в данном аспекте.

2. Характеристика материала и методов исследования

Исследование проводилось на материале 100 текстов, представляющих речевые жанры *Schulregeln* ‘Правила поведения в школе’, и 104 текстов, манифестирующих жанр *Schulordnung* ‘Правила внутреннего распорядка школы’. Тексты были отобраны за период 2020—2023 гг. на Интернет-сайтах начальных школ различных земель ФРГ.

Методология исследования базируется на подходах к определению интертекстуальности, к выделению типов межтекстового взаимодействия и описанию их функционального и прагматического потенциала, представленных в работах И. В. Арнольд (АРНОЛЬД 1999), В. П. Москвина (МОСКВИН 2015; 2021), А. В. Богатырева (БОГАТЫРЕВ 2016), Г. В. Бобровской (БОБРОВСКАЯ 2021).

При проведении исследования использовались дедуктивно-индуктивный метод, методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного, интертекстуального и функционального анализа текста.

3. Типология интертекстуальных отношений

3.1. Типология интертекстуальных отношений как исследовательская проблема

Интертекстуальность, вслед за И. В. Арнольд, понимается нами как свойство текстов, в том числе и школьных нормативных, предполагающее «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий, реминисценций» (АРНОЛЬД 1999: 346). Интертекст рассматривается как текст-реципиент или как фрагмент текста-реципиента, принявший в себя элементы текста-донора или претекста, называемые «инотекстемами» (МОСКВИН 2015: 118). Выявление маркеров интертекстуальных отношений, или «инотекстовых вкраплений» — это лишь один из первых этапов интертекстуального анализа (*ibid.*), предваряю-

щий программу описания способов реализации интертекстуальности в различных текстах, жанрах и дискурсах. Нельзя не согласиться с И. И. Сухих, который утверждает, что «обнаружение интертекстуальной связи требует конкретизировать ее тип», а после обнаружения интертекста считает важным «доказать его неслучайность и объяснить, интерпретировать его новый смысл» (СУХИХ 2018: 30, 35).

Как показывает анализ отечественной и зарубежной научной литературы двух последних десятилетий, проблема типологии интертекстуальных отношений в различных исследовательских контекстах — одна из актуальных в лингвистике (БОГАТЫРЕВ 2016; КРЫСАНКОВ 2023; LUZÓN 2023), в литературоведении (КУЗЬМИНА 1999; СЕРГОДЕЕВ 2020; FORSYTH 2009), методике преподавания школьных и университетских дисциплин (KUMPULAINEN, VASAMA & KANGASSALO 2003; VJÖRK & IYER 2023; BREMNER & COSTLY 2018), лингводидактике и психологии (ZHANG & WANG 2024). Не останавливаясь подробно на широко известных таксономиях интертекстуальных связей Ж. Женетта (G. Genette), М. Пфистера (M. Pfister) и У. Бройха (W. Broich) (см.: [ПОТЫЛИЦИНА 2016; СУХИХ 2018: 29; ЗЕНЕНКО, КУРИЛИНА 2023: 459-460; FORSYTH 2009: 5-6]), обратимся к рассмотрению ряда работ, актуальных для проводимого исследования.

Выявление инотекстем в текстах, с которого начинается интертекстуальный анализ, предполагает также определение фигуры, вводящей инотекстему (МОСКВИН 2015: 118). К фигурам интертекста, используемым в различных дискурсах, относят цитирование, текстовую аппликацию (цитату без указания источника), текстовую аллюзию, парафраз, имитацию (МОСКВИН 2021: 24-26); цитату, цитатное заглавие, эпитаф, аллюзию, реминисценцию (АРНОЛЬД 1999: 364, 366); цитату, заголовок, эпитаф, аллюзию (КРЫСАНКОВ 2023: 62); отсылки *in presentia* (цитату, косвенную речь, референцию, т. е. указание на чужой текст с помощью одного слова или словосочетания) и фоновую ссылку как отсылку *in absentia* (ЧЕРНЯВСКАЯ 2002: 27-28); прямое цитирование, обращение к прецедентным именам, фоновые ссылки, сноски и примечания (РАКИТИНА 2021), цитату и референцию (VJÖRK & IYER 2023). В Интернет-дискурсе выделяют ретвиты, прямые цитаты, резюме,

парафраз, мультимодальные цитаты, например, мемы, гиперссылки на другие сайты и др. (LUZÓN 2023).

Типологическое описание фигур интертекста осуществляется с использованием различных критериев. Так, по степени маркированности и опознаваемости инотекстом различают маркированную и немаркированную (СЕРГОДЕЕВ 2020: 162; SHAW & PECORARI 2013: 42), прямую и косвенную (ZHANG & WANG 2024), эксплицитную и имплицитную интертекстуальность (КУЗЬМИНА 1999: 40; МОСКВИН 2021: 43; WARREN 2013: 15 и др.). К эксплицитным средствам относят цитирование (МОСКВИН 2021: 43), прецедентные имена, прямое цитирование (РАКИТИНА 2021: 151), прямое цитирование, косвенную речь и цитаты (scare quotes), сопровождающиеся ироничным комментарием (SHAW & PECORARI 2013: 38), к имплицитным — аппликацию и аллюзию (МОСКВИН 2021: 43), сноски, фоновые ссылки, примечания (РАКИТИНА 2021: 151), пресуппозицию, отрицание, метадискурс и иронию (SHAW & PECORARI 2013: 38).

Классификации инотекстом по видам источников содержат элементы, варьирующиеся в зависимости от того, в каком дискурсе функционируют тексты-реципиенты. Так, научные тексты содержат отсылки к произведениям ученых-предшественников — представителей различных областей знания. Вектор интертекстуальной активности представителей юридической профессии в судебной и законотворческой сферах направлен на использование инотекстом либо юридической, либо неюридической принадлежности (БОГАТЫРЕВ 2016: 8) в зависимости от сферы специализации, дискурсивной практики и выбора коммуникативной стратегии. Профессиональная коммуникация поддерживается отсылками к опубликованным информационным материалам компаний, к текстам, посвященным государственной политике и бизнесу (NGAI, SINGH & KWAN 2020: 72).

В ряде исследований интертексты дифференцируются в зависимости от того, принадлежит ли претекст к внутреннему или внешнему дискурсу, например, компании (SHAW & PECORARI 2003: 49) или учебного заведения (BAZERMAN 2004: 89-90; LUZÓN 2023).

Беря за основу классификации критерий «цель адресата», В. П. Москвин, вслед за М. Редмондом (M. Redmond) и М. А. Ро-

узом (М. А. Rose), описывает три интенциональных типа интертекстуальности: риторическую (функционально релевантную), преследующую эстетические, эристические или другие цели; спонтанную (функционально иррелевантную), не поддерживаемую специальными приемами и средствами, возникающую между оригиналом и его различными трансформациями, например, переводом или адаптацией; и криптофорную, возникающую в случае использования плагиата (МОСКВИН 2021: 23).

Отмечается также, что введение инотекстом в текст-реципиенты преследует прагматически заданные цели. Их осуществление приводит к актуализации функционального потенциала интертекстуальных отношений, которая обусловлена особенностями текстов различной жанровой и дискурсивной принадлежности. Интертексты в публицистическом дискурсе реализуют имиджевую, идентифицирующую, пояснительно-иллюстративную, полемическую, декоративную, креативную и др. функции (БОБРОВСКАЯ 2021: 207-208). В юридическом дискурсе фигуры интертекста выполняют информативную, референционную, номинативную, пояснительную, структурирующую, компрессивную, аргументативную функции, функцию усиления собственной коммуникативной позиции и др. (БОГАТЫРЕВ 2016: 18-20). Для научного дискурса характерны регулятивная, оппонирующая, аргументирующая, апеллирующая и экспрессивная функции (РАКИТИНА 2021: 172). Среди прагматических функций, реализуемых в дискурсе электронных писем в профессиональной академической коммуникации, определяются функции дистанцирования автора от дискурса, убеждения получателей в необходимости выполнения запрашиваемых действий, подчеркивания своей роли в особых ситуациях, управления взаимопониманием (НО 2011: 2534).

Предлагаемая в исследовании типология интертекстуальных отношений опирается на рассмотренные выше подходы и включает различные критерии, позволяющие описать специфику реализации межтекстового взаимодействия в немецком школьном нормативном дискурсе.

3.2. Типология интертекстуальных отношений в школьном нормативном дискурсе

3.2.1. Типология фигур интертекста по критерию «степень маркированности инотекстемы»

В процессе сплошной выборки в текстах были обнаружены следующие фигуры интертекста: дословная (прямая) цитата, аппликация, аллюзия, в том числе развернутая аллюзия, референция, титульные и адресные ссылки и гиперссылки. Применение критерия «степень маркированности инотекстемы» позволило выявить в школьном нормативном дискурсе два вида интертекстуальности: эксплицитную и имплицитную. В группу эксплицитно маркированной входят прямые цитаты с указанием

— на текст-донор:

- (1) *Auszüge aus dem Schulgesetz. § 46 Rechte und Pflichten der Schülerinnen und Schüler*

(1) Die Schülerinnen und Schüler sind verpflichtet, regelmäßig am Unterricht und an den sonstigen verbindlichen Schulveranstaltungen aktiv teilzunehmen, die erforderlichen Arbeiten anzufertigen und die Hausaufgaben zu erledigen (Fichtelgebirge-Grundschule¹);

— на автора:

- (2) *Wer schaffen will, muss fröhlich sein*

Du wirst es nie zu Tücht'gem bringen

Bei deines GAMES Träumereien,
die Tränen lassen nichts gelingen:

Wer schaffen will, muss fröhlich sein. <...>

Theodor Fontane (1819—1898) (Grundschule Lüchow²).

Немаркированная, или имплицитная, интертекстуальность реализуется посредством

— аппликаций:

- (3) *Kinder brauchen Grenzen und deren konsequente Einhaltung* (Grundschule Weigheim-Mühhausen³).

Цитата графически маркируется кавычками, однако в тексте отсутствует упоминание прецедентного текста или автора;

¹ <https://www.fichtelgebirge-grundschule-berlin.de/schulregeln.html>.

² <https://www.grundschule-luechow.de/darauf-achten-wir>.

³ <https://www.gs-wm.de/unsere-schule/schul-und-hausordnung>.

- аллюзий (например, в виде намека на Золотое правило):
- (4) Meine 10 goldenen Schulregeln (Heinrich-Kielhorn-Grundschule⁴);
- развернутых аллюзий (например, в виде упоминания Золотого правила):
- (5) Wir sind eine Gemeinschaft. Wir behandeln alle so, wie wir selbst behandelt werden wollen. Das ist unsere grundsätzliche Haltung (Grundschule an der Haake⁵);
- референций:
- (6) Verstöße gegen die Schulordnung können schulrechtliche oder straf- und / oder zivilrechtliche Folgen haben (Grundschule Lauenhagen⁶);
- титульных ссылок, указывающих на название текста-донора:
- (7) 5.3. *Ordnungsmaßnahmen gem. §53 SchulG* // Bei nachhaltig herausforderndem Verhalten und mehrmaligen Elterngesprächen sowie bei massiver Fremdgefährdung/Verletzungen/Beleidigungen anderer Kinder verhängen wir Ordnungsmaßnahmen gem. §53 SchulG: Vorübergehender Ausschluss vom Unterricht des laufenden Tages bis hin zu einer Woche (Grundschule Linden⁷);
- адресных ссылок, дополняющих название нормативного претекста информацией об органе, принявшем упоминаемый документ, и о дате его принятия:
- (8) Es ist verboten, gefährliche Sachen mit in die Schule zu bringen (Waffenverbot. Erl. d. Mk. V. 06.08.2014) (Grundschule Moordorf⁸).

В связи с тем, что пространством представления исследуемых текстов является Интернет, некоторые тексты снабжаются также гиперссылками, указывающими на документы, важные для реализации нормативной интенции создателей текстов. Гиперссылки выступают при этом средством перехода к тексту, упоминание которого определяется как титульная ссылка.

⁴ <https://gsvallstedt.de/Schulregeln.pdf>.

⁵ <https://grundschule-an-der-haake.de/unsere-schule/unsere-schulregeln>.

⁶ http://grundschule-lauenhagen.de/wp-content/uploads/2020/02/Schulordnung-GS-Lauenhagen_Stand-Mai-2018.pdf.

⁷ <https://grundschulelinden.de/schulordnung>.

⁸ <https://www.grundschule-moordorf.de/organisation/schulordnung>.

- (9) Damit einer nicht unter der Freiheit des anderen leidet, benötigen die Kinder einige Regeln: *Regeln an meiner Schule* (Grundschule Lüchow).

Анализ материала показал, что маркеры имплицитной интертекстуальности доминируют в исследованных текстах над средствами, реализующими эксплицитную интертекстуальность. Этот факт можно объяснить стремлением адресантов к компрессии школьного нормативного текста.

3.2.2. Типология интертекстуальных отношений по критерию «дискурсивная принадлежность текстов-доноров»

Дифференциация интертекстуальных отношений по дискурсивной принадлежности позволила выявить несколько групп текстов-доноров. Приведенные ниже источники можно разделить также на две большие группы, положив в основу признак принадлежности текстов-доноров к внутренним или внешним ресурсам учебного заведения. Предлагаемая классификация включает такие группы как:

- а) законодательные акты:
 - Конвенция о правах ребенка ООН (UN-Kinderrechtskonvention);
 - нормативные документы законодательных органов Европейского союза, например, Директива о защите персональных данных (Datenschutzgrundverordnung);
 - Школьное (Schulrecht), Гражданское (Zivilrecht) и Уголовное право (Strafrecht) ФРГ;
 - законы о школьном образовании федеральных земель, например, Закон о школьном образовании Нижней Саксонии (Niedersächsisches Schulgesetz), Закон о школьном образовании Баден-Вюртемберга (Schulgesetz für Baden-Württemberg) и др.;
 - постановления или распоряжения министров образования федеральных земель, например, Постановление о посещении школьных занятий в Саксонии (Schulbesuchsordnung), Распоряжение министра образования Нижней Саксонии о запрете приносить в школу оружие (Erlass des Nds. Kultusministers vom 29.06.1977) и др.;
- б) нормативные тексты школьного уровня, например, правила пользования различными объектами на территории школы

(Nutzungsordnung), правила пользования мобильными телефонами (Handynutzung), правила пребывания в здании школы (Hausordnung), правила поведения на переменах (Pausenregeln), правила поведения в классах (Klassenregeln), правила пользования библиотекой (Büchereiordnung), «Новое правило недели» (Neue Regel der Woche), «СТОП-правило» (die STOPP-Regel), список мер дисциплинарного воздействия (Maßnahmenkatalog), порядок действий в чрезвычайных ситуациях (Notfallplan, Alarmplan) и др.;

в) тексты, отражающие базовые подходы к организации образовательно-воспитательного процесса, принятые в школах ФРГ, например, декларация о целях учебного заведения (Leitbild), воспитательная концепция (Erziehungskonzept) и др.;

г) этический дискурс, представленный так называемым «Золотым правилом» (die Goldene Regel) — формулой нравственного поведения, получившей широкое распространение в западноевропейской философии, практической этике и школьном образовании; высказываниями Сократа; афоризмом про свободу, приписываемым Иммануилу Канту и др.

д) педагогические и дидактические материалы, например, распространенная в немецкоязычном школьном пространстве история «Деревня без правил» («Das Dorf ohne Regeln»), используемая при объяснении младшим школьникам важности соблюдения принятых в школе правил; дидактические принципы работы с классом (Classroom-Management) и др.;

е) художественные произведения, например, стихотворение Т. Фонтане и др.

3.2.3. Типология текстов по критерию «интертекстуальная насыщенность текста»

Дифференциация текстов по «интертекстуальной насыщенности» показала отсутствие единого подхода к использованию интертекстуальных включений. Среди проанализированных имеются тексты, как избыточные интертекстами, так и содержащие одну или две отсылки к претекстам. Так, например, в тексте Schul- und Hausordnung der Grundschule Moorriem⁹ присут-

⁹ <https://www.grundschule-moorriem.de/seite/627049/schulordnung-schoolregeln.html>.

ствуют: отсылка к Директиве о защите персональных данных, принятой Европейским парламентом (Datenschutzgrundverordnung); отсылка к Закону о школьном образовании Нижней Саксонии (Niedersächsisches Schulgesetz¹⁰); отсылка к нормативным актам, являющимся приложением к Закону о школьном образовании Нижней Саксонии (Durchführungsbestimmungen zum Niedersächsischen Schulgesetz (RdErl.d.MK v. 1.12.2016)); отсылки к внутренним документам, задающим ценностно-нормативные параметры учебно-воспитательного процесса (Leitbild, Erziehungskonzept, Sicherheitskonzept); отсылка к нормативным документам, регулирующим пребывание людей в школьных помещениях, например, план действий в экстренных ситуациях (Notfallplan). Межтекстовые отношения текста-донора и текстов-реципиентов оформляются в данном случае с помощью титульных и адресных ссылок. Отсылка к школьному, уголовному и гражданскому праву, как следует из приведенного ниже примера, представляет собой референцию — включение в текст-реципиент юридических терминов, сигнализирующих о принадлежности к другим нормативным дискурсам:

- (10) Wer digitale Endgeräte oder sonstige Endgeräte missbräuchlich verwendet (z.B. Persönlichkeitsrechtsverletzung, Urheberrechtsverletzung, Täuschungsversuch) muss mit schul-, straf- und zivilrechtlichen Konsequenzen rechnen (Grundschule Moorriem).

Вместе с тем текст Schulordnung der Gutenberg-Grundschule содержит только титульную ссылку на внутренний нормативный документ (Klassenordnung) и текстовую аппликацию — маркированное кавычками Золотое правило:

- (11) *In der Klasse und während des Unterrichts*
— Es gilt die Klassenordnung.
— Ich denke daran: „Was du nicht willst, dass man dir tu‘, das füg‘ auch keinem anderen zu“ (Gutenberg-Grundschule¹¹).

¹⁰ https://www.lexsoft.de/cgi-bin/lexsoft/justizportal_nrw.cgi?xid=173129,3.

¹¹ <https://www.gutenberg-schule-uhl.de/weitere-informationen/schulordnung>.

Необходимо отметить, что корпус исследованных текстов в целом демонстрирует предпочтения адресантов в пользу умеренной реализации интертекстуальной насыщенности текстов.

3.2.4. Типология интертекстуальных отношений по цели адресантов

Анализ текстов по выявлению интенциональной интертекстуальности показал, что в школьном нормативном дискурсе ФРГ реализуются два типа интертекстуальности: спонтанный и спонтанно-риторический. Спонтанная интертекстуальность школьных нормативных текстов, которая не поддерживается специальными приемами и не маркируется языковыми средствами, отражает адаптивную природу школьных текстов, содержащих предписывающие или запрещающие нормы с опорой на нормативные документы более высокого институционального порядка, например, законы о школьном образовании различных федеральных земель.

Спонтанную интертекстуальность можно проиллюстрировать следующим примером. Так, в § 2 Закона о школьном образовании Нижней Саксонии (Niedersächsisches Schulgesetz, § 2 Bildauftrag der Schule) указывается:

- (12) Schülerinnen und Schüler sollen fähig werden, <...> für die Erhaltung der Umwelt Verantwortung zu tragen und gesundheitsbewusst zu leben... (Niedersächsisches Schulgesetz).

Правила внутреннего распорядка одной из начальных школ Нижней Саксонии содержат нормативные требования, коррелирующие с положением закона:

- (13) Wir lassen Tiere und Pflanzen am Leben. Wir werfen den Müll in die Mülleimer (Grundschule Moorriem).

В исследовании принят за основу тезис о том, что любой нормативно-правовой текст погружен в правовое дискурсивное пространство и, будучи корректно составленным в соответствии с требованиями этого пространства, содержит явные и неявные отсылки к текстам вышестоящих инстанций. В таком случае можно исходить из того, что все исследованные тексты демонстрируют спонтанную интертекстуальность. Следуя Н. А. Кузьминой (Кузьмина 1999: 27), можно утверждать, что все нормативно-правовые акты, принятые до момента создания текста, являются потенциальными текстами-донорами для школьных нор-

мативных текстов и в случае необходимости, признаваемой адресантами, способны предоставить им требуемые инотексты.

Очевидно, что спонтанная интертекстуальность школьных нормативных текстов является также результатом влияния на них как актуальных для современного немецкого социума идей и проблем, например, проблемы толерантности (Toleranz), так и традиционных этических концептов, например, таких как «пунктуальность» (Pünktlichkeit), «порядок» (Ordnung), «любовь к чистоте» (Sauberkeit), «экономность, бережливость» (Sparsamkeit) и др.

Анализ эмпирического материала показал, что 63% от общего числа исследованных текстов, например, 59 из 100 текстов жанра Schulregeln и 69 из 104 текстов жанра Schulordnung, отрицательно маркированы по отношению к риторической текстуальности. Ее реализация в школьном нормативном дискурсе носит, таким образом, факультативный характер, а обращение к ней отражает коммуникативно-прагматическую активность адресантов, которые в соответствии с их программой воздействия на сознание и поведение адресатов признают необходимость реализации интертекстуальных отношений и апеллируют с этой целью к различным претекстам. Риторическая интертекстуальность, представленная в текстах-реципиентах цитатами, аппликациями, аллюзиями, референциями, титульными и адресными ссылками и гиперссылками, напрямую связана с реализацией коммуникативно-прагматических функций (см. ниже п. 3.2.6).

В том случае, если тексты демонстрируют присутствие инотекстем, можно говорить о реализации в них спонтанно-риторической интертекстуальности.

3.2.5. Типология интертекстов по критерию «жанровая принадлежность текста-реципиента»

Анализ выявил отличия в реализации межтекстового взаимодействия, обусловленные жанровой принадлежностью текстов. При создании текстов жанра Schulregeln, предназначенных для регуляции поведения детей на уроках и переменах, предпочтение отдается текстам-донорам, относящимся к «замкнутому миру» (BAZERMAN 2004: 89) школьной интертекстуальности, например, правилам поведения в классе (Klassenregeln); так называемому СТОП-правилу (STOPP-Regel), принятому в шко-

лах ФРГ для предотвращения конфликтов, и используемому в контексте применения этого правила специальному приему — «знаку СТОП» (STOPP-Zeichen). Достаточно активно нормоотправители напоминают младшим школьникам о важности соблюдения Золотого правила, которое включается в тексты в виде цитат, аппликаций и аллюзий. Отсылки к законодательному дискурсу в виде цитат, титульных и адресных ссылок, а также к педагогической, дидактической и художественной литературе занимают периферийное положение.

Интертекстуальность, возникающая в процессе создания текстов жанра *Schulordnung*, имеет другие источники и демонстрирует тем самым особенности, связанные с назначением вышеуказанных жанров. Они предполагают более широкий охват нормативных позиций и обычно включают разделы, посвященные правилам поведения в школе, правилам пользования различными школьными помещениями, мерам воспитательного и дисциплинарного воздействия и др. Доминирующую роль в создании интертекстуальных связей с помощью цитат, аппликаций, титульных и адресных ссылок в таких текстах играют тексты-реципиенты, принадлежащие нормативно-правовому дискурсу. Как правило, они используются адресантами для придания легитимного характера предписаниям, запретам и мерам дисциплинарного воздействия, выступающим в роли санкций в случае потенциального нарушения требований. Затем следуют отсылки к Золотому правилу и к СТОП-правилу, а периферия представлена аппликациями, отсылающими к этическому и педагогическому дискурсам.

3.2.6. Типология коммуникативно-прагматических функций интертекстов

Подобно тому, как в юридическом дискурсе не представляется возможным отделить одну функцию интертекста от другой (БОГАТЫРЕВ 2016: 9), так и в исследуемом дискурсе функциональное пространство интертекстуальности демонстрирует тесное переплетение коммуникативно-прагматических функций, нередко реализуемых одним и тем же интертекстом.

Как показал анализ, универсальной функцией всех интертекстов является информативная. Обращение нормоотправите-

лей к различным претекстам с целью конкретизировать или продублировать основную нормативную информацию поддерживает прагматическую установку на более эффективную реализацию общей стратегии побуждения к нормативному действию, характерной для школьных нормативных текстов.

Компрессивная функция, представленная прежде всего титульными и адресными ссылками на международные, государственные или внутришкольные нормативные документы, а также гиперссылками, способствует исключению из текста избыточной информации и позволяет сократить его объем в соответствии с жанровыми требованиями и потребностями нормоотправителя. Те же интертексты выполняют в школьном дискурсе и референционную функцию, заключающуюся в отсылке к претекстам, которые представляются нормоотправителям важными.

Титульные и адресные ссылки на нормативные документы более высоких правовых инстанций, а также цитаты из них выполняют функцию правовой легитимизации либо предписаний и запретов, либо санкционных мер, предусматриваемых в случае потенциального нарушения учащимися нормативных требований. Эта функция, сигнализирующая о включении в процесс интерпретации нормативных текстов взрослых реципиентов — родителей или опекунов, — имеет значительный прагматический вес, так как несоответствие нормативных требований, предъявляемых школьникам, действующему законодательству или игнорирование положений законов приводит к юридическим противоречиям между школьным учреждением и его клиентами. Функция ценностно-нормативной поддержки предписаний реализуется интертекстами, которые содержат отсылки к внутришкольным документам концептуального характера, определяющим образовательно-воспитательные цели и задачи учебного заведения, к Золотому правилу, к педагогической и дидактической литературе.

Коммуникативно-прагматическая функция создания с помощью интертекста единого с адресатом-ребенком когнитивно-психологического коммуникативного пространства реализуется в тех случаях, когда адресанты оперируют инотекстемами в соответствии с дидактическим принципом возрастосообразности. Маркерами этой функции выступают цитаты или аппликации,

отсылающие к текстам-донорам, хорошо знакомым детям младшего школьного возраста.

Аргументативная функция, отражающая реализацию коммуникативной стратегии аргументирования (БОЛЬШАКОВА 2022), которая направлена на убеждение адресатов в необходимости выстраивать их повседневную школьную жизнь в соответствии с предлагаемыми нормативными моделями, осуществляется интертекстами, включающими отсылки к текстам-донорам различной дискурсивной принадлежности. Так, законодательные акты различных уровней используются с целью отбора аргументов к деонтическому авторитету. Их применение свидетельствует о стремлении адресантов усилить воздействие на адресата с помощью указания на конкретные документы, придающие предписаниям нормативно-правовую значимость. Содержательный анализ текстовых фрагментов, принимающих интертекстуальные включения, показал, что обращение к законам призвано подчеркнуть серьезность намерений авторитетов нормы при описании нормативных ситуаций, в которых игнорирование декларируемых норм может угрожать безопасности, порядку, бесконфликтному и бесперебойному проведению учебного процесса.

Функция облегчения доступа к претексту закреплена за гиперссылками, которые в отличие от обычных титульных и адресных ссылок направляют заинтересованного адресата на полнотекстовый вариант донора.

4. Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что специфика использования средств интертекстуальности в проанализированных текстах школьного нормативного дискурса ФРГ проявляется в следующих позициях:

1) номенклатура фигур интертекста представлена цитатами, текстовыми аппликациями, аллюзиями, титульными и адресными ссылками, а также гиперссылками;

2) тексты-реципиенты демонстрируют вариативность подходов адресантов к выбору фигур интертекста в каждом отдельном случае, однако средства имплицитной интертекстуальности доминируют над маркерами эксплицитной в общем кор-

пуге исследованных текстов;

3) тексты-доноры принадлежат как к внутренним, так и внешним ресурсам учебных заведений;

4) тексты-реципиенты обнаруживают вариативность подходов нормоотправителей к формированию «интертекстуальной насыщенности», к выбору в пользу одной или нескольких инотекстемы, что приводит к неравномерной концентрации интертекстов в различных текстах;

5) все тексты позволяют предположить наличие спонтанной интертекстуальности;

6) 63% текстов нашего корпуса демонстрируют отрицательную маркированность по отношению к риторической интертекстуальности, свидетельствующую об отсутствии универсальных подходов в системе немецкого начального школьного образования к реализации интертекстуальности;

7) жанровая принадлежность текстов обуславливает доминирование инотекстем из тех или иных текстов-доноров;

8) одни и те же интертексты реализуют различные коммуникативно-прагматические функции, что говорит об их полифункциональности.

Таким образом, можно сделать вывод, что интертекстуальность в нормативном дискурсе начальных школ ФРГ представляет собой потенциально присущее всем текстам свойство взаимодействия с текстами различной дискурсивной принадлежности. Его актуализация зависит от представлений нормоотправителей о прагматической целесообразности выбора в пользу применения средств риторической интертекстуальности или ее игнорирования. Реализация риторической интертекстуальности в том или ином виде обусловлена правовой, профессиональной и коммуникативной компетентностью педагогов — представителей конкретных школ, накопленным ими педагогическим опытом, а также сложившимися в учебных заведениях традициями по оформлению нормативных текстов, обращенных к детям и родителям.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей. СПб.: СПбГУ, 1999. [Arnold, Irina V. (1999) *Semantika. Stil-*

- istika. Intertekstual'nost'* (Semantics. Stylistics. Intertextuality). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Бобровская Г. В. Интертекстуальность и фигуры интертекста в публицистическом дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / научн. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта, 2021. С. 203—220. [Bobrovskaya, Galina V. (2021) *Intertekstual'nost' i figury interteksta v publitsisticheskom diskurse* (Intertextuality and Intertext Figures in Journalistic Discourse). In: Kolokol'tseva, Tatiana N. & Moskvina, Vasiliy P. (eds) *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* (Intertextuality and Intertext Figures in Different Types of Discourses). Moscow: Flinta, 203—220. (In Russian)].
- Большакова Т. М. Аргументативное пространство педагогического нормативного дискурса (на материале немецкого языка) // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2022. № 2 (33). [Bolshakova, Tatiana M. (2022) *Argumentativnoye prostranstvo pedagogicheskogo normativnogo diskursa (na materiale nemetskogo yazyka)* (Argumentative Space of the Pedagogical Normative Discourse (based on German)). *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*. 2 (33). (In Russian)]. doi: 10.51955/23121327_2022_2_91
- Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград: Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, 2016. [Bogatyrev, Aleksandr V. (2016) *Funktsionirovaniye figur interteksta v sovremennom yuridicheskoy diskurse* (The Functioning of Intertext Figures in Modern Legal Discourse). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Social and Pedagogical University. (In Russian)].
- Зененко Н. В., Курилина Т. В. Категория интертекстуальности в новостных португальских и испанских цифровых медиа: вопросы типологии // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3 (100). С. 458—461. [Zenenko, Natalya V. & Kurilina, Tamara V. (2023) *Kategoriya intertekstual'nosti v novostnykh portugal'skikh i ispan'skikh tsifrovyykh media: voprosy tipologii* (The Category of Intertextuality in Portuguese and Spanish Digital News Media: Typology Issues). *The world of Science, Culture and Education*, 3 (100), 458—461. (In Russian)].
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т; Омск: Омский

- гос. ун-т, 1999. [Kuzmina, Natalya A. (1999) *Intertekst i yego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* (Intertext and Its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language). Yekaterinburg: Ural State University; Omsk: Omsk State University. (In Russian)].
- Москвин В. П. Методика интертекстуального анализа // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2015. № 3 (98). С. 116—121. [Moskvin, Vasilii P. (2015) Metodika intertekstual'nogo analiza (Methodology of Intertextual Analysis). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (98), 116—121. (In Russian)].
- Москвин В. П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта, 2021. С. 16—51. [Moskvin, Vasilii P. (2021) Teoriya intertekstual'nosti: kategorial'nyy apparat (Intertextuality Theory: Categorical Apparatus). In: Kolokol'tseva, Tatiana N. & Moskvin, Vasilii P. (eds) *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* (Intertextuality and Intertext Figures in Different Types of Discourses). Moscow: Flinta, 16—51. (In Russian)].
- Потылицина И. Г. Типология интертекстуальных отношений // Профессиональное образование и общество. 2016. № 1 (17). С. 74—83. [Potylitsina, Irina G. (2016) Tipologiya intertekstual'nykh otноsheniy (The Typology of Intertextual Relations). *Professional Education and Society*, 2016, 1 (17), 74—83. (In Russian)].
- Ракитина С. В. Интертекстуальность в научном дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / научн. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: Флинта, 2021. С. 148—174. [Rakitina, Svetlana V. (2021) Intertekstual'nost' v nauchnom diskurse (Intertextuality in Scientific Discourse) In: Kolokol'tseva, Tatiana N. & Moskvin, Vasilii P. (eds) *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursakh raznykh tipov* (Intertextuality and Intertext Figures in Different Types of Discourses). Moscow: Flinta, 148—174. (In Russian)].
- Сергодеев И. В. Динамика смыслового комплекса интертекстуальных единиц в поэтическом тексте. М.: Флинта, 2020. [Sergodeyev, Ilya V. (2020) *Dinamika smyslovogo kompleksa intertekstual'nykh yedinit v poeticheskoy tekste* (Dynamics of the Semantic Complex of Intertextual Units in a Poetic Text). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Сухих И. Н. О границах интертекстуальности: чеховский текст и «интертекст» (несколько положений) // Интертекстуальный анализ:

- принципы и границы / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 26—35. [Sukhikh, Igor N. (2018) O granitsakh intertekstual'nosti: chekhovskii tekst i "intertekst" (neskol'ko polozhenii (On the Problem of Intertextuality Borders: Several Remarks). In: Karpov, Aleksandr A. & Stepanov, Andrey D. (eds) *Intertekstual'nyy analiz: printsipy i granitsy* (Intertextual Analysis: Principles and Boundaries). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 26—35. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Научный текст и его филологическая интерпретация. СПб.: СПбГУЭФ, 2002. [Chernyavskaya, Valeriya Ye. (2002) *Nauchnyy tekst i yego filologicheskaya interpretatsiya* (Scientific Text and Its Philological Interpretation). Saint Petersburg: UNECON. (In Russian)].
- Bazerman, Charles. (2004) Intertextuality: How texts rely on other texts. In: Bazerman, Charles & Prior, Paul A. (eds) *What Writing Does and How It Does It: An Introduction to Analyzing Texts and Textual Practices*, 83—96. London: Lawrence Erlbaum.
- Björk, Oscar & Iyer, Radha. (2023) The Dialogism of 'telling': Intertextuality and Interdiscursivity in Early School Writing. *Linguistics and Education*, 74. doi: 10.1016/j.linged.2023.101168.
- Bremner, Stephen & Costly, Tracey. (2011) Bringing Reality to the Classroom: Exercises in Intertextuality. *English for Specific Purposes*, 52, 1—12. doi: 10.1016/j.esp.2018.05.001.
- Forsyth, Neil. (2009) Introduction: From Imitation to Intertextuality. *Nordic Journal of English Studies*, 8 (2), 1—8. doi: 10.35360/njes.187
- Ho, Victor. (2011) What Functions do Intertextuality and Interdiscursivity serve in Request E-mail Discourse? *Journal of Pragmatics*, 43 (10), 2534—2547. doi: 10.1016/j.pragma.2011.04.002.
- Kryachkov, Dmitriy. (2023) Intertextuality in Media Texts. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*, VIII (1) Special issue, 62—78. doi: 10.34135/lartis.23.8.1.05.
- Kumpulainen, Kristiina; Vasama, Satu & Kangassalo, Marjatta. (2003) The Intertextuality of Children's Explanations in a Technology-enriched Early Years Science Classroom. *International Journal of Educational Research*, 39, 793—805. doi: 10.1016/j.ijer.2004.11.002.
- Luzón, Mariá-Hosé. (2023) Forms and Functions of Intertextuality in Academic Tweets Composed by Research Groups. *Journal of English for Academic Purposes*, 64. doi: 10.1016/j.jjeap.2023.101254
- Ngai, Cindy Sing Bik; Singh, Rita Gill & Kwan, Becky Siu Chu. (2020) A Comparative Study of the Linguistic Manifestations of Intertextual-

- ity in Corporate Leaders' Messages of Global Corporations in the US and China. *English for Specific Purposes*, 60, 65—84. doi: 10.1016/j.esp.2020.05.002.
- Shaw, Philip & Pecorari, Diane. (2013) Types of Intertextuality in Chairman's Statements. *Nordic Journal of English Studies*, 13 (1), 37—64. doi: 10.35360/njes.275.
- Warren, Martin. (2013) “Just spoke to ...”: The Types and Directionality of Intertextuality in Professional Discourse. *English for Specific Purposes*, 32 (1), 12—24. doi: 10.1016/j.esp.2023.02.005.
- Zhang, Lei & Wang, Jing. (2024) To be like a “Scholar”: A Study on the Construction of Authorial Identity of Chinese EFL Learners in Academic Writing: an Intertextuality Perspective. *Frontiers in Psychology*, 14. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1297557.

Tatiana M. Bolshakova
Herzen Russian State Pedagogical University

Typology of Intertextual Relations in German School Normative Discourse

The purpose of the study is to identify the features of the functioning of intertextuality in the normative discourse of German primary schools on the basis of a typological description of the intertextual relations detected in it. School normative discourse is considered as a set of texts, whose main intentional purpose is to regulate the activities of school institutions. The methodology of the study involves the selection of intertexts from normative texts, explicated with the help of appropriate markers; selection of criteria relevant for typological description of the identified types of intertextual interaction; classification of intertextual relations on the basis of a set of selected criteria. It has been found that with a variable approach to the choice of intertext figures in individual texts in the general array of texts, markers of implicit intertextuality (applications, allusions, title and address references) dominate over quotations. At the same time, both of them are means of rhetorical intertextuality, revealed in 37% of the total number of texts studied. The inclusion of texts in the normative, legal and socio-cultural environment of the German school education system suggests a positive marking of normative discourse in relation to spontaneous intertextuality. The variability of the approaches of norm-setters to solving the problem of “intertextual saturation” of texts and to the selection of donor texts from the internal and external resources of educational institutions is also demonstrated. The study of the functional and pragmatic po-

tential of intertexts has revealed their polyfunctionality, which is discovered with the help of informative, compressive, referential and argumentative functions, as well as the function of value-normative justification of prescriptions, the function of creating a common cognitive-psychological space and the function of facilitating access to the pretext. Overall, the study showed that German schools lack universal approaches to both the choice of intertextual inclusions and the specific ways of implementing them. The theoretical significance of this research lies in the attempt to develop a multi-criteria approach to the typological description of intertextual relations in texts that form normative discourse. The practical significance is due to the possibility of applying the study results in teaching practice, in writing educational works on the topic of intertextual relations and in the creation of texts aimed at normative regulation of the behavior of subjects of social interaction.

Keywords: intertextuality; typology of intertextual relations; normative discourse; German language

Для цитирования:

Большакова Т. М. Типология интертекстуальных отношений в немецком школьном нормативном дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 33—54.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-33-54.

To cite this Article:

Bolshakova, Tatiana M. (2024) Tipologiya intertekstual'nykh otnosheniy v nemetskom shkol'nom normativnom diskurse (Typology of Intertextual Relations in German School Normative Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 33—54. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-33-54.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; принята к публикации 25.04.2024

The article was submitted 26.02.2024; accepted for publication 25.04.2024

О. И. Быкова

Воронежский государственный университет

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОННОТАЦИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Статья посвящена проблеме дискурсивной обусловленности проявления коннотативности, что является перспективой исследования коннотации как многомерного, многофункционального лингвопсихологического феномена в рамках полипарадигмальности современного языкознания на уровнях: семантическом, прагматическом, когнитивно-дискурсивном. В основе порождения коннотации лежит многоуровневая модель языкового знака, предложенная отечественными и зарубежными исследователями, в различных условиях его трансформации. Интерпретационный потенциал коннотации, универсальной семантической категории как смыслообразующей структуры высказывания рассматривается с позиции значимости специфических особенностей коннотации: двойственная природа коннотации, онтологически определяемая взаимодействием экстралингвистических и обусловленных строем языка факторов функционирования языковых единиц в определенном лингвокультурном пространстве, переосмысление объекта высказывания в зависимости от интенции отправителя информации, проявление рефлексии в процессе обработки человеческим сознанием поступающей информации из мира действительности. Способы выражения коннотативности могут быть: а) вербальными, имплицитными при выборе языковых средств в иллокуции (направленности на выражение цели высказывания) и в перлокуции (направленности на воздействие на сознание или поведение адресата); б) эксплицитными в аспекте метакоммуникативной тематизации дискурса. Несмотря на наличие определенной заданности коннотативной маркированности микроструктур отдельного текста религиозного дискурса в дискурсивных практиках могут актуализироваться новые смыслы, незафиксированные в словарной статье конкретной лексической единицы, свидетельствующие о взаимообусловленности макроструктур дискурса, типа текстов, микроструктур текстов. Рассматриваются возможности трансформации смысла высказывания под влиянием преднамеренной интенции отправителя информации, изменений на уровне лексических микроструктур текста: изменение словообразовательной структуры слова; употребление инноваций, имплицитующих экспрессивную образность, оценку эмоционального

восприятия, лингвокультурологическую принадлежность; влияние интертекстуальности на формирование смысла высказывания. Дискурсивная обусловленность интерпретационного потенциала коннотации проиллюстрирована на материале текстов институционального дискурса (в основном политического) и отдельных типов публицистических текстов.

Ключевые слова: коннотация; интерпретационный потенциал; дискурс; макроструктура текста; микроструктура текста; иллокуция; перлокуция

1. Введение

В решении проблемы о роли коннотации в актуализации смысла высказывания рассмотрение знаний и представлений коммуникантов в процессе социальной активности познающего субъекта как проявление рефлектирующей, сознательной, намеренной деятельности человека ставит исследователей перед необходимостью обращения к изучению интерпретационного потенциала порождения коннотативности в дискурсе. В рамках широкой антропоцентрической парадигмы исследования языковых сущностей и динамичности их проявления важно рассмотрение взаимообусловленности функционирования микроструктур и макроструктур дискурса. Дискурс обеспечивает взаимодействие системного, узуального и инновационного начал языка. В дискурсивной деятельности могут проявляться новые смыслы, не всегда эксплицируемые языковыми средствами.

В ментальной рефлексирующей деятельности человека при восприятии, категоризации предметов и явлений мира и способов их номинации в языковом сознании именно лексические категории обладают значительным интерпретационным потенциалом. Акцентируя их роль как когнитивного контекста и коллективных схем интерпретации мира, Н. Н. Болдырев отмечает *принцип единства многообразия*, который и раскрывает их интерпретирующий потенциал:

Они интерпретируют мир как широкое многообразие сходных объектов и событий, обладающих одновременно определенными отличительными характеристиками (БОЛДЫРЕВ 2019: 304).

Важным моментом является признание связи между лексической категорией (как ментальным образованием) и лексико-

семантической категорией как языкового феномена, отражающего специфику выражения номинации объекта восприятия мира в языковом сознании реципиента, участвующего в коммуникации. Это может быть основанием для актуализации коннотации лексико-семантическими смыслообразующими микроструктурами текста в определенном дискурсе.

Необходимо признать, что коннотация в широком понимании является универсальной семантической категорией смыслообразующей структуры высказывания. В основе порождения коннотации лежит трансформация языкового знака или сочетаемости знаков. Интерпретационный потенциал коннотации нужно рассматривать с позиции полипарадигмального исследования (БЫКОВА 2021a) на семантическом, прагматическом, когнитивно-дискурсивном уровнях с учетом значимости следующих специфических особенностей коннотации.

1. Двойственная природа коннотации онтологически определяема взаимодействием экстралингвистических и языковых особенностей, обусловленных строем языка, факторами функционирования языковых единиц в определенном лингвокультурном пространстве.

2. Комплексный характер выражения отношения пользователя языка (интерпретатора) к языку в процессе вторичного семиозиса позволяет рассматривать интерпретируемость как способность знака содержать интерпретанту.

3. Переосмысление объекта высказывания носит интерпретативный характер.

4. Способы выражения коннотации могут быть: а) вербальными имплицитными при выборе лексем, тематически сопряженных, в иллокуции (направленности на выражение цели высказывания) и перлокуции (направленности на воздействие на сознание или поведение адресата); б) эксплицитными (способ метакоммуникативной тематизации дискурса).

5. Креативность и динамизм проявления рефлексии адресанта высказывания является важной исходной ментальной операцией в процессе обработки человеческим сознанием поступающей информации из мира действительности (БЫКОВА 2015: 831-833).

6. В дискурсивных практиках могут актуализироваться новые смыслы, не зафиксированные в словарной статье конкретной лексики.

7. Нелокализованность и разлитость формы проявления коннотации по всему тексту создает эффект подтекста (ТЕЛИЯ 1990: 236).

8. В семантику языковых единиц интегрирована аргументативная прагматика, определяющая взаимообусловленность макроструктур дискурсов, типов текстов, микроструктур текста.

9. Гетерогенность коннотативного потенциала лексических единиц, разнообразие способов номинации, вариативность их функционирования обусловлена проявлением фундаментального принципа вариативности: диахронической, диатопической, диастратической и диамедийной вариативности в лингвокультурном пространстве языка в зависимости от цели и условий коммуникативной деятельности (БЫКОВА 2013).

На необходимость изучения трансформации дискурсивно обусловленных немецкоязычных языковых средств в зависимости от конкретных общественно-политических изменений указывают германисты.

Gesellschaftliche Umbrüche in Deutschland sind durch die Corona-Pandemie 2020/21 stark in das Bewusstsein der Öffentlichkeit gerückt. Politische Institutionen, Parteien und Medien gebrauchen einen Wortschatz, der neue, bis dahin kaum bekannte Formulierungen enthält (LACHNEIN, AWERKINA, NIKONOWA 2022: 242).

2. Характеристика материала исследования

Материал исследования представлен иллюстративными данными, опубликованными в основном в политическом дискурсе и текстах публицистического жанра, а также периодическом издании *Der Sprachdienst* Общества немецкого языка (die Gesellschaft für die deutsche Sprache, Wiesbaden, Deutschland) в разделах «Wörter des Jahres» (WdJ) и «Zeitwort» (список приводится в конце работы).

3. Описание методов исследования

Изучение возможностей актуализации коннотативного потенциала языковых единиц в дискурсивных практиках определяет направленность нашего исследования к полипарадигмаль-

ному подходу (БЫКОВА 2021а, 61-66) при описании языковых данных в их взаимодействии с неязыковыми факторами, влияющими на результат высказывания. С этой целью применяется целый комплекс методов: метод лексикографического описания, метод компонентного анализа содержательной структуры и словообразовательной модели лексем; метод этимологического анализа; метод контекстуального анализа в широком понимании используется для исследования: 1) непосредственного языкового окружения рассматриваемой единицы как микроструктуры в текстовом целом (макροструктуре); 2) влияния культурного контекста, экстралингвистических данных, конкретной исторической ситуации, влияющих на порождение интерпретационного потенциала коннотативности в дискурсе. Когнитивно-дискурсивная парадигма (в силу своей интегративности) позволяет учитывать когнитивные и коммуникативные особенности функционирования языка.

4. Смыслообразующий потенциал коннотации в тексте

Немецкий ученый Дитер Фивегер предложил понятие коннотативной потенции языкового знака («konnotative Potenz»). Коннотативная потенция определяется Фивегером как свойство содержательной структуры знака, отражающей не признаки предмета объективной реальности или отношение, эмоции пользователя знаком к отражаемому объекту, а предписанное знаку место в нормативной системе способов социально значимого употребления средств языка: «...die Einordnung des betreffenden Zeichens in ein Normensystem der sozialen Verwendungsweisen sprachlicher Mittel» (VIEHWEGER 1977: 101).

В этом отношении важно отметить, что Готтхард Лерхнер в своих рассуждениях о принципиально важном деятельностном характере (Tätigkeitscharakter) каждого коммуникативного акта в общении обращает особое внимание на специфику деятельности реципиента:

Dadurch dass das 'Modell der Welt' ebenso wie das 'Modell kommunikativen Handelns' für den Rezipienten <...> repräsentiert <...> werden kann, übt sie auf diese Weise für den Rezipienten immer vorhandene Differenz zwischen Vorgabe und realen Ergebnissen rezeptivkommunikativen Handelns eine pragmatische Appellfunktion

aus... (LERCHNER 1987: 64).

В этом случае речь идет не о лексикализованной, имманентной системе языка коннотации, а о коннотации как особом свойстве смыслообразующего лексического микрокомпонента текста.

Прагматика и семантика не могут быть строго отграничены друг от друга, так как аргументативная прагматика интегрирована в семантику языковых единиц, т. е. важное место занимает рассмотрение причин и следствий: взаимообусловленности функционирования микроструктур в определенных типах текстов, тематизации смысла макроструктур дискурсов.

Для нашего изучения дискурсивных особенностей коннотативного потенциала языковых единиц важно выделение В. И. Карасиком институционального дискурса, где противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения, разновидности дискурса, в том числе и имеющего отношение к предмету исследования — политического дискурса (КАРАСИК 2007: 351). Противопоставляя типы дискурса по признаку интерпретативной глубины, Карасик приходит к выводу, что «существует дискурс, не предполагающий поиск такого смысла, и дискурс, очевидным признаком которого является скрытый смысл» (КАРАСИК 2010: 310). Показательно и его замечание об *эпонимах* (*ibid.*: 119) как предельно лабильных смысловых образованиях с ситуативно обусловленным семантически размытым содержанием и яркой эмоциональной составляющей (*ibid.*: 310).

Изучение дискурсивно обусловленных языковых сущностей, форма и содержание которых не только определяются дискурсом, но и одновременно являются *заданностью* (нем. *die Vorgabe*) дискурса, предполагает, что вариативность языковых, текстотипологических и дискурсивных объектов может быть объяснена исходя из (языковых сущностей) значения (инвариантности). В трактовке Хольгера Куссе это явление обозначено как «*partieller Kontextualismus*» (КУССЕ 2012: 98) При этом он особо отмечает:

Im partiellen Kontextualismus werden die semantischen Invarianten von sprachlichen Ausdrücken ermittelt, die mit der Invarianz von Diskursen, Textsorten, Sprechhandlungen und Äußerungssituationen interagieren. <...> In der kulturwissenschaftlich ausgerichteten

Linguistik ist in meinem Verständnis, für die der partielle Kontextualismus die semantische Grundlagentheorie darstellt, werden sprachliche Einheiten vor allem als diskursiv-sensitiv beschrieben (KUBE 2014: 60).

Приведем примеры заданности лексики в религиозном дискурсе.

- (1) der Gute Hirte (bibl.) Benennung Christi im Neuen Testament (DUW 1996: 721).
- (2) Hölle, die (Rel.) *Ort der ewigen Verdammnis für die Sünder, Ort des Teufels* (DUW 1996: 731).
- (3) Lamm Gottes christl. Rel.: *Agnus. Del* (DUW 1996: 922).
- (4) Paradies, das (o. Pl.) (Rel.) a) *(nach dem Alten Testament) als eine Art schöner Gärten mit üppigem Pflanzenwuchs u. friedlicher Tierwelt gedachte Stätte des Friedens, des Glücks u. der Ruhe, die den ersten Menschen als Lebensbereich gegeben wurde, Garten Edem* (DUW 1996: 1119).

Религия выступает как форма знаний о смысле существования мира и собственной жизни человека. Оценочная коннотация смыслообразующих единиц интенционально обусловлена определенной дискурсивной заданностью их функционирования в контексте под влиянием внеязыкового фактора. В религиозном дискурсе можно обнаружить аксиологическую оппозицию: область трансцендентного (невидимый мир) может иметь: а) положительную оценку: der Gute Hirte, das Paradies, Lamm Gottes; б) отрицательную оценку: die Hölle.

В дискурсе, социально обусловленной речевой деятельности человека, номинанты с большей вариативностью знаковой объективации феномена культуры во вторичной рефлексии носителями языка и культуры обладают более широким коннотативным диапазоном. Очень конструктивным считаю предложение Герды Ресслер рассматривать в многоуровневой модели типов коннотаций прагмадифференциальные (pragma-differentielle) коннотации, связанные с ролью коммуникантов, спецификой межличностного общения, коммуникативной стратегией отправителя, интерпретативной стратегией получателя информации.

Классификационная модель Ресслер вносит, на наш взгляд, важные моменты в развитие теории коннотации: 1) комплексная многомерная, многоуровневая модель интегрирует компоненты трех типов моделей: семиотической, семантической и коммуни-

кативно-теоретической; 2) представляет собой открытую систему константных и вариативных компонентов коннотации и включает факторы, определяющие коммуникативный репертуар отправителя и получателя информации; 3) она построена с учетом прагматических условий возникновения коннотации и при описании прагмадифференциальных коннотаций включает три элемента вариативности: ситуацию, контекст и горизонт. Под горизонтом понимается совокупность энциклопедических знаний («Vorwissen»), опыта и ожиданий коммуникантов, их позиции и интересы (RÖBLER 1979). Это позволяет рассматривать типы коннотаций как подвижные, реагирующие на социальные факты и исторические изменения коннотативные образования.

In einem konkreten Kommunikationsakt stellen die pragmatischen Konnotationen ein Differenzierungsprogramm dar auf Seiten des Empfängers und ein Steuerungsprogramm auf Seiten des Senders in Bezug auf die Selektion einer bestimmten Explikativmenge, einer gegebenen Denotation unter gewissen pragmatischen Bedingungen (ibid.: 148).

В этом отношении важным для нашего исследования выступает постулат: «Коннотации — своего рода “прагматические полуфабрикаты”, которые при реализации в высказывании придают субъективную модальность» (ТЕЛИЯ 1990: 236).

Референция говорящего, т. е. отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекает из намерения (интенции) адресанта и адресата (БЫКОВА 2021б). В теории речевых актов Джон Остин (ОСТИН 1986) выделяет три типа действий, протекающих одновременно: локутивный (локуция), иллокутивный (иллокуция), перлокутивный (перлокуция). Локуция — этап лингвистического выражения высказывания с помощью языковых средств. Иллокуция — прагматический коммуникативно-интенциональный компонент смысла высказывания. Перлокуция — эффект, производимый речевым актом, состоящий в воздействии на чувства, мысли и действия реципиентов, воспринимающих дополнительные средства высказывания, достижения какого-то результата, намеренном воздействии на адресата. Заслуга Остина в том, что процесс говорения был рассмотрен не как сочетание общепринятых символов, построен-

ное по определенным фонетическим, семантическим и синтаксическим правилам и отражающее положение дел в окружающей действительности, отвечающее за субъективный характер, а как продукт индивидуального словотворчества, обусловленный личностными качествами говорящего и стоящими перед ним целями и задачами, т. е. поставленный в прямую зависимость от его производителя — субъекта. Учитывая, что коннотация является дополнительно заложенным смыслом в текстовых выражениях, происходит воздействие на сознание реципиента, формирование у него определенного эмоционально-оценочного суждения. Речь может идти о конечной цели, переложении, стратегии персуазивной коммуникации (стратегии убеждения актанта). В основе организации высказывания лежит направленность воздействия языковых средств на адресата, ориентация на достижение цели, оценка содержания высказывания, что находит обоснованное подтверждение в суждении лингвистов:

Unter *Sprachlenkung* versteht man das Ziel, Dimensionen, Beobachtungen und Wertungen in der Öffentlichkeit und letztlich in der Allgemeinsprache so durchzusetzen, dass sie in den eigenen Interessen, der eigenen Ideologie dienen. Sprachlenkung als Instrument der Unterdrückung und Manipulation wird insbesondere mit totalitären Systemen in Verbindung gebracht, findet sich aber ansatzweise in allen Gesellschaftssystemen (MATTHIAS & SCHLOBINSKI 2020: 146).

5. Результаты исследования и их обсуждение

В предлагаемой статье рассматриваются дискурсивные характеристики гетерогенности коннотативного потенциала немецкоязычных лексических единиц в текстах институционального политического дискурса.

На семантико-прагматическом уровне политических текстов особенно ярко проявляется роль языка в социально ориентированной деятельности коммуникантов: «die konstitutive Rolle der Sprache für Zustände und Veränderungen des öffentlichen Bewußtseins» (STÖTZEL 1995: 10). Следует отметить конструктивность размышлений Георга Штетцеля о необходимости исследования именно семантико-прагматического уровня функционирования языковых знаков:

Wir wollen in unserer Sprachgeschichte Sprache in einer ihrer wesentlichen Funktionen aufzeigen: In der auf der Arbitrarität sprachlicher Zeichen beruhenden realitätskonstitutiven und handlungsorientierten Funktion. <...> Wir wollen zeigen, wie Sprachgebrauch in das Handeln gesellschaftlicher Gruppen eingebettet ist, d. h. wir wollen zu konkreten Interpretationen der Rolle der Sprache im sozialen Handeln kommen (ibid.: 10).

В ходе изучения нами фактов проявления интерпретативного потенциала коннотации в текстах политического дискурса и в публицистических текстах на уровне лексических микроструктур высказывания выявлена специфика функциональной обусловленности способов выражения коннотативности. Для иллюстрации приведем примеры, в целом относящиеся к семантическому полю обозначения явлений политической, социальной, финансовой ситуации в Германии за последние годы.

1. Намеренное изменение, вносимое говорящим в структуру уже существующей в языке словообразовательной модели лексической единицы.

- (1) Unversehens gelang es dagegen im Herbst letzten Jahres der deutschen Bundeskanzlerin, die Wirklichkeit zu benennen. Sie kreierte dafür einen Begriff, der in seiner Unerhörtheit regelrecht betreffend wirkte, Angela Merkel kombinierte das Adjektiv „*marktkonform*“ mit „*Demokratie*“. Dafür verdient sie Anerkennung. <...> Und man braucht keine Etymologie zu bemühen, um zu erkennen, dass eine *marktkonforme Demokratie* keine Demokratie mehr ist. <...> Denn nun lässt sich auch leichter die Gegenposition formulieren, nämlich das, was man nottut: „*demokratiekonforme Märkte*“. Wollen wir ökonomisch, sozial, ökologisch und ethisch überleben, brauchen wir *demokratiekonforme Märkte* (SCHULZE 2012: 17).

Изменения в атрибутивных композитах *marktkonform* и *demokratiekonform*: изменение места компонентов и их функций — определяющего компонента *markt-* и основного компонента *Demokratie* являются основанием для актуализации коннотации, вызывающей в сознании реципиента противоположную оценку общественно-политических явлений: подмену представлений о подлинной демократии в обществе.

- (2) Diese intentionalen Dimensionen sind nicht trennschart und bergen zudem ein hohes Potenzial für evaluative Konnotate, die zur Konsti-

tution und Vermittlung eines spezifischen Weltbildes bzw. einer Ideologie genutzt werden können. So wurde im Nationalsozialismus *der Volksbegriff* durch die besondere Hervorhebung primär der biologischen und sekundär der historisch-kulturellen Dimension im Sinne der nationalsozialistischen Ideologie definiert und mittels evaluativer Setzungen zur Steuerung von Affekten genutzt.“ (MATHIAS 2020: 140). <...> Lassen wir einmal den Umstand außer Acht, dass *völkisch* nicht ein Attribut zu *Volk* ist (= *völkisches Volk*) sondern ein von *Volk* abgeleitetes Adjektiv. Bedenklich ist indes die Leugnung der Konnotation von *völkisch* und die Idee, mittels einer schlichten evaluativen Perspektivumkehr *das Völkische* rehabilitieren und auf politische Agenda setzen zu können (ibid.: 141).

Die Rechtsradikalisierung des gegenwärtigen Sprachgebrauchs, der durch rechte politische Milieus entfacht und durch ihre Eliten funktionalisiert wurde, ist eingebettet in den Kontext der Aushöhlung der liberalen, freiheitlichen Gesellschaftsordnung. Durch diese Rechtsradikalisierung herrscht die Gefahr einer schrittweisen Erosion der Gesellschaft und eines ideologisch-propagandistischen Erfolgs, der darin besteht, die potenziellen Anhänger/-innen rechtsradikaler und -populistischer Gruppierungen sehen und glauben zu lassen, was sie zu sehen und zu glauben wünschen (ibid.: 147).

В данном случае автор, пытаясь обосновать опасность проявления популистских праворадикальных взглядов в обществе, обращает внимание на функционально обусловленное изменение: отсутствие атрибутивного образования *völkisch*, производного от существительного *Volk*. Однако здесь мы считаем необходимым внести дополнение. В словарной статье лексемы *völkisch* зафиксировано: «**1. national (mit besonderer Betonung von Volk und Rasse im Rahmen des Rassismus und Antisemitismus der ns. Ideologie und Gesinnung)**» (DUW 1996: 1684).

- (3) *Waschlappentipps*: „Die ernstgemeinten *Waschlappentipps* (Platz 10) wurden aber überwiegend ironisch aufgenommen. Seine Empfehlung zum Energiesparen lautete: „Auch der Waschlappen ist eine brauchbare Erfindung“. In diesem Zusammenhang trägt das Kompositum *Waschlappentipps* die Bedeutung „Tipps“, Waschlappen statt des Duschens zu nutzen. In anderen Kontexten und da die vielseitige Bedeutungsableitung bei Wortzusammensetzungen es zulässt, könnte es sich missverständlich und abschätzig auch um Tipps von einem Waschlappen geäußert handeln“ (GOTTSCHALK 2023: 10).

В структуре сложнопроизводного новообразования (*Zusammenbildung*) *Waschlappentipps* переосмысление последнего компонента *-tipps*, производного от глагола *tippen* 'слегка касаться пальцами чего-либо', способствует порождению эмотивной коннотации иронии. В связи с повышением цен на энергоносители и инфляцией в 2022 г., коснувшейся большей части населения, министр-президент земли Баден-Вюртемберг Кретчманн (*Kretschmann*) предложил использовать *Waschlappentipps* вместо душа.

2. Появление инноваций, не зафиксированных в лексикографических источниках. Так, в ежегодном списке «*Wörter des Jahres*» были обнаружены инновации:

(4) *Geisterspiele*: „Ebenfalls eine unmittelbare Folge der Pandemie waren die *Geisterspiele* (Platz 8). Sportveranstaltungen, insbesondere Ballsportarten, mussten, früher als Strafe für das unsportliche Verhalten von Fans, nun zur Vermeidung von Masseninfektionen vor fast oder zumeist ganz leeren Rängen stattfinden (KUNTZSCH 2021: 74).

Здесь актуализируется экспрессивно-образная прагматифференциальная коннотация за счет переосмысления первого компонента композита: *Geist*, *der* <...> 3) *Gespent*, *Spukgestalt* (DUW 1996: 579), что вызывает в сознании реципиента представление о местах, якобы занятых призраками вместо зрителей.

3. Целенаправленное использование заимствований.

(5) *Scheint der Trigger*: *inzwischen recht negativ besetzt zu sein und wird er häufig mit schmerzhaften Gefühlen und Erinnerungen assoziiert, so funktioniert er natürlich in der anderen Richtung. Auch etwas, mit dem wir positive Gefühle verbinden, kann getriggert werden* (RÜDEBUSCH 2022: 261).

Как показал этимологический анализ, существительное *der Trigger* 'предмет порождения какого-л. действия', восходит к древнескандинавскому *trygg*; прагерманскому, готскому *triwwer*, в английском языке глагол *to trig* означает 'вызывать действие, быть стартовым моментом'. При употреблении в тексте актуализирует оценочную коннотацию: либо отрицательную, связанную с болевым ощущением или воспоминанием, либо положительную в определенных ситуациях.

4. Проявление интертекстуальности как результат присутствия в тексте смыслообразующих элементов другого первичного

предтекста, что позволяет выявить взаимодействие между замыслом автора первичного источника и интенцией автора, воздействием на читателя при актуализации коннотативности элементов исследуемого текста. В эссе *Unsere schönen neuen Kleider* И. Шульце использует интертекстуальные приемы референциальной соотнесенности — сюжета, цитат, аллюзий из сказки Андерсена *Des Kaisers neue Kleider*, отмечая прагматическую установку отсылки к предтексту: апеллятивную функцию высказывания:

- (6) Andersen beschreibt, wie eine Lüge — wohlkalkuliert und selbstbewusst vorgetragen — gegen alle Erfahrung und Wahrscheinlichkeit, auch gegen jeden Augenschein und jede Nachprüfbarkeit von einer ganzen Gesellschaft Besitz ergreift (SCHULZE 2012: 54).
- (7) Was sind das für neue Selbstverständlichkeiten? Was sind das für neue Kleider, und wie konnten sie gefertigt und vor die Leute geführt und so ausgiebig bewundert werden? (ibid.: 31).
- (8) Wer die neuen Kleider nicht sieht, gilt als unverzeihlich dumm (ibid.: 42).
- (9) Wie das gekommen ist, bleibt offen. Ob die Betrüger selbst die Nachricht gestreut haben, ob sie sich von Mund zu Mund wie von allein verbreitet hat oder der Aufmacher in allen Zeitungen war, erfahren wir nicht. Wir wissen nur um die Wirkung. Um diese zu erreichen, muss es eine organisierte Lüge gegeben haben, eine Art Ersatzwahrheit, in der Realität durch Fiktion ersetzt worden ist. Anders könnte die neue Erkenntnis nicht derart von den Bewohnern der Stadt verinnerlicht werden. Die Story sitzt, sie wirkt, sie ist Wirklichkeit geworden — alle Menschen wussten... (ibid.: 42).

Смыслообразующие лексические микроструктуры эссе: организованные Лüge, Ersatzwahrheit можно квалифицировать как проявление интерпретативного потенциала отрицательной оценки события в сознании реципиентов: отсутствие реального факта с целью введения их в заблуждение, манипуляции.

Вне всякого сомнения, можно подтвердить точку зрения Л. И. Гришаевой о том, что влияние разных прецедентных феноменов, аксиологически целенаправленно предопределенных в тексте, осуществляются в пределах системы оценочных представлений в определенной культуре:

Eine eingehende Analyse des Funktionspotentials von diversen Präzedenzphänomenen lässt den Schluss zu, dass die behandelten Erscheinungen axiologisch prädeterniert werden, d.h. sie sind im

System von Wertvorstellungen in der betreffenden Kultur lokalisiert und auf Grund dessen konnotiert (GRISCHAEWA 2022 :123).

Таким образом, в результате проведенного нами анализа коннотативного потенциала микрокомпонентов дискурса можно сделать вывод о релевантности интенционально и функционально обусловленных способов выражения оценочности в зависимости от экстралингвистических факторов, способствующих воздействию интенции автора в процессе формирования индивидуального и коллективного сознания коммуникантов.

6. Заключение

Многомерность и многофункциональность универсальной семантической категории коннотации представляет собой в определенной степени своего рода открытую и подвижную систему прагматифференциальных коннотаций.

В дискурсивных практиках проявляется интенциональная и функциональная обусловленность интерпретативного потенциала коннотации в зависимости от рефлексирующей сознательной деятельности автора высказывания, особенностей способов актуализации и экспликации смыслообразующих функций микроструктур типов текстов, тематизации смысла макроструктуры дискурса.

В политическом дискурсе, особом типе институционального дискурса, наличествуют разнообразные способы выражения субъективной модальности в словотворческой деятельности автора. Релевантность интерпретативной функции, порождаемой в высказывании коннотации, воздействие на индивидуальное / коллективное сознание реципиентов средствами массовой коммуникации, обусловлены социально-политической ситуацией, изменениями в историческом развитии лингвокультурного сообщества.

Результаты нашего исследования могут быть использованы при обучении студентов-германистов в лекционном курсе «Основы научного изложения и реферирования текста» и на практических занятиях продвинутого этапа обучения при углубленном лингвистическом анализе и интерпретации смысла текста.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019. [Boldyrev, Nikolay N.

- (2019) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka.* (Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Быкова О. И. Гетерогенность коннотативного потенциала лексико-фразеологического фонда немецкого языка: лингвопрагматический аспект // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Спецвып. 6. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2013. С. 26—35. [Bykova, Olga I. (2013) Geterogennost' konnotativnogo potentsiala leksiko-fraseologicheskogo fonda nemetskogo yazyka: lingvopragsmaticheskiy aspekt (Heterogeneity of the Connotative Potential of the Lexical and Phraseological Fund of the German Language: Linguopragmatic Aspect). In: Alikayev, Rashid S. (ed.) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 6. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 26—35. (In Russian)].
- Быкова О. И. Динамичность коннотативного потенциала номинаций в национальной концептосфере // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. / отв. ред. Т. А. Клепикова. — СПб.: Книжный Дом, 2015. С. 831—833. [Bykova, Olga I. (2015) Dinamichnost' konnotativnogo potentsiala nominatsiy v natsional'noy kontseptosfere (The dynamism of the Connotative Potential of Nominations in the National Conceptual Sphere). In: Klepikova, Tatyana A. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language), vol. 22. Saint Petersburg: Book House LLC, 831—833. (In Russian)].
- Быкова О. И. Полипарадигмальное исследование коннотации // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2021а. № 3. С. 61—66. [Bykova, Olga I. (2021a) Poliparadigmalye issledovaniye konnotatsii (A Polyparadigmatic Study of Connotation. *Bulletin of Voronezh State University*, 3, 61—66. (In Russian)].
- Быкова О. И. Интерпретирующий потенциал оценочной категории реалий в социокультурном контексте // Когнитивные исследования языка. Вып. № 3 (46) / отв. ред. вып. А. В. Иванов. М.: Флинта, 2021б. С. 114—116. [Bykova, Olga I. (2021b) Interpretiruyushchiy potentsial otsenochnoy kategorii realiy v sotsiokul'turnom kontekste (Interpretive Potential of the Evaluative Category of Realities in the Sociocultural Context) In: Ivanov, Andrey V. (ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive Studies of Language), vol. 3 (46). Moscow: Flinta, 114—116. (In Russian)].

- Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. [Karasik, Vladimir I. (2007) *Yazykovyye klyuchi* (Language Keys). Volgograd: Paradigma. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. [Karasik, Vladimir I. (2010) *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* (Linguistic Crystallization of Meaning). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып XVII. Теория речевых актов. М: Прогресс, 1986. С. 22—129. [Austin, John. (1986) *Slovo kak deystviye* (The Word as an Action). In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* (New in Foreign Linguistics), 17. Moscow: Progress, 1986. (In Russian)].
- Телия В. Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 236. [Teliya, Veronika N. (1990) *Konnotatsiya* (Connotation). In: Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Soviet encyclopaedia. (In Russian)].
- DUW — Duden Deutsches Universalwörterbuch A—Z. Mannheim: Dudenverlag, 1996. [3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]
- Гришаева, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Similakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekunderes nominatives Ausdrucksmittel. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144.
- Gottschalk, Hanna & Kuntzsch, Lutz. (2023) Zeitwende, Inflationsschmerz und Doppel-Wumms. Die „Wörter des Jahres“ 2022 in Deutschland und anderen Ländern der Erde. *Der Sprachdienst*, 1-2, 23—27.
- Kuntzsch, Lutz. (2021) Corona-Pandemie, Lockdown und Verschwörungserzählung. Die „Wörter des Jahres“ 2020. *Der Sprachdienst*, 3-4, 65—76.
- Kuße, Holger. (2012) *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kuße, Holger. (2014) Partieller Kontextualismus: Zur Logik und rhetorisch-diskursiven Funktionalität koordinierender Konjunktionen im Deutschen und Russischen. In: Babenko, Nataliya S. & al. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 11. Moscow: LRC Publishers, 44—60.
- Lachhein, Barbara; Averkina, Larisa A., & Nikonova, Zhanna V. (2022) Sprachgebrauchsweisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher

- Umbrüche in Deutschland (Linguistic Usage in Times of Profound Social Upheaval in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 233—245.
- Lerchner, Gotthard. (1987) Literarischer Text und kommunikatives Handeln. *Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse*. Bd. 127. H. 6.
- Mathias, Alexa & Schlobinski, Peter. (2020) Rechtsradikalisierung im politischen Diskurs. *Der Sprachdienst*, 3-20, 138—148.
- Rüdebusch, Frauke. (2022). Zeit-Wort. Trigger. *Der Sprachdienst*, 6-22, 259—261.
- Schulze, Ingo. (2012) *Unsere schönen neuen Kleider*. Berlin: Hanser Verlag.
- Stötzel, Georg & Wengeler, Martin. (1995) *Kontroverse Begriffe: Geschichte des Öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland (Sprache, Politik, Öffentlichkeit)*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Viehweger, Dieter. (1977) *Probleme der semantischen Analyse*. Berlin: Akademie-Verlag. (Studia grammatica XV).

Olga I. Bykova
Voronezh State University

Interpretative Potential of Connotation in Discourse Practices

The article is devoted to the problem of the discursive conditionality of the manifestation of connotation, which is a prospect for the study of connotation as a multidimensional, multifunctional linguopsychological phenomenon within the framework of the polyparadigmality of modern linguistics at the semantic, pragmatic, cognitive-discursive levels. Complexity, a multi-level model of a linguistic sign, proposed by domestic and foreign researchers, under various conditions of its transformation underlies the genesis of connotation. The interpretive potential of connotation, a universal semantic category of the meaning-forming structure of a statement, is considered from the position of the significance of the specific features of connotation: the dual nature of connotation, ontologically determined by the interaction of extralinguistic and linguistic factors in the functioning of linguistic units in a certain linguistic and cultural space, the interpretative nature of rethinking the object of the statement, the creativity and dynamism of the manifestation of reflection during the processing by the human consciousness of incoming information from the world of reality. Methods of expressing the connotativity can be: a) verbal, implicit in the choice of linguistic means of illocution (aimed at expressing the purpose of the utterance) and

in the perlocutionary act (aimed at influencing the consciousness or behaviour of the addressee); b) explicit (as a way of metacommunicative thematization of discourse). Despite the presence of a certain predetermined connotative marking of the microstructures of a particular text, for example, in religious discourse, new meanings that are not explicated by the language system, not recorded in the dictionary entry of a specific lexical unit, can be actualized in discursive practices, indicating the interdependence of the macrostructures of discourse, the type of texts, and the microstructures of texts. Attention is drawn to different ways of updating the connotative potential of discourse microstructures: deliberate changes in the derivational model of a word; the use of innovations that imply expressive imagery, assessment of emotional perception, linguistic and cultural affiliation; the influence of intertextuality on the formation of the meaning of a statement. The discursive conditionality of the interpretative potential of connotation is illustrated in the texts of institutional discourse (mainly political) and in certain types of journalistic texts.

Keywords: connotation; interpretive potential; discourse; macrostructure of the text; microstructure of the text; illocution; perlocution

Для цитирования:

Быкова О. И. Интерпретационный потенциал коннотации в дискурсивных практиках // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 55—72.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-55-72.

To cite this Article:

Bykova, Olga I. (2024) Interpretatsionnyy potentsial konnotatsii v diskursivnykh praktikakh (Interpretative Potential of Connotation in Discourse Practices). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 55—72. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-55-72.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; принята к публикации 03.05.2024
The article was submitted 11.03.2024; accepted for publication 03.05.2024

Е. А. Гончарова

Санкт-Петербургский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Л. М. Ньюбина

Смоленский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНО-РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДИСКУРСИВНОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В НЕМЕЦКО- ЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ «ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ»

«Литература путешествий» имеет богатую традицию существования в разных литературах. Общей чертой этой литературы в разных географических ареалах являются *антропоцентризм* и *эгоцентризм*. Понятия *эгоцентризм* и *антропоцентризм* сегодня прочно вошли в лингвистику. *Антропоцентризм* означает, что как в языке в целом, так и в его частных единицах происходит универсальная ориентированность на человека — создателя и потребителя языковой информации. Каждый вербальный текст является порождением человека и обладает свойством *антропоцентризма*, но не всякий текст содержит достаточное число композиционно-архитектонических примет (речевых элементов, акцентирующих субъективную точку зрения автора), которые позволили бы отнести его к речевым образованиям с *эгоцентрической* прагматикой. В литературной коммуникации *эгоцентризм* как фактор порождения и восприятия текста играет важную роль, так как художественное мышление и процесс его транспозиции в словесно-речевое произведение по своей сути *эгоцентричны* и *интроспективны*. Персонаж выступает в качестве объекта образно-художественного изображения и познания для автора (творческого субъекта, объективируемого конкретной знаковой реальностью текста) и объекта познания — читателя (субъекта-партнера, замыкающего процесс литературно-художественной коммуникации, или «соавтора» литературного текста). Персонаж является *медиумом* между автором и миром, который населен «другими», и между микрокосмами автора, принадлежащего к этому миру, и «другими». И автор, и читатель наделяют собственным смыслом черты и поступки живущего в выдуманном мире персонажа, который является тем самым персонифицированным репрезентантом разных человеческих личностей, в том числе и автора текста. В высказываниях, показывающих сугубо индивидуальное

отношение к миру их автора, сосредоточенного в момент речи на интересах (личных, профессиональных, политических и др.) и мироощущении своего «Я», *антропоцентризм* перерастает в *эгоцентризм*. Иными словами, *эгоцентризм* связан с *антропоцентризмом* логическим отношением «частное — общее». Эгоцентрические тексты и высказывания написаны триединым автором, который обозначен на обложке произведения, а также является объектом и субъектом повествования, т. е. автор един в трех лицах. Это выражается в употреблении местоимения «Я» или местоимения «мы», которое обозначает группу единомышленников, к которому относится и «Я». Другой особенностью литературы путешествий является оценка повествователя / рассказчика событий и участников этих событий, которая может быть нейтральной, а также и эмоциональной, преувеличенной, но главным образом она субъективна, так как происходит от эгоцентрического повествователя. Приведенные в статье примеры демонстрируют и такую характерную композиционно-речевую особенность «путевых заметок», как перекрестное использование в них повествования, описания и лирического, т. е. принадлежащего говорящему субъекту, рассуждения. При этом главенствующая роль среди названных принципов структурирования текста принадлежит композиционно-речевой форме «повествование», в которой в географической и внутренней личностной перспективе автора рассказывается «история» его путешествия. Композиционно-речевая форма «описание» в обеих ее разновидностях: динамической (изображение объектов в их изменении, движении и перемещении относительно друг друга) и статической (показ объектов в их качественном состоянии, стабильности и неизменяемости в некий промежуток времени), в значительной степени влияя на общую оценку и общий текстовый смысл, которые «вплетаются» в повествовательную канву текста. Эти функционально-смысловые типы речи, в свою очередь, часто прерываются и / или заканчиваются неким рассуждением либо размышлением автора, вызванным восприятием и наблюдением определенного объекта (объектов). Подобные рассуждения можно считать речевым сигналом переключения повествовательно-описательной функции повествователя на коммуникативно-прагматическую установку интерпретации / обобщения / комментирования изображаемого.

Ключевые слова: антропоцентризм; эгоцентризм; повествовательная перспектива; повествование; описание; рассуждение; оценка

1. «Литература путешествий» как научный объект литературоведения и лингвистики

Так называемая «литература путешествий» имеет богатую традицию существования в разных этнокультурах, отличаясь в них — при наличии ряда общих закономерностей композиционно-смыслового построения речевых произведений этого жанра — качественным своеобразием, степенью популярности в определенное историческое время, а также распространенности принадлежащих к ней видов текстов в литературной и / или в повседневной коммуникации.

Общим для подобных целостных текстовых высказываний является принцип структурно-речевого построения, семантика и прагматика которого подчинены введенной М. М. Бахтиным в филологический обиход категории хронотопа (времени-пространства). Выступая в качестве основы порождения и содержательно-смыслового развертывания текстовых структур в «литературе путешествий», этот принцип создает, во-первых, их пространственно-временной континуум, т. е. определенную связанную пространственно-временными отношениями последовательность фактов и событий, дискретные характеристики которых во взаимодействии создают представление и о движении, и о целостности текстового смысла (ГАЛЬПЕРИН 2005: 87). Во-вторых, благодаря этому принципу в текстовой структуре возникает «образ» или «языковая картина» мира в его пространственно-временных признаках, вокруг которых, однако, по остроумному замечанию Ю. М. Лотмана, «строятся и непространственные его характеристики» (ЛОТМАН 2018: 278), в том числе и образ автора-путешественника.

В то же время «литература путешествий» неоднородна по своему жанровому составу. Прежде всего, в нее входят тексты с литературным повествованием авторизованного речевого субъекта о его пространственных перемещениях и дорожных впечатлениях в виде «путевых заметок», «путевого очерка», «путевых зарисовок», «путевого дневника» (нем. Reisebericht, Reisebilder, Reisetagebuch) или становящегося все более популярным «травелога» (англ. Travelogue от travel 'путешествие' и monologue 'монолог').

В том случае, когда писатель «передоверяет» топонимическое повествование создаваемым им (фикциональным) образам нарратора и / или персонажа, формируя вокруг них определенную сюжетную композицию, возникают литературно-художественный «рассказ о путешествии» (*Reiseerzählung*); «путевая новелла» (*Reisenovelle*); «письмо о путешествии» (*Reisebriefe*); «роман путешествия» (*Reiseroman*), входящий, в свою очередь, в разряд «романов воспитания», или «романов развития (души)» (*Erziehungs-, Entwicklungsroman*) (ЛОШАКОВА & РТИЩЕВА 2021: 106 и др.).

Особняком внутри значительного массива «литературы путешествий» стоят так называемые «путеводители» (нем. *Reise-, Fremdenführer*) — утилитарные географические тексты справочно-ознакомительного характера, служащие целям лучшего ориентирования реципиента в незнакомом месте, как правило, отличающемся наличием достопримечательностей. Их появление как особого типа книжного издания обычно связывают с именем просветителя К. Бедекера, который в первой половине XIX в. основал в городе Кобленце специальное издательство путеводителей по разным странам и городам. Его имя стало нарицательным для образцовых изданий путеводителей во всей Европе.

Для литературоведов и лингвистов, занимающихся изучением «литературы путешествий», на первый план выходят разные аспекты этого вида речевых произведений. В литературоведении, где подобные тексты относятся исследователями и к литературным автобиографиям (дневникам, мемуарам), и к художественным повествованиям, и к художественной публицистике, они рассматриваются прежде всего в аспекте их жанровой делимитации и образно-поэтического толкования.

При этом отдельно изучаются произведения, написанные, как уже отмечалось, во время реального путешествия самого писателя (*Путешествие из Петербурга в Москву* А. Н. Радищева, *Письма русского путешественника* Н. М. Карамзина, *Фрегат «Паллада»* И. А. Гончарова в русской литературе; *Italienische Reise, Zweiter Römischer Aufenthalt* И. В. Гете, *Harzreise, Englische Fragmente, Reise von München nach Genua* Г. Гейне, *Reise um die Welt* А. Шамиссо, *Begegnungen mit Menschen, Büchern und Städten* С. Цвейга, *Irishes Tagebuch* Г. Белля и др. в немецкой литературе). Такие тексты

представляют собой в плане содержания и формы не только топонимически организованный литературный нарратив о каком-то фрагменте реального мира, но и эгоцентрическое повествование об определенных биографических эпизодах, дающее представление о личности создавшего его автора.

В произведениях с художественно-поэтическим изображением вымышленных путешествий либо нарраторов, либо выдуманных персонажей (знаменитые беллетризованные истории путешествий Ж. Верна во французской литературе; романы *Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden* И. В. Гете, *Dr. Katzenbergers Badereise* Ж. Поля и др. в немецкой литературе) с литературоведческих позиций обычно изучаются сюжетные события и повествовательные мотивы, а также словесные образы (в том числе топонимического и антропонимического характера), создающие в совокупности поэтический хронотоп, кумулятивный «образ автора» и общий текстовый смысл произведения.

В лингвистике при анализе «литературы путешествий» на передний план выдвигаются вопросы, связанные со структурно-семантическими и лингвопрагматическими особенностями этого вида речевых произведений, которые, будучи нарративным дискурсом, образуют внутри него — с опорой на конкретные типы текстов — автономный «субдискурс». Как говорит Бринкер:

„Der Text in Dynamik“ ist das Objekt der Diskurslinguistik. Aber gerade „der gewordene Text als formal-semantische Struktur“ bildet den Kern des Diskurses, weil er ein materielles — in Raum und Zeit existierendes Objekt (ein Artefakt) ist und als solches reproduziert werden kann. (BRINKER 2005: 37). — «Текст в динамике» является объектом дискурсивной лингвистики. Но именно «образованный текст как формально-семантическая структура» образует центр дискурса, так как он является материальным, существующим в пространстве и времени объектом (артефактом) и как таковой может быть воспроизведен.

Вследствие этого возрастает исследовательский приоритет проблем выявления, систематизации и научно-практической интерпретации коммуникативно-прагматических установок и ментально-речевых действий языковых личностей авторов подобных текстов, характерных для названного нарративного субдискурса и отличных от таковых в иных видах дискурса, что предопределяет

логику и методику научной интерпретации «литературы путешествий» на немецком языке, предложенной в статье.

2. Эгоцентризм как содержательно-формальная основа автобиографической «литературы путешествий»

Выбор в качестве объекта лингвостилистических наблюдений автобиографической литературы путешествий таких известных немецких писателей как Гете, Гейне, Шамиссо, Белль объясняет необходимость вовлечения в анализ понятия «эгоцентризм». Данное понятие может рассматриваться как содержательно-формальная основа «беллетризованных путевых заметок» с прагматической точки зрения говорящего субъекта. Эгоцентризм представляет собой верхний (субъективный) полюс выражения в речи позиции субъекта, связанной с прямой экспликацией его «ментальных состояний, “внутреннего мира” (который, как известно, во многом определяется о-со-знанием и о-смысл-ением происходящего)» (РЯБЦЕВА 2004: 452). Особая роль эгоцентрической субъектной позиции для порождения и понимания любого текста заключается в том, что от нее зависит и ею формируется иллокутивная сила и отдельного высказывания, и цельного текста, его коммуникативного задания, прагматический смысл, а также «оформляющая и завершающая» их содержание модальная рамка (*ibid.*). В формальном плане эгоцентрическая позиция субъекта опирается в текстовой структуре на совокупности его эксплицитных (прямых и косвенных) обозначений посредством эгоцентрических речевых единиц, т. е. «слов и выражений, которые ориентированы на «Эго» и на «Я» говорящего» (СТЕПАНОВ 2010: 224).

К эгоцентрическим языковым единицам лингвисты относят разные падежные формы личного местоимения «я» (*ich*) и его семантические корреляты (*wir, man*), прагматически и лексико-грамматически связанные с речевыми сигналами пространственной локализации «здесь» и временной позиции «сейчас», действительных «на протяжении всей речи говорящего, как бы долго она ни длилась» (*ibid.*: 225). Посредством подобных эгоцентрических элементов, рассредоточенных по текстовому целому в функции его коммуникативно-прагматических и композиционно-структурных «скреп», в писательских «путевых замет-

ках» совокупно обозначается нарративная точка зрения автора и субъективированная перспектива литературного изображения. В границах этой перспективы повествуется о нахождении (и перемещениях) говорящего субъекта в каком-то определенном пространстве, разные стороны которого — видимые, наблюдаемые или внутренне переживаемые — он описывает, будучи в момент речи отдаленным от события более или менее длительным временным интервалом. Тем самым в ментально-речевой структуре эгоцентрического субъекта «литературы путешествий» происходит расслоение его «эго» на «Я сейчас» и «Я тогда», объединенных «эмпатическим континуумом», который существует благодаря (мнемонической) способности первого представить свои действия и чувства в прошлом (WEINRICH 2001; ГОНЧАРОВА & НЮБИНА 2016 и др.). Приведем примеры.

- (1) *Ich ging mit Tischbein nach dem Petersplatze, wo wir erst auf und ab gehend und, wenn es uns zu warm wurde, im Schatten des großen Obelisks, der eben für zwei breit genug geworfen wird, spazierten und Trauben verzehrten, die wir in der Nähe gekauft hatten. Dann gingen wir in die Sixtinische Kapelle, die wir auch hell und heiter, die Gemälde wohlbeleuchtet fanden. Das „Jüngste Gericht“ und die mannigfaltigen Gemälde der Decke, von Michelangelo, teilten unsere Bewunderung. Ich konnte nur sehen und anstaunen. Die innere Sicherheit und Männlichkeit des Meisters, seine Großheit geht über allen Ausdruck (Goethe. Rom, den 22. November 1786, am Cäcilienfeste).¹*
- (2) An Swifts Grab hatte *ich* mir das Herz erkältet, so sauber war St. Patrick's Cathedral, so menschenleer und so voll patriotischer Marmorfiguren, so tief unter dem kalten Gestein schien der desparate Dean zu liegen, neben ihm Stella; zwei quadratische Messingplatten, blank geputzt wie von deutscher Hausfrauenhand: die größere für Swift, die kleinere für Stella; Disteln hätte *ich* haben mögen, hart, groß, langstielig, ein Paar Kleeblätter, und noch ein Paar dornenlose, milde Blüten, Jasmin vielleicht oder Geißblatt: das wäre der rechte Gruß für die beiden gewesen, aber *meine Hände* waren so leer wie die Kirche, so kalt und so sauber (H. Böll. *Irisches Tagebuch*, S. 24).

В обоих отрывках рассказывается о впечатлениях авторов — Гете и Белля — от их посещения памятных мест: Сикстинской ка-

¹ <https://www.gutenberg.org>.

пеллы в Риме со знаменитой картиной Микеланджело «Страшный суд» и могилы Дж. Свифта в Соборе святого Патрика в Ирландии. Как видим, структурно-семантическим ядром текстовой структуры фрагментов является эгоцентрическая номинация автора — неоднократно повторяемое местоимение *ich*, вокруг которого как грамматического подлежащего и субъекта литературного изображения группируются глаголы и глагольные словосочетания с семантикой движения (*gehen, spazieren*), визуального восприятия (*sehen, anstaunen, wohlerleuchtet finden*), речемыслительного и эмоционального действия (*über allen Ausdruck gehen, sich das Herz erkälten, mögen*).

Приведенные фрагменты убедительно демонстрируют и такую характерную композиционно-речевую особенность «путевых заметок» как перекрестное использование в них повествования, описания и принадлежащего автору-путешественнику рассуждения, которое может иметь характер либо пояснения / толкования, комментария по поводу определенных сторон рассматриваемого объекта наблюдения или лирического отступления, связанного с его воспоминаниями, ассоциациями, личными переживаниями, вызванными предметом наблюдения. При этом цементирующая текстовую композицию роль среди названных принципов структурирования текста принадлежит композиционно-речевой форме «повествование», в которой в географической и внутренней личностной перспективе автора рассказывается «история» его путешествия. Композиционно-речевая форма «описание» в обеих ее разновидностях — динамической (изображение объектов в их изменении, движении и перемещении относительно друг друга) и статической (показ объектов в их качественном состоянии, стабильности и неизменяемости в некий промежуток времени), — в значительной степени влияя на общий текстовый смысл, «вплетается» в повествовательную канву текста.

Названный функционально-смысловой тип речи, в свою очередь, часто прерывается и / или заканчивается неким рассуждением либо размышлением автора, вызванным восприятием и наблюдением определенного объекта (объектов). Подобные рассуждения можно считать речевым сигналом переключения повествовательно-описательной функции нарратора на коммуника-

тивно-прагматическую установку интерпретации / обобщения / комментирования изображаемого, всегда сопровождаемые оценкой описываемого объекта (объектов) со стороны повествователя / рассказчика, которая представляет собой «непосредственную или опосредованную реакцию говорящего (субъекта) на воображаемые или воспринимаемые органами чувств действия, объекты и признаки объектов внешнего и внутреннего мира» (ЩИРОВА 2013: 62).

Российская исследовательница оценки Е. М. Вольф отмечала, что в оценке обычно сочетаются субъективный и объективный факторы. Первый подразумевает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к объекту (реализуется в глаголах «нравиться / не нравиться», «одобрять / не одобрять»), тогда как второй (дескриптивный, признаковый) фактор оценки обусловлен собственными свойствами предметов или явлений, на основании которых выносится оценка» (ВОЛЬФ 1985: 24-33).

Н. Д. Арутюнова, также занимавшаяся изучением логико-философской и лингвистической природы разных видов оценки, говорит в подобных случаях о «гедонистической, или сенсорной, оценке», которая проистекает из ощущений и может быть дифференцирована в зависимости от способа восприятия объекта (визуального, слухового, вкусового и т. д.), с одной стороны, и о «рациональной оценке», если имеются в виду интенциональные объекты, когда она опирается на принципы нормативности, утилитарности, причинно-следственные отношения и т. п., — с другой (АРУТЮНОВА 1999: 528).

Описательные фрагменты нарративного дискурса «литературы путешествий» изобилуют разными видами оценки, с помощью которых в текстовой структуре формируются авторская «картина мира» (изображение объектов предметной и антропимической среды, встречающихся на пути автора-путешественника) и «картина жизни» (изображение самого процесса / хода путешествия), которые, по замечанию Арутюновой, написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй — временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой (ibid.: 537).

Оценочные высказывания нарратора выступают в текстах путевых зарисовок в функции языковых сигналов ретардации повествования. Они приостанавливают на короткое время рассказ о пространственных перемещениях автора-повествователя и помогают ему наиболее аутентично и полно отразить разные (пространственные, количественные, качественные и др.) аспекты изображаемых событий, явлений и предметов, с тем чтобы создать их объемные образы и сделать читателя со-причастным и «со-переживающим» соучастником путешествия.

Эти оценки могут быть и чисто дескриптивными (чувственно нейтральными), и эмоциональными, и даже преувеличенными, но они всегда имманентно субъективны, так как исходят от эгоцентрического «Я» повествователя. Оценочная позиция говорящего, среди прочего, выражается и в том, на каких наблюдаемых объектах и, далее, каких сторонах и свойствах этих объектов он сосредоточивает свое внимание и придает им характер текстовых «прагматических фокусов» с разной степенью детализации. Подобное коммуникативно-прагматическое речевое действие эгоцентрического повествовательного субъекта может быть обозначено как *селективность*, так как подразумевает выбор им определенного объекта описания / рассуждения и одной или нескольких его деталей из ряда других. Сами детали при этом могут быть однокуррентными (соотнесенными с одним референтом) или поликуррентными (два и более референтов) (ЩИРОВА & ГОНЧАРОВА 2018: 151-154).

Белль в повествовании о своем ирландском путешествии посвящает целые главы описанию разных наблюдений об особенностях быта, традиций и национального характера ирландцев (например, *Betrachtungen über den irischen Regen, Die schönsten Füße der Welt, Ambulanter politischer Zahnarzt, Kleiner Beitrag zur abendländischen Mythologie*), выделяя в них детали, необычные для немца и вызывающие в его воображении целые ряды ассоциативных сопоставлений с привычными фактами и образами. При этом автор-повествователь идентифицирует себя с соотечественниками в личной местоименной форме *wir / uns*, а субъективность приводимых сравнений подчеркивает с помощью вводного эгоцентрического модального высказывания *so scheint*

mir, которое не делает менее значимыми его весьма точные и психологически тонкие рассуждения о невозмутимости и оптимизме, свойственных ирландцам:

Passiert einem in Deutschland etwas, versäumt man den Zug, bricht man ein Bein, macht man Pleite, so sagen wir: Schlimmer hätte es nicht kommen können; immer ist das, was passiert, gleich das Schlimmste — bei den Iren ist es fast umgekehrt: bricht man hier ein Bein, versäumt man den Zug, macht man Pleite, so sagen sie: *It could be worse* — es könnte schlimmer sein: man hätte statt des Beines den Hals brechen, statt des Zuges den Himmel versäumen und statt Pleite zu machen, hätte man seinen Seelenfrieden verlieren können, wozu bei einer Pleite durchaus kein Anlaß ist. Was passiert, ist nie das Schlimmste, sondern das Schlimmere ist nie passiert. <...> Bei uns — so scheint mir — versagen, wenn etwas passiert, Humor und Phantasie, in Irland werden sie gerade dann in Bewegung gesetzt. <...> Hier ist der Phantasie keine Grenze gesetzt. *It could be worse* ist eine der am meisten gebrauchten Redensarten wohl deshalb, weil es oft genug recht schlimm kommt und das Schlimmere dem Trost die Relation bietet. (H. Böll. *Irisches Tagebuch*, S. 127-128).

Отмеченная закономерность композиционно-смыслового развертывания текста по принципу переплетения главенствующего повествования с разнообразными по семантике и прагматике фрагментами статико-динамического описания и нейтрально-объективного и / или эмоционально-оценочного рассуждения обуславливает принадлежность «путевых заметок» к нарративному дискурсу и свидетельствует о том, что в комплексной коммуникативно-творческой стратегии их создателей нарративная интенция не противопоставляется «deskриптиву, направленному на идентификацию объекта (объектов) вербальной (или невербальной) коммуникации, и ментативу как текстообразующей стратегии обобщения и опыта» (АНДРЕЕВА 2019: 43), а органически сочетается с ними.

Повествование развивается в текстовой структуре с помощью обозначений темпоральных (am nächsten Tag, Morgen; nach mehreren Tagen; dann, später, nachher и др.) и локальных (названий стран, городов, населенных пунктов, конкретных достопримечательностей) параметров путешествия и местонахождения автора, глаголов и глагольных словосочетаний в значе-

нии действия и движения. Названные текстовые элементы объединяют все передвижения речемыслительного субъекта в единое сюжетное событие, суть которого связана с путешествием, ограниченным определенными временными и пространственными границами. При этом каждое конкретное местонахождение говорящего субъекта, протяженное в некоем временном интервале, может рассматриваться как отдельная событийно-повествовательная ситуация нарративного дискурса, а их совокупность — как сюжетно-композиционная основа всего текста или его событийность.

*Am 27. steuerten wir auf das Land zu, das uns im heitersten Sonnenschein erschien, sowie wir in seiner Nähe aus der Nebeldecke des Meeres her austreten. Zwei Boote wurden zu einer Landung ausgerüstet. Indem wir nach dem Ufer ruderten, begegneten wir einer Baidare mit zehn Eingebornen. Wir verkehrten mit ihnen, nicht ohne wechselseitig auf unserer Hut zu sein. „Tabak! Tabak!“ war ihr lautes Begehren. Sie erhielten von uns das köstliche Kraut, folgten unsern Booten freundlich, fröhlich, vorsichtig und leisteten uns beim Landen in der Nähe ihrer Zelte hilfreiche Hand. Die hier am Strande aufgerichteten Zelte von Robben- und Walrosshäuten schienen Sommerwohnungen zu sein und die festen Wohnsitze der Menschen hinter dem Vorgebirge im Westen zu liegen. Von daher kam auch eine zweite Baidare herbei. Unser verständiger Aleut, der eine längere Zeit auf der amerikanischen Halbinsel Alaska zugebracht, fand die hiesige Völkerschaft den Sitten und der Sprache nach mit der dortigen verwandt und diente zu einem halben Dolmetscher (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).²*

Приведенный фрагмент протяженного абзаца с повествовательно-описательным содержанием из путевого дневника Шамиссо *Кругосветное путешествие* демонстрирует названные выше композиционно-речевые особенности рассматриваемого вида текстов: он начинается с точного указания даты «событийной ситуации», а также места нахождения автора и его спутников, содержит целый ряд глаголов передвижения в пространстве, которые эксплицируют пространственно-временные и событийные параметры рассказываемой части путешествия. Затем происходит замедление повествования за счет включения в текст дина-

² <https://www.gutenberg.org>.

мического описания встречи с туземцами, изобилующего эмоционально-оценочной лексикой (*ihr lautes Begehren; das köstliche Kraut; freundlich, fröhlich, vorsichtig; die hülfreiche Hand*).

Продолжается абзац рассказом о находке нарратором черепа аборигена для антропологической коллекции и заканчивается оценочным рассуждением на тему о том, как важны подобные географические находки для истории мировых человеческих рас.

Ich fand auf der Höhe der Insel unter dem zertrümmerten Gesteine, das den Boden ausmacht, einen Menschenschädel, den ich, unter meinen Pflanzen sorgfältig verborgen, mitnahm. <...> Nur unter kriegerischen Völkern, die, wie die Nukahiwier, Menschenschädel ihren Siegestrophäen beizählen, können solche ein Gegenstand des Handels sein. Die mehrsten Menschen, wie auch unsere Nordländer, bestatten ihre Toten und halten die Gräber heilig. Der Reisende und Sammler kann nur durch einen seltenen glücklichen Zufall zu dem Besitze von Schädeln gelangen, die für die Geschichte der Menschenrassen von der höchsten Wichtigkeit sind (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).³

Весь же ход экспедиции (как фрагмент «картины жизни») Шамиссо прослеживает в названиях глав своего дневника путешествия, которые наполнены топонимами, показывающими точный путь экспедиции.

1. Vorfreude. Reise über Hamburg nach Kopenhagen.
2. Der „Rurik“. Abfahrt von Kopenhagen. Plymouth.
3. Reise von Plymouth nach Teneriffa.
4. Reise von Teneriffa nach Brasilien. Santa Catharina
5. Der „Rurik“. Abfahrt von Kopenhagen. Plymouth.

3. Актуализация коммуникативно-речевых компетенций дискурсивной языковой личности автора в текстах «литературы путешествий»

Использование тех или иных комбинаций и переплетений разных функционально-смысловых типов речи в ментально-речевых действиях авторов свидетельствует, среди прочего, и о тех текстовых и стилевых компетенциях, которыми они владеют. В числе этих компетенций на первом месте стоит так называемая «компетенция формулирования» (нем. *Formulierungs-*

³ <https://www.gutenberg.org>.

kompetenz), предполагающая «знание того, какую целесообразную языковую форму нужно придать передаваемому содержанию» («Kenntnisse darüber, wie man Sachverhalten eine angemessene sprachliche Form geben kann») (HOFFMANN 2017: 14).

Учитывая то обстоятельство, что анализируемая в настоящей статье «литература путешествий» принадлежит профессиональным писателям, следует отметить высокую степень владения компетенцией формулирования со стороны языковой личности автора текста. Это выражается особенно в том, каким образом писатель, во-первых, передает меняющиеся во время путешествия визуальные впечатления, а, во-вторых, как он связывает визуальные образы, с одной стороны, с пространственно-временным и культурно-историческим контекстом, а с другой — с собственным эмоционально-чувственным эгоцентрическим состоянием.

Включая в свое понятийное содержание аспект придания передаваемому содержанию *целесообразности* текстового выражения, компетенция формулирования отражает представление данной языковой личности о выборе когнитивно-коммуникативных действий, соответствующих условиям и требованиям речевой ситуации, в которой эта личность находится (нем. Art der Handlungsdurchführung, Handlungsmuster) (SANDIG 2006: 9, 147-150). В случае «литературы путешествий» ментально-речевые шаги автора подчинены задаче наглядно-чувственного воплощения в структуре текста связанных пространственно-временными отношениями представлений и субъективных впечатлений. Это подчеркивает уже отмеченную выше общую значимость для рассматриваемого типа текстов композиционно-речевой формы «(статичное и динамичное) описание», а внутри нее такой ментально-речевой операции как «сгущение», или «уплотнение» (нем. Verdichten) (ibid.: 157-164), посредством которой на относительно небольшом отрезке текста адресату посылается достаточно объемная и многослойной информация об объекте литературного изображения.

Так, например, в начальных абзацах *Кругосветного путешествия* Шамиссо эгоцентрический рассказчик приводит подробное описание команды корабля «Рюрик», с именами, характеристикой внешности, перечислениями отличительных личностных

черт, интересов, основных обязанностей отдельных ее членов. Все описания содержат при этом точные профессиональные и психологические оценочные детали, свидетельствующие о наблюдательности эгоцентрического нарратора.

Der *Kapitän* Otto Astawitsch von Kotzebue. *Erster Leutnant* Gleb Simonowitsch Schischmarew, ein *Freund des Kapitäns*, älterer Offizier als er, nur Russisch redend; ein heiter strahlendes Vollmondgesicht, in das man gern schaut; eine kräftige, gesunde Natur; einer, der das Lachen nicht verlernt hat. — *Zweiter Leutnant* Iwan Jakowlewitsch Sacharin, kränklich, reizbar, jedoch gutmütig, versteht etwas Französisch und Italienisch. — *Der Schiffsarzt, Naturforscher und Entomologe* Iwan Iwanowitsch Eschscholtz, ein junger Doktor aus Dorpat, fast zurückhaltend, aber treu und edel wie Gold. Der Naturforscher, ich selbst, Adelbert Loginowitsch. — Der Maler Login Andreewitsch Choris, der Herkunft nach ein Deutscher, der, jetzt noch sehr jung, bereits als Zeichner Marschall von Bieberstein auf einer Reise nach dem Kaukasus begleitet hatte. — Freiwilliger Naturforscher Martin Petrowitsch Wormskiold. — *Drei Untersteuerleute*: Chramtschenko, ein sehr gutmütiger, fleißiger Jüngling; Petrow, ein kleiner, launig-lustiger Bursche; der dritte, Koniew, uns fernerstehend. — *Zwei Unteroffiziere* und zwanzig Matrosen. Die Seeleute, unter denen, die sich freiwillig zu dieser Expedition gemeldet haben, ausgesucht, sind ein hochachtbares Volk; handfeste Leute, der strengsten Mannszucht unbedingt unterwürfig, sonst von tüchtiger, ehrgeiziger Gesinnung, stolz auf ihren Beruf als Weltumsegler. (A. Chamisso. *Reise um die Welt*).⁴

Нижеследующий отрывок из второй главы *Английских фрагментов* Гейне, целиком посвященной Лондону, демонстрирует исключительную значимость названного ментально-речевого действия в путевых заметках поэта.

Ich habe *das Merkwürdigste* gesehen, was die Welt dem staunenden Geiste zeigen kann, ich habe es gesehen und staune noch immer – noch immer starrt in meinem Gedächtnisse *dieser steinerne Wald von Häusern* und dazwischen *der drängende Strom lebendiger Menschengesichter mit all ihren bunten Leidenschaften, mit all ihrer grauenhaften Hast der Liebe, des Hungers und des Hasses* — ich spreche von London.

Schickt einen Philosophen nach London, beileibe keinen Poeten! Schickt einen Philosophen hin und stellt ihn an eine Ecke von Che-

⁴ <https://www.gutenberg.org>.

apside, er wird hier *mehr lernen als aus allen Büchern der letzten Leipziger Messe*; <...> er wird den *Pulsschlag der Welt* hörbar vernehmen und sichtbar sehen — denn wenn *London die rechte Hand der Welt ist, die tätige, mächtige rechte Hand*, so ist *jene Straße*, die von der Börse nach Downingstreet führt, als die *Pulsader der Welt* zu betrachten.

Aber schickt keinen Poeten nach London! Dieser harte Ernst aller Dinge, diese kolossale Einförmigkeit, diese maschinenhafte Bewegung, diese Verdrießlichkeit der Freude selbst, *dieses übertriebene London erdrückt die Phantasie und zerreißt das Herz* (Н. Heine. *Englische Fragmente*: S. 83).

Гейне описывает в речевой технике коллажа, собранного из многочисленных «сгущенных» метафорических и метонимических образов, контрастные живописные картинки английской столицы, неизгладимые в памяти его «изумленного духа»: и «каменный лес домов», и лица людей, отмеченных печатью высоких и низменных страстей, которые позволяют путешественнику-философу узнать об этом городе гораздо больше, чем из всех книг последней Лейпцигской ярмарки, и почувствовать биение его живого мощного пульса, а у поэта-путешественника (каковым Гейне себя считает) подавят «всю его фантазию и разорвут сердце».

4. Заключение

Проведенный анализ текстов «литературы путешествий» показал, что путевые заметки, написанные известными немецкими писателями XIX—XX вв., демонстрируют актуализацию в них ряда когнитивных и коммуникативно-прагматических действий языковой личности автора, свидетельствующих об особенностях ментально-речевой деятельности создателей текстовых высказываний названного типа. Эти особенности обусловлены, с одной стороны, бытийной ситуацией пространственно-временного перемещения автора текста, а с другой — требованиями жанра, в соответствии с которыми автор создает свое литературное произведение. Тексты авторской «литературы путешествий» содержат самые разнообразные словесно-речевые формы, рождающие в совокупности в рамках текстовой структуры эгоцентрический «модус формулирования», который является сигналом жанрово предопределенного, с одной стороны, и индивидуально варьируемого в этих рамках, с другой — способа языкового выражения определенного содержания, композици-

онно организуемого темой «история путешествия» и свидетельствующего о характере текстовых и стилевых компетенций эгоцентрического ментально-речевого субъекта. Первое место среди этих компетенций занимает «компетенция формулирования», предполагающая знание того, какую целесообразную языковую форму нужно придать передаваемому содержанию в избранном жанре высказывания. Жанрово-тематические особенности рассматриваемых пространственных перемещениях литературных текстов предопределяют использование в нарративном дискурсе перекрестных комбинаций композиционно-речевых форм событийного сообщения, динамического и статического описания с мнениями и оценочными рассуждениями, которые рождают авторскую «картину мира» и «картину жизни».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* (Language and the Human World). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань: Бук, 2019. [Andreyeva, Valeriya A. (2019) *Literaturnyyu narrativ: zona formirovaniya smyslov* (Literary Narrative: a Zone of Meaning Formation). Kazan': Buk. (In Russian)].
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. [Volf, Yelena M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* (The Functional Semantics of Evaluation). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2005. [Gal'perin, Ilya R. (2005) *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (Text as an Object of Linguistic Research). (In Russian)].
- Гончарова Е. А. Стиль как параметр интерпретации текста и дискурса // Язык и текст в антропометрической науке / под ред. И. А. Щировой. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А. И. Герцена, 2018. [Goncharova, Evgeniya A. (2018) *Stil' kak parametr interpretatsii teksta i diskursa* (Style as a Parameter of Text and Discourse Interpretation). In: Shchirova, Irina A. (ed.) *Yazyk i tekst v antropomernoy nauke* (Language and Text in Anthropometric Science). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University, 93—123.
- Гончарова Е. А., Ньюбина Л. М. (2016) Я — ТЕКСТ — МИР. СПб: Политехника-сервис, 2016. [Goncharova, Evgeniya A. & Nyubina, Larisa

- М. (2016). *Ya — Tekst — Mir* (Me — Text — World). Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. [Lotman, Yuriy M. (2018) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* (The Structure of a Fiction Text. An Analysis of a Poetic Text). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)].
- Лошакова Г. А., Ртищева О. А. Путешествие как способ духовного и физического становления в немецкоязычной литературе для юношества первой половины XIX века // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6 (1). С. 104—116. [Loshakova, Galina A. & Rtishcheva, Olga A. (2021) *Puteshestviye kak sposob dukhovnogo i fizicheskogo stanovleniya v nemetskoazychnoy literature dlya yunoshstva pervoy poloviny XIX veka* (Travelling as a Way of Spiritual and Physical Formation in German-language Literature for Youth of the First Half of the 19th Century). *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* (Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies), vol. 6, (1), 104—116. (In Russian)].
- Рябцева Н. К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М: Языки славянской культуры, 2004. С. 451—458. [Ryabteva, Nadezhda K. (2004) *Subyektnye komponenty rechi (k postanovke problemy)* (Subjective Components of Speech (to the Statement of the Problem). In: Апресян, Yuriy D. (ed.) *Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura* (Hidden Meanings. Word. Text. Culture). Moscow: LRC Publishers, 451—458). (In Russian)].
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. [Stepanov, Yuriy S. (2010) *V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* (In the Three-dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Щирова И. А. Текст сквозь призму сложного. СПб: Политехника-сервис, 2013. [Shchirova, Irina A. (2013) *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo* (Text Through the Prism of the Complex). Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russian)].
- Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Российский гос. педагогический ун-т

- им. А. И. Герцена, 2018. [Shchirova, Irina A. & Goncharova, Evgeniya A. (2018) *Mnogomernost' teksta: ponimaniye i interpretatsiya* (Multidimensionality of Text: Understanding and Interpretation). Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (2005) *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt.
- Heringer, Hans Jürgen. (2011) *Texte analysieren und verstehen. Eine linguistische Einführung*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.
- Hoffmann, Michael. (2017) *Stil und Text. Eine Einführung*. Tübingen: Narr Verlag.
- Sandig, Barbara. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Weinrich, Harald. (2001) *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*. München: G. H. Beck.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Böll, Heinrich. (2008) *Irisches Tagebuch*. Köln: Verlag Kiepenheuer Witsch.
- Heine, Heinrich. (1978) Englische Fragmente. In: *Heines Werke*. In 5 Bdn. 3. Band. Berlin: Verlag Berlin und Weimar.

Evgeniya A. Goncharova
Herzen Russian State Pedagogical University

Larisa M. Nyubina
Smolensk State University

Peculiarities of Mental-speech Actions of the Author's Discursive Personality in German-language Texts of "Travel Literature"

"Literature of travel" has a rich tradition in different literatures. The common features of this literature in different geographical areas are manifested by *anthropocentrism* and *egocentrism*. The notions of *egocentrism* and *anthropocentrism* have firmly established themselves in linguistics. *Anthropocentrism* testifies to the universal orientation on man as the creator and user of language information — both in the language on the whole, and in its particular units. Each verbal text is a human creation and possesses the feature of *anthropocentrism*, but not each text contains a sufficient number of compositional (architectonic) traits (i. e. speech elements accentuating the subjective viewpoint of the author), which allow for its identification as a speech unit with an *egocentric* pragmatics. Meanwhile, *egocentrism* as a factor of text generation and comprehension plays an important part in liter-

ary communication, because artistic thinking and the process of its transposition into a verbal and speech creation are, in their essence, *egocentric* and introspective. The literary character manifests itself both as the object of imaginary and artistic description — for the author (a creative subject made objective by the concrete sign reality of the text) and the object of cognition — for the reader (the subject partner, the author, concluding the process of literary-artistic communication, namely the “co-author” of the literary text). The character is a medium between the author and the world inhabited by “the others” as well as between the microcosms of the author who belongs to this world, and “the others”. Both the author and the reader convey their own sense to features and doings of the character who lives in a functional world created by the fantasy of the author and the reader and thus serves as a personified representant of various human personalities embracing the author of the text. In utterances, demonstrating an exclusively individual world outlook of the author who at the moment of speech is being concentrated on the interests (personal, professional, political, etc.) and awareness of his own “Me”, *anthropocentrism* turns into *egocentrism*. In other words, *egocentrism* is linked to *anthropocentrism* by the logical relation of “the particular — the common”. Egocentric texts and utterances are written by the triune author — the one whose name we read on the book’s cover, and also by the object and the subject of the narration, i. e. the author is “one in three persons”. This is expressed in the usage of the pronoun “Me” and the pronoun “We” which means a group of like-minded people which also includes “Me”. Another peculiarity of the literature of travel is the assessment of the narrator / the teller which may be neutral, but also emotional, exaggerated, but mainly it is subjective as it originates from an egocentric narrator. Examples contained in the article also demonstrate such a peculiar compositional and speech feature of the “Travel notes” as a criss-cross usage of narration, description and lyrical argument of the speaking subject. With all these in mind, the main part among the above-mentioned principles of the text structure belongs to the compositional and speech form of “narration” which, in the geographical and inner personal perspective of the author, conveys the “history” of his travel. Such a compositional and speech form as “description” in its both varieties — the dynamic one (depiction of objects in their changes, movements and displacement relative each other) and the static one (depiction of objects in their qualitative condition, stability and changeless character at a certain interval of time) considerably influence the general assessment and the general meaning of the text, which are interwoven with the narration canvas. These functional and sense types of speech, in their turn are

often interrupted and / or discontinued by a certain judgement or argument of the author caused by his vision and observation of (a) definite object(s). Such argumentation may be considered as a speech signal of a switch-over from the narrative-descriptive function of the narrator to the communicative-pragmatic setting to interpretation / generalization of / comment on the depicted.

Keywords: Literature of travel; anthropocentrism; egocentrism; author; narrator; one in three persons; narration canvas; types of speech; assessment; subjectivity

Для цитирования:

Гончарова Е. А., Нюбина Л. М. Особенности ментально-речевых действий дискурсивной личности автора в немецкоязычных текстах «литературы путешествий» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 73—93.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-73-93.

To cite this Article:

Goncharova, Evgeniya A. & Nyubina, Larisa M. (2024) Osobennosti mental'no-rechevykh deystviy diskursivnoy lichnosti avtora v nemetskojazychnykh tekstakh "literaturny puteshestviy" (Peculiarities of Mental-speech Actions of the Author's Discursive Personality in German-language Texts of "Travel Literature"). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 73—93. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-73-93.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; принята к публикации 11.05.2024

The article was submitted 14.02.2024; accepted for publication 11.05.2024

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: УСЛОВИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ, ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Предметом рассуждений в предлагаемой статье является коммуникативная стратегия «презентация субъекта в интеракции». Стратегия понимается как некий план по достижению субъектом той или иной цели, т. е. как определенная последовательность разнообразных (речевых и / или неречевых) действий, осуществление которых обеспечивает субъекту достижение поставленной цели своей деятельности в определенных условиях. Стратегия названного типа интерпретируется как общее понятие для ряда частных стратегий, реализация которых позволяет объективировать, активировать и со-активировать в коммуникации разнообразные сведения о многочисленных качествах субъекта той или иной категории. Такими частными стратегиями могут быть, например, автопрезентация, конструирование позитивного / негативного имиджа, поддержание имиджа, дискредитация субъекта и др. Анализируемая стратегия описывается в двух ракурсах: с одной стороны, как стратегия, реализуемая при решении соответствующей задачи в качестве специальной и основной в некоторой интеракции. С другой стороны, обсуждаемая стратегия анализируется как стратегия, реализуемая при решении иных коммуникативных и когнитивных задач в конкретной интеракции в качестве дополнительной, сопутствующей некоторой основной, специальной. В зависимости от коммуникативной роли субъекта анализируемую стратегию целесообразно изучать как презентацию субъекта и как автопрезентацию субъекта. В первом случае субъект, выполняя разные виды деятельности, является адресатом и / или не-коммуникантом, когда то или иное высказывание порождается иным субъектом. Во втором случае субъект деятельности представляет собой адресанта, т. е. деятель осуществляет некую деятельность и порождает при этом высказывание, обладающее определенной текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организацией. Стратегии «презентация и автопрезентация субъекта» в коммуникации характеризуются через анализ корреляций когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий, каждая из которых обладает определенной специализацией, определяемой типом коммуникативной и когнитивной

задачи, разнородными параметрами ситуации взаимодействия, а также свойствами коммуникантов и не-коммуникантов. Перечисленные факторы интерпретируются как обстоятельства, обуславливающие в той или иной мере как выбор способов и средств реализации стратегий, так и тенденции в трансформации последних. Порождение и рецепция текста описываются в их взаимовлиянии на фоне анализа соотношения таких комплексов гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире как картина мира, коллективная идентичность субъекта, личностная идентичность субъекта и Я-концепция субъекта. Во внимание при этом принимаются различные механизмы вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений о субъекте, анализируемые с учетом невербальных средств объективации сведений о мире и о субъекте, а также активации и со-активации соответствующих знаний. Средствами реализации стратегии «презентация субъекта» признаются разнообразные вербальные и невербальные средства. Оценочные, самооценочные высказывания и иные аксиологически нагруженные средства интерпретируются как часть комплекса изофункциональных средств, специализирующихся на решении названной коммуникативной и когнитивной задачи. Источником для анализа служат тексты разных типов, в том числе и преолизованные.

Ключевые слова: носитель языка и культуры как субъект познания и коммуникации; автопрезентация как когнитивная и коммуникативная задача; презентация субъекта vs автопрезентация субъекта; конструирование имиджа; коллективная и личностная идентичность субъекта; коллективный и единичный субъект; первичная и вторичная социализация; когнитивная, номинативная, коммуникативная стратегии; трансформация идентичности; средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач

Задуматься над проблемой (само)презентации субъекта в коммуникации лингвистов объективно побуждают довольно яркие изменения в способах оформления высказываний, содержанием которых является та или иная характеристика субъекта познания и коммуникации. Несколько абстрагируясь от характера конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, которую решают носители языка и культуры в любом типе интеракции, в том числе и с помощью языковых средств, следует, пожалуй, без особой натяжки интерпретировать соответствующий результат

как предоставляющий исследователю разнообразную и довольно обширную информацию о субъектах-коммуникантах, о субъектах-не-коммуникантах,¹ а также о разнообразных объектах внеязыковой действительности и иных параметрах осуществляемых коммуникантами и не-коммуникантами различных видов деятельности (см. примеры ниже).

1. Постановка проблемы

Как показывает исследовательская практика, при изучении текста, порождаемого носителями языка и культуры, аналитик имеет дело среди прочего с презентацией субъекта и / или его

¹ Интересными в связи с этим представляются рассуждения А. Е. Бочкарева относительно автора, а также позиция Р. Барта в связи с трактовкой последним «смерти автора» (БОЧКАРЕВ 2014: 10-12, 263) и размышления О. А. Костровой о корреляции типа субъекта, характера пространственно-временного континуума в художественном нарративе, с одной стороны, и языковыми — в первую очередь, лексическими и грамматическими — средствами выражения соответствующих сведений, с другой (КОСТРОВА 2023). Интересны также результаты анализа тех или иных способов взаимодействия субъектов познания и коммуникации, осуществляемого в разных условиях с помощью разнообразных средств и изучаемого на различном теоретическом фундаменте в (БЕРКНЕР 2001; БЛАКАР 1987; БОДАЛЕВ 2000; ГРИШАЕВА 2007; ГРИШАЕВА 2019; ГРИШАЕВА 2022; КАТАНОВА 2009; КАШКИНА 2005; КОНЮШКЕВИЧ 2014; КОСТРОВА 2014; ПОЧЕПЦОВ 2001; ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ... 2006; ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ... 2009; ROTH 2003; ВАРТН 1999; ZIFONUN 2000 и др.). Значимым в обозначенном контексте является в теоретическом и прикладном отношении исчисление и многоаспектное описание гетерогенных факторов, обуславливающих процесс и результат взаимодействия разных категорий субъекта, преследующих разные цели. Важным представляется также выявление довольно устойчивых корреляций между целью деятельности, средствами и способами ее реализации, с одной стороны, и особенностями субъектов деятельности и культурного пространства, в котором осуществляется взаимодействие носителей языка и культуры, с другой. С этих позиций разнородность подходов к описанию эмпирии и методик изучения последней становится особо ценной, поскольку таким образом появляется возможность комплексного анализа и более глубокого проникновения в осмысляемую проблематику.

автопрезентацией, поскольку при порождении текста носители языка и культуры сознательно или неосознанно учатся в силу своей социализации *выбирать* средства и способы достижения своей цели, а также *предпочитать* определенные языковые средства иным, изофункциональным, с помощью которых также можно решать ту же самую коммуникативную и когнитивную задачу. Например, выразить свое личное мнение по отношению к людям той или иной категории можно по-разному — через первичную или вторичную номинацию: «Эйнштейниаты» (вместо «талантливые дети», «вундеркинды», «он ну прямо как Эйнштейн» и т. д.) или же «релоканты», «испуганты», «испургенты» (вместо «уехавшие из страны с началом СВО», «покинувшие страну после 24 февраля 2022 года» и т. п.)² и т. д.

Несомненно, своим выбором средств и способов решения некоторой задачи субъект, порой даже сам того не желая или не осознавая этого, *дополнительно* сообщает своим партнерам по коммуникации разнообразные сведения: о своем эмоциональном состоянии, об уровне своей образованности и характере своего образования, о жизненных установках, о своих намерениях здесь и сейчас, даже о возрасте или приверженности определенному мировоззрению; например, *константировать*, *прецедент*, *портфель*, *документ* и т. п. Другими словами, носитель языка и культуры дает основание *судить* о себе, поскольку он так или иначе представляет себя, оставляет о себе определенное впечатление; иными словами, речь в подобных случаях идет о *презентации* субъекта.

Так, обращение «милостивый государь» в его первичной функции однозначно отсылает носителей русского языка к конкретной эпохе. Аналогично то же происходит и при использовании в публичной сфере советизмов типа «горпромхоз», артель «Напрасный труд», колхоз «Темный путь»,³ которые функционировали нередко в разных — официальных и неофициальных — ситуациях, в том числе для пародирования или острой социаль-

² Lenta.ru.

³ Два последних примера правомерно интерпретировать как аллюзию, в частности, как аллюзию на привычное для носителей русского языка название «Светлый путь», часто встречавшееся в советскую эпоху у многих колхозов.

ной критики. Подобная информация конвенционализируется, лингвистически кодируется и помечается в толковых словарях. Так, в словарных статьях лексемы *Team* и *Kollektiv*, семантика которых трактуется едва ли не идентично, в издании *Universalwörterbuch* (1989) имеют пометы о месте и времени их использования в определенные периоды существования Германии.⁴

Поэтому, предельно обобщая, все возможные тексты — независимо от их типа — можно разделить на две неравновеликие группы: (1) тексты, в которых самопрезентация и / или презентация субъекта как носителя языка и культуры является задачей, не осознаваемой ни адресантом, порождающим текст, ни реципиентом, воспринимающим соответствующий текст; (2) тексты, основной коммуникативной и когнитивной задачей которых при порождении становится именно презентация субъекта и / или самопрезентация субъекта, что более или менее явно осознается одним и / или обоими участниками дискурсивного взаимодействия, а также и не-коммуникантом.

Целесообразность подобного распределения текстов разного типа можно подтвердить тем, что в текстах первой группы сведе-

⁴ В значимости соответствующих сведений для носителей языка и культуры можно убедиться и на примере ответов граждан современной Германии относительно 74 выражений, специфичных для ГДР, которые автор книги, Бернд-Луц Ланге (LANGE 2000), снабжает комментариями, в ряде случаев довольно развернутыми, и признает их незнакомыми для молодого поколения объединенной Германии. Так, один респондент, историк, в частности, обращает внимание спрашивающего на особые мировоззренческие характеристики и политические установки носителей языка, использовавших определенные выражения в эпоху ГДР, отмечая: «Bei den anderen Worten fällt mir auf: Es sind alles Begriffe *einer Klientel, die die DDR als Staat distanziert bis hämisch betrachtete und ablehnte*, Worte der *politischen Gegnerschaft innerhalb der DDR*. Die sind inzwischen mehr in Vergessenheit geraten als Alltagsbezeichnungen, die mehr oder weniger unpolitisch aber eindeutig DDR-bezogen waren wie „Konsummarken“, „Poliklinik“, „Haushaltstag“, „Flimmerstunde“, „Kinderkrippe“, „Brigadetagebuch“, „Spartakiade“ (ich kann noch mehr nennen)» (курсив мой — Л. Г.). См. подробное описание соответствующих единиц, а также анализ результатов опроса носителей немецкого языка в (GRISHAYEVA 2022).

ния о субъекте в основном активизируются средствами, не специализирующимися на задаче «презентация субъекта», которые со-активируются различными способами (см. примеры выше и ниже); это главным образом знание, доступ к которому получен через инференцию. В текстах второй группы сведения о субъекте объективируются прежде всего средствами, конвенционально используемыми в языковой культуре при решении задачи «презентация субъекта». Такие сведения объективируются средствами вербального и невербальных кодов, они могут также дополняться (активироваться и со-активироваться) и иными способами, в том числе и не конвенционализированными в культуре средствами.

Поэтому последовательное использование в коммуникации (и тем самым в тексте) разнородных средств объективации, активации, со-активации сведений о некотором субъекте с теми или иными разнородными характеристиками правомерно интерпретировать как коммуникативную стратегию, поскольку любая интеракция, представляющая собой некоторую последовательность разнообразных речевых и неречевых действий, *подчинена* достижению *одной* цели. Аналогичным образом правомерно также характеризовать и текстосемантическую, текстосинтаксическую, функциональную организацию текста как результата дискурсивной деятельности с помощью языковых средств, в котором все разнородные и разноуровневые средства вербализации сведений о мире подчинены текстограмматическим. Поэтому феномен «стратегия» правомерно трактовать как определенный план действий (в широком смысле), т. е. как некую последовательность речевых и неречевых действий, осуществляемых в конкретной интеракции и направленных на достижение определенной цели. Количественный и качественный состав соответствующей совокупности действий зависит от характера решаемой коммуникативной и когнитивной задачи, общих и частных параметров ситуации взаимодействия носителей языка и культуры, разнородных характеристик самих участников взаимодействия и некоторых других факторов. Перечисленные разнородные факторы обуславливают выбор субъектом инструментов, средств и способов, с помощью которых осуществляется соответствующий вид деятельности.

Целесообразность предложенного ракурса исследования можно проиллюстрировать с помощью примера 1, который убедительно показывает, что, с одной стороны, одни и те же языковые средства активируют *разные* комплексы сведений. Отсюда — необходимость изучить, какие именно сведения и при каких условиях активизируются и со-активируются, а также почему это происходит. Важно также выяснить, что именно позволяет реципиенту быть уверенным в адекватности своего понимания соответствующего высказывания. С другой стороны, реципиент интерпретирует содержание воспринимаемого текста в зависимости от того, насколько полны, точны и дифференцированы его представления о различных видах деятельности. Значимой является и гендерная идентичность у субъекта деятельности, а также то, насколько он как носитель языка и культуры владеет содержанием гендерных стереотипов, актуальных для конкретной языковой культуры применительно к определенному виду деятельности, реализуемой в тех или иных условиях.

Пример 1 (ZILLGENS 2000: 107-108) (сопутствующая когнитивная и коммуникативная задача «презентация единичного субъекта»):

Variante A: <i>ER</i> fährt	Variante B: <i>SIE</i> fährt
Er (befehlend): Schatz, schau doch mal eben auf die Karte.	Sie (unsicher): Schatz, schau doch mal eben auf die Karte.
Sie (hastig): Ja, gleich.	Er (gelangweilt): Ja, gleich.
Er (ungeduldig): Müssen wir diese Abfahrt runter?	Sie (gestresst): Müssen wir diese Abfahrt runter?
Sie (unsicher): Moment. Wo sind wir denn?	Er (überheblich): Moment. Wo sind wir denn?
Er (ironisch): An der Abfahrt.	Sie (kopfflos): An der Abfahrt.
Sie (hektisch): An welcher?	Er (sarkastisch): An welcher?
Er (genervt): An der, wo wir vielleicht raus müssen.	Sie (heulend): An der, wo wir vielleicht raus müssen.
Sie (leise): Kannst du nicht einen Moment früher fragen?	Er (brüllend): Kannst du nicht einen Moment früher fragen?
Er (resigniert): Frauen können einfach nicht Auto fahren	Sie (resigniert): Frauen können einfach nicht Auto fahren

В качестве непосредственного импульса для изучения способов и средств реализации презентации и / или самопрезента-

ции субъекта в качестве специальной, более или менее отрафлексированной коммуникантами задачи правомерно признать также примеры типа приводимых ниже (см. пример 2):

Пример 2 (сопутствующая когнитивная и коммуникативная задача «презентация единичного / коллективного субъекта):

- <...> потомственный садовод Жозеп Боррель;
- <...> место у Дженифер Лопес, застрахованное на миллион долларов;
- <...> кормилица всяя СССР;
- <...> разве что не главный правдоруб России;
- <...> Россию приняли в семерку на правах шестерки;
- <...> гегемонщина — Вашингтонщина — Вашингтонский обком;
- <...> титулованный борец за вашу и нашу свободу;
- <...> Саакашвили еще бодрый, голодный до галстуков молодой человек.⁵

Приведенные высказывания интересны по ряду причин. Они, во-первых, формально и содержательно чрезвычайно разнообразны. Это и понятно, поскольку субъекты, порождающие соответствующие высказывания, различны, а среда (медиапространство, Интернет), в которой порождаются анализируемые высказывания, обладает весьма специфическими характеристиками. Из-за этого субъект-адресант не ограничивает себя теми или иными рамками, не сдерживает себя в выборе номинативного средства. Разными являются и характеризующие субъекты как объекты аксиологической деятельности субъекта-адресанта, и собственно предметы оценки, а также свойства и основания последней. Так, это профессиональные характеристики некоторого субъекта (садовод Жозеп Боррель), особо выдающиеся внешние признаки (место у Дженифер Лопес), состояние человеческого организма (голодный <...> молодой человек), вид деятельности человека как члена некоторого общества (титулованный борец, главный правдоруб, кормилица), вполне определенное культурное пространство, «свое» и / или «чужое» для субъекта-адресанта высказывания (СССР, Россия, Вашингтонщина). При этом речь идет либо о единичном субъекте как носителе некоторых признаков (Жозеп

⁵ Lenta.ru.

Боррель, Дженифер Лопес, Саакашвили), либо о коллективном субъекте (весь СССР, Россия, Вашингтонский обком).

Во-вторых, различными являются ситуации, в которых порождаются обсуждаемые высказывания, а также поводы для порождения последних. Так, это могут быть события, синхронные с моментом порождения высказывания или имеющие временную дистанцию с последним (Саакашвили *еще* бодрый <...> человек, Россию *приняли* <...>). Любопытно, что основной посыл — та или иная характеристика субъекта — распознается реципиентом без труда, даже если реципиенту не понятна суть события или же если сам характеризующий субъект как участник последнего не известен реципиенту высказывания. В подобных случаях носитель языка и культуры опирается на свое знание: знания о мире, интеракциональные знания и языковые знания, т. е. в конечном итоге на владение социальными эталонами выполнения того или иного вида деятельности, а также на знание о том, кто, как, когда, где, о чем говорить надо или не надо, как принято в обществе.

В-третьих, разными следует признать также и те ментальные категории, под которые подводятся воспринимаемые сведения, значимые для коммуникации, а также признаки, воспринимаемые субъектом познания и коммуникации в качестве салиентных при актуальной для аксиологической деятельности категоризации и концептуализации соответствующих сведений. Если у реципиента анализируемых высказываний будут вообще отсутствовать довольно дифференцированные сведения о тех или иных ситуациях, о некоторых событиях, об определенных членах общества и др. или же наличествовать в недостаточной мере, он не сможет адекватно интерпретировать воспринимаемый текст. Так, реципиент рискует не понять, что в данных случаях имеет место аксиологическая идентификация, что реализуется стратегия эвфемизации. Например, высказывание «потомственный садовод Жозеп Боррель» может интерпретироваться и как идентифицирующее, если реципиент не будет владеть информацией о Борреле как личности, о занимаемой им должности в ЕС. Несколько проще реципиенту осмыслить высказывание «Саакашвили еще бодрый, голодный до галстуков

молодой человек», но только потому, что в русской культуре галстуки не являются продуктом питания, и это относится к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры.

Наконец, объединяет обсуждаемые примеры не только то, что субъекты, порождающие анализируемые высказывания, являются носителями русской языковой культуры, но и то, что для объективации аксиологически нагруженных сведений о том или ином объекте оценки в приведенных случаях используются вторичные номинативные средства. Данное обстоятельство весьма важно в контексте предпринимаемых рассуждений, так как во всех анализируемых случаях исследователь имеет дело с комплексом объективируемых, активизируемых и со-активизируемых сведений о мире, профилируемых согласно образцам (прототипам ментальных категорий и паттернам действий и деятельности), конвенционально известным субъекту-адресанту. Важно также понимание того, какие именно качества оценивает субъект аксиологической деятельности, будучи адресантом высказывания.

Выражаясь иначе, резонно осмысливать любой выбор одного из способов взаимодействия коммуникантов в некоторых условиях либо как презентацию субъекта, либо как автопрезентацию субъекта — в зависимости от коммуникативной роли субъекта высказывания (либо коммуникант: адресант или адресат, либо некоммуникант).⁶ Причина в том, что выбор средств и способов взаимодействия носителей культуры базируется на знаниях, разделяемых всеми носителями культуры. Вместе с тем подобный выбор не может не зависеть от личностных особенностей конкретного носителя языка и культуры, т. е. от соотношения коллективной и личностной идентичности (см. Схему 1). Очевидно, что перечисляемые в схеме 1 комплексы сведений отличаются друг от друга в количественном и качественном отношении, а

⁶ См. подробнее, например, в (АБРАМОВ 1986; АВРАМОВ 1998; ВАРТН 1999; ЗИГОНУН 2000; а также АРУТЮНОВА 1981; КАШКИНА 2005; КАТАНОВА 2009; ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ... 2009; ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ... 2006 и др.). Интерес в обозначенном контексте представляют и многочисленные исследования разных функционально-семантических категорий и структуры функционально-семантических полей на материале разных языков.

также конфигурацией сведений, образующих соответствующие комплексы.

В обозначенном контексте очевидно, что возможность интерпретации любых действий носителей языка и культуры, в том числе и выбор средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, это не может быть величиной постоянной во времени и неизменной применительно к тому или иному субъекту. С другой стороны, возможность осмысления выбора средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях как проявление презентации и / или самопрезентации субъекта зависит от характера названной задачи, т. е. от того, является ли она основной или сопутствующей в актуальной для носителя языка и культуры интеракции (см. пример 3).

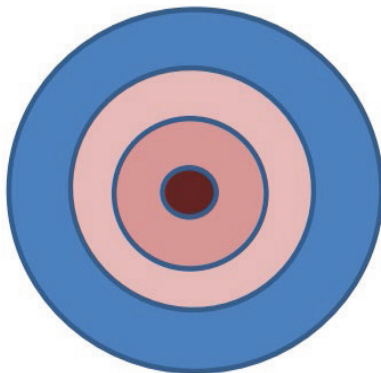
Схема 1. Соотношение комплексов сведений у носителя языка и культуры (Гришаева 2022: 191)

1 — картина мира как совокупность гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире (= круг с самым большим диаметром);

2 — коллективная идентичность субъекта (= круг с меньшим диаметром);

3 — личностная идентичность субъекта (= круг с третьим по размеру диаметром);

4 — Я-концепция (Я-концепт) (= круг с наименьшим диаметром) (ракурс рассмотрения: извне к центру)

Пример 3 иллюстрирует один из многочисленных способов решения задачи «самопрезентация коллективного субъекта», причем этот способ весьма нетривиален. Во-первых, реципиент довольно легко распознает это по соотношению вербально и невербально объективируемых сведений, которое основывается на очевидном контрасте между содержанием высказывания и содержанием стереотипов сознания. Вербально объективируются

сугубо позитивные качества субъекта, а невербально — негативные. Во-вторых, имеет место своего рода противоречие между апелляцией к коллективному субъекту через референцию обозначения этого субъекта к классу с помощью существительного-антропонима в единственном числе. При этом в большинстве случаев существительное употреблено с неопределенным артиклем (Technical... as a Portuguese, Humble... as a Spaniard, Cooking... like a Brit), а в некоторых — с определенным (Driving... like the French, Sober... as the Irish). В одних случаях имеет место включение единичного субъекта в класс (Famous... as a Luxembourger, Talkative... as a Finn), а в других — уподобление, сравнение (Cooking... like a Brit, Driving... like the French). В-третьих, невербально (расположение микротекстов на листе по кругу) активируются сведения о принципах, на которых желает строить отношения внутри организации презентирующий себя коллективный субъект — равноправие всех входящих в целостность, а также сведения об идеале, к которому, по всей видимости, стремится коллективный субъект — толерантность к недостаткам соучастников организации. В-четвертых, автопрезентация коллективного субъекта дает реципиенту ясно понять, какая манера общения будет приветствоваться внутри соответствующего сообщества — мягкий, добрый юмор, не позволяющий, с одной стороны, затушевывать явные недостатки (они «называются» невербальными средствами), однако, с другой стороны, побуждающий единичного субъекта становиться лучше.

Пример 3 (специальная и отрефлектированная задача «презентация коллективного субъекта»):

Technical... as a Portuguese	Technical... as a Portuguese
Humble... as a Spaniard	Humble... as a Spaniard
Cooking... like a Brit	Cooking... like a Brit
Available... as a Belgian	Available... as a Belgian
Controlled... as an Italian	Controlled... as an Italian
Famous... as a Luxembourger	Famous... as a Luxembourger
Driving... like the French,	Driving... like the French
Discreet... as a Dane,	Discreet... as a Dane
Generous... as a Dutchman	Generous... as a Dutchman
Humorous... as a German,	Humorous... as a German
Sober... as the Irish,	Sober... as the Irish

Organised... as a Greek

Organised... as a Greek

Talkative... as a Finn

Patent... as an Austrian

Flexible... as a Swede

К тому же пример 3 убедительно показывает соотношение устойчивого и изменчивого в способах решения одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи в пределах одного культурного пространства. Названное обстоятельство приобретает при изучении процессов трансформации идентичности субъекта особую значимость, поскольку уже только количество микротекстов в креолизованном макротексте определенно коррелирует с числом членов ЕС как коллективного субъекта, свидетельствуя о возможности через разнообразные приемы текстограмматического анализа проследивать количественные и качественные изменения в организации текста одного и того же типа.

Таким образом, основную *проблему* в данной статье правомерно осмыслить как изучение способов объективации соотношения коллективного и индивидуального при использовании языка как средства познания и коммуникации в разных условиях при решении носителями языка и культуры некоторой когнитивной и коммуникативной задачи.

2. Цель, материал, гипотеза и методы исследования

Гипотезу исследования целесообразно сформулировать следующим образом: личностный профиль носителя языка и культуры определяется личностной и коллективной идентичностью субъекта. Это обуславливает выбор субъектом коммуникации средств и способов решения разнообразных задач, а также использование конкретным субъектом с некоторыми характеристиками языковых средств в дискурсе как при порождении, так и при рецепции текста в процессе решения коммуникативных и когнитивных задач. Выбор средств и способов достижения цели в интеракции обусловлен многочисленными разнородными факторами. К последним относятся параметры пространственно-временного континуума и характер решаемых задач, а также особенности социума и типа культуры и др. Через изучение средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи субъектами, обладающими набором разно-

образных характеристик, можно получить сведения об особенностях конкретного субъекта и, следовательно, составить представление о сознательной или неосознаваемой им либо о неотрефлексированной презентации и / или автопрезентации субъекта как задаче.

Анализ различных способов и многочисленных изофункциональных средств решения коммуникативной и когнитивной задачи «презентация / автопрезентация субъекта» свидетельствует о возможности диверсифицировать представления разного рода, значимые как для коллективного, так и для единичного субъекта. Это доказывает не только множественность способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, но и множественность типов соотношения соответствующего инварианта и его вариантов в различных условиях. Вместе с тем появляется возможность охарактеризовать соотношение интегральных и дифференциальных признаков различной этиологии применительно к некоторому элементу культуры. На такой основе представляется оправданным изучение содержания стереотипов сознания и социальных эталонов осуществления деятельности, а также их роли при порождении и рецепции текстов разного типа с помощью средств вербального и невербальных культурных кодов, в том числе и принципов конструирования образа «своего» и образа «чужого». К последним так или иначе обращаются носители языка и культуры, реализуя стратегию «презентация субъекта» в качестве специальной (основной) и / или дополнительной (сопутствующей) интеракциональной задачи.

В обозначенном контексте *цель* исследования можно определить как исследование средств и способов реализации стратегии «презентация субъекта» в различных условиях решения соответствующей когнитивной и коммуникативной задачи в качестве специальной (основной) и / или сопутствующей (дополнительной) в интеракции.

Предметом исследования являются вербальные и невербальные средства объективации, активации и со-активации сведений о разнообразных видах деятельности человека, осмысляемые как прямые и косвенные, непосредственные и опосредованные способы характеристики субъекта, на основании которых можно су-

дить о субъекте как о носителе языка и культуры. *Источник* эмпирического материала — семиотически гетерогенные и семиотически гомогенные тексты разных типов. Исследование целесообразно охарактеризовать как *комплексное и многоаспектное*, выполняемое с помощью общелингвистических приемов и методов при подчинении последних текстограмматическим.

3. Селекция воспринимаемых в интеракции сведений и структурирование информационного потока в интеракции при реализации стратегии «презентация субъекта»

Сформулированные выше позиции позволяют понять, что фундаментом предпринятого исследования выступает теория, обеспечивающая в ходе анализа внутренне непротиворечивое объединение когнитивных, психологических, социологических, интеракционных, лингвистических, аксиологических и иных закономерностей. С их помощью можно объяснить, как человек, будучи уникальным индивидом, носителем языка и культуры, способен успешно и продуктивно взаимодействовать с другими уникальными носителями культуры, не утрачивая при этом своей неповторимости. Очевидно, что в таком контексте максимальной объяснительной силой обладает теория идентичности.

Категория анализа «идентичность» стала в последние десятилетия одним из наиболее востребованных понятий не только в гуманитарной научной, но и в публичной сфере, и ее трактовка отличается высокой гетерогенностью (см., например, в [Норатсчек 2001a; Гломв 2001a; Гломв 2001b]). В целях предпринятого анализа необходимо выделить ряд характеристик идентичности как феномена.

Идентичность представляет собой результат процесса социализации носителя культуры в соответствующее культурное пространство. Этот феномен является когнитивным, но вместе с тем и интеракционным, рациональным и одновременно эмоциональным, динамическим и статическим, индивидуальным и коллективным, спонтанным и целенаправленным, сознательным и неосознаваемым, отрефлектированным и не требующим сознательной рефлексии. Идентичность складывается в процессе осуществления субъектом различных интеракций с другими субъектами в ходе социализации. Идентичность — совокупность иера-

хически организованных комплексов⁷ гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, комплекс декларативного и процедурального знания, комплекс знаний, которыми располагает индивид как член социума, и знаний, которые разделяют все носители соответствующей культуры (ASSMANN 2000; GLOMB 2001a; GLOMB 2001b; HORATSCHEK 2001a; HORATSCHEK 2001b; SCHMAUS 2000; ГРИШАЕВА 2007; ГРИШАЕВА 2022: 99-145, 180-229, 230-261) (см. выше Схему 1). Ряд исследователей специально акцентирует внимание на том, что идентичность представляет собой оппозитивное и коррелятивное понятие, называющее двухместное отношение частичного или полного тождества, используемое для обозначения различия (SCHMAUS 2000: 213).⁸

Идентичность описывается здесь как комплекс гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных декларативных, процедуральных, ассоциативных сведений. Этот ментальный комплекс, в свою очередь, включает структуры разнородных сведений в качестве коллективной и личностной идентичности, которые различаются как в количественном и качественном соотношении, так и конфигурацией сведений, образующих соответствующие структуры (ГРИШАЕВА 2007; ГРИШАЕВА 2022: 180-229, 262-292). Изложенная интерпретация идентичности как феномена базируется на трактовке Я. Ассмана, который выделяет два вида идентичности: Я-

⁷ Ср. сопоставимую трактовку у А. Хорачек, которая выявляет в обсуждаемой ментальной структуре интегративность индивидуально и коллективного знания, представлений о «своем» и «чужом», норм ожиданий и предписаний, относительность статично-гармоничного, что складывается в процессе идентификации: «die kollektive Identität ist gebunden an die Ausbildung gruppenspezifischer Kulturformen (Kultur) und wird in der Regel in struktureller Analogie zur persönlichen Identität gedacht, die traditionellerweise die ganzheitliche ordnungsstiftende Integration von disparaten Selbst- und Welterfahrungen, Selbst- und Fremdentwürfen, Erwartungen und kulturellen Rollenvorgaben in eine relativ statisch-harmonische Instanz... durch Identifikationsprozesse (Identifikation) meint» (HORATSCHEK 2001a: 266-267).

⁸ «Oppositions- und Korrelationsbegriff zu Differenz, der eine zweistellige Relation partieller oder vollständiger Gleichheit benennt» (SCHMAUS 2000: 213).

идентичность,⁹ подразделяемую на индивидуальную,¹⁰ базирующуюся на витальных потребностях человека, и персональную, характеризующую человека в социальных и культурных координатах, а также МЫ-идентичность¹¹ (ASSMANN 2000).

Идентичность является уже только потому адекватным средством познания того, как и почему действует человек определенным образом в тех или иных условиях, что она представляет собой, как отмечает А. Хорачек (HORATSCHEK 2001a: 266-267), относительное понятие, поскольку нечто можно охарактеризовать как идентичное только чему-либо. Идентичность обнаруживает при этом разнообразие характеристик,¹² сохраняя вневременное единство, внеситуативную консистенцию и соот-

⁹ «Der Einzelne wird in seinem Ich-Bewusstsein... geprägt, aber das heißt nicht, dass damit notwendigerweise auch ein Wir-Bewusstsein verbunden ist, in dem sich seine Zugehörigkeit zu einer Gesellschaft und deren Kultur als Zusammengehörigkeit im Sinne der Mitgliedschaft artikuliert. Diese Zugehörigkeit liegt vielmehr als eine Selbstverständlichkeit unterhalb der Schwelle eines bewussten und handlungsleitenden Selbstbildes. Erst durch Bewusstmachung... oder Bewusstwerdung... können diese Zugehörigkeiten sich zu einer Wir-Identität steigern. Eine kollektive Identität ist... reflexiv gewordene gesellschaftliche Zugehörigkeit. Kulturelle Identität ist entsprechend die reflexiv gewordene Teilhabe an bzw. das Bekenntnis zu einer Kultur» (ASSMANN 2000: 134).

¹⁰ «*Individuelle Identität* ist das im Bewusstsein des Einzelnen aufgebaute und durchgehaltene Bild der ihn von allen ("signifikanten") Anderen unterscheidenden Einzelzüge, das am Leitfaden des Leibes entwickelte Bewusstsein seines irreduziblen Eigenseins, seiner Unverwechselbarkeit und Unersetzbarkeit. *Personale Identität* ist demgegenüber der Inbegriff aller dem Einzelnen durch Eingliederung in spezifische Konstellationen des Sozialgefüges zukommenden Rollen, Eigenschaften und Kompetenzen» (ibid.: 131-132).

¹¹ «Unter einer *kollektiven Identität* oder *Wir-Identität* verstehen wir das Bild, das eine Gruppe von sich aufbaut und mit dem sich deren Mitglieder identifizieren. Kollektive Identität ist eine Frage der *Identifikation* seitens der beteiligten Individuen. Es gibt sie nicht "an sich", sondern immer nur in dem Maße, wie sich bestimmte Individuen zu ihr bekennen. Sie ist so stark und so schwach, wie sie im Bewusstsein der Gruppenmitglieder lebendig ist und deren Denken und Handeln zu motivieren vermag» (ibid.: 132).

¹² «Heterogenität des Identitätsbegriffes» (HORATSCHEK 2001a: 267).

ношение внешней и внутренней перспективы.¹³ Идентичность не представляет собой статичную величину; она складывается в социуме, в интеракции, в процессе конструирования и ревизии представлений субъекта о себе самом (ibid.: 267).¹⁴ Идентификацию Хорачек трактует как отношение к окружающему миру как авторитетной¹⁵ инстанции, которое устанавливается через первичную идентификацию в большинстве случаев через личности родителей, а разрыв с такой идентификацией приводит от осознания личностью индивидуальных особенностей к формированию Я-идентичности¹⁶ (ibid.: 266) (ср. изложенное мнение с трактовкой Ш. Гломба [GLOMB 2001a]).

Осознание сложной организации разных комплексов сведений (картина мира, коллективная идентичность, личностная идентичность, Я-концепция / Я-концепт) (см. выше Схему 1) побуждает задаться вопросом относительно того, как продуцент и реципиент структурируют в интеракции информационный поток. Причиной для этого является, очевидно, необходимость

¹³ «Einigkeit scheint jedoch bezüglich des Umstandes zu herrschen, dass Identität, anders als Begriffe wie ‘Selbst’, ‘Persönlichkeit’ oder ‘Charakter’, als relationeller Begriff (etwas kann nur identisch mit etwas sein) bereits impliziert, dass sich das Bezeichnete je innerhalb eines Beziehungsgeflechtes situiert, wobei die hierfür konsitutiven Relationen je unterschiedliche Facetten von Identität aufscheinen lassen: als überzeitliche Kontinuität, als über-situative Konsistenz, wie auch als Abgleich von Innen- und Außenperspektive» (ibid.).

¹⁴ «...dass Identität weder als dinghafte, statische Größe (wie es die Vorstellung von einem Persönlichkeitskern nahelegt), noch als einfach gegeben zu verstehen ist, sondern als der von der oder dem einzelnen immer wieder zu bewerkstelligende, am Schnittpunkt von gesellschaftlicher Interaktion und individueller Biographie stattfindende Prozess der Konstruktion und Revision von Selbstbildern» (ibid.).

¹⁵ «Autorität — auf *Leistung* oder *Tradition* beruhender Einfluss einer Person oder Institution und das daraus erwachsende Ansehen» (UNIVERSALWÖRTERBUCH 1989: 199) (выделено мною — Л. Г.).

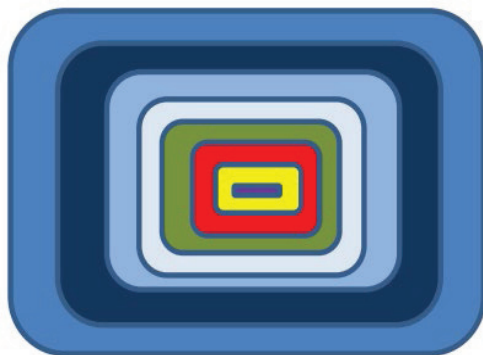
¹⁶ «über die Ur-Identifikation verwebt sich die Beziehung zur Umwelt als Autoritätsinstanz, zumeist in Person der Eltern, und die Abgrenzung von ihr im Bewusstsein der individuellen Besonderheit zur Ich-Identität» (HORATSCHKE 2001a: 266).

неизбежной селекции сведений, поскольку селективность — одна из характеристик, присущих восприятию как феномену наряду с субъективностью, аффективностью, телеологичностью и контекстной обусловленностью. Ясно, что субъект как носитель личностной и коллективной идентичности, решая в интеракции определенную коммуникативную и когнитивную задачу, отбирает те сведения, которые будут ему необходимы для достижения цели «здесь и сейчас» (см. Схему 2).

Поэтому субъект выбирает одну из множества потенциально возможных стратегий, реализация которой обеспечивает ему достижение поставленных — осознаваемых или не осознаваемых — целей, а также выбирает из множества изофункциональных средств и способов решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач те, которые субъект в силу своей личностной идентичности предпочитает.

Схема 2. Селекция субъектом сведения в интеракции

1 — пространственно-временной континуум;
2 — культурное пространство с его спецификой (ценностные ориентации, стереотипы сознания, конвенции, средства культурных кодов, традиции и др.);
3 — деятельностный континуум;

4 — актуальный дискурсивный континуум;
5 — совокупность паттернов взаимодействия как комплекс разделяемых всеми носителями культуры знаний;
6 — субъект с его картиной мира, личностной и коллективной идентичностью (направление при селекции: от общего к частному)

4. Вербальные и невербальные средства объективации, активизации и со-активации сведений о субъекте действия

Язык располагает огромным и разнообразным комплексом средств, которые не только объективируют, но и активируют и со-активируют сведения о единичном и / или коллективном

субъекте. Сказанное относится к средствам выражения категорий персональности и / или коммуникативных ролей, о чем исследователь думает прежде всего по причине первичного предназначения в коммуникации соответствующих языковых средств (см. подробнее в [АБРАМОВ 1986; АВРАМОВ 1998; АР-УТЮНОВА 1981; ВАРТН 1999; ZIFONUN 2000; КАШКИНА 2005; КАТАНОВА 2009] и др.). Понятно, что прежде всего это местоимения различных разрядов в разных морфологических формах и разных синтаксических функциях (ich — mir — mich — an mich — für mich — von mir; Sie — wer — man), существительные-антропонимы разных семантических классов с различными семантическими и синтаксическими функциями, реферирующие к разным референтам (Иванов, Петрович, Любочка Васильевна, Смирнов Николай Евгеньевич, профессор, Mittelstand, Studis, Staatsoberhaupt, Hauptstadt). Однако это также существительные-не-антропонимы, а также антропонимы при обозначении коллективного и / или единичного субъекта в качестве первичного и / или вторичного номинативного средства (народ, город, фирма, квартал, семья, москвич, одессит, Tante-Emma-Laden, Otto Normalverbraucher, John Bull, Uncle Smith, Ami, der deutsche Michel, John Does, Putinverstehher, преп, Liebes, Schatz, киска, рыбка, птенчик, кукла, марионетка и пр.) (см. Пример 4, а также анализ функционала номинаций, подобных приведенным, в [ГРИШАЕВА 2019]). Пример 4 может служить иллюстрацией соотношения образа «своего» и «чужого»,¹⁷ столь значимого для осмысления особенностей разного вида коммуникации (см., например, анализ представлений о «своем» и «чужом», в том числе и особенностей конструирования образа врага в [ROTH 2003]), а также наглядным образцом осмысления конкретным субъектом соотношения групповых и индивидуальных пред-

¹⁷ Текст к рисунку Лорио: «Es gibt keine eindeutigen Hinweise für das Benehmen während einer Rüge vom Vorgesetzten. Mit Sicherheit kann Ihnen jedoch abgeraten werden, sich nach Abb. 1 zu verhalten. Übertriebene Koketterie (Abb. 2) kann nachhaltige Schädigungen Ihres Selbstbewußtseins zur Folge haben. Von der Möglichkeit nach Abb. 3 sollten Sie nur in zwingenden Fällen Gebrauch machen. Abb. 4 zeigt den sparsamen Ausdruck des korrekten Untergebenen» (LORIOT 1992: 72).

ставлений в одном культурном пространстве.¹⁸ Однако в обоих случаях и порождение, и рецепция приведенных в примере 4 креолизованных текстов базируется на знаниях, разделяемых¹⁹ всеми носителями языка и культуры, иначе говоря, на коллективной идентичности носителей языка и культуры и на владении ими средствами и способами решения тех или иных коммуникативных и когнитивных задач. Вместе с тем эти тексты убедительно демонстрируют высокую вариативность действий некоторого субъекта как носителя языка и культуры при решении одной и той же задачи, т. е. показывают, что носитель культуры всегда имеет возможность *выбора* средств и способов решения коммуникативной и когнитивной задачи, обращение к которым имеет разные последствия для этого субъекта, даже если он этого может и не осознавать.

Пример 4 также не менее убедительно показывает, насколько важными не только при порождении, но и при рецепции являются сведения о структуре социальных эталонов выполнения того или иного вида деятельности, а также характер прототипа той или иной ментальной категории, под которую носители языка и культуры подводят воспринимаемые ими сведения о том или ином элементе внеязыковой действительности. Именно это знание помогает реципиенту осознать категорию субъектов деятельности (начальник и подчиненный / отдыхающие на море) и степень адекватности действий соответствующих субъектов в представляемых ситуациях (интеракция «начальник — подчиненный» / «отдыхающие на море»), а также степень соответствия актуально выполняемых действий социально приемлемым представлениям о той или иной категории субъекта.

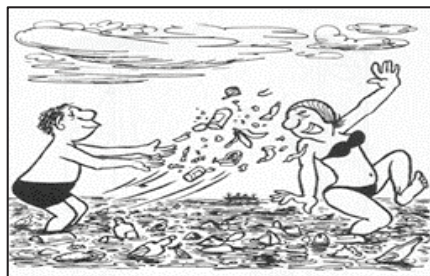
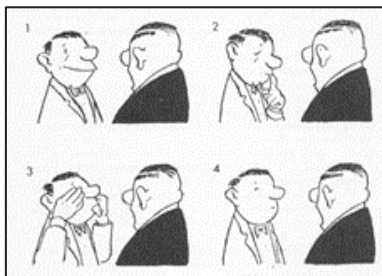
Значимость сформулированных тезисов можно подтвердить и тем, как культуру характеризуют Ю. Рот и К. Кек. Они полагают, что культура заменяет человеку отсутствующие у него

¹⁸ Текст к рисунку Лорио: «Freizeitglück und ungetrübte Lebensfreude an Europas Sonnenstränden können durch das gelegentliche Auftauchen kleiner Zivilisationsspuren nur noch gesteigert werden» (LORIOT 1992: 60).

¹⁹ См. о значимости подобных сведений о мире, например, в (ДЕМЬЯНКОВ 1997а; ДЕМЬЯНКОВ 1997б; KLEIBER 1998; KLIХ 1984) и др.

инстинкты, охватывая укоренившиеся у него и мало осознаваемые «направляющие», которые помогают человеку регулировать свой повседневный образ жизни. Без такого рода знаний человек не смог бы справляться с самыми простыми ситуациями (ROTH & KÖCK 2004: 13)²⁰ (ср., например, описание процессов понимания воспринимаемых человеком сведений через категорию анализа «валентность понятий» в [KLIX 1984]).²¹

Пример 4 (LORIOT 1992: 72, 60) (специальная, частично отрефлектированная когнитивная и коммуникативная задача «презентация единичного / коллективного субъекта»):

Судя по приведенным примерам, презентация и автопрезентация субъекта независимо от того, является ли она в интеракции специальной, основной или дополнительной к основ-

²⁰ «Kultur ist gewissermaßen der Ersatz für die dem „Mangelwesen“ Mensch fehlenden Instinkte. Sie umfasst jene eingeschliffenen und wenig bewussten „Richtlinien“, die uns helfen, ohne viel Nachdenken Alltägliches zu regeln. Ohne sie wären auch die einfachsten Situationen nicht zu bewältigen, welche die Dinge um uns herum verstehbar macht» (ROTH & KÖCK 2004: 13).

²¹ Категорию «валентность понятий» Ф. Кликс иллюстрирует через анализ понятия «siegen» (siegen (kämpfen, besiegen, Gegner)). Кликс разъясняет, что понятия кодируются в памяти через признаки понятий и что кодирование фиксирует не понятия как таковые, а тип отношений между понятиями (KLIX 1984: 15). Согласно излагаемой точке зрения, в памяти присутствуют понятийные конфигурации, сводимые затем к образованиям более высокого уровня абстракции. Следствием этого становится одномоментная активация всего набора признаков некоторого понятия, которыми последнее обладает в памяти (ibid.: 69 и след.).

ной коммуникативной и когнитивной задачей, как правило, реализуется в аксиологическом контексте. Во многих случаях реципиент неосознанно подводит воспринимаемые им сведения о субъекте под аксиологические категории. Это и не удивительно, поскольку и в обыденном сознании понятия *презентация* / *Präsentation* и *автопрезентация* / *Selbstdarstellung* трактуются через аксиологическую категоризацию: «Selbstdarstellung — Darstellung der eigenen Person, Gruppe o. ä. (um Eindruck zu machen, seine Fähigkeiten zu zeigen u. ä.)» (UNIVERSALWÖRTERBUCH 1989: 1387); «*Präsentation* ist [öffentliche] Dar-, Vorstellung von etwas» (ibid.: 1175). Аналогично осмысливается и понятие *имидж*, который не складывается сам по себе, не оказывается для реципиента спонтанным, а его целенаправленно конструируют, ориентируясь на строго определенные категории реципиента (см. подробнее в [ПОЧЕПЦОВ 2000; ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ... 2009]):

Vorstellung, Bild, das ein einzelner oder eine Gruppe von einer anderen Einzelperson, Gruppe oder Sache hat; [idealisiertes] Bild von jemandem, etwas in der öffentlichen Meinung (UNIVERSALWÖRTERBUCH 1989: 754).

С обозначенной точки зрения интерес представляет пример 5, который можно трактовать и как результат автопрезентации единичного субъекта, и как конструирование имиджа. Причиной амбивалентности суждения является то, что продуцент цитируемого высказывания сознательно отбирает те характеристики себя как носителя культуры, которые побуждают реципиента включить соответствующего субъекта в категорию «хороший человек». Порождаемое субъектом высказывание активизирует к тому же культурно специфическое содержание позитивных и негативных стереотипов сознания о субъекте; ср., например, только характеристики «слушаюсь маму», «забочусь о сестре», «мбю руки перед едой» применительно к взрослому человеку. Позитивная оценка в названных по-разному аксиологически нагруженных контекстах, очевидно, многократно усиливается, и субъект получает дополнительную позитивную оценку как человек с хорошим чувством юмора. Приведенные соображения значимы потому, что стереотипы сознания как ментальные образования активно участвуют в процессах идентификации и дифференциации субъектов на «сво-

их» и «чужих» (WIERLACHER & ALBRECHT 1998: 160).²²

Пример 5 (сопутствующая, но отрафлексированная когнитивная и коммуникативная задача «автопрезентация единичного субъекта» или же «конструирование имиджа»):

В самом конце могу добавить вот что. Я почти не пью и не имею других зависимостей. Слушаюсь маму, забочусь о сестре, мою руки перед едой, долгов не наделал, не изменяю, взял домой кошку с улицы. Но кто после смерти обо мне вспомнит? Конечно, кроме читателей этого блога, которые помянут автора незлым, тихим словом)).²³

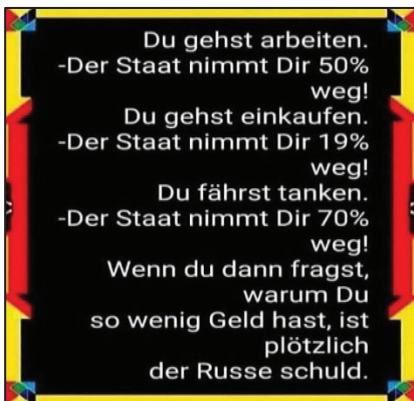
Убедиться в правомерности сказанного можно через анализ примера 6, в котором продуцент высказывания имплицитно сопоставляет свою позицию относительно актуальных для него событий с мнением, доминирующим в официальном медиапространстве. Реципиент приходит к выводу относительно мнения продуцента на основании своего знания того, как содержательно и формально организован официальный нарратив в медиасреде, а также благодаря активации содержания стереотипов сознания о «своем» и «чужом», знания об отдельных категориях субъектов в соответствующем социуме и знания относительно предметов негативной социальной оценки этих категорий. И даже если соответствующие тексты будут воспринимать люди, не имеющие глубоких и точных знаний о мире, или же люди, прошедшие первичную социализацию в ином культурном пространстве, знание языка и знание принципов организации текстовой ткани помогут им в адекватном осмыслении как со-

²² Согласно цитируемой точке зрения, стереотипы чаще соответствуют уже имеющимся представлениям и ожиданиям, которые индивид имеет об определенной группе («häufiger bereits vorhandenen Vorstellungen und Erwartungen, die ein einzelner von einer bestimmten Gruppe hat»), а формирование этих представлений и ожиданий относится к явлениям, сопутствующим дифференциации своей и чужой группы («Begleiterscheinungen der Eigengruppen — Fremdgruppen — Differenzierung») (WIERLACHER & ALBRECHT 2003: 160). В связи с этим см. также рассуждения о ксенологии и ксенофобии А. Вирлахера и К. Альбрехт (ibid.) с культурно-антропологических позиций.

²³ Lenta.ru.

держания текста, так и послания продуцента потенциальным реципиентам.

Пример 6 (личный архив автора статьи) (сопутствующая когнитивная и коммуникативная задача «автопрезентация единичного субъекта»):

Подобный способ решения коммуникативной и когнитивной задачи «презентация / автопрезентация субъекта» в современном обществе приобретает особую значимость, поскольку это общество эксперты характеризуют как *информационное*. Так, Л. Цфасман в качестве основных признаков информационного общества особо выделяет следующие: технологические новации, рост информации, медиатизацию, виртуализацию, коммерциализацию, индивидуализацию и гедонизм.

Следствием соответствующих изменений в обществе исследователи считают все более явно проявляющую себя *трансформацию* социальных комплексов: экономики, культуры, политики, а также быта и образа жизни (TSVASMAN 2006: 134).²⁴ М. Шмаус также отмечает *ускорение* темпов социальных изменений, *изменение*

²⁴ «...radikale technologische Innovationen, die zunehmend alle Komplexe der Vergesellschaftlichung (*Wirtschaft, Kultur, Politik sowie Alltag bzw. Lebensweise*) betreffen. <...> quantitative Zunahme der Informationen mit dem beobachtbaren gesellschaftlichen Wandel...; <...> Mediatisierung, Virtualisierung, Kommerzialisierung, Individualisierung, Erlebnisorientierung...» (TSVASMAN 2006: 134) (выделено мною — Л. Г.).

во времени личностной идентичности в процессе социальной практики, тем не менее называя центральными понятиями для характеристики выявляемых особенностей субъекта когерентность, стабильность, способность действовать и *автономию* (SCHMAUS 2000: 214).²⁵

Разнородные трансформационные процессы в социуме порождают, в свою очередь, тенденцию к атомизации общества, анонимность, аксиологическую акцентуацию в деятельности субъекта. Следствием подобных процессов неизбежно становятся новые форматы дискурса, что приводит к появлению и в конечном счете к *конвенционализации* новых типов текста, новых коммуникативных стратегий, новых средств и способов решения привычных для носителей языка и культуры коммуникативных и когнитивных задач.

Таким образом, очевидно, что в информационном обществе коммуникативная и когнитивная задача «презентация субъекта» с ее дальнейшей дифференциацией в интеракциях разного типа оказывается весьма значимой для разных категорий субъекта, поскольку позволяет не только конструировать свой имидж, но и поддерживать его разными способами, тем или иным образом влиять на других носителей языка и культуры (см. ниже пример 7, а также анализ конкретных способов решения соответствующих задач в [ПОЧЕПЦОВ 2000; БЛАКАР 1987; ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ... 2009; ЧЕЛОВЕК ... 2006; КАШКИНА 2005; КАТАНОВА 2009; BARTH 1999; ZIFONUN 2000; КОСТРОВА 2023; ROTH 2003; ГРИШАЕВА 2019] и др.). В этом можно убедиться, если вспомнить, кто, где, когда, для чего, как, почему и с какими последствиями решал соответствующие задачи.

Даже беглое перечисление соответствующих форматов дискурса может впечатлить своим разнообразием: политика (выборы, парламентская дискуссия, дебаты и т. д.), преподавание (урок, внеурочное мероприятие, перемена и т. д.), театр (представление, антракт, встреча со зрителем, режиссура и т. д.), Интернет, биз-

²⁵ «*Tempsteigerung* des sozialen Wandels...; <...> *Wandel* an der Identität der Person über die Zeit hinweg sowie in Auseinandersetzung mit der Gesellschaft; Kohärenz, Stabilität, Handlungsfähigkeit und *Autonomie* sind die zentralen Begriffe» (SCHMAUS 2000: 214) (выделено мною — Л. Г.).

нес-коммуникация (переговоры, рекламация, банкротство и т. д.), наука (дискуссия, критика, защита диссертации и т. д.).

Не менее разнообразными являются типы текста, обнаруживающие специфическую текстосемантическую, текстосинтаксическую, функциональную организацию и бытующие в разных коммуникативных средах (устная, письменная, компьютерно-опосредованная коммуникация): интервью, биография, автобиография, мемуары, лирика, портрет, автопортрет, фото, репортаж, резюме, рекрутинговое объявление, брачное объявление и пр.

Очевидно, что обсуждаемая коммуникативная и когнитивная задача может быть, как уже отмечалось выше, не только специальной, основной в конкретной интеракции, но и дополнительной. Соответствующая стратегия может быть сознательной и / или отрефлектированной, а может и не быть таковой. О типе оценки субъекта и ее предмете реципиент и / или некоммуникант могут судить по способу решения соответствующей задачи и по выбору средств ее решения, в частности (порядок перечисления не существен),

— по артефактам и тому, как они используются в соответствующей интеракции в конкретном культурном пространстве;

— по особенностям интеракциональной структуры того или иного социального эталона осуществления деятельности и характеру следования ему в актуальных условиях;

— по способам и средствам использования элементов культурных кодов для решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач;

— по текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной организации некоторого типа текста;

— по прототипам ментальных категорий и результатам концептуализации и категоризации воспринимаемых реципиентом сведений;

— по содержанию стереотипов²⁶ сознания, актуальных в не-

²⁶ Такие ментальные образования, как стереотипы сознания, прототипы ментальных категорий или же социальные эталоны той или иной интеракции не трактуются в данном контексте в качестве тождественных сущностей несмотря на тождество их природы из-за количественных и качественных различий, различий в конфигурации соот-

которой культуре, под которые подводятся воспринимаемые в интеракции сведения при их категоризации и концептуализации;

— по специфике аксиологической картины мира, актуальной для соответствующей культуры (см. примеры выше). Подробнее см., например, в (ГРИШАЕВА 2022: 146-292, 370-501).

Конкретизируя список перечисленных параметров, целесообразно прежде всего отметить высочайшую вариативность средств реализации обсуждаемой коммуникативной стратегии, предполагающую

— различные обозначения субъекта (авто)презентации (местоимения различных разрядов, существительные различных семантических классов, в первую очередь, разнообразные антропонимы, топонимы, коллективные имена и др.);

— различные обозначения признаков характера человека и его отношений в социуме;

— разнородные обозначения действий (в широком смысле) из антропосферы;

— разнородные обозначения параметров пространственно-временного, деятельностного, дискурсивного континуумов;

— разнообразные синтаксические (глагольные — субстантивные — адъективные, активные — пассивные, простые — сложные) и коммуникативные (повествовательные, вопросительные, императивные, восклицательные, оптативные) структуры с разной логической (классификация, характеристика, идентификация и др.) и синтаксической семантикой, в которых перечисленные обозначения выполняют разные семантические функции (агенса, пациенса, инструмента, адресанта, адресата, бенефицианта, реципиента, экспериментера, цель, владелец и пр.) и др. (см. примеры выше).

Обобщая, можно объединить ряд наиболее значимых факторов анализа изучаемой проблематики в матрицу, позволяющую проследить максимально релевантные корреляции при выборе субъектом, в тех или иных условиях решающим задачу «презентация субъекта», средств и способов реализации соответствующей коммуникативной стратегии (см. Матрицу 1).

ветствующих признаков, неидентичной сущности, различий функционала и др.

Следует при этом обратить внимание по крайней мере на два обстоятельства: во-первых, на значимость для выбора средств и способов реализации коммуникативной и когнитивной задачи особенностей субъекта (т. е. его личностной и коллективной идентичности) и, во-вторых, на трансформацию соответствующих способов решения однотипных задач носителями одной языковой культуры в разные периоды ее бытования (см. пример 7 и Табл. ниже). Последнее обстоятельство тем более важно, что здесь речь идет о средствах одного языка и о носителях одной культуры.

Матрица 1. Выбор средств и способов реализации стратегии «презентация субъекта»

Субъект как носитель	Интеракция					
	Типы интеракций _{n+1}					
	Стратегия «презентация субъекта» в интеракции _n					
	Основная задача			Дополнительная задача		
	Средства реализации стратегии					
	Вербальные	Невербальные	Вербальные + невербальные	Вербальные	Невербальные	Вербальные + невербальные
личностной идентичности						
<i>осознанно</i>						
<i>неосознанно</i>						
ОФИЦИАЛЬНОЕ взаимодействие						
в знакомой ситуации						
в незнакомой ситуации						
НЕОФИЦИАЛЬНОЕ взаимодействие						
в знакомой ситуации						
в незнакомой ситуации						
коллективной идентичности						
<i>осознанно</i>						
<i>неосознанно</i>						

ОФИЦИАЛЬНОЕ взаимодействие						
в знакомой ситуации						
в незнакомой ситуации						
НЕОФИЦИАЛЬНОЕ взаимодействие						
в знакомой ситуации						
в незнакомой ситуации						

Пример 7 (одна коммуникативная и когнитивная задача «автопрезентация субъекта; одна категория субъекта (= популярная актриса); разное время / разная эпоха):

Marlene Dietrich ²⁷	Franka Potente ²⁸
--------------------------------	------------------------------

ICH = ICH

	<p>Glaubt ihr allen Ernstes, ich könnte in einem Land wie Amerika so Filme machen wie Cameron Diaz zu ihren besten Zeiten? Guckt mich an, Punkt eins. Punkt zwei: Ich hab' einen Akzent. Und war nicht mit Tom Cruise zusammen. Also wollen wir doch mal die Kriche im Dorf lassen. Ich hab' gerade mit Eric Bana gedreht, nächstes Jahr drehe ich wahrscheinlich noch mit Steven Sonderbergh – was ist daran eigentlich so schrecklich unerfolgreich?</p> <p>Als ich mit der Agentur William Morris gesignt habe, hab' ich gesagt, passt auf, ich bin keine 18 mehr, ich komme aus einem Land, wo ich schon ziemlich viel Erfolg hatte, ich</p>
--	--

²⁷ <https://24smi.org/celebrity/3431-marlen-ditrikh.html>; <https://tass.ru/encyclopedia/person/ditrih-marlen?ysclid=lnmwbwj55403157597>; de.wikipedia.org/wiki/Marlene_Dietrich и др.

²⁸ <https://24smi.org/celebrity/113949-franka-potente.html>; <http://www.digitalvd.de/interviews/Franka-Potente-Creep.html>; <http://outnow.ch/Specials/2009/BabasDpng/Interview-Potente> и др.

	arbeite seit sieben Jahren, ich mach das so, wie das für mich funktioniert
Hans Jürgen Flachmeyer: Wie sieht Ihr Programm aus? Wann reisen Sie? Marlene Dietrich: Sehr interessant. Anfang April beginnen die Proben in Paris	Teleschau: Und das Thema Kampf spielt immer noch eine wichtige Rolle bei den Jungs? Franka Potente: Kampf im Sinne von Action, aber auch im Sinne der guten Sache
WIR = ICH	
Sollten wir da unsere Sache packen und uns beeilen, dass wir wieder nach Deutschland kamen?	Wir hatten uns da so einen Spaß mit. Da war ich mit Tom (Tykwer) in New York, und "Lola rennt" lief auf einem Festival, und wir wussten, dass wir nach Sundance gehen — da haben wir uns angeguckt und gewusst, Wahnsinn, das ist totales Glück jetzt gerade
WIR = MAN	
Früher waren wir höflicher. Früher fragte man nicht jeden, wie viel er verdiene oder was er mit seinem Geld tut	
MEIN / MEINE	
Das alles war meine eigene Idee. Ich hatte hier meine Familie, meine Tochter ist mit einem Amerikaner verheiratet. Es ist gut, dass ich wenigstens meinen Berliner Humor behalten habe	
DU = MAN	
Wenn du schöne Beine behalten willst, musst du von den Blicken der Männer massieren lassen	Ich wollte einfach mal meine Ruhe haben. Los Angeles ist landschaftlich gesehen auch klasse, du bist in anderthalb Stunden beim Snowboarden, in einer Dreiviertelstunde am Strand. Aber auf der anderen Seite hast du auch eine Grundverantwortung gegenüber deinem Job

В качестве пояснения к примеру 7 необходимо сказать, что здесь имеются в виду номинативные стратегии, которые определенным образом коррелируют с некоторыми коммуникативными стратегиями. Применительно к автопрезентации номинативные стратегии выделяются с опорой на трактовку соответствующих процессов в (BARTH 1999; ZIFONUN 2000; КАШКИНА 2005; КАТАНОВА 2009). Типы номинативных стратегий можно исчислить по известным в лингвистике закономерностям, которые тщательно описаны на разном языковом материале (см. подробнее в [ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ... 2009: 101-141; ГРИШАЕВА 2020: 21-74; 2022]).

Анализ способов и средств реализации одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи разными субъектами-носителями одной языковой культуры убеждает в специализации соответствующих средств выражения результатов познания и коммуникации применительно к таким коммуникативно и когнитивно релевантным параметрам как личностная идентичность субъекта и время, а также в *устойчивости набора* изофункциональных средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в языковой культуре (см. Табл.).

Таблица. Средства реализации стратегий автопрезентации субъекта как основной и сопутствующей коммуникативной и когнитивной задачи

Доминирующие средства реализации стратегий автопрезентации субъекта	Марлен Дитрих	Франка Потенте
	ТИП СТРАТЕГИИ	
ПРЯМАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ		
Ich-высказывание	71%	84%
Wir-высказывание	21%	3%
Man-высказывание	15%	4%
ДЕФОКУСАЦИЯ		
Wir-высказывание как средство идентификации	7%	2%
Wir-высказывание как средство солидаризации	75%	14%
Wir-высказывание как средство дистанцирования	8%	79%

Ich / mein / mir / mich как средства дистанцирования	58%	32%
ДИСТАНЦИРОВАНИЕ		
Du как партнер по коммуникации	72%	17%
Du как коллективный субъект	24%	68%

5. Объяснительная сила предлагаемой интерпретации

Анализ различных средств и способов реализации коммуникативной стратегии «презентация субъекта» позволяет убедиться в том, что несмотря на их высочайшее разнообразие и широкую вариативность существует высокая вероятность выявления определенных тенденций и даже закономерностей, если понимать решение соответствующей задачи носителями языка и культуры как подпадающее под воздействие законов варьирования деятельности субъектов познания и коммуникации как носителей личностной и коллективной идентичности.

Очевидно, что в разных условиях когнитивно релевантными являются самые разные признаки. Вследствие этого активируются и со-активируются разные комплексы сведений как о мире, так и о субъекте. Личностная идентичность предполагает вариативность по таким параметрам как возраст, гендер, этничность, хотя ясно, что в разных культурных пространствах социокультурно релевантными для разных категорий субъекта оказываются признаки различной этиологии. Факторами, обуславливающими варьирование коллективной идентичности, следует признать в первую очередь культурную принадлежность субъекта к субкультуре, особенности субкультуры, этничность, гендерные характеристики (Гришаева 2007) (см. Схему 2), хотя и на конфигурацию различных признаков в ментальной структуре коллективной идентичности существенное воздействие оказывают культурнотипологические особенности разной этиологии.

Описать столь сложные и неоднозначно развивающиеся, весьма вариативные процессы можно, если обратиться к таким инструментам анализа как изучение средств и способов реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий, которые подвергаются влиянию разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к интеракции и порождаемому в ней тексту (в широком смысле). Последние целесообразно рас-

сматривать под статическим и динамическим углами зрения как в русле атомистического, так и холистического подходов.

Под *когнитивной* стратегией понимается выбор способа категоризации и концептуализации сведений, воспринимаемых субъектом познания и коммуникации по тем или иным признакам соответствующего объекта (в широком смысле): первичным, вторичным, салиентным или несалиентным в соответствующей языковой культуре применительно к тем или иным коммуникативным условиям. Когнитивные стратегии могут быть разными (см. подробнее в [Гришаева 2020; Гришаева 2022; Катанова 2009; Кашкина 2005; Языковые средства конструирования... 2009]). Целью когнитивной деятельности становится прямая, косвенная, аксиологическая идентификация, дескрипция, характеристика или иная когнитивная операция применительно к воспринимаемому объекту. При этом соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона оказывается в определенных условиях, естественно, разным, равно как и результат подведения набора признаков воспринимаемого объекта под прототип той или иной ментальной категории.

Результаты категоризации и концептуализации воспринимаемых сведений объективируются вербальными и невербальными средствами. В зависимости от цели номинативной деятельности можно говорить о *номинативных* стратегиях прямой, косвенной, аксиологической идентификации, а также о стратегиях дескрипции, характеристики, сгущения негативных смыслов и пр. Вследствие этого реципиент по-разному воспринимает комплекс сведений об объекте, объективированных средствами культурных кодов, и по-разному интерпретирует такой комплекс объективированных, активированных и со-активированных сведений.

В этом реципиенту помогает его умение использовать языковые средства для решения коммуникативных и когнитивных задач, сложившееся в языковой культуре в процессе социализации носителей этой культуры. Особую роль целесообразно отнести отдельным группам механизмов вербализации, которые дифференцируются по известным и хорошо изученным в лингвистике принципам: это группы лексико-семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, формаль-

но-структурных, текстограмматических механизмов вербализации сведений о мире (Гришаева 2020: 21-74). Стилистические, орфографические, пунктуационные, орфоэпические, логические средства правомерно включить в перечисленные группы. Каждое из средств вербализации сведений о мире специализируется на определенной коммуникативной и когнитивной задаче. Следовательно, по использованным языковым средствам можно судить не только о характере решаемой коммуникантами задачи, но и о субъекте, который *выбрал* из комплекса изофункциональных средств одно, конкретное, надеясь максимально успешно и надежно достичь цели своей деятельности.

Коммуникативные стратегии понимаются как некоторая последовательность речевых и неречевых действий по достижению некоторой цели в сложившихся коммуникативных условиях. Итогом реализации коммуникативной стратегии является результат деятельности: либо некий артефакт, ментефакт, интеракция как последовательность действий, а также текст того или иного типа — «обычный», креолизованный, Интернет-текст и др.

Между перечисленными стратегиями, несомненно, существуют определенные корреляции (ibid.: 204-256, 136-163). Проанализированные выше примеры показывают зависимость выбора средств и способов решения одной коммуникативной и когнитивной задачи от разных факторов: цели (основной или дополнительной), от параметров личностной и коллективной идентичности субъекта, от его культурной идентичности, а также от характера прототипов ментальных категорий, содержания стереотипов сознания, структуры социального эталона выполнения того или иного вида деятельности. Разумеется, значение имеют также количественный и качественный состав набора изофункциональных средств, которым в тот или иной период времени располагает конкретная языковая культура, и особенности ситуации, в которой взаимодействуют носители языка и культуры.

6. Выводы

Коммуникативная и когнитивная задача «презентация субъекта» в различных ситуациях осмысливается по-разному: как презентация партнера по коммуникации, презентация некоммуниканта и автопрезентация субъекта. Презентация субъ-

екта предполагает объективацию, активацию и со-активацию самых разнообразных сведений из различных понятийных сфер о субъекте той или иной категории. Перечисленные задачи, в свою очередь, можно дифференцировать и по более тонким основаниям, в том числе и как конструирование позитивного / негативного имиджа, его поддержание или разрушение и др.

Анализируемая задача в коммуникации может быть основной, осознаваемой, отрефлектированной, а может также дополнительной к некоторой основной, неотрефлектированной, неосознаваемой ни продуцентом, ни реципиентом.

В результате социализации субъекта в культурное пространство складывается идентичность субъекта, имеющая некоторую, сложную, организацию гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире. В ядерной части личностной и коллективной идентичности единичного и коллективного субъектов находится знание, позволяющее носителю культуры использовать разнородные языковые средства. Эти средства, будучи элементами культурного кода «язык», представляют собой средства решения коммуникативных и когнитивных задач с определенными первичными и вторичными функциями. Эти средства довольно устойчиво связаны с характером решаемой в коммуникации коммуникативной и когнитивной задачи.

Использование языка как культурного кода вариативно. Это можно описывать как совокупность номинативных стратегий для любых объектов реальной, виртуальной, фикциональной действительности. Номинативные стратегии обнаруживают устойчивые корреляции с характером решаемых субъектом задач (коммуникативные стратегии) и находятся в причинно-следственных отношениях с когнитивными стратегиями как стратегиями по обработке и осмыслению воспринимаемых сведений, обеспечивая профилирование комплекса объективируемых в актуальной интеракции сведений и варьирование соотношения «когнитивный фон ↔ когнитивная фигура».

Возможность для носителей культуры в любых условиях получать сведения о субъекте познания и коммуникации основывается на способности различных элементов культурных кодов объективировать, активировать, со-активировать сведения

о мире. Значимой является также способность человека при ментальной обработке воспринимаемых сведений подводить соответствующий объект под разные ментальные категории на основании обработки данных о различных признаках воспринимаемого объекта. При категоризации и концептуализации соответствующие признаки могут оказаться первичными, вторичными и др., в том числе и несалиентными для осуществления конкретной интеракции в языковой культуре в стандартных случаях. Эти признаки могут быть по-разному конфигурированы в зависимости от когнитивных стратегий обработки сведений о мире, сложившихся в культуре. Основание для подобной трактовки — свойства восприятия как феномена и прежде всего его телеологичность, контекстная обусловленность и селективность.

Анализируемая коммуникативная и когнитивная задача столь значима в любой языковой культуре, что в ней сложились образцы многочисленных типов текста и форматов дискурса, основная функция которых и заключается в презентации и / или автопрезентации некоторого субъекта. Соответствующие типы текста и форматы дискурса бытуют в различных коммуникативных средах: устной, письменной, компьютерно-опосредованной. Упоминания заслуживают такие из них как характеристика, резюме, автобиография, мемуары, рекрутинговое объявление, найм персонала, шарж, карикатура, портрет, автопортрет, психологический роман, роман-воспитание, представление на конференции, посвящение по некоторому значимому поводу, сборник в чью-л. честь и др.

Средства и способы решения обсуждаемой коммуникативной и когнитивной задачи весьма разнообразны по своей форме и весьма вариативны по своему функционалу. Сведения о субъекте презентации и / или автопрезентации не только объективируются при восприятии носителем культуры порожденного текста (в широком смысле), но и активируются и со-активируются, в том числе и тогда, когда цель интеракции не имеет ничего общего с задачами обсуждаемого типа. Отмеченный эффект основывается на антропоцентричности картины мира и единичного, и коллективного субъектов, на антропоморфности всех представлений человека,

а также на деятельности как одной из наиболее значимых ипостасей человека как субъекта познания и коммуникации. Значимым является также сопровождение процессов объективации сведений их активацией и со-активацией, без чего объективируемые сведения не могут быть адекватно осмыслены и поняты.

Выбор средств и способов реализации соответствующих стратегий вполне вписывается в тенденции использования языка и других культурных кодов, доминирующих в определенный период бытования языковой культуры при решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач. Этот выбор подвержен влиянию таких факторов как соотношение личностной и коллективной идентичности субъектов-продуцентов и / или субъектов-реципиентов, характер решаемой ими актуальной коммуникативной и когнитивной задачи, коммуникативная роль конкретных участников интеракции, уровень владения последними социальными эталонами выполнения деятельности, а также коммуникативной и когнитивной гибкостью субъектов.

С учетом сказанного очевидно, что способы реализации коммуникативной стратегии «презентация субъекта», с одной стороны, обнаруживают в языковой культуре определенную устойчивость к изменениям, а с другой — подвержены различным преобразованиям, происходящим постоянно и с разной скоростью в тех или иных сегментах комплекса изофункциональных вербальных и невербальных средств и способов решения носителями языка и культуры некоторой коммуникативной и когнитивной задачи.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Абрамов Б. А. Понятийная категория коммуникативных ролей (грамматическое лицо) // Иностранные языки в школе. 1986. № 6. С. 12—16. [Abramov, Boris A. (1986) Ponyatiynaya kategoriya kommunikativnykh roley (grammaticheskoye litso) (The Conceptual Category of Communicative Roles (Grammatical Person)). *Inostrannyye yazyki v shkole* (Foreign Languages at School), 6, 12—16. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356—367. (Arutyunova, Nina D. (1981) Faktor adresata (The Addressee Factor). *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury y yazyka* (The Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language), vol. 40, no. 4, 356—357. (In Russian)].

- Беркнер С. С. Язык как инструмент политики: роль стереотипов и идеологизированной лексики // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 85—89. [Berkner, Sergey S. (2001) *Yazyk kak instrument politiki: rol' stereotipov i ideologizirovannoy leksiki* (Language as a Tool of Politics: the Role of Stereotypes and Ideologized Vocabulary). In: Grishayeva, Lyudmila I. (ed.) *Esse o sotsial'noy vlasti yazyka* (Essays on the Social Power of Language). Voronezh: Voronezh State University, 85—89. (In Russian)].
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88—125. [Blakar, Roly M. (1987) *Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti* (Language as a Means of Social Power). In: Petrov, V. V. (ed.) *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* (Language and Modeling of Social Interaction) Moscow: Progress, 88—125. (In Russian)].
- Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Наука, 2000. [Bodalyov, Aleksey A. (2000) *Vospriyatiye i ponimaniye cheloveka chcelovekom* (Perception and Understanding of a Person by a Person). Moscow: Nauka, 2000. (In Russian)].
- Бочкарев А. Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. [Bochkaryov, Andrey Ye. (2014) *Semantika. Osnovnoy leksikon* (Semantics. The Basic Vocabulary). Nizhny Novgorod: DEKOM. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. [Grishayeva, Lyudmila I. (2007) *Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kul'turnaya identichnost' kommunikantov* (Peculiarities of Language Use and Cultural Identity of Communicants). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Функциональный потенциал имени собственного в медиапространстве или «Королевство кривых зеркал» // Имя собственное в медиапространстве / ред. Л. И. Гришаева и др. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2019. С. 107—181. [Grishayeva, Lyudmila I. (2019) *Funksional'nyu potentsial imeni sobstvennogo v mediaprostranstve ili "Korolevstvo krivykh zerkal"* (The Functional Potential of a Proper Name in the Media Space or the “Kingdom of Crooked Mirrors”). In: Grishayeva, Lyudmila I. & al. (eds) *Imya sobstvennoye v mediaprostranstve* (The Proper Name in the Media Space). Voronezh: Voronezh State University, 107—181. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020)

- Var'irovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. [Grishayeva, Lyudmila I. (2022) *Dialogi o mezhkul'turnoy kommunikatsii* (Dialogues on Intercultural Communication). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Совместное знание vs общее или разделенное знание (Shared Knowledge vs Common Knowledge; Gemeinsames Wissen vs Allgemeines Wissen; Connaissance Commune vs. Connaissance Commune) // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997а. С. 174—175. [Demyankov, Valeriy S. (1997a) *Sovmestnoye znaniye vs obshcheye ili razdelyonnoye znaniye* (Shared Knowledge vs Common Knowledge; Gemeinsames Wissen vs. Allgemeines Wissen; Connaissance Commune vs. Connaissance Commune). In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 174—175. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Прототипический подход (prototype theory; Prototypentheorie; théorie des prototypes), или теория прототипов // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М.: Московский гос. ун-т, 1997б. С. 140—145. [Demyankov, Valeriy S. (1997b) *Prototipicheskiy podkhod* (prototype theory; Prototypentheorie; théorie des prototypes) ili teoriya prototipov (Prototypical Approach, or Prototype Theory). In: Kubryakova, Yelena S. & al. (eds) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (A Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Moscow State University, 140—145. (In Russian)].
- Катанова Е. Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. [Katanova, Yelena N. (2009) *Funktional'nyy analiz samoidentifitsiruyushchikh vyskazyvaniy* (na materiale amerikanskikh i britanskikh parlamenskikh debatov) (Functional Analysis of Self-identifying Statements (Based on the Material of American and British Parliamentary Debates)). PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Кашкина О. В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. [Kashkina, Olga V. (2005) *Funktional'nyy analiz samoootsenochnykh vyskazyvaniy kak sredstva verbalizatsii Ya-*

- kontsepta (na materiale intervyyu nemetskoj pressy)* (Functional Analysis of Self-assessment Statements as a Means of the Me-Concept Verbalization (Based on Interviews in the German Press)). PhD thesis in Philology. Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Конушкевич М. И. Типология субъектов речи: номенклатура и номинация // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / ред. Л. В. Цурикова и др. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 49—68. [Konushkevich, Mariya I. (2014) Tipologiya subyektov rechi: nomenklatura i nominatsiya (Typology of Speech Subjects: Nomenclature and Nomination). In: Tsurikova, Lyubov' V. & al. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovyye i mezhhkul'turnyye aspekty* (The Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural Aspects). Voronezh: Nauka-Unipress, 49—68. (In Russian)].
- Кострова О. А. Грамматический субъект и субъект речи в жанре эссе: к постановке проблемы // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / ред. Л. В. Цурикова и др. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. С. 111—122. [Kostrova, Olga A. (2014) Grammaticheskiy subyekt i subyekt rechi v zhanre esse: K postanovke problemy (The Grammatical Subject and the Subject of Speech in the Genre of the Essay: Towards the Formulation of the Problem). In: Tsurikova, Lyubov' V. & al. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovyye i mezhhkul'turnyye aspekty* (The Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural Aspects). Voronezh: Nauka-Unipress, 111—122. (In Russian)].
- Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М.: Флинта, 2023. [Kostrova, Olga A. (2023) *Kontseptual'naya grammatika khronotopa v nemetskoj lingvokulture* (The Conceptual Grammar of the Chronotope in the German Linguoculture). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Почепцов Г. Г. Имиджология. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. (Pochepstov, Georgiy G. (2000) *Imidzhologiya* (Imageology). Moscow: Refl-buk; Kyiv: Vakler. (In Russian)].
- Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. [Pochepstov, Georgiy G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* (Theory of Communication). Moscow: Refl-buk; Kyiv: Vakler. (In Russian)].
- Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. [Afanasyeva, L. A. & al. (2006) *Chelovek kak subyekt kommunikatsii: universal'noye i spetsificheskoye* (Man as a Subject of Communication: Universal and Specific). Voro-

- nezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации / под ред. Л. И. Гришаевой. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. [Grishayeva, Lyudmila I. (2009) (ed.) *Yazykovyye sredstva konstruirovaniya imidzha subyektva v politicheskoy kommunikatsii* (Linguistic Means of Constructing the Image of a Subject in Political Communication). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Abramov, Boris A. (1998) *Theoretische Grammatik der deutschen Sprache*. Moskau: Vlosos.
- Assmann, Jan. (2000) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift. Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Verlag Beck.
- Barth, Dagmar. (1999) Die Brisanz der eigenen Rolle — Referenzmittel und Selbstdarstellung in Sprachbiographien. In: Fix, Ulla. (ed.) *Sprache und Sprachgebrauch vor und nach der Wende von 1989 im Erinnern und Erleben von Zeitzeugen aus der DDR. Inhalte und Analysen narrativ-dikursiver Interviews*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 55—200.
- Glomb, Stefan. (2001a) Identität, persönliche. In: Nünning, Ansgar. (ed.) *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 267—268.
- Glomb, Stefan. (2001b) Identitätstheorien. In: Nünning, Ansgar. (ed.) *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 268—269.
- Grishayeva, Lyudmila I. (2022) Konstruktion vom Simulakrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel (Construction of Simulacrum, Ludic Texts, Social Criticism and culturally Significant Phenomena as Secondary Nominative Means of Expression). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 120—144.
- Horatschek, Annegreth. (2001a) Identifikation. In: Nünning, Ansgar. (ed.) *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 265—266.
- Horatschek, Annegreth. (2001b) Identität, kollektive. In: Nünning, Ansgar. (ed.) *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 266—267.
- Kleiber, Georges. (1998) *Prototypensemantik. Eine Einführung*. Tübingen: Narr.
- Klix, Friedrich. (1984) *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.

- Roth, Juliana. (2003) Eigenbilder, Fremdbilder, Zerrbilder: Zum Erscheinen des ersten russischen „Kulturknigge“. In: Roth, Juliana. (ed.) *Blickwechsel: Beiträge zur Kommunikation zwischen den Kulturen*. Münster; New York; München; Berlin: Waxmann Verlag, 12—132.
- Roth, Juliana & Köck, Christoph. (eds) (2004) *Culture Communication Skills — Interkulturelle Kompetenz. Tagebuch für die Erwachsenenbildung*. München: Bayerischer Volkshochschulverband e. V.
- Schmaus, Marion. (2000) Identität. In: Schnell, Ralf. (ed.) *Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 213—215.
- Tsvasman, Leo. (2006) Informationsgesellschaft [information society]. In: Tsvasman, Leo. (ed.) *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte*. Würzburg: Ergon Verlag, 134—140.
- Universalwörterbuch — Duden. (1989) *Deutsches Universalwörterbuch A-Z*. Mannheim: Dudenverlag.
- Wierlacher, Alois & Albrecht, Corinna. (1998) *Fremdgänge. Eine anthologische Fremdheitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache*. Bonn: Inter Nationes.
- Wierlacher, Alois & Albrecht, Corinna. (2003) Kulturwissenschaftliche Xenologie. In: Nünning, Ansgar & Nünning, Vera. (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler-Verlag, 280—306.
- Zifonun, Gisela. (2000) “Man lebt nur einmal.” Morphosyntax und Semantik des Pronomens man. *Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie. Praxis. Dokumentation*, 28. Jahrgang, 232—253.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

- Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag.
- Loriot. (1992) *Menschen. Tiere. Katastrophen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun.
- Zillgens, Gerlis. (2000) *101 Gründe, ohne Männer zu leben*. Rendsburg: Rake Verlag.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Presentation of the Subject as a Communicative Strategy: Conditions for Implementation, Causes and Consequences of Transformations

The central topic of the discussion presented in the article is the communicative strategy of presentation of a subject in interaction. A strategy is understood as a plan for achieving a particular goal set by the subject, i. e. as

a certain sequence of various actions, both verbal and / or non-verbal, the implementation of which ensures that the subject achieves the goal of their activity under certain conditions. A strategy of this type is interpreted as an umbrella concept for a number of particular strategies, the implementation of which allows objectifying, activating and co-activating a variety of data about numerous qualities of the subject in discourse. Such specific strategies can include, in particular, self-presentation, constructing a positive or negative image, maintaining the image, discrediting the subject, etc. The analyzed strategy is described from two perspectives: on the one hand, as a strategy used for solving the corresponding task as a specific and basic strategy in a particular interaction. On the other hand, the discussed strategy is analyzed as a strategy implemented in solving still other communicative and cognitive tasks in a particular interaction as an additional strategy accompanying the main strategy. Depending on the communicative role of the subject, it is advisable to study the analyzed strategy as a presentation of the subject and as a self-presentation of the subject. In the first case, the subject, performing various types of activities, is the addressee and / or non-communicant when a particular statement is generated by another subject. In the second case, the subject of activity is the addresser, i. e. the person who carries out some kind of activity and generates a statement with its own textual semantic, textual syntactic and functional organization. The strategies of presentation and self-presentation of the subject in communication are characterized via the analysis of correlations of cognitive, nominative and communicative strategies, each of which has a certain correlation with the type of the communicative and cognitive task, heterogeneous parameters of the interaction, as well as the properties of interactants and non-interactants. The listed factors are interpreted as circumstances that to some degree determine both the choice of ways and means of implementing strategies and trends in the transformation of the latter. The generation and reception of the text are described in their reciprocal influence against the background of the analysis of the correlation of such complexes of heterogeneous, multi-layer, heterochronous information about the world as the worldview, the collective identity of the subject, the personal identity of the subject and the Self-concept of the subject. In this case, various mechanisms of verbalization of communicatively and cognitively relevant information about the subject are taken into account. Non-verbal means of objectification of information about the world and about the subject, as well as activation and co-activation of relevant knowledge, are also included in the analysis. A variety of verbal and non-verbal means are recognized as means of implementing the strategy of

presentation of the subject. Evaluative and self-evaluative marked means are interpreted as part of a complex of isofunctional means specializing in solving the above-mentioned communicative and cognitive task. The study is based on the texts of various types, including creolized ones.

Keywords: native speaker of language and member of a culture as a subject of cognition and communication; self-presentation as a cognitive and communicative task; presentation of the subject vs self-presentation of the subject; image construction; collective and personal identity of the subject; collective and individual subject; primary and secondary socialization; cognitive, nominative, communicative strategies; identity transformation; means and methods of solving communicative problems and cognitive tasks

Для цитирования:

Гришайева Л. И. Презентация субъекта как коммуникативная стратегия: условия для реализации, причины и следствия трансформаций // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 94—138.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-94-138.

To cite this Article:

Grishayeva, Lyudmila I. (2024) *Prezentatsiya subyektka kak kommunikativnaya strategiya: usloviya dlya realizatsii, prichiny i sledstviya transformatsiy* (Presentation of the Subject as a Communicative Strategy: Conditions for Implementation, Causes and Consequences of Transformations). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 94—138. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-94-138.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; принята к публикации 21.04.2024

The article was submitted 14.02.2024; accepted for publication 21.04.2024

А. И. Едличко

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ВАРИАНТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья представляет собой аналитический обзор современных словарей, кодифицирующих различные национальные варианты, или стандарты, современного немецкого языка. Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью различных аспектов вариантной практической лексикографии немецкого языка, основы которой были заложены XIX в. в словарях различных типов и которая активно развивается с конца XX в. в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге. Применение историко-типологического метода изучения лексикографических трудов позволило рассмотреть историю появления и развития словарей различных вариантов немецкого языка и выявить их особенности. В статье приводятся различные классификации словарей, кратко описывается история лексикографирования немецкого языка и освещаются первые попытки включения в словари языковых особенностей национальных вариантов. Основное содержание исследования составляет анализ вариантных словарей разных типов, изданных в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге. С одной стороны, это — работы, представляющие собой дескриптивные словарные кодификаторы общего типа, в которых зафиксированы специфические языковые явления на орфоэпическом, грамматическом и лексическом уровнях, функционирующие в национальных вариантах немецкоязычных стран (онлайн-справочник по вариантной грамматике немецкого языка, словарь вариантов немецкого языка под редакцией У. Аммона). С другой — лексикографические кодификаторы норм конкретного варианта немецкого языка (австрийского, швейцарского, люксембургского и т. д.). Подробно анализируются структура и содержание таких лексикографических трудов, приводится общая информация об их мега-, макро- и микро-структуре. Выявляются ключевые принципы, которые используются при семантизации заголовочных слов в словарных статьях. Обнаруживается тенденция к универсализации структурных и содержательных особенностей вариантных словарей. В результате анализа делается вывод о формировании и развитии нового направления в немецкоязычной прикладной лексикографии и, соответственно, об

изменении вектора в современной практической лексикографии в сторону вариантологического подхода, обусловленного развитием теории плюрицентричности немецкого языка в конце XX — начале XXI в. и ее признанием в научном сообществе.

Ключевые слова: вариантная лексикография; вариантный словарь; плюрицентричный язык; вариантность; национальный вариант языка; национальный стандарт; немецкий язык

1. Введение

Словарь, по словам В. Д. Девкина, — это прием, метод, способ, средство познания языкового явления. Все не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятным, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обзорность, комплексность и системность рассмотрения (ДЕВКИН 2005: 17).

Нельзя не согласиться с мнением известного ученого, который лаконично и при этом очень содержательно определяет роль и место словаря в систематизации языковых единиц, обобщении бытового и научного знания о природе объекта, фиксации элементов определенной лингвокультуры, имплицитно подчеркивая связь прикладного и фундаментального характера лексикографической деятельности.

Основываясь на определении термина «лексикография» В. Г. Гака, который понимает под последним «раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» (ГАК 1990: 258), мы определяем *вариантную лексикографию* как лингвистическое направление, раздел лексикографии, в задачи которого входит разработка теоретических аспектов и проведение практической работы по составлению вариантных словарей. Понятие «вариантный словарь» можно понимать широко и рассматривать его как гипероним, собирательный термин, объединяющий множество лексикографических жанров, фиксирующих различные варианты языка:

— диатопические варианты, учитывающие территориальное распространение языка (словари национальных вариантов плюрицентричного языка, диалектные и региональные словари);

— диастратические варианты, принимающие во внимание социальный фактор: социальный статус, возраст, пол, уровень

образования (словари молодежного языка, словари детской речи, словари профессионализмов, словари аргю, словари жаргонных слов и т. д.);

— диафазические варианты, учитывающие функциональное использование языка (словари языка средств массовой информации, словари языка писателей, поэтические словари, словари религиозной лексики, словари научных терминов, словари канцеляризмов и др.).

Широкий охват проблематики вариантной лексикографии не позволяет сделать подробный обзор в рамках настоящего исследования, поэтому мы остановимся только на анализе специфики словарей национальных вариантов немецкого языка. В статье при описании этой проблематики используется термин «вариантная лексикография», которая занимается вопросами кодификации диатопических стандартов немецкого языка, практикой и теорией составления словарей национальных вариантов, или стандартов, плюрицентричного языка.

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью вариантной лексикографии немецкого языка, прикладные основы которой берут начало в XIX в. в словарях различных типов и которая активно развивается сейчас в немецкоязычных странах. Изменение немецкоязычной лексикографии современного периода в значительной степени обусловлено интеграцией плюрицентричного подхода, что связано с отражением в лингвистических словарях системной специфики национальных стандартов немецкого языка: собственно немецкого, австрийского, швейцарского, люксембургского и других. Интенсивная разработка такого подхода в лексикографической практике началась в конце XX — начале XXI в. не только в связи с бурным развитием теории плюрицентричности немецкого языка и ее признанием в научном сообществе, но и в связи с актуализацией проблемы национальной идентичности в период глобализации.

Целью работы является анализ и описание лексикографических трудов, кодифицирующих различные национальные стандарты немецкого языка. Для исследования были выбраны словари национальных вариантов немецкого языка, вышедшие в период с 1951 г. по сегодняшний день в немецкоязычных

странах — Австрии, Германии, Швейцарии, Люксембурге.

Историко-типологический метод исследования, широко используемый в теоретической лексикографии, можно, на наш взгляд, успешно применять в изучении такого малоизученного лексикографического типа как вариантный словарь, кодифицирующий определенный национальный стандарт (и в отдельных случаях региональную специфику) конкретного языка. Данный метод позволяет проследить динамику появления и развития немецкоязычных вариантных словарей, проанализировать и описать их метатекстовые особенности на каждом этапе развития и национальные характеристики, выявить общие свойства и частные особенности.

2. Классификация словарей и краткая история лексикографирования немецкого языка

2.1. Лексикографическая параметризация и типы словарей

К ключевым проблемам теоретической лексикографии относится необходимость классификации словарей, что связано, по мнению О. М. Карповой, с «разнообразие[М] жанров существующих справочников, способ[ами] регистрации и лексикографической обработки входных единиц» (КАРПОВА 2019: 12). Одна из первых базовых классификаций, созданная на основе анализа актуальной советской и мировой практической лексикографии, была разработана выдающимся советским языковедом Л. В. Щербой в 1930-х гг. В основе этой типологии словарей лежат шесть теоретических противоположений (ЩЕРБА 1974: 265-304):

- 1) словарь академического типа¹ — словарь-справочник;
- 2) энциклопедический словарь — общий словарь;
- 3) thesaurus² — обычный (толковый или переводной) словарь;

¹ Под словарями академического типа Щерба понимает нормативный словарь, который отражает систему определенного языка [ЩЕРБА 1974: 265].

² Говоря об этом типе словарей, Щерба указывает на количественный состав словника тезаурусов, отмечая, что в таких словарях «приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз (т. е. и все так называемые *hарах'ы*), и что под каждым словом приводятся решительно все цитаты из имеющих на данном языке текстов» [ibid.: 281].

4) обычный (толковый или переводной) словарь — идеологический³ словарь;

5) толковый словарь — переводной словарь;

6) неисторический словарь — исторический⁴ словарь.

В концепции Щербы не только закладываются начала теории лексикографии, но и выявляются некоторые релевантные принципы, принимаемые во внимание при составлении словарей разного типа: «единое (реальное) языковое сознание определенного коллектива в определенный момент времени» (ibid. 1974: 266), наличие идеи нации, близость языков, лингвистическое единство словника, объединение слов разных специальностей, хронологическая систематизация, географический фактор, социальные показатели, противоположение языкового материала и языковой системы, наличие «отрицательного языкового материала» (т. е. ошибок речи), выявление и классификация слов-понятий, потребность понимать тексты на иностранном языке и другие аспекты (ibid.: 267-291). Таким образом, выдвигая новаторскую концепцию общей теории лексикографии, основанную на анализе эмпирического материала, ученый впервые указывает на научный характер словарной работы. Несмотря на «условность выбранной терминологии» (ibid.: 265) выработанные Щербой типологические критерии до сих пор не потеряли своей актуальности и используются современными исследователями как базовые для освещения различных проблем теоретической лексикографии и практической словарной работы.

В силу ряда экстралингвистических причин, прежде всего, развития цифровизации и изменения способов записи и сохранения текстовых данных, многие современные исследователи классифицируют словари по *формальным и содержательным параметрам*. К *формальным признакам* можно отнести различные характеристики средств хранения информации и на основании этого выделить, соответственно, печатные и цифровые словари (также электронные, или онлайн-словари). Современный этап

³ В современной лексикографической терминологии такой тип словаря называется идеографическим, в котором языковые единицы представлены в связанных по смыслу группах слов.

⁴ В современной терминологии — этимологический словарь.

развития лексикографической науки находится под влиянием Интернет-технологий, которые позволяют редактировать словарные тексты в онлайн-режиме не только авторам, но и пользователям словарей. К *содержательным признакам* относят параметры, позволяющие условно разделить словари на две большие группы в зависимости от объекта лексикографического описания: *энциклопедические* (в которых представлены знания о мире) и *лингвистические* (фиксирующие знания о языке) *типы* словарей.

Анализ работ отечественных и зарубежных лексикографов (БЕРКОВ 2004: 11-14; КАРАУЛОВ 2022: 8; КАРПОВА 2019; SCHLAEFER 2009: 108; НАРМ 2015: 136) позволяет выделить различные типы лингвистических словарей на основе выявления релевантных лексикографических параметров:

— целевая группа пользователей (учебный, школьный, словарь для детей, карманный, экспертный, словарь для широкого круга пользователей);

— цель описания (объяснительный, фиксирующий);

— цель использования (переводной, толковый, учебный, экспертный);

— количество языков (одноязычный, двуязычный, многоязычный);

— детализация информации (однотомный, двухтомный, многотомный);

— отраслевой признак (словарь медицинских, спортивных, технических, лингвистических, биологических и др. терминов, словарь профессионализмов);

— лингвокультурологический фактор (страноведческий, словарь безэквивалентной лексики, словарь по культуре речи);

— временной фактор (новый, современный, синхронный, диахронный, устаревших слов, этимологический, словарь неологизмов, словарь «модных слов»);

— текстовый параметр (авторские словари: словари языка писателей, словарь поэтического языка);

— объем словника (большой словарь, полный, краткий, словарь-минимум);

— параметр внешних связей слов в языковой системе (словарь паронимов, синонимов, антонимов, омонимов и т. д.);

— описываемый уровень знаковых единиц (орфографический, орфоэпический, морфологический, фразеологический, словарь значений, толковый, универсальный, словарь валентностей и т. д.);

— расположение заголовочных единиц (алфавитный, алфавитный обратный, идеографический, семантический, тематический).

Отгалкиваясь от параметра языковой нормы, можно выделить прескриптивные словари, которые носят предписывающий характер, и дескриптивные словари, в которых регистрируются нормативные явления на разных языковых уровнях.

Девкин, принимая за основу классификации объем словника, предлагает бинарную классификацию словарей: «одни содержат более или менее весь словарный запас, другие — только какую-то его часть, отобранную по определенному принципу» (ДЕВКИН 2005: 13).

Не стоит забывать, что существуют смешанные, или комплексные, словари, которые сочетают в себе ряд признаков (толково-сочетаемостные, толково-переводные и т. п.), т. е. один и тот же словарь может соответствовать нескольким указанным выше (во Введении и в этом разделе) параметрам.

Таким образом, несмотря на отсутствие общепринятой типологии словарей их можно классифицировать с учетом различных параметров: целевой установки, адресации, объема, синхронии vs диахронии, систематичности корпусного материала или его выборочного характера и другим признакам. В целом следует отметить, что приведенная выше лексикографическая параметризация не является закрытым множеством, влияние как лингвистических, так и экстралингвистических факторов может способствовать увеличению или уменьшению предложенных категорий и, соответственно, классификация может быть дополнена другими типами словарей.

2.2. Краткий обзор создания словарей в Германии (VIII—XX вв.)

Немецкоязычная лексикографическая практика имеет богатое прошлое, насчитывающее несколько веков. В истории составления словарей немецкого языка в Германии М. Шлефер (SCHLAEFER 2009: 128) выделяет пять периодов, которые харак-

теризуются следующей лексикографической деятельностью:

- 1) VIII—XIV вв. — составление глоссариев и вокабуляриев для учебных целей;
- 2) XV—XVI вв. — немецкий язык становится объектом научной работы над словарями;
- 3) XVII—XVIII вв. — необходимость кодификации немецкого языка в большом словаре;
- 4) XIX — 1-я пол. XX в. — появление *Немецкого словаря* братьев Гримм;
- 5) 2-я пол. XX в. — начало современного этапа немецкой лексикографии.

Таким образом, периодизация составления словарей представляет собой «путь от простого средневекового вокабуляра к 'национальному словарю' в форме монументального произведения братьев Гримм» (*ibid.*: 128), который определяется как ключевой этап национальной лексикографии.

Дополняя периодизацию Шлефера, отметим, что современный период развития немецкоязычной лексикографии характеризуется созданием словарей нового типа — словарей национальных вариантов немецкого языка, появление которых обусловлено осознанием представителями социумов немецкоязычных государств собственной культурно-языковой идентичности, а также активным развитием таких социолингвистических направлений как теория плюрицентричности немецкого языка и вариантная лингвистика (*Varietätenlinguistik*). Зародившись в середине XX в., вариантная немецкоязычная практическая лексикография начала бурно развиваться в конце XX — начале XXI в. В этот период появляются различные типы словарей, фиксирующие лексические, фонетические и грамматические нормы национальных стандартов немецкого языка как языка плюрицентричного.

3. Плюрицентричность немецкого языка и ее отражение в лексикографических источниках

Немецкий язык относится к плюрицентричным, или плюрицентрическим, языкам. В качестве релевантных свойств таких языков австрийский социолингвист Р. Мур называет различные признаки, которые можно условно обозначить как *количественные* (функционирование языка в двух и более государ-

ствах), *законодательные* (наличие статуса официального или государственного языка) и *системно-речевые* (развитие языковой и коммуникативной самостоятельности) (MUNR 2003: 191).

Немецкий язык как плюрицентричный имеет несколько равноправных национальных вариантов или стандартов, функционирующих в разных немецкоязычных странах. При этом каждый национальный стандарт отличают свои особенности на всех уровнях языковой системы. У национального стандарта плюрицентричного языка, представленного в определенной стране, с течением времени вырабатываются не только системные особенности узуального употребления, но и собственные орфоэпические, лексические и грамматические нормы, которые требуют обязательного лексикографического закрепления.

Говоря о кодификации языковой нормы, Б. Качру выделяет наряду с другими видами (авторитарной, социологической, психологической) образовательную кодификацию, т. е. фиксацию языковых явлений в учебниках, грамматиках, словарях, литературе (цит. по: [ПРОШИНА 2017: 58]). Кодификация нормы в словарных источниках рассматривается современными учеными как один из важных аспектов признания стандарта (*ibid.*).

В целом территориальная или диатопическая вариантность лексики, морфологии и синтаксиса разных национальных вариантов немецкого языка уже хорошо исследована, описана и кодифицирована в научных монографиях и статьях немецкоязычных и отечественных ученых; см. (AMMON 1995; MUNR & SCHRODT 1997; LENZ & GLAUNINGER 2015; КОПЧУК 2022 и др.). На наш взгляд, в настоящее время внимания заслуживают исследования, в которых проводится анализ лексикографических источников, отражающих как систему конкретных национальных стандартов, так и отдельные языковые уровни таких вариантов.

3.1. Репрезентация плюрицентричности немецкого языка в лексикографической практике

Немецкоязычная вариантная лексикография формировалась и развивалась в рамках общей лексикографической традиции немецкоязычных стран в соответствии с общелингвистическими подходами и лексикографическими тенденциями определенных исторических периодов. Попытки лексикографической

фиксации отдельных территориальных дублетов предпринимались еще в XIX и XX вв. как в универсальных толковых словарях, так и в орфографических, орфоэпических, грамматических кодификаторах (подробнее см. в [AMMON 1995: 358-367; KELLERMEIER-RENBEIN 2014: 192-195], которые составлялись и выходили, как правило, в Германии. Прежде всего исследователи называют немецкие словари серии Duden (*Deutsches Universalwörterbuch*, *Rechtschreibung*, *Aussprachwörterbuch* и др.) (KELLERMEIER-RENBEIN 2014: 192-195), где системно представлена специфика немецкого языка Германии, и дают их обзор, указывая на наличие в словниках в том числе языковых типов, функционирующих в других национальных вариантах немецкого языка (австрийском, швейцарском и т. д.). Такие единицы маркируются особыми территориальными и ареальными пометами. Поскольку каждое новое издание Duden достаточно подробно обсуждается в научных работах зарубежных и отечественных исследователей, мы не будем останавливаться на их анализе и описании, а перейдем к словарям других национальных стандартов немецкого языка. Однако необходимо сделать важную оговорку и отметить, что лексикографическая ценность таких словарей общего типа заключается в том, что в них были заложены основы для работы над словарями национальных вариантов немецкого языка.

3.1.1. Словари австрийского варианта немецкого языка

В истории вариантной немецкоязычной лексикографии первым словарем справочного типа стал австрийский словарь *Österreichisches Wörterbuch* (ÖWB), разработанный и вышедший из печати в Австрии в 1951 г. Изначально ÖWB представлял собой рассчитанный на школьников учебный словарь — официальный свод правил австрийского варианта немецкого языка, который имел предписывающий характер. Объем первого издания составлял 276 стр., словник включал 23600 заголовочных слов. Издание 1951 г. содержало ключевые слова того периода, например, *Fernsprecher*, *Stenographie*, *Zonentarif* и др. Вокабуляр каждого последующего издания пополнялся актуальной лексикой. Важно отметить, что словарь был составлен коллективом австрийских авторов, выпускался в венском издательстве

по поручению Министерства образования, искусства и культуры (сейчас — Министерство образования, науки и исследований).

ÖWB основывался на так называемом листе предписаний «Verordnungsblatt des Bundesministeriums für Unterricht» от 1 января 1950 г., названном Министерством образования Австрии справочным пособием, которое «содержит употребительную в Австрии лексику и в котором можно найти подходящий ответ на все вопросы по орфографии, которые возникают в школе или в учреждениях» (PAVST & EYBL-VYHNANEK 2022: 5). Традиция же создавать орфографические справочники для школьников берет начало еще в период правления императрицы Марии Терезии: в 1774 г. после издания ею *Общих школьных правил* («Allgemeine Schulordnung»), вышло *Руководство по правописанию на немецком языке. О функционировании немецких школ в империи* («Anleitung zur deutschen Rechtschreibung. Zum Gebrauch der deutschen Schulen in den kaiserlich-königlichen Staaten»), составленное министром Иоганном Игнацом фон Фельбигером (Johann Ignaz von Felbiger), ответственным за школьную реформу. На состоявшейся в 1876 г. в Берлине 1-й орфографической конференции были выработаны рекомендации по немецкой орфографии, которые легли в основу сборника правил немецкого правописания *Regeln für die deutsche Rechtschreibung nebst Wörterverzeichnis*, вышедшего в 1879 г. в Вене и ставшего одним из предшественников Австрийского словаря. Обновленный свод правил, созданный по итогам орфографических конференций в 1901 г., носил предписывающий характер для всех школ Австрии в 1902-1903 учебном году (PAVST & EYBL-VYHNANEK 2022: 5).

Если изначально выработанные и кодифицированные правила орфографии служили для унификации немецкой орфографии на территории Австро-Венгрии, то основной целью современного *Австрийского словаря*, по словам социолингвистов, является поддержка и укрепление австрийского национального варианта немецкого языка (KELLERMEIER-REHBEIN 2014: 179). По мнению Аммона, ÖWB представляет собой «главную и несомненную составляющую языкового кодекса⁵ австрийского стан-

⁵ Под языковым кодексом (нем. Sprachkodex или linguistischer Ko-

дарта немецкого языка» (AMMON 1995: 138).

Исследователи отмечают, что до 1997 г. словарь носил «ярко выраженный пуристический характер» (KELLERMEIER-REHBEIN 2014: 179), что эксплицитно выражалось с помощью небуквенных знаков. Тевтонизмы (германизмы), т. е. заимствования из немецкого языка Германии, которые благодаря контактам австрийцев с немцами появились в австрийском варианте и закрепились в повседневной речи, были отмечены в словаре астериском, например, *Aprikose**, *Sahne**. Такие маркированные «неавстрийские» слова не рекомендовалось употреблять.

Данный вид австрийского языкового пуризма в отношении национального варианта доминирующего центра был направлен исключительно против немецкого языка в Германии, от которого исходила опасность проникновения и преобладания языковых элементов в большей степени, чем от немецкоязычной Швейцарии (*ibid.*).

В 2022 г. вышло 44-е издание ÖWB, который сейчас определяется как «сугубо австрийский словарь» (FUSSY & STEINER 2009: 807; PABST & EYBL-VUHNANEK 2022: 845), где австрицизмы не отмечаются какими-либо знаками, а различия в словах, формах и значениях, функционирующих в Германии (*D*), Швейцарии (*CH / bes. CH*), Южном Тироле (*SüdT*), на юге и севере Германии (*nördl. D.*) и т. д. имеют специальные пометы — международные буквенные коды, например:

Ap|ri|ko|se die, - / -n <arab.-nl.> (*D, CH*): *Marille* (PABST & EYBL-VUHNANEK 2022: 62).

Корпус 44-го издания *Австрийского словаря* 2022 г. включает почти 100000 ключевых слов, т. е. в пять раз больше, чем 1-е издание. Мегаструктура организована также по алфавитному принципу. Наряду с лексикой, уже включенной в предыдущие

дех) Аммон понимает совокупность различных произведений, в которых кодифицированы все правила языка: словари (орфографические, орфоэпические, толковые), своды правил правописания и грамматики. Говоря о кодификации правил отдельного стандарта, Аммон вводит термин *Kodex der Standardvarietät* 'кодекс стандартного варианта' (AMMON 1995: 74).

издания, словарь содержит актуальные слова, отражающие реалии современного мира: Covididiot, Millennial, Superspreader, Subsahara-Afrika и многие другие. ÖWB предназначен не только для школьников и широкой публики, но и для представителей административной сферы. В связи с этим словарь содержит большое количество широко используемых наименований различных институциональных организаций и учреждений, которые играют важную роль в общественной жизни, например, Bundesdenkmalamt, Bundes-Oberstufenrealgymnasium, das Österreichische Normungsinstitut (ON), die Österreichische Bundesfinanzagentur (ÖBFA), Österreichische Nationalbank (OeNB) и др.

Как отмечают авторы, «особое внимание в 44-м издании обращается на те слова, которые неуместны при использовании политически корректного языка» (ÖWB 2022: 5). Такие слова маркируются специальными пометами: *abw.* (abwertend), *diskr.* (diskriminierend), *frauenf.* (frauenfeindlich), *rass.* (rassistisch), ср. репрезентацию слов с компонентом *neger-* в словарных статьях (PABST & EYBL-VYHNANEK 2022: 472):

ne|ger < fr.??> (ostöst., ugs., veraltend): er ist n. (*hat kein Geld*), → Negerant || **Ne|ger** der, -s / -, <lat.-span.-fr.> (abw., disk.): *Schwarzer; Schwarzafrikaner; Afroamerikaner* || **Ne|ge|rant** der, -en / -en < fr.??> (ostöst., ugs., veraltend): *jemand, der kein Geld hat*; → *neger* || **Ne|ge|rin** die, - / -nen <lat.-span.-fr.> (abw., disk.): *Schwarze; Schwarzafrikanerin; Afroamerikanerin* || **Ne|ger|kopf**: (Fachspr.) *ein Gefäß im antiken Griechenland* | (Kul., disk. B.) *eine Mehlspeise*

Как видим из примеров, при толковании приведенных слов используются не только дефиниционный и синонимический подходы, но и принцип символической записи, т. е. использование многочисленных помет, дополняющих содержательную специфику лексем:

— ареальные пометы, отмечающие региональное употребление слова в восточной части Австрии (*ostöst.*);

— временные пометы, указывающие на выходящее из употребления слово (*veraltend*);

— дискурсивные пометы, маркирующее дискриминирующий характер лексемы (*diskr.*);

— стилистические пометы, отражающие разговорное ис-

пользование слова (*ugs.*);

— оценочные пометы, характеризующие степень пейоративной коннотации (*abw.*);

— отраслевые пометы, указывающие на использование слова в профессиональном языке (*Fachspr.*);

— отсылочные пометы-символы (в приведенных статьях — это невербальный знак →), которые дают возможность пользователю словаря получить дополнительную информацию в отсылочных статьях.

Особыми региональными пометами снабжаются слова, которые функционируют в разных частях Австрии: *reg.* (regional), *ostöst.* (ostösterreichisch), *westöst.* (westösterreichisch), *O* (Oberösterreich), *K* (Kärnten), *S* (Salzburg) (ÖWB 2022: 12). Таким образом, в актуальном издании широко используется принцип плюриа-реальной репрезентации лексики.

Среди прочих достоинств актуального и предыдущих изданий ÖWB можно выделить наличие раздела с социолингвистической информацией о немецком языке в Австрии (PABST & EYBL-VUHNANEK 2022: 840-848). Особое внимание уделяется специфике австрийского стандарта немецкого языка, сформировавшегося под влиянием различных лингвогеографических, социальных и исторических условий:

Das österreichische Standarddeutsch ist eine Varietät im Rahmen des Deutschen. Sie fügt sich in dieses Gesamtsystem in Wortschatz, Aussprache und Grammatik ein, hat aber in vielen Bereichen eigene Ausprägungen entwickelt. <...> Das österreichische Standarddeutsch ist das Ergebnis verschiedener sprachgeographischer, sozialer und historischer Ursachen (ibid.: 844).

Кроме того, следует обратить внимание, что словарь Österreichisches Wörterbuch идет в ногу со временем и сейчас он доступен в онлайн-формате.⁶

После выхода 1-го издания ÖWB австрийские лексикографы занимались составлением и других авторитетных словарей, к которым можно отнести много раз переизданные словари Я. Эбнера *Wie sagt man in Österreich?* (EBNER 1969; EBNER 1980; EBNER 1998;

⁶ <https://www.oewb.at/oebv/oewb/start.xav>.

EVNER 2009) и орфоэпический словарь Р. Мура *Österreichisches Aussprachewörterbuch. Österreichische Aussprachedatenbank* (MUNR 2007a), имеющий также онлайн-версию (MUNR 2007b).⁷ В истории немецкоязычной орфоэпической лексикографии в целом и вариантной немецкоязычной лексикографии в частности данный труд стал беспрецедентным явлением; подробнее об этом см. в (Едличко 2020; Едличко 2022). Мур создавал свой словарь, основываясь на орфоэпической норме, которая характеризуется компромиссом между узусом наиболее образованных представителей социумов и нормативным произношением профессиональных (т. е. специально обученных) дикторов радио и телевидения. Такая норма, отмечает Мур, «повсеместно распространена из-за широкого использования в СМИ и везде воспринимается как надрегиональный стандарт» (MUNR 2007b: URL). Словарь включает произношение 42000 слов, около 2100 фамилий и около 2500 названий австрийских муниципалитетов. Характерно, что в онлайн-версии предлагается произношение и транскрипции слова, свойственные для трех национальных вариантов немецкого языка — австрийского, собственно немецкого и швейцарского. Каждая вокабула озвучивается двумя дикторами (женщиной и мужчиной) — носителями определенного стандарта. Наряду с вербальным способом репрезентации слова в словаре дополнительно используются невербальные средства: флаги государств представленных вариантов немецкого языка (после транскрипции слова), цветные треугольники (красный и синий) для выбора женского и мужского голосов при произнесении слова и другие визуальные образы. К несомненным достоинствам словаря могут быть отнесены

не только использование современных фонетических и акустических методов исследования аудиокорпуса, наличие большого количества аудиофайлов, но и учет плюрицентричного характера немецкого языка, указание на различия в произношении между австрийским немецким и двумя другими диалектными вариантами (Едличко 2022: 131).

Возвращаясь к ÖWB, отметим, что создание первого полноценного словаря австрийского варианта немецкого языка не

⁷ <http://www.adaba.at>.

только стало импульсом для составления ряда других вариантов словарей австрийского немецкого, но и способствовало созданию особого типа словарей справочного характера — вариантов словарей стандартов немецкого языка, фиксирующих специфику системы конкретного национального варианта в других немецкоязычных странах.

3.1.2. Словарная кодификация швейцарского варианта немецкого языка

Особая лингвистическая ситуация медиальной диглоссии в Швейцарии, т. е. функционирование двух языковых разновидностей — литературного стандарта (*Schweizerhochdeutsch*), который чаще всего соотносится с письменной формой языка, и диалекта (*Schwyzerdütsch*) — стала предпосылкой лексикографического закрепления обоих диалектических вариантов.

Традиционно авторы словарей швейцарского варианта немецкого языка стремились закрепить этот стандарт. Такой подход используется как в ряде учебных словарей (*SCHWEIZER SCHULWÖRTERBUCH* 1997; *SCHWEIZER SCHÜLERDUDEN* 2006), так и в словарях, рассчитанных на широкую аудиторию (*UNSER WORTSCHATZ* 1987; *MEYER* 1989; *MEYER* 2006; *SCHWEIZER WAHRIG* 2006; *SCHWEIZERHOCHDEUTSCH* 2012; *BICKEL & LANDOLT* 2018).

Швейцарский стандарт кодифицирован в словаре *Schweizerhochdeutsch*, уже дважды изданном в издательстве «Дуден» в Германии (*SCHWEIZERHOCHDEUTSCH* 2012; *BICKEL & LANDOLT* 2018). Составители отмечают, что словарь является «компактным справочником для тех, кто хочет корректно писать на стандарте швейцарского варианта немецкого языка» (*SCHWEIZERHOCHDEUTSCH* 2012: 7). Это объясняется тем, что произношение слов в литературном стандарте сильнее зависит от написания, чем в других вариантах немецкого языка, например: *Va:tər*, а не *Va:ta*; *e:wig* а не *e:wich* (*ibid.*).

Остановимся на актуальном издании словаря *Schweizerhochdeutsch* 2018 г. (*BICKEL & LANDOLT* 2018), который можно рассматривать как печатный одноязычный толковый учебный словарь синтетического типа, в словнике которого зафиксированы только гельветизмы, т. е. лексемы швейцарского варианта немецкого языка, являющиеся «частью культурного достояния

немецкого языка в Швейцарии» (WYSS 2018: 4). Словник содержит специфические (spezifische) и неспецифические (unspezifische) гельветизмы. Под первыми понимают лексемы, использование которых ограничено территорией Швейцарии, под вторыми — слова, функционирующие за ее пределами (например, на юге Германии или Австрии) (BICKEL & LANDOLT 2018: 9). Вопросами отбора гельветизмов, которые по согласованию с редакцией издательства «Дуден» включаются в разные словари серии Duden, в том числе и в орфографический, занимается швейцарский комитет этого издательства (schweizerischer Dudenausschuss) — член Швейцарской ассоциации немецкого языка (Schweizerischer Verein für die deutsche Sprache, SVDS). В выпуске 2012 г. было кодифицировано 3000 гельветизмов, во 2-м издании (2018 г.) макроструктура была расширена и добавлены 500 новых слов (WYSS 2018: 4).

На мегауровне словарь 2018 г. имеет большое количество разделов и включает, наряду с традиционными частями (предисловием, списком сокращений, словником, списком литературы), также информацию о региональных отличиях швейцарского стандарта на уровне языковой системы (стандартном произношении в Швейцарии, ударении, грамматике, лексической специфике, этимологии гельветизмов), региональных отличиях в немецкой Швейцарии и др.

На микроуровне семантизация гельветизмов осуществляется различными способами (BICKEL & LANDOLT 2018: 9-10):

— с помощью пояснительного слова, известного во всем немецкоязычном пространстве. При этом приведенный синоним, так же, как и заголовочное слово, используются в Швейцарии;

Ablad, *der*; *-[e]s, -e*: Abladen (von Waren); Entladen (von Transportmitteln) (ibid.: 11).

— с использованием перефразирования:

Abendverkauf, *der*; *-[e]s, ...käufe*: verlängerte abendliche Öffnungszeit von Geschäften (ibid.: 11).

— с помощью отсылочных помет к другим вокабулам, т. е. при совпадении значений нескольких слов (следующих, как правило, друг за другом) дефиниция приводится только для наиболее частотного варианта, на который дается отсылочная помета *swv*.

(so viel wie) в зоне семантизации менее употребляемого варианта:

Alpabfahrt, *die*; -, *-en*: svw. Alpabzug.

Alpabzug, *der*; *-[e]s*, *...züge*: [festlicher] Umzug im Spätsommer, bei dem Personal und Vieh von der Alp ins Tal ziehen (ibid.: 14).

— с помощью отсылочной пометы в зоне семантизации к другим пояснениям, т. е. в случае, если гельветизмом является только одно значение, перед дефиницией используется помета auch svw. (auch so viel wie); это означает, что другие значения этого слова являются общенемецкими и используются во всех немецкоязычных странах:

aberkennen <sv. V.>: auch svw. einer Sache die amtliche Bewilligung entziehen (ibid.: 11).

— если дефиниция вокабулы представляется излишне сложной, то в исключительных случаях она заменяется заимствованием из собственно немецкого варианта и сопровождается пометой svw. dtl. (so viel wie deutschländisch):

Achtungstellung, *die*; -, *-en* (*Militär*): svw. dtl. Strammstehen (ibid.: 13).

Auffahrt, *die*; -, *ohne Pl.*: svw. dtl. Christi Himmelfahrt (ibid.: 17).

— в случае если заглавное слово представляет собой компонент устойчивого выражения, предлагается дефиниция только данного выражения:

absägen. **abgesägt sein/mit abgesägten Hosen dastehen*: blossgestellt sein; den Kürzeren gezogen haben (ibid.: 11).

Таким образом, при репрезентации значений гельветизма в названном словаре используются различные формы семантизации, обеспечивающие точность и доступность толкования: синонимические номинации, в том числе заимствования из других стандартных вариантов немецкого языка; описательные толкования; отсылочные пометы.

Целевой аудиторией словаря *Schweizerhochdeutsch* являются учащиеся школ, предполагается его использование на всех уровнях школьного образования. Важной представляется ре-марка Й. Вюсса, президента Швейцарской ассоциации немецкого языка, внесенная в предисловие ко 2-му изданию относительно роли словаря в развитии сознания у немецкоязычных швейцарцев и признании ими швейцарского варианта немецко-

го языка в качестве равноценного варианта немецкого стандартного языка:

Ich hoffe, dass das kleine Nachschlagewerk <...> bei den Deutschschweizerinnen und Deutschschweizern einen Beitrag zum Bewusstseinswandel leistet, damit Schweizerhochdeutsch als gleichwertiger Teil der deutschen Standardsprache anerkannt wird (WYSS 2018: 4).

В связи с вышеупомянутыми особенностями лингвистической ситуации в немецкоязычной Швейцарии нельзя не упомянуть крупнейший региональный словарь немецкого языка — *Schweizerisches Idiotikon* (также *Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache* и *Schweizerdeutsches Wörterbuch*), который документирует и объясняет диалектную лексику немецкоязычной Швейцарии в период позднего Средневековья и до XXI в. Работа над этим уникальным лексикографическим трудом началась во 2-й половине XIX в. В настоящее время печатное издание представлено 16 томами⁸ и содержит 150000 слов; с 2010 г. словарь *Schweizerisches Idiotikon* доступен в онлайн-версии.⁹ Исследователи указывают, с одной стороны, на комплексный, с другой — на детальный характер словаря, отмечая, что *Schweizerisches Idiotikon* является вторым по значимости толковым этимологическим словарем после *Deutsches Wörterbuch* братьев Гримм и занимает почетное место в ряду многотомных национальных исторических словарей других немецкоязычных стран (LANDOLT & ROTH 2021: 143).

3.1.3. Словарь люксембургского стандарта немецкого языка

Еще один диатопический вариант немецкого языка — это немецкий язык, функционирующий в Великом герцогстве Люксембург. Этот вариант именуют стандартным немецким Люксембурга (*Standarddeutsch Luxemburges*) (AMMON 1995: 401, 402), или люксембургским стандартом немецкого языка (*Luxemburger Standarddeutsch*) (SIEBURG 2022: 7). Х. Зибург, рассуждая о признании люксембургского стандарта немецкого языка, называет в целом критерии стандарта, к которым относятся социальная нейтральность, надрегиональность, наличие устного и письменного регистров (*ibid.*: 7). По мнению исследователя, люксем-

⁸ Планируется, что словарь будет состоять из 17 томов.

⁹ <https://www.idiotikon.ch>.

бургский стандартный вариант полностью соответствует перечисленным признакам и является «не отдельным языком, а самостоятельным (и равноправным) вариантом немецкого стандартного языка (*deutsche Standardsprache*) наряду с другими» (ibid.: 6-7), вырабатывает свою собственную норму, которая должна быть кодифицирована.

Необходимо отметить, что попытки зафиксировать люксембургский вариант немецкого языка в отдельных словарях разных типов датируются лишь XXI в. Так, описание звуковых типов, характерных для произносительной нормы люксембургского варианта немецкого языка (произношение несинкопированного шва, увулярного фрикативного /r/ в конце слога перед [t] и [ts], билабиального неслогового полугласного [ɥ] в сочетании <qu> и др.), наблюдаем в последнем издании немецкого орфоэпического словаря *Aussprachewörterbuch* (DUDEN 2015: 39, 72); подробнее см. в (ЕДЛИЧКО 2023). Грамматические особенности люксембургского стандарта зафиксированы в вариантной грамматике немецкого языка (*VARIANTENGRAMMATIK DES STANDARDDEUTSCHEN*: URL). Отдельные лексические люксембургизмы кодифицированы в изданиях 2004 г. и 2016 г. *Словаря вариантов немецкого языка* под ред. Аммона и др. (AMMON & al. 2004; AMMON & al. 2016). В словник этого словаря включены лексемы, которые снабжены буквенными пометами, указывающими на особенности функционирования лексических единиц; грамматическими, фонетическими и этимологическими характеристиками слова; синонимичными территориальными дублетами в других стандартах; дефиницией и контекстным примером.

Fanfare LUX die; –, -n [fäfa:r] <aus frz. *fanfare*>: ↑ Blasmusikkapelle A D, ↑ Musikkapelle A D, ↑ Musikgesellschaft CH, ↑ Bürgerkapelle STIR, >Blaskapelle<: *Im Rahmen des Galakonzertes, das die Fanfare Helmdingen-Lorentyweiler am Samstagabend ... gab ...* (Luxemb. Wort 11.2.2000, 11) — andere Bedeutungen sind gemeint (AMMON & al. 2004: 232).

Системный характер люксембургского стандарта немецкого языка отражен в новом словаре Зибурга *Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg* (SIEBURG 2022), который вышел в немецком издательстве «Дуден». Можно сказать, что впервые появился словарь, который методически

точно отображает «типичный для страны профиль немецкого языка» (ibid.: 5). Составитель рассматривает данный словарь как логическое продолжение вышеназванных вариантных словарей серии Duden *Österreichisches Deutsch* и *Schweizerhochdeutsch*, целью которых является документирование специфики произносительных, грамматических и лексико-семантических норм стандарта немецкого языка, функционирующего в конкретной немецкоязычной стране, и таким образом, оказывающего пользователю помощь в решении языковых вопросов, вызывающих сомнения.

Зибург подчеркивает, что научной основой для словарей такого типа стала концепция плюрицентричности, предполагающая существование различных нормативных вариантов немецкого языка, имеющих равноправный статус, отличающихся богатым содержанием и особой спецификой узуального использования, а также требующих лексикографического описания:

Grundlage für die lexikografische Erfassung der nationalen Varietäten, also der ländertypischen Sprachausformungen, ist die konkrete Alltagspraxis der jeweiligen Sprachgemeinschaft. Der daraus abgeleitete Ansatz ist ein deskriptiver. Es geht also in erster Linie um die Beschreibung konkreter Gebrauchsnormen (und nicht um die Vorgabe abstrakter Standards). Absicht der Wörterbücher ist nicht, die prinzipielle Einheitlichkeit des länderübergreifenden Sprachraums infrage zu stellen. <...> Und es geht darum, den Variantenreichtum des deutschen Sprachraumes zu erschließen und die unterschiedlichen ländertypischen Ausprägungen als gleichberechtigte (Norm-)Varianten bewusst zu machen (ibid.: 5).

Мегаструктура словаря содержит наряду с традиционными словарными разделами информацию о понятии «плюрицентричность»; об особенностях люксембургского стандарта немецкого языка и влиянии на него французского и люксембургского языков; о статусе немецкого языка в многоязычном Люксембурге в целом и о функционировании немецкого языка в системе образования в частности. Макроструктура включает более 1300 словарных статей, описывающих лексику из различных институциональных областей (политики, экономики, образования, здравоохранения, спорта и многих других) и повседневной жизни. Способ организации словника в словаре Зибурга является алфавитным, входные единицы представлены разными частями речи.

Микроструктура словаря (словарная статья) унифицирована и состоит, как правило, из следующих зон (количество зон варьирует в зависимости от части речи, словообразовательного потенциала и других характеристик слова): заголовочного слова, фонетической зоны (для транскрипции галлицизмов), грамматической и этимологической зон, зоны семантизации значения, зоны территориальных и специальных помет, зоны синонимии, зоны иллюстративных примеров (из современных СМИ) и зоны словообразовательных связей. Важной в аспекте репрезентации территориальной вариантности вокабулы представляется зона эквивалентов из других стандартов немецкого языка (австрийского, германского, швейцарского и др.), что обозначается территориальными пометами (*AUT, BELG, CH, D, LIE, LUX* и т. д.).

Aktivitätszone, die; -, -n: Gewerbegebiet (D) <frz. *zone d'activité*> ↑
 Industriezone: *Man muss wissen, dass in der Aktivitätszone derzeit 1300 Menschen arbeiten.* (LW, Weihnachten 2017); *So regte sie unter anderem die Schaffung von neuen Aktivitätszonen an.* (TB 17.11.2016) □
 Industrie- und Aktivitätszone (ibid.: 39).

Более подробный аналитический обзор истории и современного состояния словарной кодификации люксембургского стандарта немецкого языка представлен в статье (Едличко 2023).

3.1.4. Общие словари национальных вариантов немецкого языка

В конце XX в. в работах немецких и австрийских социолингвистов (AMMON 1995; MUNR & SCHRODT 1997; RONL 1996) были определены методологические основы практической вариантной лексикографии, что дало возможность создавать новые типы словарей — комплексные вариантные словари регистрирующего типа и выработать основные принципы их мега-, макро- и микро-структуры с учетом плюрицентрического подхода. На очевидную необходимость разработки теоретических проблем системной лексикографической организации языковых единиц для успешной прикладной словарной работы указывают ученые, отмечая, что «нельзя создать хороший словарь без теоретического осмысления коренных для его замысла вопросов» (БАБКИН 1968: 279).

Качественно новая лексикографическая систематизация лексики вариантов немецкого языка была осуществлена в созданном международным коллективом авторов словаре *Varian-*

tenwörterbuch des Deutschen, который вышел в 2004 г. (AMMON & al. 2004) и в 2016 г. (AMMON & al. 2016) и базировался на обширном и разнообразном эмпирическом материале широкой тематики (аналоговых и новых медиа-источниках, художественной литературе, справочниках, текстах законов, брошюрах, рекламных текстах, формулярах и т. д.) (AMMON & al. 2004: 911). Словарь рассчитан на широкий круг пользователей: переводчиков, беллетристов, журналистов, политиков, составителей рекламных текстов, преподавателей немецкого языка как родного и иностранного, читателей немецкоязычной литературы, туристов, представителей бизнеса, любителей немецкого языка, лексикографов и т. д. (*ibid.*: IX-X).

В словаре не отражены так называемые надстандартные лексические единицы, являющиеся общими для всех национальных вариантов немецкого языка (например, *Woche*, *glauben*, *rot* и др.), диалектизмы, термины, окказионализмы, лексика из немецкого языка ГДР, двух- и трехкомпонентные редко употребляемые композиты, а также слова, имеющие различия в произношении и написании (*ibid.*: XII). В словаре представлены территориальные дублеты, функционирующие как в разных национальных стандартах (например, австр. *Marille* и герм. / швейц. *Aprikose*), так и в региональных ареалах в пределах одной страны: *Topfkuchen* (*D-nord*), *Gugelhupf* (*A*; *D-süd*), *Gugelhopf* (*CH*; *D-südwest*), *Napfkuchen* (*D-nord* / *mittel*), *Rodonkuchen* (*D-mittelwest*) (*ibid.*: 795). При включении определенного слова в словник учитывался принцип частотности употребления слова или выражения (фразеологизма) в исследуемых контекстах (*ibid.*: XI).

В названном словаре используется стратегия семантизации заголовочного слова с использованием его контекстного функционирования. Например, значение слова *Thon* представлено следующим образом.

Thon CH der; -(e)s, ohne Plur.: ‘T[h]unfisch A D Fleisch des T[h]unfisches’: *An jenem 8. Dezember ass ich wohl wie immer ein Sandwich mit Thon und Ei* (Das Magazin 13.6.1997, 48): **Thonbrötli** (Brötli), **Thonmousse**, **Thonsalat** (*ibid.*: 790).

Как видно из примера, сразу после леммы *Thon* дается территориальная помета *CH*, указывающая на употребление данно-

го слова в Швейцарии. За грамматической характеристикой слова следует территориальный дублетный вариант T[h]unfisch, буквенные маркеры сообщают информацию об использовании данного территориального дублета швейцарского варианта лексемы Thon в Австрии (A) и Германии (D). Далее, в иллюстративной зоне, содержится контекст из современных СМИ, а приведенный в конце словарной статьи словообразовательный потенциал слова иллюстрируется с помощью возможных композитов с компонентом Thon-.

Важно отметить, что каждая словарная статья содержит иллюстративные контекстные примеры (от одного до трех), которые являются дополнительными источниками грамматической, смысловой и стилистической информации, отражающей особенности функционирования слова в речи.

По наблюдениям ученых, *Variantenwörterbuch des Deutschen* считается образцовым словарем, который занимает одно из ключевых мест в истории немецкоязычной вариантной лексикографии и рассматривается социолингвистами как первый системный кодификатор плюрицентричного языка, не имеющий аналогов в мировой вариантной лексикографии, в том числе в англоязычной (KELLERMEIER-RENVEIN 2014: 206).

Отчасти подобным образом проблема фиксации языковых единиц решается в новом онлайн-справочнике по вариантной грамматике стандартов немецкого языка *Variantengrammatik des Standarddeutschen* (URL), где используются не только принцип плюрицентричности, отражающий национальную специфику языка, но и принцип плюриареальности, т. е. учет функциональной специфики немецкого языка в крупных регионах, являющихся частью разных немецкоязычных государств. Основой для выявления грамматических отличий послужил объемный корпус региональных газет в количестве 69 единиц.

Целью справочника, который разрабатывался с 2011 по 2018 г. международным коллективом ученых из Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна, Люксембурга, является кодификация морфологических и синтаксических различий национальных и региональных вариантов немецкого языка всех немецкоязычных стран и регионов (Восточной Бельгии и Юж-

ного Тироля). Эти варианты маркируются специальными пометами: *A-west, A-mitte, A-ost, A-südost, BELG, CH, D-nordwest, D-nordost, D-mittelwest, D-mittelost, D-südwest, D-südost, LIE, LUX, STIR*.

В справочнике уделяется внимание характеристикам глаголов (временным формам), существительных (категориям рода и числа), местоимений, наречий, союзов, частиц и предлогов, фразеологизмов, а также характеристикам категорий валентности и управления. Помимо этого, специфика стандартов отражается в репрезентации различных аспектов словообразования (в том числе графических особенностей) и порядка слов в простом и придаточном предложениях.

Проиллюстрируем сказанное примером вариантного использования слов *Matur, Matura, Maturität* (ниже представлен фрагмент статьи).

Matur die, –, *ohne Plural* CH; **Matura** die, –, *ohne Plural* A, CH, STIR; **Maturität** die, –, *ohne Plural* CH 'Reifeprüfung, Abschluss einer höheren Schule'. Die Substantive *Matur, Matura* und *Maturität* stehen in der Bedeutung 'Reifeprüfung, Abschluss einer höheren Schule' nebeneinander (vgl. Suffixvarianten bei Substantiven — Einzelfälle). In A und STIR tritt ausnahmslos die auf *-a* endende Variante *Matura* auf: *Nachdem er die Matura nachgeholt hatte, folgte ein Jus-Studium.* (Oberösterreichische Nachrichten). In CH werden alle drei Substantivvarianten verwendet; am häufigsten kommt zwar *Matura* vor, daneben sind aber auch die endungslose Variante *Matur* und die mit dem Suffix *-ität* gebildete Form *Maturität* gebräuchlich: *Rund 750 Schülerinnen und Schüler haben in diesen Tagen die Matur abgelegt.* (Basellandschaftliche Zeitung). *Begabte Schülerinnen und Schüler könnten so gezielt auf die Maturität vorbereitet werden und ihre Stärken anwenden* (St. Galler Tagblatt).¹⁰

Как видно из примера, различия в использовании слов на национальном уровне касаются прежде всего формы слова в разных национальных вариантах немецкого языка. Отнесенность конкретной лексемы к определенному варианту показана с помощью территориальных буквенных помет. Словарная статья снабжена дополнительной справочной грамматической ин-

¹⁰ http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Matur/_/Matura/_/Maturität.

формацией и актуальными иллюстративными примерами из газет. Помимо приведенных выше контекстов авторы приводят далее еще по пять примеров из СМИ для каждой леммы, показывая таким образом все возможные случаи использования слова. Этот факт подтверждает мысль Щербы о том, что «хорошими считаются те словари, которые дают много примеров» (ЩЕРБА 1974: 285).

Вербальное описание дополняется наличием карт с изоглоссами, определяющими границы используемых лексем на территории отдельных ареалов немецкоязычного пространства и таблицами частотности употребления каждой единицы — *Matur / Matura / Maturität* — в исследуемых странах и регионах.

4. Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что словари можно классифицировать не только по целевой группе пользователя, объекту описания, форме словаря, сфере употребления (лексики), охвату фиксируемого материала и другим параметрам, но и по характеристикам средств хранения информации и публикации.

История словарной фиксации немецкого языка насчитывает несколько веков и условно разделяется на пять значимых периодов. В последнем из них (современном этапе развития немецкой лексикографии) можно выделить важную фазу: конец XX — начало XXI в., которая рассматривается как стадия активного развития вариантной лексикографии, направленной на кодификацию диатопических стандартов немецкого языка. Словари вариантов немецкого языка прошли путь становления и изменения от руководств по правописанию и sporadических бессистемных включений языковых категорий в словари общего типа до авторитетных полноценных словарей национальных стандартов. Некоторые из таких трудов представлены не только в печатном виде, но и в электронных форматах.

Структура современных вариантных словарей стандартов немецкого языка имеет характерные особенности, отличающие этот тип от иных лексикографических жанров — толковых, орфоэпических, переводных и других словарей. Мегаструктура таких словарных трудов является инновационной и содержит наряду с традиционными разделами (предисловием, правилами

пользования, словарем и т. д.) обязательную информацию о плюрицентричности как неотъемлемом качестве современного немецкого языка, его функциональном потенциале в немецкоязычном пространстве и / или специфике конкретного национального стандарта немецкого языка, а также другую ценную для пользователя информацию. Соответственно, прослеживается определенная тенденция к универсализации вариантных словарей несмотря на имеющиеся незначительные отличия.

Анализ различных лингвистических вариантных словарей немецкого языка XX и XXI вв. позволил нам выявить следующие ключевые тенденции в лексикографировании языковых единиц национальных стандартов немецкого языка: репрезентация национальной вариантности немецкого языка (лексических, грамматических, фонетических единиц); изменение мегаструктуры и метаязыка словарей; эволюция словарной статьи; использование широкой системы территориальных помет; применение корпусного подхода при семантизации лексики; использование в иллюстративной зоне актуальных примеров из СМИ; отражение тенденций языковой политкорректности; цифровизация словарей.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бабкин А. М. Лексикография // Теоретические проблемы советского языкознания / ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1968. С. 278—286. [Babkin, Aleksandr M. (2004) *Leksikografiya*. In: Filin, Fedot P. (ed.) *Teoreticheskiye problemy sovetskogo yazykoznaniiya* (Theoretical Problems of Soviet Linguistics), 278—286. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Берков В. П. Двужычная лексикография. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. [Berkov, Valeriy P. (2004) *Dvuyazychnaya leksikografiya* (Bilingual Lexicography). Moscow: Astrel'; AST; Tranzitkniga. (In Russian)].
- Гак В. Г. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 258—259. [Gak, Vladimir G. (1990). *Leksikografiya* (Lexicography). In: Yartseva, Viktoriya N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Soviet Encyclopedia, 136—137. (In Russian)].
- Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005. [Devkin, Valentin D. (2005) *Nemetskaya leksikografiya* (German Lexicography). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].

- Едличко А. И. Лексикографическая кодификация произносительных норм немецкого языка: история и современность // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / под ред. Т. В. Черниговской. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 118—136. [Edlichko, Anzhela I. (2022) *Leksikograficheskaya kodifikatsiya proiznositel'nykh norm nemetskogo yazyka: istoriya i sovremennost'* (Codification of the Orthoepic Norms of the German Language: History and Current Situation). In: Chernigovskaya, Tatyana V. (ed.) *XLIX Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya. Izbrannyye doklady* (Proceedings of 49th International Philological Conference. Collected Papers). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 118—136. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/9785288062353.07>
- Едличко А. И. Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 72—82. [Edlichko, Anzhela I. (2020) *Orfoepicheskiye normy nemetskogo yazyka: problemy sistematzatsii i kodifikatsii* (Orthoepical Norms of the German Language: Some Problems of Systematization and Codification). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 3, 72—82. (In Russian)].
- Едличко А. И. Немецкий язык в Люксембурге: лексикографическая кодификация национального стандарта // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 19.: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 108—120. [Edlichko, Anzhela I. (2023) *Nemetskiy yazyk v Lyuksemburge: leksikograficheskaya kodifikatsiya natsional'nogo standarta* (German in Luxembourg: Lexicographic Codification of National Standard). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2 (26), 108—120. (In Russian)]. doi: [10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-108-120](https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-108-120).
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Ленанд, 2022. [Karaulov, Yuriy N. (2022) *Obshchaya i russkaya ideografiya* (General and Russian Ideography). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Карпова О. М. Еще раз о типологии словарей (на материале английских словарей нового поколения) // Вестник Ивановского гос. ун-та. Филология. История. Философия. Сер.: гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (12). С. 12—16. [Karpova, Olga M. (2019) *Eshchyо raz o tipologii slovarey (na materiale angliyskikh slovarey novogo pokoleniya)* (Again On the Typology of Dictionaries (Based

- on the Material of New Generation English Dictionaries). *Ivanovo State University Bulletin*, 3 (12), 12—16. (In Russian)].
- Кочук Л. Б. Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриареальности // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4. № 1. С. 54—63. [Kochuk, Lubov' B. (2022) Aspekty grammaticheskoy variativnosti nemetskogo yazyka v svete kontseptsii plyuriareal'nosti (Aspects of Grammatical Variation of the German Language in the Light of the Pluriareal Concept). *Language Studies and Modern Humanities*, 4, 1, 54—63. (In Russian)]. doi: <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-54-63>.
- Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. *World Englishes Paradigm*. М.: Флинта, 2017. [Proshina, Zoya G. (2017) *Kontakt'naya variantologiya angliyskogo yazyka. Problemy teorii. World Englishes Paradigm* (Contact Variantology of the English Language. Problems of Theory. World Englishes Paradigm). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. [Shcherba, Lev V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (Language System and Speech Activity). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Ammon, Ulrich. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin: De Gruyter.
- Harm, Volker. (2015) *Einführung in die Lexikologie*. Darmstadt: WBG.
- Kellermeier-Rehbein, Birte. (2014) *Plurizentrik. Einführung in die nationalen Varietäten des Deutschen*. Berlin: Erich Schmidt.
- Landolt, Christoph & Roth, Tobias. (2021) Schweizerisches Idiotikon — Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache. In: Lenz, Alexandra N. & Stöckle, Philipp. (eds) *Germanistische Dialektlexikographie zu Beginn des 21. Jahrhunderts*. Stuttgart: Steiner, 143—173. (ZDL-Beihefte, Bd 181).
- Lenz, Alexandra & Glauning, Manfred. (eds). (2015) *Standarddeutsch im 21. Jahrhundert. Theoretische und empirische Ansätze mit einem Fokus auf Österreich*. Göttingen: V&R unipress.
- Muhr, Rudolf & Schrod, Richard. (eds) (1997) *Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa: Empirische Analysen*. Wien: Hölder-Pichler-Tempsky.
- Muhr, Rudolf. (2003) Plurizentrische Sprachen Europas. Ein Überblick. In: Gugenberger, Eva & Blumberg, Mechthild. (eds) *Vielsprachiges Europa. Zur Situation der regionalen Sprachen von der Iberischen Halbinsel bis zum Kaukasus*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 191—233.

- Pohl, Heinz Dieter. (1996) Gedanken zum österreichischen Deutsch. Gibt es eine nationale österreichische Variante? In: Ernst, Peter & Katsikas, Sergios. (eds) *Sprachnormung und Sprachplanung. Festschrift für Otto Back zum 70. Geburtstag*. Wien: Praesens, 31—47.
- Schlaefer, Michael. (2009) *Lexikologie und Lexikographie: Eine Einführung am Beispiel deutscher Wörterbücher*. Berlin: Erich Schmidt.
- Wyss, Johannes. (2018) Vorwort zur zweiten Auflage. In: *Schweizerhochdeutsch. Wörterbuch der Standardsprache in der deutschen Schweiz*. Berlin: Dudenverlag, 4. [2., völlig überarb. u. erw. Aufl.]

Словари / Wörterbücher / Dictionaries

- Ammon, Ulrich; Bickel, Hans; Ebner, Jakob & al. (2004) *Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol*. Berlin; New York: De Gruyter.
- Ammon, Ulrich; Bickel, Hans & Lenz, Alexandra Nicole. (eds) (2016) *Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz, Deutschland, Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen*. Berlin; Boston: De Gruyter. [2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl.]
- Duden. (2015) *Das Aussprachewörterbuch. Aussprache und Betonung von über 132000 Wörtern und Namen*. Bd 6. Berlin: Dudenverlag. [7., komp. überarb. u. akt. Aufl.]
- Bickel, Hans & Landolt, Christoph. (2018) *Schweizerhochdeutsch. Wörterbuch der Standardsprache in der deutschen Schweiz*. Berlin: Dudenverlag. [2., völlig überarb. u. erw. Aufl.]
- Ebner, Jakob. (1969) *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten*. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag.
- Ebner, Jakob. (1980) *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten*. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag. [2., vollst. überarb. Aufl.]
- Ebner, Jakob. (1998) *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch*. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag. [4., völlig überarb. Aufl.]
- Ebner, Jakob. (2009) *Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen Deutsch*. Mannheim: Bibliographisches Institut; Dudenverlag.
- Fussy, Herbert & Steiner, Ulrike. (eds) (2009) *Österreichisches Wörterbuch*. Wien: ÖBV. [41. akt. Aufl.]
- Meyer, Kurt. (1989) *Schweizer Wörterbuch. So sagen wir in der Schweiz?* Frauenfeld: Hueber.

- Meyer, Kurt. (2006) *Wie sagt man in der Schweiz? Wörterbuch der schweizerischen Besonderheiten*. Mannheim: Dudenverlag.
- Muhr, Rudolf. (2007a) *Österreichisches Aussprachewörterbuch, österreichische Aussprachedatenbank*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Muhr, Rudolf. (2007b) *Österreichisches Aussprachewörterbuch. Österreichische Aussprachedatenbank*. Retrieved from <http://www.adaba.at>.
- Pabst, Christiane M. & Eybl-Vyhnanek, Magdalena. (eds) (2022) *Österreichisches Wörterbuch*. Wien: ÖBV. [44. Aufl.]
- Regeln für die deutsche Rechtschreibung nebst Wörterverzeichnis, Preußen. (1902). Berlin: Weidmann.
- Schweizerhochdeutsch. Wörterbuch der Standardsprache in der deutschen Schweiz. (2012). Berlin: Dudenverlag.
- Schweizer Schülerduden: Rechtsschreibung. (2006). Mannheim: Dudenverlag; Zürich: Lehrmittelverlag.
- Schweizer Schulwörterbuch. (1997). Zug: Klett & Balmer.
- Schweizer Wahrig. Die deutsche Rechtschreibung. (2006). Oberentfelden: Sauerländer.
- Schweizerisches Idiotikon. Schweizerisches Wörterbuch, Bd. I- XVI. Retrieved from <https://www.idiotikon.ch>.
- Sieburg, Heinz. (2022) *Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg*. Berlin: Dudenverlag.
- Unser Wortschatz. Schweizer Wörterbuch der deutschen Sprache. (1987). Zürich: sabe.
- Variantengrammatik des Standarddeutschen. Retrieved from <http://www.variantengrammatik.net/index.html>.

Anzhela I. Edlichko
Lomonosov Moscow State University

Current Trends in Dictionaries of Varieties of the German Language

The article is an analytical review of modern dictionaries codifying various national varieties, or standards, of modern German. The relevance of the research is related to poorly studied aspects of the practical variety lexicography of German, which foundations were laid in the 19th century in dictionaries of various types and which has been actively developing since the end of the 20th century in German-speaking countries. The typological method of studying lexicographic works allowed to consider the history of the emergence and development of dictionaries of varieties of the German language and identify their features. The article presents some classifications of dictionaries, briefly describes the history of lexicography of the German language and highlights

the first attempts to include linguistic features of national varieties in dictionaries. The main content of the study is the analysis of some dictionaries of varieties published in Germany, Austria, Switzerland, Luxembourg. On the one hand, these are works representing descriptive general dictionaries, which record specific linguistic phenomena at the orthoepic, grammatical and lexical levels, functioning in national varieties in German-speaking countries (e. g. online handbook of grammar variants in the German language, dictionary of German varieties edited by U. Ammon & al.). On the other hand, these are lexicographic norm codifiers of varieties of the German language in Austria, Switzerland, Luxembourg, etc. The structure and content of such lexicographic works are analyzed in detail, and general information about their mega-, macro- and microstructure is provided. The key principles of describing of word semantics in dictionary entries are identified. There is a tendency to universalize the structural and substantive features of dictionaries of varieties. As a result of the analysis, a conclusion is drawn about the formation and development of a new direction in German-speaking applied lexicography and about the change in the vector in modern practical lexicography towards a variety approach due to the development of the theory of pluricentricity of the German language in the late 20th — early 21st centuries and its recognition in the scientific community.

Keywords: variety lexicography; dictionary of a variety; pluricentric language; variation; national language variety; national standard; the German language

Для цитирования:

Едличко А. И. Актуальные тенденции развития немецкоязычной вариантной лексикографии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 139—170.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-139-170.

To cite this Article:

Edlichko, Anzhela I. (2024) Aktual'nyye tendentsii razvitiya nemetskoyazychnoy variantnoy leksikografii (Current Trends in Dictionaries of Varieties of the German Language). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 139—170. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-139-170.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024; принята к публикации 20.06.2024

The article was submitted 30.05.2024; accepted for publication 20.06.2024

A. V. Ivanov, R. A. Ivanova
Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

IST DER DEUTSCHE WISSENSCHAFTLICHE DISKURS NOCH AM LEBEN?

Die Situation im Bereich des heutigen wissenschaftlichen Diskurses in den Landessprachen zeigt, wie wichtig es ist, den Ist-Zustand der Sprache nicht nur für die Ermittlung normativer Werte, sondern auch für die Vorhersage von Entwicklungstendenzen eingehend zu beschreiben. In der Mitte des 20. Jahrhunderts wurden Prognosen über die Entstehung einer universellen gemeinsamen Sprache gemacht, die aus der Verschmelzung natürlicher Sprachen entstehen würde. Diese Prognosen haben sich nicht bewahrheitet, obwohl es vermeintlich ein allgemeines Modell gibt, das die Sprachen der Welt zu vereinen scheint. Im Zuge des Globalisierungstrends, der alle Bereiche menschlicher Aktivitäten umfasst hat, kam es nicht zu einer Verschmelzung der Sprachen, sondern zum Aufstieg einer Sprache aus ihrer Zahl, die Anspruch auf eine universelle Kommunikationsrolle in nahezu allen Bereichen des gesellschaftlichen Lebens, einschließlich des wissenschaftlichen Austauschs, erhebt. Das sog. „allgemeine Modell“, über das Linguisten vor einem halben Jahrhundert schrieben, wurde in der modernen Wissenschaft faktisch auf der Basis der englischen Sprache implementiert, zum Nachteil anderer entwickelter nationaler Sprachen. Es gibt eine Reihe von Faktoren, aufgrund derer die englische Sprache eine dominante Stellung im wissenschaftlichen und Bildungsbereich bezogen hat. Dazu gehören der historisch bedingte wirtschaftliche, politische und wissenschaftlich-technische Aufstieg der Länder des anglophonen Raums, die expansiv orientierte Sprachpolitik dieser Länder, die übermäßige Ausweitung der Anwendungsbereiche des Englischen, seine Pidginisierung, die Vereinfachung des englischen Sprachbaus usw. Die deutsche Sprache, die zu Beginn des 20. Jahrhunderts noch eine führende Rolle im Bereich der Wissenschaft innehatte, hat ihre Vorteile aufgrund einer Reihe nicht-sprachlicher Gründe verloren. Diese Tatsache führte dazu, dass viele deutsche Wissenschaftler begannen, ihre Beiträge auf Englisch zu veröffentlichen. In der wissenschaftlichen Gemeinschaft werden kontinuierliche Diskussionen geführt zwischen den Befürwortern der Muttersprache in der Wissenschaft und den Wissenschaftlern, die sich angesichts der Globalisierung als vollwertige Teilnehmer des internationalen wissenschaftlichen Austauschs fühlen möchten und sich gegen die Mehrsprachigkeit in der Wissenschaft aussprechen. Die ständige Ausweitung

des englischsprachigen Informationsraums weltweit auf Kosten der deutschen und anderer Landessprachen erzeugt ein Problem, das auf zwei Arten gelöst werden kann: natürlich, unter der Voraussetzung, dass die anglophonen Länder ihren Einfluss in den gegenwärtigen geopolitischen Bedingungen allmählich verlieren, was heute keine utopische Idee mehr zu sein scheint, oder protektionistisch, durch die staatliche Förderung nationaler Wissenschaften, die sich auf der Grundlage ihrer Muttersprache entwickeln können und sollten.

Schlüsselwörter: Wissenschaftssprache, wissenschaftlicher Diskurs, Universalsprache, Landessprache, Globalisierung, Englisch, Deutsch

1. Internationalisierung vs Globalisierung

Die von den Autoren vertretene Ansicht über das Problem der Globalisierung der modernen Wissenschaft und ihrer Sprache steht im starken Widerspruch zu der romantischen Idee einer Reihe von Linguisten und Vertretern anderer Geisteswissenschaften im vergangenen Jahrhundert über die unvermeidliche Verschmelzung von Sprachen, als der Begriff „Globalisierung“ noch nicht geprägt war. Da dieser Begriff in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts fehlte, wurden die Prozesse der vorausgesagten „Sprachenbruderschaft“ und der darauffolgenden Sprachverschmelzung als Internationalisierung oder Integration bezeichnet (W. W. Akulenko & al.). Die Internationalisierung wurde als eine Art Indikator betrachtet, der die Fähigkeit der Sprachen von verschiedenen Typen und kulturhistorischen Sprachgebieten zur Synthese und Fusion aufzeigen sollte.

Die modernen Trends, die im Bereich der möglichen Entwicklung und des Funktionierens einer „universalen“ Sprache festgestellt werden, lassen den eindeutigen Schluss zu, dass die Hoffnungen auf Synthese oder Integration von Sprachen, die verschiedenen Typen und verschiedenen kulturellen und historischen Sprachräumen angehören, bisher nicht erfüllt wurden. Zumindest in der gegenwärtigen Phase der gesellschaftlichen Entwicklung. Vielmehr ist die durch die historische Praxis der Menschheit immer wieder bestätigte These berechtigt, dass in erster Linie die politischen und wirtschaftlichen Verhältnisse darüber entscheiden, ob eine Sprache verschwindet oder erhalten bleibt (SPRACHEN VERSCHWINDEN 2007: 25). Das Gesagte kann nicht nur vollständig der natürlichen Sprache, sondern auch der Sprache der wissenschaftlichen Kommunikation zugeschrieben werden.

In Anbetracht der bestehenden Globalisierungstendenz in der Wissenschaft im Allgemeinen und in der Sprachwissenschaft im Besonderen, der von Zeit zu Zeit unternommenen Versuche, gemeinsame Ansätze für die Analyse und Synthese der untersuchten Phänomene der objektiven Realität (einschließlich der Sprache) zu entwickeln, des ständigen qualitativen und quantitativen Wachstums der wissenschaftlichen Beziehungen, mag die tolerante Haltung der Wissenschaftler gegenüber der möglichen Erklärung einer der bestehenden natürlichen Sprachen zur Universalsprache der Wissenschaft auf den ersten Blick durchaus gerechtfertigt erscheinen. Im Kern der Meinungsverschiedenheiten zwischen Wissenschaftlern und Forschern verschiedener Länder und wissenschaftlicher Schulen, sowohl in der Vergangenheit als auch heute, liegen die von ihnen angewandten Prinzipien und Kriterien zur Bewertung objektiver Fakten, das heißt, die wissenschaftliche Methodologie. Der Methodologie wird die ontologische Einheit der Wege und Formen des menschlichen Denkens entgegengesetzt. Die Vielfalt der Weltsprachen und die potenzielle Fähigkeit jeder von ihnen, als wissenschaftliche *Lingua franca* zu fungieren, widerspricht keineswegs dieser Einheit, denn durch die scheinbar unendliche Vielfalt der Sprachen scheint ein „gemeinsames Modell“ hindurch (V. N. Jarzewa).

Das gemeinsame Modell, über das Yartseva vor fast vierzig Jahren schrieb, ist in der modernen Wissenschaftssprache auf englischsprachiger Basis zum Nachteil anderer entwickelter Landessprachen tatsächlich realisiert worden. Trotz der weit verbreiteten Loyalität gegenüber dem Englischen als Sprache der Weltwissenschaft und der fortgeschrittenen Technologie schwankt die Reaktion der Linguisten — Nicht-Muttersprachler des Englischen — zwischen uneingeschränkter Unterstützung der bestehenden sprachlichen Situation im Bereich der wissenschaftlichen Kommunikation und ihrer entschiedenen Ablehnung. Die fehlende Einstimmigkeit unter den Sprachwissenschaftlern in dieser Frage erklärt einerseits die verspätete und verzögerte Reaktion der wissenschaftlichen Sprachgemeinschaft auf das Problem der beispiellosen Stärkung der Rolle des Englischen in der Wissenschaft (MAURANEN 2003: 513), andererseits wird sie zwangsläufig zur Ursache einer breiten wissenschaftlichen Debatte, deren Gegenstand die Probleme der Erhaltung nationaler Sprachen als Kom-

munikationsmittel für Wissenschaftler sein könnten.

2. Englisch vs Muttersprache

Die Autoren der Studien zu diesem Thema betonen, dass die deutsche Sprache in jüngster Zeit unter Bedingungen einer exoglossen sprachlichen Situation entwickelt, die sich vor dem Hintergrund des invasiven Einflusses der englischen Sprache herausgebildet hat (SCHMIDT 1964: 161; ABRESCH 2005: 167). Bei der Untersuchung exoglossischer Tendenzen in verschiedenen funktionalen Stilen achten sie auf die funktionalen Besonderheiten von Subsystemen der deutschen Sprache im Kontext der globalen Angloamerikanisierung. Im Rahmen der diafunktionalen Analyse der Sprachsituation in Deutschland stellen die Forscher einen gemeinsamen Trend fest: den Rückgang des Prestiges des Deutschen als Wissenschaftssprache. Inwieweit dieser Trend nachhaltig ist, wird die Zeit zeigen, aber unbestreitbar ist beispielsweise die Umorientierung vieler deutscher wissenschaftlicher Zeitschriften auf das Englische als Ausdruck dieses Trends. Es besteht die Hoffnung, dass dieser Trend nicht von Dauer ist, soweit der mit einer Unterschätzung der Bedeutung von Leistungen deutscher Wissenschaftler in verschiedenen Bereichen der Wissenschaft sowie einer gewissen, wenn auch nicht ganz unbegründeten, Überbewertung der Rolle des angloamerikanischen Einflusses bei der Lösung aktueller wissenschaftlicher Probleme und dem teilweise künstlich kultivierten Prestige des Englischen als Wissenschaftssprache zusammenhängt.

Einer der äußeren Gründe dafür, dass Französisch, Russisch und Deutsch ihre Position als führende Sprachen der europäischen Wissenschaft nun rasch verlieren, ist die wachsende Rolle des Englischen in praktisch allen Bereichen menschlicher Aktivitäten. Nach D. Gradol, der bereits 1997 in seinem gleichnamigen Werk die Zukunft des Englischen beschrieb, haben sich deutlich zwölf Bereiche (domains) abgezeichnet, in denen das Englische eine dominierende Stellung bezogen hat. Dazu gehören die Aktivitäten internationaler Organisationen, deren Hauptarbeitssprache Englisch ist, die Veranstaltung verschiedener Konferenzen, der Bereich der wissenschaftlichen Veröffentlichungen, die Hochschulbildung (tertiary education), die Übersetzung, bei der Englisch als Vermittlungssprache fungiert (Re-laisssprache), die Prozesse der Übertragung und Einführung neuer

Technologien (technology transfer), die Internetkommunikation (GRADDOL 1997: 8). Die Liste ließe sich noch beträchtlich verlängern, da oben nur die Aktivitäten erwähnt wurden, die auf die Bereiche der Sozial- und Geisteswissenschaften bezogen sind.

Es gibt eine Reihe von Faktoren, die dazu geführt haben, dass die englische Sprache im wissenschaftlichen und Bildungsbereich eine beherrschende Stellung eingenommen hat. Die folgenden können als die wichtigsten erkannt werden.

1. Die historisch bedingte Zunahme der wirtschaftlichen, politischen und wissenschaftlich-technologischen Dominanz der Länder, die zur sog. angelsächsischen Welt gehören.

Auch unter Berücksichtigung der heutigen wissenschaftlichen und technologischen Errungenschaften Deutschlands und anderer Länder ist diese Dominanz in der modernen Welt offensichtlich und zum großen Teil sowohl auf die koloniale Vergangenheit der englischsprachigen Länder als auch auf die schwierige geopolitische Lage zurückzuführen, in der sich Deutschland im Verlauf des 20. Jahrhunderts befand.

Die deutsche Sprache als international anerkannte Sprache für Wissenschaft und Technologie begann ihre Positionen zu verlieren, als Deutschland im Ersten Weltkrieg eine Niederlage erlitt und seine Überseegebiete verlor. Nach dem Krieg, so U. Ammon, hörte die deutsche Sprache allmählich auf, die Sprache internationaler Konferenzen zu sein. Ihr Anwendungsbereich, insbesondere als Sprache des internationalen wissenschaftlichen Austauschs, verengte sich drastisch, und die Sprache konnte ihre Positionen in dem zuvor bestehenden Umfang nicht wiedererlangen (AMMON 2001: 345).

Die Niederlage Deutschlands im Zweiten Weltkrieg schränkte den Spielraum der deutschen Wissenschaft auf internationaler Ebene weiter ein, aber das deutsche „Wirtschaftswunder“ trug dazu bei, die Positionen der deutschen Wissenschaft in der Welt teilweise wiederherzustellen, auch wenn der Hauptnutznießer des letzten Krieges die USA waren, in denen sich der größte Teil des wissenschaftlichen Potenzials der Welt konzentrierte. Diese Situation wurde zum Teil durch Deutschland selbst gefördert, aus dem die besten Wissenschaftler während der Nazizeit vertrieben wurden und die meisten von ihnen gezwungen waren, über den Ozean auszuwandern.

Derzeit werden Versuche unternommen, die verlorengegangene Einflussnahme zurückzugewinnen, indem man Studierende und Schüler, die Deutsch lernen, nach Deutschland einlädt, Vorlesungen im Ausland hält, enorme Subventionen für das Veröffentlichen von Büchern in deutscher Sprache bereitstellt, Software für Bildungseinrichtungen, die Deutsch unterrichten, entwickelt (dies bedeutet oft in der Praxis, dass kleine deutsche Sprachzentren, die an Universitäten in den sog. „Dritte-Welt-Ländern“ eingerichtet werden, hervorragend ausgestattet sind) und Programme für den Deutschunterricht entwickelt.

Die Länder Osteuropas (Serbien, Montenegro, Tschechien, Slowakei, Ungarn, Polen, Ukraine), in denen die deutsche Sprache traditionell und historisch gesehen auf Interesse stößt, werden unter anderem aus geopolitischen Gründen in den deutschen Einflussbereich gezogen. Was Nordeuropa betrifft, so hat das Deutsche in den Ländern dieser Region seine einst starke Stellung rasch verloren und ist dem Englischen gewichen. Der Grund dafür ist, dass die grammatikalische Struktur des Deutschen schwieriger angesehen wird als die des Englischen, was zu größeren Schwierigkeiten sowohl im Unterricht als auch bei der Übersetzung führt. In diesem Zusammenhang sagen einige Forscher für die Zukunft eine noch stärkere Verengung des Einflussbereichs des Deutschen voraus, was jedoch nicht zu seinem vollständigen Verschwinden aus den Lehrplänen der Universitäten führen dürfte (DOLLERUP 1997: 97).

2. Die expansionistische Sprachenpolitik der englischsprachigen Länder, die zu einer immer deutlicheren Aufteilung der Einflussphären zwischen den Sprachen führt (SHAW 2005; MIZUMURA 2015: 93).

3. Die zunehmende Rolle des Englischen als internationale Kommunikationssprache, eine Art *Lingua franca*, die von Vertretern verschiedener Nationalitäten benutzt wird; vgl.: „Als Kommunikationsmittel rangiert Englisch heute mit Abstand vor dem Französischen, das wiederum Spanisch, Russisch, Portugiesisch, Deutsch und Arabisch weit hinter sich lässt“.¹

4. Die fortschreitende Ausweitung der Anwendungsbereiche der englischen Sprache (einschließlich der Dominanz des Englischen im

¹ Weltsprache Englisch: Globale Kommunikation. Was macht eine Sprache zur Weltsprache? Retrieved from www.wissen.de/weltsprache-englisch-globale-kommunikation.

Bereich der Massenmedien und des Dokumentenverkehrs) (BJÖRKMANN 2013: 6).

5. Das wachsende Sozialprestige des Englischen in der Welt (vor dem Hintergrund einer allgemeinen Verschlechterung der Bildungsqualität); vgl.: „Noch immer stellen Englischkenntnisse in vielen Ländern die Voraussetzung für einen sozialen Aufstieg dar“.²

6. Ungeahntes Wachstum der Anzahl von Nutzern der englischen Sprache, die keine Muttersprachler sind (der Anstieg der Zahl der Englischsprachigen ist nicht zuletzt auf eine gezielte Migrationspolitik zurückzuführen).

7. Die objektive Vereinfachung der grammatischen Struktur der englischen Sprache, die von Nichtmuttersprachlern verwendet wird, sowohl unter dem Einfluss innerer sprachlicher Trends (Anstreben nach Analytizismus), als auch durch die Vielzahl regionaler Varietäten und Pidgins, die auf der Grundlage der englischen Sprache entstanden sind (ein externer Einflussfaktor); vgl.: (HINRICHS 2013).³

„In Ländern, die Englisch als Amtssprache haben, bilden sich oft Formen heraus, die vom Standardenglisch abweichen und von vielen Wörtern der Landessprache durchsetzt sind. Abgesehen von diesen — aus unserer Sicht teils wundersamen — Spielarten der Weltsprache gibt es das britische, australische und amerikanische Englisch. Welches Englisch sprechen wir wirklich?“⁴

² Weltsprache Englisch. Retrieved from <https://www.wissen.de/weltsprache-englisch>.

³ Übrigens hält U. Hinrichs die mit der Vereinfachung der grammatischen Struktur einer Sprache verbundenen Prozesse für ganz natürlich und glaubt, sie seien „ein unumgänglicher Zug der Zeit“. Das Englische zeigt seiner Meinung nach lediglich den Vektor der globalen Sprachentwicklung.

⁴ Weltsprache Englisch: Standardenglisch ade? Retrieved from www.wissen.de/weltsprache-englisch-standardenglisch-ade.

Interessanterweise beunruhigt die Aussicht auf eine Vereinfachung der Sprache in der Zukunft nicht nur englische Linguisten. Für sie hat diese Angst bereits konkrete Formen angenommen. Ähnliche Bedenken hegen auch deutsche Sprachforscher bezüglich der deutschen Sprache, insbesondere ihrer gesprochenen Varietät, als Objekt negativer Einflüsse von Nichtmuttersprachlern. Die Entwicklung des „Kreoldeutsch“, das Fehler von Nicht-

8. Zunehmende Prozesse der Pidgin-Selbstreproduktion als Folge der strukturellen Vereinfachung und Pidginisierung des Englischen.

9. Globalisierungsprozesse, die zu einem Wechsel der wissenschaftlichen Paradigmen und einer vollständigen Internationalisierung der wissenschaftlichen, kulturellen, technologischen und Bildungssphären der Gesellschaft führten (BJÖRKMAN 2013: 6-7).

Im ersten Ansatz können die oben aufgeführten Gründe in Gruppen eingeteilt werden: sozio-historische, politisch-wirtschaftliche, informationstechnologische und sprachliche Gründe. Ihr Auftreten und ihr komplexes Zusammenspiel (in einigen Phasen der gesellschaftlichen Entwicklung) haben zur Dominanz des Englischen in der modernen Welt geführt.

Die meisten dieser Faktoren sind historisch bedingt, politisch und wirtschaftlich motiviert, so dass sie als „natürlich“ eingestuft werden können. Deshalb werden sie in den Köpfen vieler Linguisten nicht in Verbindung gebracht mit einer Bedrohung ihrer eigenen Sprache, in der sie denken und die meisten ihrer wissenschaftlichen Arbeiten schreiben, die sie dann ins Englische übersetzen.

Tabelle 1 veranschaulicht die Verbreitung und den Grad der Verwendung des Englischen in der modernen Welt.⁵

Tabelle 1. Sprachen in der heutigen Welt (1964—2005)

2005				1984		1964	
Rang	Sprache	Anzahl		Rang	Anzahl	Rang	Anzahl
1	Englisch	873	1,051	1	700	1	515
2	Chinesisch	425	588	4	194	3	185
3	Hindi+Urdu	309	508	2	391	2	265
4	Arabisch	322	382	3	211	4	145

muttersprachlern akkumuliert, wie falsche Anwendung von Kasusformen, Artikeln, Präpositionen, Singular- und Pluralformen, Verletzungen der Wortstellung, könnte langfristig dazu führen, dass der Einfluss dieser kreolischen Variante des Deutschen die sprachliche Norm erschüttert.

⁵ Die Tabelle enthält eine Rangliste der wichtigsten Sprachen der Welt mit der Anzahl der Sprecher dieser Sprachen in Millionen. Die Daten für 2005 umfassen sowohl Muttersprachler als auch Sprecher der Sprache als Fremdsprache. Die Daten aus den Jahren 1984 und 1964 umfassen nur die Muttersprachler (die Hauptquellen der zitierten Daten stammen von AMMON 2010a: 109; MULLER 1964).

Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben?

5	Spanisch	145	255	5	154	5	135
6	Französisch	206	246	8	117	8	90
7	Bengalisch	171	211	11	102	9/10	85
8	Portugiesisch	177	192	6	120	9/10	85
9	Russisch	23	163	10	110	?	
10	Indonesisch	122	123	9	117	7	95
11	Deutsch	95	123	7	119	6	100
12	Japanisch	65	115	12	63	11	65
13	Italienisch	62	62	13	?	12	55

Die Analyse der Daten in Tabelle 1 zeigt deutlich, dass die Anzahl der Englischsprecher zwischen 1984 und 2005 mehr als verdoppelt wurde. Bis 2005 belegte Englisch den dritten Platz unter den wichtigsten Weltsprachen, wobei es im Vergleich zu 1964 und 1984 einen Rangplatz abrutschte und dem Chinesischen und Hindi den Vorrang ließ. Dies hat jedoch die Ausbreitungsgeschwindigkeit der Sprache auf dem Planeten nicht beeinträchtigt.

H. Haarmann liefert aktuellere Daten zur Zahl der Englischsprecher im Jahr 2011: Es gab bereits 573 Millionen Englischsprecher auf der Welt, von denen 61,3 Millionen (10,7%) in Europa lebten.⁶

Die oben aufgeführten Daten bestätigen die Tatsache, dass die Zahl der Menschen, die Englisch als Fremdsprache sprechen, bereits 2005 die Zahl der Muttersprachler überstieg. Allerdings, gibt es keine absolut genauen Daten über die Anzahl der Englischsprecher in der Welt. Nach Berechnungen von Forschern schwankt ihre Zahl zwischen mehreren hundert Millionen und einer Milliarde Menschen. Allein in Westeuropa und Ostasien sprechen etwa 300 Millionen Menschen Englisch als Fremdsprache.⁷

Die Daten für das Jahr 2023 (siehe Tabelle 2) unterscheiden sich erheblich von den Daten für das Jahr 2005. Auf Platz 1 steht nun Englisch, das die chinesische Sprache leicht verdrängt und Hindi (+ Urdu) überholt hat.

⁶ Das Sprachenmosaik Europas. Retrieved from www.ieg-ego.eu/de/threads/crossroads/sprachenmosaik/harald-haarmann-das-sprachen-mosaik-europas/?searchterm=Haarmann&set_language=de.

⁷ Weltsprache Englisch. Retrieved from <https://www.wissen.de/welt-sprache-englisch>.

Tabelle 2. Sprachen in der heutigen Welt (2023)⁸

2023				
Rang	Sprache	Anzahl der Sprechenden		
		L1	L2	Insgesamt
1	Englisch	380	1077	1457
2	Chinesisch	1206	200,5	1406,5
3	Hindi + Urdu	416	427	843
4	Arabisch	320	274	594
5	Spanisch	485	74	559
6	Französisch	81	229	310
7	Bengalisch	234	39	273
8	Portugiesisch	236	27	263
9	Russisch	147	108	255
10	Indonesisch	44	155	199
11	Deutsch	88,5	58	146,5
12	Japanisch	123	0,2	123,2
13	Italienisch	65	3	68

Deutsch behielt seinen 11. Platz, aber im Gegensatz zum Rang sind die Daten, die die Anzahl der Muttersprachler, einschließlich der Deutschsprachigen in Österreich, der Schweiz, Liechtenstein, Luxemburg, Italien und Belgien, widerspiegeln, zurückgegangen. Ihre Zahl ist innerhalb von 18 Jahren um etwa 6 Millionen gesunken, während die Zahl der Menschen, die Deutsch als Fremdsprache lernen, um 30 Millionen gestiegen ist. Wenn sich dieser Trend weiter fortsetzt, wird die Zahl der Muttersprachler unter Berücksichtigung demografischer, wirtschaftlicher, politischer und anderer Faktoren weiter zurückgehen, während die Zahl der Deutschlernenden wahrscheinlich nicht wesentlich zunehmen, sondern sogar zurückgehen wird, denn es besteht eine objektive Abhängigkeit zwischen der Zahl der Menschen, die bereit sind, Deutsch als eine Fremdsprache zu lernen, und der Zahl der Muttersprachler. Diese Abhängigkeit spiegelt unter anderem die Einschätzung von Rolle und Stelle der Nation und deren Sprache in der Welt wider. Die politische und wirtschaftliche Unselbständigkeit Deutschlands ist in den letzten Jahren auch für diejenigen offensichtlich geworden, die sich traditionell nicht für Politik interessieren.

⁸ Retrieved from https://3A%2F%2Fen.wikipedia.org%2Fwiki%2FList_of_languages_by_total_number_of_speakers.

Die wirtschaftlichen Schwierigkeiten, die Deutschland derzeit durchlebt, führen zu einer allmählichen Kürzung der Finanzierungsprogramme zur Förderung der deutschen Sprache im Ausland. Dies wird sich wiederum auf die Anzahl derjenigen auswirken, die trotz aller Bemühungen des Goethe-Instituts und des Deutschen Akademischen Austauschdienstes (DAAD) Deutsch als Fremdsprache lernen möchten.

Dies ist der allgemeine Überblick über die sprachliche Situation in der Welt, die den entwickelten nationalen Sprachen im Vergleich zum Englischen sehr wenig Spielraum im Bereich der Kommunikation jeglicher Art, einschließlich der wissenschaftlichen Kommunikation, lässt.

3. Globalisierungstendenzen in der Wissenschaft

3.1. Einschränkungen in der Veröffentlichungsaktivität von Wissenschaftlern und Forschern

Der Erfolg in der Wissenschaft hängt heute weitgehend vom Zitationsindex ab, der auf der Grundlage von Informationen aus zientometrischen Datenbanken erstellt wird. Ein großer Teil dieser Datenbanken konzentriert sich auf englischsprachige Beiträge. Jährlich veröffentlicht Thomson Reuters das Bulletin *Web of Science Social Sciences Citation Index (SSCI) Journal List*, das wissenschaftliche Scopus/WoS-Zeitschriften einschließt. Im August 2014 umfasste die Liste von Thomson Reuters 3122 sozialwissenschaftliche Zeitschriften, von denen 2782 nur englischsprachige Artikel akzeptierten, 135 bereit waren, Artikel in mehreren Sprachen, einschließlich Englisch (manchmal Deutsch), zu veröffentlichen, und nur 55 Zeitschriften Artikel in deutscher Sprache zur Veröffentlichung akzeptierten. Eine Statistik, die für sich selbst spricht, wenn man im Auge behält, dass von den dreitausend Zeitschriften auf der Liste nur 120 in Deutschland erscheinen.

Das Diagramm zeigt die Anteile von Nationalsprachen an den wissenschaftlichen Publikationen im Bereich der Sozialwissenschaften von 1951 bis 2005 (AMMON 2010b: 401). Der Rückgang der Zahl von nicht in englischer Sprache verfassten Beiträgen spiegelt die weltweite Ausdehnung des englischsprachigen Segments des globalen Informationsraums (bis zu drei Viertel) auf Kosten der anderen Sprachen wider.

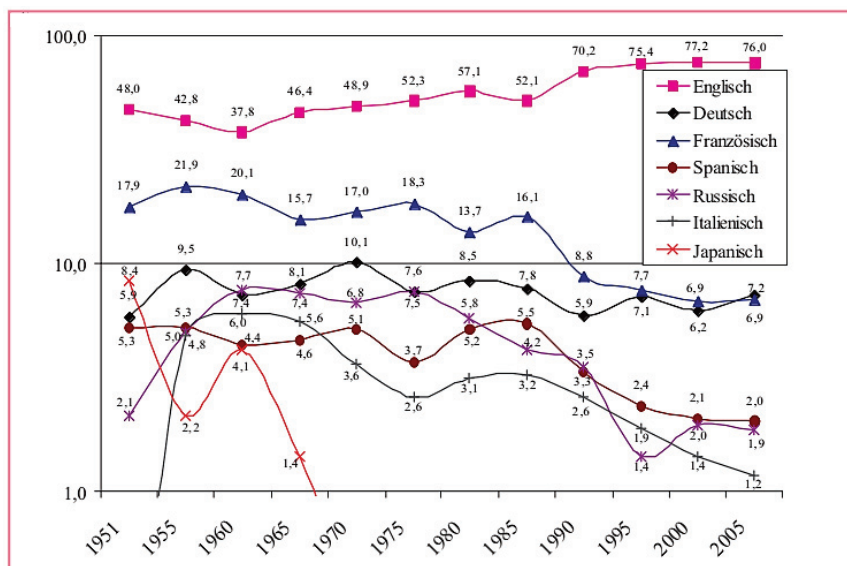

Diagramm. Die Anteile von Nationalsprachen an den sozialwissenschaftlichen Publikationen von 1951 bis 2005

Im Bereich der Geisteswissenschaften ist die Situation nur wenig besser. Nach Ammon liegt dies daran, dass die im Vergleich zu den Sozialwissenschaften breitere Anwendung allgemeiner Sprachressourcen im Zusammenspiel mit den Mitteln der spezifischen wissenschaftlichen Sprache oft die Übersetzung geisteswissenschaftlicher Texte aus dem Deutschen ins Englische oft erschwert.

Nach einer Umfrage des HIS-Instituts für Hochschulentwicklung e. V. sind unter Wissenschaftlern nur etwa 60% der Historiker, 90% der Medienwissenschaftler und 20% der Germanisten der Meinung, dass das Deutsche in ihrem Fachgebiet (unter Berücksichtigung der Notwendigkeit, die Ergebnisse ihrer Forschung im Ausland zu veröffentlichen) eine geringere Rolle spielt als das Englische.⁹ Und das, obwohl in den Geisteswissenschaften, insbesondere in der Linguistik, die sprachliche Form selbst oft als Gegenstand der Untersuchung fungiert. Im Bereich der Naturwissenschaften veröffentlicht laut dem Goethe-Institut nur 1% der Artikel auf Deutsch (AMMON 2010c).

⁹ Retrieved from www.sueddeutsche.de/bildung/streit-in-der-wissenschaft-pflichtsprache-englisch-1.2018594.

Statistiken, die die Dynamik der geisteswissenschaftlichen Veröffentlichungen in den Landessprachen von 2006 bis 2015 beleuchten, werden von W. Liu (2016: 5) vorgelegt (siehe Tabelle 3).

Tabelle 3. Veröffentlichungen im Bereich der Geisteswissenschaften (2006—2015)

2006-2015				
Rang	Sprache	Beiträge	%	<i>H</i> Index
1	Englisch	314931	73,26	127
2	Französisch	32015	7,45	11
3	Deutsch	23574	5,48	13
4	Spanisch	20743	4,83	11
5	Italienisch	13649	3,18	7
6	Russisch	6693	1,56	4
7	Portugiesisch	2993	0,70	6
8	Chinesisch	2398	0,56	6
9	Tschechisch	2066	0,48	6
10	Niederländisch	1537	0,36	6

Wie wir sehen, ist die Zahl der Veröffentlichungen in englischer Sprache fast dreimal so hoch wie die Gesamtzahl der in anderen Nationalsprachen verfassten Artikel. Dieses Verhältnis spiegelt sich auch im Zitationsindex wider. Bei englischsprachigen Veröffentlichungen ist er fast doppelt so hoch wie bei Veröffentlichungen in allen anderen Wissenschaftssprachen. Somit setzte sich der von Ammon im Jahr 2005 festgestellte Trend zur Anglisierung des Informationsraums im Bereich der Wissenschaft auch im folgenden Jahrzehnt erfolgreich fort.

Die Verwendung des Englischen als einer „universellen“ Wissenschaftssprache, die den angelsächsischen Kulturkodex beinhaltet, verschafft ihren Sprechern natürlich unbestreitbare Vorteile. Letztere nutzen diese Vorteile aktiv, wenn auch nicht immer gewissenhaft, aus. So weigern sich beispielsweise führende angloamerikanische Fachzeitschriften häufig, Artikel ausländischer Wissenschaftler zu veröffentlichen, mit der Begründung, die eingereichten Texte seien nicht gut genug in Englisch geschrieben (KRISCHKE 2011: 5). Nimmt man noch den ausgeprägten Fokus wissenschaftlicher Datenbanken auf englischsprachige Publikationen hinzu, kann man sich vorstellen, wie der Zitationsindex von Autoren aussehen würde, die in ihrer (nicht-englischen) Muttersprache schreiben.

Die diskriminierenden Kosten der Veröffentlichungspolitik führen in der Praxis dazu, dass die Zeitschriften die Wissenschaftler *de facto* oft dazu zwingen, die Ergebnisse ihrer Forschung auf Englisch zu veröffentlichen (DIETER & al. 2001: 6).

Einige Forscher sind mit der Behauptung von Zwang nicht einverstanden und argumentieren, dass es unmöglich ist, Wissenschaftler dazu zu zwingen, Artikel in einer universellen wissenschaftlichen Sprache zu veröffentlichen, deren Rolle derzeit vom Englischen übernommen wird. Natürlich geht es nicht um direkten Zwang, da die Wissenschaft grundsätzlich frei von jeglichem Diktat sein sollte, einschließlich sprachlicher Einschränkungen. Vielmehr geht es um die Schaffung von Bedingungen oder die Formulierung von Regeln, außerhalb derer die Chancen eines Wissenschaftlers, einen Artikel zu veröffentlichen, auf ein Minimum reduziert werden könnten. Angesichts dessen erscheint der vor fast dreißig Jahren von David Crystal gemachte Schlussfolgerung plausibel, dass mehr als zwei Drittel der Wissenschaftler weltweit ihre Arbeiten auf Englisch verfassen (CRYSTAL 1987: 358).

Um fair zu sein, sollte jedoch gesagt werden, dass die Ergebnisse der Umfrage des HIS-Instituts für Hochschulentwicklung e. V. nicht nur durch die Verfolgung des Zitationsindex oder des Impact-Faktors bestimmt werden, sondern auch durch andere Gründe. Diese werden von F. Rabe aufgedeckt, der an einer umfangreichen Studie teilgenommen hat, die das Verhältnis deutscher Biologen, Historiker und Germanisten zu Englisch und Deutsch als Sprachen, in denen sie ihre Arbeiten veröffentlichen könnten, untersuchen sollte. Die empirische Grundlage der Studie von Rabe bildeten 24 Umfrageinterviews, die im Rahmen des Projekts „Publish in English or Perish in German?“ mit Informanten geführt wurden. Die Hauptursache, die von den Informanten für die Wahl der englischen Sprache als Veröffentlichungssprache genannt wurde, war das Bedürfnis, sich als vollwertige Teilnehmer am internationalen wissenschaftlichen Austausch zu fühlen, in dem „wissenschaftliche Mehrsprachigkeit“, d. h. die Veröffentlichung von Forschungsergebnissen in mehreren Sprachen, als Hindernis wahrgenommen wird. Für Deutsch als Publikationssprache spricht man sich dann aus, wenn die Veröffentlichung eines umfangreichen Werks geplant ist oder wenn die Publikation für deutschsprachige Leser oder junge Forscher bestimmt ist (RABE 2015).

Es ist jedoch wichtig, sich darüber im Klaren zu sein, dass das Bedürfnis, sich dem internationalen wissenschaftlichen Austausch zugehörig zu fühlen, an sich zweitrangig ist, da es sich aus den Regeln ableitet, die Forscher befolgen müssen, wenn sie ihre Forschungsergebnisse ihren Kollegen zur Verfügung stellen wollen. Wären die Regeln anders, wären auch die Ergebnisse der Umfrage von Rabe anders.

Interessant ist, dass keiner der Informanten unter den Gründen für die Wahl des Englischen als Publikationssprache eine Verschlechterung der Qualität wissenschaftlicher Veröffentlichungen in einer Nationalsprache nannte. Inzwischen wird genau diese These von den Befürwortern der *Lingua franca* in der englischsprachigen Wissenschaft nicht nur in Deutschland, sondern auch in anderen europäischen Ländern, einschließlich Russland, aktiv verbreitet und unterstützt. So sieht z. B. Ch. Wey kein Problem darin, dass Englisch als universelle Wissenschaftssprache gewählt wird, denn diese Wahl sei natürlich und die Natürlichkeit der Wahl liege in der geringen Qualität der wissenschaftlichen Veröffentlichungen in deutscher Sprache; vgl.: „Der Kern des Problems ist nicht die verwendete Sprache, sondern die Qualität der Forschung am Standort Deutschland“ (WEY 2001: 16).

Diese These erscheint schon deshalb äußerst zweifelhaft, weil es praktisch keine Belege für sie gibt. Ihr Fehlen ist nicht überraschend, denn es ist in der Tat schwierig, qualitative Unterschiede zwischen einem in Deutschland auf Deutsch veröffentlichten Artikel desselben Autors und seiner englischen Übersetzung in einer amerikanischen Zeitschrift festzustellen. Das Fehlen von Empirie entwertet alle, selbst scheinbar überzeugende Erklärungen. Ohne Belege kann man dem Leser genauso gut weismachen, dass sich ausnahmslos alle Veröffentlichungen englischsprachiger Autoren durch Nicht-Trivialität und unübertroffene Forschungstiefe auszeichnen.

3.2. Die kulturelle Prägung eines als „universell“ gewählten Sprachcodes

Viele Linguisten machen sich ernsthafte Sorgen um das Schicksal des Deutschen als Wissenschaftssprache, weil sie das Englische nicht als neutrale Vermittlungssprache zwischen einem Forscher, der in seiner Muttersprache denkt, und dem von ihm in der Zielsprache produzierten Text betrachten. Früher konnte man in Bezug auf das Altgriechische oder das Lateinische von Neutralität sprechen, da es

sich dabei um tote Sprachen handelt (waren sie nicht gerade deshalb für die Wissenschaftler verschiedener Länder im Mittelalter und zu Beginn des neuen Zeitalters ein geeignetes Kommunikationsmittel?). In der Zwischenzeit ist das Englische, die Muttersprache von mehr als einer halben Milliarde Menschen, zusammen mit den ihr innewohnenden kommunikativen Normen und Sprachmustern ein integraler Bestandteil der anglophonen Kulturen. Vgl.: „Sprechen bedeutet, bestimmte syntaktische Mittel anwenden zu können, die Morphologie dieser oder jener Sprache zu beherrschen, aber vor allem bedeutet es, sich kulturelle Werte anzueignen, die Last der Zivilisation zu tragen“ (FANON 1967: 17-18).

Diese Worte sind so zu verstehen, dass Kultur als mehrdimensionales Phänomen im Leben einer Gesellschaft nicht in sich geschlossen und nicht als „Ding an sich“ oder als ein bestimmter Wertevorrat („Container“) verstanden werden kann, sondern als ein nach außen gerichtetes System, das auf kommunikativer Interaktion zwischen den Mitgliedern der Gesellschaft beruht (BOLTEN 2003: 109).

3.3. Kontinuität und Autonomie als notwendige Bedingungen für die Existenz einer nationalen Wissenschaft und deren Sprache

Die Extraversion als eine der grundlegenden Eigenschaften der modernen Kultur bestimmt den Einfluss dieser Kultur auf den von ihr bedienten Sprachcode. Daraus entstehen Bedenken, dass mit dem Verlust des Status einer Wissenschaftssprache unter dem Einfluss eines expansiven fremden sprachlich-kulturellen Codes die ursprüngliche nationalsprachliche Basis des wissenschaftlichen Denkens, die außerhalb der Anbindung an nationale Wissenschafts- und Kulturtraditionen nicht denkbar ist, verloren geht und der freie Austausch von Wissen zwischen den Wissenschaftlern selbst und zwischen Wissenschaftlern und Gesellschaft gestört wird. Dies wiederum birgt den Verlust von Kontinuität und Eigenständigkeit, die für die deutsche Wissenschaft noch charakteristisch sind, und den Rückschritt der nationalen Wissenschaftssprache.

Diese Position wird, soweit sie den Wissensaustausch betrifft, von einer Reihe von Forschern in Frage gestellt, die der Meinung sind, der Wissensaustausch hänge nicht von der Sprache ab, die als wissenschaftliche *Lingua franca* gewählt wird, da die Wirksamkeit der Kommunikation zwischen Wissenschaftlern und der Gesellschaft

zum einen durch den Gegenstand der Kommunikation und zum anderen durch die Besonderheit der Kommunikation selbst bestimmt wird, und zwar aufgrund der Komplexität und Tiefe der übertragenen Bedeutungen, die der breiten Öffentlichkeit aufgrund ihrer Unvorbereitetheit nicht immer zugänglich sind.

Diese Sichtweise ist aus mindestens zwei Gründen fehlerhaft. Erstens können die Ergebnisse einer seriösen wissenschaftlichen Studie, so komplex sie auch sein mag, das Interesse der Öffentlichkeit wecken, da keine wissenschaftliche Entdeckung um ihrer selbst willen gemacht wird. Zweitens wird jedes wissenschaftliche Projekt in der Regel auf Kosten der Steuerzahler realisiert, die jederzeit nachfragen können, für welche Zwecke die von ihnen erhobenen Steuern ausgegeben werden. Die Öffentlichkeit hat ein Recht darauf zu erfahren, was die Intellektuellen treiben, denn sie ist Anteilseigner jedes wissenschaftlichen Unternehmens. Andernfalls würden Wissenschaftler, indem sie eigene berufliche Neugier befriedigen, den Kontakt zu denen verlieren, die die endgültigen Verbraucher wissenschaftlicher Produkte sind.

Was die Besonderheiten der Kommunikation innerhalb der wissenschaftlichen Gemeinschaft betrifft, so müssen wir angesichts der völligen Dominanz des Englischen in der Wissenschaft die unnatürliche Situation hinnehmen, dass die Forschungsergebnisse eines deutschen Wissenschaftlers einem anderen deutschen Wissenschaftler erst dann bekannt werden, wenn er den englischsprachigen Artikel seines Kollegen ins Deutsche übersetzt.

Was den allmählichen Verlust der ursprünglichen sprachlichen Grundlage des wissenschaftlichen Denkens betrifft, so wird dieses Problem von den Befürwortern der *Lingua franca* in der Wissenschaft im Allgemeinen ausgeklammert, da es als eine Annahme deklariert wird, für die es keine empirischen Belege gibt (KLINGEMANN 2001: 11). In der Tat bedürfen Aussagen zugunsten der Erhaltung der nationalen wissenschaftlichen Sprache als Mittel zur Bildung und Verkörperung des wissenschaftlichen Denkens aufgrund ihrer Offensichtlichkeit keiner zusätzlichen Argumentation: Der Baum des Denkens, der sich in der Sprache materialisiert, ist nur dann üppig grün, wenn er seine Verbindung mit dem Boden, der ihn genährt hat, beibehält. In diesem Sinne sind die Worte von Gottfried Wilhelm Leibniz, die Sprache sei „ein Spiegel des Verstandes“, aktueller denn je.

4. Fazit

Die Bekanntschaft mit zahlreichen Publikationen, die Probleme diskutieren, die im Zusammenhang mit dem allmählichen Verschwinden der Mehrsprachigkeit im globalen wissenschaftlichen Diskurs vor dem Hintergrund der Dominanz der englischen Sprache entstehen, wirft die Frage auf: Ob die übermäßige Ausrichtung des modernen deutschen wissenschaftlichen Diskurses auf sein englischsprachiges Pendant den grundlegenden Interessen und Werten der deutschen wissenschaftlichen Gemeinschaft entspricht? In der aktuellen Situation ist die Antwort eher „nein“ als „ja“. Der breite und unregelmäßige Einsatz einer *Lingua franca* auf der Basis des Englischen in der internationalen wissenschaftlichen Kommunikation minimiert objektiv die funktionalen Möglichkeiten der deutschen (oder einer anderen) Sprache in der Wissenschaft und begrenzt den Bereich ihrer Umsetzung. Darüber hinaus wird ihre Entwicklung offensichtlich behindert, wenn nicht gar gestoppt (STICHEL 2001: 25). Die deutsche Sprache als eine der anerkannten Sprachen der weltweiten Wissenschaft verfügt in dieser Entwicklungsphase über alle notwendigen Mittel, um nicht nur aktuelle, sondern auch potenzielle Probleme in nahezu allen Bereichen des zeitgenössischen wissenschaftlichen Diskurses zu lösen.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Abresch, Julia. (2005) The Pronunciation of Anglicisms and English proper Names in German: a Corpus Study. *Proceedings of the 16th Conference on Electronic Speech Signal Processing*, 167—177.
- Ammon, Ulrich. (2001) English as a Future Language of Teaching at German Universities? A Question of Difficult Consequences, Posed by the Decline of German as a Language of Science. In: Ammon, Ulrich. (ed.) *The Dominance of English as a Language of Science: Effects on Other Languages and Language Communities*. Berlin: de Gruyter, 343—363.
- Ammon, Ulrich. (2010a) World Languages: Trends and Futures. In: Coupland, Nikolas. (ed.) *The Handbook of Language and Globalization*. Chichester: Blackwell Publishing, 101—123.
- Ammon, Ulrich. (2010b) Über Deutsch als Wissenschaftssprache. *Forschung & Lehre*, 17 (6), 400—402.
- Ammon, Ulrich. (2010c) Welche Rolle spielt Deutsch international? *Deutschland.de*. Retrieved from www.deutschland.de/de/topic/wissen/

- bildung-lernen/welche-rolle-spielt-deutsch-international.
- Björkman, Beyza. (2013) *English as an Academic Lingua Franca: An Investigation of Form and Communicative Effectiveness*. Boston; Berlin: Walter de Gruyter.
- Bolten, Jürgen. (2003) Kultur und kommunikativer Stil. In: Stötzel, Georg & Wengeler, Martin. (eds) *Deutsche Sprachgeschichte nach 1945. Diskurs- und kulturgeschichtliche Perspektiven : Beiträge zu einer Tagung anlässlich der Emeritierung Georg Stötzels*. Hildesheim: Olms, 103—124
- Crystal, David. (1987) *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dieter, Hermann H. & al. (2001) Presseerklärung und Offener Brief an die Kultus-, Wissenschafts- und Bildungsministerinnen und -minister der Bundesländer. In: Dieter, Hermann H. & al. (eds) *Zur Debatte: Deutsch als Wissenschaftssprache. Diskussionspapier*. Berlin: Wissenschaftszentrum, 3—10.
- Dollerup, Cay. (1997) Issues Today, Challenges Tomorrow: Translation and English as the International Lingua Franca. In: Labrum, Marian B. (ed.) *The Changing Scene in World Languages. Issues and challenges*. Amsterdam: John Benjamins, 83—106. (American Translators Association Scholarly Monograph Series. Vol. IX).
- Fanon, Frantz. (1967) *Black Skin, White Masks*. London: Grove Press.
- Graddol, David. (1997) *The Future of English? A Guide to Forecasting the Popularity of the English Language in the 21st Century*. London: British Council.
- Hinrichs, Uwe. (2013) *Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert*. München: C. H. Beck. (Beck'sche Reihe, Bd 6106).
- Klingemann, Hans-Dieter. (2001) Deutsch als Wissenschaftssprache? Anmerkungen zum offenen Brief. In: Dieter, Hermann H. & al. (eds) *Zur Debatte: Deutsch als Wissenschaftssprache. Diskussionspapier*. Berlin: Wissenschaftszentrum, 10—13.
- Krischke, Wolfgang. (2011) Wir haben einige Fakten recherchiert. Wissenschaftssprache Deutsch: Eine Essener Tagung. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 16.11.2011.
- Liu, Weishu. (2016) The Changing Role of Non-English Papers in Scholarly Communication: Evidence from Web of Science's Three Journal Citation Indexes. *Learned Publishing* (wileyonlinelibrary.com). doi: 10.1002/leap.1089.
- Mauranen, Anna. (2003) The Corpus of English as Lingua Franca in Academic Settings. *TESOL Quarterly*, no. 37 (3), 513—527.
- Mizumura, Minae. (2015) *The Fall of Language in the Age of English*. New York: Columbia University Press.

- Rabe, Frank. (2015) Einstellungen und Sichtweisen zu den Wissenschaftssprachen Englisch und Deutsch. Ein disziplinspezifischer Vergleich. In: M. Szurawitzki, Michael; Busch-Lauer, Ines; Rössler, Paul & Krapp, Reinhard. (eds) *Wissenschaftssprache Deutsch — international, interdisziplinär, interkulturell*. Tübingen: Narr Verlag, 381—394.
- Schmidt, Wilhelm. (1964) *Deutsche Sprachkunde*. Berlin: VEB Volk und Wissen.
- Shaw, Philip. (2005) The languages of international publication in economics in 1900. In: Melander-Marttala, Ulla & al. (eds) *Text I Arbeta / Text At Work*. Uppsala: Uppsala universitet, 340—348.
- Sprachen verschwinden. Eine Informationsbroschüre. (2007). Köln: Gesellschaft für bedrohte Sprachen e.V.
- Stichel, Gerhard. (2001) Leibniz und Deutsch als Wissenschaftssprache. In: Dieter, Hermann H. & al. (eds) *Zur Debatte: Deutsch als Wissenschaftssprache. Diskussionspapier*. Berlin: Wissenschaftszentrum, 19—27.
- Wey, Christian. (2001) Deutsch als Wissenschaftssprache durch Qualität „Made in Germany“ In: Dieter, Hermann H. & al. (eds) *Zur Debatte: Deutsch als Wissenschaftssprache. Diskussionspapier*. Berlin: Wissenschaftszentrum, 13—19.

Andrey V. Ivanov, Rimma V. Ivanova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Is the German Scientific Discourse Still Alive?

The current situation in the sphere of the present-day scientific discourse in national languages demonstrates the significance of describing the actual state of language in-depth not merely for identification of normative values, but for prediction of development trends as well. In the mid-20th century, there were forecasts about the emergence of a universal language resulting from the merging of natural languages. These predictions did not materialize despite the existence of a purported common model supposedly uniting the languages of the world. In light of the globalization trend that has permeated all spheres of human activity, what has occurred is not the merging of languages but the elevation of one language from their ranks, asserting itself as a universal means of communication across virtually all aspects of public life, including scientific discourse. The so-called “common model” envisioned by linguists half a century ago has effectively been realized in modern science on an English-language basis, to the detriment of other developed national languages. There are several factors explaining why English has assumed a dominant position in the

scientific and educational spheres. These include historically driven economic, political, and scientific-technical dominance of countries belonging to the Anglo-Saxon world, the expansionist language policies of these countries, excessive proliferation of English language application worldwide, increased numbers of English speakers, pidginization of English accompanied by simplification of its grammatical structure, etc. German, which confidently held leading positions in the scientific realm at the beginning of the 20th century, lost its advantages due to several non-linguistic reasons. This circumstance led many German scientists to publish their works in English, “or perish in German”. Within the scientific community, ongoing debates persist between proponents of using one’s native language in science and those scientists who, in the context of globalization, wish to feel like full participants in international scientific exchange and oppose multilingualism in science. The continual expansion of the English-language segment of the global information space at the expense of German and other national languages creates a problem that can be solved in two ways: naturally, assuming gradual loss of influence by Anglo-Saxon countries under current geopolitical conditions, which no longer seem fantastical, or protectionist, through stimulation by states of national sciences that can and should develop based on native languages.

Keywords: science language, scientific discourse, universal language, national language, globalisation, English, German

Андрей В. Иванов, Римма А. Иванова

Нижегородский государственный лингвистический университет

Жив ли еще немецкий научный дискурс?

Ситуация, сложившаяся в сфере современного научного дискурса на национальных языках, требует описания в аспекте установления нормативных ценностей и прогнозирования тенденций ее дальнейшего развития. В середине XX в. делались прогнозы по поводу возникновения в будущем общего универсального языка, который появится в результате слияния естественных языков. Эти прогнозы не оправдались несмотря на существование некоей общей модели, будто бы объединяющей языки мира. С учетом глобализационного тренда, охватившего все сферы человеческой деятельности, произошло не слияние языков, а выделение из их числа одного языка, претендующего на роль универсального средства коммуникации практически во всех областях общественной жизни, в том числе и в сфере научного общения. Так называемая «общая модель», о которой еще полвека

назад писали лингвисты, в современной науке фактически реализовалась на англоязычной базе в ущерб другим развитым национальным языкам. Существует целый ряд факторов, в силу которых английский язык занял доминирующее положение в научной и образовательной сфере. В их числе исторически обусловленный рост экономического, политического и научно-технического доминирования стран, относящихся к англосаксонскому миру, экспансионистская языковая политика этих стран, чрезмерное расширение областей применения английского языка в мире, увеличение числа людей, говорящих на этом языке, пиджинизация английского языка, сопровождающаяся упрощением его грамматического строя, и др. Немецкий язык, еще в начале XX в. уверенно занимавший ведущие позиции в сфере науки, утратил свои преимущества в силу ряда нелингвистических причин. Это обстоятельство привело к тому, что многие немецкие ученые стали публиковать свои работы на английском языке. В научной среде ведутся постоянные дискуссии между сторонниками использования в науке родного языка и тем учеными, которые в условиях глобализации хотят ощущать себя полноценными участниками международного научного обмена и выступают против многоязычия в науке. Постоянное расширение англоязычного сегмента информационного пространства в глобальном масштабе за счет немецкого и других национальных языков порождает проблему, которая может быть решена двумя способами: естественным, при условии постепенной утраты странами англосаксонского мира своего влияния, что в нынешних геополитических условиях уже не кажется фантастической идеей, или протекционистским за счет стимулирования государствами национальной науки, которая может и должна развиваться на базе родного языка.

Ключевые слова: язык науки, научный дискурс, универсальный язык, национальный язык, глобализация, английский, немецкий

Для цитирования:

Иванов А. В., Иванова Р. А. Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (= Жив ли еще немецкий научный дискурс?) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 171—193. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-171-193.

To cite this Article:

*Ivanov, Andrey V. & Ivanova, Rimma A. (2024) Ist der deutsche wissenschaftliche Diskurs noch am Leben? (Is the German Scientific Discourse Still Alive?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Rus-*

sia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 171—193. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-171-193.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации 15.06.2024
The article was submitted 15.05.2024; accepted for publication 15.06.2024

В. И. Карпов

Институт языкознания Российской академии наук
ФИЦ «Информатика и управление» Российской академии наук

О КОРПУСНОМ МЕТОДЕ В КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПУНКТУАЦИИ: ДВОЕТОЧИЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*

Востребованность исследований в области контрастивной пунктуации вытекает из практических потребностей, требующих при обработке текстов создавать надежные правила распознавания исходных пунктуационных условий языка, на котором ведется поиск. Применение корпусного метода позволяет привлечь большие массивы данных для подтверждения выдвигаемых гипотез и не ориентироваться исключительно на языковую интроспекцию исследователя как носителя языка. Несмотря на важность данного научного направления приходится признать, что методология исследования в области контрастивной пунктуации требует дальнейшей проработки. Такая методология должна учитывать последние достижения информатики и корпусной лингвистики, ориентироваться на использование современных средств работы с корпусами, позволяющих автоматически обрабатывать репрезентативные текстовые данные и сокращать затраты на поиск эмпирического материала. Корпусное исследование пунктуации, как и все корпусно-ориентированные работы, связано со стремлением к получению надежных данных. Оптимальным ресурсом для подобного изучения служат параллельные корпуса, которые несмотря на свой сравнительно небольшой объем предоставляют существенно больше возможностей для качественного анализа употребления знаков препинания и непосредственного сопоставления их абсолютной частотности в параллельных текстах. При контрастивном исследовании в конкретной паре языков с применением корпусного подхода уточняются нормативные правила его употребления, представленные в базовых грамматиках; выявляются функции, допускаемые пунктуационным узусом, но не зафиксированные в справочниках; производится сопоставление данных корпусов для выявления частотности употребления знаков препинания в описанных функци-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в Федеральном исследовательском центре «Информатика и управление» Российской академии наук, проект № 23-28-0054.

ях и уточнения их семантики в одном языке на фоне сопоставляемого языка. Объектом описания выступает двоеточие в немецком языке, в качестве источников эмпирических данных привлекаются немецко-русский и русско-немецкий подкорпусы в составе Национального корпуса русского языка НКРЯ и корпус немецкого языка DWDS. По результатам контрастивного исследования предлагается конкретизировать схему функционального описания двоеточия в немецком языке по аналогии с подходом, принятым в отечественном языкознании.

Ключевые слова: контрастивные исследования; корпусный метод; параллельный корпус; пунктуация; двоеточие

1. Введение

Одним из перспективных направлений лингвистических исследований мы считаем контрастивный анализ пунктуации с применением корпусного метода. Важность научных изысканий в области пунктуации отмечалась в научной литературе неоднократно. При этом без должного внимания остается возможность применения корпусного подхода, хотя его необходимость и актуальность, на наш взгляд, вполне очевидны (ср. [MASALON 2014]) и проистекают из практической потребности создавать при компьютерном анализе текстов непротиворечивые правила распознавания исходных пунктуационных условий. Несмотря на практическую значимость и востребованность прикладных работ по данному направлению приходится признать, что методология исследования в области контрастивной пунктуации, которая учитывала бы последние достижения корпусной лингвистики, требует детальной проработки. Такая методология должна быть основана на использовании современных средств автоматической обработки репрезентативных текстовых данных, что значительно сократило бы время, затрачиваемое на поиск эмпирического материала (MELISS & GONZÁLEZ 2022).

Выбор контрастивного ракурса при изучении пунктуационных особенностей неслучаен. Он позволяет выявить фундаментальные различия в построении «типологически значимых иерархий пунктуационных категорий» (СИГАЛ 2019: 73), объясняющих, почему один и тот же набор знаков препинания по-разному реализуется в письменной речи в сопоставляемых языках. Особенно ярко проявляются различия при сравнении ори-

гинальных текстов с их переводами, поскольку «пунктуационный узус в контактирующих при переводе языках может характеризоваться асимметрией» (НУРИЕВ 2023). Оптимальной платформой для контрастивного изучения пунктуации служат так называемые параллельные (переводные) корпуса в составе более крупных корпусных ресурсов. В данной статье предлагается рассмотреть потенциал немецко-русского и русско-немецкого параллельных подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) для получения новых данных о функционировании знаков препинания в немецком языке. Объектом описания выступает двоеточие: уточняются нормативные правила его употребления в немецком языке, представленные в базовых грамматиках; выявляются функции, допускаемые пунктуационным узусом, но не зафиксированные в справочниках; производится сопоставление данных немецко-русского и русско-немецкого корпусов для выявления частотности употребления двоеточия в описанных функциях и уточнения семантики немецкого двоеточия на фоне русского.

2. Материал, методы, термины

2.1. Что такое «контрастивная пунктуация»?

Сочетание «контрастивная пунктуация» еще не вошло как полноценный термин в отечественный научный дискурс. В зарубежных исследованиях наиболее частотны обороты англ. *comparative punctuation* и нем. *vergleichende / kontrastive Interpunktion*, которые, по всей видимости, и спровоцировали появление терминологического соответствия в русском языке. Наиболее последовательно данный термин используется в работах К. Я. Сигала, который также признает, что контрастивная (сопоставительная) пунктуация еще не осознается как наименование особого раздела в контрастивной лингвистике и в теории пунктуации (СИГАЛ 2015: 357). Между тем в зарубежной лингвистике исследованиям в данной области уделяется самое пристальное внимание. Так, в мае 2019 г. в Регенсбурге прошла научная конференция «*Interpunktion international. System — Norm — Praxis*», полностью посвященная проблемам контрастивной пунктуации. Оргкомитет, собирая заявки на участие, так обосновал ее проведение:

Die Interpunktion ist ein formal und funktional ausdifferenziertes Teilsystem der Schriftsprache. Grad und Art dieser Ausdifferenzierung sind je nach Sprache unterschiedlich. Ebenso unterscheiden sich der Normierungsgrad und der Umgang mit Interpunktionsnormen in der Schreibpraxis in den einzelnen Staaten. Über diese Unterschiede — aber auch Gemeinsamkeiten — in der Interpunktion gibt es bisher wenig vergleichende Arbeiten. Ziel der Tagung ist es, sich auf die drei Aspekte *System*, *Norm* und *Praxis* der Interpunktion zu konzentrieren und die Interpunktion im Zusammenhang dieser drei Aspekte sprachübergreifend bzw. sprachenvergleichend, kodikologisch und edukatorisch im internationalen Vergleich zu diskutieren.¹

По итогам конференции была выпущена коллективная монография *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation*, в которую отобрали шестнадцать докладов, отражающих разные аспекты формирующейся целостной парадигмы контрастивного анализа пунктуации: от исследований общетеоретического характера, связанных с системой и нормой, до работ практической направленности, описывающих пунктуационный узус и правила освоения пунктуационных навыков. В монографии последовательно раскрываются два доминирующих в современной лингвистике подхода к исследованию контрастивной пунктуации: внутриязыковой (интралингвистический), с помощью которого в рамках одного языка знаки препинания сопоставляются с конкурирующими показателями синтаксических отношений; межъязыковой (интерлингвистический), позволяющий анализировать знаки препинания в разных языках и сравнивать различные методики освоения пунктуационных правил.²

До настоящего времени пунктуации почти не уделялось внимания в рамках типологии и контрастивной лингвистики, в исследованиях авторского стиля на фоне языкового стандарта. Отдельные работы, где проводится сопоставительное изучение

¹ https://www.uni-regensburg.de/assets/sprache-literatur-kultur/germanistik-sw-1/tagungen/interpunktion-19/programm_interpunktion_03.-04._mai_2019.pdf.

² <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110756319/html?lang=de#contents>.

пунктуации, публикуются в авторитетных изданиях, однако по-прежнему ощущается острая необходимость в исследованиях, которые бы носили интегративный, комплексный характер. Сигал предостерегает от упрощенного взгляда на контрастивную пунктуацию, подчеркивая, что ее возможности выходят далеко за рамки решения таких простых технических задач, как выявление и каталогизация видимых различий пунктуационного оформления письменной речи на нескольких языках (СИГАЛ 2019: 70).³ От предписывающей функции пунктуация должна перейти к описанию и объяснению языковых фактов и системных явлений (ДЫМАРСКИЙ 2021: 241), а это возможно только с применением контрастивного подхода.⁴

2.2. Корпусный метод и контрастивная лингвистика

Использование корпусного метода позволяет привлечь большие массивы данных для подтверждения выдвигаемых гипотез и не ориентироваться исключительно на языковую интуицию исследователя как носителя языка (ПЕРЦОВ 2006: 327). Сбор материала может производиться по различным электронным ресурсам. Как показывает опыт изучения лингвоспецифических единиц, частотность их появления в текстах сильно зависит от жанровой принадлежности последних, поэтому активно пополняемые веб-корпусы, в которых стихийно увеличивающийся контент отличается низкой степенью структурированности, не могут считаться надежными источниками данных. Моноязычные основные корпусы, напротив, содержат специальную разметку (морфологическую, синтаксическую и т. д.) и позволяют гибко настраивать поиск в зависимости от конкретных задач исследования, в частности, выбирать соответствующий тип текста, устанавливать морфосинтаксические ограничения при поиске единиц и пр. Однако и они имеют существенный недостаток, связанный с их ограниченной межъязыковой

³ Обзор современных подходов в исследовании пунктуации приведен в работе (СИГАЛ 2022).

⁴ Ср. точку зрения, высказанную в работе (ЛЫСКОВА 2006: 10): «Пунктуационная норма немецкого языка на современном этапе становится более лабильной, она уже не декларированная, предписывающая, а скорее дескриптивная, описывающая».

сопоставимостью: моноязычные основные корпуса разительно отличаются по объему, составу, частоте обновления и не подходят в качестве основного инструмента контрастивного исследования, они могут служить лишь проверочным ресурсом при необходимости верификации полученных данных. Таким образом, в качестве наиболее оптимального ресурса для контрастивного изучения пунктуации нами отобраны параллельные корпуса. Несмотря на свой сравнительно небольшой объем, они представляют существенно больше возможностей для качественного анализа употребления единиц и непосредственного сопоставления их абсолютной частотности в параллельных текстах — оригинале и переводах. Параллельный корпус представляет собой важный инструмент для научных исследований в области сравнительной типологии и контрастивной лингвистики, а также для исследований по теории и практике перевода (НУРИЕВ & КАРПОВ 2023).

Для целей нашего анализа привлечены немецко-русский и русско-немецкий подкорпусы в составе НКРЯ, для верификации результатов мы обращались к моноязычной части НКРЯ и к корпусу немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (далее — DWDS). Контрастивное исследование знаков препинания в конкретной паре языков с применением корпусного подхода проводилось с целью изучить, насколько частотен знак в сопоставляемых языках; какую функциональную нагрузку он имеет и какие зоны функциональной симметрии / асимметрии при этом обнаруживаются; как знак пунктуации передается при переводе (в обоих переводных направлениях); как узус и норма в сопоставляемых языках влияют на реализацию знака препинания при переводе.

2.3. Выбор объекта: двоеточие

Выбор двоеточия обусловлен следующими причинами. Во-первых, в нормативных грамматиках немецкого и русского языков наблюдается асимметрия в описании функций данного знака, если выстраивать их иерархию, вслед за Л. В. Щербой, вдоль оси между двумя типами пунктуационных узусов. Один тип основан на коммуникативном членении высказывания, исходя из его смысловой составляющей, для второго важно мар-

кирование формально-грамматической структуры предложения. К первому типу Щерба относит французский и вместе с ним английский, итальянский и некоторые другие языки, а ко второму — немецкий, чешский, польский, русский и т. д. (ЩЕРБА 1974: 243). Благодаря привлечению обширных корпусных данных наше исследование показало, что предложенный Щербой принцип не работает в отношении двоеточия, более того, входит в противоречие с эмпирическими данными.

Во-вторых, двоеточие описано в немецких базовых грамматиках непоследовательно и фрагментарно. Так, в фундаментальной трехтомной грамматике немецкого языка *Grammatik der deutschen Sprache* (далее — GDS) раздел, посвященный двоеточию, начинается с фразы: «*der Gebrauch des Doppelpunkts ist wenig normiert*» (ZIFONUN & al. 1997: 299). В большинстве известных нам грамматических справочников набор функций у данного знака представлен с разной степенью полноты, при этом на периферии оказываются значения, высокая частность которых подтверждается корпусными данными и отдельными исследованиями (KARHANO 2003; BÜCKING 2022).

В-третьих, двоеточие с точки зрения корпусного анализа является пунктуационным знаком, который не вызывает сложностей при выравнивании текстов в корпусах и успешно опознается поисковым устройством, что позволяет за относительно короткий промежуток времени получить репрезентативные и валидные сведения. Это далеко не всегда возможно проделать с другими пунктуационными знаками. Так, например, поисковые устройства, встроенные в корпуса, не различают тире и дефис или точку и многоточие.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Пунктуационные узус и норма в немецком языке

3.1.1 Норма в немецком языке

Согласно определению, приведенному в GDS, двоеточие катфорически акцентирует внимание на том, что следует непосредственно за ним, и в то же время устанавливает специфические отношения между предшествующим и последующим выражениями, управляя этими отношениями (ZIFONUN & al. 1997: 299). Двоеточие маркирует типы отношений между *P* и *Q* следующим обра-

зом:⁵ а) вводит прямую речь или внутренний монолог; б) стоит между обобщающим понятием как обозначением класса и перечислением элементов этого класса; в) выступает маркером ассерции, за которым следуют выражения со значением следствия, заключение и выводы; г) выступает общим и специальным вводным элементом (например, в заголовках, объявлениях и т. п.); д) стоит перед формулировками правил и примеров к ним.

Справочник по трудностям немецкой грамматики Wahrig также на первое место ставит вводную функцию двоеточия при передаче прямой речи и оформлении цитат. Если перед прямой речью имеется вставка, выделенная с обеих сторон при помощи тире, то и в этом случае двоеточие сохраняется. На втором месте — двоеточие перед перечислениями, далее приводятся случаи его постановки в текстах делового содержания (формуляры, заявления и т. д.), в которых оно появляется при указании темы письма / документа, даты, места и имени получателя и отправителя и т. д. Отдельно рассматриваются примеры нерегулярного применения двоеточия, например, после скобок, а также его замены другими знаками, в частности, тире, если требуется эмоционально более сильный знак разделения *P* и *Q* (WAHRIG 2009: 135-200).

Нормативный справочник Duden определяет функционал двоеточия в целом следующим образом: двоеточие сигнализирует о наличии некоторого смыслового продолжения и обеспечивает без помощи дополнительных коннекторов семантическую связь между *P* и *Q* или их частями, как, например, в случае с формулировкой выводов. Предикативная часть при этом может отсутствовать. Самостоятельные предложения после двоеточия начинаются с большой буквы, как и прямая речь (DUDEN 2009: 1064).

Наконец, разрозненные сведения о наиболее распространенных случаях употребления двоеточия свели в единый свод в Институте немецкого языка в Мангейме, где в форме универсального электронного справочника были опубликованы обновленные правила орфографии для делопроизводства (AMTLICHES

⁵ При описании мы опираемся на терминологию Московской семантической школы, основанную на общей логике при анализе суждений: под любым *P* понимается первая часть высказывания, под *Q* — вторая часть.

REGELWERK 2018). Прописанные в своде положения используются в качестве ориентиров для расстановки знаков препинания в сфере письменной коммуникации, на него также ссылаются в большинстве известных нам научных исследований. Функциональное описание двоеточия дано в виде обобщенного перечня типичных случаев постановки данного знака препинания.

Общее правило гласит, что двоеточие сигнализирует о наличии дальнейшей информации и ставится между *P* и *Q*, если *Q* содержит⁶

1а) высказывание (в виде прямой речи) или фрагмент текста, которому предшествует сопровождающее предложение или его часть:

(1) Er, Flaucher, wird den Sieg auskosten, er wird dastehen, massig, imponierend, wie er es zuweilen an Pfarrern auf dörflichen Kanzeln gesehen hat, und mit dicker Stimme verkünden: Seht ihr, so sind die Gottlosen. — Он, Франц Флаухер, до конца насладится победой. Он будет стоять, грузный, представительный, какими он не раз видел священников на амвоне деревенской церкви, и внушительно возгласит: «Глядите, вот каковы они, безбожники!» (НКРЯ);

1б) несобственно прямую речь, косвенный вопрос и т. п.:

(2) Dachte man Württemberg, so dachte man: die Frau, oder: die Hure, oder: die Gräfin, oder: die Maintenon von Schwaben. — Когда говорили Вюртемберг, то думали: эта женщина, или: эта девка, или: графиня, или: швабская Ментенон (НКРЯ);

2а) перечисления:

(3) Trotz unserer tiefen Sehnsucht nach Liebe halten wir doch fast alles andere für wichtiger als diese: Erfolg, Prestige, Geld und Macht. — Вопреки глубоко корящейся жажде любви, почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть (НКРЯ);

2б) специальные сведения:

(4) Nur soviel ist sicher: Die Natur oder genauer gesagt die Ostsee hat zu all dem, was hier zu berichten sein wird, schon vor länger als einem

⁶ Здесь и далее иллюстративный материал, а также переводы немецких примеров приводятся по немецко-русскому подкорпусу НКРЯ, чтобы продемонстрировать случаи сохранения или замены пунктуации исходного текста.

halben Jahrhundert ihr Ja und Amen gesagt. — Так или иначе, ясно одно: стихия, а точнее Балтийское море, решила здесь все более полувека назад по-своему. Аминь (НКРЯ);

2в) разъяснения и т. п.:

- (5) Und tu mir einen Gefallen: Lass uns die ersten Tage hier meinetwegen über alles reden, nur nicht über Rennen und Automobile! — И сделай одолжение, хотя бы в первые дни, ради меня, будем говорить о чем угодно, только не о гонках и не о машинах (НКРЯ);
- (6) Nein: Jakob Mendel vergaß nie einen Titel, eine Zahl, er kannte jede Pflanze, jedes Infusorium, jeden Stern in dem ewig schwingenden und ständig umgerüttelten Kosmos des Bücherweltalls. — Нет, Якоб Мендель не забывал ни одного названия, ни одной цифры, он знал каждое растение, каждую инфузорию, каждую звезду в изменчивом зыбком книжном космосе (НКРЯ);

3) выводы или заключения из ранее сказанного (возможна конкуренция двоеточия с тире):

- (7) Als es geschehen war, fiel ihm ein, was die Tasche enthielt: Bücher. — Тут он вспомнил, что было в портфеле — книги (НКРЯ);

4) неожиданную или неочевидную информацию (возможна конкуренция двоеточия с запятой):

- (8) Außerdem: kratzte es am Kinn nicht doch schon ganz ordentlich? — Да и то сказать, у него за последнее время отчаянно чешется подбородок (НКРЯ).

3.1.2. Пунктуационный узус в немецком языке: особые случаи

Нормативные грамматики зачастую игнорируют случаи постановки двоеточия, допускаемые пунктуационным узусом. Корпусы позволяют выявить частотные примеры и дополнить список нормативных правил корпусными данными. Наименее описанными остаются контексты, состоящие из более чем двух предложений, разделенных двоеточием.

1. *Q* содержит высказывание в форме вопроса или утверждения, которое противопоставляется информации в *P*, при этом сразу после двоеточия следует сочинительный союз *aber*:

- (9) Kultur des Friedens, Verständnis für die anderen, friedliche Beteiligung von Konflikten — das ist alles schön und gut: Aber was ist, wenn die anderen nicht wollen? — Культура мира, способность понять других, мирное разрешение конфликтов — все это пре-

красно — но что, если другие этого не хотят? (НКРЯ).

2. Двоеточие усиливает эффект прогрессирующей напряженности:

(10) Der Zug fuhr nicht ab. Es war dunkel im Abteil: Alle warteten. — Эшелон не трогался. В купе темно. Все ждали (НКРЯ).

3. Двоеточие сохраняется и в тех случаях, когда *Q* начинается с подчинительного союза и представляет собой каузальное, объектное или темпоральное придаточное:

3а) перед *weil*:

(11) Was wir erzählen, wird erst viele Jahre später geschehen, und nur aus einem einzigen Grund: Weil wir es erzählt haben. — Все, что мы рассказываем, произойдет много-много лет спустя и лишь по одной причине: именно потому, что мы рассказали об этом (НКРЯ);

3б) перед *daß*:

(12) Es war alles egal für sie gewesen in dieser Nacht und nur das eine wichtig: daß sie überstand. — В эту ночь ей все было безразлично, важно было одно – выстоять (НКРЯ);

3в) перед *während*:

(13) Eben so fühlen wir uns manchmal zu einem hingezogen, den wir eigentlich gar nicht kennen, es gefallen uns seine Bewegungen, es gefällt uns seine Art, wir trauern, wenn er uns verlassen hat, und haben eine gewisse Sehnsucht, ja eine Liebe zu ihm, wenn wir oft noch in späteren Jahren seiner gedenken: während wir mit einem andern, dessen Wert in vielen Taten vor uns liegt, nicht ins Reine kommen können, wenn wir auch Jahre lang mit ihm umgegangen sind. — Точно так же нас порою привлекает тот, кого мы, собственно, и не знаем; нам нравятся его движения, его манеры, мы огорчаемся, когда он нас покидает, и даже испытываем чуть ли не тоску по нем, любовь к нему, когда спустя годы вновь его вспоминаем; меж тем о другом, чьи достоинства подтверждены многими делами, мы не можем составить себе твердое суждение, хоть и общались с ним долгие годы (НКРЯ).

3.1.3. Сопоставление нормативных предписаний при постановке двоеточия в немецком и русском языках

Расстановка знаков препинания в письменной речи регулируется отдельными справочниками. Для немецкого языка офи-

циальным кодифицирующим источником является мангеймский свод правил орфографии для делопроизводства *Amtliches Regelwerk des Rats für deutsche Rechtschreibung*. Действующие *Правила русской орфографии и пунктуации* (далее — *Правила*) были официально утверждены в 1956 г., став первым обязательным сводом, установившим единообразие в правописании. В 2006 г. был издан справочник, подготовленный Институтом русского языка РАН и Орфографической комиссией ОИФН РАН, который отражает нормы, зафиксированные в *Правилах* 1956 г., незначительно дополняя их в части пунктуации с учетом современной практики письма. Однако изменения не коснулись тех разделов, которые важны для наших задач, поэтому мы по-прежнему будем ориентироваться на положения, приведенные в *Правилах*.

С точки зрения Щербы, которую мы привели выше, немецкий и русский языки должны придерживаться одной логики при расстановке знаков препинания. Сопоставление нормативных правил применения двоеточия на письме демонстрирует фрагментарное совпадение в части следования формально-грамматическим принципам, однако полного тождества здесь не наблюдается (см. Табл.).

Таблица. Нормативные правила постановки двоеточия в немецком и русском языках

Amtliches Regelwerk des Rats für deutsche Rechtschreibung (IDS Mannheim)	Правила русской орфографии и пунктуации
§ 81. Mit dem Doppelpunkt kündigt man an, dass etwas Weiterführendes folgt: 1. wörtlich wiedergegebene Äußerungen oder Textstellen, wenn der Begleitsatz oder ein Teil von ihm vorausgeht	
2. Aufzählungen, spezielle Angaben, Erklärungen oder dergleichen	§ 159. Двоеточие ставится перед перечислением, которым заканчивается предложение: 1. Если перечислению предшествует обобщающее слово 2. Если перед перечислением

	<p>нет обобщающего слова, но необходимо предупредить читателя, что далее следует какой-либо перечень</p> <p>§ 160. Двоеточие ставится перед перечислением, находящимся в середине предложения, если перечислению предшествует обобщающее слово или слова <i>как-то, например, а именно</i></p>
<p>3. Zusammenfassungen des vorher Gesagten oder Schlussfolgerungen aus diesem. Möglich ist hier auch ein Gedankenstrich</p>	<p>§ 161. Двоеточие ставится после предложения, за которым следует одно или несколько предложений, не соединенных с первым посредством союзов и заключающих в себе:</p> <p>а) разъяснение или раскрытие содержания того, о чем говорится в первом предложении;</p> <p>б) основание, причина того, о чем говорится в первом предложении</p>
	<p>§ 162. Двоеточие ставится между двумя предложениями, не соединенными посредством союзов, если в первом предложении такими глаголами, как <i>видеть, смотреть, слышать, знать, чувствовать</i> и т. п., делается предупреждение, что далее последует изложение какого-нибудь факта или какое-нибудь описание</p>
	<p>§ 163. Двоеточие ставится после предложения, вводящего прямую речь, в частности — прямой вопрос или восклицание</p>
<p>§ 82. Mit dem Gedankenstrich kündigt man an, dass etwas Weiterfüh-</p>	

rendes folgt oder dass man das Folgende als etwas Unerwartetes verstanden wissen will. Möglich sind hier teilweise auch Doppelpunkt oder Komma	
--	--

Лакуны в немецком или русском языках возникают в тех сегментах, которые описаны с разной степенью детализации (постановка двоеточия при перечислениях), неравномерно распределены по уровням иерархии (оформление прямой речи) либо затрагивают контексты, трудно поддающиеся формальной интерпретации (в этом случае констатируется конкуренция с другими знаками препинания). Статистический анализ данных, извлеченных из параллельных подкорпусов НКРЯ, также убедительно показывает, что при переводе с немецкого языка на русский двоеточие не всегда сохраняется, даже если формально не требуется замены. В немецкой традиции правописания на верхней ступени иерархии размещаются максимально формализуемые случаи постановки знаков препинания, не вызывающие противоречивых толкований (ср. использование двоеточия как указание на прямую речь в постпозиции к вводной части). В русском языке подобные правила занимают нижнюю ступень иерархии, они не требуют дополнительных комментариев и к тому же допускают некоторую вариативность в оформлении. Так, альтернативные способы передачи прямой речи с помощью тире и абзацного отступа наблюдаются как в собственно русских текстах, так и в переводах с немецкого языка, даже если в оригинале стоит двоеточие.

3.2. Результаты контрастивного корпусного исследования⁷

3.2.1. Частотность изучаемого знака препинания в основных монологических корпусах

Частотность появления знаков препинания в текстах вычисляется по двум параметрам: среднее число исследуемых единиц на число словоупотреблений и на число предложений. При подсчетах применяется, как правило, первый из параметров, однако в силу особой роли знаков препинания в формально-грамматическом и смысловом членении высказывания в ряде

⁷ Все статистические корпусные данные приводятся по состоянию на 07.12.2023.

работ при статистическом анализе предлагается производить расчет среднего показателя употребительности на число предложений (STRÖM & LEVIN 2022). При сопоставлении двух и более языков очевидным образом выявляется факт неравнозначного наполнения предложений по объему слов. Так, средний объем предложения в немецком языке (по данным DWDS) составляет 18,9 слов, в русском языке в основном корпусе НКРЯ — 12,3 слова в предложении, в газетном корпусе НКРЯ этот показатель выше и равен 14,7 словам. Чем выше данный показатель, тем более вероятным будет стремление пользователей в письменной речи сегментировать предложение путем расстановки знаков препинания.⁸ Выбор же конкретного знака зависит как от нормативных установок и пунктуационного узуса в целом, так и от индивидуальных предпочтений авторов. К примеру, в русском газетном корпусе на 10000 словоупотреблений приходится 40,6 двоеточий, т. е. примерно 4 двоеточия на каждые 1000 слов, в то время как в текстах других жанров число двоеточий приближается к 68 на 10000 словоупотреблений — почти 7 знаков на 1000 слов.

Средний показатель для немецкого языка по данным основного корпуса DWDS рассчитывается на уровне 56,4 единиц на 10000 словоупотреблений. Данные статистики, извлеченные из корпуса современных немецких текстов 2000—2010 гг. в составе DWDS, демонстрируют рост популярности данного знака на 12 единиц по сравнению с периодом с 1900 по 2000 гг. — с 47,3 до 59,4 двоеточий на 10000 словоупотреблений. В то же время число двоеточий на 1000 предложений в немецком языке, напротив, менялось незначительно, продемонстрировав увеличение всего на 7 единиц с 98 двоеточий в текстах, изданных с 1900 по 2000 гг., до 105 в 2010 г., в среднем по всему корпусу DWDS этот показатель составил 106 единиц на 1000 предложений по состоянию на декабрь 2023 г. По всей видимости, статистические колебания в первом случае связаны с несбалансированностью наполнения мооязычного корпуса в разные перио-

⁸ Об иерархии обслуживаемых пунктуационными знаками контекстов и сложностях в их употреблении см. в (КИМ 2021).

ды (дисбаланс может быть вызван доминированием в отдельных сегментах контента текстов определенного жанра). Жанровая обусловленность в распределении знаков препинания более явно проступает при сопоставлении двух корпусов в составе НКРЯ: число двоеточий на 1000 предложений в русскоязычных газетных текстах значительно ниже, чем в основном корпусе — 57 единиц против 83. Низкая востребованность двоеточия у журналистов наблюдается на фоне лексически более плотного наполнения текстов публицистического жанра — почти 15 слов в предложении вместо 12,3 слов в среднем по корпусу.

3.2.2. Функциональные категории изучаемого знака и их распределение в основном корпусе и параллельных подкорпусах

Интегрированная схема описания функциональных категорий двоеточия в немецком языке, составленная как по нормативным справочникам, так и по данным немецкого-русского и русско-немецкого параллельных подкорпусов НКРЯ, отражает нормативные и узуальные правила постановки этого знака препинания в немецком языке в сопоставлении с русским. Схема включает следующие параметры:

1) двоеточие оформляет прямую, несобственно-прямую и косвенную речь, цитаты, правила, примеры и инструкции: в немецком языке в 94,4% случаев, в русском языке — в 72,8%;

2) двоеточие ставится на входе сочиненного ряда после обобщающего слова или вместо него, предворяет перечень в научном и канцелярском стиле: в немецком языке в 1,4% случаев, в русском языке — в 6,6%;

3) двоеточие сигнализирует о последующем разъяснении, заключении, (оценочном) суждении, оговорке, возражении, содержащемся в Q по поводу сказанного в P : в немецком языке в 1,6% случаев, в русском языке в 12,8%;

4) двоеточие указывает на причинно-следственные отношения между P и Q в отсутствие соответствующего союза, при этом Q называет причину или следствие P : в немецком языке в 0,4% случаев, в русском языке — в 7,4%;

5) двоеточие участвует в двучленных конструкциях заголовочного типа, отмечая границу частей и являясь при этом эффузиватором-разъяснителем, который позволяет значительно эко-

номить синтаксические средства выражения вне грамматических конвенций; при этом *P* содержит именную группу, где обозначена тема, а *Q* эту тему развивает, поясняет, комментирует: для немецкоязычной части подобных случаев не зафиксировано, для русского языка — 0,4%.

3.2.3. Трансформационные синтаксические сдвиги при передаче двоеточия

Различия в постановке знаков препинания наиболее рельефно проявляются при сопоставлении переводов. Статистический анализ данных немецкого-русского и русско-немецкого параллельных подкорпусов НКРЯ проводился с целью установить частотность отдельных переводческих решений, непосредственно связанных с пунктуацией: сохранение двоеточия при переводе либо его замена другим знаком препинания, нулевой знак на месте двоеточия, постановка двоеточия в переводе при его отсутствии в оригинале. Результаты анализа позволяют обрисовать следующую картину трансформационных синтаксических сдвигов при передаче двоеточия в обоих переводных направлениях:

1) искомым пунктуационный знак передается тем же знаком в переводном тексте: в 73,6% случаев при переводе с немецкого языка на русский и в 69,4% случаев при переводе с русского языка на немецкий;

2) искомым пунктуационный знак заменяется иным знаком в переводном тексте: в 21,2% случаев при переводе с немецкого языка на русский и в 28% случаев при переводе с русского языка на немецкий;

3) на месте искомого пунктуационного знака оригинального текста в переводе отсутствует какой-либо иной знак: в 2,8% случаев в переводном направлении с немецкого языка на русский и в 6,8% случаев при переводе с русского языка на немецкий;

4) искомым пунктуационный знак в переводном тексте является на месте любого другого знака в оригинале: в 29,6% случаев в направлении перевода с немецкого языка на русский и в 24,5% случаев при переводе с русского языка на немецкий;

5) в оригинале отсутствует какой-либо знак препинания, в переводном тексте зафиксирован искомым знак: в 11% случаев при переводе с немецкого языка на русский и в 5,4% случаев

при переводе с русского языка на немецкий.

При видимой тождественности пунктуационных узусов немецкого и русского языков в переводах не соблюдается точное следование модели оригинала. Всегда ли переводческое решение — это только выбор переводчика? Б. С. Шварцкопф указывает на базовые принципы корректорской правки при издании художественной литературы и пишет, в частности, о вариативности оформления прямой речи в печатных текстах: а) наличие двоеточия обязательно, если вводящее предложение находится в препозиции к прямой речи, которая открывается кавычками; б) при абзацном способе двоеточие ставится после вводящего предложения, если имеется глагол говорения, а прямая речь начинается с тире; в) при отсутствии глаголов говорения или иных указателей, формально требующих постановки двоеточия, вводящее предложение и прямая речь отделяются точкой. Шварцкопф поясняет, что в прозе «достаточно распространено абзацное выключение прямой речи в ее интерпозиции относительно вводящего предложения. Таким образом, преобладание в современной русской литературе абзацкого способа выделения прямой речи наложило свой отпечаток на схему организации контекста с прямой речью» (ШВАРЦКОПФ 1988: 90-94). Три способа передачи прямой речи при переводе — с использованием двоеточия, любого иного знака препинания и без какого-либо знака на месте двоеточия в оригинале — не в последнюю очередь объясняются наличием конкурирующих приемов оформления в практике книгоиздания контекстов с прямой речью, допускающей пунктуационные комбинации: двоеточие и кавычки; двоеточие, отступ и тире; точка, отступ и тире.⁹

4. Заключение

Очевидно, внутри каждого из сопоставляемых языков нельзя провести жесткую границу между исключительно формальными правилами и смысловой обусловленностью расстановки знаков препинания, но возможно выявить логику функциональной грамматикализации конкретного знака. Примени-

⁹ Об исторических предпосылках становления пунктуационного узуса для оформления прямой речи в немецком языке см. подробнее в (SIMMLER 1998).

тельно к двоеточию в русской пунктуационной системе формальный показатель — оформление прямой речи — оказывается спущен на нижний уровень иерархии, а верхние ступени занимают показатели аргументативной стратегии убеждения, маркеры причинно-следственных связей и логического обобщения. Более того, в последние десятилетия благодаря активной Интернет-коммуникации происходит деформация пунктуационного узуса,¹⁰ в русском языке преобладают эмоциональные маркеры, поэтому двоеточие уступает свои позиции тире как более эмоциональному знаку (ЕГОРОВА 2017: 139); этим можно объяснить, почему в газетных статьях двоеточие встречается реже, чем в текстах других жанров. В то же время в немецкой традиции, для которой важны формально-грамматические показатели, переход к формализации эмоционально-смыслового выражения оказывается периферийной задачей описательной грамматики. По этой причине двоеточие в нормативных справочниках по немецкой пунктуации описано по одной схеме: 1) двоеточие как маркер формализации; 2) двоеточие как средство обобщения, разъяснения и т. п.; 3) двоеточие как знак экспрессивного синтаксиса.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Дымарский М. Я.* Еще раз о системности пунктуации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 238—251. [Dymarskiy, Mikhail Ya. (2021) *Yeshhe raz o sistemnosti punktuatsii* (Once Again about the Systematicity of Punctuation). *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS*, 3, 238—251. (In Russian)].
- Егорова Ю. В.* Тире vs двоеточие — чувство против разума? // *Stephanos*. 2017. № 5 (25). С. 134—140. [Yegorova, Yulia V. (2017) *Tire vs dvoyetochiye — chuvstvo protiv razuma?* (Dash vs Colon — Feeling Against Reason). *Stephanos*, 5 (25), 134—140. (In Russian)].
- Ким И.Е.* Область употребления, сфера действия и иерархия контекстов пунктуационного знака // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 287—300. [Kim, Igor E. (2021) *Oblast' upotre-*

¹⁰ В более ранних работах трансформационные сдвиги в пунктуационном узусе связывали с проблемой визуализации знаков-сигналов в письменной речи для облегчения чтения; ср.: (BREDEL 2008).

bleniya, sfera deystviya i ierarkhiya kontekstov punktuatsionnogo znaka (Scope of Use and Hierarchy of Contexts of a Punctuation Mark). *Siberian Philological Journal*, 3, 287—300. (In Russian)].

- Лыскова И. Ю. Формирование пунктуационных систем в литературном языке (на материале немецкого XVII—XVIII вв. и французского XVI—XVIII вв. языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006. [Lyskova, Irina Yu. (2006) *Formirovaniye punktuatsionnykh sistem v literaturnom yazyke (na materiale nemetskogo XVII—XVIII vv. i frantsuzskogo XVI—XVIII vv. yazykov)* (Formation of Punctuation Systems in a Literary Language (Based on the Material of the 17th — 18th Centuries German and the 17th — 18th Centuries French Language). Extended Abstract of PhD thesis in Philology, Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Нуриев В. А. Контрастивная пунктуация и художественный перевод: границы переводческого выбора (на материале французского и русского языков) // Тезисы докладов. LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой, 14-21 марта 2023. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. URL: <https://conference-spbu.ru/en/conference/50/reports/19022>. [Nuriev, Vitaliy A. (2023) *Kontrastivnaya punktuatsiya i khudozhestvennyy perevod: granitsy perevodcheskogo vybora (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* (Contrastive Punctuation and Literary Translation: the Boundaries of Translation Choice (Based on the Material of French and Russian Languages). In: *Abstracts of Reports of the 51st International Scientific Philological Conference*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. Retrieved from <https://conference-spbu.ru/en/conference/50/reports/19022>. (In Russian)].
- Нуриев В. А., Карпов В. И. Методология корпусно-ориентированного исследования в области контрастивной пунктуации // Информатика и ее применения. 2023. Т. 17, № 2. С. 90—95. [Nuriev, Vitaliy A. & Karpov, Vladimir I. (2023) *Metodologiya korpusno-orientirovannogo issledovaniya v oblasti kontrastivnoy punktuatsii* (Methodology of Corpus-based Research in the Field of Contrastive Punctuation). *Computer Science and Its Applications*, 17, no. 2, 90—95. (In Russian)].
- Сигал К. Я. Развитие теории пунктуации в первой четверти XXI века: основные тенденции // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 2. С. 94—121. [Sigal, Kirill Ya. (2022) *Razvitiye teorii punktuatsii v pervoy chetverti XXI veka: osnovnyye tendentsii* (Development of the Theory of Punctuation in the First Quarter of the 19th Century: Main

- Trends). *Scientific Dialogue*, 11, 94—121. (In Russian)].
- Сигал К. Я. Контрастивная пунктуация в начале XXI века // Вопросы филологии. 2019. № 3-4 (67-68). С. 12—16. [Sigal, Kirill Ya. (2019) Kontrastivnaya punktuatsiya v nachale XXI veka (Contrastive Punctuation at the Beginning of the 21st Century). *Questions of Philology*, 3-4 (67-68), 12—16. (In Russian)].
- Сигал К. Я. Заметки по контрастивной пунктуации (на материале европейских языков) // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика / отв. ред. Н. С. Бабенко, В. А. Нуриев. М.: Институт языкознания РАН, 2015. С. 357—365. [Sigal, Kirill Ya. (2015) Zametki po kontrastivnoy punktuatsii (na materiale evropeyskikh yazykov) (Notes on Contrastive Punctuation (Based on European Languages)). In: Babenko, Nataliya S. & Nuriev, Vitaliy A. (eds) *Profili yazyka: sotsiolingvistika, natsional'noye varyirovaniye, perevodovedeniye, kontrastivnaya stilistika* (Language Profiles: Sociolinguistics, National Variation, Translation Studies, Contrastive Stylistics). Moscow: Institute of Linguistics RAS, 357—365. (In Russian)].
- Перцов Н. В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Корпусная лингвистика — 2006. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 318—331. [Pertsov, Nikolay V. (2006) O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh (On the Role of Corpora in Linguistic Research). In: *Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics — 2006"*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 318—331. (In Russian)].
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. [Lopatin, Vladimir V. (ed.) (2009) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskiy spravochnik* (Rules of Russian Spelling and Punctuation. Complete Academic Reference). Moscow: AST. (In Russian)].
- Правила русской орфографии и пунктуации / Л. В. Щерба и др. М.: Учпедгиз, 1956. [Shherba, Lev V. & al. (1956) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii* (Rules of Russian Spelling and Punctuation). Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. [Shvartskopf, Boris S. (1988) *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i eyo funktsionirovaniye* (Modern Russian Punctuation: the System and Its Functioning). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Щерба Л. В. Пунктуация // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 241—245. [Shherba, Lev V.

- (1974) Punktuaitsiya (Punctuation). In: Shherba, Lev V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (Language System and Speech Activity). Leningrad: Nauka, 241—245. (In Russian)].
- Amtliches Regelwerk des Rats für deutsche Rechtschreibung. (2018) In: Grundlagen der deutschen Rechtschreibung. Rat für deutsche Rechtschreibung. Mannheim: IDS. Retrieved from <https://grammis.ids-mannheim.de/rechtschreibung>.
- Bredel, Ursula. (2008) *Die Interpunktion des Deutschen. Ein kompositionelles System zur Online-Steuerung des Lesens*. Tübingen: Max Niemeyer. (Linguistische Arbeiten 522).
- Bücking, Sebastian. (2022) Schriftgrammatik und Diskursrelationen: Der Doppelpunkt als lexikalischer Marker für diskursstrukturelle Subordination. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 50 (3), 435—474.
- Duden. (2009) Bd 4. *Die Grammatik*. Mannheim: Dudenverlag. [8. Aufl.]
- Karhiahho, Izabela. (2003) *Der Doppelpunkt im Deutschen. Kontextbedingungen und Funktionen*. PhD Thesis. Gothenburg: Acta Universitatis Gothoburgensis.
- Masalon, Kevin. (2014) *Die deutsche Zeichensetzung gestern, heute — und morgen (?) : eine korpusbasierte, diachrone Untersuchung der Interpunktion als Teil schriftsprachlichen Wandels im Spannungsfeld von Textpragmatik, System und Norm unter besonderer Berücksichtigung des Kommas*. Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.) der Fakultät für Geisteswissenschaften im Fach Germanistik an der Universität Duisburg-Essen. Universität Duisburg-Essen.
- Meliss, Meike & González Ribao, Vanessa. (2022) Vergleichbare Korpora für multilinguale kontrastive Studien. Herausforderungen und desiderata. In: Losa-Kückelhaus, Annette; Engelberg, Stefan; Möhrs, Christine & Storjohann, Petra. (eds) (2022) *Dictionaries and Society. Proceedings of the XX EURALEX International Congress*. Mannheim: IDS-Verlag, 253—261.
- Simmler, Franz. (1998) Zur Geschichte der direkten Rede und ihrer Interpungierung in Romantraditionen vom 16. bis 20. Jahrhundert. In: Ernst, Peter & Patocka, Franz. (eds) *Deutsche Sprache in Raum und Zeit. Festschrift für Peter Wiesinger zum 60. Geburtstag*. Wien: Institut für Germanistik, Universität Wien, 1998, 651—674.
- Ström Herold, Jenny & Levin, Magnus. (2022) The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study. In: Rössler, Paul & al. (2022) *Vergleichende Interpunktion — Comparative Punctuation*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 237—262.

- Wahrig — Müller, Michael & al. (eds) (2009) *Richtiges Deutsch leicht gemacht*. Gütersloh; München: Wissenmedia GmbH.
- Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger & Strecker, Bruno. (eds) (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd 1. Berlin: Walter de Gruyter.

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Federal Research Center “Computer Science and Control”
of the Russian Academy of Sciences

On the Corpus Method in Contrastive Study of Punctuation: Colons in German

Research in the field of contrastive punctuation is of great importance because it makes it possible to develop reliable rules for the use of punctuation marks in different languages. By using the corpus method, large amounts of data can be analyzed to confirm hypotheses and complement the researcher’s linguistic introspection as a native speaker. It is important that research methodology in the field of contrastive punctuation be further examined to take into account the latest achievements in computer science and corpus linguistics. The focus should be on modern tools that enable automatic processing of text data and reduce the effort required to search for empirical material. Corpus-based studies on contrastive punctuation aim to obtain reliable data. Parallel corpora provide an optimal resource for the qualitative analysis of the use of punctuation marks and allow a direct comparison of their frequency in different texts. Through a contrastive study in a specific language pair, normative rules regarding the use of punctuation marks can be clarified. Functions enabled by the use of punctuation but not recorded in reference works are identified. Comparing corpora from different languages helps clarify the semantics of punctuation marks. In this specific study of the colon in the German and Russian languages, the German-Russian and Russian-German parallel corpora within the national corpus of the Russian language as well as the Digital Dictionary of the German Language DWDS are used as sources for empirical data. The results of the contrastive study will help to further clarify the scheme of the functional description of the German colon.

Keywords: comparative studies; corpus-based studies; parallel corpora; punctuation; colon

Для цитирования:

Карпов В. И. О корпусном методе в контрастивных исследованиях пунктуации: двоеточие в немецком языке // Русская германистика: Ежегодник Рос-

сийского союза германистов. 2024. № XXI. С. 194—217.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-194-217.

To cite this Article:

Карпов, Владимир И. (2024) О корпусном методе в контрастивных исследованиях пунктуации: двоеточие в немецком языке (On the Corpus Method in Contrastive Study of Punctuation: Colons in German). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 194—217. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-194-217.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; принята к публикации 27.03.2024

The article was submitted 11.03.2024; accepted for publication 27.03.2024

D. Kemper

Russische Staatliche Universität für Geisteswissenschaften

QUALIFIKATION UND ARBEITSMARKT. WER KANN SCHON PROTOKOLLIEREN?

„Lies keine Oden, mein Sohn, lies die Fahrpläne: sie sind genauer“ (ENZENSBERGER 1957: 85) — so schrieb Hans Magnus Enzensberger im Jahre 1957. Man tut diesem berühmten Gedichtanfang keinesfalls Gewalt an, wenn man ihn der Situation der Hochschulgermanistik im Jahre 2024 anverwandelt: Lies keine Lehrpläne, lieber Kollege, lies die Stellenanzeigen: sie sind genauer.

Lehrpläne möchten uns Richtlinien an die Hand geben, welche Qualifikationen wir als Germanisten (oder Romanisten oder Anglisten et cetera) unseren Studierenden vermitteln sollten. Die Behörde, die den Lehrplan aufstellt, nimmt also das Recht für sich in Anspruch zu definieren, wer oder was ein ‚Germanist‘ ist. Mit der so festgelegten Ausstattung muss sich der Germanist dann auf dem Arbeitsmarkt zurechtfinden.

„Wer definiert, regiert“, sagt man in solchen Zusammenhängen schnell. Doch die Realität ist bereits eine andere. Nicht nur das Angebot der staatlichen Bildungsinstitutionen bestimmt das Geschehen auf dem Arbeitsmarkt, sondern auch die Nachfrage der Arbeitgeber, die eventuell etwas anderes benötigen als vom Bildungssystem angeboten. Verhandelt wird unter anderem im Code der Stellenanzeigen. Gerade deshalb sollten wir ‚keine Lehrpläne [lesen, sondern] Stellenanzeigen‘. Entsprechend decodiert, geben Stellenanzeigen Hinweise darauf, was aus Sicht des Marktes im Qualifikationsprofil eines Germanisten fehlt oder zu schwach entwickelt ist. Solche Hinweise sollten wir sehr ernst nehmen, um die Berufschancen unserer Absolventen, die vielbeschworene Employability, zu verbessern.

*

Die Firma „SD Steno Deutschland GmbH“ sucht im Netz „Stenographen (m/w/d) oder Audioredakteure (m/w/d)“.¹ Die Tätig-

¹ https://zalvus.com/de-de/job-212354/stenografen_wmd_oder_audioredakteure_wmd (zuletzt eingesehen am 06.06.2024).

keitsfelder, die beiden Berufsbezeichnungen zugeordnet werden, teilen sich in zwei Bereiche: Im ersten Schritt geht es um die Erfassung und Transkription großer Textmengen zum Beispiel auf „politische[n], juristische[n] oder wirtschaftliche[n] Veranstaltungen“. Im zweiten sollen die gesicherten Textmengen so strukturiert, verdichtet und ausgewertet werden, dass daraus ein Protokoll entsteht. Die Erfassung von Texten im ersten Schritt, für die im KI-Zeitalter mannigfaltige technische Hilfsmittel zur Verfügung stehen, soll uns hier nicht interessieren — dafür der zweite Aspekt umso mehr. Die Stellenanzeige legt nahe, dass für „Gewerkschaftsverhandlungen, Interviews, Ratsversammlungen / Stadtparlamente, Hauptverhandlungen, Schiedsgerichtsverhandlungen, Gewerkschaftstage, Pressekonferenzen“ und „Erörterungstermine“ heutzutage externe Protokollanten gesucht werden (müssen), weil unter den Anwesenden offenbar niemand zu sein scheint, der das Protokollieren in adäquater Weise beherrschte. Doch bedarf es zum Protokollieren wirklich eines Profis? Und wie wäre der zum Profi geworden? Oder anders gefragt: Hat nicht jeder mit höherer Schulbildung die Textsorte Protokoll irgendwann im Unterricht behandelt, so dass eigentlich jeder der zunächst einfach anmutenden Aufgabe des Protokollierens gewachsen sie müsste?

*

Doch das Protokollieren ist alles andere als einfach, wie die Erfahrung lehrt. Unausrottbar zieht sich die Aufgabenstellung ‚Sitzungsprotokoll‘ durch den Lehrbetrieb deutscher Universitäten, und zwar nicht zuletzt, weil sich für einen solchen Text leicht Teilnahme- oder kleinere Leitungsnachweise vergeben lassen. Als Ergebnis werden häufig recht hilflos Mitschriftenfragmente aneinandergereiht und durch die Beachtung einiger Formalia zum Protokoll „aufgewertet“. In der Beratung von Doktoranden — sei es im Einzelgespräch, sei es in einer Forschergruppe — zeigt sich nur einer von zwanzig in der Lage, die Beratungshinweise so zu protokollieren, dass deren Verschriftlichung der weiteren Arbeit an der Dissertation nützlich sein kann. Was so einfach daherkommt, erweist sich als schwierig. Offenbar setzt das Protokollieren enorme Versteheleistungen voraus und dann noch einmal besondere Verbalisierungsleistungen. Selbstkritisch zu fragen ist, ob wir als Germanis-

ten die dafür notwendigen Qualifikationen in ausreichender Weise vermitteln.

Protokollierbar sind sprachliche Aktion und Interaktion (*Kommunikationsprotokolle*), aber auch nichtsprachliche Beobachtungen zum Beispiel im naturwissenschaftlichen Versuchsprotokoll (*Ereignisprotokolle*). In unserem Zusammenhang interessieren nur Kommunikationsprotokolle, die folgenden Grundtypen zugeordnet werden können:

a) *Verlaufsprotokoll*: Sämtliche verbalen (teils auch nonverbalen: „Gelächter“ etc.) Äußerungen einer zu protokollierenden Einheit werden vollständig und wörtlich verschriftlicht. Ziel ist es, einen nicht mehr anfechtbaren Text zu erzeugen, der im juristischen Sinne belastbar ist. Die deutsche Zivilprozessordnung beispielsweise legt in den §§ 159 bis 165 fest, dass für „die Protokollführung <...> ein Urkundsbeamter der Geschäftsstelle zugezogen werden“² kann, dessen Professionalität und Rechtsstellung im Verfahren die gewünschten Textqualitäten sicher sollen. Die hier vorausgesetzten speziellen Qualifikationen werden in beruflichen Ausbildungsgängen erworben und gehören nicht zum Gegenstandsbereich der germanistischen Ausbildung;

b) *Ergebnisprotokoll*: Das erste Ziel des Ergebnisprotokolls liegt in der Kürze, das zweite in seiner Strukturiertheit. Im Gegensatz zum Verlaufsprotokoll wird die erfasste Textmenge extrem reduziert, und zwar auf Beschlüsse und Abstimmungsergebnisse. Beschlüsse werden jedoch wie beim Verlaufsprotokoll in ihrem Wortlaut möglichst authentisch wiedergegeben, weshalb der Gesprächsleiter sie in der Regel dem Protokollanten in Anwesenheit aller Teilnehmer diktiert. Die starke formale Strukturiertheit des Ergebnisprotokolls geht nicht auf eine Leistung des Protokollanten zurück, sondern wird durch die Tagesordnung vorgegeben;

c) *Verlaufsprotokoll*: Von der Zielsetzung her liegt das Verlaufsprotokoll zwischen den beiden erstgenannten Typen. Es soll nicht nur Ergebnisse knapp festhalten, sondern auch die Diskussio-

² § 159, 1. Zit. nach: <https://www.buzer.de/s1.htm?a=159-165&ag=7030> (zuletzt eingesehen am 07.06.2024).

nen, die zu den Ergebnissen geführt haben, im Wesentlichen wiedergeben.

Die Anforderungen an den Protokollanten steigen beim Verlaufsprotokoll sprunghaft an:

1) er muss die vorgetragenen Inhalte sprachlich wie fachlich möglichst ohne Einschränkungen verstehen;

2) er muss das Vorgetragene hermeneutisch so weit durchdringen, dass er es im Idealfall in einem eigenen Verstehensentwurf und in eigenen Formulierungen versprachlichen kann;

3) er sollte die zu protokollierenden Texte nicht nur inhaltlich wiedergeben, sondern auch metasprachlich durch die Erfassung von Argumentationsschritten und Sprechhandlungen beschreiben können;

4) er sollte fachlich in der Lage sein, die Verwendung unterschiedlicher Terminologien mit ihren Voraussetzungen und Implikationen erfassen zu können;

5) er sollte die soziale Dimension von Sprache etwa in Form von Rollenrede, Reklamation positioneller Autorität oder (berufs-)ständischem Habitus erkennen und berücksichtigen können.

Beim Studien- oder Leistungsnachweis in Form eines *Sitzungsprotokolls* wird in der Regel vorausgesetzt, dass mindestens Qualifikation 1 gegeben ist. Wo die fachliche Erfassung für eine Wiedergabe in eigener Sprache nicht ausreicht, wird in der Regel wörtlich zitiert, um einen eigenen Verstehensentwurf zu vermeiden. Dieser wäre mit Qualifikation 2 gegeben, doch zeigen unsere schlechten Erfahrungen mit der Textsorte an den Hochschulen, dass die Studierenden zum größeren Teil bereits mit Schritt 2 überfordert sind, weil wie weder in der Schule noch während des Studiums darauf vorbereitet wurden.

Dieselben Ausbildungsdefizite stehen der Qualifikation 3 im Wege, gleichwohl diese einen Philologen unbedingt auszeichnen sollte. Gemeint ist die Fähigkeit, jeden Sachtext in zweifacher Weise wiedergeben zu können, nämlich erstens als Abfolge inhaltlicher Aussagen oder Aspekte, zweitens als Abfolge von Argumentationsschritten und Sprechhandlungen. Inhaltliche Wiedergabe und metasprachliche Beschreibung sollten dabei völlig unterschieden und keinesfalls vermischt sein. Das Argumentationsnarrativ zu einem

Sachtext könnte beispielsweise so lauten: Die Einleitung knüpft an die aktuellen Interessen der Leser an, die in einer konkreten Situation veranschaulicht werden. Danach wird der eigentliche Gegenstand des Artikels, sein Thema, genau benannt, bevor der Verfasser seine eigene Position dazu in Form einer These formuliert. Der Hauptteil reiht drei unterstützende Argumente aneinander, die jeweils durch Beispiele illustriert werden — et cetera. Erst im dritten Schritt sollen die inhaltliche und die metasprachliche Ebene aufeinander bezogen werden, was die Qualität des wiedergegebenen oder protokollierten Textes sprunghaft steigert.

Die Qualifikationen 4 und 5 beziehen sich auf andere Ebenen des Textes. Mit welchen Termini das Thema bezeichnet und mit welchen Begriffen es dann expliziert wird, ist Teil des Kampfes um die Deutungshoheit über die Sache. Leben wir in Zeiten des ‚Temperaturanstiegs‘ oder des ‚Klimakollaps‘, der ‚Erderwärmung‘ oder der ‚Klimakatastrophe‘. Die ersteren Begriffe sind deskriptiv-neutral, die zweiten analytisch-appellativ. Beide Gruppen repräsentieren völlig unterschiedliche Weltdeutungsmuster, die sich auf lexikalischer Ebene manifestieren. Der Protokollant muss dies erkennen, systematisch aufgreifen und den semantischen Wert eventuell durch wörtliche Zitation wahren.

Die Qualifikation 5 führt uns in den Bereich von Herrschaft und Diskurs. In einer Universitätsversammlung kommt ein und demselben Argument aus dem Munde des Rektors wahrscheinlich ein anderer Stellenwert zu als aus dem Munde eines Studierenden. Der Firmeneigentümer kann auf einer Betriebsversammlung durch sein sprachliches Handeln deutlich signalisieren, ob er kritische Gegenargumente zu seiner Position als konstruktiven Beitrag zur Problemlösung oder als destruktive Betriebsstörung empfindet. Es kann dem berufsständischen Habitus eines Richters oder Professors entsprechen, sich selbst — zumindest öffentlich — nie zu korrigieren, und die positionelle Amtsautorität kann diesen Habitus stützen. Dergleichen Phänomene sind mannigfaltig und zahlreich; der Protokollant muss sie zwar nicht explizit analysieren und beschreiben, wohl aber erkennen. Er wird es von solchen Einsichten abhängig machen, wie oft und in welcher Form er zum Beispiel Amtsbezeichnungen den Sprechern zuschreibt.

*

Viel zu komplex, wird man nun einwenden, und viel zu wenig fachspezifisch für die Germanistik. Aber wer vermittelt solche allgemeinen Schlüsselqualifikationen denn sonst? Im deutschen Bildungswesen fallen solche Qualifikationen in eine Lücke, die sich systembedingt ausnimmt. Wer unterrichtet Stilistik und Rhetorik, wer unterrichtet den vorzüglichen Gebrauch der deutschen Sprache? Die Universitäten haben das lange von sich gewiesen und als vorwissenschaftliche Übungen den Gymnasien zugewiesen. Das preußische Gymnasium aber hat über 150 Jahr den vorzüglichen Gebrauch der Sprache im Lateinischen geübt. Was dort gelernt wurde, mochte dann auf den Gebrauch des Deutschen abfärben. Doch das ist seit mindestens einem halben Jahrhundert Geschichte, ohne dass sich für Stilistik und Rhetorik ein neuer Platz gefunden hätte. Wo wird Diskursanalyse praktisch gelehrt, wo das Verhältnis von Sprache, Macht und sozialer Rolle geklärt?

Manches findet sich in der germanistischen Lehrpraxis, gegenüber anderen Bereichen bleibt der Vorbehalt, dass es sich nicht um spezifische Gegenstände der Germanistik handele.

Doch wie und wo, so sei erneut gefragt, erwirbt man solche Qualifikationen, wenn man die höchst anspruchsvolle Tätigkeit des Protokollierens zur Profession machen möchte? Der „Verband der Parlaments- und Verhandlungsstenographen e. V.“ definiert folgende Anforderung für den Stenographenberuf: „Üblicherweise werden ein Hochschulstudium oder gleichwertige Fähigkeiten und Erfahrungen sowie sehr gute Kenntnisse in (Maschinen-)Stenographie vorausgesetzt. Allgemeinbildung, Auffassungsgabe, Sprachgefühl, Sorgfalt, EDV-Kenntnisse und Sozialkompetenz sind weitere wichtige Stichworte in diesem Zusammenhang.“³ Ungenauer kann ein Anforderungsprofil kaum formuliert werden. ‚Ein‘ Studium wird verlangt, aber welches? Es existieren Fortbildungsangebote, Zertifikate, Fernstudienkurse, aber ein berufsvorbereitender Studiengang, der die zentralen Qualifikationen vermittelte, existiert nicht. Und wel-

³ https://www.parlamentsstenografen.de/index.php?option=com_content&view=article&id=143&catid=51&Itemid=80#:~:text=Üblicherweise%20werden%20ein%20Hochschulstudium%20oder,wichtige%20Stichworte%20in%20diesem%20Zusammenhang (zuletzt eingesehen am 06.06.2024).

che sollen das sein? Selbst der Berufsverband muss sein Heil in ‚weichen‘ Anforderungen von „Allgemeinbildung“ bis „Sozialkompetenz“ suchen.

In der Quintessenz gibt sich hier ein Feld mit bester Bodenqualität zu erkennen, doch scheint sich niemand für dessen Beackung zuständig zu fühlen. Und doch gäbe für die Früchte dieser Mühen es eine deutliche Nachfrage auf dem Arbeitsmarkt. Hier könnten verschiedene textzentrierte Fächer konkurrieren, doch der Philologie der Muttersprache obläge die Vermittlung solcher Qualifikationen am ehesten. Was eine solche Germanistik ausmachte, sollte sich nicht mehr primär an den Gegenständen orientieren, sondern an den vermittelten Qualifikationen. Der Germanist sollte ein Textexperte sein mit hoher hermeneutischer und analytischer Kompetenz, ein Meister der Textbeherrschung und ein hermeneutisch hoch ausgewiesener Problemlöser. Solche Textexperten werden gebraucht in einer Welt, in der die Omnipräsenz von Texten trotz (oder wegen) aller Medienrevolutionen erschlagend bleibt und die gerade durch die KI mit Texten ganz neuer Provenienz bereichert wird.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Enzensberger, Hans Magnus. (1957) *Verteidigung der Wölfe*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Д. Кемпер

Российский государственный гуманитарный университет

Квалификация и рынок труда: кто может составить протокол?

Будучи научной и образовательной дисциплиной, германистика традиционно определяется научными предметами, которые она изучает или преподает. Однако для рынка труда гораздо важнее квалификация. На примере деятельности по составлению протокола показано, какие квалификации не преподаются или преподаются в недостаточной степени в рамках германистики в школе и университете. Германисты должны быть не (только) представителями образовательного канона, но прежде всего экспертами по тексту с высоким уровнем герменевтической экспертизы, ориентированной на решение профессиональных проблем.

Ключевые слова: квалификация; учебные планы; рынок труда; составление протокола; виды протокола; герменевтическая экспертиза

Dirk Kemper
Russian State University for the Humanities

**Qualifications and the Labour Market:
Who Can Take Minutes of Meeting?**

As a scientific and educational discipline, German Studies has traditionally been defined by the academic subjects it studies or teaches. For the labour market, however, qualifications are much more important. Using the example of protocol-drawing activities, it is shown which qualifications are not or not sufficiently taught within German studies at school and university. Germanists should not (only) be representatives of the educational canon, but above all textual experts with a high level of hermeneutical expertise focused on solving professional problems.

Keywords: qualifications; curricula; labour market; minute taking; types of protocol; hermeneutic expertise

Для цитирования:

Кемпер Д. Qualifikation und Arbeitsmarkt. Wer kann schon protokollieren? (= Квалификация и рынок труда: кто может составить протокол?) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 218—225.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-218-225.

To cite this Article:

Kemper, Dirk. (2024) Qualifikation und Arbeitsmarkt. Wer kann schon protokollieren? (Qualifications and the Labor Market. Who Can Take Minutes of Meeting?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 218—225. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-218-225.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; принята к публикации 08.06.2024
The article was submitted 23.05.2024; accepted for publication 08.06.2024

О. А. Кострова, В. С. Захаров
Самарский государственный социально-педагогический
университет

УСЛОВНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *SOFERN* В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В статье анализируется семантика непрототипического союза *sofern* в составе сложноподчиненных предложений с придаточными условия в немецком языке. В словарях и грамматиках немецкого языка этот союз рассматривается как синоним союзов *wenn*, *in Fall*, *dass...*, *vorausgesetzt*, *dass...* в функционально-семантическом поле кондициональности. Однако анализ этого функционально-семантического поля показывает, что перечисленные союзы занимают в нем разные по значимости позиции. Союз *wenn* образует центр поля, тогда как другие малочастотные союзы отходят на периферию. Возникает вопрос, объясняется ли их периферийное положение только их низкой частотностью. Целью статьи является изучение семантики придаточных предложений с *sofern*, отличающей их в концептуальном плане от аналогичных предложений с *wenn* и определяющей их место в периферийном сегменте функционально-семантического поля кондициональности. Высказывается предположение, что семантика удаленности, заложенная в компоненте *-fern*, метафорически переносится из пространственной сферы чаще всего в сферу межличностных отношений, обозначая зависимость содержания главного предложения от условия, ограниченного имплицитной удаленностью или близостью кого-либо от кого- или чего-либо. Это создает концептуальное отличие придаточных с союзом *sofern* от аналогичных придаточных с союзом *wenn* и объясняет наряду с низкой частотностью их позиционирование в периферийном сегменте функционально-семантического поля кондициональности. Материалом исследования служит корпус немецкого языка DWDS,¹ находящийся в свободном доступе. Для доказательства высказанного предположения используются методы статистического, концептуального и трансформационного анализа. Анализ лексического наполнения текстов придаточных предложений с союзом *sofern* показывает, что модальность гипотетичности, свойственная сложноподчиненным предложениям с придаточными условия, насыщается за счет союза дополнительными семантическими от-

¹ <https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl>.

тенками, позволяющими провести субкатегоризацию семантики возможности. В процессе исследования выявляются два основных семантических оттенка: оттенок сомнения в возможности осуществления действия, выражающий неуверенность в реализации действия в предложении, и оттенок усиления ограничения, актуализируемый за счет эмоционально-оценочных маркеров. Систематизируются маркеры, указывающие на присутствие этих оттенков в беллетристике, научном и газетном дискурсах современного немецкого языка начала XXI в. в корпусе DWDS. К маркерам относятся эмоционально-оценочные частицы и наречия, а также некоторые специальные средства.

Ключевые слова: гипотаксис; кондициональность; модальность; гипотетичность; аксиогенная ситуация; семантический оттенок; немецкий язык

1. Введение

Условные конструкции отражают способность носителя языка рассуждать об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные корреляции между ситуациями, понимать, как мир менялся бы, если бы определенные ситуативные корреляции были другими (ХРАКОВСКИЙ 1998: 7).

Для обозначения сложноподчиненных предложений (далее — СПП) с придаточными условия в лингвистической литературе используются разные термины, подчеркивающие тот или иной аспект их характеристики. В. С. Храковский и С. М. Кибардина считают их синтактико-морфологическим бипредикативным (би-пропозитивным) вариантом условных конструкций, где выражаются две пропозиции, из которых одна определенным образом зависит от другой (ХРАКОВСКИЙ 1998: 15; 101; КИБАРДИНА 1998: 297). Е. В. Гулыга называет их условными периодами с расщепленным семантическим ядром гиперсложной формы, создающим единый модальный план потенциально-предположительной модальности (ГУЛЫГА 1971: 63, 93). Термин «условный период» используется и другими учеными (КОСТРОВА 1971). М. Л. Котин использует для обозначения СПП с условными придаточными термин «wenn-dann-Нупотакхе» ‘wenn-dann-гипотаксис’, называя при этом условное придаточное Protasis ‘протазис’, а главное предложение Apodosis ‘аподозис’, обозначая тем самым универ-

сальный когнитивный механизм, позволяющий интерпретировать простое временное или пространственное следование как отношение «условие — следствие», т. е. логическую выводимость следствия из условия (КОТИН 2013: 413).

В нашем исследовании используются следующие термины: «СПП с придаточными условия» для обозначения семантики придаточной части; «условный период» — термин подчеркивает мономодальный характер связи главного и придаточного предложений; «гипотаксис», обозначает зависимый характер связи соединенных в сложном предложении частей. Кроме того, поскольку мы исследуем соотношение СПП с условными придаточными, вводимыми разными союзами, в функционально-семантическом поле, необходим термин, обозначающий семантику этого поля. Таким термином является «кондициональность»; соответственно придаточные предложения условной семантики в функции членов этого поля называются придаточными кондициональными.

Важной особенностью СПП с придаточными условия является единый модальный план, характеризующийся как модальность гипотетичности или потенциальной ирреальности (ГУЛЫГА 1971: 100, 151). Такие предложения (например, *Wenn es am Abend regnet, bleiben wir zu Hause*) нельзя без ущерба для их содержания разделить на главное и придаточное, так как при разделении изменяется модальность полученной последовательности предложений (*Es regnet am Abend. Wir bleiben zu Hause*): гипотетическая модальность переходит в фактическую.

В связи с этим Г. Пауль пишет, что для СПП с придаточными условия характерны неопределенность, неуверенность (PAUL 1920: 269-270). Актуализаторами условных отношений, усиливающими потенциально-ирреальную модальность, являются претеритальные формы конъюнктива, которые в условных периодах употребляются не только в придаточном, но и в главном предложении (ГУЛЫГА 1971: 63). Кроме того, к актуализаторам обусловленности в гипотетических условных периодах относятся футуральная ориентация главного и придаточного предложений, некоторые частицы и наречия, усиливающие гипотетическую модальность СПП (КОСТРОВА 1971: 5-6). Забегая

вперед, отметим, что эти актуализаторы проявляются и в СПП с союзом *sofern*, подтверждая их условную семантику.

Передача условного отношения в условных конструкциях немецкого языка осуществляется с помощью прототипических и непрототипических средств (КИБАРДИНА 1998: 298-305). При этом к прототипическим средствам автор относит СПП с союзами *wenn*, *falls*, *sofern*, а к непрототипическим — осложненные предложения с причастными и инфинитивными оборотами типа *vorausgesetzt*, *dass...*, простые предложения с обстоятельствами условия и сложносочиненные предложения с союзами *und*, *aber*, *oder* и др. Разделение средств на прототипические и непрототипические обусловлено эксплицитностью (в первом случае) и имплицитностью (во втором случае) выражения ими условного отношения. Параметр частотности употребления здесь не учитывается. В нашем исследовании параметр частотности играет важную роль для определения центральных и периферийных компонентов функционально-семантического поля кондициональности.

Мы относим союз *wenn* к прототипическим центральным компонентам поля кондициональности несмотря на то (а, возможно, и благодаря тому), что он вводит не только условные, но и темпоральные, и условно-временные придаточные, показывая прототипический путь развития сложных логических отношений (в нашем случае условных) от более простых (в нашем случае временных); ср.: (КОТИН 2012). Его центральная позиция в поле кондициональности подтверждается, с одной стороны, частотностью использования (по сравнению с другими союзами), которую мы считаем одним из основных признаков прототипичности (КОСТРОВА & ЗАХАРОВ 2023: 64), а с другой стороны, тем, что выражаемая придаточными с этим союзом категория модальности неразрывно связана с категорией темпоральности, что подтверждается, в частности, футуральной ориентацией условных периодов, в которых употребляется индикатив, а модальность гипотетичности сохраняется. Конвергенция категорий времени и наклонения усиливает, выражаясь фигурально, грамматическую мощь условных периодов с *wenn*, свидетельствуя в пользу их отнесения к центру функционально-семантического поля кондициональности.

Вернемся к статистическому анализу. Согласно корпусной базе данных DWDS, частотность СПП с союзами *wenn* и *sofern* отличается выраженной диспропорцией: 30344 и 844 соответственно, т. е. частотность СПП с союзом *wenn* в 36 раз превышает частотность СПП с союзом *sofern*. Даже если учесть, что СПП с союзом *wenn* могут выражать не только условные, но и темпоральные и условно-темпоральные отношения, разница в частотности будет значительной. На наш взгляд, это служит убедительным основанием для различения прото- и непрототипичности средств.

К числу непрототипических средств выражения условности, образующих периферию функционально-семантического поля кондициональности, мы относим предложные словосочетания с семантикой условия *unter der Bedingung*, *im Falle* и др. Союзы *falls* и *sofern* мы, в отличие от точки зрения Кибардиной (см. выше), также относим к непрототипическим средствам выражения кондициональности ввиду их низкой частотности по сравнению с прототипическим союзом *wenn*, а также благодаря особенностям их семантики.

В словаре Пауля семантика союза *sofern* трактуется на основе его происхождения из элементов *so* и *fern*. При этом, на наш взгляд, основную смыслообразующую роль здесь играет наречие *fern*, значение которого Пауль описывает как противоположное к наречию «близко» («Gegensatz zu *nahe*») (DEUTSCHES WÖRTERBUCH 1960: 188). В отличие от близкого по семантике наречия *weit*, значение наречия *fern* постепенно развивается в направлении ухода от пространственной наглядности (*räumliche Anschauung*), переходя к обозначению удаленности во времени, а затем значение удаленности по аналогии переносится на межличностные отношения: «*er steht mir fern (ich habe keine Beziehung zu ihm)*» (*ibid.*). Слияние с относительным местоимением *so* и с предлогом *in* привело к грамматикализации наречия, которое стало использоваться в функции союза, временами сближаясь с простым *wenn* (*ibid.*).

Использование (*in*)*sofern* как условного союза начинается в нововерхненемецкий период с XV в., когда возникает множество подчинительных союзов, позволяющих дифференцировать всевозможные логические связи и отношения, уточняется упо-

требление отдельных союзов (ОРЛОВА 2013: 136). В. Юнг пишет, что союз *sofern*, как и некоторые другие союзы (*soviel*, *nachdem*, *soweit* и др.), являлся на определенном этапе его развития наречием, которое сочеталось с союзами *als* и *wie*, впоследствии отброшенными (JUNG 1997: 381). В системе немецкого СПП предложениям с этим союзом уделяется неоправданно мало внимания несмотря на то, что семантика союза *sofern* не всегда, а только временами, как отмечает Пауль (см. выше), совпадает с семантикой союза *wenn*. Во многих грамматиках и словарях, например, в словаре коннекторов (WÖRTERBUCH DER KONNEKTOREN),² оттенки значений *sofern* не описаны; этот союз ставится в один ряд с остальными условными союзами.

Тем не менее есть несколько грамматик, упоминающих наличие оттенков значения в придаточных с *sofern*. Некоторые авторы указывают, что *sofern* наряду с основной функцией обозначения условия может придавать предложению оттенок предположения, гипотетичности (ZIFONUN & al. 1997: 2281; RICHTER 2021: 44; DEUTSCHES UNIVERSALWÖRTERBUCH 2007: 1555), а в некоторых случаях оттенок более жесткого условия совершения действия (BUSCHA 1989: 105; ENGEL 1996: 270; GRAMMATIK DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE 1998: 406). Однако перечисленные оттенки значения не конкретизированы и не соотнесены с обозначаемыми этим союзом денотативными ситуациями. Лишь в одном из обследованных нами словарей, а именно в немецко-русском словаре издательства «Langenscheidt», в значении союза *sofern* выявляется семантика ограничения, что проявляется в русском соответствии ‘если только’ (WALEWSKI & WEDEL 2000: 1022). Стремясь заполнить эту лакуну в лингвистическом знании, мы ставим целью статьи изучение семантики СПП с союзом *sofern* с последующим выявлением семантических оттенков, придаваемых этим союзом немецким СПП, что позволит показать варьирование СПП с этим союзом в различных типах дискурса.

2. Материал и методы исследования

Методом сплошной выборки составлен корпус условных придаточных предложений с союзом *sofern*, зарегистрированных

² <https://grammis.ids-mannheim.de/konnektoren/406997>.

в художественной, публицистической и научной литературе начала XXI в. в базах данных метакорпуса DWDS со свободным доступом. Статистикой охвачены 215 единиц анализа. Для сравнения был проанализирован составленный по той же методике корпус СПП с союзом *wenn* в количестве 200 единиц. Выявление оттенков смысла, присутствующих в СПП с союзом *sofern*, производилось в русле когнитивного подхода, аналогичного когнитивному подходу к метафоре Дж. Лакоффа и М. Джонсона в их работе *Метафоры, которыми мы живем* (ЛАКОФФ & ДЖОНСОН 2004). В качестве когнитивной метафоры рассматривался имплицитный перенос семантики удаленности, присутствующей с союзе *sofern*, из пространственной сферы в сферу отношений (ср.: [PAUL 1960]). На этой основе выявлялись оттенки значений категории возможности, характерной для СПП с придаточными условия и производилась субкатегоризация семантики возможности. Кроме того, использование максимального контекста, приводимого в корпусе DWDS, позволяло выявить ситуации, описываемые с помощью СПП с этим союзом.

Статистический анализ СПП с союзом *sofern* в сравнении с частотностью союза *wenn* в этом типе СПП использовался для определения центральных и периферийных сегментов функционально-семантического поля кондициональности. С помощью методов когнитивно-прагматического анализа выявлялись когнитивно-прагматические ситуации, определяемые как единицы речемыслительного процесса, в которых типизируются способы представления связей объектов внешнего мира с их языковым выражением (КОСТРОВА 1992: 103-104). Эти способы определяют выбор средств при построении высказываний, типичных для конкретного дискурса. В качестве дискурсивного типа рассматривались совокупности высказываний / фрагментов текста в рубриках «*Belletristik*», «*Zeitung*», «*Wissenschaft*» в базе данных DWDS.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Концептуальные различия СПП с союзами *wenn* и *sofern*

Сравнительно-сопоставительный анализ концептуальных различий между СПП с указанными союзами показывает, что эти различия имеют характер тенденций, не исключающих сходства. Выше представлены данные по частотности их упо-

ребления в корпусе DWDS. В дополнение к этим данным был конкретизирован параметр частотности, что позволило выявить концептуальные различия. Мы исходим из того, что прототипический союз *wenn* в своем основном значении вводит придаточные, иконически отражающие причинно-следственную связь (ср.: [КОТИН 2012]). Учитывая включенность этого союза в причинно-следственный комплекс, мы проанализировали частотность его употребления в сочетании с союзом причинной семантики *denn*. Оказалось, что сочетание *denn wenn* встретилось в корпусе, охватывающем период 2000—2010 гг., 113 раз, а в корпусе, включающем данные с 1897 по 2024 гг. — 14481 раз. В то же время сочетание *denn sofern* в первой указанной базе данных не присутствует, а во второй зафиксировано всего 35 раз. Разница в абсолютной частотности употребления в 425 раз свидетельствует, на наш взгляд, о том, что субъекты речи не склонны включать придаточные с союзом *sofern* в причинно-следственный комплекс.

Когнитивная интерпретация семантики союза *sofern* позволяет предположить следующее. Присутствие в союзе пространственной семантики, заключенной в компоненте *-fern*, претерпевает, согласно Паулю, метафорический перенос семы «удаленность» в сферу межличностных отношений. В терминах когнитивной лингвистики этот перенос можно описать так: языковые репрезентанты концепта ПРОСТРАНСТВО (антонимическая пара «удаленность» — «близость») метафорически структурируют концепт УСЛОВИЕ, подобно тому, как структура спора отражает структуру войны (ЛАКОФФ & ДЖОНСОН 2004: 26): удаленность / близость кого-либо от кого- или чего-либо воспринимается как условие (не)осуществления действия. Проиллюстрируем сказанное с помощью смысловой трансформации на придаточное предложение с прототипическим союзом *wenn*, допускающей включение в состав придаточного репрезентанта пространственной удаленности наречия *fern*:

- (a) *Sofern er nicht zu ihnen gehörte, war es gut* (DWDS) — Wenn er *fern* ihnen war, war es gut.
- (b) *Sofern Wähler beim Pop sind, zieht es Politiker zum Pop* (DWDS) — Wenn Wähler nicht *fern* dem Pop sind, zieht es Politiker zum Pop.

В примере (а) предикат придаточного предложения *gehörte* означает принадлежность человека, обозначаемого местоимением *er*, к определенной группе людей, а отрицание этой принадлежности частицей *nicht* становится условием положительной оценки в главном предложении. В примере (б) предикат существования в придаточном предложении связывается с принадлежностью избирателей к определенной группе *beim Pop*, что становится условием для ориентации политиков. И в том, и в другом случае условие имплицитно метафорическую пространственную семантику удаленности / близости в межличностных отношениях, которая определяет гипотетическую модальную связь со следствием, выраженным в главном предложении. На наш взгляд, это определяет концептуальную специфику СПП с союзом *sofern*. Выявленная семантика удаленности / близости может переноситься и на другие сферы, но она так или иначе присутствует, придавая условию ограничительный характер.

Рассмотрим далее, как может усиливаться семантика ограничения в СПП с союзом *sofern*.

3.2. Семантический оттенок «сомнение»

Одним из семантических оттенков категории гипотетичности является оттенок, отнесенный нами к субкатегории возможности, а именно сомнение в возможности осуществления действия, порождающее неуверенность в реализации действия в предложении, передаваемое с помощью модального глагола *sollen* в форме претеритального конъюнктива.

- (1) Sie beide aber geben auch kein schlechtes Bild, sofern sie den Kolleginnen einmal davon erzählen *sollte* (Belletristik).³
- (2) „Peter Rühmkorf“, von dem — sofern er *wirklich* noch nichts von ihm gelernt haben *sollte* — Kling lernen könnte, wie entspannt und ehrlich das heikle, zur Verstellung wie Täuschung verlockende Thema der Lehrer und Meister abgehandelt werden kann (Zeitung).
- (3) Vielmehr ist er eine potenzielle Präfiguration unserer Zukunft, sofern der demokratische Prozess in Mitgliedstaaten der Europäischen Union ein Hohn seiner selbst werden *sollte*... (Zeitung).

³ Здесь и далее маркеры семантических оттенков выделяются нами.

Условные предложения с *sollte* характерны в основном для разговорного немецкого языка, а в художественных прозаических текстах они присутствуют в речи персонажей (ГУЛЫГА & ШЕНДЕЛЬС 1969: 86). В примерах (1-3) посредством *sollte* выражается сомнение в выполнении условия в придаточном предложении. В первом примере — сомнение в необходимости рассказа коллегам, во втором — сомнение в том, что вообще возможно, чтобы Клинг действительно ничего не знал о Петере Рюмкорфе. Кроме того, во втором примере сомнение усиливается за счет модального слова *wirklich*, которое в словаре модальных слов Г. и А. Хельбиг (HELBIG G. & HELBIG A. 1990: 281) определяется как эпистемический индикатор уверенности говорящего в том, что высказывание репрезентирует определенный факт. В приведенном примере *wirklich* индуцирует уверенность говорящего в исключительности ситуации незнания. В сочетании с глаголом *sollen* в форме конъюнктива II создается оттенок сильного сомнения в возможности такой ситуации.

Сомнение также может выражаться другими индикаторами, придающими высказыванию модальный смысл, например, лексемой *denn* и наречием *je*. Грамматический статус лексемы *denn* по-разному определяется в словарях. В словаре (WAHRIG 1989: 387) *denn* рассматривается как союз и отмечается, что в этой функции лексема может иметь уступительное значение (*es sei denn, dass...*). В немецко-русском словаре (1964: 195) лексема определяется и как союз, и как частица; в онлайн-словаре (АВВУУ LINGVO x 5) выделяется адverbиальная функция лексемы, в которой она имеет значения '*überhaupt; eigentlich*'. На наш взгляд, адverbиальное значение *denn* реализуется в примере (4), в котором героиня при виде паутины думает, что весной пауки истощены, если они вообще пережили зиму.

(4) ...sie sieht das Spinnennetz an der Gardinenleiste, im Frühjahr sind die Spinnen nicht mehr fett, sind ausgelaugt, verkümmert, sofern sie *denn* den Winter überlebt haben und nicht tot, vertrocknet in den staubigen Netzen hängen (Belletristik).

Наречие *je* передает значение неопределенного времени: *jemals, irgendwann* (WAHRIG 1989: 709), что само по себе ставит под сомнение реальность всего высказывания или его части.

Так, в примере (5) автор сомневается, что у людей, о которых идет речь, вообще когда-либо был паспорт. Примечательно при этом, что придаточное с *sofern* здесь нельзя рассматривать как условие, следствием которого является содержание главного предложения; придаточное определяет здесь существительное *Pass*, выполняя фактически определительную функцию, что подтверждается возможной трансформацией.

- (5) Den Pass, sofern sie *je* einen hatten, haben sie weggeworfen, damit man sie nicht ausweisen kann (Zeitung). — (Den Pass, welchen sie vielleicht einmal hatten...).

Приименную функцию выполняет придаточное с *sofern* и в следующем примере (6), где оно, как и в (5), стоит сразу после определяемого имени перед финитным глаголом, занимая обособленную позицию, выделяемую с помощью тире. Условно-сомнительное значение придаточного в (6) релевантно только для существительного *Unschuld*. Сомнение касается индивидуальной невиновности людей, о которых идет речь.

- (6) Ihre individuelle Unschuld — sofern es sie *denn* gibt — macht ihre Opferung wertvoller als ihre Schuld (Zeitung).

Приименная функция придаточных с *sofern* может частично эксплицироваться наличием в составе придаточного местоимения *welch*, прямо соотносимого с определяемым существительным (7).

- (7) Die Männer, sofern es *welche* gibt, die ihr interessant erscheinen und umgekehrt, merken allzubald, dass diese Frau ein Geheimnis besitzt... (Belletristik)

В примере (8) придаточное с *sofern* содержит сочетание частиц *denn schon*, которое, по свидетельству М. Турмэр, маркирует риторический вопрос (цит. по: [АВЕРИНА 2019: 81]). В нашем примере *denn schon* выражает сомнение, близкое к риторичности.

- (8) Denn mit Schriftzügen wie „Spinat Mafia“ und „St. Pauli Queen“ kann man unter Gleichaltrigen Punkte sammeln, sofern sie *denn schon* lesen können (Zeitung).

Сомнение, неуверенность передаются также наречиями *überhaupt* ‘вообще’, *dennoch* ‘все же’; придаточные выполняют при этом либо определительную приименную функцию (9), (10), либо служат выражением сомнения в осуществлении действия главного предложения (11), (12).

- (9) Sein Lebenswerk wurde, sofern es nicht *überhaupt* in den Archiven verblieb, gewissermaßen entpersönlicht, objektiviert, in eine überindividuelle Firmengeschichte eingeschmolzen (Wissenschaft).
- (10) ...er kam mit dem Bier zurück und teilte der Frau mit, es tue ihm leid, auf Kaffee, sofern sie *dennoch* einen wolle, müsse sie noch warten (Belletristik).

Предложения типа (9), (10) ставят под сомнение их принадлежность к условным периодам, предполагающим взаимную зависимость главного и придаточного предложений, поскольку придаточные выполняют в них приименную функцию; скорее это СПП с условно-определятельными придаточными.

- (11) So wird es wohl kommen, sofern sich Roland Koch *überhaupt* noch so lange auf dem hessischen Skandalkarussell halten kann (Zeitung).
- (12) Lenin geht in der Zeit der Revolution mit dem Strom, er lässt sich von ihm tragen, er treibt ihn an — sofern das *überhaupt* möglich ist... (Wissenschaft).

В примерах (11-12) выделенные слова являются маркерами, указывающими на крайнюю степень сомнения или неуверенности.

Субкатегория сомнения также может передаваться повторами ключевого слова ситуации.

- (13) Sie hätte nach dem Liegeplatz gesucht und überprüft, welcher Name *auf dem Kreuz* steht, sofern *ein Kreuz* da war, später ein Stein (Belletristik).

В примере (13) оттенок сомнения помогает передать чередование артикля: сначала *Kreuz* с определенным артиклем выражает нечто известное, а в придаточном то же существительное с неопределенным артиклем, подвергает сомнению наличие креста.

Иногда субкатегория сомнения выражается целыми фразами, подчеркивающими неуверенность. При этом сомнение может относиться как к следствию, так и к условию.

- (14) Dies bedeutet zunächst, dass die Exklusivität des Studiums, wie sie für das 19. Jahrhundert charakteristisch war, verlorenging – sofern *man das in einem Land sagen kann, in dem 1914/15 nur der fünfte Teil der schulpflichtigen Kinder (rund sieben Millionen) von der Grundschule erfasst wurde und wo rund 800000 Kinder an weiterführende Schulen gingen* (Wissenschaft).
- (15) *Mutter* ist völlig normal, sofern *man das von der eigenen Mutter behaupten kann* (Belletristik).

В примерах (14) и (15) оттенок сомнения передается через противопоставление общего, выражаемого существительным с неопределенным артиклем (*in einem Land*) или без артикля (*Mutter*), и частного, выражаемого существительным с определенным артиклем и атрибутивным прилагательным (*der eigenen Mutter*) или определительным придаточным предложением, вводимым относительным местоимением с предлогом (*in dem...*).

Таким образом, оттенок сомнения может передаваться с помощью модального глагола *sollen* в форме претеритального конъюнктива, частиц, наречий, местоимений, придающих высказываниям модальный смысл, повторами ключевых слов ситуации, противопоставлением частного норме. Этот оттенок может заключаться в придаточном, выполняющем приименную функцию.

3.3. Усиление семантического оттенка «ограничение»

Анализ семантического наполнения текста СПП с союзом *sofern* позволяет выявить усиление смысла ограничения. Маркеры ограничения указывают на уточнение условия либо просто передают семантику ограничения в главном или придаточном предложении.

Сначала отметим индикаторы, передающие уточнение условия. Передаваться такие оттенки могут с помощью наречий и частиц с семантикой ограничения (например, *richtig*, *bloß*, *nur*, *halbwegs*, *mindestens*).

- (16) Ein unangenehmer Mensch, der bald nach Kriegsende auf den anderen Hügel gezogen ist, sofern er sich *richtig* erinnert (Belletristik).
- (17) Um weiterzusprechen, muss er gar nichts sagen, es genügt, wenn er stumme Zeichen setzt, und um sie kommt er nicht herum, sofern er *bloß* da ist (Belletristik).
- (18) Sprache, hat ein Gelehrter definiert, „dient der sozialen Kommunikation und *nur*, sofern sie dies leistet, der Strukturierung von Bewusstseinsvorgängen“ (Belletristik).
- (19) Adenauer ist ein Aufsteiger, der sich beim Establishment seiner Vaterstadt Respekt verschafft hat und der sich mit diesem identifiziert, sofern es ihn nur *halbwegs* ungebremst schalten und walten lässt (Belletristik).
- (20) Kursgewinne sind steuerfrei, sofern die jeweiligen Aktien oder der Aktienfonds *mindestens* ein Jahr lang gehalten werden (Zeitung).

В примере (16) важно, что человек хорошо помнит о ранее сказанном факте, если нет, то главное предложение теряет

смысл. В примерах (17-20) также указывается на определенное ограничение действия или события.

Уточнение условия нередко репрезентируется за счет противопоставления понятий, передаваемых антонимичными существительными или за счет фокусирования на определенном объекте (прием, характерный для публицистики).

- (21) Philosophen, sofern sie *Aufklärer* waren, waren zu ihrer Zeit stets Dissidenten (Zeitung).
- (22) „Kinderbetreuungsschecks“ für Mütter, sofern sie aus dem *Inlande* stammen und nicht aus dem *Auslande* (Belletristik).
- (23) ...wer Wert legt auf kulinarische Vielfalt, hat, sofern er in einer *Großstadt* wohnt, heute keinen Grund mehr, schluchzend zum Psychiater zu rennen (Zeitung).
- (24) Die CDU hätte recht, sofern es im *Gesetz* hieße: „...wenn sie nicht Betroffene oder Dritte sind“ (Zeitung).

В примере (21) близость философов к просветительству служит основанием для их определения как инакомыслящих. В примерах (22) и (23) уточняется место: родная страна, а не иностранное государство (противопоставление), большой город (имплицитное противопоставление с маленькими населенными пунктами). В примере (24) происходит фокусирование на понятии *закон*, что позволяет уточнить условия правоты партии.

Имена прилагательные в функции определения в тексте придаточного с *sofern* могут имплицировать оценку:

- (25) Sofern die nachstehend aufgeführten Maßnahmen in einem *gesunden* makroökonomischen Kontext durchgeführt werden, dürfte eine durchschnittliche wirtschaftliche Wachstumsrate von etwa 3 Prozent eine realistische Aussicht für die kommenden Jahre darstellen (Zeitung).
- (26) Anschließend könnten wir auf das Thema Industriespionage zu sprechen kommen, und unsere Gäste könnten erklären — sofern ihnen das gelingt, *ohne rot zu werden* —, dass sie keine betreiben (Zeitung).
- (27) Und gegen deren Einsatz, sofern er missbräuchlich oder mit *falschen* Mitteln oder auch nur unverhältnismäßig erfolgt, stehen Rechtsmittel offen (Zeitung).
- (28) Das Fernsehen, sofern es sich in *fester* Hand befindet und nicht durch einen Umsturz ungeahnte Kräfte entwickelt, prägt mit Vorliebe Bilder... (Belletristik).
- (29) Ein solcher Mann müsste auch Wissenschaftler sein, sofern er *rücksichtsloser* Analytiker ist (Wissenschaft).

В примере (25) *gesund* предполагает положительную оценку в смысле отсутствия рисков; в (28) позитивная оценка телевидения ограничивается его управлением крепкой рукой (*sich in fester Hand befindet*). В примере (27) прилагательное *falsch* обозначает отрицательную оценку. В примере (29) более широкий контекст показывает, что речь идет о человеке, который производит анализ, исходя из своих убеждений, вступающих в конфронтацию с властью.

В примере (26) используется инфинитивная группа с отрицательным значением, уточняющая условие совершения действия в придаточном. Частица *nicht* в функции частного отрицания может способствовать выражению противопоставления. В примере (30) ограничение создается противопоставлением двух элементов, один из которых отрицается.

(30) Diese Strategie wird mit dem Schlagwort „Opportunismus“ nur unzureichend beschrieben, sofern dieses Schlagwort eine Gesinnung bezeichnet und *nicht* spezifische Techniken (Zeitung).

Оттенки ограничения в придаточных предложениях могут передаваться как существительными, так и глаголами, которые в той или иной степени имплицитно соответствуют семантике.

(31) Zumindest aber ist es ihm gelungen, die Reste der umfangreichen Sammlung, sofern er sie dem *Zugriff* der Alten entziehen konnte, rechtzeitig aus dem Haus zu schmuggeln (Belletristik).

(32) Das muss nicht zwangsläufig schlecht sein, sofern diese staatliche Kontrolle von Ressourcen einer demokratischen *Kontrolle* durch die Bürger unterliegt (Zeitung).

(33) Im gegenwärtigen Stadium sei die gute Arbeit der Institutionen nicht berührt, die Kommission als Hüterin der Verträge handele, sofern sie das für nötig *erachte*, erklärte der Italiener dünnlippig (Zeitung).

(34) — „Ak'e: — Aufklärungslokale waren, z. Zt. der Handlung, gewisse Örtter, meist stillgelegte Tabak- oder Kolonialwarenläden, wohin die Bevölkerung, sofern sie *Unklarheiten* über die Politik der Regierung *gehegt* hätte... (Zeitung).

В примере (31) исключение вмешательства расценивается говорящим как способ достижения цели, в (32) таким способом является ограничение через контроль. В (33) и (34) можно отметить использование глагольных маркеров высокого стиля (*erachten* и *hegen*), что само по себе создает оттенок ограничения. В примере

(34) есть ограничение в ясности, понятности (“Unklarheiten”).

Кроме того, ограничение, выраженное в придаточном, создает ограничение и в главном предложении.

(35) Bis es so weit ist, könnte die FDP in Hessen längst wieder *ohne Macht* sein — sofern sich Gerhardt *mit seinem Anti-Koch-Kurs* durchsetzt (Zeitung).

В примере (35) показана взаимосвязь между возможным лишением власти свободных демократов в случае действий Герхарда; т. е. власть свободных демократов в Гессене лимитирована ограниченными действиями Герхарда в некотором (ограниченном) направлении.

(36) Denn der sozialdemokratische Organisationschef hat zwar einerseits — wie längst nicht alle Parteileute — verstanden, dass *die Tage* der traditionellen Mitgliederparteien *gezählt sind*, sofern sich an ihren hermetischen Bräuchen *nicht bald* etwas ändert (Zeitung).

В примере (36) в предложении, от которого зависит придаточное с союзом *sofern*, говорится о том, что дни пребывания у власти членов социал-демократической партии сочтены (ограничены). В придаточном выражается ограничение, касающееся скорости изменения закоснелых обычаев социал-демократов, которые могут ограничить их пребывание у власти.

(37) 72 Prozent aller Durstlöscher sollen nach dem Paragrafenwerk in Mehrwegflaschen abgefüllt sein; wird der Wert unterschritten, muss nach geltender Rechtslage das *Zwangspfand* eingetrieben werden — sofern auch eine akribische *Nachprüfung* den vermeintlichen Ökofrevel bestätigt (Zeitung).

В примере (37) в главном предложении условного придаточного в качестве ограничения деятельности указывается на принудительный залог, который, в свою очередь, может быть взыскан только в случае тщательной проверки.

(38) Adenauer war damals der festen Auffassung, seine gesamte Außenpolitik würde *in Scherben fallen*, sofern ein derartiger Verhandlungsprozeß *vor Inkrafttreten der Westverträge* in Gang käme (Belletristik).

В примере (38) наблюдается возможное ограничение по срокам переговорного процесса, а именно нежелательность его начала до вступления в силу западных договоров, что могло бы негативно сказаться на внешней политике.

(39) Die Gestalt des Feindes hatte sich geändert, und *sofern* das *nicht zur Kenntnis genommen* wurde, mußte die kritische Intelligenz in einen Taumel von *Zerfahrenheit und Orientierungslosigkeit* verfallen... (Wissenschaft).

В примере (39) выражается опасение, что если что-то не было принято во внимание, то критично настроенная интеллигенция потеряла бы всякие ориентиры.

Как показывает анализ, к маркерам, указывающим на уточнение условия либо усиливающим семантику ограничения, относятся наречия и частицы с данной семантикой, антонимичные существительные, фокусирование на определенном объекте, оценочные прилагательные в функции определения, отрицательная семантика инфинитивной группы с *ohne*, а также стилистическая маркированность. Дополнительное маркирование семантики сомнения или ограничения выявлено в 61% рассмотренных предложений, из которых 72,5% приходятся на СПП с *sofern* с оттенками ограничения, уточнения условия и 27,5% — на условные предложения с оттенками сомнения, неуверенности, предположения.

3.4. Союз *sofern* в разных типах дискурса

Что касается частотности употребления союза *sofern* в немецких придаточных предложениях в зависимости от типа дискурса, отметим, что 42% проанализированных предложений относились к художественной литературе, 37,5% — к публицистической, 20,5% — к научной. Стилеобразующий фактор научного дискурса предполагает минимум эмоциональности, видимо, поэтому вместо СПП с союзом *sofern* в научном стиле для передачи кондициональности чаще используется прототипический союз *wenn* как более нейтральное средство выражения условия. Ограниченное какими-л. факторами условие нередко создает аксиогенную ситуацию (имплицитно оценивает). При этом на материале СПП с союзом *wenn* показано, что для беллетристики характерны ситуации межличностных отношений и ментального объединения референтов, для научного дискурса востребованы ситуации аргументирования и экзemplификации, для газетного стиля — фокусирующие и оценивающие ситуации (КОСТРОВА 2022: 21-22). Для СПП с союзом *sofern* это справед-

ливо для беллетристики и публицистики, в научном стиле ситуации аргументирования в нашем материале не представлены.

4. Выводы

Проведенный анализ СПП с союзом *sofern* в сопоставлении с СПП с союзом *wenn* позволил сделать следующие выводы.

Низкая частотность и концептуальное своеобразие СПП с союзом *sofern* в сравнении с СПП с союзом *wenn* служит основанием для позиционирования первого в периферийном сегменте функционально-семантического поля кондициональности. Относительно концептуального своеобразия СПП с союзом *sofern* сформулировано предположение о том, что семантика удаленности, заложенная в компоненте *-fern*, метафорически чаще всего переносится из пространственной сферы в сферу межличностных отношений, обозначая зависимость содержания главного предложения от условия, ограниченного имплицитной удаленностью или близостью кого-либо от кого-л. или чего-л. Это создает концептуальное отличие придаточных с союзом *sofern* от аналогичных придаточных с союзом *wenn*. Особенность функционирования СПП с союзом *sofern* в интерпозиции состоит в возможности ограничивать условием не действие главного предложения, а существование референта, обозначаемого определяемым именем существительным.

Анализ лексического наполнения СПП с союзом *sofern* позволил выявить субкатегории возможности, передающие семантику сомнения и эмоционально окрашенного ограничения (61% рассмотренных предложений). Ограниченное какими-то факторами условие нередко создает аксиогенную ситуацию (имплицитно оценивает), чаще отрицательную, но, если условие воспринимается как способ осуществления действия, то положительную.

Маркеры, указывающие на семантику сомнения, ограничения или уточнения условия действия, разнообразны. Это частицы, наречия, местоимения, повторы ключевых слов, антонимичные существительные, прилагательные в функции определения, фокусирование на определенном объекте, отрицательная семантика, стилистическая маркированность.

В различных типах дискурса, представленного в DWDS, варьируют частотность и аксиогенная модальность исследуемых

СПП. Однако специфика их дискурсивного функционирования требует дальнейшего изучения.

Список литературы / Quellenverzeichnis / References

- Аверина А. В.* Модальный синтаксис немецкого языка. М.: Московский гос. областной ун-т, 2019. [Averina, Anna V. (2019) *Modalnyy sintaksis nemetskogo yazyka* (German Modal Syntax). Moscow: Moscow State Regional University. (In Russian)].
- Бурдаева Т. В.* Синтаксический концепт «кондициональность» в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с условными придаточными) // Самарский научный вестник. 2014. № 1 (6). С. 33—36. [Burdaeva, Tatyana V. (2014) *Sintaksicheskiy kontsept "kondizionalnost"* v nemetskom yazyke (na materiale slozhnopodchinennykh predlozheniy s uslovnymi pridatochnymi (A Syntactic Concept of "Conditionality" in the German Language (Based on the Material of Complex Sentences with Conditional Clauses)). *Samara Journal of Science*, 1 (6), 33—36. (In Russian)].
- Бурдаева Т. В.* Сложноподчиненное предложение как знаково-коммуникативная единица: концептуальный подход (на материале научно-технических текстов немецкого языка). М.: РУСАЙНС, 2020. [Burdaeva, Tatyana V. (2020) *Slozhnopodchinennoye predlozheniye kak znakovo-kommunikativnaya yedinititsa: kontseptualnyy podkhod* (na materiale nauchno-technicheskikh tekstov nemetskogo yazyka) (Complex Sentence as a Sign-communicative Unit: Conceptual Approach (Based on the Material of German Scientific and Technical Texts)). Moscow: RUSCIENCE. (In Russian)].
- Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1971. [Gulyga, Yelena V. (1971) *Teoriya slozhnopodchinennogo predlozheniya v sovremennom nemetskom yazyke* (Theory of Complex Sentence in Modern German). Moscow: High School. (In Russian)].
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. [Gulyga, Yelena V., Schendels, Yevgeniya I. (1969) *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemetskom yazyke* (Grammatical and Lexical Fields in Modern German). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Кибардина С. М.* Условные конструкции в немецком языке // Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 297—305. [Kibardina, Svetlana M. (1998) *Uslovnnyye*

- konstruktsii v nemetskom yazyke (Conditional Constructions in German). In: Khrakovskiy, Viktor S. (ed.) *Tipologiya usloynykh konstruktsiy* (Typology of Conditional Constructions). Saint Petersburg: Nauka, 297—305. (In Russian)].
- Кострова О. А., Захаров В. С. Подходы к изучению сложноподчиненных предложений в современной германистике // Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи: материалы V всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т. С. 60—67. [Kostrova, Olga A., Zakharov, Vyacheslav S. (2023) Podkhody k izucheniyu slozhnopodchinennykh predlozheniy v sovremennoy germanistike (Approaches to Studying Complex Sentences in Modern Germanic Studies). In: *Metodologicheskiye i lingvodidakticheskiye aspekty izucheniya yazyka i rechi* (Methodological and Linguodidactic Aspects of Studying Language and Speech). Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 60—67. (In Russian)].
- Кострова О. А. Кондициональность в языковой картине мира // Универсальное и национальное в языковой картине мира / отв. ред. Л. Н. Неборская. Минск: Минский гос. лингвистический ун-т, 2022. С. 20—23. [Kostrova, Olga A. (2022) Konditsionalnost' v yazykovoy kartine mira (Conditionality in Language World Picture). In: Neborskaya, Larisa N. (ed.) *Universal'noye i natsional'noye v yazykovoy kartine mira* (Universal and National in Language World Picture). Minsk: Minsk State Linguistic University, 20—23. (In Russian)].
- Кострова О. А. Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации (на материале современного немецкого языка). Самара: Саратовский гос. ун-т; Самарский филиал, 1992. [Kostrova, Olga A. (1992) *Prodolzhennaya sintaksicheskaya forma v kontaktnoy kommunikatsii* (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) (Extended Syntactic Form in Contact Communication (Based on Modern German)). Samara: Saratov State University; Samara branch. (In Russian)].
- Кострова О. А. Средства выражения условных отношений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.663. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ин-т, 1971. [Kostrova, Olga A. (1971) *Sredstva vyrazheniya usloynykh otnosheniy v sovremennom nemetskom yazyke* (Means of Conditional Relations Expression in Modern German). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University. (In Russian)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. [Lakoff, George & Johnson, Mark. (2004) *Metafora, kotorymi my*

- zhivem* (Metaphors We Live By). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Орлова А. А. Рассмотрение придаточных предложений с условным значением в современном немецком языке в историческом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). С. 134—137. [Orlova, Anastasiya A. (2013) *Rassmotreniye pridatochnykh predlozheniy s uslovnym znacheniyem v sovremennom nemetskom yazyke v istoricheskom aspekte* (Analysis of Subordinate Clauses with Conditional Meaning in the Modern German Language from historical Viewpoint). *Philology. Theory & Practice*, 8 (26), 134—137. (In Russian)].
- Храковский В. С. Предисловие // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 3—96. [Khrakovskiy, Viktor S. (1998) *Predisloviye*. In: Khrakovskiy, Viktor S. (ed.) *Tipologiya uslovnnykh konstruktсий* (Conditional Constructions Typology). Saint Petersburg: Nauka, 34—96. (In Russian)].
- Храковский В. С. Анкета для описания условных конструкций // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 97—128. [Khrakovskiy, Viktor S. (1998) *Anketa dlya opisaniya uslovnnykh konstruktсий* (Questionnaire for Describing Conditional Structures). In: Khrakovskiy, Viktor S. (ed.) *Tipologiya uslovnnykh konstruktсий* (Conditional Constructions Typology). Saint Petersburg: Nauka, 97—128. (In Russian)].
- Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. (1998). Mannheim: Dudenverlag.
- Engel, Ulrich. (1996) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos Verlag.
- Jung, Walter. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig.
- Kotin, Michail L. (2013) Die *wenn-dann*-Hypotaxe aus synchroner, diachroner und typologischer Sicht. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, vol. 41, issue 3, 413—442.
- Paul, Hermann. (1920) *Deutsche Grammatik*. Bd IV. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer.
- Rensch, Tara Leonie Fee. (2018) *The German Discourse Marker *na* and its Collocations*. PhD thesis in Germanic Languages. Los Angeles: University of California.
- Richter, Jan. (2021) *Deutsche Grammatik: Konnektoren. Level A1-C2*. Oakland: EasyDeutsch LLC.
- Zifonun, Gisela; Hoffmann, Ludger & Strecker, Bruno. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Словари / Dictionaries / Wörterbücher

- Walewski, Stanislav & Wedel, Erwin. (2000) *Russian Pocket Dictionary*. Berlin: Langenscheidt.
- Лепинг А. А., Страхова Н. П. *Немецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1964. [Leping, Aleksandr A. & Strakhova, Natalya P. (1964) *Nemetszko-russkiy slovar'* (Dictionary German — Russian). Moscow: Sovetskaya entsklopediya. (In German and Russian)].
- Buscha, Joachim. (1989) *Lexikon deutscher Konjunktionen*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Deutsches Universalwörterbuch. (2007). Mannheim: Dudenverlag.
- Helbig, Gerhard & Helbig, Agnes. (1990) *Lexikon deutscher Modalwörter*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
- Paul, Hermann. (1960) *Deutsches Wörterbuch*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
- Wahrig, Gerhard. (1989) *Deutsches Wörterbuch*. München: Mosaik Verlag.

Olga A. Kostrova, Vyacheslav S. Zakharov
Samara State University of Social Sciences and Education

**Conditional Subordinate Clauses with the Conjunction *sofern*
in Different Types of Discourse**

The article analyzes the semantics of the non-prototypical conjunction *sofern* as part of complex sentences with conditional subordinate clauses in the German language. In German dictionaries and grammars, this conjunction is considered as a synonym for the conjunctions *wenn*, *in Fall*, *dass...*, *vorausgesetzt*, *dass...* in the functional-semantic field of conditionality. However, analysis of this functional-semantic field shows that the listed conjunctions occupy positions of different importance in it. The conjunction *wenn* forms the center of the field, while other low-frequency conjunctions move to the periphery. The question arises whether their peripheral position is explained only by their low frequency. The purpose of the article is to analyze the semantics of subordinate clauses with *sofern*, which conceptually distinguishes them from similar sentences with *wenn* and determines their place in the peripheral segment of the functional-semantic field of conditionality. It is suggested that the semantics of remoteness inherent in the *-fern* component is metaphorically transferred from the spatial sphere mostly to the sphere of interpersonal relationships, denoting the dependence of the content of the main sentence on the condition limited by the implicit distance or proximity of someone from someone or something. This creates a conceptual difference between clauses with the conjunction *sofern* and similar clauses with the

conjunction *wenn* and explains, along with the low frequency, their positioning in the peripheral segment of the functional-semantic field of conditionality. The research material is taken from the DWDS corpus. To prove the stated assumption, methods of statistical, conceptual and transformational analysis are used. Analysis of the lexical content of the texts of subordinate clauses with the conjunction *sofern* shows that the modality of hypotheticality, characteristic of complex sentences with conditional subordinate clauses, is filled due to the conjunction with additional semantic shades, allowing for subcategorization of the semantics of possibility. In the process of research, two main semantic shades are revealed: a shade of doubt about the possibility of carrying out an action, which generates uncertainty in the implementation of the action in a sentence, and a shade of strengthening the limitation, due to emotional and evaluative markers. The markers indicating the presence of these shades in the DWDS corpus in fiction, scientific and newspaper discourses of Modern German at the beginning of the 21st century are systematized. The markers include emotional-evaluative particles and adverbs, as well as some special means.

Keywords: hypotaxis; conditionality; modality; hypotheticality; axiogenic situation; semantic shade; German language

Для цитирования:

Кострова О. А., Захаров В. С. Условные придаточные предложения с союзом *sofern* в различных типах дискурса // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 226—248.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-226-248.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. & Zakharov, Vyacheslav S. (2024) Uslovnyye pridatochnyye predlozheniya s soyuzom *sofern* v razlichnykh tipakh diskursa (Conditional Subordinate Clauses with the Conjunction *sofern* in Different Types of Discourse). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 226—248. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-226-248.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; принята к публикации 14.05.2024
The article was submitted 01.03.2024; accepted for publication 14.05.2024

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический
университет

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАССИВИЗАЦИЯ СИТУАЦИЙ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

С позиций грамматики залог рассматривается как феномен, устанавливающий соответствие между единицами синтаксического и семантического уровней. Возможность языкового представления одной и той же ситуации в форме активного и пассивного залога определяется как языковая ментальность, имеющая универсальный характер. Однако выбор той или иной формы концептуализации ситуации характеризует речевую ментальность. Известно, что пассив употребляется в немецком языке чаще, чем в русском. Лингвисты видят причину этого в лексико-грамматических факторах, отличающих строй немецкого языка: наличие большего количества переходных глаголов, возможность образования безличного пассива и др. В настоящей статье выбор пассива для обозначения ситуации связывается с речевой ментальностью, имеющей характерные особенности в немецкой культуре, которая характеризуется как низкоконтекстная, индивидуалистская, рациональная и моноактивная. Ключевым этноспецифическим концептом этой культуры является *ORDNUNG* 'порядок', предполагающий соблюдение правил. Доминирующим культурным стандартом является ориентация на дело. Способ мышления личности в такой культуре формируется как рефлексивный, направленный на себя. Рационализм личности настраивает ее на соблюдение порядка и норм общественной жизни. Связь выбора пассива с немецкой культурой устанавливается методом когнитивного анализа ситуаций, описанных в романах современных немецких авторов Патрика Зюскинда, Уве Тимма и Бернхарда Шлинка. Форма представления ситуаций, а именно, выбор для ее репрезентации пассивного залога, анализируется с позиции немецкой языковой личности, представленной самим автором и его персонажами. Рационально оценивая ситуацию, немецкая языковая личность выбирает страдательный залог, если не видит себя ее активным участником, поскольку осуществление ситуации регулируется правовыми или иными нормами. Страдательный залог выбирается при рациональном осмыслении нелицеприятных для языковой личности ситуаций. Языковая личность рефлексивно оценивает ситуации, обозначающие некоторый факт в прошлом, на

который она не может повлиять, и выбирает для их репрезентации пассивный залог в форме плюсквамперфекта. С помощью трехчленного пассива представляются ситуации, в которых называется реальный агент, не связанный с говорящим лицом. Специфической пассивной формой, отсутствующей в русском языке, является инфинитив пассива. С помощью этой формы обозначаются ситуации, осуществление которых является целью говорящего, но не зависит от него.

Ключевые слова: рефлексивное мышление; реакция на среду; концептуализация ситуации; концепт ПОРЯДОК; выбор пассивного залога

1. К постановке проблемы

Интерес исследователей к проблеме залоговости, несмотря на значительное количество посвященных ей работ, не угасает. В отечественной лингвистике приоритетное направление в изучении категории залога определили ученые-русисты ленинградской школы. Вслед за А. А. Холодовичем во многих работах отечественных авторов залог рассматривается как «схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» (ХОЛОДОВИЧ 1970: 13), как грамматически маркированная в глаголе диатеза (MOSKALSKAJA 1983: 126-128; АДМОНИ 1986: 181; ХРАКОВСКИЙ 1991: 143; БОНДАРКО 1991: 127). Тем самым акцент изучения охватывает сферы морфологии, семантики и синтаксиса глагольного предложения. Грамматическая маркированность залога делает его в отличие от диатезы неуниверсальным понятием, форма выражения и сфера функционирования которого различаются от языка к языку (ХРАКОВСКИЙ 1991: 143). Однако саму возможность языкового представления определенного участка мира в той или иной залоговой форме можно, вслед за О. Г. Почепцовым, определить как *языковую ментальность* (ПОЧЕПЦОВ 1990: 111), имеющую, вероятно, универсальный характер, по крайней мере для индоевропейских языков. Реализация этой грамматически определяемой возможности происходит в речи за счет *речевой ментальности*, отражающей специфику выбора участков мира (*ibid.*), охватываемых в данном случае страдательным залогом. В связи с этим до сих пор не утратил актуальности вопрос, сформулированный Элизабет Лайсс: *почему, а точнее, с какой целью мы употребляем пассив*

(LEISS 1992: 72). Предлагаемые в разных работах ответы на этот вопрос носят, согласно Лайсс, описательный, а не объяснительный характер (ibid.). Описания даются, исходя из анализа соответствующего языкового строя.

На материале русского языка большое внимание уделяется сопряженности страдательного залога с другими категориями, такими как персональность, аспектуальность, темпоральность, модальность, отрицание, субъектность, объектность (ПУШЫНИН 1991: 211-239). Отечественные германисты, останавливаясь на характеристике субъектно-объектных отношений, лежащих в основе противопоставления актива и пассива, подчеркивают, с одной стороны, *деятельностный характер* переходных глаголов, способных к пассивизации, а с другой — *функцию агенса*, исходящую от субъекта активного предложения (ШУБИК 1989: 8-13). В пассивном предложении, напротив, на первый план — в позицию подлежащего — выдвигается *роль объекта*, имплицитная процесс: описывается то, что происходит с объектом (ibid.: 25, 31). Уточняя грамматическую характеристику объекта в процессе пассивизации средствами немецкого языка, Лайсс приходит к выводу, что для понимания сущности пассива необходимо привлечение понятия *определенности* (Definitheit), соотносимого с семантическим объектом — пациенсом, который выдвигается в синтаксически приоритетную позицию подлежащего (LEISS 1992: 81-84). Перераспределение семантических акцентов осуществляется за счет *изменения семантики залоговых форм глагола-сказуемого* (ШУБИК 1989: 31). Изменение семантики реализуется в процессе, который Лайсс называет *интранзитивацией* (LEISS 1992: 87). Пассивное предложение интранзитивно, поскольку в нем исключается использование прямого объекта. Его основное преимущество исследователи видят в том, что субъектность не связывается с признаком агентивности (ШУБИК 1989: 31; LEISS 1992: 88). Мы вернемся к этому свойству пассива ниже.

В более новых работах при исследовании пассива эксплицируется роль прагматики; залог рассматривается как «тонкое взаимодействие морфологии, синтаксиса и прагматики с участием, как правило, всех трех компонентов» (ПЛУНГЯН 2011: 256). Прагматический компонент позволяет понять суть залоговых

механизмов: залог нужен для того, чтобы показать, «как говорящий *хочет представить* (курсив наш — О. К.) соответствующую ситуацию и ее участников» (ibid.: 255). В нашем понимании это означает: как он реализует свою речевую ментальность. Сама ситуация остается прежней, залог указывает на изменение коммуникативного ранга ее участников (ibid.: 257). При этом изменяется семантика тема-рематического отношения: на месте тематического агенса в центральной грамматической позиции появляется тематически маркированный определенным артиклем пациенс. Однако, как отмечается исследователями, это не соответствует действительному употреблению. Так, С. А. Шубик (1989: 33) считает, что в двучленных пассивных конструкциях реализуется *функция выделения объекта*, иллюстрируя это многочисленными примерами; на материале английского языка это подтверждается в (КЛЮШИНА 2011). Наш материал тоже свидетельствует об этом: пациенс может быть определенным, но выступать в качестве ремы (1) или даже, представляя новое в высказывании, выступать с неопределенным артиклем (2).

- (1) ...den Geschwistern Herbert und Viktoria wurde *jeder Wunsch* erfüllt (SCHLINK 2019:18).
- (2) Im Jahr 1989 zogen beide zusammen, *ein gemeinsamer Sohn* wurde geboren (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang).¹

Чтобы понять стратегию автора, выбирающего пассив, требуется обращение к более широкому гиперсинтаксическому контексту (ИШМУХАМЕТОВА 2010: 170). Здесь фактически речь идет о *перспективе говорящего*, выбирающего тот или иной способ концептуализации ситуации, что определяется как языковой, так и речевой ментальностью.

Понятие перспективы, используемое в теории диатезы и при интерпретации тема-рематического членения, является центральным в трактовке пассива немецкими германистами. В их трудах перспектива связывается с изменением семантики глагольного предиката. Выбирая страдательный залог, автор может изменить акциональную перспективу на событийную. К. Вельке иллюстрирует это таким примером: «Egon beleidigt Emil. Emil wird

¹ <https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl>.

von Egon beleidigt» (WELKE 2002: 273), объясняя его так: Эгон делает то, что происходит с Эмилем, т. е. заменяет описание *действия* Эгона на представление *события*, происходящего с Эмилем.

Далее Вельке, замечает, что такая замена релевантна только для архетипического личного пассива, она не объясняет наличие безличного пассива (ibid.: 274). И. И. Ревзин объясняет значение событийности, как и Лайсс, через понятие интранзитивации, которой подвергаются транзитивные глаголы, принимая модифицированную пассивную форму. Признак интранзитивации определяет необязательность объекта (РЕВЗИН 2009: 233), что подтверждается доминантным употреблением двучленного пассива. В пассивной конструкции число мест при глаголе редуцируется за счет винительного падежа (ibid.: 235).

В сравнении с русским в немецком языке пассив употребляется гораздо чаще. Принимая во внимание, что оба языка относятся к языкам номинативного типа, зададимся вопросом, чем обусловлена разница в частотности. К. Г. Крушельницкая называет некоторые системно-языковые и стилистические причины этому факту. К системно-языковым причинам исследователь относит наличие в немецком языке большего количества переходных глаголов, чем в русском; так глагол *stören* в немецком языке требует прямого дополнения, а в русском его эквивалент 'мешать кому-л.' — косвенного; соответственно, немецкий глагол возможен в пассивном залоге, а его русский эквивалент — нет (КРУШЕЛЬНИЦКАЯ 1961: 169). С другой стороны, потенциальная многозначность русских глагольных форм на -ся делает невозможным образование страдательного залога от некоторых переходных глаголов, поскольку эта частица придает им возвратное (хвалиться) или взаимное (целоваться) значение (ibid.: 170). Крушельницкая замечает также, что в немецком языке «больше выражена тенденция к «подлежащему» оформлению предложения», что является причиной «употребления страдательного залога при отсутствии указания на деятеля». Употребление в таких случаях действительного залога с подлежащим *man* «не соответствует стилистической норме деловой речи» (ibid.: 171). Замеченная Крушельницкой норма соблюдается не только в деловой речи; в художественном тексте тоже нередки подобные случаи, ко-

торым в русском языке соответствуют функциональные синонимы пассива — неопределенно-личные предложения.

- (3) Wenn mir ungefragt Bücher *zugeschickt werden*, trage ich sie <...> nicht zur Mülltonne, sondern hierher (ТИММ 2013: 139). — Если *мне присылают* книги, не спрашивая меня...

К системно-языковым факторам, способствующим большей употребительности пассива в немецком языке, относится также возможность образования безличной формы от непереходных глаголов, описывающих деятельность человека, которые в перфекте спрягаются с глаголом *haben*: «Ihnen wurde geholfen. Auf den Straßen wurde gespielt und getanzt» (JUNG 1997: 234-235).

Приведенный обзор показывает, что при изучении пассива учитывается как взаимодействие внутриязыковых категорий, так и межъязыковое сопоставление. Тем не менее проблема этим не исчерпывается. Открытым остается вопрос о влиянии *внутренних поведенческих факторов*, создающих предпочтительный выбор пассивных, а не активных конструкций в рамках реализации *речевой ментальности* и определяющих тем самым частотность употребления пассива. Выявление комплекса таких факторов и попытка дать им объяснение составляет *цель* настоящей статьи. Реализация цели показывается на материале концептуализации ситуаций, типичных для немецкой лингвокультуры.

2. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили около 200 ситуаций, репрезентированных в пассивной форме. Ситуации извлечены из романов современных немецких авторов П. Зюскинда, У. Гимма и Б. Шлинка. Эпизодически привлекались данные из открытых немецких электронных ресурсов.

Концептуальный анализ пассивного залога в немецком языке произведен в статье (РИМСКАЯ 2013), где описаны три типа специфических социокультурных ситуаций, передаваемых в пассивном залоге. М. А. Римская не связывает, однако, специфику ситуаций с немецкой языковой личностью, объясняя эту специфику сложившейся традицией. Тем не менее мы не можем игнорировать языковую личность, поскольку именно она делает выбор при концептуализации ситуации тем или иным способом. Своеобразие концептуализации реализуется на основе взаимо-

действия личности с окружающей средой.² Здесь следует принимать во внимание особенности среды, воздействующей на личность. Немецкая языковая личность формируется в условиях *низкоконтекстной индивидуалистской* культуры (HALL 1981: 39; SCHROLL-MASCHL 2013), что определенным образом влияет на ее речевое поведение.

Л. В. Куликова, характеризуя немецкий коммуникативный стиль, пишет: «Вербальный стиль низкоконтекстной коммуникации несет на себе отпечаток *индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления*. Это прямой эксплицитный коммуникативный стиль, ориентированный на адресанта» (КУЛИКОВА 2011: 160). С. Шроль-Махль (SCHROLL-MASCHL 2013: 49-51), систематизируя культурные стандарты, типичные для немцев, выдвигает на первый план «*Sachorientierung*» ‘ориентация на дело’, которое всегда в центре внимания. Другими словами, — это рационализм, о котором пишут многие исследователи (см., например, в [ЯСПЕРС 1991: 86]). Еще одной важной чертой немецкой системы ориентации Шроль-Махль считает «*Wertschätzung von Strukturen und Regeln*» ‘уважение к правилам и структурам’ (ibid.: 71-72). Выявленные на опыте общения с деловыми партнерами черты немецкого культурного стандарта согласуются с ключевым концептом немецкой культуры, определяемым как *ORDNUNG* (МЕДВЕДЕВА и др. 2011).

Наконец, в теории искусственного интеллекта отмечается, что индивидуалистские ценности агента (в применении к человеку — личности) делают его рассуждения во многом *рефлексивными*, «обращенными на свое сознание, в частности, на *результат собственной активности*» (ДЕВЯТКОВ 2023: 21). Можно предположить, что, оценивая ситуацию, подлежащую обозначению, такая личность рассуждает примерно так: я не могу повлиять на воздействие среды, поэтому выбираю способ выражения, не связан-

² Аналогом поведения личности является поведение агента в теории искусственного интеллекта, в которой агенты классифицируются в зависимости от их реакции на среду. В классификации предполагается наличие трех больших классов агентов: реактивно рассуждающих, символически рассуждающих и рефлексивно рассуждающих (ДЕВЯТКОВ 2023: 20). Далее мы опираемся на эту классификацию.

ный с моей активностью, — пассив. Тем самым задается модус концептуализации, при котором проявляется «ориентация на дело», агентивный субъект уходит с позиции подлежащего, а способ обозначения становится непрямым. Непрямой способ обозначения является в данном случае, на наш взгляд, следствием культурогенных факторов — рациональности рассуждающей языковой личности и ее деловой ориентации в немецкой лингвокультуре. В рациональной перспективе когнитивно осмысляются, разумеется, не все, но многие типы ситуаций; наиболее значимые из них рассматриваются в статье. Добавим, что не все из них являются культурно специфичными, однако тенденция их рациональной концептуализации, несомненно, присутствует.

3. Результаты исследования

3.1. Пассивная концептуализация ситуаций, исключаящих участие субъекта речи

Рациональное рефлексивное рассуждение, исключаящее возможность воздействия на ситуацию говорящего, позволяет подойти к ее обозначению с позиций необходимости объективной фиксации, например, через оформление события в документах. Поскольку это происходит без участия субъекта речи, уважающего существующие правила, ситуация репрезентируется пассивным залогом. Здесь реализуется к тому же концепт PÜNKTlichkeit, производный от ключевого концепта немецкой лингвокультуры ORDNUNG (Медведева и др., 2011). Сюда относятся описанные Римской ситуации рождения и записи в школу, обозначаемые специальными лексемами (geboren werden; eingeschult werden). Представляется, однако, что подобные ситуации чаще описываются без специальных лексем с применением пассива.

В романе Тимма персонажи встречаются с ситуациями, в которых требуется определенная документальная фиксация. Пассивная концептуализация, исключаящая влияние говорящего, связана с базовым концептом немецкой культуры ORDNUNG, предполагающим соблюдение установленных в социуме правил (ibid.: 64). Следование правилам и нормам также происходит без активного вмешательства субъекта и обозначается пассивом, образуемым с помощью вспомогательного глагола gehören. У. Энгель так определяет прагматическое значение этого глагола.

Schließlich hat *gehören* eine ethische, mindestens appellative Komponente, also das Merkmal ‚auffordernd‘, das sich an einer allgemeingültigen oder als allgemeingültig aufgefassten Norm orientiert (EN-GEL 1996: 458). — Наконец, у *gehören* есть этический, по меньшей мере апеллятивный компонент, т. е. признак ‘требующий реализации’, который ориентируется на общезначимую или воспринимаемую в качестве общезначимой норму (перевод мой — О. К.).

Приведем ситуацию из романа Тимма *Vogelweide*. Антипод главного героя архитектор Эвальд выражает готовность исправить проект здания, в котором, согласно нормативам, следует приподнять вход в лифт. Готовность Эвальда передается персональным рассказчиком в косвенной форме.

(4) Man müsse allerdings den Zugang zum Fahrstuhl verändern, da der etwas *angehoben gehöre* (Тимм 2013: 102).

Это редкий, но, как представляется, показательный пример употребления пассива, характеризующий специфичность его использования в немецкой лингвокультуре.

Более регулярно представлены ситуации, пассивная концептуализация которых передается с помощью вспомогательного глагола *werden*. Так, главный герой описывает ситуацию, связанную с постройкой высотного дома и безоговорочно требующую согласования многих компонентов и точных расчетов. Говорящий осознает необходимость этих действий, что подчеркивается модальным глаголом *müssen*, исключая при этом возможность повлиять на ситуацию.

(5) ...aber die Koordination, sagen wir, für den Bau eines Hochhauses, ist eher kompliziert, weil so viele Determinanten aufeinander *abgestimmt werden müssen*. Allein die Anfahrwege für den Beton *müssen genau berechnet werden* (ibid.: 119).

Соблюдения правил требуют, однако, и многие повседневные действия, влияя на порядок выполнения которых не имеет смысла, например, определенным образом упорядочивается процесс приготовления кофе, и хотя Эшенбах говорит об этом в шутливой форме, глагол *müssen* в его речи присутствует.

(6) Wer Kaffee kocht, nehmen wir den Oma-Kaffee, kann es schnell oder langsam tun. Alle Dinge *müssen vorbereitet* und aufeinander *abgestimmt werden* (ibid.: 118).

В другой ситуации описывается фиксация в юридических документах предметов собственности в процессе конфискации при объявлении главного героя романа банкротом:

- (7) All das, was Eschenbach gesammelt und zusammengetragen hatte..., war entweder schon *gepfändet* oder später *von der Insolvenz erfasst worden*. Allerdings hatte Eschenbach rechtzeitig die Ming-Vase... zum Bahnhof getragen und in ein Schließfach eingeschlossen und so den Listen entzogen, in denen alles *erfasst wurde*. Seine Sammlung von Netsuke und die Ledersessel... waren zur Versteigerung *angezeigt worden* (ibid.: 218).

Употребляя процессуальный пассив (Vorgangspassiv), говорящий *объективирует* процесс документирования, косвенно признавая его необходимость. Агентивный субъект Эшенбах противопоставляется пассивному грамматическому субъекту пассивного предложения All das 'все это'. Здесь можно также видеть проявление культурного стандарта, предполагающего ориентацию на правила, производного от концепта ORDNUNG.

Во многих случаях, чтобы достичь объективности, речь должна идти о прозрачности процесса выполнения какого-то действия. Например, при разработке программы, которой занят главный герой, 'сложная непрозрачность должна переводиться в быструю (легко достижимую — О. К.) прозрачность'.

- (8) Eine neue hochkomplizierte Unübersichtlichkeit, die in eine schnelle Übersichtlichkeit *transponiert werden müsse* (ibid.: 134).
- (9) Sie seien dabei, ein Programm zu entwickeln, das die Kommunikation zwischen Gemeinden und Bürgern ermögliche, so dass Entscheidungen, Daten, Projekte einsehbar wären, *Fragen gestellt*, auch Informationen untereinander *ausgetauscht werden könnten* (ibid.: 134-135).

Достижение прозрачности — необходимый фактор упорядоченности процесса, ведущий к успеху предприятия. Осознав это, Эшенбах с партнером быстро достигают финансового процветания фирмы. Немалую роль в этом играет опора на ключевой концепт немецкой культуры ORDNUNG. Пассивная концептуализация ситуации помогает показать ее объективность.

Исключение участия субъекта речи передается в ситуации, когда над ним производится действие вопреки его ожиданиям.

- (10) Wir dachten, jetzt stoßen wir auf die Zusage und den Baubeginn an. Aber erstmal wurden wir in Autos *verfrachtet* und zu einem Essen ge-

fahren (ibid.: 106). — Мы думали, сейчас мы чокнемся за согласие и начало строительства. Но сначала нас погрузили в машины и повезли на обед (перевод мой — О. К.).

Исключение субъекта речи предполагается и в ситуациях концептуализации обычных рутинных действий, например, сельскохозяйственных работ, производимых в то или иное время года.

(11) Im Herbst *wurde geerntet und gedroschen und gepflügt*, im Frühling *ge düngt und geeggt und gesät...* (SCHLINK 2019: 100).

В таких случаях субъекту речи не имеет смысла противодействовать устоявшимся нормам, а реальный агент его не интересует.

3.2. Концептуализация нелицеприятной ситуации

Вставая на рациональную (объективирующую) позицию, автор может концептуализировать нелицеприятную ситуацию, не считая себя причастным к ней. Например, в начале романа *Парфюмер* автор обнаруживает намерение рассказать о гениальнейшем и вместе с тем ужаснейшем человеке в пассивной форме.

(12) Im achtzehnten Jahrhundert lebte in Frankreich ein Mann, der zu den genialsten und abscheulichsten Gestalten dieser an genialen und abscheulichen Gestalten nicht armen Epoche gehörte. Seine Geschichte *soll hier erzählt werden* (SÜSKIND 1985: 5).

Тем самым Зюскинд в известной мере оправдывает свой замысел, уходя как автор с позиции субъекта, осознающего вместе с тем необходимость представить читателю историю убийцы.

Один из эпизодов романа Шлинка *Ольга* повествует о том, как главный герой романа Герберт, участвуя в колониальном походе в Африку, наблюдает сцену расстрела гереро, прятавшихся за большим муравейником.

(13) ...und einmal sah er, wie schwarze Leiber mit dem Termitenhügel, hinter dem sie Deckung gefunden hatten, von einem Geschoss zerfetzt und *in die Luft gewirbelt wurden* (Schlink 2019: 62). — ...а один раз видел, как... клочья черных тел разлетались в воздухе (ШЛИНК: URL).

Пассивная репрезентация мало приятной ситуации говорит скорее всего о том, что Герберт не считает себя ее виновником.

3.3. Концептуализация фактивных ситуаций

В моноактивной немецкой культуре, в которой особое значение придается нацеленности на результат, типичны ситуации, обозначающие некий факт как результат определенного процес-

са. Обычно средством их репрезентации служит плюсквамперфект пассива. В них особенно наглядно проявляется независимость от активности субъекта речи. Так выражается положение соперников, один из которых покинут женой, а другой — любимой женщиной.

(14) Er sagte, wir *sind* beide *verlassen* worden (ТИММ 2013: 216).

В другой ситуации концептуализируется факт выставления на аукцион имущества главного героя:

(15) Seine Sammlung der Netsuke und die Ledersessel... *waren* zur Versteigerung *angezeigt* worden (ibid.: 218).

3.4. Концептуализация реального / имплицированного агенса

При концептуализации трехчленным пассивом называется реальный агенс, не совпадающий ни с субъектом речи, ни с лицом, о котором идет речь.

(16) Manchmal, morgens, im Sommer... *wurde* er *vom* Gebrüll der Löwen *geweckt* (ibid.: 95).

Уникальный случай представляют ситуации, репрезентированные инфинитивом пассива. В таких ситуациях субъект речи выражает какое-л. желание или действует в соответствии со своим желанием, исполнить которое должны другие актанты, которые могут быть названы, а могут оставаться на уровне импликации. Экспликация агенса может происходить в переводе. Независимое от субъекта речи действие приобретает целевой оттенок, который также может быть эксплицирован в переводе.

(17) Nach der Konfirmation begann Viktoria zu betteln, nach Königsberg aufs Mädchenpensionat *geschickt zu werden* (SCHLINK 2019: 22-23). — После конфирмации Виктория начала упрашивать *родителей* отправить ее в Кенигсберг в пансионат для девиц (ШЛИНК: URL).

(18) Es war, als wollte Olga Herbert... einem so vorstellen, wie er sich gesehen hatte und gesehen werden wollte (ibid.: 104). — Ольга пыталась хотя бы одному человеку обрисовать его (Герберта — О. К.) таким, каким он сам себя видел и каким хотел предстать в глазах *других людей* (ibid.).

(19) Aber vor allem wollte sie *in Ruhe gelassen werden* (ibid.). — Но больше всего ей хотелось, *чтобы* ее оставили в покое (перевод мой — О. К.).

Уникальность конструкций подтверждается тем, что они вызывают переводческие трудности. Так, в переводе Снежин-

ской романа *Ольга* встречаются случаи, когда такие ситуации в переводе отсутствуют. Это имеет место, например, при описании любимого занятия главного героя в детстве, когда он бегал за поездом в надежде быть подхваченным им.

(20) Er... fand aber schöner, vom Zug *mitgenommen zu werden* (ibid.: 16).

Переводы показывают, что инфинитив пассива, не предполагающий участия субъекта речи или действия, не характерен для русского языка, что позволяет предположить его этноспецифичность для немецкой лингвокультуры.

4. Выводы

Анализ ситуаций, обозначаемых немецкой языковой личностью с помощью пассива, приводит нас к выводам, затрагивающим специфику языковой и речевой ментальности личности в немецкой культуре. Особенность языковой ментальности, общая для индоевропейских языков, состоит в возможности исключения агентивного субъекта путем пассивизации. Специфика немецкой лингвокультуры проявляется в речевой ментальности представителей немецкого этноса, что происходит под влиянием культурогенных факторов, из которых важнейшими являются, на наш взгляд, индивидуализм и рационализм, а также ключевой концепт немецкой культуры *ORDNUNG*. Рациональная оценка ситуации, ее рефлексивное осмысление в рамках индивидуалистской культуры с позиции исключения собственного активного участия в ней объясняют выбор ее пассивной концептуализации. Выдвижение пассивного субъекта, выражаемого нередко неодушевленным существительным, в позицию подлежащего соответствует культурному стандарту ориентации на дело.

В то же время пассивная концептуализация исключает эмоциональную оценку ситуации, подчеркивая низкоконтекстность немецкой культуры и ее ориентацию на индивидуалистские ценности языковой личности.

Проведенный анализ следует рассматривать как дополнение к грамматико-прагматической и дискурсивно-стилистической интерпретации категории залога в немецком языке.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 125—140. [Bondarko, Aleksandr V. (1991) K opredeleniyu ponyatiya “zalogovost” (On the Definition of the Concept of “Voice Status”). In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 125—140. (In Russian)].
- Девятков В. В. Системы искусственного интеллекта. М.: МГТУ, 2023. [Devyatkov, Vladimir V. (2023) *Sistemy iskusstvennogo intellekta* (Artificial Intelligence Systems). Moscow: BMSTU. (In Russian)].
- Ишмухаметова А. З. Гиперсинтаксические функции немецких пассивных конструкций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3. С. 170—175. [Ishmukhametova, Alfa Z. (2010) Gipersintaksicheskiye funktsii nemetszkikh passivnykh konstruktсий (Hypersyntactic Functions of German Passive Constructions). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 12, 3, 170—175. (In Russian)].
- Клюшина А. М. Пассивная конструкция как средство создания коммуникативной связности текста в английском языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2 (3). С. 672—674. [Klyushina, Alyona M. (2011) Passivnaya konstruktсия kak sredstvo sozdaniya kommunikativnoy svyaznosti teksta v angliyskom yazyke (Passive Construction as a Tool for Communicative Coherence in the English Text). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 13, 2 (3), 672—674. (In Russian)].
- Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1961. [Krushelnitskaya Klavdiya G. (1961) *Ocherki po sobostavitel'noy grammatike nemetszkogo i russkogo yazykov* (Essays on Comparative German and Russian Grammar). Moscow: Inogiz. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: Монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. [Medvedeva, Tatyana S.; Oparin, Mark V. & Medvedeva, Diana I. (2011) *Klyuchevyye kontsepty nemetszkoy lingvo-*

kul'tury' (Key Concepts of German Linguistic Culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].

- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2011. [Plungyan, Vladimir A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* (Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110—122. [Pochepstzov, Oleg G. (1990) *Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira* (Linguistic Mentality: a Way of Representing the World). *Topics in the Study of Language*, 6, 110—122. (In Russian)].
- Путьинин Ю. А. Заключительные замечания о системах неканонических средств выражения пассивности в русском и немецком языках // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 210—238. [Pupynin, Yuriy A. (1991) *Zaklyuchitel'nyye zamechaniya o sistemakh nekanonicheskikh sredstv vyrazheniya passivnosti v russkom i nemetszkom yazykakh* (Concluding Remarks on Systems of Non-Canonical Means of Passivity Expressing in Russian and German). In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 210—238. (In Russian)].
- Ревзин И. И. Структура немецкого языка. М.: О.Г.И., 2009. [Revzin, Isaak I. (2009) *Struktura nemetszkiego yazyka* (Structure of the German Language). Moscow: O.G.I. (In Russian)].
- Римская М. А. Концептуальный анализ категорий пассивного залога // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 136—139. [Rimskaya, Marina A. (2013) *Kontseptual'nyy analiz kategoriy passivnogo zaloga* (Conceptual Analysis of Passive Voice Categories). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 24 (315), Philology. Art Criticism, 82, 136—139. (In Russian)].
- Холодович А. А. Залог: Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции / ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1970. С. 3—25. [Kholodovich, Aleksandr A. (1970) *Zalog: Opredeleniye. Ischisleniye* (Voice: Definition. Calculus). In: Kholodovich, Aleksandr A. (ed.) *Kategoriya zaloga: Materialy konferentsii*. (Category of Voice: Con-

ference Papers). Leningrad: Nauka, 3—25. (In Russian)].

Храковский В. С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Khrakovskiy Victor S. (1991) *Passivnyye konstruktсии (Passive Constructions)*. In: Bondarko, Aleksandr V. (ed.) *Teoriya funkcional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* (The Theory of Functional Grammar. Personality. Voice Status). Saint Petersburg: Nauka, 141—180. (In Russian)].

Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л.: Наука, 1988. [Shubik, Sadye A. (1988) *Kategoriya zaloga i pole zalogovosti v nemetskom yazyke* (The Category of Voice and the Field of Voice Status in German). Leningrad: Nauka. (In Russian)].

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. [Jaspers, Karl. (1991) *Smysl i naznachenije istorii* (The Meaning and Purpose of History). Moscow: Politizdat. (In Russian)].

Admoni, Vladimir G. (1986) *Der deutsche Sprachbau*. Moscow: Prosvesheniye.

Engel, Ulrich. (1996) *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Julius Groos. [3., korrigierte Aufl.]

Jung, Walter. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

Hall, Edward. (1981) *Beyond Culture*. Garden City; New York: Anchor Press / Doubleday.

Leiss, Elisabeth. (1992) *Die Verbalkategorien des Deutschen: Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung*. Berlin; New York: de Gruyter.

Moskalskaja, Olga. (1973) *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moskau: Vysšaja škola. [3., verbes. u. erw. Aufl.]

Schroll-Machl, Sylvia. (2013) *Die Deutschen — Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. [4. Aufl.]

Welke, Klaus. (2002) *Deutsche Syntax funktional: Perspektiviertheit syntaktischer Strukturen*. Tübingen: Stauffenburg.

Список источников / Quellenverzeichnis / List of Sources

Шлинк Б. Ольга / пер. с нем. Г. В. Снежинской. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус. 2019. URL: <http://www.libcat.ru/knigi/prosa/sovremennaya-prosa/423351-12-bernhard-schlink-olga.html#text>. [Schlink, Bernhard. (2019) *Ol'ga* (Olga). Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus. Retrieved from <http://www.libcat.ru/knigi/prosa/sovremen-naya>

- prosa/423351-12-bernhard-schlink-olga.html#text. (In Russian)].
Schlink, Bernhard. (2019) *Olga: Roman*. Zürich: Diogenes Verlag.
Süskind, Patrik. (1985) *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag.
Timm, Uwe. (2013) *Vogelweide: Roman*. Köln: Kiepenheuer & Witsch. [4. Aufl.]

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

Conceptual Passivation of Situations in German Linguistic Culture

From the perspective of grammar, voice is considered as a phenomenon that establishes correspondence between units of the syntactic and semantic levels. The possibility of linguistic representation of the same situation in the form of active and Passive Voice is defined as a linguistic mentality that has a universal character. However, the choice of one or another form of conceptualization of the situation characterizes the speech mentality. It is known that in German, the Passive is used more often than in Russian. Linguists see the reason for this in the lexical and grammatical factors that distinguish the structure of the German language: the presence of a larger number of transitive verbs, the possibility of forming an impersonal passive, etc. In this article, the choice of the Passive Voice to indicate a situation is associated with the speech mentality, which has characteristic features in German culture, which is characterized as low-context, individualistic, rational and monoactive. The key concept of this culture is rule-bound ORDER. The dominant cultural standard is task orientation. In such a culture, the individual thinking way is formed as reflexive one, which is aimed at oneself. The rationalism of the individual sets him up to observe order and norms of social life. The connection between the choice of the Passive Voice and German culture is established by cognitive analysis of situations described in the novels of modern German authors Patrick Süskind, Uwe Timm and Bernhard Schlink. The presentation form of situations, namely, the choice of the Passive Voice for its representation, is analyzed from the view point of the German linguistic personality, represented by the author himself and his characters. Rationally assessing the situation, the German linguistic personality chooses the Passive Voice if they do not see themselves as an active participant in it, since the implementation of the situation is regulated by legal or other norms. The Passive Voice is chosen when rationally understanding situations that are unflattering for the linguistic personality. The linguistic personality reflexive-

ly evaluates situations that denote some fact in the past, which they cannot influence, and choose the Passive Voice in the form of the Plusquamperfect to represent them. With the help of the three-term Passive, situations are represented in which a real agent that is not associated with the speaker is named. A specific passive form, absent in Russian, is the Passive Infinitive. Using this form, situations, which implementation is the goal of the speaker, but does not depend on him are indicated.

Keywords: reflective thinking; reaction to the environment; conceptualization of the situation; concepts of ORDER; choice of the Passive Voice

Для цитирования:

Кострова О. А. Концептуальная пассивизация ситуаций в немецкой лингвокультуре // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 249—266.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-249-266.

To cite this Article:

Kostrova, Olga A. (2024) Kontseptual'naya passivizatsiya situatsiy v nemetskoj lingvokul'ture (Conceptual Passivation of Situations in German Linguistic Culture). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 249—266. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-249-266.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; принята к публикации 24.04.2024

The article was submitted 01.03.2024; accepted for publication 24.04.2024

Е. Б. Кротова

Д. О. Добровольский

Институт русского языка Российской академии наук
Институт языкознания Российской академии наук

Е. Н. Цветаева

Московский государственный лингвистический университет

А. В. Шарандин

Российский государственный гуманитарный университет

ВАРИАТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ГЕНИТИВНЫХ ПРЕДЛОГОВ (ПО КОРПУСНЫМ ДАННЫМ)

Статья посвящена изучению вариативности управления генитивных предлогов в немецком языке. Корпусные данные показывают, что варианты управления недостаточно хорошо описаны в специальной литературе и лексикографических источниках. Так, они не отражают актуальные изменения в этой области (в частности, растущую тенденцию к беспадежному употреблению управляемой именной группы) и не раскрывают стоящих за этим исторически обусловленных закономерностей падежной вариативности. В сущности, традиционное отнесение предлогов этой группы к так называемым «генитивным» оказывается весьма условным, даже с точки зрения существующих лексикографических и лингводидактических источников. Для выявления доли каждого варианта управления проводился корпусный эксперимент, в ходе которого полученные из морфологически аннотированного корпуса контексты были проанализированы с помощью инструментов для машинной обработки естественного языка и поделены на несколько категорий: 1) употребление с генитивом, 2) употребление с дативом, 3) употребление с генитивом или дативом (форма не позволяет точно определить падеж), 4) беспадежное употребление (отсутствует указание на падеж). Результаты, полученные для нескольких предлогов этой группы (*samt*, *dank* и *wegen*), представлены в статье. Один из существенных результатов исследования — не уменьшение роли генитива в предложном управлении в пользу датива, как обычно принято считать, а увеличение роли беспадежного употребления условно генитивных предлогов. Наиболее важным со-

держательным выводом представляется подкрепленное солидными эмпирическими данными положение о том, что каждый из так называемых генитивных предлогов ведет себя в плане управления уникальным образом.

Ключевые слова: вариативность управления; генитивные предлоги; корпусный анализ; лексикография

1. Введение

В существующей лингвистической литературе и учебных материалах по изучению немецкого языка обнаруживается много неясных и противоречащих друг другу сведений об управлении ряда немецких предлогов, относящихся — до известной степени условно — к классу генитивных. Поскольку предлоги — это слова с невероятно высокой частотностью, наличие неясностей в способах их употребления в каком-то смысле блокирует усвоение языка на должном уровне. Цель нашего исследования — внести в этот вопрос определенную ясность с помощью использования корпусных методов.

Доля соответствующего варианта управления ряда предлогов обсуждаемой в статье группы (*samt*, *dank* и *wegen*) выявлялась на основе корпусного эксперимента. С помощью инструментов для машинной обработки естественного языка контексты из морфологически аннотированного корпуса дифференцировались в зависимости от их употребления — только с генитивом, только с дативом, с генитивом или дативом и беспадежное употребление.

2. Лексикографические источники

Для начала рассмотрим, какая информация об управлении предлогов *samt*, *dank* и *wegen* имеется в ряде компетентных лексикографических источников, а именно в *Grammis* — *Wörterbuch der Präpositionen* (*Grammis*), *Duden Online* (*Duden*) и *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (*DWDS*).

В (*Grammis*: *samt*) управление *samt* описано как допускающее употребление и с артиклем, и без него. В качестве примера беспадежного употребления дается фразеологизм *samt Kind und Kegel* ‘со всей семьей, с чадами и домочадцами’. Ссылка на такое употребление не верна в принципе, так как на отсутствие артикля / беспадежное употребление влияет не предлог, а структурно-семантическая специфика самой бинарной фраземы. Указано

также, что *samt* употребляется с дативом и редко с генитивом. Не дается уточнений, насколько частотно употребление без артикля.

В (Duden: *samt*) указано, что предлог *samt* употребляется с дативом, но во множественном числе также часто встречается генитивное управление. Употребление без маркировки падежа упоминается в косвенной форме: в иллюстративных примерах указано, что сразу за предлогом следует существительное в единственном числе (*mit direkt folgendem Substantiv im Singular*).

В (DWDS: *samt*) отмечается употребление *samt* с дативом, и не упоминается ни возможность генитивного управления, ни употребление без маркировки падежа. При этом во всех четырех иллюстративных примерах речь идет об употреблении без маркировки падежа, в двух случаях из четырех употребление с артиклем дается как вариант:

- (1) ein Wagen *samt* Ladung;
- (2) *samt* Weib und Kind ging er ins Ausland;
- (3) er hat das Geld *samt* (der) Brieftasche verloren;
- (4) er ist *samt* (seinem) Gepäck hier angekommen (DWDS: *samt*).

Относительно управления *dank* в (Grammis: *dank*) указано, что в единственном числе встречается как датив, так и генитив. Если речь идет о множественном числе, то чаще встречается генитив. Указано также, что возможно управление без маркировки падежа.

Согласно (Duden: *dank*), *dank* управляет как дативом, так и генитивом; указания на более частотный падеж отсутствуют. Понять это из приводимых примеров также не представляется возможным:

- (5) *dank* eines Zufalls/ (seltener:) einem Zufall wurde die Tat entdeckt;
- (6) *dank* neuem Allradantrieb/ (seltener:) neuen Allradantriebs gewann er das Renne;
- (7) *dank* seiner Kinder/ (seltener:) seinen Kindern konnte er dort wohnen bleiben;
- (8) (ein direkt folgendes Substantiv im Singular bleibt in der Regel ungebeugt: *dank* Internet war sie immer gut informiert;
- (9) *dank* Fördermitteln konnte das Projekt finanziert werden (Duden: *dank*).

В примерах (5) и (6) оба существительные мужского рода, но первое, по данным Duden, чаще встречается в генитиве, а

второе, наоборот, в дативе, объяснения этому не предлагаются. В примере (7) существительное во множественном числе и можно прийти к выводу, что во множественном числе чаще встречается генитив, но эксплицитно это не указано. При этом в примере (9) речь также идет о множественном числе, но существительное явным образом стоит в дативе. Пример (8) иллюстрирует возможность употребления без маркировки падежа. В целом приведенные примеры не дают представления ни о частотности, ни о предпочтительности в конкретных случаях тех или иных вариантов управления.

В (DWDS: dank) отмечается, что dank в основном управляет генитивом, реже дативом. Даются три иллюстративных примера, из них два с генитивом. Не поясняется, в каких случаях предпочтителен генитив, а в каких датив. Возможность употребления без маркировки падежа не упоминается.

Управление предлога wegen описано в (Grammis: wegen) как преимущественно генитивное, указывается также на возможность употребления этого предлога без маркировки падежа (частотность такого употребления никак не комментируется). В разговорной речи возможно дативное управление, но частотность такого употребления также не комментируется.

В (Duden: wegen) сообщается, что wegen употребляется с генитивом, в том числе в постпозиции. Приводится также следующая информация:

— дативное управление в устной речи представляет собой литературную норму, а на письме оно может выражать особенность разговорного языка;

— иногда при существительном без сопроводительного слова в единственном числе встречается употребление без маркировки падежа;

— в некоторых словосочетаниях употребляется только датив;

— во множественном числе употребляется датив, если по форме непонятно, что речь идет о генитиве (wenn bei Pluralformen der Genitiv nicht erkennbar ist). Формулировка вызывает вопросы, так как в генитиве во множественном числе существительные, как правило, совпадают по форме с номинативом и аккузативом. Видимо, имеются в виду случаи употребления без

сопроводительного слова:

— с дативом, если имеется генитивный атрибут между предлогом и зависимым от него существительным. Пример: *wegen meines Bruders neuem Auto*;

— с дативом в относительных предложениях. Пример: *der Umbau, wegen dem...*

Согласно (DWDS: *wegen*) *wegen* управляет генитивом и может встречаться в том числе в постпозиции. Кроме того, сказано, что в разговорном языке, а также в южной Германии и Австрии *wegen* управляет дативом. Не упоминается возможность употребления без маркировки падежа. В иллюстративных примерах такие случаи отсутствуют.

Если опираться на вышеприведенные источники, выстраивается следующая картина:

Предлог *samt* имеет, как правило, дативное управление, а с генитивом встречается крайне редко; в основном, с существительными во множественном числе (на что указывается в одном из источников). Возможность употребления без маркировки падежа упоминается, но ее частотность никак не комментируется.

Предлог *dank* имеет как генитивное, так и дативное управление. Согласно Grammis, генитив чаще встречается во множественном числе. На возможность употребления без маркировки падежа эксплицитно указывает только один источник.

Предлог *wegen* имеет преимущественно генитивное управление. В разговорной речи и в ряде других случаев допустимо дативное управление. Возможность употребления без маркировки падежа упоминается лишь в одном источнике.

По описанию, имеющемуся в рассмотренных лексикографических источниках, составить четкую картину не представляется возможным. Так, неясно, какое управление и как часто встречается у каждого конкретного предлога, а также насколько распространено употребление без маркировки падежа. Иллюстративные примеры, однако, позволяют предположить, что доля беспадежного управления может быть достаточно высока.

3. Возможности и ограничения корпусов

Возникает вопрос, насколько корпусные данные могут помочь внести ясность в особенности управления обсуждаемых

предлогов. Рассмотрим возможности и ограничения при работе с двумя корпусными архивами и соответствующими корпусными менеджерами — DeReKo и Sketch Engine. Корпусы немецкого языка есть также и в DWDS, но там отсутствует возможность поиска по падежу, можно искать только по частеречной принадлежности токена, что для текущей задачи является недостаточным.

Начнем с DeReKo. В архиве морфологически-аннотированных корпусов TAGGED-T есть частеречная разметка, но нельзя задать в поиске падеж существительного. То же касается архива TAGGED-C. В архиве TAGGED-M при выборе всех доступных корпусов TAGGED-M-öffentlich появляется возможность указать падеж. Размер архива корпусов составляет 19,7 млн токенов, что довольно мало, учитывая, что основной архив без морфосинтаксической разметки поделен на 4 части, каждая из которых содержит от 11 до 13 млрд токенов. Подробнее о корпусах (Archive. Allgemeines). После выбора корпуса TAGGED-M-öffentlich в диалоговом окне MORPH-Assistent можно указать требуемые признаки.

Поисковый запрос будет выглядеть следующим образом: *samt* /+w1:3 MORPH(NOU gen). Иначе говоря, на максимальном расстоянии в два токена от *samt* должно идти существительное в генитиве. По поисковому запросу находятся всего 10 контекстов. Все 10 являются случаями употребления без маркировки падежа, например: *samt Fotos der Prinzessinnen*. При этом ошибка разметки как таковых нет, и генитив действительно присутствует, но из-за того, что невозможен поиск по синтаксическому подереву, нельзя указать, что в генитиве должно стоять существительное, которое напрямую зависит от предлога.

Если осуществить поиск по дативному управлению с помощью запроса *samt* /+w1:3 MORPH(NOU dat), то найдется 449 контекстов. Однако большая их часть также без маркировки падежа. Если взять первые 10 контекстов, то существительное в дативе будет только в одном случае (*samt eimertragenden Putzfrauen*). В остальных — либо нет маркировки падежа (*samt Intensivüberwachung*), либо нельзя определить по форме, идет ли речь о генитиве или дативе (*samt einer Lüftungsanlage*).

Случаи управления без маркировки падежа в корпусе невозможно найти с помощью запроса, так как в разметке отсут-

ствует такая категория.

Для предлога *dank* по аналогичным запросам в том же корпусе получаем следующие результаты:

– по запросу *dank* /+w1:3 MORPH(NU dat) находятся 15 контекстов. Из них 9 без маркировки падежа, 2 с дативом, в 4 случаях нельзя однозначно определить, идет ли речь о генитиве или дативе;

– по запросу *dank* /+w1:3 MORPH(NU gen) находится 31 контекст. Из них 2 — без маркировки падежа, в 10 случаях нельзя провести границу между генитивом и дативом, в 18 — генитив, в одном случае — датив.

Для предлога *wegen* по аналогичным запросам в том же корпусе получаем следующие результаты:

– по запросу *wegen* /+w1:3 MORPH(NU gen) находятся 528 контекстов. Среди первых 10 только в 4 случаях речь идет о генитиве. В остальных 6 формы генитива и датива совпадают;

– по запросу *wegen* /+w1:3 MORPH(NU dat) находятся 368 контекстов. Среди первых 10 в 4 случаях маркировка падежа отсутствует. В одном — формы генитива и датива совпадают, еще в одном случае имеется дативное управление, в 4 — генитив, из них два случая имеют *wegen* в постпозиции.

Следует также отметить, что архив DeReKo, в котором присутствует разметка падежей, TAGGED-M охватывает временной промежуток с 1970 по 1996 г. Тексты, опубликованные после 1996 г., в корпус не вошли. При этом морфологически аннотированные TAGGED-T и TAGGED-C охватывают промежуток с 1997 по 2010 г. Однако в обоих архивах отсутствует аннотация падежей, поэтому для данной исследовательской задачи остается только возможность воспользоваться архивом TAGGED-M, не включающим материал после 1996 г.

Как можно видеть, архивы, имеющиеся в DeReKo, не подходят для решения поставленной задачи, а именно, для выявления частотности того или иного вида управления после определенного предлога. Невозможно автоматически определить частотность ни генитивного, ни дативного управления, а возможность поиска существительных без маркировки падежа отсутствует как таковая.

Возникает вопрос, можно ли получить с помощью Sketch Engine более качественные данные. Воспользуемся корпусом немецкого языка German Web 2020 (deTenTen20), содержащим почти 21 млрд токенов. При этом можно использовать специальный язык запросов для поиска по корпусу (CQL).

Запрос к корпусу выглядит следующим образом: [word="samt" & tag="APPR.*"] []{1,3} [tag="N.*" & case="Gen"]. Этот запрос означает следующее: первый элемент является словоформой *samt* и является предложением. Все обозначения признаков берутся из описания набора тэгов для конкретного корпуса. В корпусе German Web 2020 необходимо воспользоваться набором тэгов (German RFTagger part-of-speech tagset). Между первым и вторым элементом в запросе может быть до двух токенов. Вторым элементом является существительное в генитиве. По такому запросу находим 22600 вхождений в корпусе. Из первых 10 вхождений обнаруживаем 4 случая без маркировки падежа, генитив в одном случае, датив — в четырех, генитив или датив — в одном.

Для поиска существительных в дативе делаем аналогичный запрос: [word="samt" & tag="APPR.*"] []{1,3} [tag="N.*" & case="Dat"]. По нему в корпусе находятся 236280 вхождений. Из первых 10 предложений в выдаче без маркировки падежа обнаруживаются 5 вхождений, в генитиве — 0, в дативе — 4, в генитиве или дативе — 1.

Можно видеть, что сохраняется тот же паттерн, который наблюдался и при работе с DeReKo: при этом неважно, ищем ли мы существительное в генитиве или дативе после предлога; и в том, и в другом случае в выдаче будут представлены разные виды управления.

В отличие от морфологически-аннотированного корпуса в DeReKo, который относительно мал, корпус German Web 2020 в Sketch Engine велик по объему, и вручную выдачу целевых результатов поиска проверить не представляется возможным.

Для предлогов *dank* и *wegen* при аналогичных запросах в корпусе German Web 2020 в выдаче будет наблюдаться схожая картина, а именно: разные виды управления вне зависимости от вида запроса.

4. Метод исследования

Опираясь исключительно на существующие лексикографические источники и на возможности поиска в корпусах, не удастся получить ответ на вопрос, какой вид управления и насколько часто встречается у конкретного предлога. Чтобы получить ответ на этот вопрос, нами был разработан метод, подробно описанный в статье (КРОВОТА и др. 2022). Кратко данный метод на операциональном уровне состоит в следующем:

- выделение из корпуса максимально доступного количества примеров с требуемым предлогом;
- обработка полученных корпусных данных с помощью инструментов для машинной обработки естественного языка и собственного алгоритма, а затем деление их на несколько категорий;
- сбор и обработка статистических данных по частотности каждого вида управления.

Рассмотрим каждую операцию подробнее.

Для анализа предлогов *samt* и *dank* были взяты корпусные данные из морфосинтаксически аннотированного архива TAGGED-T. На основе общедоступных корпусов из этого архива TAGGED-T-öffentlich был создан виртуальный корпус, в который вошли только немецкие источники. Австрийские и швейцарские источники были исключены из рассмотрения. Созданный виртуальный корпус включает 647,5 млн слов и охватывает временной промежуток с 1997 по 2010 г. Подробнее о составе архива см. по ссылке (Archive. Allgemeines). В заметках к морфосинтаксически аннотированным корпусам (Bemerkungen zum Umgang mit morphosyntaktisch annotierten Korpora) указывается, в том числе, что точность их разметки тем ниже, чем сложнее рассматриваемая конструкция (Man könnte sogar sagen, je exotischer die Syntax an einer Stelle im Satz ist, desto schwieriger ist es für einen Tagger, den Text an dieser Stelle korrekt zu analysieren). Рассматриваемая в данной статье исследовательская задача (определение доли генитивного, дативного и беспадежного управления) как раз относится к таким сложным случаям, с которыми тэггеры не справляются, как было показано выше. Тем не менее, они достаточно хорошо справляются с задачей представления частеречных характеристик. По этой причине было

решено использовать корпусные данные именно из морфосинтаксически аннотированных корпусов. Запрос к корпусу выглядит следующим образом: `samt /0w,Max #ELEM(ANA='AP')`. Он означает, что `samt` должен являться предлогом, а не иной частью речи. Иные условия для запроса отсутствуют. DeReKo позволяет скачать выдачу по запросам к корпусам с ограничением на максимум в 10 000 контекстов. Подобного размера выдачи достаточно для получения достоверных статистических данных в рамках рассматриваемой исследовательской задачи.

Выдача целевых результатов, полученная по этому запросу, анализировалась сначала с помощью библиотеки для обработки естественного языка (Spacy) и далее с помощью собственного алгоритма на языке программирования Python. Обработанные данные и скрипты, с помощью которых они были получены, представлены в репозитории (Предлоги с генитивным управлением).

Обработка текстов с помощью Spacy потребовалась для проведения синтаксического анализа. Spacy позволяет строить синтаксические деревья такого вида (см. Рис.):

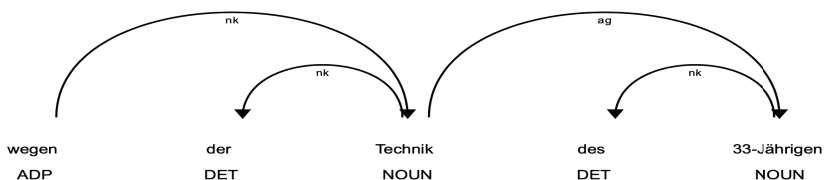

Рис. Синтаксический разбор *Spacy*.

С помощью поиска по синтаксическим поддеревьям можно определить, какое существительное напрямую зависит от предлога. Такой возможности не имеется в корпусах, которые рассматривались выше, хотя это требуется для получения достоверных данных о разных видах управления предлога. Особенно важен поиск по синтаксическим поддеревьям в случаях распространенных причастных оборотов и при постпозиции.

Если есть распространенный причастный оборот, то ближайшее существительное к предлогу не будет напрямую зависимым от него, как в следующем примере: *wegen vom Regen aufgeweichter Straßen* 'из-за мокрых от дождя дорог'. Если здесь не

воспользоваться поиском по синтаксическому поддереву, то можно прийти к неверному решению, что после *wegen* употреблено существительное в дативе. При употреблении *wegen* в постпозиции без синтаксического поддерева не определить, что интересующее нас существительное следует до, а не после предлога, ср.: *der tiefgrünen, satten Farbe wegen* ‘из-за насыщенного зеленого цвета’. Также особая обработка требуется для случаев с перечислениями, так как в них одновременно могут встречаться разные виды управления, как в следующем примере: *wegen gemeinschaftlicher schwerer räuberischer Erpressung, Freiheitsberaubung, Verstößen* ‘из-за коллективного преступного вымогательства с отягчающими обстоятельствами, незаконного лишения свободы, нарушений’. В этом перечислении встречается и существительное в дативе (*Verstößen*), и существительное без маркировки падежа (*Freiheitsberaubung*), и существительное, для которого нельзя точно сказать, употреблено оно в дативе или в генитиве (*Erpressung*).

Далее с помощью скрипта, разработанного специально для данной исследовательской задачи авторским коллективом и представленным в вышеупомянутом репозитории, все контексты делятся на следующие категории:

- 1) употребление с генитивом;
- 2) употребление с дативом;
- 3) употребление без маркировки падежа (отсутствует указание на падеж);
- 4) употребление с генитивом или дативом (форма не позволяет точно определить падеж).

Первые три категории мы принимаем за 100%, а четвертую категорию (нельзя определить, датив или генитив) игнорируем.

5. Результаты

Результаты для предлога *wegen* представлены в статье (Кротова и др. 2022). На рассматриваемом материале были получены следующие данные: генитив встречается примерно в 60% случаев, беспадешное употребление — в 35%, датив — в 5%. При этом среди вышеупомянутых лексикографических источников беспадешное управление для *wegen* упоминается только в одном из них, и его высокая доля от общего числа употреблений

никак не комментируется.

Рассмотрим результаты, полученные для предлогов *samt* и *dank* на данных виртуального корпуса TAGGED-T-öffentlich, ограниченного только немецкими источниками.

Предлог *samt* употребляется с дативом в 19% случаев, с генитивом — в 6% случаев, в то время как в 75% вхождений маркировка падежа отсутствует. Этот результат может удивить, так как в вышеупомянутых лексикографических источниках данный предлог рассматривается как имеющий дативное управление. И действительно, у данного предлога оно частотнее генитивного. Однако беспадёжное употребление встречается намного чаще, чем и генитив, и датив, что подтверждают и иллюстративные примеры в этих словарях. Иными словами, проблема скорее в том, что словари не описывают сам факт беспадёжного употребления предлогов.

Предлог *dank* управляет генитивом в 69%, дативом — в 7%, а в 24% случаев зависимое от него существительное не имеет маркировки падежа. При этом в лексикографических источниках оба вида управления (и с генитивом, и с дативом), представлены как равноправные. Только в DWDS указывается на то, что датив встречается реже. Ни один из рассмотренных источников не упоминает тот факт, что случаев употребления существительного без маркировки падежа значительно больше, чем случаев дативного управления.

6. Выводы

Наиболее важным содержательным выводом представляется подкрепленное солидными эмпирическими данными положение о том, что каждый из так называемых генитивных предлогов ведет себя в плане управления уникальным образом. Так, предлог *samt*, как правило, управляет именной группой без маркировки падежа, а датив и генитив встречаются лишь в соответственно 19% и 6% случаев. Предлог *dank* управляет генитивом в 69% случаев, дативом — в 7% случаев, а беспадёжное управление обнаруживается в 24% случаев, т. е. в отличие от *samt* этот предлог действительно может описываться как генитивный. Интересно, что и здесь корпусные данные расходятся с лексикографической информацией: словари часто фиксируют

оба вида управления (генитивное и дативное) как равноправные. На возможность употребления *dank* без маркировки падежа эксплицитно указывает только один источник. При предлоге *wegen* генитив встречается примерно в 60% случаев, беспадеежное употребление — в 35%, а датив — только в 5%, при том что, по данным источников, в разговорной речи допускается дативное управление, как бы свободно варьирующееся с генитивным. Один из существенных результатов исследования — не уменьшение роли генитива в предложном управлении в пользу датива, как обычно принято считать, а увеличение роли беспадеежного употребления условно генитивных предлогов.

Это и подобные исследования имеют не только лексикографическую и лингводидактическую ценность, но и служат основой для выявления актуальных тенденций в развитии немецкого языка.

Главный вывод проведенного исследования состоит в том, что предлоги, традиционно описываемые как генитивные, обнаруживают различные способы управления. Для этой группы предлогов невозможно сформулировать единое правило в терминах грамматического описания языка. Управление каждого из этих предлогов уникально и является объектом словарного описания. Кроме того, каждый из них обнаруживает в области управления существенную вариативность. Таким образом, регулярность в этой области отсутствует полностью.

Уникальность каждого из этих предлогов не случайна. По своему происхождению они являются производными, и каждый прошел свой путь исторического развития.

Для грамотного описания предлогов этой группы в словаре следует отказаться от идеи возведения их к определенному лексикографическому типу, целесообразно построить для каждого из них уникальный лексикографический портрет (по Ю. Д. Апресяну — ср.: [АПРЕСЯН 2005]). Исследование показывает, что получение надежных данных для соответствующих лексикографических портретов требует обращения к методам корпусной лингвистики с использованием скрупулезного статистического анализа. Сырые корпусные данные не дают достоверных статистических результатов по вариативному управле-

нию предлогов; получить валидные данные можно только путем создания своих собственных инструментов работы с корпусом.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

- Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3—30. [Aprésyan, Yurii D. (2005) O moskovskoy semanticheskoy shkole (About the Moscow Semantic School). *Topics in the study of language*, 1, 3—30. (In Russian)].
- Кротова Е. Б., Цветаева Е. Н., Шарандин А. В., Добровольский Д. О. Вариативность грамматической нормы: возможности корпусного и количественного анализа (на материале немецкого предлога *wegen*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной международной конференции «Диалог», т. 21. М.: РГГУ, 2022. С. 349—357. [Krotova, Elena B.; Tsvetaeva, Elena N.; Sharandin, Artem V. & Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2022) Variativnost' grammaticheskoy normy: vozmozhnosti korpusnogo i kolichestvennogo analiza (na materiale nemetskogo predloga *wegen*) (Grammatical Variation: Methods for Quantitative Corpus Analysis (on the Example of the German Preposition *wegen*)). In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*, Issue 21. Moscow: Russian State University for the Humanities, 349—357. (In Russian)]. doi: 10.28995/2075-7182-2022-21-349-357.
- Предлоги с генитивным управлением [Predlogi s genitivnym upravleniem (Genitive Prepositions)]. Retrieved from https://github.com/lnkr/german_prepositions.
- Archive. Allgemeines. Retrieved from <https://www2.ids-mannheim.de/cosmas2/projekt/referenz/archive.html>.
- Bemerkungen zum Umgang mit morphosyntaktisch annotierten Korpora. Retrieved from <https://www2.ids-mannheim.de/cosmas2/projekt/referenz/bemerkungen.html>.
- CQL. Sketch Engine. CQL — Corpus Query Language. Retrieved from <https://www.sketchengine.eu/documentation/corpus-querying>.
- German RFTagger part-of-speech tagset. Retrieved from <https://www.sketchengine.eu/german-rftagger-part-of-speech-tagset>.
- Spacy. Retrieved from <https://spacy.io>.

Источники и словари / *Quellen u. Wörterbücher* / *Sources & Dictionaries*

- DeReKo. Retrieved from <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.
- Duden. Duden Online. Retrieved from <https://www.duden.de>.

- Duden: samt. Retrieved from https://www.duden.de/rechtschreibung/samt_nebst_ein-schliesslich.
- Duden: dank. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/dank>.
- Duden: wegen. Retrieved from https://www.duden.de/rechtschreibung/wegen_infol-ge_bezueglich.
- DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- DWDS: samt. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/samt#1>.
- DWDS: dank. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/dank>.
- DWDS: wegen. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/wegen>.
- Grammis. Wörterbuch der Präpositionen. Retrieved from <https://grammis.ids-mannheim.de/praepositionen>.
- Grammis: samt. Retrieved from <https://grammis.ids-mannheim.de/praepositionen/299679>.
- Grammis: dank. Retrieved from <https://grammis.ids-mannheim.de/praepositionen/299316>.
- Grammis: wegen. Retrieved from <https://grammis.ids-mannheim.de/praepositionen/299311>.
- Sketch Engine. Retrieved from <https://www.sketchengine.eu>.

Elena B. Krotova

Dmitriy O. Dobrovol'skiy
Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Elena N. Tsvetaeva
Moscow State Linguistic University

Artem V. Sharandin
Russian State University for the Humanities

On the Government Variation of German Genitive Prepositions: A Corpus-based Analysis

The present paper focuses on the variation of genitive preposition government in German. The corpus data show that government variants are not well described in special literature and lexicographic sources. Thus, they do not reflect the current changes in this area — in particular, the growing tendency towards the case-free use of the dependent noun phrase — and do not reveal the historically determined regularities of case variation behind it.

In fact, the traditional attribution of the prepositions of this group to the so-called “genitive” class turns out to be rather arbitrary, even from the viewpoint of the existing lexicographic and grammatical sources. In order to identify the proportion of each government variant, a corpus experiment was conducted. The text fragments obtained from a morphologically annotated corpus were analyzed using natural language processing tools. The text fragments under study were divided into four categories: (1) noun phrases in genitive, (2) noun phrases in dative, (3) noun phrases in genitive or dative (their form does not allow for precise case determination), and (4) no indication of case, i. e. the case-free use. The results obtained for three prepositions of this group (*samt*, *dank* and *wegen*) are presented in the paper. One of the significant findings of the study is an increase of the role of the case-free use of the so-called genitive prepositions, rather than a decrease of the genitive case in prepositional government in favor of the dative case, as is commonly believed. The most important conclusion, supported by solid empirical evidence, is that each of the so-called genitive prepositions behaves uniquely in terms of government.

Keywords: government variation; genitive prepositions; corpus analysis; lexicography

Для цитирования:

Кротова Е. Б., Добровольский Д. О., Цветаева Е. Н., Шарандин А. В. Вариативность управления немецких генитивных предлогов (по корпусным данным) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 267—282.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-267-282.

To cite this Article:

Krotova, Elena B.; Dobrovolskiy, Dmitriy O.; Tsvetaeva, Elena N. & Sharandin, Artem V. (2024) Variativnost' upravleniya nemetskikh genitivnykh predlogov (po korpusnym dannym) (On the Government Variation of German Genitive Prepositions: a Corpus-based Analysis). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 267—282. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-267-282.

Статья поступила в редакцию 14.04.2024; принята к публикации 14.05.2024

The article was submitted 14.04.2024; accepted for publication 14.05.2024

B. Lachhein

Gesellschaft für Deutsch-Russische Begegnung (Essen)

Sh. V. Nikonova, L. A. Averkina

Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

**DIGITAL LITERACY, ERSCHÖPFTES EUROPA, DATAISM —
MIT DER SPRACHE DER MEGATRENDS
AUF DEM WEG IN DIE ZUKUNFT**

Die deutsche Sprache verändert sich unter den Bedingungen der Digitalisierung rasanter und spezifischer und findet ihren konkreten Ausdruck im Diskurs um die gesellschaftlichen Transformationsprozesse, welche sich in den deutschsprachigen Ländern weitgehend konform vollziehen. Daraus resultiert eine hohe gesellschaftliche Verantwortung gegenüber der Bevölkerung bezüglich der Kommunikation der oft durch Gesetze flankierten und zur Gestaltung der Transformation erdachten Programme. Megatrends können dabei eine vermittelnde Rolle spielen, da sie sowohl die Begriffe und dahinterstehenden Konzepte beinhalten als auch die Perspektive aufzeigen. Sie sind nicht statisch und müssen folglich modifizierbar sein. Im Beitrag werden zunächst die Unterschiede zwischen Zukunfts- und Trendforschung erörtert, die Merkmale von Megatrends aufgeführt und anschließend mit den Megatrends *Individualisierung*, *Konnektivität*, *Sicherheit* und *Globalisierung* der Weg in die Zukunft verbal gezeichnet. Es wird betont, dass im modernen Deutschen für die Übertragung von neuen Bedeutungen für diese Zwecke aus dem Englischen Entlehnungen verwendet werden, z. B. *Digital Literacy* 'Informationsstrategien', sowie deutsche Ausdrücke in der neuen Bedeutung wie *Erschöpftes Europa*, die Neologismen wie *Dataismus*. Es wird allgemein festgestellt, dass die Gestaltung zukünftiger Ereignisse, die durch die aktuelle Transformation des Staates hervorgerufen und in der Sprache reflektiert werden, bereits begonnen hat und wir uns im Zentrum befinden, Mega-Ereignisse erleben und gestalten. Da sich die englische Sprache und ihre Sprachfamilie seit langem auf der ganzen Welt verbreitet haben, wird deutlich, dass durch den Einsatz von Anglizismen im deutschen Lexikon schnell neue Trends entstehen. Da die Kenntnisse der englischen Sprache von den deutschen Muttersprachlern nach wie vor üblich sind, entstehen im Deutschen neue Konzepte durch sprachliche Verwässerungen (*Digital Reputation*), die zunächst ein Verstehen erleichtern. Dennoch kann man mit Sicherheit behaupten, dass die Entlehnung von

neuen Begriffen im Deutschen immer von Muttersprachlern kontrolliert wird, insbesondere beim Dolmetschen und Übersetzen.

Schlüsselwörter: Megatrend-Merkmale; Transformation; Zukunfts- und Trendforschung; Megatrends Individualisierung; Konnektivität; Sicherheit und Globalisierung

Es scheint als verändere sich die deutsche Sprache unter den Bedingungen der Digitalisierung zunehmend rasanter und spezifischer. Deutlich widerspiegelt dies der öffentliche Diskurs um die gesellschaftlichen Transformationsprozesse, welche sich in den Ländern der Europäischen Union und den deutschsprachigen Ländern weitgehend konform vollziehen. Nun kommt es darauf an, die oft durch Gesetze flankierten und zur Gestaltung der Transformation erdachten Programme der Bevölkerung nahezubringen. Megatrends können eine vermittelnde Rolle spielen, da sie sowohl die Begriffe und dahinterstehenden Konzepte beinhalten als auch die Perspektive aufzeigen. Sie sind jedoch nicht statisch und erfordern infolge der die Entwicklung begleitenden gesellschaftlichen Problemlagen eine permanente Adaption. Idealerweise führt ein breit angelegter, zeitlich ausgedehnter, auch kontrovers geführter Diskurs zur Kongruenz zwischen Gesellschaft und Individuum.

Der Beitrag versteht sich als abschließender Teil einer Trilogie mit dem Schwerpunkt *Megatrends*. Zunächst wird auf den Unterschied zwischen Zukunfts- und Trendforschung hingewiesen und anschließend mit den Megatrends *Individualisierung*, *Konnektivität*, *Sicherheit* und *Globalisierung* der Weg in die Zukunft verbal gezeichnet. Dabei werden Wörter, übernommen aus dem Englischen, zum Beispiel *Digital Literacy*, deutsche Begriffe mit neuer Bedeutung wie ein *Erschöpftes Europa* und lexikalische Neuschöpfungen wie *Dataism* unter die Lupe genommen.

Ergänzend sei an dieser Stelle auf die Artikel *Sprachgebrauchsweisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher Umbrüche in Deutschland* und *Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — Kann die Sprache mithalten?* verwiesen (LACHHEIN & al. 2021; LACHHEIN & al. 2022).

Der Begriff *Megatrends* ist eng mit John Naisbitt verbunden, der ihn 1982 als Ablauf komplexer gesellschaftlicher Transformationsprozesse über einen Zeitraum von fünf bis zehn oder mehr Jahren definierte (NAISBITT 1982). Der deutsche Zukunftsforscher Matthias Horx

präzisierte Wirkung und Zeitraum der Megatrends als individuell wirkend sowie alle Ebenen der Gesellschaft erfassend, über mehrere Jahrzehnte die Welt verändernd (HORX 2011). Die griffige Erklärung für das Wort *Transformation* als Veränderungsprozess vom aktuellen Ist-Zustand hin zum angestrebten Ziel-Zustand in der nahen Zukunft durch den Marketingspezialisten Christian Deuringer komplettiert die zugrunde liegende Interpretation in diesem Beitrag (DEURINGER 2000). Auch unterstreicht die seit 2011 steil ansteigende Wortverlaufskurve das zunehmende Auftreten des Begriffes in den Printmedien.¹ Die computergenerierte Häufigkeit im Dudenkorpus weist in den fünf Häufigkeitsklassen zwischen den Polen „hoch“ und „niedrig“, die vorletzte Stufe aus.² Auch wenn verschiedene Quellen die Worthäufigkeit in unterschiedlichem Maße angeben, ist „die Transformation“ gefühlt in aller Munde, längst nicht mehr nur in der Elektrotechnik als „Umspannen von Strom“ oder als „Umwandlung eines Satzes oder Satzteils nach bestimmten Regeln in eine andere grammatische Form mit gleichem Inhalt“ in den Sprachwissenschaften.

Mittendrin in Megatrends und gesellschaftlichen Transformationen liegt eine Bewertung der Voraussagen noch in einer ungewissen Zukunft. Welchen Beitrag kann die Wissenschaft leisten? Die Diskussion um die Wissenschaftlichkeit von Trend- und Zukunftsforschung wird lebhaft geführt. Um dieser ein gemeinsames Verständnis zugrunde zu legen, sollen drei Fragen kurz beantwortet werden.

1. Was ist Wissenschaft?

Im Kern handele es sich um die Gesamtheit des begründeten und überprüfbareren Wissens, das zu einer bestimmten Zeit in der Menschengemeinschaft als gesichert und irrtumsfrei gelte, die Tätigkeit des Menschen, begründetes, überprüfbares, irrtumsfreies, nachvollziehbares Wissen zu erarbeiten und wieder infrage zu stellen habe (Forschung), dieses Wissen sowie den Weg zu diesem festzuhalten (Dokumentation) und es an Studierende zu vermitteln habe (Lehre) — so das Angebot der Universität Erfurt.³

¹ [https://www.dwds.de/wb/Transformation#:~:text=—%20Transformation%20f.,Jh.\)%2C%20aus%20gleichbed.](https://www.dwds.de/wb/Transformation#:~:text=—%20Transformation%20f.,Jh.)%2C%20aus%20gleichbed.)

² <https://www.duden.de/rechtschreibung/Transformation.>

³ <https://www2.uni-erfurt.de/cms-alt/seminarfach-4703/www.uni-erfurt.de/seminarfach/kurs/1/index.html>.

2. Sind Zukunftsforschungen wissenschaftlich?

Zukunftsforschung sei die wissenschaftliche Analyse von Zukunftsbildern. Sie beschäftige sich mit möglichen, wahrscheinlichen und wünschbaren zukünftigen Entwicklungen. Auch wenn sich die Zukunft nicht vorhersehen ließe, zeichneten sich schon in der Gegenwart wichtige Entwicklungsstrukturen in ihren Grundzügen ab, getragen von Entscheidern und Treibern. Der Bedarf an Zukunftsforschung steige durch demographische, gesellschaftliche, politische, ökologische, technische und wirtschaftliche Veränderungsprozesse, die durch sie ausgelöste Dynamik und den rasanten Entwicklungsgeschwindigkeiten — so das Angebot der Freien Universität Berlin. Diesem Verständnis folgend, bietet die Freie Universität den Masterstudiengang „Zukunftsforschung“ an.⁴

3. Sind Trendforschungen wissenschaftlich?

Trendforschung sei ein Instrument, um bestimmte und spezifische Wandlungsprozesse zu erkennen, darzustellen und zu diagnostizieren. Dabei entstünden „Spezialtrends“ für konkrete Wirtschaftszweige wie Finanzen, Mode oder Marketing. Der Zeithorizont sei Markt- und handlungsorientiert, auf die nächsten fünf bis zehn Jahre ausgerichtet. Trends seien grundsätzlich Gegenwartsphänomene und — entgegen eines verbreiteten Irrtums — keine Prognosen — so das Angebot des Zukunftsinstitut von Matthias Horx.⁵

In der Diskussion um die Wissenschaftlichkeit von Trend- und Zukunftsforschung geht es ebenso um die Bindung an bestimmte Institutionen, wie Hochschulen und Universitäten als unabhängige Bildungsstätten. Am privat geführten, von Matthias Horx gegründeten Zukunftsinstitut wird die Meinung vertreten, dass die Arbeitsweise wissenschaftlichem Vorgehen entspreche und Forschungsansprüchen genüge. Man möge die Antworten den Kriterien Forschung, Dokumentation und Lehre unter- und eigene Schlüsse ziehen.

Wenden wir uns also erneut den „*Lawinen in Zeithupe*“, wie Horx Megatrends verbildlicht, und diesmal ihren Merkmalen zu (vgl.: [SEITER & OCHS 2014; HORX 2011; NAISBITT 1984]). Diese sind:

Langfristigkeit: Veränderungen dauern mindestens zehn Jahre,

⁴ <https://www.fuberlin.de/studium/studienangebot/master/zukunftsforschung/index.html>.

⁵ <https://www.zukunftsinstitut.de/artikel/zukunftsforschung>.

meist mehrere Jahrzehnte;

Reichweite: der Verlauf ist regional unterschiedlich stark ausgeprägt, jedoch weltweit und erfasst die gesamte Gesellschaft;

Wirkungsstärke: die Wirkung entfaltet sich in Bereichen wie Technologie, Wirtschaft, Ökologie, Soziales, zunächst langsam, jedoch tiefgehend und nachhaltig;

Robustheit: zunächst entstehen ein Spannungsfeld zwischen Altem und Neuem, sowie Gegentrends; Langfristig ist die zentrale Entwicklung nicht aufzuhalten;

Messbarkeit: quantitativ, empirisch eindeutige, messbare Indikatoren wie Bevölkerungszahlen, Mobilitätskennziffern, etc. sind vorhanden;

Modifizierbarkeit: Trends sind keine statischen Phänomene, sie befinden sich in einer permanenten Evolutionsschleife und müssen turnusmäßig überprüft werden.

Von den im Zukunftsinstitut Horx herausgearbeiteten zwölf Megatrends werden nun vier — *Individualisierung, Konnektivität, Globalisierung, Sicherheit* — vorgestellt. Dabei liegt der Fokus auf aus dem Englischen übernommenen Begriffen, deutschen Begriffen mit neuer konzeptueller Hinterlegung und lexikalischen Neuschöpfungen.

1. Megatrend Individualisierung — Selbstverwirklichung innerhalb einer einzigartig gestalteten Individualität

Hierin spiegelt sich das zentrale Kulturprinzip der Gegenwart wider — die Selbstverwirklichung innerhalb einer einzigartig gestalteten Individualität, angetrieben durch immer mehr persönliche Wahlfreiheiten und individuelle Selbstbestimmung. Dabei wird auch das Verhältnis von Individualität und Gemeinschaft neu ausgehandelt. Die Entwicklung tendiert zur Co-Individualisierung, gekennzeichnet durch ein neues Ich-Verständnis im Kontext von Beziehungen, Freiheits- und Verantwortungskonzepten. Das Individuum gestaltet sich auf der Basis von Identity Design und Diversity in der Wechselwirkung zwischen sich und der Umwelt. Anders ausgedrückt: Das Individuum entdeckt sich als Teil einer kollaborativen Wir-Kultur neu.

Im dazugehörigen Glossar finden sich Hinweise sowohl auf aus dem Englischen übernommene und lexikalisch neue Begriffe sowie im Trend liegende Kombinationen. Ausgehend von der Annahme,

dass neue Gemeinschaften der Individualisierung sich in neuem Gewand präsentieren, öffnen die folgenden Begriffe die Türen zum Verständnis:

*Offene Neo-Tribes*⁶ sind als über das Internet lose verbundene Gruppen von Menschen mit gemeinsamen Interessen zu verstehen. Solche kleinräumigen Communitys kooperieren zeit- und ortsunabhängig, um das Leben, die Gemeinschaft, Kreativität und Ökonomie zu gestalten. Zentrales positiv konnotiertes Gruppenmerkmal ist die Verschiedenheit im Miteinander, was sich im Erleben von Respekt und Toleranz individueller Eigenheiten in der Gemeinschaft niederschlägt. Kritisch wird angemerkt, dass autarke, geschlossene Interessensgruppen einen Gegentrend darstellen, während die Mehrheitsgesellschaft weiter in Richtung *Diversity* geht, diese sich wiederum von offenen Neo-Tribes durch die Vielfalt von Menschen hinsichtlich des Alters, Geschlechts, der Herkunft, des kulturellen Hintergrunds, der Qualifikationen etc. unterscheidet. Das lateinische Präfix „co“ in der Bedeutung *mit-, zusammen, völlig* tritt bei der Beschreibung neuer Formen von Gemeinschaften verschiedentlich auf. So wird das Individuum als Teil einer kollaborativen Wir-Kultur modern als *Co-individualisierte Identitäten* im Glossar vermerkt; das Ich entwickelt sich co-individuell im Wir. Das Individuum entwickelt sein *Identity Design*. Dahinter verbirgt sich das zentrale Prinzip der Individualisierung — das Single-Dasein in der Single-Gesellschaft. Hier pflegt der Mensch einen achtsamen und selbstreflektierten Umgang mit sich selbst und empfindet sein Single-Dasein nicht als Scheitern. Er schließt sich gemeinschaftsorientierten Bewegungen wie LGBT+ (Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender+), BLM (Black Lives Matter) oder Klimabewegungen an. Diese Bewegungen wiederum üben starken Einfluss auf Wirtschaft und Politik aus — so empfing die ehemalige deutsche Bundeskanzlerin Angela Merkel die schwedische Klimaaktivistin Greta Thunberg, der Siemens-Chef Joe Kaser bot der deutschen Klimaaktivistin Luisa Neubauer einen Platz im Aufsichtsgremium des Unternehmens *Siemens Energy* an.

⁶ Zurückzuführen auf den französischen Soziologen Michel Maffesoli in „Le Temps des Tribus“, 1988. Neo-Tribalismus wird als Rückbesinnung auf archaische Gemeinschaftsmuster infolge der Auflösung klarer Gesellschaftsstrukturen wie Klassen und Schichten als Alternative entwickelt.

Den Megatrend begleitend sind juristische Maßnahmen zum Schutz des Identity Designs in Deutschland zu beobachten. Seit 2006 ist das Antidiskriminierungsgesetz (AGG) in Kraft, welches dem Schutz vor Diskriminierung aus rassistischen Gründen, wegen ethnischer Herkunft, Geschlecht, Religion, Weltanschauung, Behinderung, Alter, sexueller Identität im Arbeitsleben und in Teilen des Zivilrechts dient (AGG: 2006). Um Bürger sichtbar zu machen, die sich im dritten Geschlecht⁷ identifizieren, wurde dieses vom deutschen Bundesverfassungsgericht 2017 gesetzlich anerkannt und 2018 durch Änderung der in das Geburtenregister einzutragenden Angaben aufgenommen (BvR 2017). Seit Dezember 2018 können Menschen ihre sexuelle Identität als „divers“ amtlich registrieren lassen. So entstanden einige geschlechtsneutrale Abkürzungen: (m/w/i_a_gn_x) → männlich / weiblich / intersexuell / anders / geschlechtsneutral / undefiniertes Geschlecht (GeRegÄndG 2018). Einen weiteren Meilenstein bildet das Selbstbestimmungsgesetz (SBGG),⁸ um jeder Person das Recht auf Achtung und respektvolle Behandlung in Bezug auf die Geschlechtsidentität zu gewährleisten.

Autarke, abgeschlossene Interessensgruppen bleiben als *Gegentrend*, während die Mehrheitsgesellschaft weiter in Richtung Diversity geht. Wir erinnern uns: Diversität meint die Vielfalt von Menschen hinsichtlich Alter, Geschlecht, Herkunft, kultureller Hintergrund, Qualifikationen etc.

Zurzeit wird das Thema Gendern aktiv in die Öffentlichkeit getragen. Im öffentlich-rechtlichen Rundfunk, an Hochschulen, in staatlichen Einrichtungen wird *gendert*. Der Widerstand gegen neue Regeln, die zu einer stärkeren Berücksichtigung unterschiedlicher Geschlechter in der deutschen Sprache führen sollen, wächst.⁹ Eine

⁷ Ca. 80.000 bis 120.000 Deutsche sind intersexuell, d. h. nicht eindeutig männlich oder weiblich.

⁸ SBGG, geplantes Inkrafttreten am 01.11.2024.

⁹ Marktforschungsinstitut Infratest Dimap (2021): Die *Gender-Sprache* ist eine *Top-Down-Veranstaltung*. 65% der Bevölkerung lehnen Formulierungen wie *Zuhörende* statt *Zuhörer*, das große Binnen-I (*WählerInnen*) in der Schriftsprache, die Kunstpause vor der zweiten Worthälfte (*Pendler_innen*) in der gesprochenen Sprache ab (vgl. 2020: 56%). Markt- und Meinungsforschungsinstitut forsa (07.2023): 73% gegen das Gendern, 22 % dafür.

Empfehlung des Bundesministeriums für Familie, Senioren, Frauen und Jugend lautet folglich, geschlechtsneutrale Bezeichnungen (z. B. *Menschen*) zu verwenden, und wenn dies nicht möglich sei, auf *Beidnennungen* (*Schüler und Schülerinnen*) zurückzugreifen. Die Nennung von weiblicher und männlicher Form sei „grundsätzlich annehmbar“, weil der Anteil *diversgeschlechtlicher Personen* sehr gering sei.

2. Megatrend Konnektivität — Vernetzung mittels digitaler Infrastrukturen

Digitale Infrastrukturen prägen die Kommunikationstechnologien im 21. Jahrhundert mit tiefgreifenden Auswirkungen auf das Leben und Wirken der Menschen. Lebensstile, Verhaltensmuster, Geschäftsmodelle ändern sich, Begriffe und Konzepte wie Nachhaltigkeit, Zivilgesellschaft oder Soziale Gerechtigkeit — sog. soziokulturelle Codes — werden reprogrammiert. Der digitale Wandel beschränkt sich nicht auf den technologischen Fortschritt, sondern schließt den sozialen Widerhall ein. Geschäftsmodelle, Produkte und Dienstleistungen müssen neben einem ökonomischen Zweck auch kulturelle und soziale Aspekte sowie menschliche Grundbedürfnisse wie Sicherheit und Vertrauen vermitteln können.

Im dazugehörigen Glossar finden sich sowohl Anglizismen, englisch-deutsche Verwässerungen und lexikalische Neuschöpfungen.

Big Data als morphologisch deutlicher Anglizismus ist im Sinne einer Sammlung großer Mengen computergenerierter, individualisierter, personenbezogener, öffentlicher und geostationärer Daten, einschließlich deren Verarbeitung und Analyse zu verstehen. Big Data erlangt branchenübergreifend als Quelle neuer Wertschöpfung eine ökonomische Bedeutung, mit einem Wachstumspotenzial bei individualisierten Informationen durch neue technische Tools und Skills.

Das Öl des 21. Jahrhunderts wird als Metapher für *Dataism*, einer Kombination aus dem Substantiv *Daten* und dem eine Geisteshaltung oder politische Richtung ausdrückenden Suffix *-ismus* (engl. *-ism*), herangezogen, was bereits auf die außergewöhnliche Bedeutung der Sammlung von Daten hinweist. Sie begründet neue Märkte und Geschäftsmodelle und verspricht eine neue, hyperpersonalisier-

Pläne zur Gender-Pflicht in der Verwaltung durch Verwendung einer geschlechtsneutralen Sprache in geschriebenen Texten lehnen 75 % der Befragten ab.

te Kundenansprache. So entstünde, laut Zukunftsinstitut, ein quasi-religiöses Verhältnis zu Daten, quasi als Lösung jeglicher Probleme.

Digital Literacy bezeichnet einen souveränen Umgang mit den Herausforderungen der Digitalität. Es bedarf kognitiver, sozialer und kultureller Fähigkeiten zur Verarbeitung des digitalen „Information Overflow“, der Stärkung des menschlichen Miteinanders in digitalisierten Kontexten und der Bereitschaft für eine neue digital vernetzte Kommunikation.

Digital Reputation präsentiert sich als englisch-deutsche Verwässerung: beide Wörter können als deutsche gelesen werden, lediglich das am Adjektiv fehlende „e“ weist bei relevanten Sprachkenntnissen auf die englische Sprache hin.

Faktisch beschäftigt sich Digital Reputation mit dem Ruf und dem Ansehen von Menschen in sozialen Netzwerken und den Informationen, die im Internet über sie verbreitet werden. Auch hier ist ein Interesse an Bewertungen von Unternehmen und Produktmarken, um einen ökonomischen Nutzen zu generieren, naheliegend.

Sharing Economy beschreibt als deutlich erkennbarer Anglizismus eine neue Generation von Konsumenten, welche durch *teilen nutzen statt besitzen* will.

3. Megatrend Globalisierung — Zusammenwachsen der Weltbevölkerung

Der Megatrend bezeichnet das Zusammenwachsen der Weltbevölkerung und gilt als wohl wichtigster Treiber des menschlichen Fortschritts.

Die Fortschritte in den Bereichen Netzwerktechnologie, Logistik und Mobilität ermöglichen die Vernetzung und Interaktion von Menschen, Organisationen und Staaten sowie den freien Austausch von Ideen, Talenten und Waren. Sie bilden ein Gegengewicht zu national gelenkten schwankenden Interessenlagen mit spürbarem Einfluss auf die internationalen Wirtschaftsbeziehungen.

Megatrends sind nicht statisch, sondern unterliegen infolge der die Entwicklung begleitenden gesellschaftlichen Problemlagen einem permanenten Adaptionsprozess. Am Beispiel *Globalisierung* lässt sich das Merkmal von Megatrends, die *Modifizierbarkeit* (Trends sind keine statischen Phänomene), verdeutlichen. Dazu heißt es im Zukunftsinstitut: „So werden in absehbarer Zeit neu identifizierte Sub-

trends wie *Erschöpftes Europa*, *Eco Propositions*, *Smart Innovations* oder *Debendability* definiert werden“.¹⁰

Nehmen wir den Subtrend *Europa* als Resümee aktueller Realitäten und Strömungen und unter der Überschrift *Blick auf Europas Zukunft — ein Bild der Erschöpfung* subsummiert, genauer unter die Lupe: Zahlen und Fakten verweisen auf wirtschaftliche Stagnation oder geringes Wachstum, eine fortwährende, starke transatlantische Abhängigkeit und überbordende Bürokratie, wodurch Innovationen, Wachstum und auch Qualität verhindert würden. Jedoch schätzt das Zukunftsinstitut die Erschöpfung Europas als durchaus normal ein. Über eine sehr lange Periode habe Europa die Weltgeschehnisse (mit)bestimmt. Diese Zeit sei nun zu Ende. Perspektivisch gelte es, den Übergang von einer quantitativen zu einer qualitativen Globalisierung zu schaffen.

Ein Blick ins Glossar¹¹ klärt anhand ausgewählter Begriffe weiter auf:

— *Dependability*

Das Kunstwort „Dependability“ setzt sich aus den Begriffen Sustainability (Nachhaltigkeit) und Dependency (Abhängigkeit) zusammen. Es beschreibt die Notwendigkeit, als Staat oder Unternehmen strategische Abhängigkeiten zu erkennen und diese im Sinne der Nachhaltigkeit zu reduzieren... Echte Nachhaltigkeit lässt sich nicht durch isolierte Lösungen erreichen, sondern nur im Systemverbund. Wenn weltweit immer mehr Unternehmen eine stärkere Dependability erreichen, sind sie in der Lage, gemeinsam eine zukunftsfähige Welt zu gestalten.

— *Erschöpftes Europa*

Europa steht an einem Scheideweg: Herausgefordert von den wachsenden Ambitionen Chinas oder der USA, sucht der Kontinent nach neuen Partnerschaften, um seine globale Position ökonomisch und politisch zu stärken. Gemeinsam mit diesen neuen Partnern kann Europa die Grundlagen für eine qualitative Globalisierung schaffen — eine Globalisierung also, die nicht nur auf reines Wachstum setzt, sondern auch auf qualitative Aspekte wie Nachhaltigkeit und soziale Ge-

¹⁰ <https://www.zukunftsinstitut.de/hs-search-results?term=Debendability&type>.

¹¹ <https://www.zukunftsinstitut.de/zukunftsthemen/megatrend-glossar>.

rechtigkeit. Europa mag erschöpft wirken, doch besitzt der Kontinent weiterhin die Kraft, die Globalisierung aktiv mitzugestalten — hin zu mehr Vielfalt und Nachhaltigkeit. Was es dafür braucht, ist Mut.

4. Megatrend Sicherheit — *Faktische Sicherheit und gefühlte Gefahr*

Der Megatrend beschreibt widersprüchliche Entwicklungsdynamiken: Das Empfinden von Risiken und Gefahren nimmt zu, bestärkt durch die weltweiten Erfahrungen im Kontext der Coronapandemie — de facto ist gegenwärtig jedoch ein hohes Sicherheitsniveau zu konstatieren, bedenkt man u. a. die Regelungen in Arbeits- und Gesundheitsschutz, Straßenverkehr, Umwelt- oder Klimaschutz.

Im modernen Sprachgebrauch taucht die Konstruktion *Super-Safe Society*, verstanden als Risikogesellschaft des 21. Jahrhunderts, auf. Durch diese *Super-Sicherheit* werden Unsicherheitsgefühle intensiver wahrgenommen. Infolge dessen herrscht das Gefühl, im ständigen Krisenmodus auf dem Planeten zu leben.

Zur Neubewertung entstehen Fragen wie: Was bedeutet Sicherheit, und wer ist verantwortlich? Wer kann und soll Sicherheit erzeugen? Wie gelingt der konstruktive Umgang mit Unsicherheit? Die Wesensmerkmale des Trends widerspiegelt ein visionärer Sicherheitsbegriff mit Schwerpunktverschiebungen von der Verantwortung für Sicherheit vom Staat hin zur Gesellschaft und zum Individuum; von militärischer hin zu ökonomischer, ökologischer und humanitärer Sicherheit; von nationaler hin zu regionaler, internationaler und globaler Sicherheit, von akuter Bedrohung hin zu Verwundbarkeit und Risiko.

Im dazugehörigen Glossar finden sich sowohl Anglizismen als auch zum Verständnis erforderliche Kenntnisse eines hinter Begriffen verborgenen Konzeptes, wie beispielsweise:¹²

— *Super-Safe-Society*

Dank systematischer Anstrengungen wurden Fortschritte hin zu mehr Sicherheit erreicht. Entgegen weit verbreiteter Unsicherheitsgefühle leben wir faktisch in der sichersten aller Zeiten. Sicherheitsindikatoren weisen fast überall positive Messwerte auf. Aus der Risikogesellschaft von einst ist eine Super-Safe-Society (hervorragend

¹² <https://www.zukunftsinstitut.de/zukunftsthemen/megatrend-glossar/sicherheit-glossar>.

sichere Gesellschaft) geworden.

— *Germophobia*

Germophobia bezeichnet eine neue Sehnsucht nach Keimfreiheit; aktuell entstehen neue Märkte rund um die Forschung und Entwicklung von Pharmazeutika, von Desinfektionsprodukten für den Alltag. Gründe sind einerseits das reale Problem der Antibiotikaresistenzen, andererseits aber die wachsende Angst von Menschen vor Viren, Pilzen und Bakterien.

— *Grundeinkommen*

Das Grundeinkommen ist ein sozialpolitisches Konzept, nach dem jeder Bürger und jede Bürgerin eine gesetzlich festgelegte finanzielle Zuwendung vom Staat erhält. Im Falle des bedingungslosen Grundeinkommens (BGE) gewährt der Staat ein Einkommen, ohne dafür eine Gegenleistung erbringen zu müssen, für alle in gleicher Höhe und unabhängig von der wirtschaftlichen Lage. Ein solches BGE bedeutet eine große Umwälzung des Sozialstaates und seiner Strukturen.

Zusammenfassung

Digital Literacy, Erschöpftes Europa, Dataism — mit der Sprache der Megatrends auf dem Weg in die Zukunft. Schon die Überschrift klingt modern, interessant und macht neugierig — die beste Voraussetzung, mit der Zeit Schritt zu halten. Die Zukunft hat bereits begonnen, wir sind mittendrin, erleben und gestalten das Mega-Geschehen. Aufgrund der seit Langem weltweiten Verbreitung des Englischen und der gemeinsamen Sprachfamilie konnte erneut aufgezeigt werden, dass neue Entwicklungen durch die Nutzung des Englischen schnell in den deutschen Wortschatz eingehen. Die Bedeutung von Englischkenntnissen bleibt unverändert hoch. Neue Begriffe entstehen durch sprachliche — englisch-deutsche — Verwässerungen (*Digital Reputation*), wodurch ein Verstehen zunächst erleichtert wird. Zu Prüfen bleibt jedoch immer die konzeptionelle Hinterlegung, besonders beim Dolmetschen und Übersetzen (*Big Data, Grundeinkommen*).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

AGG — Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz vom 14. August 2006 (BGBl. I S. 1897).

BvR — Bundesverfassungsgericht. Beschluss des Ersten Senats vom 10. Oktober 2017 — 1 BvR 2019/16.

- Deuringer, Christian. (2000) *Organisation und Change Management: Ein ganzheitlicher Strukturansatz zur Förderung organisatorischer Flexibilität*. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag.
- GeRegÄndG — Gesetz zur Änderung der in das Geburtenregister einzutragenden Angaben vom 18. Dezember 2018 (BGBl. I Seite 2635).
- Horx, Matthias. (2011) *Das Megatrend-Prinzip. Wie die Welt von Morgen entsteht*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Lachhein, Barbara; Averkina, Larisa A., & Nikonova, Zhanna V. (2022) Sprachgebrauchsweisen in Zeiten tiefgreifender gesellschaftlicher Umbrüche in Deutschland (Linguistic Usage in Times of Profound Social Upheaval in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 233—245. doi: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-233-245.
- Lachhein, Barbara; Nikonova, Zhanna V. & Averkina, Larisa A. (2023) Transformation als Dauerzustand in der modernen Gesellschaft — Kann die Sprache mithalten? (Transformation as a Permanent Status in Modern Society — Can Language Still Keep Up?). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 20, 216—230. doi: 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-216-230.
- Naisbitt, John. (1982) *Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York: Grand Central Pub.
- Seiter, Ochs. (2014) Megatrends verstehen und systematisch analysieren — Ein Framework zur Identifikation von Wachstumsmärkten. *markeZin*, 5.

Barbara Lachhein
Essen Society for German-Russian Dialogue

Zhanna V. Nikonova, Larisa A. Averkina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

**Digital Literacy, an Exhausted Europe, Dataism —
on the Road to the Future with the Language of Megatrends**

The German language is being changed more rapidly and more specifically under the digitalisation effects and takes its concrete expression in the discourse on the social transformation processes that are largely occurring in German-speaking countries. This results in a high level of social responsibility towards the population for communicating the programmes that are often supported by legislation and designed to promote transformation. Megatrends can act as a vehicle here, both explaining the terms and concepts

behind them as well as the perspective. However, they are not static, indeed they must be modifiable. The article first discusses the differences between futurology and trend research, lists the characteristics of megatrends and then verbally outlines the path to the future with the megatrends of *Individualisation*, *Connectivity*, *Security* and *Globalisation*. It is emphasized that in the modern German language borrowings from English, such as *Digital Literacy*, as well as German expressions in the new meaning, e. g. *Erschöpftes Europa* 'tired Europe', neologisms, e. g. *Dataismus* 'dataization' are used to convey new meanings for these purposes. The general conclusion is that the formation of future events, generated by the current transformation of the state and reflected in the language, has already begun, and we are in the centre, experiencing and shaping mega-events. As English and its language family have long since spread throughout the world, it is evident that new trends are rapidly emerging through the use of Anglicisms in the German lexicon. Since the knowledge of English by native German speakers remains fairly widespread, new concepts in German arise due to linguistic Anglo-German blurring, primarily to facilitate comprehension. Nevertheless, it is safe to say that conceptual borrowings in German are always controlled by native speakers, especially in interpreting and translating.

Keywords: Megatrend Characteristics; Transformation; Futurology and Trend Research; Megatrends Individualisation, Connectivity, Security and Globalisation

Барбара Лаххайн

Общество германо-российских встреч (Эссен)

Жанна В. Никонова, Лариса А. Аверкина

Нижегородский государственный лингвистический университет

Информационные стратегии, уставшая Европа, цифровая реальность — язык мегатрендов на пути в будущее

Известно, что в условиях цифровизации немецкий язык изменяется значительно быстрее и специфичнее, чем в любое другое время. Это отчетливо отражено в дискурсе, посвященном общественно трансформационным процессам, которые во всех немецкоязычных странах проходят почти одинаково. Задачей языка является сделать понятными для населения обсуждаемые, частично утвержденные законодательно и подготовленные к реализации программы трансформаций. В этом процессе роль посредников выполняют мегатренды, так как они содержат понятия, отражающие их концепты и перспективы.

При этом мегатренды не стабильны и в процессе постоянного изменения задач общества подвержены перманентной адаптации. Дискурс, широкий по тематике, растянутый во времени, не лишенный противоречий по сути, должен в идеале привести к взаимопониманию государства и индивидуума. В статье рассматриваются различия между понятиями «исследование будущего» и «исследование трендов» и дается вербальная характеристика мегатрендам Individualisierung ‘индивидуализация’, Konnektivität ‘взаимосвязь через цифровизацию’, Sicherheit ‘безопасность’ и Globalisierung ‘глобализация’, которые характеризуют развитие общества на пути в будущее. Подчеркивается, что в современном немецком языке для передачи новых значений в указанных целях используются заимствования из английского, например, Digital Literacy ‘информационные стратегии’, а также немецкие выражения в новом значении Erschöpftes Europa ‘уставшая Европа’, неологизмы Dataismus ‘датаизация’. Делается общий вывод о том, что формирование будущих событий, порожденных текущей трансформацией государства и отраженных в языке, уже началось, и мы находимся в центре, переживаем и формируем мега-события. В связи с тем, что английский язык и его общая языковая семья уже давно распространились по всему миру, становится очевидным, что благодаря использованию англицизмов в немецком лексиконе быстро возникают новые тенденции. Поскольку знание английского языка носителями немецкого языка остается достаточно распространенным, новые понятия в немецком языке возникают вследствие языкового англо-немецкого размывания, в первую очередь, облегчающего понимание. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что концептуальные заимствования в немецком языке всегда контролируются носителями языка, особенно при устном и письменном переводе.

Ключевые слова: признаки мегатренда; трансформации; исследование будущего и мегатрендов; индивидуализация мегатрендов; взаимосвязь через цифровизацию; безопасность; глобализация

Для цитирования:

Лаххайн Б., Никонова Ж. В., Аверкина Л. А. Digital Literacy, erschöpftes Europa, Dataism — mit der Sprache der Megatrends auf dem Weg in die Zukunft (=Информационные стратегии, уставшая Европа, цифровая реальность — язык мегатрендов на пути в будущее) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 287—298.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-287-298.

To cite this Article:

Lachhein, Barbara; Nikonova, Zhanna V. & Averkina, Larisa A. (2024) Digital Literacy, erschöpftes Europa, Dataism — mit der Sprache der Megatrends auf dem Weg in die Zukunft (Digital Literacy, an Exhausted Europe, Dataism — on the Road to the Future with the Language of Megatrends). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 287—298. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-287-298.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted 15.05.2024; accepted for publication 11.06.2024

Л. А. Нефедова

Московский педагогический государственный университет

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЖЕНЩИНА-ПОЛИТИК
ГЕРМАНИИ» В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СМИ
(ЛИНГВОГЕНДЕРНЫЙ КОМПОНЕНТ)**

Статья написана в контексте лингвоперсонологических исследований, которые направлены на изучение языковой личности в лингвистике. Сквозь призму понятия «лингвокультурный типаж» в статье рассматривается обобщенный образ женщины-политика современной Германии, созданный на основе языковых характеристик речи и выводимой ценностной ориентации. В качестве объекта исследования рассматриваются вербальные особенности публичных выступлений самых известных женщин-политиков Германии: председателя комитета бундестага по обороне Мари-Агнес Штрак-Циммерманн, министра иностранных дел Германии Аннелены Бербок и председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен, что позволило моделировать феминный лингвокультурный типаж маскулинного типа как узнаваемый образ представительниц немецкого политикума. На материале европейских СМИ описывалась агрессивная и воинственная риторика немецких женщин-политиков, и на основании этого был сделан вывод о возможности охарактеризовать лингвокультурный типаж «женщина-политик Германии» посредством конститутивных признаков «воинственность» и «агрессивность». На основе проведенного исследования были также сделаны выводы, что номинативное ассоциативное поле выявленного типажа «женщина-политик Германии» формирует ономаσιологическое поле «эскалация политического конфликта», которое в немецком языке выражает актуальное понятие «Krieg um Frieden», и что основная деятельность женщин-политиков, речи которых отличаются воинственными заявлениями, передается словосочетанием «способствовать дальнейшей эскалации войны». При рассмотрении лингвокультурного феминного типажа современной политической элиты Германии учитывалась также динамика его развития сквозь призму трансформации понятий маскулинности и феминности как фундаментальных категорий человеческой культуры. В частности, постулируется, что понятийные признаки рассматриваемого лингвокультурного типажа стали формироваться в немецкоязычном культурном ареале много веков назад и передавались из поколения в поколение. В настоящее время наблюдается разнообразие

и множественность диапазонов маскулинности и феминности; традиционные качества маскулинности и феминности размываются, превращаясь в свою противоположность. В заключение нами был сделан вывод о кросскультурном характере рассматриваемого в исследовании феминного типажа маскулинного типа, приобретающего в настоящее время статус общеевропейского явления, и вследствие этого вывод о необходимости изучения лингвокультурного типажа «женщина-политик Европы».

Ключевые слова: женщина-политик; лингвокультурный типаж; гендер; феминность; маскулинность; воинственность

1. Введение

Активное изучение языковой личности в отечественной лингвистике позволило в середине 90-х гг. XX в. выделить в качестве отдельной лингвистической дисциплины «лингвистическую персонологию» (НЕРОЗНАК 1996). Настоящее исследование базируется в рамках этой дисциплины на моделировании обобщенного типа личности «женщина-политик Германии», характеристики которого релевантны для всех представителей данного типажа.

Целью работы является лингвоперсонологическое моделирование лингвокультурного типажа «женщина-политик Германии». Для достижения этой цели было необходимо решить следующие *задачи*: раскрыть содержание понятий «лингвокультурный типаж», «мужественность», «женственность», «пацифизм» и «воинственность женщин», охарактеризовать основные конститутивные признаки типажа «женщина-политик Германии».

Объектом исследования послужили публичные выступления наиболее известных женщин-политиков современной Германии (три представительницы типажа: председатель комитета бундестага по обороне Мари-Агнес Штрак-Циммерманн, министр иностранных дел Германии Анналена Бербок и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен) и их оценка европейскими СМИ. В качестве предмета изучения рассматриваются вербальные особенности высказываний этих женщин-политиков, позволяющие говорить о лингвокультурном типаже как об узнаваемом образе представительниц немецкого политикума.

Актуальность исследования обоснована объективной необходимостью изучить лингвокультурный типаж «женщина-

политик Германии» как отдельное лингвистическое понятие с целью расширения представления о нем. Несмотря на то, что немецкие женщины-политики создают узнаваемые образы в культуре современной Германии, данный типаж еще не был рассмотрен в рамках лингвоперсонологии.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые делается акцент на выявлении и описании лингвокультурного типажа современных женщин-политиков Германии с учетом динамики его развития сквозь призму трансформации понятий феминности и маскулинности на основе речевых характеристик, отличающихся агрессивной и воинственной риторикой.

2. Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили актуальные тексты современных европейских СМИ. Общее культурное пространство современного Европейского союза, публичные выступления в европарламенте политиков из немецкоязычных стран на английском языке становятся причиной того, что мы не ограничиваемся рамками исследования только немецкоязычного материала СМИ.

Для выявления и описания современного лингвокультурного типажа женщин-политиков Германии применялись следующие основные методы, позволившие определить общие вербальные характеристики в публичных выступлениях женщин-политиков Германии: метод лингвистического наблюдения, метод лингвистического описания, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Понятие «лингвокультурный типаж» в отечественной лингвистике

В качестве основного понятия исследования служит понятие «типаж», наиболее полно разработанное в современной лингвистике российским ученым, специалистом в сфере лингвокультурологии В. И. Карасиком и представителями руководимой им научной школы, занятых изучением проблем социолингвистики и лингвокультурологии. Типаж — это шаблон определенного поведения, он включает также речевые характеристики и соотносится с теми или иными узнаваемыми людьми

(КАРАСИК & ЯРМАХОВА 2006: 48).

Лингвокультурные типажи, согласно определению Карасика, являются узнаваемыми образами представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества (КАРАСИК 2007: 88). Лингвокультурный типаж, подчеркивает ученый, может иметь отрицательную оценку. «Если модельной личности стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение» (ibid.).

В данном термине ученые акцентируют внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке) (КАРАСИК & ДМИТРИЕВА 2005: 22).

Лингвокультурный типаж представляет собой один из сложившихся типов национальной идентичности, обладающий узнаваемостью в национальной культуре. При этом национальная идентичность является многомерным феноменом. О. Г. Чупрына делает акцент на динамическом характере идентичности, воспринимаемой в рамках культуры (ЧУПРЫНА 2017). Поэтому лингвокультурный типаж следует рассматривать в динамике его развития.

На наш взгляд, понятийные признаки рассматриваемого лингвокультурного типажа «современная женщина-политик Германии» стали формироваться в немецкоязычном культурном ареале много веков назад и передавались из поколения в поколение.

3.2. Воинственность как основная составляющая лингвокультурного типажа «женщина-политик Германии»

3.2.1. Понятия мужественности и женственности

Понятия мужественности и женственности, маскулинности и феминности, рассматриваются как фундаментальные категории человеческой культуры, которая веками трудилась над воспроизводством бинарной системы. В концептуальном плане данные понятия — это предписание нормативное, направляющее нас на путь «правильной» реализации.

В социальных науках за мужчиной резервировалось качество инструментальности. Мужчина инструментализирует свои

качества, силу, доминантность, агрессивность и прочее для того, чтобы финансово обеспечить семью, реализовать свою роль.

Женственность рассматривается как традиционная модель поведения и совокупность психических качеств женского пола, к которым обычно относят чувствительность, нежность, верность, сострадательность, заботливость. За женщиной традиционно резервировались экспрессивные качества, которые и составляют суть феминности: возможность выражать свои чувства, заботиться о других. В женское сознание внедрялась центральная задача — репродукция. Женщина от природы добра, заботлива и созидательна; главное предназначение женщины — это порождение: порождение мыслей, идей, добрых эмоций и детей. Женщина создает и приумножает жизнь, бережет ее. Женскому началу свойственны проявления миролюбия, умение и желание достигать компромиссов, доверчивость, терпение, проявление признаков любви и стремление к стабильности и покою.

Подобное понимание маскулинности и феминности, за которым стоит предписанное поле деятельности, всегда было доминирующим. Традиционное общество стремилось подчеркивать качества маскулинности и феминности, чтобы они не размывались, не превращались в свою противоположность.

Подтверждение этого находит отражение в многочисленных текстовых примерах на немецком языке, в которых мужественность соотносится с воинственностью и агрессивностью.

- (1) *Männlichkeit* hat derzeit ein schlechtes Image; sie wird mit Belästigung, Vergewaltigung, Umweltzerstörung oder *Kriegslust* korreliert;
- (2) Das schützt mich auch vor der sexuellen *Aggressivität der Männer*;
- (3) *Gewalttätige Aggression* geht zum weitaus größten Teil von *Männern* aus;
- (4) Ob *Gewalt* zu Hause oder auf der Straße: Fast immer sind *Männer die Täter*, so sagt es die Statistik (DWDS).¹

Со временем маскулинность и феминность стали утрачивать свою доминантную роль с позиции предписанности, стало распространяться мнение, что эти различия навязаны как искусственно стимулируемая бинарная конструкция, от нее отказываются на идеологическом уровне. То, что мужественность грубая

¹ Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>.

и агрессивная, а женственность нежная и умиротворяющая — клише, как говорят феминистки. Концепция гендерного разнообразия показывает нам, что маскулинность и феминность как подчеркнутые конструкции — это пройденный этап.

Нормы мужского и женского поведения претерпевают изменения, общества модернизируются. Сегодня мы наблюдаем разнообразие и множественность диапазонов маскулинности и феминности. Женщины как социальная группа разрабатывают разнообразные жизненные стратегии и сценарии.

Согласно прогнозам немецкого футуролога и основателя Института будущего (Zukunftsinstitut) Маттиаса Хоркса, на рынке труда пол целиком утратит свое значение. Многие женщины сегодня решают задачу укоренения в профессии, накопления образовательных и профессиональных капиталов. Хоркс считает, что мы живем в своего рода виртуальной гендерной вселенной, в которой постоянно повторяем одни и те же шаблоны. Тем не менее он предсказал «женский мегатренд» еще в 2011 г.²

Влияние женщин на общество, политику и экономику постоянно возрастает. Во всем мире можно увидеть, что женщины превосходят мужчин, когда дело касается образования. Это влияет и на позиции лидеров. Многочисленные исследования показывают, что компании становятся более инновационными и успешными, когда женщинам тоже есть что сказать. И женщины зачастую воспринимаются (даже менеджерами-мужчинами) более эффективными, чем мужчины на всех уровнях иерархии практически во всех функциональных областях.

3.2.2. Пацифизм и воинственность женщин Германии

Германия исторически была всегда воинственной страной. Немцы прославились еще с древних времен как жестокие и бескомпромиссные воины. Германцев не смогла покорить даже могущественная Римская империя.

Воин — архетип, означающий мужскую силу в физическом смысле. Однако широко известен древнегреческий миф о племени амазонок, женщин-воительниц, образовавших особое воин-

² <https://www.globalance-invest.de/news-trends/female-for-future-die-zukunft-wird-weiblich>.

ственное государство. Европейская средневековая литература повествует о женщине, обладающей сильным характером и занимающейся типично «мужским» делом войной — деве-воительнице, которая соглашается на брак только при условии, что мужчина превзойдет ее в типично мужских боевых искусствах. В скандинавской мифологии валькирия, дева-воительница в доспехах со щитом и копьем, реет на крылатом коне над полем битвы и решает, кому из воинов, павших в бою, попасть в небесный чертог. Валькирии предстают и женщинами-богатырями. Одно из основных действующих лиц древнегерманского цикла поэм о Нибелунгах — воинственная Брунхильда.

Проблема воинственности женщин Германии восходит к укладу жизни древних германцев, которые должны были выживать в суровых условиях севера Европы. Тема особой воинственности древнегерманских женщин была затронута древнеримским историком Тацитом в его сочинении *О происхождении германцев и местоположении Германии*, посвященном Германии (ТАЦИТ 1969). В этом сочинении историк писал о причастности древнегерманских женщин к военным действиям их мужей. Защита земли от римлян была совместным, общим делом всей семьи. Женщины побуждали своих мужей к храбрости на поле боя близостью к ним и поддержкой. Они заботились о раненых, доставляли на поле боя пищу, ободряли своих мужей. Тацит писал:

Конные отряды и боевые клинья составляют у них не по прихоти обстоятельство и не представляют собою случайных скопищ, но состоят из связанных семейными узами и кровным родством; к тому же их близкие находятся рядом с ними, так что им слышны вопли женщин и плач младенцев, и для каждого эти свидетели — самое святое, что у него есть, и их похвала дороже всякой другой; к матерям, к женам несут они свои раны, и те не страшатся считать и осматривать их, и они же доставляют им, дерущимся с неприятелем, пищу и ободрение (ibid.).

Женщины поддерживали своих воинов, находясь рядом с ними на полях сражений, не позволяя своим мужьям отступать, когда те терпели поражение:

Как рассказывают, неоднократно бывало, что их уже дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины, неотступно молившие, ударяя себя в обнаженную

грудь, не обрезать их на плен, мысль о котором, сколь бы его ни страшились для себя воины, для германцев еще нестерпимее, когда дело идет об их женах» (ibid.).

Тацит писал о браках древних германцев, указывая на то, что приданое предлагала не жена мужу, а муж жене. При этом родственники и близкие жены осматривали подарки мужа; для них было недопустимо, чтобы подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной. Высоко ценилось в качестве подарка боевое оружие: «то должны быть быки, взнузданный конь и щит с фрамеей и мечом». За эти подарки муж получал жену, «да и она взамен отдаривала мужа каким-либо оружием». В глазах древних германцев «это наиболее прочные узы, это — священные таинства, это — боги супружества». Женщины должны были быть причастными к обеспечению постоянной боевой готовности мужчин:

И чтобы женщина не считала себя непричастной к помыслам о доблестных подвигах, непричастной к превратностям войн, все, знаменующее собою ее вступление в брак, напоминает о том, что отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что он; это возвещает ей запряжка быков, это конь наготове, это — врученное ей оружие (ibid.).

Женщины выносили все тяготы жизни сурового времени наравне с мужчинами:

Так подобает жить, так подобает погибнуть; она получает то, что в целостности и сохранности отдаст сыновьям, что впоследствии получат ее невестки и что будет отдано, в свою очередь, ее внукам (ibid.).

Современные ученые обращаются к исследованию проблемы связи понятий «женщина», «пацифизм» и «война», пытаются ответить на вопрос, поддерживают ли женщины в целом более мирную внешнюю политику.

Пацифизм женщин объясняется биологическими факторами; с агрессивным поведением мужчин исследования связывают гормоны тестостерон и кортизол. Однако прежде всего в качестве возможной причины называют различную социализацию мужчин и женщин: девочек с раннего возраста воспитывают нежными, им дают куклы, мальчикам — игрушечные пистолеты.

Другая причина, по которой женщины, в частности, отвергают насилие, заключается в теории рационального принятия решений. В случае войны они проиграют. Женщины обладают меньшей физической силой, чем мужчины, они часто находятся в худшем материальном положении.

Американские политологи О. Дюбе и С. П. Хариш (Oe. Du-be, S. P. Harish), тематизируя проблему, будет ли мир, в котором доминируют женщины, более мирным и ведут ли женщины-правители меньше войн, пишут: «Взгляд на историю показывает: нет, наоборот. В период с 1480 по 1913 гг. королевы в 27 раз чаще участвовали в войнах между государствами, чем короли».³

Хотя женщины более склонны отвергать войны и насилие, чем мужчины, лидеры обычно принимают решения по стратегическим соображениям: личные взгляды на насилие менее важны, чем вера в то, что будет правильным для их государства. Одна из причин агрессивности королей заключается в том, что у них было больше времени, которое можно было посвятить войне: некоторые в это время передавали государственные дела своим супругам. Если в период с 1970 по 2000 г. демократию возглавляла женщина, утверждаемый ею оборонный бюджет и масштабы внешних конфликтов были выше среднего (ibid.).

Женщины в политике не всегда выступали гарантами мира. Премьер-министр Великобритании, «железная леди» Маргарет Тэтчер вела Фолклендскую войну против Аргентины, а Индира Ганди руководила третьей индо-пакистанской войной.⁴

Эрик Меландер из Уппсальского университета пришел к выводу, что женщина на посту главы государства не гарантирует того, что будет возникать меньше внутренних конфликтов. Согласно результатам исследования Маргит Буссманн, высокая доля женщин в парламенте не предотвращает гражданские войны (ibid.).

3.3. Воинственность и агрессивность как основные конститутивные признаки типажа «женщина-политик Германии»

К важнейшим аспектам внешней политики правительства Германии относятся неизменность «западной» ориентации стра-

³ <https://www.geo.de/magazine/geo-magazin/17490-rtkl-studie-waere-eine-von-frauen-beherrschte-welt-friedlicher>.

⁴ <https://katapult-magazin.de/de/artikel/mehr-frauen-weniger-krieg>.

ны, верность НАТО и союзу с США, а также поддержка идеи расширения и укрепления ЕЭС. Такая официальная политика проводится на фоне мирных акций в немецкоязычных странах, выражающих протест против деятельности НАТО, войн и применения оружия с лозунгами *Frieden schaffen ohne Waffen! Nein zu Kriegen — Rüstungswahnsinn stoppen! Stoppt den Krieg! Mehr Diplomatie statt mehr Waffen! Diplomatie, keine Waffen! Panzer bringen niemals Frieden!*

На этом фоне лингвокультурный типаж «женщина-политик Германии» в значительной степени формируется за счет агрессивной и воинственной риторики женщин-политиков, трех представительниц типажа в политической элите страны Мари-Агнес Штрак-Циммерманн, Анналены Бербок и Урсулы фон дер Ляйен, которая соответствует духу проводимой ими политики. Отметим, что данному проамериканскому типуажу противостоят отдельные женщины-политики, такие как Сара Вагенкнехт, которая выступает за политику, направленную на дипломатию и мир («*eine wieder auf Diplomatie und Frieden orientierte deutsche Außenpolitik*»), призывает показать красную карточку политикам а la Штрак-Циммерманн или Бербок, которые втягивают немцев в войну.

(5) ...a la Strack-Zimmermann oder Baerbock, die uns immer tiefer in Kriege hineinziehen, die Milliarden verpulvern für immer mehr Waffen, die bei der Lösung internationaler Konflikte nur noch auf die militärische Karte setzen (Sahras offizieller Infokanal).

Публичная политическая речь является не только официальным выступлением политика, но и его «языковым лицом» (Гуляева 2011: 185). Особенностью публичного выступления политика является тот факт, что данный тип речи «работает» на создание определенного имиджа.

Речь немецких воинственных женщин-политиков может быть описана посредством таких атрибутов как «воинственный», «милитантный» (нем. *militärisch, militant, kämpferisch*). Она наполнена атрибутами «решительный, твердый, ясный, жесткий, резкий» (нем. *entschieden, klar, resolut*) для выражения своей позиции; глаголами разрушения, уничтожения (нем. *ruinieren, zerstören, vernichten*). Номинативное ассоциативное поле типажа «женщина-политик Германии» формирует ономаσιологическое

поле «эскалация политического конфликта», которое в немецком языке выражает понятие «Krieg im Frieden». Основная деятельность женщин-политиков может быть передана словосочетанием «способствовать дальнейшей эскалации войны».

Председатель комитета бундестага по обороне Штрак-Циммерманн — самая воинственная женщина политикума современной Германии. Политиканша очень нравится президенту США Джозефу Байдену и заправилам военно-промышленных концернов, но многие немцы ненавидят ее за рвение в вопросах войны. Она — одна из важнейших лоббисток германского Военно-промышленного комплекса. Воинственные публичные высказывания стали «визитной карточкой» Штрак-Циммерманн, ее своеобразным «фирменным знаком».

Она пылко и безоглядно выступает за передачу дальнобойных ракет Таугус Украине, за укрепление бундесвера.

(6) Wachswich war gestern. Klare Linie ist heute.⁵

В бундестаге она критикует фон дер Ляйен за ее действия на посту главы ЕК, обвиняет ее в том, что та недостаточно привержена военному сотрудничеству и укреплению ЕС во время своего пребывания на посту.

В немецкоязычной прессе Штрак-Циммерманн представляют как оружейную лоббистку («Rüstungslobbyistin») с уточнениями, акцентирующими внимание на ее ангажированности и особом рвении:

— оружейная лоббистка и лоббистка НАТО:

(7) eine NATO- und Rüstungslobbyistin;⁶

(8) Ja, Frau Strack-Zimmermann kann als Rüstungslobbyistin bezeichnet werden;⁷

⁵ <https://m.facebook.com/FDP/photos/wir-m%C3%BCssen-ein-klares-bekennnis-geben-wachswich-war-gestern-klare-linie-ist-he/989218902765203> (компания Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ).

⁶ <https://www.infosperber.ch/politik/lobbys/tamedia-ueberspielt-strack-zimmermanns-interessenkonflikte>.

⁷ <https://de.quora.com/Darf-Fr-Strack-Zimmermann-eine-R%C3%BCstungslobbyistin-genannt-werden>.

— оружейная лоббистка, отличающаяся воинственным поведением:

(9) Sie hat so wenig versöhnliches, dass *ihr Waffeneifer* als *Rüstungslobbyistin* gut in ihr automatisch *militantes Gehabe* passt;⁸

— добровольная оружейная лоббистка:

(10) Wenn *ehrenamtliche Rüstungslobbyist:innen wie Marie-Agnes Strack-Zimmermann* (FDP) die inbrünstige Sorge um die Gewinnmargen ihrer Auftraggeber zur Empathie mit den Unterdrückten dieser Erde umzudeuten versuchen, wenn zugleich pazifistisches Engagement als „Feindbegünstigung“, Verrat am nationalen „Wir“ der Wertegemeinschaft oder verweichlichte „Wehrkraftersetzungs“ verächtlich gemacht werden soll, dann ist dringend geboten, die historischen Lehren aus zwei von deutschem Boden ausgegangenen Weltkriegen gesellschaftlich neu zur Geltung zu bringen.⁹

Наряду с немецкими мужчинами-политиками ее причисляют к боевым ястребам, сторонникам эскалации в политической дискуссии о военных вопросах:

(11) Das ist ein Angriff auf das Wichtigste in der Demokratie, auf den kritischen Diskurs, wenn *die militärischen Falken wie Frau Strack Zimmermann, Toni Hofreiter, Michael Roth oder Manfred Weber* eine Dauerpräsenz in den Talkshows haben, während Vertreter der Friedensbewegung gar nicht eingeladen werden oder bestenfalls als Feigenblatt.¹⁰

(12) Sie gilt als *harte Kämpferin im Bundestag*.¹¹

Каждое публичное выступление Штрак-Циммерманн неистово и агрессивно. В немецкоязычных СМИ с ее именем связаны также многочисленные номинации, основным компонентом которых является слово *Krieg* ‘война’. Самая распространенная из них обозначает понятие разжигания войны: *Kriegstreiberin* ‘поджигательница войны’ — *Person, die mit Hetze versucht, ein Land in den Krieg zu treiben* (DWDS). Это понятие реализуется в

⁸ <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2024-03/marie-agnes-strack-zimmermann-geheimhaltung-aurus-verteidigungsausschuss>.

⁹ <https://schluss-mit-austeritaet.de/event/filmseminar-im-westen-nichts-neues>.

¹⁰ <https://www.blog-der-republik.de/frieden-stiften-kriege-beenden>.

¹¹ <https://www.fdp.de/pressemitteilung/strack-zimmermann-interview-es-geht-um-unsere-freiheit-frieden-und-um-die>.

политическом действии «подстрекать к враждебным действиям против другого народа», «натравливать один народ на другой» (zum Krieg, gegen den Frieden hetzen).

Штрак-Циммерманн — одна из самых «популярных» (Deutschlands beliebteste Kriegstreiberin der Herzen)¹² и самых агрессивных поджигательниц войны в Германии.

(13) Die FDP-Abgeordnete Agnes Strack-Zimmermann ist eine der aggressivsten Kriegstreiberinnen Deutschlands. Als Vorsitzende der „Deutschen Gesellschaft für Wehrtechnik“ (DWT) und dem „Förderkreis Deutsches Heer“ (FKH) sowie als Vize-Präsidentin der „Deutsch-Atlantischen Gesellschaft“ (DAG) ist sie die wichtigste Rüstungslobbyistin im Deutschen Bundestag.

Frau Strack-Zimmermann fällt durch ein besonders vulgäres Vokabular auf, sie bedient sich auch gerne mal der Fäkalsprache. Ich hatte sie auf x-twitter als *Nazibraut* bezeichnet.¹³

В немецкоязычной прессе преобладают номинации с явно выраженными негативными коннотациями, когда пишут о Штрак-Циммерманн. В милитарной перифрастической номинации *Panzertante mit Haarhelm*¹⁴ присутствуют два слова *Panzer* ‘танк’ и *Helm* ‘шлем’ из лексикона военной лексики, что в имплицитной форме ясно характеризует женщину-политика.

Новое милитарное прозвище Штрак-Циммерманн — «Eurofighterin», номинация с компонентом-англицизмом, реализует актуальный прием создания новых слов в современном немецком языке, описываемый нами как явление, обратное калькированию англицизмов (НЕФЕДОВА 2013).

(14) „Eurofighterin“ Strack-Zimmermann zieht in den Europa-Wahlkampf.¹⁵

Эмоционально окрашены негативно коннотированные, метафорические номинации *Kriegspriesterin* ‘жрица войны’ и *Kriegshexe* ‘ведьма войны’. Для многих в Германии она персонаж

¹² <https://taz.de/Die-Wahrheit!/5907641>.

¹³ <https://spendenaktion.de/spendenaktion/die-rustungslobbyistin-strack-zimmermann-hat-mich-verklagt-2/-30989>.

¹⁴ <https://taz.de/Die-Wahrheit!/5907641>.

¹⁵ <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/eurofighterin-strack-zimmermann-zieht-in-den-europa-wahlkampf>.

литературы ужасов: «Hexe Dracula, Dracula's Mutter, Marie-Agnes-Strack-Dracula, Strick-Strack-Dracula»,¹⁶ немецкая Баба-Яга.

Штрак-Циммерманн — железная леди Свободной демократической партии Германии («die Eiserne Lady der FDP»). Это прозвище женщин-политиков с маскулинными характеристиками указывает на твердость характера и политических решений называемого лица (НЕФЕДОВА & ПОЛОНЯНКИНА 2023: 123).

Совсем недалеко от Штрак-Циммерманн отстоит министр иностранных дел Германии Анналена Бербок, которая является представителем нового поколения европейских политиков, для которых воинствующее невежество является нормой. Дед Бербок служил в вермахте и был национал-социалистом, в 1944 г. он был награжден крестом с мечом за военные заслуги.

Бербок отличается воинственными заявлениями по украинскому вопросу. Лозунг «разрушить Россию» («Russland ruinieren») стал ее знаменитым призывом: «Das wird Russland ruinieren» — о пакете санкций против России 25.02.2022 г. Борьба с Россией — главное содержание ее деятельности на посту министра иностранных дел Германии. Она поддерживает поставку тяжелого вооружения Украине, выступает за увеличение военных расходов Германии.

24 января 2023 года на заседании ПАСЕ в Страсбурге глава МИД ФРГ сказала, что страны Европы «ведут войну с Россией».

(15) Ja, wir müssen mehr tun, denn *wir kämpfen einen Krieg gegen Russland*.¹⁷

Военные действия России она представляет как войну на уничтожение, истребительную войну.

(16) Putin mache selbst vor den Kindern, nicht Halt, sondern beziehe sie auf brutale Art in seinen *Vernichtungskrieg* ein.¹⁸

Партию Зеленых, к руководству которой принадлежит Бербок, в Германии называют помешанными на войне («kriegs-

¹⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=oxiQkI2EIa0>.

¹⁷ <https://www.tagesspiegel.de/internationales/deutsche-panzer-an-der-ostfront-so-reagiert-russland-auf-die-leopard-lieferung-9242355.html>.

¹⁸ <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/baerbock-putin-ukraine-krieg-100.html>.

geil») и поджигателями войны («Kriegstreiber»). Одна из статей о Бербок носит заголовок:

(17) Pazifismus war gestern. *Kriegstreiberin?*¹⁹

Бербок — новая железная леди Германии: «die neue „Eiserne Lady“, die Eiserne Lady im Auswärtigen Amt».²⁰

Многочисленные оговорки и ошибки Бербок стали основой обидных прозвищ: «Annalena „360 Grad“ Baerbock, die undiplomatische Diplomatin, Annalena „EU von Lissabon bis Lugansk“».

В речи по случаю 75-летия Основного закона Германии Бербок противопоставила мир и поставки вооружения Украине, превратив лозунг *Krieg um Frieden* в лозунг *Krieg oder Frieden* и признав тем самым, что она выступает против мира.

(18) *Bist du für den Frieden oder Waffenlieferung an die Ukraine?*²¹

Воинственный нарратив присутствует в представлении гендерного аспекта внешней политики Германии. В интервью газете «Die Welt» Бербок объясняет «гендерно-трансформативные» основы своей внешней политики. Трансформация будет резкой и коснется всех, хотя бы они или нет. Она «накажет» Россию за Украину, Китай — за активность в Африке, Иран — за притеснение женщин.²²

Еще одна представительница рассматриваемого воинственного типажа — лидер европейского политикума, председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен. Эта женщина-политик проявила себя на политическом поприще как первая женщина на посту министра обороны Германии. Прозвища, связанные с вооружением, Ляйен получила, занимая пост министра обороны Германии: *Flinten-Uschi* ‘Уши с ружьем’; *Panzer-Uschi* ‘танк Уши’ (*Uschi* — форма диминутива от *Ursula*). Должность министра обороны, как и в целом концепт *защиты, обороны, войны*, соотносится с полем маскулинности, тем самым способствуя созданию

¹⁹ <https://www.funk.net/playlist/krieg-in-der-ukraine-5824/baerbock-die-gruenen-pazifismus-war-gestern-1898193>.

²⁰ <https://www.faz.net/aktuell/politik/fraktur/loewe-soeder-und-baermerz-die-freundschaft-der-raubtiere-19709858.html>.

²¹ <https://x.com/AuswaertigesAmt/status/1793173053460951525>.

²² <https://inosmi.ru/20230322/berbok-261594842.html>.

маскулинной идентичности. Речь идет о создании комического эффекта, который нацелен на выработку пренебрежительного отношения к политику по причине гендерного противоречия концептов ЖЕНЩИНА — ВОЙНА (Полонянкина 2022: 2584).

Выступая в европарламенте, Ляйен обещает поставить ВС Украины новые танки, вертолеты, средства ПВО, а также ракеты, призывает рассматривать оборонный потенциал и ВПК Украины как европейские, что позволит интегрировать ее в оборонные программы ЕС, хочет подготовить ЕС к войне.

(19) Von der Leyen will *EU kriegstauglich machen*.²³

Ляйен использует воинственную риторику в своих заявлениях по поводу ситуации в Израиле, рукоплещет режиму апартеида, который ровняет с землей города с детьми, называя его «истинной демократией». Депутат Европейского парламента Клэр Дэйли (Clare Daly) из Ирландии назвала ее Frau Genocide ‘фрау Геноцид’ за разжигание войны в Газе и поддержку Израиля. Лидер французской партии «Патриоты» Флориан Филиппо (Florian Filippo) в социальных сетях так высказался о ней:

(20) О кризисе на Ближнем Востоке мы слышим только воинственный и неоконсервативный лай Урсулы фон дер Ляйен.²⁴

Ляйен уличают в лицемерии: удары армии России по энергетическим объектам Украины — террористический акт; полное отключение сектора Газа от электричества, воды и прекращения поставок продовольствия и лекарств — право израильтян на свою защиту.

Таким образом, на основе изучения речевых характеристик публичных выступлений трех женщин-политиков Германии и их оценки европейскими СМИ выявлены понятийные признаки лингвокультурного типажа, имеющего отрицательную оценку и вызывающего критическое отношение. Мы разделяем мнение Н. А. Цыбиной, которая полагает, что использование военной метафоры является частью стратегии дефеминизации, которая может быть нацелена на дискредитацию политика (Цыбина

²³ <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/ukraine-eu-kriegstauglich-machen-von-der-leyen-100.html>.

²⁴ <https://regnum.ru/news/3839630>.

2019: 147). Рассмотренные милитарные номинации женщин-политиков формируют ярко выраженный негативный образ «женщина-политиков Германии».

4. Заключение

Теория лингвокультурных типажей дает новый ракурс в исследовании языковой личности, акцентируя внимание на значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры с позиций лингвистики. Лингвокультурные типажы могут быть выявлены в различных сферах деятельности, в том числе политической. В политическом дискурсе проявляется лингвокультурный феминный типаж маскулинного типа «женщина-политик Германии», так называемая «воинственная фрау», типаж, который можно причислить к общеевропейскому типу, представленному женщинами-политиками Европы, громко тиражирующими американскую повестку и очень управляемыми. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении кросскультурного типажа «женщина-политик Европы».

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Гуляева Е. В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. 3 (37). С. 184—187. [Gulyaeva, Evgeniya V. (2011) Lingvokul'turnyy tipazh "politik" v sovremennom rossiyskom diskurse (Linguistic and Cultural Type of a "Politician" in Modern Russian Discourse). *Political Linguistics*, 3 (37), 184—187. (In Russian)].
- Карасик В. И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 86—89. [Karasik, Vladimir I. (2007) Lingvo-kul'turnyy tipazh (Linguocultural Type). *Language. Text. Discourse*, 5, 86—89. (In Russian)].
- Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5—25. [Karasik, Vladimir I. & Dmitriyeva, Olga A. (2005) Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya (Linguocultural Type: To the Definition of the Concept). In: Karasik, Vladimir I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* (Axiological Linguistics: Linguocultural Types). Volgograd: Paradigma, 5—25. (In Russian)].
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. [Karasik, Vladimir I. & Yarmakhova,

- Elena A. (2006) *Lingvokul'turnyy tipazh "angliyskiy chudak"* (Linguistic and Cultural Type "English Eccentric"). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Нефознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Вып. № 426 / отв. ред. В. П. Нефознак. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 1996. С. 112—116. [Neroznak, Vladimir P. (1996) *Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny* (Linguistic Personology: To Determine the Status of the Discipline). In: Neroznak, Vladimir P. (ed.) *Yazyk. Poetika. Perevod* (Language. Poetics. Translation), issue 426. Moscow: Moscow State Linguistic University, 112—116. (In Russian)].
- Нефедова Л. А. Явление, обратное калькированию англицизмов, в лексике современного немецкого языка // Наука и школа. 2013. № 2. С. 67—70. [Nefedova, Lyubov' A. (2013) *Yavleniye, obratnoye kal'kirovaniyu anglitsizmov, v leksike sovremennogo nemetskogo yazyka* (Phenomenon of Back Calque Translation of Anglicisms in the Vocabulary of the Modern German Language). *Nauka i shkola* (Science and School), 2, 67—70. (In Russian)].
- Нефедова Л. А., Полонянкина Н. В. Способы создания гендерной идентичности женщины-политика в современном политическом дискурсе (на примере прозвищного наименования *the iron lady* и его модификаций в немецком языке) // Филология и человек. № 1. 2023. С. 116—128. [Nefedova, Lyubov' A. & Polonyankina, Nadezhda V. (2023) *Sposoby sozdaniya gendernoy identichnosti zhenshchiny-politika v sovremennom politicheskom diskurse* (na primere prozvishchnogo naimenovaniya *the iron lady* i ego modifikatsiy v nemetskom yazyke) (Ways to Create the Gender Identity of a Female Politician in Modern Political Discourse (Using the Example of the Nickname *the iron lady* and its Modifications in the German Language)). *Filologiya i chelovek* (Philology and man), 1, 116—128. (In Russian)]. doi.org/10.14258/filichel(2023)1-08.
- Полонянкина Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Вып. 8. Т. 15. С. 2580—2585 [Polonyankina, Nadezhda V. (2022) *Osobennosti konstruirovaniya gendernoy identichnosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse Germanii* (na primere prozvishchnykh naimenovaniy zhenshchin-politikov) (Features of the

- Constructing the Gender Identity in Modern Political Media Discourse in Germany (Using the Example of Nicknames for Female Politicians)). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice), 8, vol. 15, 2580—2585. (In Russian)]. doi.org/10.30853/phil20220429.
- Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии // Малые произведения. Л.: Наука, 1969. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2012/0511/history01.php>. [Tacitus, Cornelius. (1969) O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii (On the Origin of the Germans and the Location of Germany). In: Tacitus, Cornelius. *Malye proizvedeniya* (Small Works). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Чурпына О. Г. Идентичность в пространстве языка и культуры // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: монография / под ред. Л. Г. Викуловой. М.: Форум Неолит, 2017. С. 301—326. [Churpyna, Olga G. (2017) Identichnost' v prostranstve yazyka i kul'tury (Identity in the Space of Language and Culture). In: Vikulova, Larisa G. (ed.) *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: chelovek i novyye sotsiogumanitarnyye tsennosti* (Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Man and New Socio-humanitarian Values). Moscow: Forum Neolith, 301—326. (In Russian)].
- Цыбина Н. А. Гендерный аспект политического дискурса // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 145—150. [Tsybina, Nadezhda A. (2019) Gendernyy aspekt politicheskogo diskursa (Gender Aspect of Political Discourse). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1, 145—150. (In Russian)]. doi 10.24411/ 1994-2796-2019-10122.

Lyubov' A. Nefedova
Moscow Pedagogical State University

**Linguocultural Type of “Female Politician of Germany”
in Modern European Media
(Linguo-Gender Component)**

The article is carried out in the context of linguopersonological research, which is aimed at studying linguistic personality in linguistics. Through the prism of the concept of “linguocultural type” the article considers a generalized image of a female politician of modern Germany, created on the basis of linguistic characteristics of speech and deduced value orientation. The verbal features of public speeches of the most famous female politicians of Germany Marie-Agnes Strack-Zimmermann, Chairwoman of the

Bundestag Defense Committee, Annalena Baerbock, German Foreign Minister, and Ursula von der Leyen, President of the European Commission, are considered as the object of the study. It made possible to model the feminine linguocultural type of the masculine type as a recognizable image of female representatives of German politicians. The aggressive and bellicose rhetoric of German female politicians was described on the material of European mass media, and on this basis it was concluded that it is possible to characterize the linguocultural type “female German politician” by means of the constitutive features “bellicosity” and “aggressiveness”. On the basis of the research, it was also concluded that the onomasiological field “escalation of political conflict”, which in German expresses the actual concept of “Krieg um Frieden”, forms the nominative associative field of the identified type of “female German politician” and that the main activities of women politicians, whose speeches are characterized by bellicose statements, are conveyed by the word combination “to contribute to further escalation of war”. When considering the linguocultural feminine type of the modern German political elite, the dynamics of its development through the prism of the transformation of the concepts of masculinity and femininity as fundamental categories of human culture was also taken into account. In particular, it is postulated that the conceptual attributes of the linguocultural type under consideration began to form in the German-speaking cultural area many centuries ago and were passed on from generation to generation. Nowadays there is a diversity and multiplicity of ranges of masculinity and femininity; traditional qualities of masculinity and femininity are blurred, turning into their opposite. In conclusion, we have drawn a conclusion about the cross-cultural character of the feminine type of masculinity considered in this study, which is currently acquiring the status of a pan-European phenomenon, and, as a consequence, a conclusion about the necessity of studying the linguocultural type of “female politician of Europe”.

Keywords: woman-politician; linguocultural type; gender; femininity; masculinity; militancy

Для цитирования:

Нефедова Л. А. Лингвокультурный типаж «женщина-политик Германии» в современных европейских СМИ (лингвогендерный компонент) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 299—319.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-299-319.

To cite this Article:

Nefedova, Lyubov' A. (2024) Lingvokul'turnyy tipazh "zhenshchina-politik Germanii" v sovremennykh yevropeyskikh SMI (lingvogendernyy komponent) (Linguocultural Type of "Female Politician of Germany" in Modern European Media (Linguo-Gender Component)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 299—319. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-299-319.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; принята к публикации 27.06.2024

The article was submitted 27.05.2024; accepted for publication 27.06.2024

М. В. Петрова
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

**РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ЧЕЛОВЕК — МАШИНА»
КАК НОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА
В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

С развитием и распространением систем искусственного интеллекта в обиход вошла новая коммуникативная практика — взаимодействие с голосовыми или текстовыми чат-ботами. Нейросетевые системы способны не только понимать, но и формировать связную речь и писать тексты на естественном языке, учитывая заданный пользователем контекст взаимодействия. Чат-боты как тип системы искусственного интеллекта используются, в первую очередь, для получения информации и создания текстов на естественном языке. Взаимодействие с нейросетевыми чат-ботами носит диалоговый характер и наделено во многом такими же характеристиками диалогической речи, как человеческое общение, что вызывает необходимость переосмыслить и уточнить понятие «диалог». В исследовании анализируется интеракция с автоматизированными системами коммуникации на примере взаимодействия с немецкоязычным чат-ботом ChatGPT 3.5 с целью выявления характерных черт такого взаимодействия в сопоставлении с диалогом в традиционном его понимании. Автор рассматривает речевое взаимодействие с чат-ботом с точки зрения характеристик непосредственности, ситуативности, эмотивности и устанавливает наличие семантической и прагматической связности коммуникативных ходов, а также описывает типичную тема-рематическую структуру речевого акта. Взаимодействие с языковой моделью ChatGPT 3.5 несет в себе черты как устного, так и письменного диалогического дискурсов. Модель ChatGPT 3.5 используется прежде всего для генерации текстов и получения информации, а не для общения, поэтому реплики модели, а иногда и пользователя, носят специфический характер, сочетая высказывание (как проявление дискурса устной сферы общения) и текст (как проявление дискурса немецкоязычной письменной культуры). Это взаимодействие несмотря на внешнее сходство с диалогом характеризуется однонаправленностью коммуникации и ограниченной способностью системы ChatGPT 3.5 учитывать контекст. Генеративный характер высказываний системы, обусловленный алгоритмами машинно-

го обучения, отличается от естественной природы спонтанной речи человека, основанной на опыте, чувствах, знаниях и представлениях. Эти особенности не позволяют рассматривать взаимодействие с чат-ботами как диалог в его классическом понимании.

Ключевые слова: чат-бот; диалог; коммуникация; автоматизированные системы немецкоязычной коммуникации; ChatGPT; ChatGPT 3.5

1. Введение

Еще недавно цифровая коммуникация ограничивалась общением между людьми с использованием различных цифровых средств-медиаторов, таких как СМС, электронная почта, мессенджеры (программы для мгновенного обмена текстовыми сообщениями и мультимедиа), сервисы беспроводного взаимодействия для организации видеоконференций и вебинаров. Однако сегодня мы наблюдаем процесс фундаментальной трансформации медиа- и коммуникационных систем в «гибридные» системы (NEPP & al. 2022; CHADWICK 2017) за счет нарастающей автоматизации коммуникации.

Автоматизация в общем смысле представляет собой «самостоятельное достижение машиной определенных целей действия — с самого начала ключевой аспект программных средств в сфере медиа» (NEPP & al. 2022: 452). Существующие автоматизированные системы коммуникации разнообразны: от роботов с физическим обликом, где могут использоваться невербальные средства взаимодействия, до виртуальных автоматизированных систем, ориентированных исключительно на вербальное взаимодействие (DÜRSCHNEID 2023: 1). В их числе, например, виртуальные ассистенты, языковые обучающие программы, системы автоматизированного обслуживания клиентов, чат-боты. Немецкоязычные чат-боты выступают в качестве объекта данного исследования.

Чат-боты — это программы, которые вступают в диалоговое взаимодействие с пользователями на определенные темы, используя текст, речь или графику (SMUTNY & SCHREIBEROVA 2020: 1). Чат-боты стали неотъемлемой частью медиа- и коммуникационного пространства, внедрились в инфраструктуру социальных и информационных систем — социальных сетей, мессенджеров, поисковых систем и онлайн-форумов. Они широко применяются

во многих областях человеческой деятельности и организации общества: политике, экономике, журналистике, образовании.

Сложность автоматизированных систем коммуникации варьируется. На одном конце спектра находятся технически простые чат-боты с базовыми функциями (LOTZE 2016: 74), обслуживающие конкретную предметную область или выполняющие узкоспециализированные задачи. Эти чат-боты работают на простых скриптах с детерминированными шагами: их действия и ответы predeterminedены и зависят от заданных условий. На другом конце спектра находятся сложные автоматизированные системы коммуникации, такие как нейронные сети. Нейронные сети представляют собой тип искусственного интеллекта (ИИ), способного адаптироваться и обучаться. Они обладают возможностью обрабатывать сложные данные и генерировать в большой степени уникальные, а не скопированные из имеющейся базы данных тексты (ПРОШИНА 2022: 28). К сложным автоматизированным системам коммуникации относятся голосовые помощники, системы машинного перевода с использованием нейронных сетей, генераторы текстов и др.

ИИ может выступать не только в роли посредника, т. е. опосредующего звена коммуникации между людьми (например, в качестве виртуального помощника на сайте компании, который обращается к клиенту, удерживает его внимание и направляет его до соединения с оператором). Современные системы ИИ могут выполнять функцию непосредственного коммуниканта, участника коммуникативного акта, на которого направлена коммуникативная интенция адресанта.

Данное исследование посвящено отдельным теоретическим аспектам речевого взаимодействия с языковыми моделями ИИ на немецком языке на примере модели чат-бота ChatGPT 3.5¹ как новой коммуникативной практики в цифровой реальности.

¹ GPT (англ. Generative Pre-trained Transformer ‘генеративный предварительно обученный трансформер’) — название семейства языковых моделей ИИ, разработанных компанией OpenAI с целью генерации текста на основе больших объемов тренировочных данных. См.: <https://chat.openai.com>.

2. Материал и методы исследования

Методологическая база исследования представляет собой совокупность методов, которые были использованы для анализа и верификации формо- и структурообразующих черт диалога в рамках дискурса между человеком и ИИ, представленного чат-ботом ChatGPT 3.5. Описательный метод был применен для наблюдения и анализа случаев реального речевого взаимодействия на немецком языке между человеком (пользователем) и чат-ботом. Путем описания, обобщения и классификации различных формообразующих и структурообразующих черт подобных «диалогов» были выделены основные характеристики такого взаимодействия и выявлены его особенности по сравнению с обычным диалогом между людьми, разговаривающими друг с другом на немецком языке.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Естественный язык как семиотическая система выступает «важнейшим средством общения, орудием формирования и выражения мысли» (РОЗЕНТАЛЬ & ТЕЛЕНКОВА 1976: 69), а также ключевым средством передачи информации и формирования картины мира человека. Как справедливо отмечает Д. С. Быльева,

Активное становление ИИ как собеседника, языковая имитация человеческих, межличностных отношений изменяет привычные социальные практики, но также позволяет взглянуть на естественный язык с новой, «нечеловеческой», точки зрения (БЫЛЬЕВА 2022: 20).

Требует нового взгляда и вопрос о специфике и взаимодействия с автоматизированными системами как новой дискурсивной практики и ее соотносительности с диалогом как традиционной формой (устной) коммуникации.

3.1. Генераторы текстов как новый тип коммуниканта

Языковая модель ИИ ChatGPT 3.5 использует многослойную нейронную сеть (так называемую «архитектуру трансформера»)² и

² Архитектура трансформера — тип архитектуры нейронной сети, использующий механизм внимания (attention mechanism), который позволяет модели фокусироваться на различных частях входных данных и использовать их для генерации выходных данных. Данная архитектура впервые была представлена в 2017 г. исследовательской

методы глубокого машинного обучения для формирования текста на естественном языке. Автоматизированная система воспринимает человеческий язык в виде последовательности символов (звуков, в случае устной речи), входящих в состав текста или речевого сегмента. Нейронные сети используют сложные алгоритмы обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP)³ и обширные наборы данных для обучения. Таким образом, нейросеть распознает и «понимает» человеческий язык через математические модели и паттерны (шаблоны проектирования), что позволяет ей взаимодействовать с языковой информацией и выполнять задачи, связанные с обработкой текста и речи.

Когда нейросеть используется для обработки человеческого языка, она может выполнять различные задачи: машинный перевод, генерация текстов различных жанров и функциональных стилей, анализ и классификация текстов, ответы на вопросы, распознавание речи.

Чат-бот ChatGPT 3.5 и подобные ему языковые модели, основанные на нейросетях и машинном обучении (Gemini от Google,⁴ GigaChat от Sber AI,⁵ Claude от Anthropic⁶), являются прежде всего генераторами текстов. В ответ на входные данные пользователя в виде вопроса или задания ChatGPT 3.5 автоматически пишет ответ на естественном языке.

На первый взгляд, обмен высказываниями с ChatGPT обладает многими формальными признаками человеческого диалога, такими как интерактивность (способность участников коммуникации активно взаимодействовать друг с другом); схожая структура взаимодействия, представляющая собой чередование ре-

группой Google Brain в статье *Attention Is All You Need* (VASWANI & al. 2017: 30) и использовалась для задач машинного перевода. Chat GPT использует предварительно обученный трансформер для генерации текста на основе входных данных и контекста.

³ Обработка естественного языка (НЛП) — технология машинного обучения, которая дает компьютерам возможность «понимать» человеческий язык и выполнять задачи, связанные с обработкой текста и речи.

⁴ <https://gemini.google.com>.

⁵ <https://developers.sber.ru/gigachat/login>.

⁶ <https://www.anthropic.com>.

клик пользователя и системы в форме вопроса и ответа; наличие диалогических маркеров и средств связности текста в речи чат-бота; возможность корректировки и уточнения запросов у пользователя; учет моделью предыдущего контекста (ограниченный, однако, количеством символов). Тем не менее в современных научных исследованиях нет единства в том, следует ли считать обмен репликами с программой на естественном языке диалогом или же такое взаимодействие представляет собой лишь имитацию диалога? При рассмотрении данного вопроса необходимо учитывать как технический, так и языковой подходы к понятию коммуникации.

Допустимо ли утверждать, что нейросетевые чат-боты, такие как ChatGPT 3.5, являются принципиально новым типом коммуниканта? В отличие от человека, автоматизированные системы не обладают реальным сознанием, спонтанностью и интенцией: ИИ не имитирует умственные усилия и интенции человека, а воспроизводит их результат в виде конкретного продукта — текста, иллюстрации, кода или схемы (ПАЛАМАРЧУК 2022: 33). В контексте вышесказанного возникает вопрос о возможности расценивать реплики, созданные ИИ, как подлинные высказывания, учитывая, что высказывание в его канонической трактовке по Р. О. Якобсону выражает законченную мысль (ЯКОБСОН 1985: 301). В случае с машиной когнитивный элемент отсутствует, поскольку она не формулирует реплику в процессе мыслительной деятельности, а генерирует ее с использованием заранее заданных алгоритмов и обученных моделей, которые опираются на обширные наборы данных (STEINHOFF 2023: 5). Или, может быть, не столь важно, каким образом возникла данная реплика, и более существенно то, что она заключает в себе окончательно сформированную идею? Здесь, как нам представляется, открывается область для потенциального исследования и дискуссии.

3.2. Новый взгляд на понятие «коммуникация»

Эффективность, с которой системы, базирующиеся на машинном обучении, выполняют задачи, увеличивается, что вызывает необходимость пересмотра теоретических концепций коммуникации в контексте взаимодействия между человеком и ИИ. Это требует разработки новых подходов и принципов для

соразмерной ориентации в этом дискурсе (ВЕСКЕР 2023). Следует отметить, что прогресс в данной области происходит настолько быстро, что понимание и подходы к этому виду дискурса будут продолжать изменяться и углубляться.

В рамках лингвистического подхода понятие «коммуникации» в широком смысле включает технико-кибернетический компонент и подразумевает любую форму взаимного обмена информацией посредством знаков (символов) как между живыми существами (людьми и животными), так и между людьми и машинами, обрабатывающими данные (BUSSMANN 2002: 392). В узком смысле Х. Бусманн определяет коммуникацию как взаимопонимание между людьми, достигаемое с помощью вербальных и невербальных знаков, к которым относятся мимика, жесты, поза, интонация, выражение глаз и лица.

Одной из ключевых характеристик коммуникации является обмен информацией, который осуществляется через текст, звуки, символы и другие невербальные знаки между участниками коммуникации (МОРОЗОВ 2023: 209). Кроме того, коммуникация предполагает наличие коммуникативного намерения, по меньшей мере, у одного из собеседников. Это означает, что хотя бы одна сторона явно стремится передать определенное сообщение, информацию или выразить свои мысли и чувства другому участнику коммуникации. Оно предполагает, что в процессе коммуникации отправитель (говорящий или пишущий) осознает свою цель и пытается достичь определенного эффекта или реакции у получателя (слушателя или читателя). Коммуникативное намерение включает выбор определенных языковых форм, стилей и стратегий, чтобы передать свое сообщение наиболее эффективным образом и обеспечить взаимопонимание между участниками коммуникации.

В контексте понятия «коммуникации» коммуникативное намерение является ключевым элементом, определяющим цель и смысл обмена информацией. Однако возможны случаи, когда коммуникация происходит без явного коммуникативного намерения. Примером такой коммуникации может быть случайный или неосознанный обмен информацией или невербальными знаками, который не имеет заданной цели. Например, когда два

человека случайно пересекаются на улице и обмениваются небольшими любезностями ради вежливости, такой обмен можно считать формой коммуникации, но в данном случае коммуникативное намерение может быть минимальным. Такие случаи могут рассматриваться как спонтанное общение, которое не строится на четко определенных коммуникативных целях.

В. Э. Морозов представил интересную перспективу относительно разграничения понятий «коммуникация» и «общение». Он указывает на возможность отсутствия ответа в некоторых ситуациях коммуникации, таких как публичные речи, массовые рекламные рассылки или оповещения об аварии, что, однако, не делает коммуникацию несостоявшейся. В необязательности ответа Морозов видит линию разграничения между понятиями «коммуникация» и «общение» и определяет общение как

любое межличностное взаимодействие, при котором ожидаются ответные действия, например, беседа, перестукивание через стену, взаимное одание воинской чести, поцелуи, драка, выстраивание в очередь и т. п. Если от кого-либо не поступает ответа, то общения не происходит (МОРОЗОВ 2023: 210-211).

В такой трактовке термина можно выделить еще один значимый критерий разграничения понятий «коммуникация» и «общение», а именно наличие или отсутствие фокусировки на обмене информацией. Необходимо также отметить, что понятие «общение» включает целый спектр социальных отношений и взаимодействия между людьми, как, например, социальные нормы, поведение, построение отношений. «Коммуникация» же фокусируется на обмене информацией и значениями, которые могут быть частью отношений, но не охватывают все его аспекты.

Так, Д. И. Гусева выделяет в структуре общения такие компоненты, как «коммуникация (обмен информацией), интеракция (организация взаимодействия и воздействия), перцепция (чувственное восприятие как основа взаимопонимания)» (ГУСЕВА 2019: 86). В то же время это означает, что в строгом терминологическом смысле общение возможно только между людьми и не может быть общения с машинами, так как последние на данный момент не обладают способностью к социальным отношениям и перцепции. Взаимодействие с машинами и ИИ может быть оха-

рактически как коммуникация, но не общение, так как не предполагает полноценных социальных отношений.

Отметим, что человек, выступающий в роли инициатора коммуникации с чат-ботами, такими как ChatGPT 3.5, ожидает и предполагает получить ответ от них. Таким образом, акт коммуникации в данном случае можно рассматривать как состоявшийся лишь в случае получения ответа от чат-бота.

В зарубежных исследованиях в контексте дискуссии о взаимодействии человека и машины и, уже, человека и ИИ, в качестве научного термина фигурируют преимущественно термины *interaction* («взаимодействие») и *communication* («коммуникация»). Поиск в научной базе данных Google Scholar по словосочетанию *communication with chatbots* за период с 2022 по 2023 г. выявил 47 совпадений. При аналогичном поиске по ключевому словосочетанию *interaction with chatbots* обнаружено 204 совпадения. Это наблюдение указывает на достаточно высокий научный интерес к аспектам взаимодействия с чат-ботами в современных исследованиях. Можно предположить, что различие в количестве совпадений может указывать на изучение более узких аспектов работы с чат-ботами в случае *communication with chatbots*, возможно, с фокусом на языковые и коммуникативные аспекты или вопросы эффективности передачи информации и восприятия пользователем такого взаимодействия. В то же время *interaction with chatbots* может включать более широкий спектр исследований, в том числе технические аспекты взаимодействия, интерфейсов и пользовательского опыта. Следует также учитывать, что исследователи могут использовать упомянутые термины в качестве синонимов для обозначения одних и тех же концепций. В немецкоязычном научном дискурсе результаты поиска за тот же временной период составили: *Interaktion mit Chatbots* — 10 совпадений, *Kommunikation mit Chatbots* — 12 совпадений. В данном случае разницу в количестве совпадений ввиду незначительного количества публикаций можно считать нерепрезентативной.

3.3. «Диалог» в эпоху искусственного интеллекта

При подходе к термину «диалог» необходимо обратить внимание на существенные изменения в его интерпретации в

лингвистических исследованиях, произошедшие в последние годы и обусловленные расширением присутствия в современной жизни систем ИИ, которые обучаются и развиваются на основе получаемых ими данных.

3.3.1. Непосредственность, ситуативность и эмотивность как ключевые характеристики диалога

Диалог в традиционном его понимании как «непосредственный обмен высказываниями между собеседниками, носящий спонтанный и ситуативный характер» (ДЕВКИН 1981: 4), отличается ситуативностью, непосредственностью и, зачастую, эмотивностью (т. е. выраженной на языковом уровне эмоциональностью). В диалогах каждая сторона может влиять на ход беседы, проявляя свои эмоции и реагируя на ситуацию. Последовательно остановимся на ключевых характеристиках диалога: его непосредственности, ситуативности и эмоциональности в контексте коммуникации с чат-ботом ChatGPT 3.5.

В случае *непосредственного* контакта адресат не получает готовое сообщение, а воспринимает, как его создает (обычно акустически и / или визуально) адресант. Поэтому долгое время диалог связывался исключительно с устной формой общения, а обмен письменными высказываниями в переписке — проявлением диалогичности как общего свойства коммуникации, но не диалогом (МОРОЗОВ 2023: 207-208). В настоящее время, однако, существует возможность для прямого взаимодействия между людьми как в аудиовизуальной (например, видеозвонки, видеочаты), так и в письменной форме (например, обмен сообщениями в мессенджерах и социальных сетях, где пользователь даже может видеть, что его собеседник находится в процессе написания ему сообщения). Аналогично и в коммуникации с автоматизированными системами происходит прямое взаимодействие в письменной и устной форме: пользователь непосредственно наблюдает, как чат-боты письменно, а голосовые помощники аудиально создают коммуникативное сообщение.

В «традиционных» диалогах между людьми важную роль играет *ситуативность*, так как контекст и обстоятельства обмена высказываниями могут сильно влиять на смысл и интерпретацию сообщений (ИЗБАЕВА & КАДЫРОВА 2021: 148). Ситуатив-

ность в контексте коммуникации определяется влиянием текущей ситуации на ход и интерпретацию коммуникационного процесса. Ситуативность включает, например, такие факторы как место, время, обстоятельства, культурные нормы и ожидания. Чат-бот ChatGPT 3.5. способен ограниченно учитывать вербальный, но не ситуативный контекст (подробнее о контекстах см. раздел 3.3.4)

Эмотивность в диалогической речи отражает способность использовать язык для выражения эмоций, чувств и отношения говорящего к теме обсуждения. Экспрессивный план текста помогает говорящему воздействовать на слушателя, вызывая у последнего определенный эмоциональный отклик. Эмоциональная выразительность текста служит, таким образом, одним из средств достижения прагматических целей диалога (КОПАЕВА 2012: 109). Экспрессивность диалогической речи может быть выражена различными, языковыми и неязыковыми средствами, такими как интонация, громкость, темп речи, использование эмоционально окрашенных слов и фраз, жесты и мимика (ТРОФИМОВА 2008).

Модель ChatGPT 3.5 может имитировать некоторые эмоциональные аспекты коммуникации, например, использовать вежливые формулировки и обороты или корректно употреблять эмоционально окрашенные слова и фразы для выражения различных эмоций и отношений. Однако способности модели к интерпретации и воспроизведению эмоциональных аспектов ограничены тем, что она заимствовала из данных, ее техническими возможностями и ограничениями (эта языковая модель генерирует только письменный текст).

В процессе коммуникации вне зависимости от степени эмоциональной окрашенности реплики адресанта модель по умолчанию дает ответы, которые соответствуют общепринятым стандартам вежливого и уважительного обращения. Вежливость, не зависящая от речевого поведения пользователя, — это один из принципов этики коммуникации языковой модели. Сама модель обосновывает это обеспечением положительного и продуктивного общения с пользователем (см. Рис. 1). Здесь и далее в качестве примеров взаимодействия пользователя с чат-ботом ChatGPT 3.5 будут представлены скриншоты экрана.

Этика коммуникации модели GPT является важным аспектом ее разработки и использования. Она связана с набором норм и правил, которые определяют, как модель взаимодействует с пользователями и обрабатывает информацию. Этика коммуникации модели GPT включает в себя следующие аспекты и принципы:

1. Вежливость и уважение: Модель GPT следует обеспечивать вежливые и уважительные ответы независимо от того, какая информация поступает от пользователя. Это важно для поддержания позитивного и продуктивного общения.

Рис. 1. Обоснование моделью ChatGPT 3.5 принципа вежливости в коммуникации

Таким образом, по критерию непосредственности коммуникативный акт с чат-ботом ChatGPT 3.5 соотносим с диалогом, однако в данном коммуникативном акте существенно ограничены такие значимые аспекты диалогической речи как ситуативность и эмоциональность. Это обусловлено, с одной стороны, ограниченностью модели в возможностях учета и адекватной интерпретации сложных контекстов и эмоциональных нюансов, с другой стороны, намерением разработчиков чат-бота сделать модель эмоционально нейтральной.

3.3.2. Диалогическое единство: семантическая и прагматическая связность

Современные автоматизированные системы способны имитировать диалогическую форму общения. Несмотря на то, что природа реплик, сгенерированных ИИ, иная, чем у человеческих высказываний (они не возникают в ходе когнитивных процессов, а определяются алгоритмами и данными, на которых система была обучена, и не отражают личное убеждение или мнение), тем не менее с учетом формы и структуры взаимодействие с современными нейросетевыми чат-ботами подобно диалогу между людьми, обладает семантической и прагматической связностью коммуникативных ходов, т. е. образует диалогическое единство.⁷

⁷ Диалогическое единство определяется как «совокупность смежных друг друга реплик, коррелирующих между собой в функциональном плане и характеризующихся тематическим единством» (Блох & Поляков 1992: 10).

Семантическая связность в диалоге подразумевает смысловое единство и наличие логической последовательности в высказываниях собеседников, а также их активное взаимодействие в ходе развития темы диалога. С точки зрения диалогической структуры, привычной для взаимодействия с автоматизированными системами, иницилирующая реплика адресанта (пользователя) формирует тему и направление обсуждения, а адресат (чат-бот) в своей ответной реплике реагирует на предложенный стимул.

Семантические связи и языковая форма в тексте взаимобусловлены:

семантические связи располагаются на глубинном структурном уровне текста, но реализуются лингвистическими средствами на поверхности текста (SCHUTTKOWSKI 2021: 24).

При анализе семантического уровня связности электронного текста С. А. Кучина (2018: 191) выделяет его структурный, идентифицирующий и дейктический аспекты. Эти аспекты анализа применимы и к электронным диалогам (чатам).

Электронный диалог представляет собой разновидность креолизованного текста, т. е. «сложного текстового образования», в котором

вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата (АНИСИМОВА 2013: 15).

При взаимодействии с чат-ботом ChatGPT 3.5 графические (символьные) элементы интегрированы в структуру электронного диалога. К графическим элементам можно отнести символьные изображения пользователя и чат-бота (так называемые «иконки») и иные иконические знаки,⁸ такие как смайлы и эмодзи. Следует отметить, что смайлы и эмодзи не встречаются в непосредственном диалоге с моделью, однако возникают в некоторых текстах, сгенерированных моделью, особенно в жанрах, где принято использование подобных знаков, таких как по-

⁸ По Ч. Пирсу, у иконических знаков форма знака отражает и дублирует содержание знака (денотат). Таким образом, через форму знака можно узнать его значение (ATKIN 2023).

сты для социальных сетей или блоги.

Дейктический и идентифицирующий аспекты в контексте семантической связности имеют различные функции, но взаимосвязаны между собой. Идентифицирующий аспект семантической связности электронного текста (в том числе электронного диалога) заключается в создании логических, смысловых и контекстуальных связей между различными частями текста. Идентифицирующий аспект помогает обеспечить когезию⁹ и когерентность¹⁰ диалога за счет «актуализации отношений конкретной референции» (Кучина 2018: 191). Обозначение и идентификация определенных лиц или объектов в диалоге реализуется с помощью личных местоимений, имен собственных, определенных артиклей, указательных местоимений и других языковых единиц в идентифицирующей функции. В примере 1 (см. Рис. 2) именные словосочетания «атом водорода» и «структура атома» — элементы идентифицирующей референции в данном диалоге.

Дейктический аспект семантической связности характеризуется указательным значением, проявляется в тексте в использовании указательных местоимений и иных языковых единиц в указательной функции. Использование указательных языковых единиц служит связующим элементом между частями текста (когезия) и обеспечивает логическую связность (когерентность) путем указания на конкретные объекты. В примере 1 семантическая связность в его дейктическом аспекте эксплицируется в языковых единицах: «этот (баланс)», «это (структура)».

Прагматическая связность в диалогическом взаимодействии обеспечивается учетом локутивного, пропозиционального и иллюкутивного компонентов¹¹ инициирующей реплики, что определя-

⁹ Когезия — связность текста, которая обеспечивается использованием лексических и грамматических средств для связи отдельных частей текста.

¹⁰ Когерентность подразумевает логическую связность всего текста, включая связь между идентифицирующими элементами и общей темой диалога.

¹¹ Е. В. Падучева выделяет три аспекта высказывания: локутивный акт (произнесение), пропозициональный акт, включающий референцию («привлечение в зону рассмотрения определенных объек-

ет критерии выбора коммуникативной информации и языковых средств построения семантических структур ответной реплики.

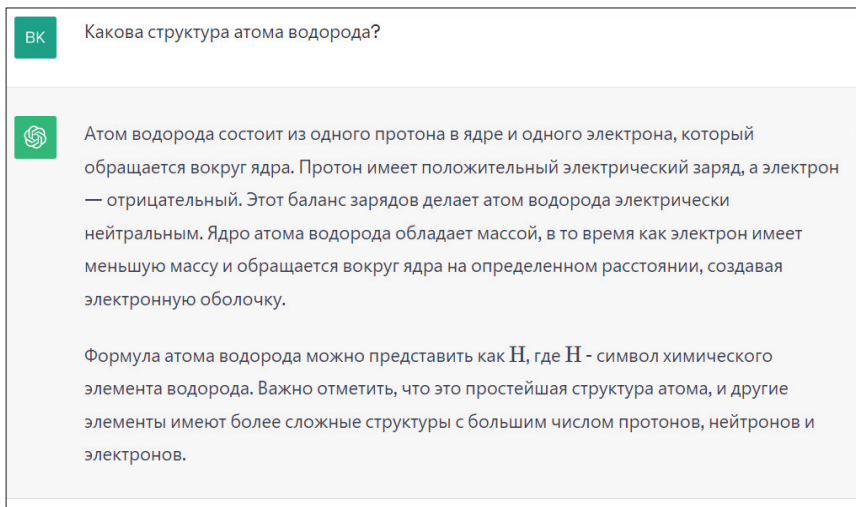

Рис. 2. Пример 1. Идентифицирующая референция

В рамках прагмалингвистического анализа выделяют четыре типа прагматической связности высказываний в речевом акте: согласование реплик по иллокутивной функции; реплики, обращенные на условие успешности речевого акта; реплики, направленные на презумпцию предшествующего высказывания; реплики, основанные на импликатурах дискурса (ПАДУЧЕВА 1982; САМОЙЛЕНКО 2015).

Рассмотрим типы прагматической связности на конкретных примерах взаимодействия с чат-ботом ChatGPT 3.5 (см. Рис. 3-7).

Согласование реплик по иллокутивной функции подразумевает соответствие ответной реплики коммуникативному намерению, выраженному в инициирующей реплике. Это «естественная связь, поддерживающая тематику и ход речевого взаимодействия: вопрос — ответ, утверждение — подтверждение, побуждение — согласие или отказ» (САМОЙЛЕНКО 2015: 95).

тов») и предикацию («приписывание свойств этим объектам») и иллокутивный акт («реализация коммуникативного намерения говорящего») (ПАДУЧЕВА 2010: 23).

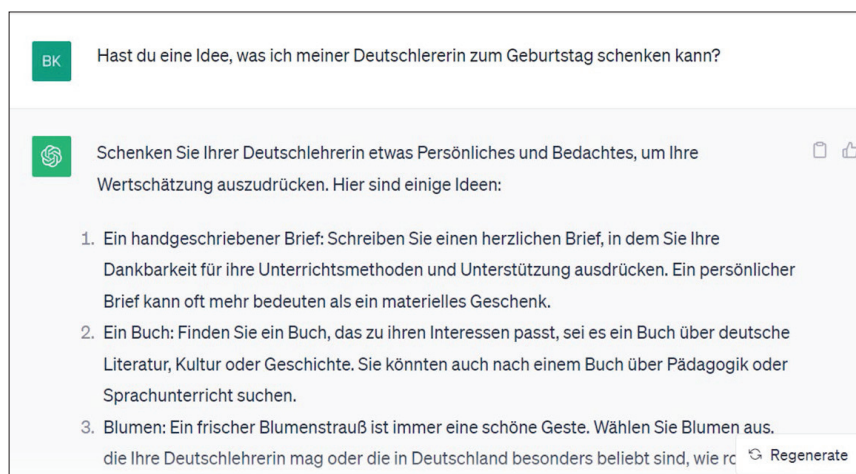

Рис. 3. Пример 2: прагматическая связность; согласование по иллокутивной функции

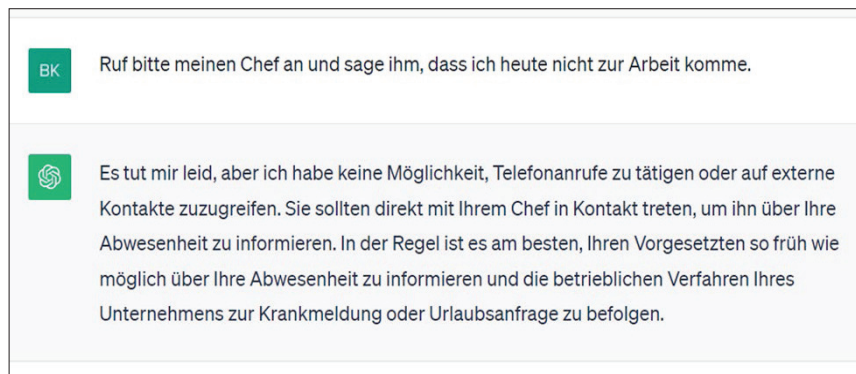

Рис. 4. Пример 3: прагматическая связность; согласование по иллокутивной функции

В приведенных примерах (см. Рис. 3, 4) согласование речевых актов по иллокутивной функции соответствует естественной реакции: В примере 2 иллокутивная функция высказывания адресанта заключается в выражении просьбы о получении совета (вариантов подарка для учительницы). В соответствии с этим видом связи в ответной реплике следуют рекомендации с вариантами подарка. В примере 3 на побуждение адресанта выполнить действие следует обоснованный отказ.

Прагматическая связность обусловлена обращенностью ответной реплики на условие успешности речевого акта,¹² выраженное в иницирующей реплике, а не на ее содержание (ПАДУЧЕВА 1982: 309). Такой тип прагматической связи встречается в коммуникации с чат-ботом ChatGPT значительно реже, чем согласование по иллокутивной функции, что определяется спецификой такой коммуникации: чат-бот ChatGPT 3.5 стремится дать ответ на вопрос или комментарий пользователя, даже если он не полностью понимает контекст или не может точно определить смысл вопроса.

В примере 4 ответная реплика чат-бота обращена к предварительному условию, которое Е. В. Падучева обозначила как «С [т. е. слушающий (примечание мое — М. П.)] знает ответ»: встречным уточняющим вопросом чат-бот ставит под сомнение выполнение данного условия.

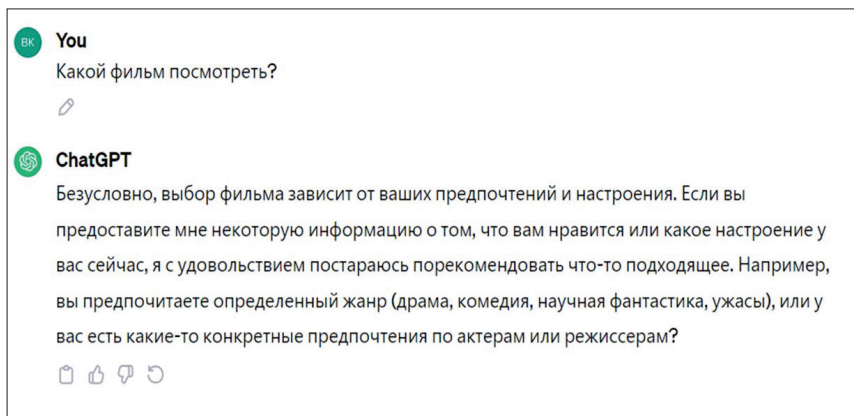

Рис. 5. Пример 4: прагматическая связность.

Реплика, обращенная на условие успешности речевого акта

Следующий тип прагматической связности в диалоге — направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания. Падучева определяет презумпцию как «элемент об-

¹² По Падучевой, каждый тип речевого (иллокутивного) акта характеризуется необходимыми для успешного осуществления акта данного типа условиями. Она выделяет предварительные условия, условия искренности и существенные условия (ПАДУЧЕВА 1997: 188).

щего знания говорящего и слушающего, разделяемое ими убеждение», различая при этом семантическую и прагматическую презумпции [ПАДУЧЕВА 1977: 7]. Семантическая презумпция предложения подразумевает, что адресант должен считать истинным содержащееся в нем утверждение, чтобы считать предложение осмысленным. Прагматическая презумпция требует, чтобы утверждение, содержащееся в предложении, было не только истинным для адресанта, но и известным ему.

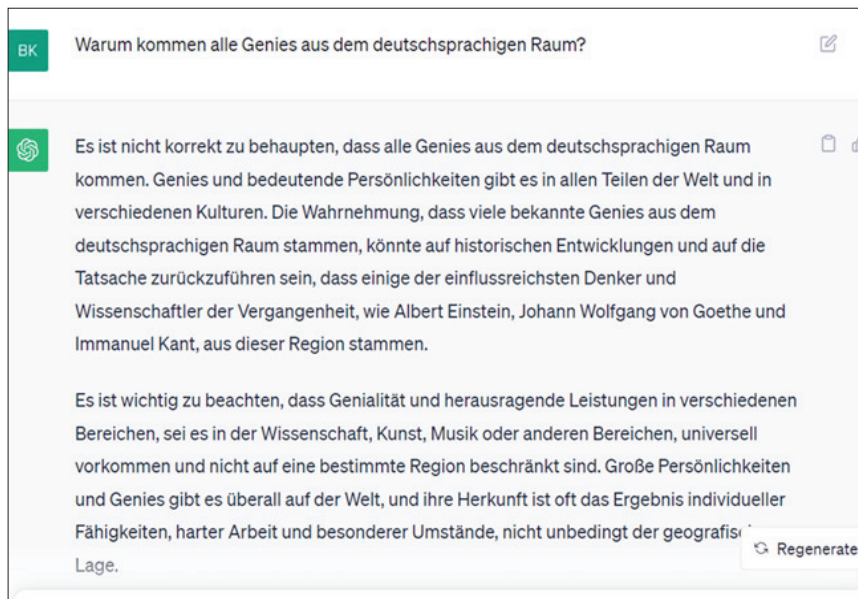

Рис. 6. Пример 5: прагматическая связность.

Направленность на презумпцию предшествующего высказывания

В примере 5 адресат выражает несогласие с презумпцией адресанта: он не считает смысловой компонент высказывания (суждение адресанта: alle Genies kommen aus dem deutschsprachigen Raum) истинным (es ist nicht korrekt zu behaupten, dass ...). Этот пример показывает, что чат-бот способен критически реагировать на ложные утверждения, опровергать или корректировать их. Однако, в отличие от человека, такая реакция чат-бота обусловлена программным кодом и алгоритмами, на которых он базируется. Человек же, обладая способностью к крити-

ческому мышлению, реагирует не только на основе широкого спектра знаний, но и может учитывать социокультурный контекст, собственные предубеждения и чувства, личный опыт, что делает человеческий диалог более гибким и адаптивным в различных ситуациях.

Четвертый вид прагматических связей представляет собой связь реплик, основанную на импликатурах дискурса. Импликатура — это подразумеваемая информация, которую говорящий включает в свое высказывание, не выражая ее явным словесным образом (GRICE 1957; ПАДУЧЕВА 1982: 312). Импликатура высказывания указывает на мнение говорящего и служит для слушающего «индикатором того, что говорящий верит в подразумеваемое содержание» (СОБОЛЕВ 2023: 99).

Знание распространенных форм импликатур социокультурно обусловлено, человек осваивает их в качестве устойчивых условностей сообщества носителей языка (DAVIS 2020).

Адресант высказывания в примере 6 выражает свою грусть и вероятную досаду, но не говорит о своих чувствах прямо, хотя и подкрепляет высказывание соответствующим эмотивным значком (грустным смайлом): Heute regnet es schon wieder den ganzen Tag :(. В этом примере выражение грусти — это импликатура. Чат-бот в своем ответе демонстрирует подобие эмоциональной отзывчивости и сочувствия в ответ на высказывание о плохой погоде, что соответствует тому, как человек, согласно культурным ожиданиям и нормам, обычно реагировал бы на подобные ситуации (см. Рис. 7. Пример 6).

Кроме этого, словно заботливый и чуткий собеседник, чат-бот предлагает рассмотреть возможные плюсы сложившейся ситуации: дождь важен для природы; можно использовать уютную атмосферу для расслабляющих занятий в помещении (ср.: пример 6). Таким образом, ответ чат-бота соответствует ключевым постулатам речевого общения: принципу вежливости Дж. Лича, в частности, максиме такта, максиме одобрения, максиме согласия и максиме симпатии (LEECH 1983), а также максимам принципа кооперации П. Грайса (GRICE 1957).

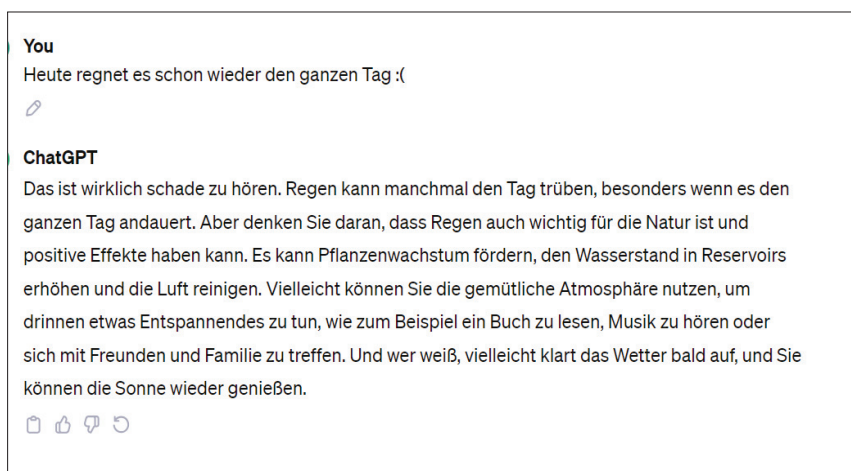

Рис. 7. Пример 6: прагматическая связность.

Связь реплик, основанная на имплицатурах дискурса

3.3.4. Соответствие императивам успешной коммуникации

Диалог как уникальная форма речевого взаимодействия людей подчинен определенным рациональным принципам, которые регулируют его как с точки зрения формы и структуры, так и с точки зрения содержания. К таким принципам относятся принцип кооперации Грайса и отсылающий к этическим нормам принцип вежливости Лича (GRICE 1957; ЛЕЕСН 1983).

В отличие от максим принципа вежливости, которым чат-бот ChatGPT 3.5 неукоснительно следует, соблюдать максимы принципа кооперации, в особенности, максимы количества («делай свой вклад в разговор настолько информативным, насколько необходимо») и релевантности («говори по существу»), модели в своих ответах не всегда удается. Это связано, в первую очередь, с ограниченными возможностями учета вербального и ситуативного контекстов. Ограничение на учет вербального контекста чат-ботом ChatGPT 3.5 в настоящее время составляет порядка 4096 символов, что эквивалентно примерно 500 словам.¹³

¹³ На такое ограничение ссылаются различные веб-ресурсы: <https://www.androidauthority.com>; <https://chatgpt-character-limit-3292997>; <https://chatgptdetector.co/chatgpt-character-limit>.

Под ситуативным контекстом понимаются факты и обстоятельства реальной действительности и / или эмоциональные состояния участников коммуникации, которые «предшествовали созданию текста, сопровождали его либо были фоном для его восприятия» (ИВАНЕНКО 2013: 107). Другими словами, это экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на формирование и восприятие смысловой структуры высказывания (текста), на выбор лексических и синтаксических структур при построении высказывания (текста). Понимание ситуативного контекста позволяет определить интенцию говорящего, поскольку помогает учесть не только текстуальные элементы, но и обстоятельства и эмоции, которые провоцируют / сопровождают речевой акт.

ChatGPT 3.5 способен принимать во внимание только вербальный контекст и опирается в ответе на предшествующее высказывание или несколько предшествующих сообщений пользователя в данной ветке чата (так называемом «треде»¹⁴); информация из других тредов не учитывается. Для того чтобы чат-бот учел определенный контекст (ситуативный или текстовый) в ответе, пользователь должен четко указать соответствующую информацию в своем сообщении. Ввиду ограниченной способности учитывать контекст ответы чат-бота часто избыточно информативны или носят более обобщенный характер, чем требуется пользователю. В таких случаях нарушаются максимы качества и отношения.

Иллюстрацией может служить ответ чат-бота ChatGPT 3.5, представленный в примере 7 (см. Рис. 8). В отличие от ситуации реального общения, когда собеседник способен учитывать значимый ситуативный контекст коммуникативной ситуации (в примере 7 значимым контекстом может служить время года, место действия, пол и возраст собеседника и др.), чат-бот вынужден предоставить универсальный и избыточно информативный ответ, который может содержать неактуальную информацию для

¹⁴ Тред (conversation thread) — последовательность ответов на определенное сообщение в онлайн-форумах, блогах, рассылках или чатах. Эта последовательность формирует своеобразную ветвь дискуссии, ориентированную на общую тему или идентификатор ветви (DAVOUDI & al. 2022: 198).

конкретного пользователя. Например, в условиях снежной и холодной зимы нецелесообразно рекомендовать проведение пикника в парке (п. 4) или чтение книги на открытом воздухе (п. 6).

You

Ich langweile mich zu Hause. Was kann ich draußen unternehmen?

ChatGPT

Es gibt viele Aktivitäten, die du im Freien unternehmen kannst, abhängig von deinen Interessen und der Umgebung, in der du lebst. Hier sind einige Ideen:

1. **Spazieren gehen oder Wandern:** Erkunde die Natur in deiner Umgebung. Finde lokale Wanderwege oder Parks, in denen du spazieren gehen kannst.
2. **Fahrradfahren:** Wenn du ein Fahrrad hast, mach eine Radtour durch die Gegend. Es ist eine großartige Möglichkeit, frische Luft zu schnappen und gleichzeitig aktiv zu sein.
3. **Sport treiben:** Spiele Basketball, Fußball oder eine andere Sportart in einem nahegelegenen Park oder Sportplatz.
4. **Picknick:** Packe einen Picknickkorb und verbringe Zeit im Freien. Du kannst allein gehen oder Freunde einladen.
5. **Fotografie:** Mach einen Spaziergang und nimm Fotos von interessanten Dingen in deiner Umgebung auf.
6. **Lesezeit im Freien:** Nimm ein Buch mit nach draußen und genieße das Lesen unter freiem Himmel.
7. **Gartenarbeit:** Wenn du einen Garten hast, verbringe Zeit damit, ihn zu pflegen. Pflanze neue Blumen oder Gemüse, wenn möglich.
8. **Geocaching:** Diese moderne Schatzsuche ist eine unterhaltsame Möglichkeit, draußen aktiv zu sein und neue Orte zu entdecken.
9. **Strandtag:** Wenn du in der Nähe eines Strandes wohnst, verbringe einen Tag am Meer. Entspanne im Sand, schwimme oder mach einen Spaziergang am Ufer.

Рис. 8. Пример 7: прагматическая связность.

Связь реплик, основанная на имплицатурах дискурса

3.3.5. Распределение информации в речевом акте

Диалог как форма речи имеет свои закономерности коммуникативного членения, обусловленные тем, что «диалогическое единство как коммуникативная единица создается усилиями двух партнеров» (АГИЕВА 2009: 109). Поэтому изучение развертывания информации (тема-рематического членения) в речевом

акте при взаимодействии с нейросетевым чат-ботом в сравнении с естественным диалогом представляет собой важный аспект анализа дискурсивной природы такого взаимодействия.

При построении ответного высказывания ChatGPT 3.5 во многих случаях начинает с повторения (см. Рис. 6) или переформулирования части или всей информации, содержащейся в инициирующей реплике (см. Рис. 8); только после этого в высказывание вводится новая информация.

Так, в примере 5 (см. Рис. 6) инициирующий коммуникативный шаг сделан с целью идентификации причины (намеченная рема *Warum* в сочетании с темой *Alle Genies kommen aus dem deutschsprachigen Raum*). В первой реплике реакции вместо раскрытия намеченной ремы возникает собственная рема и повторение темы инициирующего высказывания (*es ist nicht korrekt zu behaupten, dass alle Genies aus dem deutschsprachigen Raum kommen*). Таким образом, схема коммуникативного членения вопроса и первого ответного предложения здесь: намеченная рема — тема — рема₂ — тема.

Такая организация высказывания присуща скорее письменному диалогическому дискурсу и способствует семантической и прагматической связности текста, придавая взаимодействию бóльшую четкость и структурированность. Повторение чат-ботом информации из инициирующего высказывания адресанта создает впечатление персонализированного и внимательного отклика, демонстрируя учет чат-ботом значимого контекста взаимодействия.

В устном диалогическом дискурсе взаимодействию присуща большая эллиптичность, что обусловлено его более интерактивным характером по сравнению с письменным диалогическим дискурсом. Эта особенность связана с использованием невербальных элементов устной коммуникации и динамичностью общения, развивающегося в реальном времени. Говорящий в устном диалоге может мгновенно корректировать свои высказывания, уточнять смысл и адаптировать свою речь в зависимости от реакции собеседника, что обуславливает более свободную и гибкую организацию высказываний. Построение ответных коммуникативных шагов с полным или частичным повторением

структуры иницирующего высказывания встречается в устном диалогическом дискурсе реже, чем в письменном диалогическом дискурсе. Типичной информационно-коммуникативной структурой устного диалога выступает структура, представленная в примере 1 (см. Рис. 2): намеченная рема («какова структура») — тема («атом водорода») — рема («атом водорода состоит»). Темарематическая структура примера 3 (см. Рис. 4) также характерна для устного общения: намеченная рема (*ruf bitte meinen Chef*) — тема (*dass ich heute nicht...*) — рема (*es tut mir leid...*).

4. Заключение

В контексте современного развития медиа- и коммуникационных систем важно, в первую очередь, четко разграничить понятия «коммуникации», «общения» и «взаимодействия». Термин «коммуникация» включает технический и языковой компоненты, предполагая взаимный обмен информацией. В отличие от общения, включающего социальные отношения, ключевым элементом коммуникации является коммуникативное намерение. Термин «взаимодействие» охватывает, помимо коммуникативных, технические аспекты пользовательского опыта и подчеркивает взаимную обусловленность воздействия взаимодействующих субъектов.

Речевое взаимодействие человека и автоматизированной системы ChatGPT 3.5 на немецком языке может восприниматься как диалог, поскольку нейросетевые языковые модели стремятся воспроизводить человеческий стиль общения в своих ответах. Такое взаимодействие проявляет множество формальных признаков диалогической речи, включая типичную структуру естественного диалога, представленную последовательностью взаимосвязанных реплик между двумя участниками. Ему присущи семантическая и прагматическая связность коммуникативных ходов, а также непосредственный характер и эмотивность. Ответы чат-бота направлены на создание впечатления проявления внимания к потребностям пользователя за счет использования фраз и оборотов, выражающих эмпатию и вежливость, учета контекста диалога, восприятия обратной связи от пользователя и коррекции ошибок на основе полученной информации.

Немецкоязычному взаимодействию с ChatGPT 3.5 присущи такие характеристики как однонаправленность коммуникации (коммуникация всегда развивается по одному ролевому сценарию, в котором пользователь запрашивает определенную информацию у чат-бота), ограниченные возможности учета системной ситуативного контекста, ограниченная данными способность к обучению и генеративный характер высказываний системы, отличный от спонтанной природы человеческого диалога. Эти особенности не позволяют считать взаимодействие с чат-ботами диалогом в классической его форме.

Взаимодействие с языковой моделью ChatGPT 3.5 на немецком языке несет черты как устного, так и письменного диалогического дискурсов. Модель ChatGPT 3.5 используется, в первую очередь, для генерации текстов и получения информации, а не для общения, поэтому реплики модели, а иногда и пользователя, носят специфический характер, сочетая высказывание (как проявление дискурса устной сферы общения) и текст (как проявление дискурса письменной культуры).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Агиева А. Б. К проблеме коммуникативного членения диалогического текста // Наука. Инновации. Технологии. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kommunikativnogo-chleneniya-dialogicheskogo-teksta>. [Agieva, Asiyat B. (2009) K probleme kommunikativnogo chleneniya dialogicheskogo teksta (On the Problem of Communicative Division of a Dialogical Text). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* (Science. Innovations. Technologies), 1. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kommunikativnogo-chleneniya-dialogicheskogo-teksta>. (In Russian)].
- Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов). М.: Тезарус, 2013. [Anisimova, Elena E. (2013) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreoлизovannykh tekstov)*. (Text Linguistics and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts). Moscow: Tezarus. (In Russian)].
- Блох М. Я., Поляков С. М. Строй диалогической речи: монография. М.: Прометей, 1992. [Blokh, Mark Ya. & Polyakov, Sergey M. (1992) *Stroy dialogicheskoy rechi* (The Structure of Dialogical Speech). Moscow: Prometey, 1992. (In Russian)].

- Быльева Д. С. Слово в техногенном многомерном пространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2022. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-tehnogennom-mnogomernom-prostranstve>. [Bylyeva, Darya S. (2022) Slovo v tekhnogennom mnogomernom prostranstve (The Word in the Technogenic Multidimensional Space). *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* (Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-v-tehnogennom-mnogomernom-prostranstve>. (In Russian)].
- Гусева Д. И. «Коммуникация» и «Общение»: соотношение понятий // Вестник науки и образования. 2019. № 20-2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-i-obschenie-sootnoshenie-ponyatiy-1>. [Guseva, Diana I. (2019) “Kommunikatsiya” i “Obshcheniye”: sootnosheniye ponyatiy (Communication and Interaction: the Relationship of Concepts). *Vestnik nauki i obrazovaniya* (Bulletin of Science and Education). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsiya-i-obschenie-sootnoshenie-ponyatiy-1>. (In Russian)].
- Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. [Devkin, Valentin D. (1981) *Dialogue. Nemetskaya razgovornaya rech' v sopostavlenii s russkoy* (Dialogue. German Colloquial Speech as Compared to Russian). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Избаева Н. М., Кадырова Г. С. Диалог как форма проявления языка и речи: свойства и структура // Вестник магистратуры. 2021. № 5–6 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-forma-proyavleniya-yazyka-i-rechi-svoystva-i-struktura>. [Izbaeva, Nodira M. & Kadyrova, Gul'noza S. (2021) Dialog kak forma proyavleniya yazyka i rechi: svoystva i struktura (Dialogue as a Manifestation of Language and Speech: Properties and Structure). *Vestnik magistratury* (The Bulletin of Master Studies), 5-6 (116). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-kak-forma-proyavleniya-yazyka-i-rechi-svoystva-i-struktura>. (In Russian)].
- Иваненко Г. С. Ситуативный контекст: влияние экстралингвистических факторов на реализацию персуазивности текста // Вестник Красноярского гос. ун-та. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situativnyy-kontekst-vliyanie-ekstralingvisticheskikh-faktorov-na-realizatsiyu-persuazivnosti-teksta> (дата обращения: 13.12.2023) [Ivanenko, Galina S. (2013) Situativnyy kontekst: vliyaniye eks-

tralingvистических факторов на реализацию persuazivnosti teksta (Situational Context: Influence of Extralinguistic Factors on the Realization of Text Persuasiveness). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Krasnoyarsk State University), 6. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/situativnyy-kontekst-vliyanie-ekstralingvистических-faktorov-na-realizatsiyu-persuazivnosti-teksta>. (In Russian)].

Коралева Е. В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Стилистика в современных лингвистических исследованиях. 2012. Вып. 17 (650). С. 108—130. [Koraleva, Elena V. (2012) Emotivnyye sredstva yazyka kak sposob verbalizatsii kriticheskogo otnosheniya k deystvitel'nosti (na materiale angloyazychnykh tekstov zhanra esse). (Emotive Means of Language as a Way of Verbalizing a Critical Attitude to Reality (Based on English Texts of the Essay Genre)). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 17 (650), 108—130. (In Russian)].

Кучина С. А. Особенности реализации категории связности в электронных художественных текстах: семантический и визуально-графический аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2. С. 190—198. doi: 10.21603/2078-8975-2018-2-190-198. [Kuchina, Svetlana A. (2018) Osobennosti realizatsii kategorii svyaznosti v elektronnykh khudozhestvennykh tekstakh: semanticheskii i vizual'no-graficheskii aspekty (Features of the Implementation of the Category of Connectivity in Electronic Literary Texts: Semantic and Visual-graphic Aspects). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Kemerovo State University), 2. 190—198. doi: 10.21603/2078-8975-2018-2-190-198. (In Russian)].

Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. № 8. С. 91—124. [Paducheva, Elena V. (1977) Ponyatiye prezumpitsiyi v lingvisticheskoy semantike (The Concept of Presumption in Linguistic Semantics). *Semiotika i informatika* (Semiotics and Computer Science), 8, 91—124. (In Russian)].

Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1982. № 41. С. 305—313. [Paducheva, Elena V. (1982) Pragmaticheskiye aspekty svyaznosti dialoga (Pragmatic Aspects of Dialogue Coherence). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 41, 305—313. (In Russian)].

- Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 184—226. [Paducheva, Elena V. (1997) Tema yazykovoy kommunikatsii v skazkakh L'yuissa Kerrola (The Theme of Linguistic Communication in Lewis Carroll's Fairy Tales). *Semiotika i informatika* (Semiotics and Computer Science), 35, 184—226. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: ЛКИ, 2010. [Paducheva, Elena V. (2010) *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* (The Statement and its Correlation with Reality). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Паламарчук О. Т. Сможет ли искусственный интеллект обладать... сознанием? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-obladat-soznaniem>. [Palamarchuk, Oleg T. (2022) Smozhet li iskusstvennyy intellekt obladat... soznaniem? (Can Artificial Intelligence Possess Consciousness?). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* (Society: Philosophy, History, Culture), 1 (93). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/smozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-obladat-soznaniem>. (In Russian)].
- Прошина М. В. Современные методы обработки естественного языка: нейронные сети // Экономика строительства. 2022. № 5. С. 27—42. [Proshina, Mariya V. (2022) *Sovremennyye metody obrabotki estestvennogo yazyka: neyronnyye seti*. (Modern Methods of Natural Language Processing: Neural Networks). *Ekonomika stroitel'stva* (Economics of Construction), 5, 27—42. (In Russian)].
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение. 1976. [Rozental, Ditmar E. & Telenkova, Margarita A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* (Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Самойленко Л. В. Электронный диалог как особый тип прагматических связей чат-коммуникантов // Вестник Астраханского гос. технического ун-та. 2015. № 2 (60). С. 94—101. [Samoilenko, Lyudmila V. (2015) *Elektronnyy dialog kak osobyy tip pragmaticheskikh svyazey chat-kommunikantov* (Electronic Dialogue as a Special Type of Pragmatic Connections between Chat Communicators). *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* (Vestnik of Astrakhan State Technical University), 2 (60), 94—101. (In Russian)].
- Соболев И. А. Критерии различия пресуппозиций и конвенциональных импликатур // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023.

- Т. 60. № 4. С. 86—103. [Sobolev, Ivan A. (2023) Kriterii razlichiya presuppozitsiy i konventional'nykh implikatur (Criteria for Distinguishing Presuppositions and Conventional Implicatures). *Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (4), 86—103. (In Russian)].
- Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: ВВМ, 2008. [Trofimova, Nella A. (2008) *Ekspressivnyye rechevyye акты v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* (Expressive Speech Acts in Dialogic Discourse. Semantic, Pragmatic, Grammatical Analysis). Saint Petersburg: VVM. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Часть и целое в языке // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301—304. [Jakobson, Roman O. (1985) Chast' i tseloye v yazyke (Part and Whole in Language) In R. O. Jakobson. *Izbrannyye raboty* (R. O. Jakobson. Selected works). Moscow: Progress, 301—304. (In Russian)].
- Atkin, Albert. (2023) Peirce's Theory of Signs. In: Zalta, Edward N. & Nodelman, Uri. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/peirce-semiotics>.
- Becker, Kim Björn. (2023) Neues Spiel Neue Regeln. *Journalistik. Zeitschrift für Journalismusforschung*, 2, 6. Jahrgang, 142—163.
- Bussmann, Hadumod. (2002) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Kröner.
- Chadwick, Andrew. (2017) *The hybrid media system: Politics and power*. Oxford: Oxford University Press.
- Davoudi, Mansour; Moosavi, Mohammad R. & Sadreddini, M. H. (2022) dss: a hybrid deep model for fake news detection using propagation tree and stance network. *Expert systems with applications*, 198. doi:10.1016/j.eswa.2022.116635.
- Davis, Wayne. (2020) Implicature. In: Zalta, Edward N. & Nodelman, Uri. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/implicature>.
- Dürscheid, Christa. (2023) *Mit Menschen und Chatbots. Digitale Kommunikation früher und heute*. URL: https://www.researchgate.net/publication/369506979_Mit_Menschen_und_Chatbots.
- Grice, Herbert Paul. (1957) Meaning. *The Philosophical Review*, 66 (3), 377—388 (reprinted in Grice 1989, 213—223). doi: 10.2307/2182440.
- Hepp, Andreas; Loosen, Wiebke; Dreyer, Stephan & al. (2022) Von der Mensch-Maschine-Interaktion zur kommunikativen KI. *Publizistik* 67,

- 449—474. doi: 10.1007/s11616-022-00758-4.
- Lotze, Netaya. (2016) *Chatbots. Eine linguistische Analyse*. Bern: Peter Lang.
- Leech, Geoffrey N. (1983) *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Smutny, Pavel & Schreiberova, Petra. (2020) Chatbots for learning: A review of educational Chatbots for the Facebook Messenger. *Computers & Education*, 151. doi:10.1016/j.compedu.2020.103862.
- Steinhoff, Torsten. (2023) Der Computer schreibt (mit). Digitales Schreiben mit Word, Whatsapp, ChatGPT & Co. als Koaktivität von Mensch und Maschine. *MiDU-Medien im Deutschunterricht*, 1, 1—16.
- Schuttkowski, Caroline. (2021) *Sprachsensibler Umgang mit Texten. Zur Wirksamkeit von sprachsensiblen Leseinstruktionen auf das Textverständnis von Schülerinnen und Schülern*. Münster: Waxmann. (Sprachliche Bildung Studien, Bd 11).
- Vaswani, Ashish; Shazeer, Noam; Parmar, Niki; Uszkoreit, Jakob; Jones, Llion; Gomez Aidan N.; Kaiser, Lukasz & Polosukhin, Illia. (2017) Attention is all you need. *Neural information processing systems*, 30. Retrieved from <https://proceedings.neurips.cc/paper2017/file/3f5ee243547dee91fbd053c1c4a845aa-Paper.pdf>.

Maria V. Petrova
Lomonosov Moscow State University

Man — Machine Speech Interaction as a New Communication Practice in Digital Reality (Exemplified by the German Language)

With the development and spread of artificial intelligence systems, a new communication practice has entered human life, namely, interaction with voice or text chat bots. Neural network systems are capable of not only understanding, but also generating coherent speech and writing texts in natural language, taking into account the interaction context specified by the user. Chatbots as a type of artificial intelligence system are used primarily to obtain information and create texts in natural language. Interaction with neural network chatbots is conversational in nature and is endowed with many of the same characteristics of dialogic speech as human communication, which necessitates rethinking and clarifying the concept of “dialogue”. This study analyzes interaction with automated communication systems using the example of interaction with the ChatGPT 3.5 chatbot in order to identify the characteristic features of such interaction and in comparison with dialogue in its traditional sense. The author considers speech interaction with a chatbot from the point of view of the characteristics of immediacy, situationality and emotivity and establishes the presence of semantic and

pragmatic coherence of communicative moves, and also describes the typical thematic structure of a speech act. The author comes to the conclusion that interaction with the ChatGPT 3.5 language model bears the features of both oral and written dialogic discourses. The ChatGPT 3.5 model is used primarily for generating texts and obtaining information, and not for communication, therefore the replicas of the model, and sometimes the user, are of a specific nature, combining a statement (as a manifestation of the discourse of the oral sphere of communication) and text (as manifestation of the discourse of written culture). This interaction, despite all its similarities with dialogue, reveals the unidirectionality of communication, the limited ability of the system to take into account the situational context, and the different nature of utterances as structural elements of speech. These features do not allow us to consider interaction with chatbots as a dialogue in its classical sense.

Keywords: chatbot; dialogue; communication; automated communication systems; ChatGPT; ChatGPT 3.5

Для цитирования:

Петрова М. В. Речевое взаимодействие «человек — машина» как новая коммуникативная практика в цифровой реальности (на материале немецкого языка) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 320—350.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-320-350.

To cite this Article:

Petrova, Maria V. (2024) Rechevoye vzaimodeystviye “chelovek — mashina” kak novaya kommunikativnaya praktika v tsifrovoy real’nosti (na materiale nemetskogo yazyka) (Man — Machine Speech Interaction as a New Communication Practice in Digital Reality (Exemplified by the German Language)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 320—350. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-320-350.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; принята к публикации 03.05.2024

The article was submitted 31.01.2024; accepted for publication 03.05.2024

Н. Н. Трошина

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Динамика научного дискурса связана как со сменой научных парадигм, так и с внешним контекстом этого процесса, поскольку он в значительной степени определяет параметры научных парадигм. Хронологически преходящий характер этих парадигм позволяет говорить о динамике научного дискурса. Особое внимание в статье уделяется эвалюативному (оценочному) параметру научных парадигм, роль которого значительно усилилась в цифровую эпоху. Сегодня этот процесс реализуется в широком использовании цифровых индексов цитирования как инструмента оценки результатов научной деятельности и, соответственно, как инструмент статистического измерения науки. Наиболее популярны импакт-фактор как числовой показатель цитируемости статьи и индекс Хирша как показатель научного уровня автора. Основная причина распространения цифровых индексов научного цитирования состоит в сильном влиянии англоязычной, прежде всего, американской науки с ее ярко выраженной рыночной ориентированностью, соответствующей американской модели глобализации. Анализируется языковая ситуация в научной сфере и в сфере высшего образования, т. е. констатируется стремительно прогрессирующее английское моноязычие. Отмечается ослабление позиций немецкого языка в этой сфере, что в значительной степени влияет на направление динамики научного дискурса. Английское моноязычие и связанное с ним распространение цифровых индексов научного цитирования имеет как преимущества, прежде всего упрощение и ускорение научной коммуникации, так и недостатки, т. е. эпистемологическое обеднение научного дискурса, связанное с нивелировкой национальных научных школ. Моноязычие приводит к фальсификации истории науки, а также противоречит реальной интернационализации науки. Результатом дискуссии о последствиях применения цифровых индексов научного цитирования стали «Сан-Францисская декларация об оценке научных исследований» (16 декабря 2012 г.) и создание общеевропейской базы научного цитирования GAIA-X, независимой от американских банков научного цитирования.

Ключевые слова: научная парадигма; динамика дискурса; эвалюативный параметр; цифровой индекс цитирования; импакт-фактор жур-

нала; индекс Хирша; английское моноязычие; общеевропейская база научного цитирования

1. Введение

Динамика научного дискурса связана в любую эпоху прежде всего со сменой научных парадигм, т. е. с концептом, который до середины XX в. не был востребован в философии науки. В. З. Демьянков пронизательно определил его как «дремлющий концепт», к которому обратились в связи с необходимостью упорядочить имеющееся научное знание и полученные результаты (ДЕМЬЯНКОВ 2008: 15). Самое известное понятие научной парадигмы принадлежит, безусловно, американскому историку и философу науки Томасу Самюэлю Куну, который дал это определение в своей монографии *Структура научных революций*: научная парадигма — это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (КУН 1977: 11). Это определение позволяет говорить о следующих аспектах вопроса: о хронологически (исторически) преходящем характере научных парадигм (СТЕПАНОВ 1985: 4); о принятии их методологии научным сообществом в течение определенного времени (БЕЛЯЕВСКАЯ 2008: 64); о формировании стиля мышления, характерного для сторонников конкретных парадигм (СТЕПАНОВ 1985: 4). Исторически преходящий характер научных парадигм обуславливает динамику научного дискурса как процесса, протекающего в определенных экономических и социокультурных условиях, влияющих на «научный климат мнений» (ПОЗДНЯКОВА 2008: 59). Е. С. Кубрякова структурировала куновское понятие научной парадигмы, выделив следующие ее параметры: хронологические рамки; условия, предпосылки и мотивы ее появления; ее установки и цели; предметные области анализа; используемые методики; эвалюативный аспект (КУБРЯКОВА 2008: 9). В цифровую эпоху последний параметр обращает на себя особое внимание. Какие способы используются для оценки полученных научных результатов? Какие внешние факторы влияют на выбор этих способов? Анализ этих факторов важен, потому что они формируют языковую ситуацию в научной сфере, а также

потому, что современное общество позиционирует себя как общество знания.

2. Характеристика материалов и методов исследования

2.1. Языковая ситуация в современной научной коммуникации

Сегодня в научном дискурсе актуален принцип «English only» или «Spitzenforschung spricht englisch», т. е. английское монопольное можно считать состоявшимся в большинстве отраслей научного знания. Основную причину сложившейся ситуации определяют внешние факторы. К ним относится, в первую очередь, необходимость интенсивного международного научного сотрудничества и подготовки молодых кадров, т. е. студентов для этого сотрудничества, что закреплено в трех важнейших международных документах: в Великой хартии европейских университетов (ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ 1988), в Сорбонской декларации по гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования (СОРБОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1998) и в Болонской декларации о создании зоны европейского высшего образования (БОЛОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1999). Однако языковой аспект принципов, заявленных в этих документах (уважение культурного и языкового разнообразия научных традиций и национальных систем образования), оказался проработанным недостаточно. Реализацией этих принципов руководили не ученые, а «научные менеджеры», которые выбрали именно английский язык как средство международного научного общения, ориентируясь на щедрое финансирование со стороны американских научных центров и университетов, которое коррелировало с американской моделью экономической глобализации, что, в свою очередь, привело к унификации картины мира, т. е. к формированию ее когерентности («kohärente Weltansicht», по выражению профессора Загребского университета Зигфрида Германа) (GERMANN 2020: 70) в соответствии с англоязычной лингвокультурой и к исключению других коммуникативно мощных языков из научного дискурса. Последнее обстоятельство делает невозможным обращение к огромным пластам научного знания, вербализованного на этих языках. Эту точку зрения разделяет профессор Паво Баришич, статья которого не случайно называется *Языковой капкан науки* (BARIŠIĆ 2019: 52). В этой статье отмечается как выгода мо-

ноязычия в науке, так и его антидемократичность по отношению к другим языкам и научным культурам.

Сложившаяся языковая ситуация затронула различные языки и области науки в неодинаковой степени. По наблюдениям профессора Ульриха Аммона, немецкий язык сохраняет свои позиции только в некоторых гуманитарных областях, т. е. в так называемых «научных нишах»: в истории, философии, германистике, музыковедении, теологии, правоведении, антиковедении, истории Древнего мира и Средневековья, общем языкознании, классической филологии, археологии, искусствознании, литературоведении, социологии, герменевтике, культурологии, частных филологиях, политологии, театроведении (AMMON 2015: 606-607). К сожалению, немецкий язык как естественный язык общения германистов, который, казалось бы, должен был быть гарантирован от отрицательной языковой динамики своего специального дискурса, также не смог избежать ее: сегодня растет число публикаций по германистике на английском языке. Этот процесс начался с середины 90-х гг. XX в. Доля публикаций по германистике на английском языке составляла тогда 12,8%, т. е. больше, чем количество публикаций на всех остальных языках (кроме немецкого), вместе взятых: на французском было опубликовано 3,3%, на итальянском — 1%, на русском — 1%, т. е. в целом всего 7,2% (ibid.: 608). Сегодня немецкий язык многие исследователи считают старомодным (*obsolete Sprache*), вышедшим из употребления в научном дискурсе, что проявилось и в оценках участников научного симпозиума «Немецкий язык как язык науки в XX веке», который прошел 18-19 января 2000 г. в Майнце в Академии науки и литературы (*Deutsch als Wissenschaftssprache im 20. Jahrhundert, Akademie der Wissenschaft und Literatur, Mainz*). По свидетельству Конрада Элиха, коллеги квалифицировали немецкий язык как «исторический исчезающий объект» (*ein historisches verschwindendes Objekt*) (ENLICH 2000).

Сегодня язык явно используется как экономический регулятор в борьбе за финансирование научно-исследовательских программ, привлечение лучших преподавателей и наиболее одаренных студентов, в связи с чем З. Герман видит в нем эффективный инструмент коммерциализации науки и образования

(bildungsökonomische Variable) (GEHRMANN 2015: 129). Не случайно появилось понятие «бизнес-ориентированные университеты» (unternehmerische Universitäten), которые целенаправленно используют англоязычную терминологию. К ним относятся, в первую очередь, технические университеты, например, в Мюнхене и Нюрнберге. Последний открылся 16 октября 2023 г. и объявил, что обучение в нем будет происходить только на английском языке, что подчеркивается названиями предлагаемых на сайте курсов, например, «Master of Science Artificial Intelligence & Robotics — Sprache: English»; факультеты также называются по-английски, например, «Department Engineering», «Department Liberal Arts and Sciences». Однако такой решительный отказ университетов от национальных языков противоречит праву граждан получить образование, в том числе и высшее, на государственных языках своих стран (ibid.: 62) и может встретить сопротивление со стороны правовых систем этих стран. Это произошло, например, с Миланским политехническим институтом, которому Высший административный суд итальянской Ломбардии (Tribunale Amministrativo Regionale per la Lombardia) запретил в 2013 г. переходить на английский язык в преподавании всех учебных курсов и в приеме экзаменов для аспирантов. Это решение было подтверждено в 2017 г. Конституционным судом в Риме. Предпочтение отдается итальянскому языку, подчеркивается право на обучение на родном языке и свобода обучения. Полностью англоязычные курсы разрешаются только как параллельные с такими же на итальянском языке (МОСІКАТ 2016).

Важность языка обучения, а также связанные с этим проблемы в обществе знания осознают ученые самых различных специальностей (отнюдь не только лингвисты), что заставило их объединиться и создать в 2007 г. «Общество немецкого научного языка» («Arbeitskreis Deutsch als Wissenschaftssprache») (ADAWiS: URL). Они считают, что нация, осознающая себя носительницей великой культуры, не может и не должна допустить, чтобы ее научная сфера отдалялась от ее национального языка, в результате чего падает культурный престиж этой нации, поскольку наука — это важнейшая часть ее культуры (VOSLAMBER 2011: 3).

Интересно, что Президентом этого общества является медик-иммунолог Ральф Моцикат (Ralph Mosikat), руководитель исследовательской лаборатории молекулярной иммунологии в Мюнхенском университете им. Людвига Максимилиана.

2.2. Индексы научного цитирования как параметры результативности исследований

Англофикация языка науки в цифровую эпоху происходит весьма быстрыми темпами, что стимулируется применением специфических инструментов для оценки результатов научных исследований — цифровых индексов научного цитирования, т. е. числовых показателей цитируемости автора в престижных научных журналах. Обычно имеется в виду импакт-фактор, хотя существуют и другие индексы: 1) Scimago, который учитывает количество ссылок, полученных журналом, а также уровень престижа этого журнала; 2) H-index — индекс Хирша, который равен числу N, если N работ автора процитировали N и более раз; 3) Eigenfactor, показывающий время, затрачиваемое исследователем на чтение материалов, опубликованных в соответствующем журнале; сумма индексов Eigenfactor для всех журналов составляет 100 единиц, индекс Eigenfactor для каждого журнала является процентом (долей) от общей суммы.

Исследователи в основном ориентируются на импакт-факторы престижных научных журналов. Импакт-факторы научных журналов ежегодно вычисляются американским Институтом научной информации (Institute for Scientific Information, ISI) Томсона Ройтерса и показывают, сколько раз в среднем цитируется каждая опубликованная в журнале статья в течение двух последующих лет после ее выхода. Престижные журналы включаются в список Journal Citation Reports (JCR), на основе которого определяется рейтинг университетов: не случайно в научном дискурсе появилось выражение «vermessene Universität» ‘оцифрованный университет’ (KRULL 2017: 79). Импакт-фактор позволяет сравнивать по формальным признакам научные журналы и подразделять их на категории А, В и С. Однако при этом учитываются только исследовательские статьи и научно-аналитические обзоры, но не монографии и не материалы научных конференций, что не позволяет объективно отра-

зять состояние научного дискурса и уровень исследований.

Этот метод оценки научных журналов был разработан в 50-х гг. XX в. в США для составления рейтинга американских журнальных издательств, но с конца 80-х гг. XX в. он стал применяться и в Европе, прежде всего в Германии, для оценивания индивидуальных научных достижений.

Навязывание импакт-фактора журнала как единственного критерия ценности научных статей подвергается интенсивной критике немецких ученых, которые подчеркивают предвзятость в отборе журналов, отраженных в JCR: это в основном американские журналы, которыми руководят редакторы концерна Томсона Ройтерса. Неанглоязычные журналы не учитываются. Более того, статьи авторов из неанглоязычных регионов, даже написанные по-английски, не принимаются редакторами американских журналов, в результате чего обедняется эвристический потенциал современной науки, констатирует социолог Р. Мюнх в книге *Академический капитализм: О политической экономике реформы высшей школы* (MÜNCH 2011a: 133). В результате такой редакционной политики во многих журналах не допускаются ссылки на неанглоязычные публикации: издатели просят авторов привести ссылки на другие публикации, причем именно на английском языке. Это не что иное, как фальсификация науки и ее истории, о чем свидетельствует случай с французским врачом-исследователем Эрнестом Дюшеном: именно он впервые выявил и экспериментально подтвердил антибиотические свойства плесневого грибка, однако опубликовал результаты своей работы во французском журнале. В результате в историю медицины вошел не он, а британец Александр Флеминг как создатель пенициллина, опубликовавший свою статью на английском языке — на 30 лет позже статьи Дюшена! В результате имя Дюшена полностью забыто.

Применение импакт-факторов, ориентированных на англоязычные (американские) научные журналы, создает искаженное представление о степени участия научных журналов в интернационализации научного дискурса, на что указывает упомянутый выше Мюнх, который ещё в 2008 г. исследовал цитирование в двух американских социологических журналах («American Jour-

nal of Sociology» и «American Sociological Review») и двух немецких («Köllner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie» и «Zeitschrift für Soziologie»). Выяснилось, что в американских журналах в 90-100% случаев не цитируется научная литература, опубликованная вне англо-американского языкового пространства. В немецких же журналах 40-70% цитат приходится на не-немецкие источники, в основном американские. Получается, что уровень интернационализации немецких журналов значительно выше американских! Ведущие позиции американских журналов, определяемые по импакт-фактору, являются, по мнению Мюнха, не доказательством их интернационализации, а выражением гегемонии, которое ведет к обеднению научного знания (MÜNCH 2011b: 47). Не случайно цитируемая статья называется *Обеднение науки как следствие эвалюативного подхода: Эффект оценочного менеджмента в социологии*; заголовок другой статьи Мюнха не менее выразителен: *Гарантия качества, анализ рыночных практик, рейтинг: Наука в борьбе за лучшие цифры* (MÜNCH 2009).

Следствием использования числовых индексов цитирования является также то, что новые смелые научные концепции все реже излагаются в статьях, направляемых в журналы с высоким импакт-фактором, так как с такими статьями может быть связан риск научного провала. В результате растет количество стандартных статей, т. е. формируется «поточная наука» — Stromwissenschaft (в терминологии Моциката). Сложившуюся в научном дискурсе ситуацию автор квалифицирует как «диктатуру индексов цитирования» (МОСИКАТ 2009: 103) и считает ее опасным заблуждением («verhängnisvoller Irrglaube») (ibid).

Резко критикуются не только импакт-факторы научных журналов, но и индекс Хирша, с появлением которого сократилось число настоящих открытий. Как подчеркивает Анастасия Гужва,

количество не всегда перерастает в качество...; при существующей системе мы никогда не узнаем о стоящих открытиях, а только сможем наблюдать конъюнктурный пиар того или иного ученого (ГУЖВА 2019: URL),

а Интернет-сайт научно-популярного журнала «Гранит науки» обращает внимание научного сообщества на то, что «индекс Хирша подменяет ученых переписчиками» (ГРАНИТ НАУКИ

2019: URL). Поэтому многие ученые выступили против ориентации на импакт-факторы при оценке результатов научных исследований и 16 декабря 2012 г. опубликовали так называемую «Сан-Францисскую Декларацию об оценке научных исследований» («San Francisco Declaration of Research Assessment») (DORA 2012: URL). Интересно, что инициаторами этой Декларации выступили американские биологи — члены американского Общества клеточной биологии. Казалось бы, у них могло быть меньше всего претензий к оценке с опорой на импакт-факторы, поскольку эти специалисты печатаются именно в американских журналах. В Декларации уточняется, что изначально импакт-фактор создавался компанией Томсона Ройтерса как инструмент отбора научных журналов для пополнения библиотечных фондов, а не как показатель качества научного исследования. Констатируются следующие недостатки этого показателя: 1) он с одинаковых позиций оценивает оригинальные и обзорные статьи; 2) используемые при расчете данные не являются общедоступными; 3) импакт-факторами можно манипулировать с помощью редакционной политики (ibid.). Подписанты исходят из того, что научное содержание статьи гораздо важнее показателей публикационной активности автора или репутации журнала, в котором она опубликована, что особенно актуально для молодых исследователей. Для оценки важны ссылки на оригинальные источники, в которых впервые сообщается о научных результатах, а не на обзорные статьи.

В дискуссии подвергается сомнению целесообразность использования импакт-факторов журналов для оценки публикаций в области социальных и гуманитарных наук, так как в этих областях знания большую роль играют культуроспецифичные и регионально обусловленные моменты (LOEW 2020: 85). Кроме того, широкое использование цифровых индексов научного цитирования и поддерживаемое им прогрессирующее английское моноязычие в науке повышают опасность эпистемологического (теоретико-познавательного) обеднения научного дискурса, т. е. «сужения научных перспектив» («Verengung der wissenschaftlichen Perspektiven»), по выражению правоведа Акселя Флесснера, профессора Берлинского университета им. В. фон Гумболь-

дта (FLESSNER 2010: 888). Это связано с тем, что каждый язык создает свою картину мира, отражающую лингвоспецифичное видение исследуемой проблемы. Очень точно это сформулировал российский философ Н. А. Бердяев: «Истина не может быть национальной, но разные национальности могут раскрывать отдельные ее стороны» (БЕРДЯЕВ 2017: 29). Это положение Бердяева подтверждают современные психологи Ю. И. Александров и Н. А. Александрова (2010: 29), указывающие, что разные языки не просто называют по-разному одно и то же явление: они его по-разному видят. Проиллюстрировать это можно на примере лексического обозначения в немецком и английском языках такого явления как изменение частоты основного тона голоса: англ. contour, нем. Verlauf; англ. contour делает акцент на признаке «форма кривой», а нем. Verlauf — на признаке «скорость изменения частоты во времени». На это различие обращает внимание немецкий исследователь Винфрид Тильман. Он указывает также, что в английском языке не различается *область* исследования и собственно научное *исследование* («Nicht-Differenzierung zwischen Gegenstandsbereich und wissenschaftlicher Forschung»): одному английскому термину linguistic соответствуют два немецких — sprachlich ‘языковой’ и linguistisch ‘лингвистический’ (THIELMANN 2020: 105). Ср. также: англ. physical vs нем. physisch ‘физический’ и physikalisch ‘относящийся к области физики’; англ. chemical vs нем. chemisch ‘химический’ и chemikalisch ‘относящийся к области химии’. Учитывая эти особенности англо- и немецкоязычной терминологии, Тильман приходит к следующему выводу:

В области эпистемически ориентирующих языковых средств (erkenntnisleitende sprachliche Mittel), значимых для выполнения языком его гносеологической функции, немецкий и английский научные языки соотносятся в значительной степени как альтернативные (weitgehend alternativ) (ibid.: 102).

Поскольку язык является не только средством коммуникации с внешним миром, но и эвристическим инструментом, рождение и формирование научной гипотезы происходит не на иностранном, а на родном языке. Именно родной язык предоставляет в распоряжение человека тот когнитивный потенциал со все-

ми его историко-культурными коннотациями и моделями аргументации, который необходим для образно-наглядного представления сложных смыслов: как бы хорошо человек ни владел иностранным языком, этот язык не может быть такой когнитивной базой ни для человека в диалоге с самим собой (т. е. в процессе познания), ни для его адресата, подчеркивает Моцикат в статье *Ценность многоязычия для естественных наук* (МОСКАТ 2016).

Возникает вопрос: что можно противопоставить сложившейся американской системе оценки опубликованных результатов научных исследований и американским англоязычным банкам научного цитирования? Моцикат предложил создать многоязычный европейский банк научного цитирования, независимый от американских банков цитирования.

Создали же китайцы для своей культурной среды собственный банк данных научного цитирования! Мы должны свести к разумной мере весь этот цирк с оценкой научных публикаций («Evaluationszirkus»), который повсеместно выродился в самооценивание («zu einer sich selbst evaluierenden Evaluation entartet ist»), на которое затрачиваются огромные финансовые, временные и энергетические ресурсы (МОСКАТ 2009: 103).

Такая европейская база научного цитирования сформирована и расширяется как независимая от американского Института научной информации Томсона Ройтерса. Соответствующее решение было принято как проект программы GAIA-X на международном конгрессе по цифровым технологиям в 2016 г. в Дортмунде (Германия). Название этого проекта происходит от имени древнегреческой богини Гайи / Геи (др.-греч. Γῆ, Γᾶ, Γαῖα ‘земля’), которая, согласно древнегреческой мифологии, первая вышла из Хаоса. Широкой научной общественности этот проект был представлен на цифровом саммите в 2019 г. также в Дортмунде, где 15 октября 2020 г. была подписана «Декларация о создании “общеевропейского облака”» (CLOUD-DECLARATION: URL), т. е. общеевропейской виртуальной инфраструктуры (cloud-based infrastructure) и уточнялся проект GAIA-X. В этой базе данных значительное место уделяется публикациям по гуманитарным и социальным наукам (GAIA-X: URL), т. е. публикациям, отражающим европейские ценности. К рецензированию

привлекаются ведущие специалисты в конкретных областях знания, а не «научные менеджеры». Особое внимание уделяется технической надежности компьютерной базы данных.

3. Заключение

Динамика научного дискурса, протекающая как смена и взаимодействие научных парадигм, проявляется также в изменениях их параметров. Эти изменения отражают внешний социокультурный, экономический и политический фон развития научного знания. В цифровую эпоху значимость формализованного оценочного (эвалюативного) параметра научных парадигм особенно выросла. Это проявляется в широком использовании цифровых индексов научного цитирования, прежде всего, импакт-фактора научных журналов и индекса Хирша, тесно связанных с англофикацией научного дискурса, что, в свою очередь, обусловлено интенсивным влиянием англоязычной американской науки и американских университетов, ориентированных на американскую модель глобализации. Эти научные институции финансируют большинство научно-исследовательских и образовательных программ.

Форсированное английское моноязычие изменило языковую ситуацию в научной коммуникации в целом: резко упала востребованность других коммуникативно значимых европейских языков, в том числе и немецкого, на которых вербализованы огромные пласты научной информации. Это приводит к нивелировке национальных научных школ и к эпистемологическому обеднению научного дискурса. Из научного оборота изымается информация о публикациях на языках, кроме английского, так как эти публикации не учитываются упомянутыми индексами научного цитирования.

Исследования немецких ученых, выполненных на материале журналов по социальным и гуманитарным наукам, показали, что уровень интернационализации немецких журналов гораздо выше американских, поскольку немецкие авторы цитируют как немецкоязычные, так и англоязычные источники, американские же авторы в подавляющем большинстве ограничиваются ссылками на англоязычные публикации. Сложившаяся ситуация противоречит целям интернационализации науки и образования, важность которой общепризнана научным сообществом.

Вопрос о том, насколько оправдано широкое использование цифровых индексов научного цитирования для оценки уровня научных исследований, вызвал дискуссии в научной среде. В результате была принята «Сан-Францисская Декларация об оценке научных исследований», в которой делается акцент на неоправданно широком использовании импакт-фактора, констатируются недостатки этой практики для оценки результатов научных исследований и даются рекомендации по разработке более адекватных инструментов такой оценки.

В настоящее время создана и развивается общеевропейская компьютерная база научного цитирования GAIA-X, независимая от американских банков научного цитирования.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культуро-специфичных типов познания // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 14: психология. 2010. № 1. С. 22—35. [Aleksandrov, Yuriy I. & Aleksandrova, Natalya L. (2010) Komplementarnost' kul'turo-spetsifichnykh tipov poznaniya (Complementarity of Cultural Specific Types of Knowledge). *Lomonosov Psychology Journal*, 1, 22—35. (In Russian)].
- Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 64—81. [Belyaevskaya, Elena G. (2008) Semantika v trekh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya (Kriterii vybora metoda) (Semantics in Three Paradigms of Linguistic Knowledge (Criteria for the Choice of Method)). In: Kubryakova, Elena S. (ed.) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* (Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics). Moscow: Russian Academy of Sciences, 64—81. (In Russian)].
- Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 6—36. [Berdyayev, Nikolay A. (2017) Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda (Philosophical Veritas and Truth of Intelligentsiya). In: *Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii* (Articles about Russian Intellectuals)]. Moscow: RIPOЛ klassik, 6—36. (In Russian)].
- Болонская декларация «О создании общеевропейского пространства высшего образования». (1999) [Joint Declaration of the European

- Ministers of Education (Bologna, 19.VI.1999)]. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17664.
- Великая хартия европейских университетов. (1988) [Magna Charta Universitatu Europearum (Bologna, 18.IX.1988)]. URL: http://bolognaby.org/images/Library/Magna_Carta_Universitatum_ru.pdf.
- Гранит науки. (2019) [Granit nauki (Granite of Science) 2019]. URL: <https://un-sci.com/ru>.
- Гужва А. Танцы вокруг священного тела науки. 2019. [Guzhva, Anastasiya. (2019) *Tantsy vokrug svyashhennogo tela nauki* (Dances around the Holy Body of Science)]. URL: <https://un-sci.com/ru/2019/10/20/index-czitiruemosti-hirsha-podmenyaet-uchyonyh-perepischikami>.
- Демьянков В. З. Термин *парадигма* в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 15—39. [Demyankov, Valeriy Z. (2008) Termin *paradigma* v “rodnom” i “chuzhom” arealakh (The Term *Paradigm* in “Native” and “Foreign” Areas). In: Kubryakova, Elena S. (ed.) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* (Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics). Moscow: Russian Academy of Sciences, 15—39. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 4—14. [Kubryakova, Elena S. (2008) Ponyatiye “paradigma” v lingvistike: Vvedeniye (The Concept “Paradigm” in Linguistics: Introduction). In: Kubryakova, Elena S. (ed.) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* (Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics). Moscow: Russian Academy of Sciences, 4—14. (In Russian)].
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. [Kuhn, Thomas S. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* (The Structure of Scientific Revolutions). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Позднякова Е. М. Парадигмы научного знания в лингвистике и современное лингвистическое образование // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 49—63. [Pozdnyakova, Elena. M. (2008) *Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i sovremennoye lingvisticheskoye obrazovaniye* (Paradigms of Scientific Knowledge in Linguistics and Modern Linguistic Education. In: Kubryakova, Elena S. (ed.) *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* (Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics).

- Moscow: Russian Academy of Sciences, 49—63. (In Russian)].
- Сорбонская декларация «О гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования. (1998) [Joint declaration on harmonization of the architecture of the European higher education system (Paris, Sorbonne, 26.V.1998)]. URL: <https://accreditation.org/accreditation-processes/accords/sorbonne-declaration-1998#:~:text=Overview%3A%20Signed%20in%20Paris%20at,result%20in%20%22ever%20closer%20cooperation.%22>.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. [Stepanov, Yuriy S. (1985) *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* (In the Three-dimensional Space of the Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art)]. Moscow: Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- ADAWiS. Retrieved from: https://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf.
- Ammon, Ulrich. (2015) *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*. Berlin: de Gruyter.
- Barišić, Pavo. (2019) Sprachzwangslage der Wissenschaft: Exkurs zum Weltkongress für Philosophie. *Zagreber germanistische Beiträge*, 28: Anglophonisierung der Wissenschaftssprache, 39—54.
- Cloud-Declaration. Retrieved from <https://www.dnhk.org/veranstaltungen/details/digital-lunch-3-dateninfrastruktur-in-europa>.
- DORA — San Francisco Declaration of Research Assessment. Retrieved from <https://www.abdn.ac.uk/library/support/dora-the-san-francisco-declaration-on-research-assessment>.
- Ehlich, Konrad. (2000) Deutsch als Wissenschaftssprache für das 21. Jahrhundert. *German as a foreign language*, 1, 47—63.
- Flessner, Axel. (2010) Die Bedeutung von Wilhelm von Humboldts Sprachdenken für die Rechtswissenschaft In: Grundmann, Stefan; Kloepfer, Manfred & Paulus, Christoph G. (eds) *Festschrift 200 Jahre Juristische Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin: Geschichte, Gegenwart und Zukunft*. Berlin: de Gruyter, 874—898.
- GAIA-X. Retrieved from <https://www.bmbf.de/bmbf/de/forschung/digitale-wirtschaft-und-gesellschaft/aktionsplan-forschungsdaten/aktionsplan-forschungsdaten.html#searchFacets>.
- Gehrmann, Siegfried. (2015) Die Kontrolle des Fluiden: Die Sprachlichkeit von Wissenschaft als Teil einer neuen Weltordnung In: Gehrmann, Siegfried; Helmchen, Jürgen; Krüger-Potratz, Marianne & Ragutt, Frank. (eds) *Bildungskonzepte und Lehrerbildung in europäischer Perspek-*

- tive*. München: Waxmann, 117—156.
- Gehrmann, Siegfried. (2020) Die Ökonomisierung des Sprachlichen: Eine Bestandaufnahme über die Zukunft der Nationalsprachen als Wissenschaftssprachen. In: Münch, Usula; Mocikat, Ralph; Gehrmann, Siegfried & Jörg, Siegmund. (eds) *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 55—76.
- Krull, Wilhelm. (2017) *Die vermessene Universität: Ziel, Wunsch und Wirklichkeit*. Berlin: Passagen.
- Loew, Thomas. (2020) Bewerten, Begreifen, Befördern: Thesen zu mehr Transparenz und wechselseitigen Vernetzung im globalen wissenschaftlichen Austausch. In: Münch, Usula; Mocikat, Ralph; Gehrmann, Siegfried & Jörg, Siegmund. (eds) *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 83—87.
- Mocikat, Ralph. (2009) Die Diktatur der Zitatendizes: Folgen für die Wissenskultur. *GAI*A, 18/2, 101—103.
- Mocikat, Ralph. (2016) *Der Wert der Mehrsprachigkeit in den Naturwissenschaften*. Retrieved from https://adawis.de/fileadmin/user_upload/Otzenhausen_2016_s.pdf.
- Münch, Richard. (2009) *Qualitätssicherung, Benchmarking, Ranking. Wissenschaft im Kampf um die besten Zahlen*. Retrieved from <https://meincliio.clio-online.de/open/pdf/debate/fddebate-132197>.
- Münch, Richard. (2011a) *Akademischer Kapitalismus: Zur politischen Ökonomie der Hochschulreform*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Münch, Richard. (2011b) Verarmung des Wissens durch Evaluation: Effekte des Qualitätsmanagements in der Soziologie In: Diedrich, Ralf & Hellermann, Ullrich. (eds) *Ökonomisierung der Wissensgesellschaft. Wie viel Ökonomie braucht und wie viel Ökonomie verträgt die Wissensgesellschaft?* Berlin: Duncker & Humblot, 47—62.
- Thielmann, Winfried. (2020) Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften. In: Münch, Usula; Mocikat, Ralph; Gehrmann, Siegfried & Jörg, Siegmund. (eds) *Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 97—109.
- Voslamber, Dietrich. (2011) Wissenschaft auf Deutsch — wie lange noch? *Physik Journal*, 10, Nr. 2, 3.

Natalya N. Troshina
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

The Dynamics of the Scientific Discourse in the Digital Epoch

The dynamics of the scientific discourse is connected both with the change of scientific paradigms and with the outside context of this process, since it defines in great degree the parameters of scientific paradigms. Chronologically transient character of these paradigms allows us to speak about the dynamics of the scientific discourse. Particular attention in the article is paid to the evaluative parameter of scientific paradigms, whose significance has greatly increased in the digital epoch. Today this process is being realized in a wide use of digital citation indexes as an instrument to evaluate the results of scientific work and, consequently, as an instrument of statistical measurement of science. More popular are the impact-factor as a numerical indicator of an article citation and the Hirsh index as the indicator of an author's scientific level. The main reason of digital index spread of scientific citation is caused by strong influence of English-speaking science, first of all, American one with its strongly expressed market orientation which corresponds to the American globalization model. The article analyses the language situation in the scientific and in the higher education spheres that as states the swift progress of English as the only one language of the scientific communication. The article points out the weakening of the German language positions in this sphere which greatly affects the direction of scientific discourse dynamics. English as the only one language of the scientific communication together with the spread of digital indexes of scientific citation has advantages (simplification and speeding up of scientific communication) and disadvantages: epistemological impoverishment of scientific discourse connected with levelling of national scientific schools: incompatibility to aims of real internationalization of science. The result of the discussion about the consequences of the application of digital indexes of scientific citation was the "San Francisco Declaration on Research Assessment" (December 16, 2012) and the creation of European base of scientific citation, independent of the American bank of scientific citation.

Keywords: scientific paradigm; dynamic of scientific discourse; evaluative parameter; digital citation index; impact-factor; Hirsh index; European base of scientific citation

Для цитирования:

Трошина Н. Н. Динамика научного дискурса в цифровую эпоху // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI.

С. 351—368.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-351-368.

To cite this Article:

Troshina, Natalya N. (2024) Dinamika nauchnogo diskursa v tsifrovuyu epokhu (The Dynamics of the Scientific Discourse in the Digital Epoch). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 351—368. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-351-368.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; принята к публикации 27.03.2024

The article was submitted 14.02.2024; accepted for publication 27.03.2024

Е. О. Туманова

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова

ЭОНИМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА «СКАНДАЛ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Любые значимые события, происходящие как в одной отдельной стране, так и во всем мире, моментально становятся предметом обсуждения в обществе благодаря стремительному развитию информационных технологий и легкой доступности к медийным текстам всех мировых новостных изданий. Особый общественный резонанс с последующими открытыми дискуссиями, судебными разбирательствами, отставками руководителей организаций или членов правительства, вызывают скандалы, связанные с деятельностью политических партий, глав государств, доказанными фактами коррупции, случаями применения допинга, масштабными хакерскими атаками. Прецедентный феномен «СКАНДАЛ», ставший объектом настоящего исследования, занимает лидирующую позицию в политическом дискурсе, что подчеркивает актуальность исследования. В статье были изучены и описаны в рамках лингвокультурологического подхода немецкоязычные эонимы, т. е. ключевые слова эпохи, которые посредством своей языковой формы служат экспликации культурного кода, что обусловило теоретическую значимость научного труда. Исследование эонимов, вербализующих эпохальные события в общественно-политической жизни современной Германии, позволяет провести ретроспективную реконструкцию отдельных исторических периодов, связывая прецедентные имена и ситуации в единое прецедентное поле, что стало целью работы. Основными методами исследования, помимо метода сплошной выборки эонимов из социолингвистических рейтингов «Слово года», ежегодно составляемых Обществом немецкого языка в г. Висбаден, их лингвокультурологического декодирования и интерпретации, стали метод эмпирического анализа, типологический метод, семантико-стилистический анализ, метод анализа репрезентативных корпусов немецкого языка, метод лингвистического анализа, сравнительно-исторический метод. Практическая значимость исследования заключается в выделении четырех ключевых сфер-источников расширения прецедентного феномена «СКАНДАЛ» в современном немецкоязычном политическом дискурсе.

се. К ним принадлежат внутривнутриполитические и внешнеполитические события, деятельность крупнейших предприятий и международных организаций, проблемы информационной безопасности и проводимые спортивные состязания. Результатом исследования стала комплексная характеристика крупнейших в истории Германии скандалов, ставших частью языковой картины политического мира в немецкоязычном лингвокультурном сообществе в период с 1993 по 2019 г.

Ключевые слова: политический дискурс; зоним; политический скандал; коррупция; прецедентный феномен; лингвокультурология

1. Введение

Эпоха цифровых трансформаций, которая является символом многочисленных перемен в жизни современного общества, привела к выстраиванию пространственно-информационного континуума и предоставила возможность беспрепятственной коммуникации и доступа к феноменальному по своему объему информационному контенту. Непрерывное пополнение информационной базы данных обусловлено лавинообразным характером ее распространения и стремительными темпами жизни современного поколения, что, в свою очередь, значительно затрудняет поиск необходимых данных, их обработку, верификацию и требует критического анализа.

Информация о происходящих в мировом сообществе и в рамках отдельного государства событиях организуется в текстовом пространстве путем создания культурно специфических образов (SANDIG 1996: 37, WEINRICH 1993: 18, ДЕЙК 1989: 112), что обуславливает необходимость изучения определенного культурного контекста, в котором возникает медийный текст.

Под медийным текстом понимается все многообразие текстовых посланий, представленных в дискурсе масс-медиа. Все тексты в медийном пространстве схожи не только технологически, но и функционально по характеру их отношений с реципиентами сообщения (КРОЙЧИК 2006: 7). Средства массовой информации стремятся в кратчайшие сроки при отсутствии непосредственного контакта передать максимальный объем информации, которая должна вызывать не только особый интерес у реципиентов, но и быть направленной на формирование их поведения, мнения и отношения к происходящим событиям (КОСОВА 2003: 97).

Культурный контекст дефинируется как общность институциональных, ролевых, аксиологических, когнитивных обстоятельств, в которых реализуются значимые события и посредством которых формируется картина бытия, происходит его интерпретация. Одновременно культурный контекст является совокупностью экспрессивных средств выражения реакции людей на текущие обстоятельства (ОРЛОВА 2004: 465). Таким образом, в дискурсе масс-медиа вербализуются те лингвокультурные установки, которые необходимы для создания речевого продукта в соответствии с экстралингвистическими факторами возникновения данного продукта. Медийный текст выступает некой проекцией историко-культурного пространства современности, отличаясь особыми свойствами в плане своей структурной, содержательной и языковой составляющих (ИВАНОВА 2008: 29-30). В контексте политической коммуникации особый интерес представляет вербальная экспликация событий в дискурсе масс-медиа с участием ведущих политических деятелей и крупных корпораций, вызвавших огромный общественный резонанс в Германии.

СМИ активно используют условия отсутствия достаточного количества времени у реципиентов в текущей жизненной обстановке, размещая в заголовках статей или названиях видеопосланий достаточно яркие и привлекающие внимание заголовки, что является особым инструментом информационных манипуляций. Их основная цель заключается в реализации ключевой функции политического дискурса — функции агональности, так как в ряде случаев пользователи не имеют возможности ознакомиться со всеми сведениями и формируют свое представление о происходящем по ключевым и очевидным выдержкам, отобранными для них специалистами в рамках политических установок.

Ключевые лингвокультурные коды, являющиеся в том числе и единицами политической коммуникации, эксплицируются в эонимах. Термин «эоним» является сравнительно новым и представляет собой понятие, образованное нами от древнегреческих корней *αἶον* (эпоха, век) и *ὄνομα* (название) (ТУМАНОВА 2024: 85). Таким образом, базовыми функциями эонимов в речи являются индивидуализация и идентификация обозначаемых ими значимых

событий и явлений в жизни отдельного социума. Энимы вербализуют в своей языковой форме значимые исторические моменты, важные события и резонансные происшествия в жизни отдельной лингвокультурной общности. Являясь ключевыми словами или символами эпохи, они способны вызывать стойкие ассоциации и эмоции с определенным историческим моментом.

Следствием погружения в этернальный информационный поток становится дискредитация объективной реальности, характеризующейся тем, что реципиент не успевает запоминать фактические данные, но полученные сведения фиксируются в его сознании на основе первичного эмоционального отклика. В работах, посвященных изучению особенностей политической коммуникации, многократно была доказана корреляция между политическим дискурсом (как составляющим элементом медийного дискурса) и эмоциональной окраской высказывания (KOSCHUT 2020), что позволяет рассматривать идеологичность и эвалюативность в качестве главных свойств политического дискурса (БЕРЕНДЕЕВ 2017).

Исследование энимов в синхронном аспекте создает реконструкцию событий определенного временного периода в отдельном лингвокультурном пространстве и позволяет описать особенности жизни социума в данный период. Научные работы в этом направлении позволяют выявить и детализировать основные этапы, а также языковые механизмы рефлексии общественно-значимых событий как в жизни конкретного социума, так и при их сопоставлении в разных культурах, что подчеркивает актуальность предпринятого исследования.

Одной из негативных тенденций на современной политической арене является массовая коррумпированность как чиновничьего аппарата, так и сферы предпринимательства. Активную деятельность по противодействию коррупции с 1993 г. ведет НПО Transparency International (ТИ),¹ публикуя мировую статистику по индексу восприятия коррумпированности («Сог-

¹ Головная структура НПО признана в Российской Федерации нежелательной организацией, выполняющей функции иноагента. Российское отделение НПО находилось в реестре иноагентов с 2015 по 2023 г. и было исключено из него в связи с ликвидацией юридического лица.

ruption Perceptions Index» — CPI) и исследования «Барометр мировой коррупции» («Global Corruption Barometer» — GCB). Основными задачами ежегодного социологического исследования организации являются определение уровня восприятия коррупции, сбор мнений граждан о том, какие социальные институты наиболее коррумпированы в их странах, описание практического опыта столкновения с коррупцией.

По статистике, практически 50% предпринимателей Германии сталкиваются с взятками (КЛЕМИН 2011: 282), что нашло отражение в дискурсе масс-медиа. Согласно данным CPI за 2020—2023 гг., Германия занимает 9 строчку по уровню восприятия взяточничества среди 180 стран мира.² При этом три четверти из всех государств, включенных в рейтинг, отличаются превышением среднего уровня индекса коррумпированности. Однако, согласно оценке участников исследования GCB, Германия не является государством с высоким уровнем противодействия коррупции.³ В своей статье *Korruption — wird geschmiert wie eh und je?* Х. Кури называет взяточничество будничным делом в современной ФРГ: «in den letzten 20 Jahren lernen, dass auch in Deutschland etwa Bestechung und Bestechlichkeit, zweifelhafte Vorteilsnahme, zum Alltag gehören» (цит. по: [КЛЕМИН 2011: 284]). Представленные статистические сведения подкрепляют актуальность лингвистического исследования коррупции как ключевого элемента прецедентного феномена (термин В. В. Красных) «СКАНДАЛ» в политическом дискурсе. Особую практическую значимость представленное исследование приобретает в контексте современных геополитических реалий и информационных войн, в которых дискредитируется образ России как страны с максимальным уровнем коррупции, а информация об уровне коррумпированности в Германии сознательно умалчивается.

Коррупция как причина многочисленных политических скандалов и лингвистический анализ вербализации данного явления в последнее десятилетие неоднократно становились темой научных публикаций молодых исследователей, описываю-

² <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>.

³ http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/gcb.

щих отдельные скандальные происшествия (БОКОВА 2009; БЫКАНОВ 2015; СЕРОЗЕЕВА 2020; ЧЖАН 2023).

Целью исследования стал анализ языковых средств вербализации скандальных событий в Германии в современном немецкоязычном политическом дискурсе. В качестве объекта исследования были выбраны лингвокультурные коды политического дискурса Германии. Предметом изучения стали эонимы, репрезентирующие прецедентный феномен «СКАНДАЛ» в современном немецкоязычном медийном тексте. Теоретическая значимость работы заключается в обращении к новому термину в рамках лингвокультурологического описания языковой системы в контексте салиентных общественно-политических событий.

2. Характеристика материала и методов исследования

Посредством эонимов носители языка фиксируют свое восприятие текущей политической реальности. Существует ряд методов и приемов, позволяющих выявить основные интенции, закодированные в ключевых лексических единицах года. Как обладающие особой коннотацией в историческом контексте, эонимы могут рассматриваться в качестве языковых единиц, формирующих прецедентное поле.

Термин «прецедентный феномен» позволяет провести как когнитивную, так и лингвистическую интерпретацию анализируемого явления (НАХИМОВА 2011: 55). Они используются как инструмент трансляции культурного кода, обеспечивая преемственность и взаимосвязь поколений (*ibid.*: 11).

Основными характеристиками прецедентного феномена являются широкая известность и общеупотребительность во всей лингвокультурной общности, актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, регулярная апелляцию к нему в процессе коммуникации (КРАСНЫХ 2002: 58).

Типология прецедентных феноменов представлена следующими их разновидностями (Гудков и др. 1997: 83):

1) прецедентная ситуация как некий «эталон», вызывающий определенные ассоциации, ключевые характеристики которого формируют когнитивную базу;

2) прецедентный текст (термин Ю. Н. Караулова) как завершенный и автономный результат речевого мышления; (по-

ли)предикативная единица, значимая в познавательном и эмоциональном отношениях и отличающаяся сверхличностным характером (КАРАУЛОВ 1987: 216);

3) прецедентное имя не как обозначение конкретной личности или ситуации, а как культурный знак, символ определенных качеств, событий и судеб, не требующий дополнительных пояснений (НАХИМОВА 2011: 5);

4) прецедентное высказывание как воспроизводимая завершенная единица речемыслительной деятельности.

Сферами-источниками пополнения фонда прецедентных феноменов в языке выступают социальная сфера, сфера искусств, научная сфера, а также тексты религиозного характера (НАХИМОВА 2007: 89).

По мнению И. В. Высоцкой, особыми типами прецедентных феноменов являются прецедентные знаки, события, даты, стили, жанры, образы и изображения (ВЫСОЦКАЯ 2013: 119-121). В заголовках медийных текстов прецедентные тексты могут подвергаться различным трансформациям (замена компонентов, распространение или усечение формы, транспозиция) (ВЫСОЦКАЯ & ПЕРФИЛЬЕВА 2010) или служить основой для создания стилистического эффекта паронимазии.

Одним из наиболее эффективных подходов к декодированию лингвокультурологической информации в тексте служит комплексный анализ прецедентных феноменов.

Материалом проведенного исследования послужили сообщения о крупнейших скандалах Германии в период с 1993 по 2019 г., опубликованные в различных немецкоязычных изданиях. Основными источниками анализируемых текстов стали наиболее популярные газеты и журналы «Spiegel», «Zeit», «Welt», «FAZ», «Berliner Tageszeitung», «Berliner Tages-Anzeiger», «Süddeutsche Zeitung», «Rhein-Zeitung», «Abendzeitung», «BR24», описывающие резонансные события в социальной и политической жизни Германии.

Особый интерес представляли также результаты, опубликованные в рейтинге «Слова года» («Wort des Jahres») Обществом немецкого языка в Висбадене за 1993—2019 гг.⁴

⁴ <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres>.

Общий объем эмпирической базы исследования составили 314 публикаций в немецкоязычных новостных изданиях. Методом сплошной выборки были отобраны 12 эонимов из списков «Слова года», зафиксировавших наиболее резонансные события в общественно-политической жизни Германии в частности и мира в целом.

Основными методами исследования в рамках поставленных задач были избраны метод эмпирического анализа, метод лингвокультурологического декодирования и интерпретации, типологический метод, семантико-стилистический анализ. В работе также был применен метод анализа репрезентативных корпусов немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (DWDS)⁵ и *IDS Mannheim (COSMAS corpora, DoReKo)*⁶.

Среди наиболее значимых функций медийных текстов стоит выделить информационную и прагматическую (регулятивно-манипулятивную) (КОСОВА 2003: 97). Информация о текущих событиях, представленная в дискурсе масс-медиа, оказывает влияние на весь социум и способна вызвать общественный резонанс в случае ее взаимосвязи с известными личностями и названиями крупных корпораций, общественных организаций, известными фирмами. Особое внимание публики всегда привлекают скандальные сенсации, связанные с эпохальными событиями, ставшими поводом для многочисленных публикаций, дискуссий и обсуждений, главной интенцией которых становятся обвинения в нарушении закона, коррупции, нечестных и аморальных поступках. Описание подобных событий не только побуждает к повсеместному обсуждению политической реальности, но и за счет сильного эмоционального отклика фиксируется в общественном сознании как особый прецедентный феномен. Освещение в новостных изданиях скандалов с участием известных личностей зачастую приводит к повышению рейтинга издания за счет охвата широкой аудитории.

Интерпретация результатов эмпирического исследования проводилась с учетом авторитетности изданий, степени освеще-

⁵ <https://www.dwds.de>.

⁶ <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web>.

ценности политического скандального происшествия в дискурсе масс-медиа и общественной реакции на прецедентные ситуации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ позволяет представить результаты описания эонимов, отобранных Обществом немецкого языка как наиболее значимых и зафиксированных общественностью культурных кодов, связанных с политическими скандалами в высших эшелонах власти, а также со скандалами из сферы экономики (предпринимательства), спорта и предоставления информации.

3.1. Вербализация политического скандала в эонимах

Коррупционная деятельность немецких и австрийских чиновников способствовала появлению в культурном коде немецкой лингвокультурной общности эонимов *Amigo-Affäre*, *Schwarzgeldaffäre*, *Oligarchennichte*. Внешнеполитическая повестка связана с именем президента Турции Р. Т. Эрдогана и отражена в эонимах *Schmähkritik* и *schlechtes Blut*.

Одним из первых скандалов на политической арене Германии, освещенных в СМИ по всему миру, стало дело бывшего министра-президента Баварии М. Штрайбла, которое было вербализовано в эониме *Amigo-Affäre* на четвертой строчке рейтинга «Слова 1993 года».

В конце февраля 1993 г. на традиционной политической Пепельной среде ХСС в зале «Нибелунгенхалле» в Пассау Штрайбль поприветствовал аудиторию в 5000 человек фразой: «*Saludos Amigos!*». Когда за пять лет до этого он пришел на смену прежнему министру-президенту Баварии Ф. Й. Штраусу, его намерением было положить конец переплетению личной жизни и политики, которое оказалось очередной манипуляцией. В начале 1993 г. стало известно, что в 1983, 1985 и 1987 гг. Штрайбль, который на тот момент занимал пост министра финансов Баварии, позволил своему другу Б. Гробу, производителю самолетов и станков, заинтересованному в государственных контрактах, пригласить его с семьей на два дорогостоящих отдыха в Бразилию и один в Кению. Гроб получил в общей сложности 28 миллионов марок в виде субсидированных кредитов на расширение своей компании от государственного агентства по финансированию развития, которое Штрайбль возглавлял в качестве министра финан-

сов, что многократно превышало государственные средства, выдаваемые другим баварским предпринимателям. Когда в январе 1993 г. дело Amigo-Affäre получило огласку, Гроб уже находился под следствием по подозрению во взяточничестве в аналогичных делах. 27 мая 1993 г. Штрайбль объявил о своей отставке в метафорической форме, отказавшись от употребления общепринятой лексемы Rücktritt: «Heute lege ich mein Amt in Ihre Hände zurück» (BR24, 29.01.2018).

Главным словом 2000 года стал эоним Schwarzgeldaffäre, связанный с коррупционным скандалом вокруг бывшего канцлера Германии Г. Коля, который отказался называть фамилии спонсоров, пожертвовавших ему значительные денежные суммы, которые не была задекларированы. Громкий политический скандал привели к утрате политиком его репутации и почетного председательства в партии ХДС (ТУМАНОВА 2023а: 88).

В рейтинге «Слова 2016 года» на четвертой строке оказался эоним Schmähkritik. Предпосылкой к его появлению стал набравший миллионные просмотры на YouTube в марте 2016 г. хит «Erdowie, Erdowo, Erdowahn» — кавер-версия на песню известной немецкой исполнительницы Nena «Irgendwie, irgendwo, irgendwann». Песня была исполнена на юмористической программе Extra 3 и содержала обличающую критику президента Турции.

Сатирик Я. Бемерманн решил подкрепить популярный и политический успех данной сатирической композиции и в своей программе Neo Magazin Royale обратился к Эрдогану с вопросом, почему на вклад его коллег распространяется свобода искусства и мнений. Он представил стихотворение под названием *Schmähkritik*. Юридическое понятие «Schmähkritik» образовано от глагола schmähen, происходящего от срвн. *smahe* ‘низкий, презренный’, и детерминирует критику, которая носит явно пренебрежительный характер и не служит объективному обсуждению. Текст поэмы действительно содержал гротескно преувеличенные формулировки и расистские клише о клятве Эрдогана, но был снабжен пояснением «was jetzt kommt, das darf man nicht machen» и схожими указаниями.

Юридическая оценка дела Бемерманна была сложной. Федеральный канцлер А. Меркель преждевременно охарактеризо-

вала стихотворение как «bewusst verletzend» и удовлетворила просьбу о судебном преследовании. Бемерманну грозило наказание не только по ст. 185 УК Германии «Beleidigung» («оскорбление»), но даже по устаревшей ст. 103 «Beleidigung eines ausländischen Staatsoberhauptes» («оскорбление главы иностранного государства»). Хотя судебное разбирательство было прекращено, Эрдоган добился временного запрета на 18 из 24 стихов поэмы в рамках гражданского разбирательства. Хотя произведение было признано сатирическим «zweifelsohne eine Satire», оно может быть воспроизведено только без нежелательных частей.⁷

Жюри Общества немецкого языка поместило словосочетание schlechtes Blut на седьмую строчку рейтинга «Слова 2016 года». Появление эонима было обусловлено принятой в немецком Бундестаге в июне 2016 г. резолюции о геноциде армян-христиан в годы Первой мировой войны (Welt, 02.09.2016). Турецкое правительство ответило на восстание беспощадным насилием: по приблизительным оценкам, были убиты от 300000 до 1,5 млн человек. Историки всего мира признают этот геноцид одним из первых систематических геноцидов XX в., однако турецкое правительство и официальная турецкая историография отказываются квалифицировать эти события как геноцид.

Несмотря на яростные протесты со стороны турецкого руководства и турецких ассоциаций в Германии предложение коалиции ХДС/ХСС, СДПГ и «Зеленых» о признании геноцидом массового убийства сотен тысяч армян в Османской империи было одобрено абсолютным большинством голосов. Целью голосования было не возложить на Турцию ответственность за произошедшее, а выразить уважение к жертвам.

Президент Турции Эрдоган выступил с обращением, в котором оскорбил немецких депутатов парламента турецкого происхождения, усомнившись в чистоте их родословной. По его словам, их кровь должна быть исследована в лаборатории («in einem Labortest untersucht»). В турецком языке он использовал слова kam bozuk ‘из плохой семьи’. Буквально его цитата была воспринята как высказывание «о крови расы, с которой не сле-

⁷ <https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres>.

дует смешиваться» («vom Blut einer Rasse, mit der man sich nicht mischen möchte») (Tages-Anzeiger, 09.06.2016).

Председатель турецкой общины в Германии Гекай Софуоглу раскритиковал заявление Эрдогана, заявив, что абсолютно неуместное сегодня деление людей по расовому признаку, как он предполагал, прекратилось в 1945 г. («Ich denke, dass Leute nach Blut definiert werden, hat 1945 aufgehört. Das ist absolut deplatziert»). Общество немецкого языка придерживалось аналогичной точки зрения. В пресс-релизе, посвященном словам 2016 года, оно выразило свою обеспокоенность тем, что слово «кровь» снова может войти в политический обиход («Sorge, dass das Wort 'Blut' wieder Einzug in den politischen Sprachgebrauch hält»). В контексте этнической принадлежности оно рассматривается как лексема национал-социалистической идеологии.⁸

В рейтинге 2019 года на девятом месте оказался композит Oligarchennichte, который ассоциируется с именем канцлера Австрии Х. К. Штрахе, вынужденного уйти в отставку в мае 2019 г. в результате скандала. События вошли в историю как Ibiza-Affäre, или Ibizagate, и привели к роспуску правящей коалиции, правительственному кризису и досрочным выборам (НЕФЕДОВА & КУСТОВА 2021: 50). Штрахе продемонстрировал готовность к противозаконным действиям на встрече с предполагаемой племянницей российского олигарха на Ибисе в июле 2017 г., что было тайно снято на видео и стало достоянием общественности.

3.2. Экономическая деятельность как сфера-источник эонимов

Рейтинги слов года в Германии свидетельствуют о большой вовлеченности граждан в решение социально-экономических проблем. Для анализа эонимов в сфере экономики нами были отобраны слова-символы Mogel-Motor (связано с автомобилями компании Volkswagen), и Stuttgart 21 (указывает на скандал вокруг строительства нового вокзала в Штутгарте).

Наименование строительного проекта «Stuttgart 21» заняло вторую строчку в рейтинге ключевых слов 2010 года, уступив первенство связанному с ним эониму Wutbürger 'рассерженные горожане'. Железнодорожный проект Deutsche Bahn по пре-

⁸ ibid.

вращению конечной станции южно-немецкого города Штутгарта в сквозную станцию послужил поводом для массовых протестов, которые распространились далеко за пределы региона. С одной стороны, эоним Stuttgart 21 обозначает одноименный строительный проект, с другой стороны, ассоциируется со связанными с ним дебатами и демонстрациями. Стоит отметить, что «Stuttgart 21» не является уникальным проектом, поскольку Deutsche Bahn запланировала аналогичные проекты по усовершенствованию железнодорожной логистики и модернизации станций Neu-Ulm 21, Saarbrücken 21, Magdeburg 21, Lindau 21, Frankfurt 21, München 21. Цифровое обозначение «21» указывает на то, что новые железнодорожные вокзалы сделают города более современными и позволят придать им образ XXI в.

Проект «Stuttgart 21» был представлен обществу компанией Deutsche Bahn еще в 1994 г. План предусматривал превращение главного железнодорожного вокзала в подземную сквозную станцию, а освободившееся наземное пространство предполагалось задействовать для развития городской инфраструктуры. Изначальная стоимость проекта оценивалась в 4 млрд евро.

Финансирование проекта было обеспечено только в 2009 г. Когда в феврале 2010 г. официально начались строительные работы, начались первые демонстрации, впоследствии общественные протесты усилились. Все больше «рассерженных горожан» выходили на улицы; экоактивисты, защитники парков (Parkschützer) блокировали доступ к деревьям, которые должны были быть вырублены в ходе строительных работ. В протестном движении приняли участие и многие знаменитости с призывом пересмотреть проект железной дороги. Причиной массовых выступлений стала угроза для окружающей среды и ожидаемое увеличение объема финансирования проекта.

В результате переговоров реализация Stuttgart 21 продолжилась, но в проект был внесен ряд изменений, и потребовались доказательства высокой эффективности и целесообразности строительства нового вокзала, что отразилось в частотном употреблении медицинского термина Stresstest в его переносном значении, ставшим главным словом 2011 года.

В ноябре 2011 г. противники проекта Stuttgart 21 («Stuttgart-21-Gegner») потерпели поражение на референдуме, набрав на 41% голосов меньше, чем их оппоненты. Согласно текущим планам, станция должна открыться не ранее конца 2025 г.

Пятую позицию в рейтинге слов 2015 года занял композит Mogel-Motor. Неологизм образован от глагола *mogeln* ‘поступать нечестно, использовать мелкие уловки с целью обмана’ и существительного латинского происхождения Motor ‘мотор, двигатель’. Mogelpackungen ‘обманчивая упаковка’ давно известна потребителям продукции пищевой промышленности. Такие упаковки были разработаны производителями, чтобы заставить покупателей поверить, что в упаковке больше содержимого, чем на самом деле. Данный маркетинговый тренд был подхвачен и автопроизводителями с целью убеждения покупателей в приобретении экологически чистого автомобиля, так как на продаже эффективных и экологичных двигателей можно заработать гораздо больше в эпоху, когда весь мир находится на грани «климатической катастрофы» («Klimakatastrophe»). Нюансом, однако, является то, что такие двигатели на самом деле не были разработаны и установлены.

В сентябре 2015 г. стало известно, что инженеры всемирно известной компании Volkswagen разработали программное обеспечение, которое позволяет тестировать уровень вредных выбросов при работе двигателя и автоматически их снижать. В прессе появились сведения о массовой установке подобного программного обеспечения: «Die US-Umweltbehörde EPA enthüllte, dass VW in Diesel-Modellen der Jahre 2009 bis 2015 (482000 Fahrzeuge in den USA) eine solche Schummel-Software eingebaut hat» (Berliner Tageszeitung, 24.09.2015). Журналисты отмечали, что теперь всем управляют компьютерные технологии, которыми можно также манипулировать: «Früher steuerten der Fuß auf dem Gaspedal und der Vergaser, wie ein Motor fuhr. Heute tut das Computer» (Zeit, 23. 9. 2015).

Компания Volkswagen стремилась увеличить продажи в конкурентной борьбе с другими производителями, обманывая потребителей в части выполнения требований по сохранению окружающей среды, что привело к утрате доверия к произво-

димым ей товарам: «VW wie ‘Vertrauen weg!’ — in deutsche Autos, deutsche Standards, das Gütesiegel ‘Made in Germany’» (Berliner Tageszeitung, 24. 9. 2015).

Негативное отношение к автопроизводителю усилилось за счет разгоревшегося скандала с выбросами, известного как Abgas-Skandal, Abgas-Affäre или Dieselgate. В результате генеральный директор VW М. Винтеркорн был вынужден уйти в отставку, а последующие расходы кампании по возврату автомобилей и компенсаций составили, по мнению аналитиков, почти 30 млрд евро.

Позднее в СМИ появилась информация о том, что другие автопроизводители также манипулировали показателями выбросов. Эоним Mogel-Motog как эвфемизм для обозначения серьезного мошенничества укоренился в культурной памяти жителей Германии и других стран, импортировавших эти автомобили.

3.3. Вербализация информационного скандала в эонимах

Информационный скандал как особая резонансная тема, разгоревшаяся вокруг деятельности Wikileaks, нашел отражение в двух ключевых словах 2010 года Wikileaks и Cyberkrieg. Скандал был также связан с понятием «Selektorenliste», появление которого было обусловлено публикацией сведений о прослушке спецслужбами США министров правительства Германии.

Пятую строку рейтинга «Слова 2010 года» занимает эоним, представляющий собой имя собственное, а именно название онлайн-проекта Wikileaks, хотя официально на сайте наименование пишется с двумя заглавными буквами WikiLeaks. По утверждению основателей организации, ее целью является создание «форума для всего мирового сообщества».⁹

Слово Wiki пришло из гавайского языка, в котором означает «быстро». Абсолютное большинство пользователей сети Интернет знакомы с данным компонентом благодаря онлайн-энциклопедии «Википедия» («Wikipedia»), созданной как платформа для виртуального сотрудничества. Второй компонент в наименовании организации Leaks происходит из английского языка и переводится как «утечка информации».

⁹ <https://wikileaks.org>.

Проект «Wikileaks» был создан в 2006 г. в целях разоблачения крупных частных компаний и органов государственного управления путем публикации секретных документов, которые иначе не стали бы достоянием общественности. Особое внимание в 2006 г. привлекли документы различных секретных служб и запись авиаудара по мирным жителям Багдада, что привело к блокировке платформы Wikileaks правительствами различных стран.

В 2010 г. Wikileaks подняла шум, опубликовав депеши посольства США. Реакцией на эту утечку стал ордер на арест основателя Wikileaks Джулиана Ассанжа по двум обвинениям: в изнасиловании в Швеции и в подозрении в заговоре.

В международном сообществе произошел разлом в отношении деятельности Wikileaks. Сторонники проекта ценят возможность создания транспарентной картины в отношении деятельности правительственных структур и частных корпораций, а критики ставят ей в упрек отсутствие журналистского усердия.

Дебаты вновь разгорелись, когда Wikileaks вмешалась в президентскую кампанию 2016 г. в США, опубликовав предвыборные документы Демократической партии, что символически стало обозначаться эонимом Trump-Effekt.

Четвертую позицию в рейтинге того же 2010 г. занял эоним Cyberkrieg, отсылающий к хакерским атаками финансовых сервисов PayPal и PostFinance, а также Visa и Mastercard, что привело к полной блокировке сайта финансового учреждения Visa. В ходе DDoS-атак серверы компаний были парализованы большим количеством запросов. Причина хакерских атак заключалась в желании поддержать Wikileaks, счета которой были заморожены некоторыми финансовыми структурами. Хакеры выступили в поддержку компании, так как часть ее средств использовалась в качестве пожертвований на улучшение работы серверов. Произшедшие события были освещены 15 декабря 2010 г. в СМИ под заголовком «Cyberkrieg».

Неологизм образован от существительного Krieg посредством присоединения конфикса Cyber-. Этот конфикс, отличительной особенностью которого является невозможность самостоятельного употребления, был заимствован в немецкий язык из английского и восходит к др.-греч. kybernesis 'управление суд-

ном, кораблевождение'. Понятие «Cyberkrieg» стало активно употребляться в узусе для обозначения цифровой (виртуальной) войны, т. е. военного конфликта между двумя или более государствами в виртуальном пространстве. Военные конфликты в цифровом пространстве могут привести к взлому систем электрообеспечения в другом государстве или выводу из строя оружия противника с помощью электроники. Например, в 2010 г. в сеть был запущен вирус Stuxnet, компьютерный червь, который, как утверждается, мог манипулировать атомными электростанциями. Согласно заявлениям Ирана, который сразу же заподозрил США или Израиль, эта программа была использована для нарушения работы иранских промышленных и ядерных объектов.

Эоним *Selektorenliste* занял четвертую строчку рейтинга «Слова 2015 года», ознаменовав события, связанные с публикациями в СМИ материалов о списках селекторов после скандала с Агентством национальной безопасности США в 2015 г.

Определение понятия «*Selektoren*» привела «*Zeit*»: «*Selektoren sind so etwas wie Suchbegriffe. Das können IP-Adressen, Telefonnummern, E-Mail-Adressen sein, genauso wie Geokoordinaten, MAC-Adressen, URLs... Namen oder Kürzel von Firmen und Behörden*» (*Zeit*, 24.04.2015). Речь шла о списках поисковых запросов, которые американская спецслужба АНБ передала Федеральной разведывательной службе Германии (BND), чтобы та могла эффективно помогать в шпионаже, т. е. осуществлять быстрый поиск в огромных массивах данных (Big Data). Процесс передачи информации длился несколько лет и проходил в огромных масштабах: «*Von 2002 bis 2013 waren es 690 000 Telefonnummern und 7,8 Millionen IP-Suchbegriffe*» (*Süddeutsche Zeitung*, 29.04.2015).

BND прослушивала Интернет-линии, спутниковые соединения и использовала предоставленные селекторы для поиска необходимой информации. Бывший сотрудник АНБ в следственном комитете Бундестага метафорически описал данный процесс как «*Wurmfortsatz' der Amerikaner*» (*Zeit*, 24.04.2015).

3.4. Эонимы как результат экспликации скандалов в мире спорта

Из числа проанализированных нами эонимов, сферой-источником которых стали скандалы в мире спорта, были ото-

браны неологизмы Dopingbeichte (в связи с допинговым скандалом на Тур де Франс), и Schummel-WM как символ коррупционного скандала в ФИФА.

Пятое место в рейтинге «Слова 2007 года» занял двухкомпонентный композит Dopingbeichte.

Первый компонент композита — Doping-, слово, которое впервые появилось в словаре английского языка в 1889 г. для обозначения смеси опиатов и болеутоляющих средств, применяемых с целью мошеннического улучшения результатов на скачках. Поэтому первыми существами, употреблявшими допинг, стали скаковые лошади, а потом только люди. Корень слова Doping восходит к языку африкаанс, где dop означает спиртной напиток для стимуляции во время ритуальных действий. С течением времени и учащающимися случаями допинговых скандалов в большом мире спорта Doping стал использоваться для обозначения манипуляций с результатами в состязаниях.

Второй компонент в составе композита -beichte 'исповедь у священника во время церковной службы' изначально восходит к христианской религиозной доктрине. В современном немецком языке Beichte используется как синоним слова Geständnis, 'признание вины или правонарушения'.¹⁰ В данном случае в грехе «исповедаются» уже не перед священником, а перед обществом. Соответственно и неологизм Dopingbeichte может трактоваться как «признание в употреблении допинга».

Неологизм возник в контексте проведения 94-й гонки «Тур де Франс» в 2007 г. Предполагалось, что это будет самый честный тур в истории, так как перед началом соревнования многие команды подписали этический кодекс, обязуясь вести честную борьбу, однако они обманывали не только болельщиков и другие команды, но и самих себя. Бывшие профессиональные велогонщики Э. Цабель и Р. Альдаг всего за два месяца до старта «Тур де Франс» 2007 г. честно признались в употреблении допинга в 1990-х гг. За их признания последовали новые разоблачения во время гонки, которую журналисты окрестили «Tour de Farce» 'Тур фарса' (FAZ, 02.07.2007).

¹⁰ <https://www.duden.de>.

В 2007 г. из-за уличения в употреблении допинга сошли с дистанции немецкий профессиональный велогонщик П. Синкевиц и лидер общего зачета датчанин М. Расмуссен. После череды допинговых скандалов немецкие телеканалы ARD и ZDF отказались продолжать вести прямые репортажи. У публики уже не вызвало удивления и то, что испанский велогонщик А. Контадор, которого также подозревали в употреблении допинга, выиграл гонку спустя 12 лет. На этом история допинговых скандалов только начала набирать обороты. В январе 2013 г. американский велогонщик Лэнс Армстронг, признавшийся в употреблении допинга, стал очередным «героем» бесконечной истории о допинге на Тур де Франс после того, как его семь побед на Тур де Франс были аннулированы в октябре 2012 г.

На восьмом месте рейтинга «Слова 2015 года» оказался композит Schummel-WM. Неологизм был образован от глагола schummeln ‘обманывать, поступать нечестно, жульничать, не придерживаться правил игры’ и аббревиатуры WM от названия крупнейшего международного соревнования World Championship ‘чемпионат мира’. Лексема schummeln часто используется в детской речи и является нейтральным вариантом по сравнению с lügen или betrügen.

Летом 2006 г. в Германии проходил чемпионат мира по футболу, который был освещен в медийных текстах как Sommermärchen ‘летняя сказка’. Во всей стране царил эйфория, немцы праздновали, что привело к включению трех футбольных терминов Fanmeile, Klinsmänner и schwarz-rot-geil в рейтинг слов 2006 года.

Однако осенью 2015 г. приятные воспоминания о «сказочном лете» были внезапно омрачены репортажем, опубликованным в журнале «Spiegel» под заголовком «Das zerstörte Sommermärchen» ‘разрушенная летняя сказка’, а на первой полосе было размещено пояснение «Schwarze Kassen — die wahre Geschichte der WM 2006» (Spiegel, 17.10.2015).

Согласно исследованию «Spiegel», Schummel-WM представляет собой беспрецедентный случай откровенного мошенничества. Немецкий футбольный союз (DFB) предложил азиатским представителям исполнительного комитета ФИФА миллионную

взятку, чтобы они приняли решение о присуждении Кубка мира 2006 года команде Германии. Предположительно, для финансирования подкупа комитета тогдашний руководитель компании Adidas как частное лицо «одолжил» денежные средства в размере 6,7 млн евро у DFB. Деньги поступили на счет ФИФА за якобы запланированный гала-вечер по случаю открытия чемпионата, который не состоялся.

Став достоянием широких масс, Schummel-WM описывался в дискурсе масс-медиа как «gekauftes Sommermärchen» ‘купленная летняя сказка’ (Zeit, 23.12.2015), Märchen vom Sommermärchen ‘сказка о летней сказке’ (Rhein-Zeitung, 28.12.2015), Sommermärchen-Skandal ‘скандал вокруг летней сказки’ (Abendzeitung, 16.10.2015). Высказывалось также обвинение в том, что решение о проведении чемпионата мира по футболу в России в 2018 г. и Катаре в 2022 г. тоже являются купленными: «sehr wahrscheinlich gekauften WM-Entscheidungen für Russland 2018 und Katar 2022» (Spiegel, 17.10.2015), что только усугубляло ситуацию и повышало уровень разочарованности населения Германии. Ф. Беккенбауэр, возглавлявший на тот момент заявочный комитет, отверг обвинения, а В. Нирсбах президент DFB, входивший в состав того же комитета, подал в отставку.

4. Заключение

Скандал является обособленным видом политического нарратива, вербализация которого в медийном тексте представляет особый лингвистический интерес. Современный медийный текст отличается силой экспрессивного воздействия, целью которого выступает формирование общественного мнения и эмоциональное воздействие на население, побуждая социум к активной дискуссии и росту числа обращений к новостным изданиям.

Проведенное лингвокультурологическое исследование позволило описать прецедентный феномен «СКАНДАЛ» на материале немецкоязычных эонимов. Определенные в ходе анализа четыре ключевые сферы-источника эонимов отражают те области общественно-политической жизни в Германии в период с 1993 по 2019 г., в которых произошло наибольшее количество ситуаций, связанных с правонарушениями, аморальными высказыва-

ниями, коррупцией, обманом и манипуляцией общественным сознанием.

Каждый из проанализированных эонимов затрагивает деятельность известных политических деятелей, спортсменов, организаций и корпораций, что может быть наглядно представлено в сводной таблице (см.).

Таблица. Классификация эонимов по сферам-источникам

Эоним	Сфера-источник	Прецедентные эонимы	Прецедентные тексты
Amigo-Affäre	политика	М. Штрайбль, Б. Гроб, Пассау, Бавария	
Cyberkrieg	информационная безопасность	WikiLeaks, Visa, PayPal, Postfinance, Mastercard, Stuxnet	DDoS
Dopingbeichte	спорт	Тур де Франс, Э. Цабель, Р. Альдаг, П. Синкевец, М. Расмуссен, А. Контадор	
Mogel-Motor	экономика	Volkswagen, М. Винтеркорн	Klimakatastrophe, Abgas-Skandal / Abgas-Affäre, Dieselgate
Oligarchennichte	политика	Х. К. Штрахе	Ibiza-Affäre / Ibizagate
schlechtes Blut	политика	Р. Т. Эрдоган, Турция, Османская империя, Первая мировая война	
Schmähekritik	политика	Р. Т. Эрдоган, Я. Берманн, А. Меркель, Extra 3, Neo Magazin Royale, Nena	

Schummel-WM	спорт	World Championship, der Deutsche Fußball-Bund, ФИФА, Ф. Беккенбауэр, В. Нирсбах, Adidas	Sommermärchen, Fanmeile, Klinsmänner, schwarz-rot-geil
Schwarzgeldaffäre	политика	Г. Коль, ХДС	
Selektorenliste	информационная безопасность	АНБ (США), Федеральная разведывательная служба (ФРГ), Бундестаг	Big Data
Stuttgart 21	экономика	Deutsche Bahn, Neu-Ulm 21, Saarbrücken 21, Magdeburg 21, Lindau 21, Frankfurt 21, München 21	Wutbürger, Parkschützer, Stress-test, Stuttgart-21-Gegner
Wikileaks	информационная безопасность	WikiLeaks, Дж. Ассанж	Trump-Effekt

Из таблицы следует, что эонимы представляют собой вербализацию прецедентных ситуаций. Они вызывают ассоциации с прецедентными онимами, указывая на «главных героев» событий (политиков, спортсменов, предпринимателей, членов международных комитетов), задействованные государственные органы и правительственные структуры, международные организации и частные компании, а также ассоциации с прецедентными текстами. Все проанализированные эонимы характеризуются наличием в составе своей семантики эмоционального компонента. Каждое из породивших их исторических событий вызвало не только интерес со стороны СМИ и последующий общественный резонанс, но и стало частью культурной памяти немецкого народа на современном этапе его развития. Таким образом, эонимы могут быть рассмотрены как наименования прецедентных ситуаций, которые в совокупности с прецедентными онимами, прецедентными текстами и прецедентными высказываниями образуют общее поле прецедентного феномена «СКАНДАЛ» в политическом дискурсе.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Берендеев М. В.* Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе // Политика постправды в современном мире / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 24—27. [Berendeyev, Mikhail V. (2017) *Inversiya obraza strany i politika postpravdy v mediynom diskurse* (Inversion of the Country's Image and the Post-Truth Politics in Media Discourse). In: Popova, Olga V. (ed.) *Politika postpravdy v sovremennom mire* (The Post-Truth Politics in Modern World). Saint Petersburg: Skifiya-print, 24—27. (In Russian)].
- Бокова О. В.* Скандальная сенсация и способ ее отражения в медийном тексте (на примере немецких и русских актуальных сообщений о происшествиях) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. 116—119. [Bokova, Olga V. (2010) *Skandal'naya sensatsiya i sposob ee otrazheniya v mediynom tekste (na primere nemetskikh i russkikh aktual'nykh soobshheniy o proisshestviyakh)*. (Scandalous Sensation and the Way of its Reflection in the Media Text (on the Example of German and Russian Topical Reports about Incidents)). *Proceedings of Voronezh State University*, 1, 116—119. (In Russian)].
- Быканов В. П.* Стратегии и тактики речевого поведения в политическом скандале // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2015. № IV (9). С. 91—94. [Bykanov, Viktor P. (2015) *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya v politicheskom skandale* (Strategies and Tactics of Speech Behavior in a Political Scandal). *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU)*, IV (9), 91—94. (In Russian)].
- Высоцкая И. В.* Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 18. С. 117—137. [Vysotskaya, Irina V. (2013) *Spornyye voprosy teorii pretsedentnosti* (Controversial Issues in the Theory of Precedence). *Kritika i semiotika* (Critics and Semiotics), 18, 117—137. (In Russian)].
- Высоцкая И. В., Перфильева Е. Ю.* Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: история, филология. 2010. Т. 9, вып. № 6. С. 118—124. [Vysotskaya, Irina V. & Perfilyeva, Evgeniya Yu. (2010) *Tipologiya sposobov transformatsii pretsedentnogo teksta v gazetnom zagolovke* (Typology of Transformation Ways of Precedent Text in a Newspaper Headline). *Vestnik of the Novosibirsk State University*, series: History and Philology, vol. 9 (6), 118—124. (In Russian)].
- Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вест-

- ник Московского гос. ун-та. Сер. 9: филология. 1997. № 4. С. 106—118. [Gudkov, Dmitriy B.; Zakharenko, Irina V.; Krasnykh, Viktoria V. & Bagaeva, Darya V. (1997) *Nekotoryye osobennosti funktsionirovaniya pretседentnykh vskazyvaniy* (Some Peculiarities of Functioning the Precedent Statements). *Lomonosov Philology Journal*, 4, 106—118. (In Russian)].
- Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Dijk, Teun A. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Иванова С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. №. 1 (24). С. 29—33. [Ivanova, Svetlana V. (2008) *Politicheskij mediadiskurs v fokuse lingvokul'turologii* (Political Media Discourse in the Focus of Linguoculturology). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 1 (24), 29—33. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. & al. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Клемин А. В. Рецензия на статью Helmut Kury «Korruption — wird geschmiert wie eh und ye?» // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 2. С. 279—284. [Klyomin, Andrey V. (2011) *Retseziya na statyu Helmut Kury "Korruption — wird geschmiert wie eh und ye"* (Review of Helmut Kury's article "Korruption — wird geschmiert wie eh und ye?"). // *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava* (Current Problems of Economics and Law), 2, 279—284. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoria V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Кройчик Л. Е. По существу ли эти споры? По существу! («МТ», «ВЖТ», «ВПТ»... Далее — что?) // Новое в массовой коммуникации: альманах. 2006. Вып. 3-4 (58-59). С. 6—11. [Kroychik, Lew E. (2006) *Po sushhestvu li yeti spory? Po sushhestvu!* ("MT", "VZhT", "VPT"... Daleye — chto?) (Are These Arguments on the Merits? On the Merits! ("MT", "WYT", "WPT"... What's Next?)). *Novoye v massovoy kommunikatsii* (New in Mass Media), 3-4 (58-59), 6—11. (In Russian)].
- Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2007. [Nakhimova, Elena A. (2007) *Pretsedentnyye imena v massovoy kommunikatsii* (Precedent Names in Mass Communication). Yekaterinburg: Ural State

- Pedagogical University. (In Russian)].
- Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2011. [Nakhimova, Elena A. (2011) *Precedentnyye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikacii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* (Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-discursive Research). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)].
- Нефедова Л. А., Кустова А. М. «Антислово» года как особый вид лингвистической рефлексии в Германии и Австрии // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021. Т. 17, вып. 1 (51). С. 45—54. [Nefedova, Lubov' A. & Kustova, Anastasiya M. (2021) "Antislovo" goda kak osobyy vid lingvisticheskoy refleksii v Germanii i Avstrii Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii ("Antiword" of the Year as a Special Type of Linguistic Reflection in Germany and Austria). *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 17, issue 1 (51), 45—54. (In Russian)].
- Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. [Orlova, Elena A. (2004) *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya* (Cultural (Social) Anthropology). Moscow: Akademicheskiy Proekt. (In Russian)].
- Серозеева Д. Н. Вербальные и невербальные приемы политической дискредитации // *Вестник Московского гос. лингвистического ун-та*. 2020. Вып. 7 (836). С. 180—193. [Serozeyeva, Diana N. (2020) Verbal'nyye i neverbal'nyye priyomy politicheskoy diskreditatsii (Verbal and Nonverbal Techniques of Political Discrediting). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7 (836), 180—193. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Колористические эонимы как результат языковой рефлексии политической системы Германии с 1978 по 2021 год // *Политическая лингвистика*. 2023. № 2 (98). С. 79—90. [Tumanova, Yekaterina O. (2023) *Koloristicheskiye eonimy kak rezul'tat yazykovoy refleksii politicheskoy sistemy Germanii s 1978 po 2021 god* (Colour Eonyms as a Result of the Linguistic Reflection of the German Political System from 1978 to 2021). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2 (98), 79—90. (In Russian)].
- Туманова Е. О. Эоним как новый лингвистический термин (на материале немецкого языка) // *Вестник Гос. социально-гуманитарного ун-та*. 2024. № 1 (53). С. 83—93. [Tumanova, Yekaterina O. (2024) Eo-

- nim kak novyy lingvisticheskiy termin (na materiale nemetskogo yazyka) (Eonym as a New Linguistic Term (on the Material of German Language)). *Kolonna University Bulletin*, 1 (53), 83—93. (In Russian)].
- Чжан Боя. Прецедентные феномены в сатирических поликодовых текстах (на материале политической карикатуры) // Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99). С. 209—213. [Chzhan, Boya (2023) Pretsedentnyye fenomeny v satiricheskikh polikodovykh tekstakh (na materiale politicheskoy karikatury) (Precedent Phenomena in Satirical Polycode Texts (on the Material of Political Cartoons)). *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 3 (99), 209—213. (In Russian)].
- Koschut, Simon. (ed.) (2020) *The Power of Emotions in World Politics*. London: Routledge.
- Sandig, Barbara. (1996) Sprachliche Perspektivierung und perspektivierende Stile. *Lili*, Heft 102, Jahrgang 26, 36—64.
- Weinrich, Harald. (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim: Dudenverlag.

Yekaterina O. Tumanova
Moscow Metropolitan Governance University

Eonyms as Representatives of the Precedent Phenomenon “Scandal” in German Political Discourse: A Linguocultural Analysis

Any significant events taking place both in one particular country and in the whole world instantly become the subject of discussion in society thanks to the rapid development of information technologies and easy access to media texts of all world news publications. Scandals related to the activities of political parties, heads of state, proven facts of corruption or doping, large-scale hacker attacks cause a special public resonance and subsequent open discussions. The precedent phenomenon “SCANDAL”, which became the object of this study, occupies a leading position in political discourse, which emphasizes the relevance of the study. In the present article, German-language eonyms, i. e. key words of the epoch, which through their linguistic form serve to explicate the cultural code, were studied and described within the framework of the linguocultural approach, which determined the theoretical significance of the scientific work. Verbalizing epochal events in the socio-political life of modern Germany, the study of eonyms makes it possible to carry out retrospective reconstruction of separate historical periods, linking precedent names and situations into a single precedent field, which became the goal of this scientific work. The main methods of the study, apart from the method of solid sampling of eonyms from sociolinguistic ratings “Word of the Year” and their

linguocultural decoding and interpretation, were the method of empirical analysis, typological method, semantic-stylistic analysis, method of analyzing representative corpora of the German language, method of linguistic analysis, comparative-historical method. The practical significance of the study lies in the identification of four key spheres-sources of expansion of the precedent phenomenon “SCANDAL” in the modern German-language political discourse. They include domestic and foreign policy events, activities of major enterprises and organizations, information security and sports competitions. The result of the study is a comprehensive characterization of the largest scandals in German history, which have become the linguistic picture of the political world in the German-speaking linguocultural community.

Keywords: political discourse; eonym; political scandal; corruption; precedent phenomenon; linguoculturology

Для цитирования:

Туманова Е. О. Эонимы как репрезентанты прецедентного феномена «Скандал» в политическом дискурсе Германии: лингвокультурологический анализ // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 369—395.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-369-395.

To cite this Article:

Tumanova, Yekaterina O. (2024) Eonimy kak reprezentanty pretседentnogo fenomena “Skandal” v politicheskom diskurse Germanii: lingvokul'turologicheskij analiz (Eonyms as Representatives of the Precedent Phenomenon “Scandal” in German Political Discourse: Linguocultural Analysis). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 369—395. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-369-395.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024; принята к публикации 14.06.2024

The article was submitted 31.05.2024; accepted for publication 14.06.2024

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY STUDIES

Г. Г. Ишимбаева

Уфимский университет науки и технологий

НАРРАТИВНЫЕ ДИСКУРСЫ РОМАНА Д. КЕЛЬМАНА *ТИЛЛЬ*

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать наррации повествующих инстанций романа Даниэля Кельмана *Тилль* и благодаря этому выявить оригинальность кельмановского осмысления сюжета о герое, принадлежащем к вечным образам мировой литературы. Научная новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что роман *Тилль* рассматривается, во-первых, в историческом контексте становления и бытования этого образа в литературе и, во-вторых, в рамках нарратологии. В статье доказывается, что к XVI столетию сложились две рецепции образа Тилля (культурного героя и трикстера в одном лице и гробьянского персонажа) и что Шарль де Костер привнес в тиллеану новое измерение, связанное с переносом героя в иную эпоху. Кельман в романе *Тилль* дает свою трактовку сюжета о Тиле Уленшпигеле и, на первый взгляд, совмещает стратегии немецкой народной книги и романа де Костера, изображая культурного героя и трикстера, используя прием непоследовательного повествования и делая Тилля современником Тридцатилетней войны. Но следование традициям на поверку оборачивается их пересмотром в рамках особой нетрадиционной организации повествования и использования нетрадиционных повествовательных технологий — особой нарративной организации текста и образов ненадежных нарраторов. Структура, на которой основана фабула *Тилля*, такова, что история героя рассматривается в контексте рассказов об этой истории, не претендует на адекватность содержания и изложения и на объективную оценку, оказываясь неразрывно связанной с субъективной интерпретацией каждого рассказчика и с языком повествования. В соответствии с постмодернистской эстетикой Кельман сосредоточен не столько на исходном смысле истории, сколько на способе ее изложения, сталкивая множество точек зрения на предмет высказывания и не выделяя ни одной позиции в качестве единственно предпочтительной и верной. Если прежние повествования о Тиле Уленшпигеле были описательными (дескриптивными), то роман Кельмана — нарративный, переносящий основное содержание истории из фабулы в сам процесс и способ повествования, демонстрирующий, как место истории занимает Текст, а История оборачивается историей прочтения текста.

Ключевые слова: Даниэль Кельман; *Тилль*; нарративный дискурс; история; текст; текстообразование

1. Введение

Изучение специфики форм нарративного дискурса — универсальная методологическая основа социально-гуманитарных исследований и одно из перспективных направлений в филологии. Литературный нарратив как стратегия текстообразования и текстовосприятия, как текстообразующий способ освоения и представления мира является предметом осмысления лингвистов и литературоведов, которые определяют пути и методы анализа текста. Среди работ на эту тему выделим те, в которых представлен ряд принципиальных решений: *Нафратология как аналитика повествовательного дискурса: (“Архиерей” А. П. Чехова)* (ТЮПА 2001), *Введение в теорию повествования* (MARTINEZ & SCHEFFEL 2002), *Дискурс-анализ. Теория и метод* (ЙОРГЕНСЕН & ФИЛЛИПС 2002), *Нафратология* (ШМИД 2003), *Введение в нафратологию* (FLUDERNIK 2006), *Базовые компоненты повествования* (HERMAN 2009), *Методы анализа текста и дискурса* (ГИЧЕР и др. 2009), *Нарратив и культурный контекст* (ТАТАРУ 2011).

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать наррации повествующих инстанций романа Даниэля Кельмана *Тилль* (Tyll, 2017) и благодаря этому выявить оригинальность кельмановского осмысления сюжета о герое, принадлежащем к вечным образам мировой литературы, которые подвергаются переосмыслению на протяжении столетий и в каждую эпоху обретают новые смыслы.

Творчество Кельмана пока не получило всестороннего детального рассмотрения, хотя разножанровая научная литература о нем достаточно представительна: это и монографические работы (GASSER 2010; RICKES 2010; GERSTENBRÄUN 2012; RICKES 2012; VICHNER 2013), и материалы (NICKEL 2009), и диссертации (КАЗАКОВА 2016; ГОРБАТОВСКИЙ 2022), и многочисленные статьи, посвященные отдельным романам Кельмана, в том числе роману *Тилль* (ОВЧИННИКОВА 2022a, 2022b, 2023).

Научная новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что роман Кельмана *Тилль* рассматривается, во-первых,

в историческом контексте становления и бытования этого образа в литературе и, во-вторых, в рамках нарратологии.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологической основой исследования являются генеалогический, компаративистский, нарративный, дискурсивно-аналитический методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Согласно преданию, Тиль Уленшпигель (или: Эйленшпигель, Ойленшпигель) жил в Германии во второй половине XIII или в первой половине XIV в., был крестьянским сыном, подмастерьем, которого манили странствия и который прославился своими проделками, устраиваемыми над князьями, рыцарями, клириками, горожанами и ремесленниками. Многочисленные анекдоты и шванки об Уленшпигеле, бродяге, насмешнике, задире, бытовали в немецком и фламандском фольклоре с XIV столетия. Они подверглись циклизации и синтезировались с бродячими сюжетами, заимствованными из различных устных и книжных источников и посвященными простолюдину, который издевается над лицами, облеченными властью. Так складывается народный авантюрный роман, текст которого впервые появился в середине XV в. и переиздавался в течение многих десятилетий в издательствах Страсбурга и Любека. В течение последующих столетий народные книги об Уленшпигеле получили широкое распространение и популярность в Германии, Франции, Италии, Англии, Дании, Нидерландах и других странах Европы. Их герой, в чью историю оказались инкорпорированы анекдоты о разных персонажах, приобретает главные свойства традиционного образа мировой литературы — содержательную емкость, высокую степень художественной обобщенности, символичность.

В немецкой народной книге *Занимательное сочинение о плуте Тиле, родившемся в земле Брауншвейг, о том, как сложилась жизнь его* (1510/1511) особо выделен момент преемственности истории главного героя и ее укорененности в литературной традиции. Автор, возможно, брауншвейгский хронист Герман Боте, уже в названии главки подчеркивает: «с добавлением некоторых историй о попе Амисе и попе Каленберге» (*Тиль Уленшпигель*, 1986). Возмутителей спокойствия патриархальной Германии, героев

книг австрийского поэта, известного под псевдонимом Штрикер (*Поп Амис*, ок. 1230), и венского поэта Филиппа Франкфуртера (*Поп из Каленберга*, ок. 1470/1473) роднит с Уленшпигелем принадлежность к типологии персонажей смеховой культуры Средневековья, вступающих в конфронтацию с властями. Похожи и формы трех книг, которые следуют биографическому канону и имеют сходный способ сюжетной композиции. Изображенные в них события носят хроникальный характер без обозначения причинно-следственных связей, соотнесены во времени, объединены одним героем и отличаются карнавально-сатирическими коннотациями.

Нанизывающая композиция предплутовского романа в *Тиле Уленшпигеле* вполне соответствовала модусу существования человека в пространстве народной культуры и в рамках смеховых действий и обрядов карнавального типа. В сборнике шванков об Уленшпигеле и его озорных проделках воссоздан образ дерзкого балагура и пройдохи, который бросает вызов средневековому обществу и серости повседневной жизни, издевается над приличиями и законами, обретает свободу и способствует карнавальным перевертышам «верха / низа». Обманщик и ловкач, он совершает противоправные действия и не подчиняется общепринятым нормам поведения. Он одновременно культурный герой и трикстер, «демонически-комический дублер культурного героя» (МЕЛЕТИНСКИЙ 1994: 26). Участвующий в мироустройстве игрок, манипулирующий жизнью и смертью, Тиль нарушает сложившиеся традиции и существующие нравственные нормы, провоцирует окружающих на противоправные действия и является инициатором сакрализации и десакрализации реальности, вторгается в неизведанное и выступает посредником между мирами и социальными группами людей. Раздвоение Уленшпигеля на серьезного культурного героя и его демонически-комического двойника объясняет его амбивалентность и этическую неоднозначность, способствует дифференциации героического и комического начал в его истории.

Используя сюжет немецкой народной книги начала XVI в., сатирик и публицист, доктор права, адвокат и судья Иоганн Фишарт в своем *Новом рифмованном Эйленшпигеле* (1572) сосре-

доточился на изображении пороков современной ему Германии. Его стихотворная переработка в духе *Narrenliteratur*, задуманная как огромное «зеркало плутов» и отличающаяся назидательно-нравоучительным характером, художественно осмыслила распущенность нравов в специфически отрефлексированном образе Тиля — заурядного забуддыги, ленивого, неопрятного и прозорливого человека. Он лишен героики Тиля из народной книги и решительно удален от культурного героя, оставаясь только трикстером: озорные проделки Эйленшпигеля служат удовлетворению лишь обжорства и похоти и не несут миссии миропереустройства.

Представляется неслучайным, что в год, когда была сформирована Святая Конгрегация Индекса, предназначенная для выявления литературы, подлежащей запрету со стороны Римско-католической церкви, появилась сатирическая версия трактовки героя, лишённого двойственности протообраза. Неортодоксальный лютеранин, принявший кальвинизм, противник папского Рима, Фишарт в своем творчестве уделял большое внимание борьбе протестантов и был возмущен резней Варфоломеевской ночи (1572). Его травестированный непристойный Эйленшпигель был реакцией на «правильную» литературу, которая не противоречит основам католического вероучения и соответствует нормам морали. В связи с этим представляется принципиально важным то, что в 1575 г. Фишарт предпринял вольный перевод на немецкий язык первой книги романа Ф. Рабле *Гаргантюа и Пантагрюэль*, включенного в Индекс запрещенных книг. Противник католицизма, Фишарт наделяет раблезианских королей гробианскими чертами, чтобы обличить упадок современных нравов, т. е. использует тот же прием, что и в случае стихотворной обработки сюжета об Уленшпигеле.

Так в XVI в. сложились две рецепции образа Тиля — культурного героя и трикстера в одном лице, одновременно способствующего созданию определенной социальной организации и привносящего хаос в социальную жизнь, и гробианского персонажа, призванного продемонстрировать ироническое наставление о благопристойности. В первом случае социально-исторический контекст трактовки Тиля таков, что воспроизводит

«атмосферу десятилетий, непосредственно предшествующих Реформации, переросшую в Великую крестьянскую войну» (ПУРИШЕВ 1986). Во втором — особенности рисунка портрета героя обусловлены эпохой контрреформации, определившей мировоззрение писателя.

Средневековый Тиль Уленшпигель обрел новое дыхание в творчестве бельгийского писателя Шарля де Костера, чье обращение к легендарному герою прошло в три этапа. С 1856 г. сотрудник еженедельного журнала «Уленшпигель», де Костер от лица этого персонажа пишет публицистические статьи и памфлеты, выступая против католической реакции и пророчествуя о революции в Европе. В 1858 г. он делает первый художественный набросок образа Уленшпигеля в рассказе *Сметс Смее*, завершающем сборник «Фламандские легенды». Наконец, в 1867 г. де Костер публикует роман *Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях — забавных, отважных и достопамятных во Фландрии и иных странах*. Это произведение состоит из автономных эпизодов, следуя композиционному принципу народной книги, продолжает раблезианские традиции воспевания плоти и отличается неоромантическим осмыслением традиционного сюжета, в рецепции которого синтезированы эпическое и лирическое, трагическое и комическое.

Де Костер рассмотрел возможности бытования персонажа в новой эпохе — в XVI в., во время борьбы Фландрии против испанского владычества и католицизма. Писатель точно хронологизирует повествование, которое начинается в день рождения Тиля и испанского принца Филиппа, т. е. 21 мая 1527 г., включает знаковые события войны Нидерландов за независимость и заканчивается некоторое время спустя после убийства Вильгельма Оранского, т. е. после 1584 г.

В центре романа — Нидерландская революция и гезы, которые с 1566 по 1576 г. боролись против испанского правления и католической церкви. «Народная эпопея, единственная в наше время» (РОЛЛАН 1967), в первых 20-ти главах первой части опирается на фольклорные источники, а затем сюжет развивается в оригинальном направлении: культурный герой и трикстер Тиль при всей неоднозначности своего характера приобретает черты

истинно народного героя, участника национально-освободительного движения. Подобная трактовка вечного персонажа была политически оправданной и соответствовала требованию дня: в Бельгии возрос интерес к фольклору и истории после революции 1830 г. и трехлетних военных действий, в результате которых она стала независимым государством.

Австрийский и немецкий писатель Кельман в романе *Тилль* дает свою трактовку сюжета об Уленшпигеле и, на первый взгляд, совмещает стратегии немецкой народной книги и романа де Костера, изображая культурного героя и трикстера, используя прием непоследовательного повествования и помещая историю Тилля в другую эпоху — в XVII столетие. Но следование традициям в данном случае на поверку оборачивается их пересмотром в рамках особой нетрадиционной организации повествования и использования нетрадиционных повествовательных технологий — особой нарративной организации текста и образов ненадежных нарраторов.

Действие романа разворачивается в годы Тридцатилетней войны, которая становится главным предметом философско-художественного переживания писателя и его героев. Роман состоит из 8 глав, в каждой из которых свой основной рассказчик, глазами которого показан Уленшпигель в какой-то определенный момент времени, что связано с обстоятельствами жизни повествователя. Способы создания повествования, которыми пользуется Кельман, самые различные:

- коллективное «мы» (глава «Башмаки»);
- рассказ от 3 лица (главы «Повелитель воздуха» и «Под землей»);
- повествования от имени сюжетных героев — Мартина фон Волькенштайна (глава «Цусмарсхаузен»), «Зимней королевы» Елизаветы (главы «Их величества зимой» и «Вестфалия»), Неле (глава «Голод»), Адама Олеария и Афанасия Кирхера (глава «Великое искусство света и тени»).

При этом каждый из нарраторов имеет свой авторский голос, что выражается на уровне восприятия всех происходящих событий и их словесного воплощения, языкового выражения. Их дискурсы определяются множеством экстралингвистических

факторов (прагматических, социокультурных, психологических и др.) и отличаются особой грамматикой, лексикой, семантикой, представляя вербализованное ментальное пространство каждой языковой личности. В результате на страницах романа создается своеобразный полилог дискурсов, каждый из которых характеризуется своей этнокультурной и собственно лингвистической спецификой. Так, мы-нарратив и Неле-нарратив указывают на наивность и малообразованность их создателей; повествования Адама Олеария и Афанасия Кирхера, напротив, свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне их авторов; текстопорождение королевы, жены и затем вдовы Фридриха V, курфюрста Пфальца, демонстрирует ее укорененность в английской культуре; мемуары Мартина фон Волькенштайна, созданные через 50 с лишним лет после описываемых событий, раскрывают свою литературоцентричность. Тилль, появляющийся в каждой из глав романа, является субъективным переживанием разных персонажей-повествователей и поэтому не обретает объективной определенности. Это тем более важно потому, что внутри каждого из нарративов он говорит о себе не как о человеке из плоти и крови, а скорее как о шванковском герое.

В этом смысле Кельман словно иллюстрирует положение Ролана Барта из *Смерти автора* (1968), создавая текст, который представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным... (БАРТ 1994: 388).

Дело осложняется тем, что все нарраторы *Тилля* являются недоверенными повествователями. И в некоторых случаях автор романа эти моменты демонстративно выделяет, проявляя тем самым свое существование в чужом нарративе. Особенно наглядна позиция писателя, выходящего из тени скриптора, в случае с текстом, создаваемым Мартином фон Волькенштайном.

Граф пишет свои мемуары о поездке по заданию императора в монастырь Андекс, где нашел приют Тилль, через пятьдесят с лишним лет после этого путешествия, «чувствуя, как путаются в его голове события, люди и даты» (КЕЛЬМАН 2022: 165). Малень-

кая ремарка от автора: мемуарист «присочинить любил, особенно, если в памяти зияла брешь, а было этих брешей много» (ibid.: 150) — является своеобразным камертоном нарратива Волькенштайна. Его текст изобилует «учеными арабесками и цветистыми пассажами», следует стилю «школьных хрестоматий» (ibid.: 151), пестрит сочиненными подробностями, касающимися частностей той поездки, которые автор сопровождает комментарием: «граф написал не совсем правду» (ibid.: 150), «это тоже было не совсем так» (ibid.: 151), «преклонный возраст не позволил ему восстановить очередность событий» (КЕЛЬМАН 2022: 156), «ни йоты правды» (ibid.: 157) и т. д. Граф приукрашивает себя, свой облик и поведение в поездке, присваивает себе чужие фразы, зачастую не в состоянии облечь увиденное в слова, поэтому «крадет чужие» (ibid.: 181). В частности, это касается его рассказа о последнем сражении Тридцатилетней войны при Цусмарсхаузене (17 мая 1648 г.), свидетелем которого он оказался: граф попросту пересказывает пассаж из романа Гриммельсгаузена о Симплиции Симплициссимусе, где речь шла о битве при Витшоке (4 октября 1636 г.). Автор при этом иронически замечает: Гриммельсгаузен не видел своими глазами это сражение, не мог его изобразить, а потому «украл батальную сцену из переведенного Мартином Опицем английского романа, автор которого ни разу в жизни не приближался к полю боя» (ibid.: 182). Иначе говоря, получается цитирование чужого нарратива, цитирующего чужой нарратив, переведенный с одного языка на другой и принадлежащий человеку, который исходил не из личных впечатлений о происшествии, а из своих фантазий о нем. Перед нами один из существенных аспектов постмодернистского текста, связанного с наличием / отсутствием, — с симулякром, копией без оригинала, следом следа, подобием подобия. Мотив множества подобий оказывается в повествовании графа ведущим, являясь филиацией мотива ненадежности.

В контексте нарратива настолько ненадежного рассказчика, как Волькенштайн,¹ его содержательно-оценочные суждения о

¹ Кельман, думается, специально сочинил звонкую родословную вымышленного героя, названного потомком Освальда фон Волькенштайна, последнего миннезингера средневековой Европы. Освальд

Тилле оказываются лишены объективной информативности. Граф и его спутники какое-то время даже не уверены в том, что они нашли в Андексе самого Тилля, а не человека, который выдает себя за него. Сочинение графа вкраплено в авторское повествование о его поездке за Уленшпигелем, и повествование Волькенштайна в авторском тексте высвечивает контраст между реальностью и ее отражением в письме. Собственно, об этом же сигнализирует восприятие королевой самого Волькенштайна, с которым она знакомится в Оснабрюке: он знает Мартина Опица и Джона Донна, восхищается Паулем Флемингом и оплакивает его раннюю кончину, хочет, вдохновленный его примером, писать прозу на немецком языке и, в частности, мемуары.

Но дискурс его мемуаров демонстрирует пропасть между намерением молодого человека и исполнением плана несколько десятилетий спустя больным стариком. Поэтому достаточно кислый пассаж в воспоминаниях о том, как граф вместе с Тиллем спасся во время битвы при Цусмарсхаузене, получает другую его интерпретацию в разговоре с «Зимней королевой»: «Я привез из Андекса в Вену одного артиста, вернее, это он меня привез, без него я бы не выжил» (КЕЛЬМАН 2022: 358). И вновь мы видим демонстрацию конфликта между словом письменным, фиксирующим событие на века и обращенным ко всем читающим его, и словом устным, чья жизнь недолговечна. Поэтому образ Уленшпигеля, созданный в письме Волькенштайна, недостоверен.

Недостоверен и нарратив о Тилле, принадлежащий «Зимней королеве» Елизавете, урожденной английской принцессе Елизавете Стюарт (1596—1662), потому что она воспринимает мир сквозь призму куртуазной культуры и театральности. В главе «Их величества зимой» воспроизводятся ее воспоминания о недалеком и далеком прошлом, которые раскрывают ее способы мировидения. Выросшая на поэзии Чосера принцесса, которой посвящал стихи Донн, была выдана замуж за пфальцского кур-

фон Волькенштайн жил на рубеже XIV — первой половины XV вв., на протяжении полутора десятка лет сопровождал странствующего рыцаря в многочисленных поездках, что нашло отражение в его стихах. Его литературный дар явно не унаследовал давний потомок, создатель мемуаров Мартин фон Волькенштайн.

фюрста Фридриха по политическим соображениям своего отца, короля Англии и Шотландии.

Династический брак оказался одновременно счастливым (молодые люди полюбили друг друга) и несчастливым (затея с императорским тронном для Фридриха V провалилась), но для Елизаветы особенно важно то, что у немцев «невыносимый театр» (ibid.: 185). Театр был для нее большей реальностью, чем сама реальность. Поэтому в ее тексте присутствуют формы театральности — повышенная визуальность, маскарадность, декоративность, экспрессивность, некоторая искусственность, но прежде всего прямые театральные ассоциации и аллюзии. Последние связаны с личностью и творчеством Шекспира, с которым она разговаривала в Лондоне и чьи *Бурю*, *Макбета*, *Ромео и Джульетту* вспоминает впоследствии.

Категория театральности обуславливает и ее повествование о частной и общественной жизни. В ее сознании спальня может превратиться в сцену, на которой она с мужем как будто перед целым залом зрителей: ей кажется, что «говорит не она сама, а актриса, которая когда-нибудь станет играть принцессу Елизавету Стюарт в пишущейся прямо сейчас пьесе» (КЕЛЬМАН 2022: 211). Театр ей напоминают события государственной важности (корона переходит от одного монарха к другому, проиграна или выиграна битва), и она ждет в этот момент соответствующего монолога от мужа и не получает его, к своему разочарованию.

Неудивительно, что в ее нарративе Тилль изображен в маске шута из шекспировских пьес: он выступает настоящим буффоном, профессиональным шутком, который дает сатирические комментарии происходящему, саркастически и иронически пророчествует о мире и человеке, обличает глупость и пошлость, издевается над предрассудками, говорит правду королям. Театрализация портрета Тилля подчеркнута и тем, что в тексте Елизаветы появляются микросюжеты шванков, которые разыгрывались в средневековых площадных представлениях: истории с волшебным чистым холстом и с ослом, которого Тилль на спор учит читать. Елизавета следует здесь определенной традиции сюжетостроения, которая сложилась в немецкой народной книге, как, впрочем, и в венчающем роман и главу «Вестфалия»

эпизоде принятия Тиллем решения не умирать.

Казалось бы, все это может говорить о надежности повествования рассказчицы, однако Кельман исподволь разрушает подобное умозаключение, фиксируя высокую субъективность письма героини. Вместо апробированного приема иронического комментария, как это было в главе-нарративе Волькенштайна, здесь Кельман использует столкновение двух точек зрения на одни события — Елизаветы и ее мужа, вспоминающих обстоятельства их первой встречи, свадьбы, приемов, первой брачной ночи. Коль скоро в описании таких важных вех нет единства эмоционально-событийного восприятия, как можно доверять ее повествованию о шуте!

Мысль о недостоверности сообщаемого, имеющего отношение к Тиллю, раскрывается и в главе «Великое искусство света и тени», где нарраторами выступают Адам Олеарий (1599—1671), немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик, и Афанасий Кирхер (1602—1680), немецкий ученый и изобретатель, монах ордена иезуитов, профессор математики и востоковедения Collegium Romanum, автор многочисленных трактатов на самые разнообразные темы. Казалось бы, они, представители точных и естественных наук, априори должны объективно зафиксировать состояние вопроса — рассказать правду о встреченном ими Тилле. Однако глава эта носит характер желчной сатиры на научный мир, который представляют Олеарий и Кирхер. Эффект сатирического разоблачения достигается за счет отстраненного наблюдения автора за нарождающимся нарративом Олеария, который обескуражен поведением Кирхера: тот задумал поймать дракона, сыплет псевдоучеными силлогизмами, хотя уже написал книгу о том, как он изловил дракона. Но и Олеарий изображен сатирически: он робеет и теряется перед Кирхером; из своего путешествия в Московию и Персию он вывез представления о грифонах, нефритовых башнях и говорящих змеях, т. е. тоже далек от адекватности мировосприятия.

Робкий Олеарий, верящий Кирхеру, выдающему свои фантазии за реальность, сочиняющему картину мира и внушающему читателям и слушателям веру в этот выдуманный им мир как в мир действительный, — это магистральная линия художествен-

ных образов нарраторов главы, раскрывающаяся во всех эпизодах (с одной стороны, набросок жизни Олеария вплоть до его женитьбы на Неле, с другой — все, что связано с Кирхером: рецепт изготовления противочумной сыворотки, книги по магнетизму, теории музыки, освещению и проекции изображений, водяной орган и кошачье фортепьяно, расшифровка египетских иероглифов). Недоброе отношение Кельмана к этому персонажу проявляется и в дискуссии Кирхера с Паулем Флемингом по поводу немецкого языка и его поэтических возможностей.

Кирхер в свое время был причастен к инквизиционному суду над отцом Тилля, поэтому встреча с бродячим шутом, который хочет объясниться с иезуитом, должна быть очень важной в раскрытии характеров антагонистов. Однако этого не происходит: ненадежный рассказчик Кирхер испуган и не в состоянии сочинить по своему обыкновению некую картинку, а Тилль просто озвучивает один из шванков о вылеченных больных и исчезает.

Небольшая по объему глава имеет между тем концептуальный характер, недаром она названа так, как и знаменитый трактат Кирхера «*Ars Magna Lucis et Umbrae*» («Великое искусство света и тени», 1646). Предмет, его изображение и проекция, как блистательно показано в главе, зависят от света и тени, отбрасываемой предметом. И последнее имеет прямое отношение к Тиллю на страницах романа, образ которого дрожит и теряет свои контуры за счет недостоверного взгляда на него и рассказа о нем.

Влюбленная в Тилля Неле («Голод») пытается быть объективной, рассказывая об обстоятельствах их побега из родного дома и странствиях, но налет объективности исчезает, как только дело касается смерти Пирмана, их жестокого наставника в искусстве бродячего актерства. Неле заявляет, что его убил Тилль. А Тилль некоторое время спустя скажет, что Пирмана отравила супом из поганок Неле. Так две интерпретации события его участниками вступают между собой в неразрешимый конфликт и заставляют сомневаться в правдивости двух дискурсов и в конечном счете в правдивости портрета Тилля глазами Неле и в автопрезентации Тилля.

Авторское повествование от 3 лица также не лишено оттенка ненадежности наррации. С одной стороны, оно в фабуль-

ном смысле аллюзивно по отношению к роману де Костера: самая большая глава «Повелитель воздуха» воспроизводит обстоятельства жизни и смерти родителей героя, вызревание в нем протестных настроений и «гроздьев гнева». С другой стороны, глава «Под землей» представляет собой сложно сочиненный текст, в котором сочетаются дискурсы нескольких солдат, ожидающих смерти, а авторское повествование минимизируется. Ужас грядущего небытия определяет языковую картину мира Маттиаса, Корффа, Железного Курта, Тилля и обуславливает особую экспрессивность подачи материала (с выражением разочарования, тревоги и страха, уродливости и противоестественности случившегося), фиксацию размывающихся границ прошлого и настоящего, передачу эмоционального состояния людей перед лицом смерти. Неслучайно именно в этой главе звучит признание Тилля в том, что с ним, тогда еще ребенком, сделали пьяные мародеры. В обжигающем потоке дискурсов героев этой главы авторский голос почти не слышен, растворяясь в звучании других голосов, которые крайне субъективны и мало заботятся о правдоподобии излагаемого.

Подобная стратегия отличает и первую главу «Башмаки»: коллективное «Мы», от имени которого ведется повествование и которое первым вводит в пространство текста бродячего артиста Тилля, — это погибшие жители деревни, уничтоженные солдатней. Сожженные озверевшими наемниками, они слышны в кронах деревьев и в шорохе травы, видны в водах ручья. Мы-дискурс в звучании природы обуславливает притчевость этой главы, которая открывается размышлениями о гневе Господнем и молитвами и завершается констатацией того, что церкви больше нет. Назидательность подобного приема очевидна: бесчеловечная Тридцатилетняя война ведет к обезбоживанию человечества. В контексте такого понимания жанровой специфики первой главы романа Кельмана раскрывается и существо нарратива о Тилле, представленного в тексте. Тилль как возмутитель спокойствия, пытающийся расшевелить мирных обывателей, воспринимается посмертным сознанием сгоревших жителей деревни, поэтому носит характер символа и поучения, приобретая мифологические коннотации.

4. Заключение

Структура, на которой основана фабула *Тилля*, такова, что история героя рассматривается в контексте рассказов об этой истории, что она не претендует на адекватность содержания и изложения и на объективную оценку, оказываясь неразрывно связанной с субъективной интерпретацией каждого рассказчика и с языком повествования. В соответствии с постмодернистской эстетикой Кельман сосредоточен не столько на исходном смысле истории, сколько на способе ее изложения, сталкивая множество точек зрения на предмет высказывания и не выделяя ни одной позиции в качестве единственно предпочтительной и верной.

Эта многомерная разнонаправленная интенция в тексте романа Кельмана и определяет своеобразие рецепции традиционного сюжета об Уленшпигеле, повествование о котором, говоря словами Барта, разворачивается

ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой (БАРТ 1994: 384).

Через самодостаточное и самоценное рассказывание в романе раскрываются интенции рассказчиков — в конечном счете, художественная идея автора: 1) обнажить множественность смыслов содержательного материала текста, сконцентрировавшись не на исходном смысле истории, а на способе ее изложения; 2) продемонстрировать принципиальное отсутствие некоей общепринятой Истины и объективной оценки героя, художественная концепция которого оказывается неразрывно и всецело связана с интерпретацией. Таким образом, если прежние повествования о Тиле были описательными (дескриптивными), то роман Кельмана — нарративный, переносящий основное содержание истории из фабулы в сам процесс и способ повествования, демонстрирующий, как место истории занимает Текст, а История оборачивается историей прочтения текста.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Барт Р. Смерть автора / пер. С. Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 384—391.

- [Barthes, Roland (1994) *Smert' avtora* (Death of the Author). In: Bart, Roland. *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* (Selected Works: Semiotics. Poetics). Moscow: Progress, Univers, 384—391. (In Russian)].
- Горбатовский А. С. Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте (на материале романа Д. Кельмана «Тыл»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. [Gorbatovskiy, Aleksandr S. (2022) *Leksiko-semanticheskiye sredstva modelirovaniya kul'turnogo prostranstva v khudozhestvennom tekste (na materiale romana D. Kel'mana "Tyll"* (Lexico-Semantic Means of Modeling Cultural Space in a Literary Text (Based on the Novel "Tyll" by D. Kehlmann). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian)].
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный Центр, 2002. [Jorgensen, Marianna V. & Phillips, Luiza. (2002) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* (Discourse Analysis. Theory and Method). Kharkov: Gumanitarnyy Tzentr. (In Russian)].
- Казакова Ю. К. Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX — начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2016. [Kazakova, Yuliya K. (2016) *Tvorchestvo Danielya Kel'mana v kontekste nemetskoazychnoy literatury kontsa XX — nachala XXI v.* (The Work of Daniel Kehlmann in the Context of German-language Literature of the Late 20th — Early 21st Century). Kazan': Kazan (Volga region) Federal University. (In Russian)].
- Кельман Д. Тилль / пер. с нем. А. Берлиной. М.: АСТ, 2022. [Kehlman, Daniel. (2022) *Till'* (Tyll) Moscow: AST. (In Russian)].
- Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2 / под ред. С. А. Токарева. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. С. 25—28. [Meletinskiy, Eleazar M. (1994) *Kul'turnyy geroy* (Culture Hero). In: Tokarev, S. A. (ed.) *Mify narodov mira* (Myths of the Peoples of the World). In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya. Minsk: Diler; Smolensk: Rusich, 25—28. (In Russian)].
- Овчинникова О. А. Рецепция образа Тила Уленшпигеля в романе Даниэля Кельмана «Тиль» (2022а). URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/291904/1>. [Ovchinnikova, Olga A. (2022a) *Receptsiya obraza Tilya Ulenshpigelya v romane Danielya Kel'mana "Til"* (Reception of the image of Till Eulenspiegel in Daniel Kehlmann's novel "Tyll"). Retrieved from <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/291904/1>. (In Russian)].

- Овчинникова О. А. Черты магического реализма в романе Даниэля Кельмана «Тиль» (2022b). URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/297607/1>. [Ovchinnikova, Olga A. (2022b) *Cherty magicheskogo realizma v romane Danielya Kel'mana "Til"* (Features of Magical Realism in Daniel Kehlmann's Novel "Tyll"). Retrieved from <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/297607/1>. (In Russian)].
- Овчинникова О. А. (2023) Гибридизация жанров в романе Д. Кельмана «Тиль» (2023). URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/299836/1/577-582.pdf>. [Ovchinnikova, Olga A. (2023) *Gibridizatsiya zhanrov v romane D. Kel'mana "Til"* (Hybridization of Genres in D. Kehlmann's Novel "Tyll"). Retrieved from <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/299836/1/577-582.pdf>. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Немецкие народные книги // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М.: Наука, 1986. С. 259—282. [Purishev, Boris I. (1986) *Nemetskiye narodnyye knigi* (German Folk Books). In: *Prekrasnaya Magelona. Fortunat. Til' Ulenshpigel'* (The Beautiful Magelona. Fortunatus. Till Eulenspiegel). Moscow: Nauka, 259—282. (In Russian)].
- Роллан Р. Уленшпигель / пер. Н. Жарковой // Костер де Ш. Легенда об Уленшпигеле / пер. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1967. [Rollan, Romen. (1967) *Ulenshpigel'* (Ulenspiegel). In: *Coster, Charles de. Legenda ob Ulenshpigele* (The Legend of Thyl Ulenspiegel). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. М.: Ленанд, 2011. [Tataru, Lyudmila V. (2011) *Narrativ i kul'turnyy kontekst* (Narrative and Cultural Context). Moscow: Lenand. (In Russian)].
- Тиль Уленшпигель / пер. Р. В. Френкель // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М.: Наука, 1986. С. 159—258. [Til' Ulenshpigel' (Till Eulenspiegel). (1986). In: *Prekrasnaya Magelona. Fortunat. Til' Ulenshpigel'* (The Beautiful Magelona. Fortunatus. Till Eulenspiegel). Moscow: Nauka, 159—258. (In Russian)].
- Титчер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. [Titscher, Stefan; Meyer, Michael; Vodak, Ruth & Vetter, Eva. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* (Methods of Text and Discourse Analysis). Kharkov: Gumanitarnyy Tsent. (In Russian)].
- Тюна В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса: («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. [Tyuna, Valeriy I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa: "Arkhiyerey" A. P. Chekhova* (Narratology as an Analytics of

- Narrative Discourse: "The Bishop" by A. P. Chekhov). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Schmid, Wolf. (2003) *Narratologiya* (Narratology). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Bichler, Klaus. (2013) *Selbstinszenierung im literarischen Feld Österreichs. Daniel Kehlmann und seine mediale Inszenierung im Bourdieu'schen Feld*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Fludernik, Monika. (2006) *Einführung in die Erzähltheorie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Gasser, Markus. (2010) *Das Königreich im Meer: Daniel Kehlmanns Geheimnis*. Göttingen: Wallstein Verlag.
- Gerstenbräun, Martin. (2012) *A fiction is a fiction is fiction. Metafikcionalität im Werk von Daniel Kehlmann*. Marburg: Tectum Verlag. (Studien zu Literatur und Film der Gegenwart, 4).
- Herman, David. (2009) *Basic elements of narrative*. Chichester (U. K.); Malden (USA): Wiley-Blackwell.
- Martinez, Mattias & Scheffel, Michael. (2002) *Einführung in die Erzähltheorie*. München: C. H. Beck.
- Rickes, Joachim. (2010) *Die Metamorphosen des „Teufels“ bei Daniel Kehlmann: „Sagen Sie Karl Ludwig zu mir“*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Rickes, Joachim. (2012) *Daniel Kehlmann und die lateinamerikanische Literatur*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Nickel, Gunther. (2009) *Daniel Kehlmanns "Die Vermessung der Welt": Materialien, Dokumente, Interpretationen*. Reinbek: Rowolt Taschenbuch Verlag.

Galina G. Ishimbaeva
Ufa University of Science and Technology

Narrative Discourses of D. Kehlmann's Novel *Till*

The purpose of this article is to analyze the narrations of the narrating instances of Daniel Kehlmann's novel *Till* and thereby find out the originality of Kehlmann's understanding of the plot about the hero who belongs to the eternal images of world literature. The scientific novelty and relevance of this study are due to the fact that the novel *Till* is considered, firstly, in the historical context of the formation and existence of this image in literature and, secondly, within the framework of narratology. The article proves that by the 16th century two receptions of the image of Till had been developed (a cultural hero and a trickster in one person, and a Grobian character) and that Charles de Coster brought a new dimension to

Tilliana associated with the transfer of the hero to another era. Kehlmann in his novel *Till* gives his interpretation of the plot about Till Ulenspiegel and, at first glance, combines the strategies of the German folk book and de Coster's novel, portraying a cultural hero and a trickster, using the technique of inconsistent narration and making Till a contemporary of the Thirty Years' War. But following traditions in fact leads to their revision within the framework of a special non-traditional narrative organization and the use of non-traditional narrative technologies — a special narrative organization of text and images of unreliable narrators. The structure on which the plot of *Till* is based is such that the hero's story is considered in the context of narratives about this story, that it does not pretend to be adequate in content and presentation and to an objective assessment, being inextricably linked with the subjective interpretation of each narrator and with the language of the narrative. In accordance with postmodern aesthetics, Kehlmann focuses not so much on the original meaning of the story but on the way it is presented, putting forward many points of view on the subject of utterance and not highlighting any position as the only preferable and correct one. If the previous stories about Till Ulenspiegel were descriptive, then Kehlmann's novel is narrative, transferring the main content of the story from the plot into the process and method of narration itself, demonstrating how the Text occupies the place of story, and the Story turns into the story of reading the text.

Keywords: Daniel Kehlmann; *Till*; narrative discourse; story; text; text formation

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Нарративные дискурсы романа Д. Кельмана *Тилль* // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI.

С. 397—415.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-397-415.

To cite this Article:

Ishimbaeva, Galina G. (2024) Narrativnyye diskursy romana D. Kel'mana *Till'* (Narrative Discourses of D. Kehlmann's Novel *Till*). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 397—415. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-397-415.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; принята к публикации 11.04.2024

The article was submitted 19.02.2024; accepted for publication 11.04.2024

Л. Ю. Коршунова
Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ В АКТЕ КОММУНИКАЦИИ: ДРАМА АРТУРА ШНИЦЛЕРА *СЛОВО* («DAS WORT»)

Статья посвящена анализу драмы *Слово* («Das Wort») австрийского писателя Артура Шницлера с точки зрения определения места реципиента и особенностей рецепции в речевом акте. Проблема речевой деятельности, состоятельности языка как объективного средства отражения действительности была очень популярна на рубеже XIX—XX вв. Шницлер неоднократно обращался к рассмотрению данной проблематики, особенно в пьесах, в которых вся нагрузка драматического действия ложится на диалог. Проблема языка неизменно связана у Шницлера с магистральными темами его творчества — любви и смерти, реальности и иллюзии, игры и действительности. В поздней драме *Слово*, подводящей итог размышлениям писателя о роли языка в человеческой деятельности и его экспликации на важнейшие сферы человеческой жизни, такие как любовь, брак, супружеская верность, на первый план выходит проблема рецепции. Подчеркивается, что адресант кульминационного диалога — поэт, для которого язык является прежде всего областью художественного дискурса. Для этого персонажа важна не номинативная функция языка, а экспрессивная, так как в силу своей профессии он привык заботиться о создании определенного впечатления у адресата. Отмечается, что Шницлер в своем произведении пошел дальше постулируемого в более ранних пьесах положения о выхолащивании и смысловой «ненагруженности» языка, превратившегося в набор громких фраз. Стирание границы между обыденным и художественным дискурсом, вольное или невольное смешение этих форматов приводит в сюжетном развитии пьесы к трагическому финалу. Делается вывод, что Шницлер солидарен с современниками в скептическом отношении к языку и как средству отражения действительности, и как основе словесного искусства. Внимание автора к роли реципиента, неспособности отличить правду от вымысла, возможности различного понимания одной и той же фразы проистекает из осознания неразрешимого противоречия между означаемым и означающим и составляет одну из черт символистского мироощущения порубежной эпохи.

Ключевые слова: язык; речевая деятельность; коммуникативный акт; рецепция; адресант; адресат

1. Введение

Интерес к творчеству австрийского писателя и драматурга Артура Шницлера (1862—1931), угасший в нашей стране в первые десятилетия советской власти, вновь возродился в 60-х гг. прошлого столетия и продолжает неуклонно расти. Этот факт обусловлен, на наш взгляд, множеством причин: и самой неординарной личностью писателя — врача по образованию, «двойника» З. Фрейда, и эпохой *fin de siècle*, явившей подлинный расцвет австрийской словесности, и, наконец, обращением писателя к вечным темам, издавна бытовавшим в художественных текстах: любви и смерти, реальности и иллюзии, игры и действительности. Одной из проблем, широко обсуждавшихся на рубеже XIX—XX вв., является проблема языка как средства объективного отражения реальности и передачи информации. Над ней размышлял Ф. Ницше в работе *Об истине и лжи во внеэвangelическом смысле* (1873). Философ писал:

Что такое слово? Передача звуками первого раздражения. Но делать заключение от раздражения нервов к причине, лежащей вне нас, есть уже результат ложного и недопустимого применения положения об основании (НИЦШЕ 2014: 438).

В 1902 г. австрийский философ Ф. Маутнер в работе *Введение в критику языка* утверждал, что язык не всегда является пригодным для познания действительности. Язык представляет собой совокупность речевых актов и существует только в настоящем, в процессе речевой деятельности. Все, что нас окружает, дано нам в языке и воспринимается посредством языка, который не всегда адекватно отражает окружающий мир. (MAUTNER 1982: 52) Вслед за Маутнером Л. Витгенштейн также невысоко оценивает потенциал языка как средства общения: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (ВИТГЕНШТЕЙН 1994: 73).

Шницлер во многом разделял точку зрения своих современников и творчески интерпретировал их положения в художественных текстах. Проблеме выхолащивания, смысловой ненагруженности важнейших этических понятий посвящен цикл *Комедия слов* («Komödie der Worte», 1915), новелла *Мертвые молчат* («Die Toten schweigen», 1897); критика языка дана вторым планом во многих произведениях писателя — *Зеленый попу-*

gai («Der grüne Kakadu», 1898), *Хоровод* («Reigen», 1903) и др. Закономерно, что наиболее емко проблема кризиса языка раскрывается в драматических произведениях, так как основная нагрузка здесь ложится именно на диалог, на речевую деятельность персонажей.

Проблема кризиса языка в творчестве писателя привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Литературовед Р. Марцинек обратился к анализу новеллы *Мертвые молчат* («Die Toten schweigen»). Он считает, что одиночество героев накладывает отпечаток на их поведение и приводит к отсутствию коммуникации. (MARZINEK 1992: 29-48). Исследовательница Т. М. Дубах, однако, решает этот вопрос в другом ключе. Анализируя новеллистику писателя, она замечает, что невозможность передать свои чувства, описать события, т. е. «речевая беспомощность» персонажей становится вектором, который ведет к одиночеству и отчуждению (ДУБАХ 2014: 27).

К. Шлихт в своем исследовании творчества писателя посвятила отдельную главу критике языка («Sprachkritik»), отметив, что интерес Шницлера к коммуникации и роли языка в этом процессе наложил отпечаток на творческий метод писателя (SCHLICHT 2013: 63-66). Исследователь В. Саблер рассматривает драматические произведения писателя. По его мнению, в изображении страсти мужчины и женщины Шницлер создавал определенное напряжение, несоответствие между поступками, выбранным персонажами дискурсом и истинными движущими мотивами героев, которые как раз и представляли собой объект авторского анализа (SABLER 2014: 292). Непосредственно драма *Слово* затронута лишь в пяти исследованиях (URBACH 1968; SCHLEIN 1975; WEINZIERL 1980; WILDI 1983; ВРЕСНТ 2014), что позволяет говорить о слабой изученности произведения. Следует подчеркнуть, что на фоне огромного количества работ, посвященных жизни и творчеству Шницлера, такой важной для писателя проблеме как кризис языка уделено в исследованиях неоправданно мало внимания.

2. Характеристика материала и методов исследования

Как было сказано выше, критика языка наиболее выпукло выступает в драмах Шницлера, так как скрытые мотивы поступков персонажей, раскручивающие пружину драматического

действия, закономерно отражаются в их речи (КОРШУНОВА 2019: 110). Более того: на позднем этапе своего творчества Шницлер пришел к теоретическому осмыслению своих творческих интенций. Хотя писатель не оформил свои положения в стройную теорию, дневниковые записи и афористические заметки содержат богатый материал по вопросу критики языка. Исследование различных вариаций осмысления данной проблематики в драматургии Шницлера представляется весьма перспективным.

Работу над трагикомедией *Слово* («Das Wort») писатель начал в 1904 г. и продолжал ее до 1929 г., однако пьеса осталась неоконченной. В 1966 г. «фрагмент» был впервые издан (SCHNITZLER 1966), а премьера состоялась в 1969 г. в венском Театер-ин-дер-Йозефшадт.¹ Драма основана на реальном трагическом событии, произошедшем в окружении писателя в 1904 г. (WEINZIERL 1980: 237, 243). Хайнц Ланг, сын феминистки Марии Ланг, застрелился после разрыва с возлюбленной Линой Лоос, женой знаменитого австрийского художника Адольфа Лооса. Перед смертью он обратился за советом к писателю Петеру Альтенбергу, который, как свидетельствует дневниковая запись Шницлера, сказал следующее: «Умри... Она богиня».²

Хотя в собрании сочинений драма выпущена с пометой «фрагмент», произведение практически закончено и сюжетно, и композиционно. Дневники писателя свидетельствуют о двух периодах работы над рукописью. Первый период ограничивается 1906—1907 гг., и уже тогда были определены заголовки и сюжетные линии и закончены все 5 актов драмы. Однако писатель с неудовлетворением оставил работу над рукописью, возможно, по психологическим причинам: «С большим удовольствием прочитал новую книгу П. Альтенберга “Сказки жизни”. Догадываюсь, почему я потерпел неудачу в работе над П. А.-пьесой: из-за симпатии к П. А.» («П. А.» — Петер Альтенберг — Л. К.).³

¹ <https://web.archive.org/web/20161018151329/http://titelmagazin.com/artikel/31/5501/arthur-schnitzler-das-wort.html>.

² <https://schnitzler-tagebuch.acdh.oeaw.ac.at/pmb30615.html>. Запись от 11.01.1906.

³ *ibid.* Запись от 20.11.1907.

Работу над драмой Шницлер возобновил с новым интересом в 1927 г., но двухлетний труд опять же не удовлетворил писателя. Дневниковая запись свидетельствует: «К Слову. Прочитал первый акт... Решил, наконец, оставить это дело».⁴ Однако более поздние записи⁵ говорят о том, что Шницлер все время возвращался в мыслях к этой драме, оформленной, но еще недостаточно зрелой для сценической постановки. Анализ драмы *Слово* представляется важным для более полного осмысления творческого наследия писателя. Исходя из специфики анализируемого материала, наиболее продуктивными являются биографический метод в сочетании со структурным и стилистическим анализом с опорой на теорию речевых актов и достижения рецептивной эстетики.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Основная антитеза, представленная в драме *Слово*, выражена в следующем отрывке пьесы:

Т r e u e n h o f: Worte sind nichts.

W i n k l e r: Worte sind alles. Wir haben ja nichts anderes (SCHNITZLER 1999: 222).

Сюжет драмы заключается в следующем: молодой художник Вилли, покинутый возлюбленной, совершает самоубийство после того, как знаменитый писатель Анастасиус Тройенхоф в разговоре невольно толкнул его на этот путь. В пьесе противопоставляются люди искусства (в более узком понимании — литераторы) и обыватели, для которых употребление языка лежит вне сферы художественного дискурса. Отношение к языку у обывателей и литераторов различное. Для обывателя язык служит для передачи фактов, литераторы же заботятся прежде всего о создании определенного впечатления. Трагическая развязка кроется именно в этом различном отношении к языку. В то время как Тройенхоф всего лишь размышляет вслух и более адресует к самому себе, собеседник воспринимает его слова как указание к действию.

Согласно Р. О. Якобсону, любое высказывание обладает шестью различными функциями, в том числе номинативной (денотативной) и эмотивной (экспрессивной) функцией (ЯКОБСОН

⁴ ibid. Запись от 06.10.1929.

⁵ ibid. Записи от 14.10.1929; 24.05.1931; 30.05.1931.

1975: 197-198). Как правило, в высказывании преобладает одна из функций. Тройенхоф не принимает во внимание номинативную функцию языка, для него важнее экспрессивная. Он не придает значения словам, что не раз следует из его реплик: «Du nimmst alles so wörtlich, so furchtbar wörtlich» (SCHNITZLER 1999: 160). Невольно его манеру перенимают и другие персонажи из окружения поэта: «Es wird ja nicht so wörtlich gemeint» (ibid.: 218).

Несомненно, поэт умеет влиять на чувства людей через речевую деятельность. Так, например, мать художника Франциска, тяжело переживавшая раннюю смерть мужа, говорит о великой силе слова, которой обладает Тройенхоф: «Von niemand, nicht einmal von einem Pfarrer, wenn ich zufällig fromm wäre, hatten mir so wunderbare Worte des Trostes kommen können» (ibid.: 168). Художественный мир, созданный поэтом, завораживает и становится камертоном, с детства определяющим чувства и порывы молодой женщины Лизы ван Цак — возлюбленной Вилли: «Ich glaube, ohne Anastasius Treuenhof hätte ich nie erfahren, dass es eine Welt gibt» (ibid.: 151). Однако сам поэт не осознает своей власти над душами людей, для него слова обесмыслены и представляют собой всего лишь набор цветистых фраз. Блестяще проведя свою партию в кульминационном диалоге с Вилли, в котором он невольно толкнул юношу к самоубийству, поэт в свое оправдание заявляет: «Ich hab überhaupt mehr von mir gesprochen als von ihm. <...> In einer solchen Stunde redet man mancherlei» (ibid.: 221).

Основным противником, не разделяющим мнение Тройенхофа об отсутствии смыслового наполнения языка, является Винклер, дядя Вилли. Исследователь У. Вайнцирль считает, что Винклер олицетворяет самого Шницлера (WEINZIERL 1980: 237). Каждое высказывание, считает Винклер, должно обладать определенной целью и смыслом. Основной же функцией любого высказывания является возможность понять друг друга («sich verständigen») (SCHNITZLER 1999: 161).

О том, как пристально Шницлер вглядывался в эту возможность достижения взаимопонимания в процессе коммуникации, свидетельствуют его дневниковые записи, афоризмы и наблюдения. В 1927 г. писатель публикует комментарии к двум

своим диаграммам: *Духовное в словах и духовное в делах* («Der Geist im Wort und der Geist in der Tat»). Они представляют собой ромбы, острые углы которых направлены вверх — к богу и, соответственно, вниз — к дьяволу. Первая диаграмма посвящена людям, в силу своей деятельности имеющим непосредственное отношение к слову. На вершину писатель помещает пророка и поэта, внизу расположены злодей и литератор (SCHNITZLER 1993: 13). Эти персонажи диаграммы коррелируют с традиционными положительными и отрицательными понятиями, такими как правда и ложь, реальность и вымысел. Различие между поэтом и литератором проявляется в их отношении к жизненным явлениям и ситуациям. Так, например, судьба, которая для поэта является его личным переживанием и опытом, которым он стремится поделиться с читателем, служит литератору исключительно утилитарным целям, для создания сенсации, увеличивающей количество продаж (ibid.: 23). Тройенхоф, представляющий собой яркий образ литератора заявляет: «Ich will leben, aber ich will gut leben» (SCHNITZLER 1999: 218). В набросках к пьесе позиция Тройенхофа выражена еще более отчетливо: «Leben will ich, mich satt essen, ein ordentliches Zimmer haben...!» (ibid.: 240). Неверная эстетическая установка коренным образом перекраивает мировоззрение героя и эксплицируется на важнейшие этические феномены — правду и ложь, верность и обман. Так, например, понятие супружеской верности в устах Тройенхофа оборачивается явным пороком: «Die Aufrichtigen, das sind manchmal die allerärgsten. Das Lügen kommt mir manchmal viel anständiger vor, da gehört meistens ein bisschen Courage dazu» (ibid.: 176). Литератор в отличие от истинного поэта всегда направлен на себя самого, а его влияние на слушателя / читателя является исключительно составляющей эстетической игры, умелого жонглирования словом.

Отсюда вытекает проблема рецепции как литературного произведения, так и любого высказывания в принципе. Даже наиболее простое сообщение, высказанное в процессе обыденного коммуникативного акта, опирается на восприятие адресата, и это восприятие некоторым образом детерминируется контекстом (ЯУСС 1994: 89). Таким образом, любое высказывание

предполагает «сотворчество» получателя сообщения, которое он интерпретирует, согласуясь со своим жизненным опытом, ситуацией и даже душевным состоянием. Такое отношение к сообщению требует от адресанта осторожного обращения со словом. Так, Винклер пытается получить внятный ответ от Тройенхофа, как именно он разговаривал с Вилли, в каком настроении он его оставил, но не может добиться ничего вразумительного:

Getröstet, wie hast du denn das gemacht? Kannst du dich nicht erinnern, was du ihm eigentlich gesagt hast? ... Aber hast du dir auch überlegt, wer dir zuhört? Hast du daran gedacht, dass ein verzweifelter junger Mensch vor dir steht, der vielleicht nicht alles so harmlos auffasst, als es gemeint war? Und der doch gewissermassen eine furchtbare Enttäuschung erlebt (SCHNITZLER 1999: 220).

Для Тройенхофа язык является прежде всего областью художественного дискурса. В кульминационном диалоге поэт на основе реальной и довольно банальной жизненной ситуации — любовного треугольника — создает особый сюжет, вариацию на тему дальнейшего развития событий. Вилли же, поддавшись обаянию этого, безусловно, талантливого художника слова, не смог отличить художественный дискурс от обыденного, приняв размышления писателя за чистую монету. Шницлер в этом произведении выходит за рамки проблематики более ранних пьес, в которых подчеркивается несовершенство и смысловая «ненагруженность» языка, превратившегося в набор клише, невозможность обсуждать сколько-нибудь серьезные вопросы. Стирание границы между обыденным и художественным дискурсом, вольное или невольное смешение этих форматов закономерно приводят к трагической развязке.

Произведение привлекает внимание к самой сути коммуникации — коммуникативному событию, реализующемуся во взаимодействии между говорящим и слушающим (ДЕЙК 1989). Собственно действие в понимании классической драматургии в пьесе отсутствует, внимание зрителя приковано к диалогам, которые большей частью представляют собой типичный *small talk*, светскую беседу. Согласно Р. О. Якобсону, «общение для общения» выполняет важную социальную функцию и направлено не на передачу информации, а на установление и поддержание

контакта с собеседником. В высказывании такого плана преобладает фатическая функция (ЯКОБСОН 1975: 201). Вслед за установлением контакта обычно следует собственно информативная часть. Следует отметить, что бытовому общению в принципе свойствен переход от фатического общения к информативному и наоборот (ВИНОКУР 1993: 153-157). Однако в пьесе подобного перехода, как правило, не происходит. Информативная часть теряется в море светской болтовни ни о чем. Диалог аморфен, характеризуется быстрой сменой тем при отсутствии одной объединяющей. Такова, например, сцена из первого акта пьесы, действие которого разыгрывается в кафе, где любит бывать Тройенхоф и его окружение:

Tini: Möcht' gern einmal bei so einem Duell zuschauen.

Ferdinand: Also nächstes Mal. Und jetzt — Schluß. *Rasch zu Albine*
Was ist mit dir, Albine? Du bist heute so schweigsam.

Albine: *wie erwachend, ohne Affektationen* Wie meinen Sie?

Ferdinand: *zu Tini* Sie hat geträumt!

Albine: Kann schon sein...

Ferdinand: Wovon träumst du denn? Von der unschuldigen Kinderzeit?

Tini: Die erinnert sich gar nicht dran, dass sie je unschuldig war.

Ferdinand: *vor sich hin* Das kommt vielleicht noch. Manchmal wird man's erst später.

Tini: Was du manchmal zusammenredest...!

Albine: *die Uhr über dem Buffet betrachtend* Wirklich schon elf?

Ferdinand: *auf seine Uhr sehend* Es fehlen noch zehn Minuten.

Albine: *seufzend* Ach Gott! (SCHNITZLER 1999: 133-134).

Подобное общение ради общения, призванное служить установлению контакта, и, следовательно, лучшему взаимопониманию коммуникантов, у Шницлера парадоксальным образом приводит к совершенно обратному эффекту. Оно не способствует взаимопониманию и объединению персонажей, а, напротив, разобщает их. Каждый из собеседников ведет свою линию, не придавая особого значения репликам партнера, что, естественно, не способствует и адекватному восприятию.

В ситуации, когда роль языка смещается с главенствующей позиции на маргинальную, особое значение придается недоговоренности или ситуации молчания. Шницлера по праву назы-

вают «мастером многозначительного молчания, говорящего умолчания, скрытых намеков» (REY 1965: 248). Особое значение приобретает интонация: синтаксис в пьесе неровен, прерывист, привлекает внимание обилие многоточий, восклицаний, вопросительных предложений, эллипсисов. Значительное место в произведении занимают переспросы, свидетельствующие об отсутствии полного понимания коммуникантами друг друга. Существенную долю смысловой нагрузки драмы берут на себя ремарки, роль которых, начиная с XIX в., возрастает (ХАЛИЗЕВ 2001: 870). Редкая реплика героя в пьесе обходится без авторской ремарки. Разумеется, часть ремарок выполняет прагматическую функцию, показывая, кому именно адресована реплика, поскольку Шницлер зачастую выводит на сцену целую вереницу персонажей. Все же большинство из них призваны обозначить авторскую позицию к происходящему и пояснить зрителю / читателю, что же скрывается за многочисленными намеками, недомолвками и молчанием действующих лиц драмы.

По мысли Витгенштейна, логика обыденного языка зачастую не поддается пониманию. Философ писал: «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облеченной в нее мысли» (ВИТГЕНШТЕЙН 1994: 18). Австрийский мыслитель, таким образом, снимает с человека ответственность как за однозначность высказывания, так и за его рецепцию окружающими. Шницлер, однако, придерживался другой точки зрения по данному вопросу. В одной из заметок к драме *Слово* он сформулировал свою позицию следующим образом:

Возможно, вся наша мораль заключается всего лишь в том, чтобы из того неточного материала, который позволяет нам так легко, так безответственно и безнаказанно лгать, — из языка — сделать что-то лучшее. Лгать словами так мало, как только возможно (цит. по: [WILDI 1983: 335]).

Коммуникативное событие становится у Шницлера событием этическим и связывается с основополагающими нравственными феноменами, находящими то или иное выражение в языке. Писатель признавал ответственность каждого индивида за осознанное и осторожное использование того материала, который

предоставляется в его распоряжение. Этот процесс бесконечно сложен, и успеха можно достичь лишь общими усилиями всех и каждого в отдельности.

4. Заключение

Драма Артура Шницлера *Слово* продолжает тематическую направленность ранних произведений писателя, освещая одну из ведущих проблем конца XIX — начала XX в. — кризис языка. Шницлер солидарен с современниками в скептическом отношении к языку и как средству отражения действительности, и как основе словесного искусства. Содержание языка как набора определенных фраз на каждый случай, выхолащенных формул этикета обусловлено, в первую очередь, исторической ситуацией порубежной эпохи, крушением прежнего устоявшегося мира, потерей ценностных ориентиров. Не стоит, однако, умалять и индивидуальную ответственность каждого человека в обращении со словом, как в жизни, так и в художественном творчестве. Поскольку язык служит не только для общения, но и эксплицирует важнейшие этические понятия, служит детерминантом социокультурных установок, потеря им должного места приводит к кардинальной перестройке картины мира. Освещение проблем коммуникации сквозь призму этики позволяет говорить о новом уровне творческого осмысления темы. Пристальное внимание автора к восприятию реципиента, неспособности отличить правду от вымысла, а художественный дискурс от обыденного, возможность различного понимания одной и той же фразы коренится в отчетливом противоречии между означаемым и означающим, словом и поступком, столь характерном для символистского мироощущения конца XIX — начала XX в.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 5—73. [Wittgenstein, Ludwig. (1994) Logiko-filosofskiy traktat (Tractatus Logico-Philosophicus). In: Wittgenstein, Ludwig. *Filosofskiyye raboty* (Philosophical Works), 1. Moscow: Gnozis, 5—73. (In Russian)].
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. [Vinokur, Tatyana G. (1993) *Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya*. (The Speaker and the Lis-

- tener. The Variants of Conversational Behaviour). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. [Van Dijk, Teun A. (1989) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. (Language. Perception. Communication). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дубах Т. М. Вариации осмысления кризиса языка в новеллистике А. Шницлера // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 26—29. [Dubakh, Tatyana M. (2014) Variatsii osmysleniya krizisa yazyka v novellistike Artura Shnitslera (Variations of the Reflections of the “Language Crisis” in A. Schnitzler’s Novels). In: *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* (Pedagogical Education in Russia), 6, 26—29. (In Russian)].
- Коршунова Л. Ю. Критика языка в одноактной пьесе Артура Шницлера «Комедия слов» // Вестник Костромского гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 4. С. 109—112. [Korshunova, Lyudmila Yu. (2019) Kritika yazyka v tsikle odnoaknykh p'yesh Artura Shnitslera “Komediya slov” (The Criticism of Language in One-Acter Cycle of “The Comedy of Words” by Arthur Schnitzler). *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 25, 4, 109—112. (In Russian)]. doi 10.34216/1998-0817-2019-25-4-109-112.
- Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2014. С. 433—448. [Nietzsche, Friedrich. (2014) Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle (On Truth and Lies in a Nonmoral Sense). In: Nietzsche, Friedrich. *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete works). In 13 vols. Vol. 1/2. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 433—448. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Репарка // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 870. [Khalizev, Valentin Ye. (2001) Remarka (Stage Direction). In: Nikolyukin, Aleksandr N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* (Literary Encyclopedia of Terms and Concepts). Moscow: Intelvak, 870. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230. [Jakobson, Roman. (1975) Lingvistika i poetika (Linguistics and Poetics). In: *Strukturalizm: za i protiv* (Structuralism: pro and contra). Moscow: Progress, 193—230. (In Russian)].
- Яусс Г. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97—106. [Jauss, Hans Robert. (1994) K probleme dia-

- logischeskogo ponimaniya (To the Problem of Dialogical Understanding). *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 12, 97—106. (In Russian)].
- Brecht, Christoph. (2014) Das Wort (Fragm. 1966). Theaterstücke. In: Jürgensen, Christoph; Lukas, Wolfgang & Scheffel, Michael. *Schnitzler-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 184—185.
- Marzinek, Ralf. (1992) Das Problem der Sprache in Arthur Schnitzlers Novelle „Die Toten schweigen“: zur erzählerischen Vermittlung des Figurenbewußtseins. In: Lindken, Hans-Ulrich. (ed.) *Das magische Dreieck: Polnisch-deutsche Aspekte zur österreichischen und deutschen Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 29—48.
- Mauthner, Fritz. (1982) *Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie*. Frankfurt am Main; Berlin; Wien: G. Müller.
- Rey, William H. (1965) Arthur Schnitzler. In: Wiese, Benno. (ed.) *Deutsche Dichter der Moderne*. Berlin: E. Schmidt, 237—257.
- Sabler, Wolfgang. (2014) Zwischen Tradition und Innovation: Schnitzler als Dramatiker. Strukturen, Schreibweisen, Themen. In: Jürgensen, Christoph; Lukas, Wolfgang & Scheffel, Michael. *Schnitzler-Handbuch: Leben — Werk — Wirkung*. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 382—389.
- Schlein, Rena R. (1975) Das Duellmotiv in Schnitzlers Dramen „Ritterlichkeit“, „Das weite Land“ und „Das Wort“. *Modern Austrian Literature*, vol. 8, no. 3/4, 222—235.
- Schlicht, Corinna. (2013) *Arthur Schnitzler*. Marburg: Teclum.
- Schnitzler, Arthur. (1966) *Das Wort. Tragikomödie in fünf Akten. Fragment*. Aus dem Nachlaß herausgegeben und eingeleitet von Kurt Bergel. Frankfurt am Main: Fischer.
- Schnitzler, Arthur. (1993) Der Geist im Wort und der Geist in der Tat. In: Schnitzler, Arthur. *Aphorismen und Betrachtungen. Der Geist im Wort und der Geist in der Tat*. Bd 2. Frankfurt am Main: Fischer, 15—46.
- Schnitzler, Arthur. (1999) *Das Wort. Dramen 1926—1927*. Frankfurt am Main: Fischer, 131—246.
- Urbach, Reinhard. (1968) „Schwätzer sind Verbrecher“. Bemerkungen zu Schnitzlers Dramenfragment „Das Wort“. *Literatur und Kritik*, 3, 293—304.
- Weinzierl, Ulrich. (1980) Wien, Jahrhundertwende. Der junge Alfred Polgar. In: *Alfred Polgar. Sperrwitz*. Wien: Donauland, 197—243.
- Wildi, Liselotte. (1983) „Worte lügen“: zum Sprachverständnis bei Arthur Schnitzler. *Schweizer Monatshefte: Zeitschrift für Politik, Wirtschaft, Kultur*, Bd 63, Heft 4, 331—336.

**The Problem of Reception in the Act of Communication:
Arthur Schnitzler's Drama *Das Wort* ("The Word")**

The article deals with the analysis of the drama *Das Wort* ("The Word") by the Austrian writer Arthur Schnitzler, considering the role of audience and reception features in the communication act. The communication problem and language potential as an objective way of reflecting the reality were very popular at the turn of the 19th — 20th centuries. Schnitzler spoke repeatedly on those problems, especially in plays, in which the dialogue greatly influences the dramatic action. Communication problem in Schnitzler's works is constantly connected with his main issues of love and death, fact and illusion, reality and play. The drama *Das Wort* belongs to the later works and largely draws conclusions from Schnitzler's thinking about the role of language in human activity and its explication into the main spheres of human life such as love, marriage and marital fidelity emphasizing the reception problem. It is underlined that poet is the addresser of the climatic scene for whom language is mostly part of literary discourse. For this character the evocative function is more important than the nominative one because his profession makes him take care of definite impression on the addressee. It is noted that Schnitzler not only postulates the "exhaustion" of language which became a set of big words resulting in its lack of sense as in early works. Conscious or unconscious mixture of ordinary and literary discourses in the development of drama's plot results in tragical conclusion. It is said to summarize that Schnitzler was in full agreement with his contemporaries in scepticism about language both as an objective way of reflecting the reality and a basis of literary creation. The author's attention to such aspects as the addressee's inability to differ fantasy and fact, the case of different understanding of the same phrase results from the sense of insoluble contradiction between signified and signifier and represents one of the traits of the symbolism attitude at the turn of the 19th — 20th centuries.

Keywords: language; language activity; communicating act; reception; addresser; addressee

Для цитирования:

Коршунова Л. Ю. Проблема рецепции в акте коммуникации: драма Артура Шницлера *Слово* («Das Wort») // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 416—430.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-416-430.

To cite this Article:

Korshunova, Lyudmila Yu. (2024) Problema retseptsii v akte kommunikatsii: drama Artura Shnitslera *Slovo* (“Das Wort”) (The Problem of Reception in the Act of Communication: Arthur Schnitzler’s Drama *Das Wort* (“The Word”)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 416—430. (In Russian). DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-416-430.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; принята к публикации 24.04.2024

The article was submitted 09.02.2024; accepted for publication 24.04.2024

В. С. Наумова

Библиотечный центр «Екатеринбург»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ ТЕМЫ В ЛИРИКЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Статья посвящена теме трансформации войны в лирике немецкого и русского экспрессионизма. Методология статьи сложилась на базе сравнительно-исторического метода. Методика контактных и типологических сравнений дополняется в работе обращением к элементам интертекстуального анализа, анализа дискурсов, к инструментарию переводоведения. Материалом исследования являются поэтические произведения, созданные представителями немецкого и русского экспрессионизма в 1910-1920-е гг. Еще в начале Первой мировой войны немецкие поэты довольно быстро перешли от призывов к войне к ее резкому неприятию. Отстранение и распад собственного «Я» являются ведущими изобразительными средствами экспрессионистской лирики в описываемый период. Анализ стихотворений идет с позиции двух категорий: «диссоциация субъекта» и «обновление человечества». Представители молодого поколения русских экспрессионистов не могли питать иллюзий относительно войны, так как их литературное движение зародилось в послевоенный период и в разгар войны гражданской. Война понимается ими как страшная, неизбежная данность, которую остается только принять. Сопоставление двух военных стихотворений, русского и немецкого, позволяет заключить, что и в том, и другом опредмеченность людей и персонификация вещей подчеркивают противоестественность происходящего. Дистанцированность лирического героя от военных событий способствует созданию образа войны как безличной машины убийства, которую уже невозможно остановить; она сама правит миром. Для немецких и русских экспрессионистов война представляет собой не только самоуничтожение человечества, но и движение к будущему всеобщему братству. Воплощение этой темы содержит в себе противоречие — неприятие войны сочетается с ее отстраненным изображением. За отстраненностью, дистанцированностью лирического героя немецкого экспрессионизма скрывается страх, отчаяние и в то же время осознание своей избранности, исключенности из гибнущего мира. Поэтика русских экспрессионистов менее радикальна, менее инновационна и, обнаруживая, с одной стороны, более тесную связь с символизмом, отличается от сопоставимых немецких текстов большей прямоотой и наивностью эмо-

ционального самовыражения личности.

Ключевые слова: военная лирика; немецкий экспрессионизм; русский экспрессионизм; диссоциация субъекта; обновление человечества; лирика экспрессионизма

1. Введение

Экспрессионизм вошел в историю культуры как одно из наиболее значительных художественных явлений, обозначавших перелом в развитии мирового искусства на рубеже XIX—XX вв.

Цель исследования заключается в попытке проследить, как видоизменялась тема войны в лирике немецкого и русского экспрессионизма в различные временные отрезки. Поставленная цель определяет основные задачи исследования: 1) выяснить причину призывов к войне в лирике раннего экспрессионизма; 2) проанализировать процесс перехода военной лирики в антивоенную, установить причины такого перехода; 3) выявить основные художественные приемы военной лирики немецкого экспрессионизма; 4) выявить амбивалентный характер военной лирики немецкого экспрессионизма; 5) проанализировать соотношенность категорий «диссоциация субъекта» и «обновление человечества» в военной лирике; 6) проанализировать в сопоставительном аспекте немецкое и русское военные стихотворения; 7) выявить характер восприятия военной темы представителями русского и немецкого экспрессионизма.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методология статьи сложилась на базе сравнительно-исторического метода, обоснованного в работах Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, М. П. Алексева, Ю. Д. Левина, Е. Г. Эткинды, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, Н. С. Павловой, А. И. Жеребина и др., методологии изучения немецкого и русского экспрессионизма, разработанной в трудах Н. В. Пестовой, Н. Л. Лейдермана, В. Беленчикова, Н. С. Сироткина, П. Топера, В. Н. Терехиной, М. Ю. Корневой, Т. Анца, С. Виетты, Р. Г. Богнера, Н. Леонхардт, Х. Г. Шнайдера и др. Методика контактных и типологических сравнений дополняется в работе обращением к элементам интертекстуального анализа, анализа дискурсов, к инструментарию переводоведения.

Материалом исследования являются поэтические произведения, созданные представителями немецкого и русского экспрессионизма в 1910—1920-е гг. В исследовании впервые принята попытка комплексного анализа темы войны в лирических текстах немецкого и русского экспрессионизма.

Гипотеза: Тема войны является общей для лирики немецкого и русского экспрессионизма, и несмотря на некоторые различия в реализации их объединяет амбивалентный характер решения этой темы. Воплощение этой темы содержит в себе противоречие — неприятие войны сочетается с отстраненным ее изображением. В основе военной тематики лежат две категории — диссоциация субъекта и обновление человечества. Война рассматривается как способ самоуничтожения человечества, но при этом неизбежно ведет его к будущему всеобщему братству.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Мотивы борьбы и войны, как средства прорыва к новой реальности даже в мирное время были характерны для лирики немецких поэтов-экспрессионистов (1910—1920). «Жажда действия», как выразился Г. Гейм, служила главной темой и отражала основную идею раннего экспрессионизма: «В изобилии покоя нам становится смертельно страшно. Мы знаем, что такое «неизбежно», а не только «можно» или «приказано» и тоскуем, стенаем по войне» (HEUMEL 1913: 83). Нет ничего удивительного в том, что коллективный дискомфорт существования в рамках цивилизации выразился в яростных призывах взяться за оружие (ПЕСТОВА 2004: 143).

В сентябре 1914 г. добровольцами ушли на фронт такие представители экспрессионизма как О. Кокошка, Р. Леонхардт, А. Лихтенштейн, Ф. Марк, Э. Толлер, В. Лотц. Многим казалось, что война подведет итог несправедному миру, а ее результатом станет создание нового общества, в котором творческая личность преодолет кризис индивидуалистической культуры, почувствует себя органической частью народного единства и обретет силы для создания нового искусства, в котором жизненная энергия победит декадентство прошлых лет. В. Херцог так охарактеризовал причины столь восторженного ожидания войны в рядах интеллигенции: «Война нужна была им как новое

переживание, они жаждали освобождения и очищения, с восторгом говорили о благословенной войне» (ANZ 2002: 139).

Поэтическая молодежь, в том числе значительная часть экспрессионистов, идеализировала войну как долгожданный взрыв жизненной энергии. Ярким примером тому является стихотворение А. Лихтенштейна *Летняя прохлада* («Sommerfrische») (1913), написанное накануне войны.

Sommerfrische

Der Himmel ist wie eine blaue Qualle.
Und rings sind Felder, grüne Wiesenhügel —
Friedliche Welt, du große Mausefalle,
entkam ich endlich dir... O hätt ich Flügel —
Man würfelt. Säuft. Man schwatzt von Zukunftsstaaten.
Ein jeder übt behaglich seine Schnauze.
Die Erde ist ein fetter Sonntagsbraten,
hübsch eingetunkt in süße Sonnensauce.
Wär doch ein Wind... zerriß mit Eisenklauen
die sanfte Welt. Das würde mich ergötzen.
Wär doch ein Sturm... der müßt den schönen blauen
ewigen Himmel tausendfach zerfetzen (VIETTA 1999: 123).¹

Стихотворение приветствует войну, оно написано в радостном ожидании социальной катастрофы. Мирная идиллия на лоне природы претит лирическому герою, а сытая бюргерская жизнь подобна мышеловке.

Стихотворение строится на контрастах: негативным смыслом наделены традиционно позитивные образы: солнце, голубое небо, мирная жизнь, воскресное жаркое, уют. Сытая, «жирная»

¹ Небо, как голубой родник. / А вокруг поля, зеленые холмистые луга — / Мирная жизнь, ты большая мышеловка, / Я бы наконец-то от тебя сбежал... О если бы у меня были крылья — / Люди играют в кости, пьянствуют, болтают о будущих государствах. / Каждый с наслаждением набивает свое брюхо. / Земля — это жирное воскресное жаркое, / Аппетитно опущенное в сладкий солнечный соус. / Если бы ветер разорвал железными когтями / Нежный мир. Это было бы для меня высоким наслаждением. / Если бы только штурм, он бы на тысячи клочков порвал прекрасное голубое вечное небо (здесь и далее перевод наш — В. Н.)

жизнь ненавистна лирическому герою, он стремится к разрушению этого пасторального пейзажа, где каждый стремится «набить брюхо» и насладиться «пустой болтовней о будущем». Поэтому в противовес мирной жизни в стихотворении возникают образы ветра, полета и шторма. Дионисийские силы, несущие хаос и разрушение, воспринимались экспрессионизмом в положительном ключе. «Искусственный», мертвый мир аполлонической красоты — это отживающий мир отцовской культуры; лирический герой ждет его падения, мечтает обрести «крылья» и покинуть его навсегда. Эта идея явственно прослеживается и в другом стихотворении Лихтенштейна *Прощание* (1914).

Однако иллюзии быстро пошли на спад. Война поразила экспрессионистов разрушительной силой нового оружия, массовыми смертями, картинами жестоких сражений, страшной гибелью товарищей.

Многие признали ошибкой прежнюю эйфорию. В 1918 г. Клабунд, талантливый поэт экспрессионистского направления и историк культуры, выпустил сборник стихов под названием *Ирена* (греч. 'мир'), примкнув к тем немногим авторам, которые изначально были против войны (К. Краус, Й. Р. Бехер, В. Хазенклевер, Л. Франк, Ф. Верфель, Р. Хух), в том числе к сотрудникам журналов «Штурм» и «Die weißen Blätter».

Следует отметить, что поэты, которые критиковали военные действия, очень по-разному аргументировали собственную позицию. Одни были приверженцами демократии и поэтому не поддерживали агрессивную политику кайзера Вильгельма. Другим претила безумная эйфория, вызванная войной, отказ от критической мысли. Третьи опирались на собственный опыт шокирующих военных переживаний, осознавая, что солдаты стали «пушечным мясом» для власти имущих. К 1916 г. практически все экспрессионисты перешли на позиции пацифизма (BOGNER 2009: 69).

Многие экспрессионисты поддерживали утопическую идею всеобщего человеческого братства, мысль о союзе всех европейских народов. Подобные мнения были высказаны в журнале «Цайт-Эхо» Л. Рубинера (1917). Особый номер журнала «Акцион» Ф. Пфемферта был посвящен авторам из России, Англии, Италии, Польши, Бельгии, и Чехословакии.

Военная лирика немецкого экспрессионизма запечатлела непосредственные военные переживания, тяготы походной жизни, страдания раненых, отвращение к бессмысленному кровопролитию, горькое прозрение относительно захватнического характера войны и своей роли в ней. В связи с этим возникает и получает отражение в лирике симпатия к противнику, начинают звучать призывы к миру и всеобщему братству (ПЕСТОВА 2009: 215).

Spartakus (J. R. Becher, 1916)

Ich breche auf. Ich komme! Ah: Trompeten.

Die Gräber öffnen sich. Ich löse Blut.

Verkündigung: — Erfüllung. Ewiger Frieden.

Der Mensch wird gut! (VIETTA 1999: 83).²

Однако цензура значительно ограничивала эти антивоенные выступления. Многим экспрессионистским журналам было трудно выжить в новых условиях. Поэтому журнал «Штурм» не комментировал войну, а лишь помещал некрологи о погибших сотрудиниках, таких как Э. В. Лоц, А. Макке, А. Штрамм, Ф. Марк, В. Рунге, К. Штрипе.

Журнал «Wiecker Vote», по своему характеру близкий к журналу «Акцион», был закрыт в июле 1914 г. В том же году Э. Мюзам перестал издавать журнал «Каин». По его словам, события «не позволяют ему больше писать, читатели, которые на протяжении сорока месяцев понимали его стремления, примут и оценят эту позицию» (ANZ 2002: 140). В журнале «Акцион» Пфемферт разработал стратегию скрытой критики войны, которая легко перехитрила цензуру. Он издавал стихи убитых товарищей и тексты в память о них. В рубрике «Я вырезаю время» Пфемферт регулярно размещал, без каких-либо комментариев, целый ряд газетных цитат, которые говорили сами за себя. В эти годы он печатал лишь тех авторов, которые признали ошибочными прежние собственные милитаристские выступления (ПЕСТОВА 2004: 68).

К числу наиболее известных военных стихотворений немецкого экспрессионизма относятся *Война* Г. Гейма, *Гродек* Г. Тракля, *Битва* Й. Р. Бехера, *Битва на Марне*, *Лазарет* В. Клемма, *Битва*

² Я отправляюсь в путь. Я иду! А: трубы. / Могилы открываются. Я пускаю кровь. / Оповещение: исполнение. Вечный мир. / Человек будет добрым!

при Саарбурге, Прорыв, Прощание А. Лихтенштейна, *Танец мертвых* Х. Балля и др.

Для этой лирики характерно тотальное «остранение»: лирический герой, непосредственный участник военных действий, находится будто бы вне времени и пространства; разрушения, изуродованные тела, собственная смерть — все изображается с внешней позиции, с большой дистанции (*ibid.*: 69-70). Примером тому может служить стихотворение Клемма *На фронте* (1916).

An der Front

Das Land ist öde. Die Felder sind wie verweint.

Auf böser Straße fährt ein grauer Wagen.

Von einem Haus ist das Dach herabgerutscht.

Tote Pferde verfaulen in Lachen.

Die braunen Striche dahinten sind Schützengräben.

Am Horizont gemächlich brennt ein Hof.

Schüsse platzen, verhallen – pop, pop, pauuu.

Reiter verschwinden langsam in kahlem Gehölz.

Schrapnellwolken blühen auf und vergehen. Ein Hohlweg

Nimmt uns auf. Dort hält Infanterie, nass und lehmig.

Der Tod ist so gleichgültig wie der Regen, der anhebt.

Wen kümmert das Gestern, das Heute oder das Morgen?

(VIETNA 1999: 127)³

Стихотворение представляет собой зарисовку фронтовых будней. Лирический герой неподвижен, он наблюдает со стороны за перемещениями объектов: «fährt ein grauer Wagen», «das Dach ist herabgerutscht», «gemächlich brennt ein Hof».

Образ «Tote Pferde verfaulen in Lachen» иллюстрирует смерть лошадей — символа жизненных сил и воинского бес-

³ *На фронте*. Земля опустошена. Поля как будто заплаканы. / По плохой дороге едет серая телега. / С одного дома сползла крыша. / Мертвые лошади гниют в лужах. / Коричневые полосы там, вдали — это окопы. / На горизонте не спеша горит крестьянский двор. / Выстрелы разрываются, замирают — Бах. Бах, бааах / Всадники медленно исчезают в редком лесу. / Облака шрапнели распускаются и затухают. / Овраг примет нас. Там остановилась пехота, мокрая и измазанная глиной. / Смерть так равнодушна, как дождь, который крепчает. / Кого заботит вчера, сегодня, или завтра?

страшия (Тресиддер: URL). Выражение «Am Horizont gemächlich brennt ein Hof» содержит персонификацию, на что указывает прилагательное «gemächlich» (не спеша), в котором есть скрытая сема «человек». Например, ein gemächliches Leben führen ‘вести спокойный образ жизни’.

Следующее четверостишие рисует военный пейзаж: окопы, горящий двор, с громом разрывающиеся снаряды, конница, исчезающая в перелеске, взрывы шрапнели, тут же появляется мертвая пехота в сыром глиняном овраге.

В последнем четверостишии превалирует образ смерти. Смерть — действующий равнодушный субъект. «Дождь», с которым она сравнивается, — символ печали и скорби (ibid.). Строка «Wen kümmert das Gestern, das Heute oder das Morgen?» иллюстрирует максимальную дистанцию лирического героя по отношению к происходящему. Никого не волнует прошлое, настоящее и будущее. В том числе и лирического героя не волнует его собственная судьба. Самым могущественным действующим лицом является смерть, которая с помощью войны вершит судьбы людей. Война победила человека, она сама наводит орудия, командует пехотой. Война управляет смертью, «равнодушной» смертью, что особенно важно в данном контексте.

Смерть является непосредственным спутником военных действий. Для немецких экспрессионистов смерть — «тьень жизни», она сопровождает любое ее проявление, как органичный фон. Еще недавно смерть на войне виделась геройской, рыцарской, желанной, достойной самой жизни, однако смерть на реальной войне, напротив, утратила свой глубинный, бытийный характер (ПЕСТОВА 2009: 230).

Leichen im Priesterwald (E. Toller, 1916)

Bin ich ein Tier, ein Metzgerhund?

Geschändete...

Gemordete... (ВИЕТТА 1999: 81).⁴

Все вышесказанное позволяет заключить, что в немецком экспрессионизме война представляла собой безысходный конец,

⁴Я – зверь, собака мясника? / Обесчещенные... / Истребленные...

один из видов конца мира. Механическая машина войны уродует тела и души людей, перемалывает их в собственных жерновах. Как и все достижения современной цивилизации, война, оснащенная современной техникой, завораживает мощью и одновременно вызывает тотальный ужас у представителей немецкого экспрессионизма (ПЕСТОВА 2004: 69).

Der Krieg (G. Heym, 1911)

Aufgestanden ist er, welcher lange schlief,

Aufgestanden unten aus Gewölben tief.

In der Dämmerung steht er, groß und unerkannt,

Und den Mond zerdrückt er in der schwarzen Hand

(VIETTA 1999: 88).⁵

Часто военные стихотворения немецкого экспрессионизма не подразумевают активных действий со стороны лирического героя несмотря на немногочисленные призывы к братанию, прозрению, которые носили скорее теоретический характер. Максимально отдаляясь от окружающего мира и самого себя, он созерцает ужасные события, видит собственную смерть, принимает ее, лишь плача и стеля о судьбах человечества. Ужас военных действий делает лирического героя чужим по отношению к собственному израненному или даже убитому телу, окружающему миру, страдающим в нем людям. Лирическое «Я» не способно гармонично мыслить, действовать и целостно воспринимать что-либо.

Этот факт еще раз подтверждает хаотичность экспрессионистского мира, отсутствие чего-либо постоянного в нем, что способствует полной диссоциации субъекта. Дионисийское начало в военной лирике представлено через демонические образы войны и военных действий, которые разрушают все на своем пути и уже не подвластны человеку.

Категория «обновление человечества» в военной лирике выразилась следующим образом. Милитаристские призывы к войне как «гигиене мира» были движимы желанием покончить с миром отцов и верой в нового человека, для жизни и создания

⁵ Встал тот, кто долго спал / Встал снизу сквозь своды высоко. / В сумерках стоит он, большой и неузнанный, / И луну разминает в черной руке.

которого нужно пожертвовать старым миром и старыми людьми. Кроме того, война как «коллективное приключение» (ПЕСТОВА 2004: 69) способствовала обновлению. Когда экспрессионизм перешел в пацифистскую фазу, лирика его авторов вновь приобрела мессианский характер, обращаясь к «человеку-брату», «доброму человеку».

Представители русского экспрессионизма, группа молодых поэтов, обозначившая себя как «экспрессионисты» (1919) не могли питать подобных иллюзий, так как их литературное движение зародилось после Первой Мировой войны и в разгар войны гражданской. Юноши, с ранних лет познавшие смерть, голод и разруху были далеки от утопических представлений о войне как об истинном проявлении жизненной энергии. Война представлялась им абсолютным злом. Примером подобного восприятия может служить стихотворение представителя экспрессионистского объединения «Московский Парнас» Бориса Лапина (1924).

О поле, поле...

Солдат, учись свой труп носить,
Учись дышать в петле
Учись свой кофе кипятить
На узком фитиле.
Учись не помнить черных глаз,
Учись не ждать небес –
Тогда ты встретишь смертный час,
Как свой Бирнамский лес.
Гляди! На пастбище войны
Ползут стада коров,
Телеги жирные полны
Раздетых мертвецов.
Должно быть, будет по весне
Богатый урожай,
И не напрасно в вышине
Собачий слышен лай.
О, вы, цепные мертвецы,
Мне внятна ваша речь
Восстанут эти мертвецы,
А нас покосит меч!
В воде лежит разбухший труп,

И тень ползет с лица,
Под солнце тяжкое, как круп
Гнедого жеребца,
И полевые мужики,
Ворочая брозды,
Втирают в прах, как васильки,
Кровавых дел следы (ТЕРЕХИНА 2005: 228).

Заглавие стихотворения — цитата из поэмы А. С. Пушкина *Руслан и Людмила*. В этом стихотворении почти идиллические картины сельской жизни подвергаются очуждению. После слов «Телеги жирные полны» неожиданно возникает строка «раздетых мертвецов», полностью сбивающая автоматическое восприятие высказывания. «Стада коров» ползут не по мирной земле, а «на пастбище войны», «полевые мужики... втирают в прах, как васильки кровавых дел следы». Картины сельской жизни создают контраст векового мирного труда и войны, которую автор стихотворения как будто бы включает в естественный ход крестьянской жизни, заставляя читателя острее почувствовать ее противоестественность.

В начале стихотворения содержится призыв покориться судьбе, «встретить смертный час, как свой Бирнамский лес». Этот образ взят из трагедии У. Шекспира *Макбет*, где, согласно пророчеству, Макбет не будет побежден, пока Бирнамский лес не пойдет на Дунсинанский замок. Однако вражеские солдаты рубят ветки и несут их перед собой. Макбету кажется, что пророчество исполнилась, он покоряется, терпит поражение и гибнет. Здесь Лапин особенно близок к романтической традиции, в основе которой лежит мистическое представление о мире. «Солдату» — всем тем невольным участникам мировой бойни, к которым обращено стихотворение, — предстоит покориться злой судьбе и умереть, их судьба от них не зависит. Война предстает как некая данность, включенная в ритм обыденной жизни, в порядок мироздания. Человеку не дано этот ритм и порядок изменить, ему остается лишь смириться и встретить «смертный час, как свой Бирнамский лес».

На контрасте мирной природы и войны строится и стихотворение Бориса Земенкова *Прыгают снаряды...* (1923), сопоставимое со стихотворением немецкого поэта-экспрессиониста Ос-

кара Канеля *Поле боя* (1916).

Schlachtfeld

Schwefelig mit
roten Blutspritzern
schwindet die Sonne.
Nur dann und wann
bummst irgendwo
ein Mörserschuß.
Lichtläufer suchen
am Himmel feindliches Flug-
zeug.
Dunkle Meldereiter galoppie-
ren
mit neuen Mordbefehlen.
Manchmal grinst in der Ferne
ein Feuerschein.
Die Schlacht ist müde.
Samariterhunde
wie menschenfreundliche
Nyänen traben über den Plan.
Rotekreuzwagen. Ärzte.
Träger und Trägerinnen.
Verwundete vergessen
ihren Völkerhaß,
und Leichen lagern
brüderlich. Schmerzschreie
schwer Getroffener.
Röchelnde Rufe Sterbender.
Pferdekadaver. Weggeworfenes
und zerschossenes Kriegsgerät.
Modergestank.
Letzte Zeilen kritzelt ein Griffel.
Am Freundesherzen horcht
ein Kamerad.
Ein Atem stockt. —
Tränen und Siegjubel.
Beten und Fluchen.
Und alles schluckt
die große Nacht.
Ein weißer Totenschädel

Прыгают снаряды,
как лягушки в трясины,
Как баядерки пляшут знамена.
К деревне разбросанной,
как Месина,
Разорванные цепи ползут
как листья клена.
Все ближе потная кровью
межа.
Дым — пух из
прокушенной наволочки.
Огонь желтыми
зубами пробежал
На белых лапах бабочки.
Девушкой краснеет деревня
Под дыма черным беретом.
Окоп — головня.
Аэроплана следователь.
Гранат картофель
всеялся в борозды.
Занавески дыма спалены.
Кровью пропотевшим возду-
хом
Коридоры ноздрей запаяны.
Прыгают в котловин тигли
Горсти взводов,
Плавившихся
шашлыком на проволоке.
Артиллерия по церквам —
игра в кегли
Кровавые рубцы носилок
санитары проволокли.
Ветер стонет, как
сброшенный в Балтику мич-
ман.
Кто-то прикуривает
махорку о горящий овин
И у каждого мертвого,

scheint der Mond.	как знак отличья
In Menschenaugen	Застывшие
hacken Krähenschnäbel	глаза шариками мандаринов
(VIETTA 1999: 128). ⁶	(ТЕРЕХИНА 2005: 85).

В обоих стихотворениях развернута картина боя, построенная на одинаковых словесных мотивах: «Mörerschuß» — «снаряды», «feindliches Flugzeug» — «Аэроплана следователь», «Rote-kreuzwagen. Ärzte. / Träger und Trägerinnen» — «Кровавые рубцы носилок санитары проволокли».

Отличительной чертой русского стихотворения является противопоставление военной и мирной жизни. Снаряды уподобляются «лягушкам», разорванные цепи — «кленовым листьям», дым — перьям от разорванной подушки, деревня — «застенчивой девушке», «гранаты» — «картофелю». Хаотичная картина боя строится на контрастах мирной и военной жизни.

Основным изобразительным средством является персонификация («девушкой краснеет деревня», «прыгают котловин тигли», «ветер стонет») и опредмечивание («горсти взводов, плавившихся шашлыком на проволоке»).

В немецком стихотворении действие происходит на закате, который являет собой жуткое зрелище. Заходящее солнце, цвета серы с кровавыми пятнами, предвещает начало страшного действия, в котором атрибуты войны существуют сами по себе,

⁶ *Поле боя.* Садится Солнце, цвета серы / с красными брызгами крови / Только тогда, когда / Где-то гремит выстрел миномета. / Радары ищут в небе / Вражеский самолет. / Темные посыльные скачут / С новыми смертными приговорами. / Иногда вдали ухмыляется / Зарево пожара. / Бой утомлен. / Санитары-собаки / Как дружелюбные гиены / Бегают рысью по карте местности. / Машина красного креста. Врачи. / Носильщики и носильщицы. / Раненые забывают ненависть к противнику, / И трупы лежат по-братски. / Крики боли тяжело раненых. / Хриплый зов умирающих. / Трупы лошадей. Выброшенное / И разбитое орудие войны. / Запах гнили. / Грифель царапает последние строчки. / Товарищ прислушался к сердцу друга. / Вздох застревает. — / Слезы и победное ликование. / Молитвы и проклятия. / И все проглатывает / большая ночь. / Светит луна — белый череп. / В человеческих глазах / Долбят вороны клювы.

как будто бы независимо от человека. «Выстрел миномета гремит», радары заняты поисками, «зарезо пожара ухмыляется». Санитары, носильщики и врачи подобны гиенам, питающимся падалью. Оксюморон «дружелюбные гиены» строится на сочетании слов с противоположным значением: гиена в христианской традиции — символ дьявола, кормящегося проклятыми людьми, она не может быть «дружелюбной». В конце к ним прибавляется ворон, что подтверждает омерзительный характер войны. Тут же появляется машина красного креста, врачи, носильщицы и носильщики. Все они участвуют в едином представлении.

Следующие два образа очень схожи между собой: «Röchelnde Rufe Sterbender. Pferdekadaver. / Weggeworfenes und zerschossenes Kriegsgerät. / Modergestank» — «Горсти взводов, / Плавившихся шашлыком на проволоке». В немецком стихотворении солдат на войне представлен как орудие, которое выбросили и разбили. В русском — солдаты уподобляются шашлычному мясу. Они — пища для неведомого чудовища, пища смерти. И в немецком, и в русском стихотворении человеческая личность обесценена. Она — «инструмент», «пища» войны и не более того.

Немецкое стихотворение заканчивается торжеством ночи, т. е. смерти. Луна подобна черепу, а вороны, нечистые птицы с точки зрения Библии, олицетворяют переход между миром живых и миром мертвых. Русское стихотворение также заканчивается образом смерти — мертвых человеческих глаз, которые сравниваются с «шариками мандаринов». Эта метафора строится на сходстве мандаринов и медалей («как знак отличья»), вводя перспективу остраляющего детского взгляда. Несколькими строками ранее предложение: «Артиллерия по церквам — игра в кегли» вновь указывает на то, что лирический герой пытается представить происходящее в виде игры, максимально дистанцируясь от описываемых событий.

В том и другом стихотворениях опредмеченность людей, и персонификации вещей подчеркивают противоестественность происходящего. Дистанцированность от него лирического героя способствует созданию образа войны как безличной машины убийства, которую уже невозможно остановить, она сама правит миром.

4. Заключение

Для немецких и русских экспрессионистов война представляет собой не только самоуничтожение человечества, но и движение к будущему всеобщему братству. Воплощение этой темы содержит в себе противоречие — неприятие войны сочетается с отстраненным ее изображением. За отстраненностью, дистанцированностью лирического героя немецкого экспрессионизма скрывается страх, отчаяние и в то же время сознание своей избранности, исключенности из гибнущего мира. Поэтика русских экспрессионистов менее радикальна, менее инновационна и, обнаруживая, с одной стороны, более тесную связь с символизмом, отличается от сопоставимых немецких текстов большей прямой и наивностью эмоционального самовыражения личности.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Пестова Н. В. Немецкий литературный экспрессионизм. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2004. [Pestova, Nataliya V. (2004) *Nemetskiy literaturnyy expressionism* (German Literary Expressionism). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)].
- Пестова Н. В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2009. [Pestova, Nataliya V. (2009) *Sluchaynyy gost' iz gotiki: russkiy, avstriyskiy i nemetskiy ekspressionizm* (Random Guest from the Gothic: Russian, Austrian and German Expressionism). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)].
- Терехина В. Н. Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика. М.: ИМЛИ, 2005. [Terekhina, Vera N. (2005) *Russkiy ekspressionizm. Teoriya. Praktika. Kritika* (Russian Expressionism. Theory. Practice. Criticism). Moscow: Institute of World Literature. (In Russian)].
- Тресиддер Д. Словарь значений символов. URL: slovo.yaxy.ru/67.html. [Tresidder, Jack. *Slovar' znacheniy simvolov* (Dictionary of Symbols). Retrieved from: slovo.yaxy.ru/67.html. (In Russian)].
- Anz, Thomas. (2002) *Literatur des Expressionismus*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Bogner, Ralf G. (2009) *Einführung in die Literatur des Expressionismus*. Hemsbach: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Heymel, Alfred W. (1913) *An meinen Traumgeist*. Berlin: Insel Verlag.
- Rilke, Rainer M. (1992) *Sämtliche Werke*. Berlin: Insel Verlag.
- Vietta, Silvio. (1999) *Ästhetik der Moderne*. München: Wilhelm Fink Verlag.

Vera S. Naumova
Library Center “Yekaterinburg”

**Transformation of the Military Theme
in the Lyrics of German and Russian Expressionism**

The article is devoted to the theme of the transformation of war in the lyrics of German and Russian expressionism. The methodology of the article was developed on the basis of the comparative historical method. The methodology of contact and typological comparisons is complemented in the work by turning to elements of intertextual analysis, discourse analysis, and the tools of translation studies. The research material is poetic works created by representatives of German and Russian expressionism in the 1910—1920s. Even at the beginning of the First World War, German poets quickly moved from calls for war to its sharp rejection. Detachment and disintegration of one’s own “Me” are the leading visual means of expressionist lyrics in this period. The analysis of the poems comes from the perspective of two categories: “dissociation of the subject” and “renewal of humanity.” Representatives of the younger generation of Russian expressionists could not harbor illusions about the war, since their literary movement arose after the First World War and at the height of the civil war. They understand war as a terrible, inevitable reality that can only be accepted. A comparison of two war poems — Russian and German — allows us to conclude that in both poems the objectification of people and the personification of things emphasize the unnaturalness of what is happening. The distance of the lyrical hero from military events contributes to the creation of an image of war as an impersonal killing machine that can no longer be stopped; it itself rules the world. For German and Russian expressionists, war represents not only the self-destruction of humanity, but also a movement towards a future universal brotherhood. The embodiment of this theme contains a contradiction — rejection of war is combined with a detached image of it. Behind the detachment and distance of the lyrical hero of German expressionism lies fear, despair and at the same time the consciousness of his chosenness, exclusion from a dying world. The poetics of Russian expressionists is less radical, less innovative and, on the one hand, revealing a closer connection with symbolism, differs from comparable German texts in its greater directness and naivety of emotional self-expression of the individual.

Keywords: war lyrics; German expressionism; Russian expressionism; dissociation of the subject; renewal of humanity; expressionist lyrics

Для цитирования:

Наумова В. С. Трансформация военной темы в лирике немецкого и русского экспрессионизма // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 431—447.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-431-447.

To cite this Article:

Naumova, Vera S. (2024) Transformatsiya voyennoy temy v lirike nemetskogo i russkogo ekspressionizma (Transformation of the Military Theme in the Lyrics of German and Russian Expressionism). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 431—447. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-431-447.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; принята к публикации 22.05.2024

The article was submitted 12.05.2024; accepted for publication 22.05.2024

В. Г. Сибирцева

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

МЕССИАДА И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛОПШТОКА В РОССИИ: НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ

В представленной статье анализируется зависимость рецепции произведений Ф. Г. Клопштока от времени появления их переводов на русский язык. Имя Клопштока, выдающегося немецкого поэта-сентименталиста XVIII в., было известно современникам и ближайшим потомкам, при этом его эпопея *Мессиада* и лирика переводились довольно скудно. В ходе анализа выясняется, что Клопшток попадает в ситуацию несвоевременной встречи с читателем, обусловленной различными факторами, в частности, цензурой и популярностью других жанров. Однако спустя почти полвека после того, как в 20-х гг. XIX в. интерес русского читателя к Клопштоку угасает, издается новый стихотворный перевод его религиозной эпопеи, автором которого является С. И. Писарев, дядя известного критика Д. И. Писарева. В статье систематизируется и уточняется информация об авторе перевода, а также выявляются причины отсутствия рецензий на перевод. На основе сопоставления переводов В. А. Жуковского и С. И. Писарева и представленных фактов о невнимательном чтении труда Писарева даже в ученых кругах делается вывод о своеобразии ситуации, в которой оказалось творчество Клопштока в России. Немецкий поэт становится автором, имя которого включено в число обязательных для образовательных учреждений, он безоговорочно признается великим. При этом в мемуарах и воспоминаниях известных личностей XIX в. фиксируются записи, в которых авторы с сожалением пишут о трудности текстов Клопштока и скуке, охватывающей учеников и студентов при чтении его произведений. Клопшток в России становится поэтом, обретшим, по выражению И. Н. Розанова, «книжное бессмертие», когда причисление автора к великим соседствует с незнанием его произведений.

Ключевые слова: Клопшток; сентиментализм; *Мессиада*; Сергей Писарев; *Потерянный рай*

1. Введение

Литературная судьба художественного произведения во многом зависит от того, насколько своевременно произошла его

встреча с читателем. Для произведений иной культуры, которые в различные эпохи оказали влияние на русскую литературу, эта своевременность может определяться разрывом в публикации оригинала и первого перевода на русский язык. И нередко случается так, что популярность писателя или поэта находится в прямой зависимости от момента «знакомства» автора и читателя, принадлежащей к другой культуре. Соответственно, литературная репутация такого автора формируется с учетом исторической и литературной эпохи, когда автор попадает в круг интереса потенциальных читателей.

Немецкий поэт XVIII в. Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) был ярким представителем сентиментализма; кроме того, он известен тем, что написал религиозную эпопею и патриотическую драматическую трилогию о германцах. Слава его имени в конце XVIII в. не могла обойти Россию. Клопшток фигурирует в рукописях Державина (КОНОНЕНКО 1972), в статьях и художественной прозе Карамзина (КАРАМЗИН 1792; КАРАМЗИН 1985), он переводится Алексеем Кутузовым (КЛОПШТОК 1785), создается впечатление, что его имя буквально на слуху, однако произведения немецкого поэта не становятся общеизвестными. Отчасти это связано с поздним появлением переводов Клопштока на русский язык: образованный читатель знает *Мессиаду* и оды в оригинале на немецком языке, а массовой публике нужны тексты на русском, поэтому у всех переводов Клопштока был долгий и непростой путь в России.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Рецепции Клопштока в России посвящены обзорные статьи современных исследователей, в которых анализируются существующие переводы немецкого поэта на русский язык, ситуации их публикации и критические отзывы о содержании переводов. В подавляющем большинстве случаев литературоведы обращаются к периоду наибольшей популярности Клопштока в России, приходившемуся на 1780—1820 гг. (БОТНИКОВА 1976; МИХАЙЛОВ 2000; ДАНИЛЕВСКИЙ & КОРЕНЕВА 2022).

Статья ставит своей целью выявить связь между временем издания оригинальных произведений Клопштока и появлением их переводов на русский язык. Отдельное место уделяется

единственному полному стихотворному переводу *Мессиады* Сергея Писарева 1868 г., который обычно оказывается за пределами внимания исследователей. Мы сочли необходимым подробно описать ситуацию, в которой оказался труд Писарева и устранить неточности, тиражируемые в современных исследовательских статьях, посвященных рецепции творчества Клопштока в России, поскольку в эпоху стремительного распространения информации любая недостоверность становится правдоподобной, обрастает новыми подробностями и цитируется без ссылки на первоисточник.

Для определения актуальности появления перевода можно взять первые публикации перевода *Потерянного Рая* Дж. Мильтона на русский язык. Именно это произведение вдохновило самого Клопштока на создание религиозной поэмы. О многочисленных переводах *Потерянного рая* подробно пишет А. А. Аникст в предисловии к изданию сочинений Мильтона (АНИКСТ 1982). Поскольку английский язык был мало распространен в России XVIII в., Мильтона сначала переводили с французского перевода Николая-Франсуа Дюпре де Сен-Мора, выполненного в 1729 г. Перевод А. Г. Строганова *Погубленный рай*, получивший распространение в рукописном варианте, был создан в 1745 г. Первый опубликованный перевод появился в 1780 г. и принадлежит архиепископу Амвросию (Серебрянникову). В 1777 г. три первых главы перевел В. Петров (непосредственно с английского языка). Таким образом, даже ко времени публикации перевода архиепископа Амвросия (Серебрянникова) русская публика уже достаточно хорошо знала поэму Мильтона и можно сказать, что путь поэмы к читателю составил от 15 до 50 лет — в разных переводах. Ситуация с вхождением произведений Клопштока в русскую культурную среду складывалась иначе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Немецкая эпопея Клопштока не нуждалась в посредничестве французских переводов и была воспринята в России на волне популярности религиозной поэмы Мильтона. Кроме того, *Мессиада* публиковалась частями (с 1749 по 1774 г.), воодушевляющий прием издания первых трех песен подогревал интерес к продолжению эпопеи. Однако первый перевод эпопеи (она бы-

ла окончена Клопштоком в 1774 г., пик популярности первых песен *Мессиады* в немецкоязычной среде приходится на 1760-е гг.) полностью был издан лишь в 1820 г. Публикацию на русском языке первых десяти песен эпопеи (переводчик А. М. Кутузов) в 1787 г. постигла неудача: тираж был изъят из книжных лавок, что мотивировалось ужесточением правил печати светских книг, в которых присутствовало религиозное содержание. За предписанием Священного синода, обязывавшего продавать такие книги только после церковной цензуры, скрывались гонения Екатерины II на Н. И. Новикова и его просветительскую деятельность. *Мессиада* хорошо вписывалась в востребованные переводы религиозно-дидактической литературы, популярной в последней четверти XVIII в. (Э. Юнг, Б. Паскаль, И. Я. Эберт и др.). Немного позднее, во время Отечественной войны 1812 года, картины битв в Мессиаде могли служить метафорической отсылкой к победам русского воинства; именно этой цели служили переводы А. Урываева, напечатанные в «Друге юношества» (УРЫВАЕВ 1812). К 1820 г., когда печать прозаического перевода Кутузова, законченного, вероятно, Карамзиным (ПИСЬМА 1866) была дозволена цензурой, религиозная эпопея Клопштока окончательно выпала из исторического контекста и издание перевода стало лишь фактом истории литературы.

Сентиментальные оды Клопштока также были известны в узком кругу. Об этом свидетельствует ошибка в первом переводе *Страданий молодого Вертера* И. В. фон Гете, напечатанном на родине немецкого писателя в 1774 г. Впервые *Вертер* издан в России в 1781 г. без указания автора перевода — Ф. А. Галченкова, ошибка повторилась и во втором издании 1792 г. Гете упоминает Клопштока в сцене перед раскрытым окном: его имя произносит Лотта. В момент душевной близости Лотта и Вертер без слов понимают друг друга, и оба вспоминают оду Клопштока *Весеннее празднество*. О том, что русский переводчик *Вертера*, не знакомый с творчеством Клопштока, неверно передал содержание данного фрагмента, заменив имя немецкого поэта на карточную игру «Короли», позднее написал В. А. Жуковский. Ошибка, допущенная Галченковым в первом переводе *Вертера* Гете, была исправлена лишь в последующих переводах, выполненных другими авторами.

Клопшток становится парадоксальным автором: его имя известно, но произведения не попадают в круг активного чтения русской публики. Так, Клопшток косвенно присутствует в сентиментальных повестях русских авторов, хотя это присутствие не всегда замечается современниками. В 1789 г. Карамзин пишет повесть *Евгений и Юлия*, главная героиня которой на домашнем вечере исполняет песню «Явись к нам, серебряный месяц». Песня, «к которой музыку сочинил кавалер Глук, ей отменно полюбилась. Никогда не могла она без сердечного размягчения петь последней строфы, в которой Глук так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта», — Клопштока (КАРАМЗИН 1789). Поэма С. С. Боброва *Херсонида* (1804 г.) написана под влиянием *Мессиады*, на что указывает историк литературы В. Л. Коровин (БОБРОВ 2008). Можно заметить, что произведения самого Клопштока, если считать от времени, когда он находился в зените славы как создатель первых песен *Мессиады* и сентиментальных гимнов (ок. 1750/1770 гг.), добирались до русского читателя не менее 35 лет, что для рубежа XVIII—XIX вв. уже было недопустимо долго.

Популярными в России оказываются современники Клопштока, произведения которых переводятся быстрее и не утрачивают актуальности и свежести восприятия.

Так, переводы прозаических произведений французских и немецких авторов значительно опережают сентиментальные оды Клопштока в переложении на русский язык. В монографии о переводном наследии Карамзина, написанной специалистом по русско-немецким и русско-французским литературным связям О. Б. Кафановой, мы читаем, что Карамзин первым начал активно знакомить русскую публику с нравоучительно-сентиментальными произведениями французских авторов; он пересказывал в журнале «Детское чтение для сердца и разума» сочинения С. Ф. Жанлис. Кроме того, в конце XVIII в. в «Московском журнале» публиковались вольные переводы из Х. Ф. Вейсе и Мармонтеля, также выполненные Карамзиным (КАФАНОВА 2020).

Еще более читаемой, чем чувствительные повести, долгое время оставалась литература, воспитывающая нравы. В 1770—1780 гг. в России, как пишет Р. Ю. Данилевский в статье о гер-

мано-русских связях XVIII в., интенсивно переводился Виланд, который являлся «наиболее крупной литературной фигурой Германии». Виланд «прошел в своем творчестве все этапы немецкого Просвещения — от швейцарско-немецкого пиетизма и нравоучительной поэзии 1740-х до усвоения преромантических тенденций 1780-х» (ДАНИЛЕВСКИЙ 2008: 53).

Неудивительно, что перевод оды Клопштока *Бог в буре* мы находим лишь в приложении к дидактической поэме П. И. Уца *Новая наука наслаждаться жизнью*. Издатель, переводчик и публицист П. В. Победоносцев в предваряющем поэму Уца подзаголовке демонстрирует читателям расстановку приоритетов: «С присовокуплением лучших сочинений барона де-Кронекка, Галлера, Крамера, Клопштока, Виланда и Клейста, славнейших немецких писателей» (Уц 1799). Соотношение нравоучительной поэмы Уца и единичных присовокупленных — сентиментальных — сочинений других поэтов, в числе которых оказывается Клопшток, говорит о том, что чувствительные оды в стихах не получили широкого распространения в России на рубеже веков.

Между тем, гекзаметр, созданный Клопштоком для немецкого языка, вызывал интерес и у русских писателей. О возможностях немецкого гекзаметра в сопоставлении с русским стихосложением (*Телемахиду* «читая стопами слов по Клопштокову наставлению») много размышлял А. Н. Радищев; это отразилось, в частности, на комментариях к *Телемахиде* В. К. Тредиаковского, в очерке *Памятник дактилохореическому витязю* (РАДИЩЕВ 1941). В юности, в конце 1740-х гг., Радищев вместе с А. М. Кутузовым был отправлен на обучение в Лейпциг и имел возможность познакомиться с буквально только что опубликованными первыми тремя песнями *Мессиады*, которая произвела на него большое впечатление. Но воплотиться на бумаге размышления о стихосложении смогли только в 1801 г., а опубликован трактат был спустя десять лет в *Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева* (ч. IV). «Апология» (главы 5 и 6 трактата Радищева), как пишет составитель примечаний к трактату, литературовед и критик Л. В. Пумпянский,

сыграла большую роль в известных спорах о гексаметре (а заодно и о «русском складе»), которые составляют такой важный

эпизод в истории русской поэзии 1810 — 1820 гг. (Востоков, В. Капнист, Гнедич, Уваров и др.). А так как в этих спорах родился новый русский гексаметр XIX в., то «Апология» является связующим звеном между гексаметром Тредиаковского и гексаметром Гнедича — Жуковского (РАДИЩЕВ 1941).

Таким образом, наблюдения над гексаметром Клопштока, высказанные Радищевым, органично вошли в дискуссию о русском гексаметре, однако «за давностью лет» не вызывали живого интереса к *Мессиаде*. Фрагмент второй песни из *Мессиады*, переведенный и опубликованный В. А. Жуковским, окажется одним из самых удачных переложений религиозной эпопеи Клопштока на русский язык, но это будет *Аббадона* Жуковского в большей степени, нежели отрывок из *Мессиады* Клопштока.

Следует констатировать, что творчество Клопштока попало в ситуацию постоянного запаздывания к читателю в России. Если в немецкоязычном пространстве он был ярким представителем поэтического сентиментализма и вдохновлял своими одами молодого Гете, Шиллера и штюрмеров, то первые русские публикации о Клопштоке появились тогда, когда *Вертер* Гете уже вызвал волну литературных откликов и подражательных моделей поведения молодых людей. Перевод первых десяти песен *Мессиады* Клопштока авторства Кутузова не дошел до читателя в 1787 г. из-за цензурных запретов (напомним, что тираж был изъят из книжных лавок), и только в 1820 г. русская читающая публика получила первый полный перевод, одобренный цензурой.

Кроме того, для русского стихосложения, находившегося в процессе активного становления в конце XVIII в., слог самого известного произведения Клопштока, *Мессиады*, представлял дополнительные масштабные трудности. Стиль Клопштока был запутанным и трудным для восприятия даже в оригинале, и новаторские приемы в эпопее и одах (отсутствие рифмы, словное ударение, обилие авторских неологизмов) не нашли приверженцев среди русских переводчиков.

Неудивительно, что к 20-м гг. XIX в. активный интерес к Клопштоку в России угасает. Читают немецких романтиков, а Клопшток становится уважаемым «отцом романтизма» (ПУРИШЕВ 1931), великим эпиком и зачинателем патриотической ли-

тературы — для энциклопедий и хрестоматий по литературе.

Как выдающийся немецкий поэт и эпик уровня Гомера и Мильтона, Клопшток входит в число авторов, рекомендованных к изучению в учебных заведениях Российской империи, но при этом не делается никаких попыток облегчить восприятие его новаторского синтаксиса и экспериментальной лексики. Непонимание и скука — самая частая реакция на необходимость изучать или читать Клопштока. В отличие от хрестоматий и словарей, в мемуарах и письмах в XIX в. о немецком поэте отзывались без почтительных реверансов:

Клопшток туг, 17 песней сбиты с рук, но еще 3 крепятся: и немцы смели хвалить! Дай мне добраться до них, je leur ferai voir du pays* (я им наделаю хлопот (франц.)). Но как мы глупы, повторяя их бредни! (КАТЕНИН 1981: 309-310).

Этот отзыв на чтение *Мессиады* поэта и драматурга П. И. Катенина мы находим только в личной переписке и вновь между строк читается необходимость прочесть великого автора, заслуги которого непонятны, а стиль не укладывается в привычные рамки стихотворства.

Еще более откровенны слова авторов мемуаров, которые были вынуждены познакомиться с Клопштоком в университете. В воспоминаниях П. И. Мельникова-Печерского сохранились сведения о том, как преподавалась зарубежная литература:

Таким образом, на университетских скамьях, мы хорошо ознакомились с древнею литературою и с литературою Востока, но не изучили истории новой европейской словесности, что, конечно, составляло важный пробел в нашем образовании... Пастор Фюррен, как и подобает, впрочем, духовному лицу, целый год читал нам о Клопштоке и его Мессиаде; и я, право, не знаю, на что эти лекции были более похожи: на лекции немецкой литературы или на лекции протестантскаго богословия (УСОВ 1897: 61).

Казалось бы, Клопшток обречен остаться на страницах учебников по истории литературы и в хрестоматиях по немецкому языку (откуда он тоже постепенно вымывается, все реже встречаясь в более поздних переизданиях). В дальнейшем, вплоть до 20-х гг. XX в., рецепция творчества Клопштока в России определялась, в первую очередь, сложившейся литератур-

ной репутацией немецкого поэта: великий отец романтизма, представление о произведениях которого оказывается весьма расплывчатым. В середине XIX в. Клопшток оказался в состоянии, описанным историком литературы В. Н. Розановым как «бессмертие книжное, школьное». В его очерке *Литературные репутации* можно прочесть буквально следующее:

Такое бессмертие может поддерживаться искусственно и без такой поддержки иногда прекращается. Например, мы знаем ряд имен, с которыми знакомимся в школе в обязательных программах, и никогда сами к этим авторам добровольно не возвращаемся (РОЗАНОВ 1990: 82).

С позиции современного исследователя мы можем отметить, что в истории российской рецепции Клопштока фиксируются все шаги восприятия творчества писателя на пути к книжному бессмертию, выделенные Розановым: от восторга перед выразителем новых идей до «забронзовения» имени и последующего перехода в «незаслуженно забытые» авторы.

Но в 1868 г. на фоне повторяющихся замечаний о сложности текста Клопштока, о скуке при чтении его религиозной эпопеи и очевидной нелюбви обучающихся к немецкому автору, появляется новый перевод *Мессиады*, выполненный С. И. Писаревым. При попытке найти информацию об авторе перевода и о самом поэтическом переложении *Мессиады* выясняется, что сведения эти отрывочны и нередко неточны. Между тем, нам представляется, что именно в подобных неточностях таится большая опасность для филологического исследования, поскольку в эпоху стремительного распространения информации любая недостоверность становится правдоподобной, обрастает новыми подробностями и цитируется без ссылки на первоисточник. Попробуем систематизировать факты, известные о полном стихотворном переводе *Мессиады* Клопштока.

Согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890—1907 гг.), Сергей Иванович Писарев родился в 1819 г. и происходил из дворянского рода, в его дальних предках значится литовский выходец Семен Писарь, «пожалованный поместьем в Коломенском уезде (1441)» (ЭСБЕ). В роду Писаревых было несколько литераторов. Брат отца Сергея Ивановича —

Ивана Александровича — Александр Александрович Писарев (1780—1848) был попечителем Московского университета, писал сатиры, военно-патриотические оды, а также сочинения, посвященные вопросам искусства, в 1829—1830 гг. был председателем Общества Любителей Российской Словесности. Старший брат самого С. И. Писарева, Александр Иванович Писарев (1803—1828), был талантливым сочинителем водевилей и сатириком. В русской литературе более всех известен племянник С. И. Писарева, Дмитрий Иванович, литературный критик, переводчик и публицист.

Разветвленность рода Писаревых и общая для некоторых литературная деятельность породила комическую неточность, которая тиражируется в современных изданиях: Писарев, переводчик *Мессиады* Клопштока на русский язык, в некоторых источниках называется Степаном Ивановичем (родство с названными выше Писаревыми не подтверждено, годы жизни 1707—1775), который в XVIII в. был переводчиком книг духовного содержания.

Перевод *Мессиады* также может ошибочно приписываться Дмитрию Писареву. Известен факт, породивший указанную неточность: Д. И. Писарев также переводил эпопею Клопштока. В примечаниях к собранию сочинений Д. И. Писарева указывается, что «перевод этой поэмы Клопштока был начат Писаревым вместе с его дядей С. И. Писаревым в мае 1860 г. (ПИСАРЕВ 1956: 564) и дается ссылка на письмо матери Дмитрия Ивановича к Н. А. Некрасову. В письме, в частности, сообщается:

В апреле 1861 года сын мой пожелал поместить куда-нибудь перевод XI песни «Мессияды» сделанный им летом 1860 года. Он отнес свою рукопись в редакцию «Странника», и передал ее г. В. Головину заведовавшему тогда редакцией этого журнала; рукопись эта однако не появилась в печати (ВЕНГЕРОВ 1892: 353).

Таким образом, появляется первая точка отсчета, связанная с поэтическим переложением религиозной поэмы Клопштока на русский язык: С. И. Писарев начал работу над переводом *Мессиады* в 1860 г. Представить в красках работу над переводом нам помогает художественный текст писателя и эссеиста С. А. Лурье *Литератор Писарев* (1979 г.). Сергей Иванович упо-

минается два раза: первый раз во время приезда студента Мити Писарева в фамильное имение Грунец: «Лето шло заведенным порядком. Иван Иванович Писарев гарцевал по полям, брат его Сергей Иванович возился с “Мессиадой” Клопштока, которую затеял перевести» (ЛУРЬЕ 2014: 30). В другой раз описываются события, происходившие пару лет спустя:

Этим летом он [Дмитрий] много читал стихов — и сам сочинял: впервые в жизни взялся за стихотворные переводы. Начал с того, что вызвался помочь Сергею Ивановичу, который все еще бился над «Мессиадой». Митя в какой-нибудь месяц перевел целую песнь — три тысячи стихов, и получилось, по общему мнению домашних, недурно (ЛУРЬЕ 2014: 97).

По всей видимости, в этом отрывке речь идет именно об XI песне, которую Д. И. Писарев хотел опубликовать в «Страннике». Хронологически даты в письме матери Д. И. Писарева и в художественном повествовании Лурье не совпадают, но нам важно именно упоминание Дмитрия Ивановича и Сергея Ивановича в одном контексте, поскольку становится ясна причина приписывания Д. И. Писареву перевода *Мессиады*.

Многолетний переводческий труд С. И. Писарева был напечатан в 1868 г. В традиционном для того времени посвящении августейшему монарху (император Александр II 4 апреля 1866 г. чудом избежал смерти во время покушения Дмитрия Каракозова) автор переложения так мотивирует свою публикацию:

Тогда только дерзнул я подумать, что многолетний труд мой, при всем несовершенстве, может быть посильным выражением и моих искренних чувств; тем более, что содержание великой поэмы, есть высокое мировое событие, лежащее в основе православной веры, как сама вера, есть основание глубокой любви русского народа к его Монарху (КЛОПШТОК 1868).

Труд Писарева был благосклонно принят ученой общественностью. В 1868 г. в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук состоялось обсуждение посланного в дар экземпляра перевода. Однако сами формулировки обсуждения, зафиксированные в протоколе заседания, и практически полное отсутствие критических откликов на новый перевод свидетельствуют о том, что Клопшток продолжал оста-

ваться автором, которого почитают, но не читают. Так, в протоколе заседания Отделения мы читаем следующее:

Отделение Русского языка и словесности, отношением от 23 марта сего года за № 23 сообщает, что С. И. Писарев принес в дар для библиотеки Академии экземпляр изданного им перевода Мессиады Клопштока (ЗАПИСКИ 1868: 302).

Академик И. И. Срезневский представил собравшимся перевод Писарева:

Как ни мало подходит эта поэма под уровень литературных требований нашего времени, нельзя не порадоваться, по замечанию И. И. Срезневского, что русский перевод ее окончен и издан: он, без сомнения, будет встречен с признательностью теми читателями, которые захотят ознакомиться с произведением поэта, еще мало у нас известного (ibid.: 168).

За выраженным в очень мягкой форме замечанием по поводу несоблюдения литературных требований перевода скрывается отсутствие интереса к Клопштоку и незнание оригинала. Несоблюдение размера подлинника (Писарев переводит эпопею четырехстопным амфибрахием) обращает на себя внимание при прочтении самых первых строк эпопеи, а ведь переводы гекзаметром *Илиады* и *Одиссеи* были уже опубликованы и популярны. Вольности и отступления, которые позволил себе переводчик при переложении оригинала, не упоминаются, по всей видимости, именно потому, что эпопея Клопштока и полный прозаический перевод, напечатанный в 1820 г., не входит в круг активного чтения: поэт относится к авторам, «еще мало у нас известным» (ibid.: 168).

Если сопоставить оригинал второй песни *Мессиады*, перевод Жуковского, в котором опущены некоторые детали, и перевод Писарева, то можно заметить, что Писарев позволил себе значительно расширить описание Аббадоны, предающегося воспоминаниям о днях, когда он еще не был изгнан из числа ангелов Света.

Так, в оригинале мы читаем:

Unten am Throne saß einsiedlerisch, finster und traurig
Seraph Abdiel Abbadona. Er dachte die Zukunft
Und den Vergang voll Seelenangst. Vor seinem Gesichte,

Das in traurendes Dunkel, in schreckliches, Schwermuth hüllte,
Sah er Qualen gehäuft auf Qualen zur Ewigkeit eingehn.
Jetzo erblickt' er die vorige Zeit; da war er voll Unschuld,
Jenes erhabneren Abdiel's Freund, so den Tag der Empörung
Eine strahlende That vor Gottes Auge vollführte.
Denn er verließ die Empörer allein und unüberwindlich,
Kam zu Gott (KLOPSTOCK 1879).

Жуковский сокращает оригинал на одну строку:

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдиила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред богом:
К трону владыки один Абдиил, не прельщен, возвратился (ЖУ-
КОВСКИЙ 1959).

Девять строк оригинала Клопштока превращаются у Писарева в 22 строки, хотя, по сути, к содержанию не добавляется ничего нового:

Внизу, подле трона, задумчив, угрюм,
Поникнув печально челом, одиноко
Сидел Серафим Абдиил-Аббадонна.
Он думал о будущем грозном своем,
В душе содрогаясь невольно от страха.
Пред ним проносилось, как будто в тумане,
Минувшее все, пережитое им.
На мрачном и грустном челе Серафима
Тоски безнадежной лежала печать;
Пред взором его, истомленным печалью,
Носились, как тени, за муками муки, —
Сливались с вечностью эти виденья.
Припомнил теперь он блаженное время.
Когда еще чист был, невинен душою
И другом великаго был Абдиила,
И как, в день возстанья, великое дело
Свершил пред лицом он Создателя мира,
Мятежников бросив, решился остаться
Один; непреклонно опять возвратился

Под кров милосердный Всесильного Бога
И с тем Серафимом, великим душою,
Казалось, избегнул врага Иеговы (КЛОПШТОК 1868: 57-58).

Повествование у Писарева не теряет плавности и гладкости, чтобы заметить добавление к оригиналу, надо хорошо знать его содержание, но об отклонениях от оригинального текста в устной рецензии И. И. Срезневского ничего не говорится. Кроме того, в тексте нередко встречаются опечатки, он недостаточно вычитан.

Косвенным подтверждением невысокого качества перевода может служить также отклик на другой труд С. И. Писарева. В 1871 г., вероятно, также на собственные средства Писарев печатает перевод *Потерянного рая* Мильтона, который был значительно более известен в России, нежели *Мессиада* Клопштока. Как мы помним, до Писарева *Потерянный рай* переводили уже не менее шести раз.

В 1859 г. появился первый стихотворный перевод поэмы Мильтона авторства Е. Жадовской, о котором очень неслестно отозвался Н. А. Добролюбов. Он порицает компилятивность этой работы, написанной по мотивам существующих прозаических переложений, и с горечью замечает: «считаем справедливым заметить, что ее “Потерянный рай” — есть явление весьма невзрачное в русской литературе» (ДОБРОЛЮБОВ 1987). Возможно, Писарев хотел представить более удачный (и полный!) перевод, но отзывы критиков не отличались благосклонностью: *Потерянный рай* в России в отличие от *Мессиады* знали хорошо. Так, в рубрике «Литературные известия» журнала «Филологические записки» за 1871 г. сообщается об издании классической поэмы Мильтона *Потерянный рай* в новом стихотворном переводе С. Писарева. Анонимный автор сообщения попутно отмечает, что перевод вышел весьма своевременно, поскольку из последних полных переводов в распоряжении читателей имелся только перевод А. Зиновьева, который «отличается прозаической, крайне сухой и нередко тяжелой передачей высокопоэтического творения» (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 1871: 16). Однако буквально через пару строк указываются недостатки перевода:

Каково же было наше удивление, когда мы встретили в книге Писарева крайне небрежную, топорную передачу Мильтона, гораздо менее дающую понятие о нем, чем даже проза г. Зиновьева. Неряшливость издания превосходит всякое вероятие: достаточно сказать, что в первых 10 стр. поэмы мы насчитали 123 самые грубые опечатки, делающие чтение этой полуграмотной книги совершенно невозможным (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ 1871: 16).

Современные исследователи не относят *Потерянный рай* в переводе Писарева к основным, нередко вообще не упоминают о факте его существования (АНИКСТ 1982; ТРЕТЬЯКОВА 2012; БОРТНИКОВ 2019). Вероятно, более внимательное чтение перевода *Мессиады* также могло вызвать вопросы к автору переложения и критику выбранной С. И. Писаревым стратегии перевода.

След Сергея Ивановича Писарева теряется в истории, неизвестна даже дата его смерти. Его перевод *Мессиады* в последующие годы также оказывается вне поля зрения критиков и становится фактом истории литературы.

4. Заключение

В статье предпринята попытка систематизации разрозненных фактов, связанных с полным стихотворным переводом религиозной эпопеи Клопштока в России. Усердный труд С. И. Писарева, в одиночку переведшего все двадцать песен поэмы, не изменил отношения к *Мессиаде* Клопштока, сложившегося к середине XIX в. Однако он заслуживает непротиворечивого упоминания и уточнения сведений о самом переводе и его авторе.

Парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг имени Клопштока в России, состоит в том, что в формировании литературной репутации немецкого поэта и его произведений значительную роль сыграли негативные факторы: несвоевременная встреча с читателем, запоздалая публикация первых фрагментарных переводов и некомпетентное введение произведений Клопштока в учебные программы образовательных учреждений. Единодушное признание немецкого поэта великим автором XVIII в. и связанное с его именем «школьное бессмертие» скрывают отсутствие живого читательского и исследовательского внимания к творчеству Клопштока. Лишь изменения в литературоведении XX в., позволившие филологическим исследованиям выйти на качественно иной уровень, вновь послужат к

пробуждению более пристального интереса российских ученых к творчеству Клопштока.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Аникст А. А.* Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай» // Мильтон Джон. Потерянный Рай / пер. с англ. А. Штейнберга. М.: Художественная литература, 1982. [Anikst, Aleksandr A. (1982) Dzhon Mil'ton i ego poema "Poteryannyu Ray" (John Milton and His Poem "Paradise Lost"). In: *Mil'ton Dzhon. Poteryannyu Ray* (Milton John. Paradise Lost). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Бобров С. С.* Рассвет полночи. Херсонида: в 2 тт. Т. 2. / подг. В. Л. Коровина. М.: Литературные памятники, 2008. С. 218. [Bobrov, Sergey. (2008) *Rassvet polnochi. Khersonida* (Dawn of Midnight. Chersonida). In 2 vols. Moscow: Literaturnyye pamiatniki. (In Russian)].
- Бортников В. И., Волегова Т. И.* Советский перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» и иллюстрации к ней Гюстава Доре: эволюция контекстных интерпретаций // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 1: проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 4 (192). С. 95—105. [Bortnikov, Vladimir I. & Volegova, Tatyana I. (2019) Sovetskiy perevod poemy Dzh. Mil'tona "Poteryannyu ray" i illiustratsii k ney Gyustava Dore: evolyutsiya kontekstnykh interpretatsiy (Soviet Translation of J. Milton's Poem "Paradise Lost" and Illustrations to it by Gustave Doré: the Evolution of Contextual Interpretations). *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta* (News of the Ural Federal University), vol. 25, no. 4 (192), 95—105. (In Russian)].
- Ботникова А. Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Вып. 3 / ред. М. И. Воропанова. Красноярск: Красноярский гос. педагогический ин-т, 1976. С. 16—32. [Botnikova, Alla B. (1976) Vospriyatiye tvorchestva Klopstocka v russkoy literature yego vremeni (Perception of Klopstock's Work in Russian Literature of His Time). In: Voropanova, Marianna I. (ed.) *Tipologiya i vzaimosvyazi v russkoy i zarubezhnoy literature* (Typology and Interrelationships in Russian and Foreign Literature), vol. 3. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute, 16—32. (In Russian)].
- Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. М.: Семеновская типо-лит. И. Ефрона, 1892. [Vengerov, Sergey A. (1892). *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i*

- uchenykh (Critical-Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists). Moscow: Semenovskaya tipo-litografiya I. Efrona. (In Russian)].
- Данилевский П. Ю. Германо-русские литературные связи // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь / ред. Т. В. Вольская. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 50—55. [Danilevskiy, Rostislav Yu. (2008) Germano-russkiye literaturnyye svyazi (German-Russian Literary Connections). In: Volskaya, Tatyana V. (ed.) *Russko-evropeyskiye literaturnyye svyazi. Entsiklopedicheskiy slovar'* (Russian-European Literary Connections. Encyclopedic Dictionary). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Данилевский П. Ю., Коренева М. Ю. Немецкая литература в русских переводах // История русской переводной художественной литературы 1800—1825 / ред. В. Е. Багно. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 175—374. [Danilevskiy, Rostislav Yu. & Koreneva, Mariya Yu. (2022) Nemetskaya literatura v russkikh perevodakh (German Literature in Russian Translations). In: Bagno, Vsevolod Ye. (ed.) *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury 1800—1825* (History of Russian Translated Fiction 1800—1825). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Добролюбов Н. А. «Потерянный рай». Поэма Иоанна Мильтона... / пер. Е. Жадовской // Собрание сочинений в 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии 1859. М.: Художественная литература, 1987. [Dobrolyubov, Nikolay A. (1987) “Poteryannuy ray”. Poema Ioanna Mil'tona (“Lost Paradise.” Poem by John Milton). In: *Sobraniye sochineniy v 3 t. T. 2. Stat'i i retsenzii 1859* (Collected Works in 3 vols. Vol. 2. Articles and Reviews 1859). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Жуковский В. А. Аббадона // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. М.: Художественная литература, 1959. С. 231—236. [Zhukovskiy, Vasiliy A. (1959) Abbadona (Abbadon). In: *Sobraniye sochineniy v 4 t. T. 2. Ballady. Poemy i povesti* (Collected works in 4 vols. Vol. 2. Ballads. Poems and Stories). Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)].
- Записки Императорской академии наук. Т. 13. Кн. 1. СПб.: Императорская Академия Наук, 1868. [*Zapiski Imperatorskoy akademii nauk.* (1868) (Notes of the Imperial Academy of Sciences). Vol. 13. Book 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Жизнь Клопштока // Московский журнал. 1792. Т. 6. С. 74—98. [Karamzin, Nikolay M. (1792) Zhizn' Klopshtoka (The

- Life of Klopstock). *Moscow Journal*, vol. 6, 74—98. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Евгений и Юлия // Детское чтение для сердца и разума. Ч. XVIII. 1789. [Karamzin, Nikolay M. (1789) Evgeniy i Yuliya (Evgeniy and Yulia). In: *Children's Reading for Heart and Mind*, 18. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. [Karamzin, Nikolay M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Катенин П. А. Неизвестному. 1 февраля 1831 г. Шаево // Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. С. 309—310. [Katenin, Pavel A. (1981) Neizvestnomu. 1 fevralya 1831 g. Shaevo (To the Unknown. February 1, 1831 Shaevo). In: *Razmyshleniya i razbory* (Reflections and Analysis). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб.: Алетейя, 2020. [Kafanova, Olga B. (2020) *Perevody N. M. Karamzina kak kul'turnyy universum* (Translations of N. M. Karamzin as a Cultural Universe). Saint Petersburg: Aleteya. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Мессия / пер. с нем. А. Кутузова. М.: Типографическая компания, 1785/1787. [Klopshtok, Fridrikh G. (1785/1787) *Messiya* (The Messiah). Moscow: Tipograficheskaya kompaniya. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Мессиада / Сочинения Клопштока / пер. Сергея Писарева. Ч. 1-3. СПб.: Кораблев и Сиряков, 1868. [Klopshtok, Fridrikh G. (1868) *Messiada* (The Messiah). In: *Sochineniya Klopshtoka* (Klopstock's Works). Parts 1-3. Saint Petersburg: Korablyov & Siryakov. (In Russian)].
- Кононко Е. Н. Рукописи Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 83—84. [Kononko, Elena N. (1972) Rukopisi Derzhavina v Tsentral'noy nauchnoy biblioteke USSR (Derzhavin's Manuscripts in the Central Scientific Library of the Ukrainian SSR). *Russkaya literatura* (Russian Literature), 3, 83—84. (In Russian)].
- Лурье С. А. Литератор Писарев: Роман. М.: Время, 2014. [Lurye, Samuil A. (2014) *Literator Pisarev: Roman* (Writer Pisarev: Novel). Moscow: Vremya. (In Russian)].
- Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Aleksandr V. (2000) *Obratnyy perevod. Russkaya i zapadno-yevropeyskaya kul'tura: problemy vzaimosvyazey* (Reverse Translation. Russian and Western European Culture: Problems of Interrelationships). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].

- Писарев Д. И. Статьи 1864—1865. М.: Художественная литература, 1956. [Pisarev, Dmitriy I. (1956) *Statyi 1864—1865 (Articles 1864—1865)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1866. [*Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitriyevu* (Letters from N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev). (1866). Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5 / ред. А. В. Луначарский. М.: Коммунистическая академия, 1931. Стб. 312—318. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshtok (Klopstock). In: Lunacharskiy, Anatoliy V. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). Moscow: Kommunisticheskaya akademiya, col. 312—318. (In Russian)].
- Радищев А. Н. Памятник дактилохореическому витязю // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 199—221. [Radishchev, Aleksandr N. (1941) Pamyatnik daktilokhoreicheskomu vityazyu (Monument to the Dactylochoreic Knight). In: Radishchev, Aleksandr N. *Sobraniye sochineniy* (Collected Papers). Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnyye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Sovetskiy pisatel' (The Soviet Writer). (In Russian)].
- Третьякова Е. А. Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost») // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2012. № 149. С. 87—95. [Tret'yakova, Elena A. (2012) *Perevod v diakhronii (na materiale raznovremennykh perevodov poemy Dzh. Mil'tona "Paradise Lost")* (Translation in Diachrony (Based on the Material of Different Translations of J. Milton's Poem "Paradise Lost")). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 149, 87—95. (In Russian)].
- Урываев А. И. Отрывок из Клопштоковой Мессиады шестой песни // Друг юношества. 1812. Май. С. 70—75. [Uryvayev, Adeksandr I. (1812). *Otryvok iz Klopshtokovoi Messiady shestoy pesny* (Excerpt from Klopstock's Messiah of the sixth canto). *Friend of Youth*, 70—75. (In Russian)].
- Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский): его жизнь и литературная деятельность. М.: Изд. М. О. Вольф, 1896. [Usov, Petr S. (1896) *Pavel Ivanovich Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): yego*

zhizn' i literaturnaya deiatel'nost' (Pavel Ivanovich Melnikov (Andrey Pecherskiy): His Life and Literary Activity). Moscow: M. O. Wolf. (In Russian)].

Уц И. П. Новая наука наслаждаться жизнью: Поэма в четырех письмах. М.: В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1799. [Uts, Iogann. (1799) *Novaya nauka naslazhdat'sya zhizniyu: Poema v chetyrekh pis'makh* (The New Science of Enjoying Life: A Poem in Four Letters). Moscow: V Universitetskoy tipografii u Ridigera i Klaudiya. (In Russian)].

Klopstock, Friedrich G. (1879) *Werke*. Bd 1. Der Messias. Berlin: Hempel.

Vera G. Sibirtseva

National Research University Higher School of Economics

***The Messiah and Other Works by Klopstock in Russia:
Difficult Path to the Reader***

The article analyzes how the reception of F. G. Klopstock's works depends on the timing of their translations into Russian. Klopstock was an outstanding German sentimental poet of the 18th century. His name was known to his contemporaries and immediate descendants. However, his epic *The Messiah* and his lyrical texts were rarely translated. During the analysis it turns out that Klopstock finds himself in the situation of an untimely encounter with the reader. This is due to various factors, particularly censorship and the popularity of other genres. In the 1920s, Russian readers' interest in Klopstock waned. After almost 50 years, a new poetic translation of his religious epic appears unexpectedly. The author of this adaptation is Sergey I. Pisarev, the uncle of a famous critic Dmitriy I. Pisarev. The article systematizes and clarifies information about the author of the translation. The reasons for the lack of reviews for this translation are identified. The translations by Vasilij Zhukovskiy and Sergey Pisarev are also compared. It turns out that Pisarev's work was not carefully read even in scientific circles. Based on these facts, a conclusion is made about the uniqueness of the situation in which Klopstock's work found itself in Russia at that time. The German poet becomes an author whose name is included in the compulsory list of educational institutions; he is unconditionally recognized as outstanding. At the same time, there are records in the memoirs and memoirs of famous people of the 19th century, in which the authors write with regret about the difficulty of Klopstock's texts and the boredom that grips students when reading his works. In Russia, Klopstock becomes a poet who, according to Ivan Rozanov, "has achieved book

immortality,” although the inclusion of an author in the ranks of the greats goes hand in hand with ignorance of his works.

Keywords: Klopstock; sentimentalism; *The Messiah*; Sergey Pisarev; *The Lost Paradise*

Для цитирования:

Сибирцева В. Г. Мессиада и другие произведения Клопштока в России: непростой путь к читателю // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 448—468.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-448-468.

To cite this Article:

Sibirtseva, Vera G. (2024) *Messiada i drugiye proizvedeniya Klopshtoka v Rossii: neprostoy put' k chitatelyu (The Messiah and Other Works by Klopstock in Russia: Difficult Path to the Reader)*. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 448—468. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-448-468.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; принята к публикации 29.04.2024

The article was submitted 28.02.2024; accepted for publication 29.04.2024

Т. А. Федяева

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

**ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИСТЕРИАЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. МИТТЕРЕРА
НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ**

Задача исследования — проследить трансформацию жанрообразующих законов средневековой мистерии в творчестве Феликса Миттерера — одного из самых значительных современных австрийских драматургов. В основе драматургии Миттерера лежит трагическое мироощущение, острое осознание того, что мы живем во времена кризиса гуманистических и религиозных ценностей: он размышляет об участи современного человека, исходя из категорий, близких религиозному сознанию, не характерному для современного европейского театра и пытается вопреки общим антирелигиозным трендам его развития подтолкнуть человека к поиску «последних» смыслов. В его драматургии — эксплицитно или имплицитно — заявлена высшая точка зрения, на которую он опирается и к которой он обращает свой рассказ о современном человеке и современной жизни. Ценностный мир творчества Миттерера сформирован библейскими истинами и сюжетами, которые драматург сумел переложить на язык, близкий его современнику. Религиозный дискурс, который является основной составляющей его творчества, обусловил интерес драматурга к средневековой мистериальной драме. Обращение драматурга к этому жанру было вызвано также одной из австрийских театральных традиций — ежегодным проведением мистериальных представлений в небольшом тирольском городке Эрль. История мистериальных фестивалей в Эрле насчитывает более пяти веков. Трансформируя основные законы средневековой религиозной драмы — дидактическую основу, мистические контексты, богословский язык, структуру сюжета — драматург вводит сферу сакрального в сознание современного зрителя, давно отошедшего от метафизического понимания действительности. Мистериальные пьесы Миттерера в ситуации кризиса так называемого метарассказа, т. е. традиционных «объяснительных систем» (Ж.-Ф. Лиготар) — религии, науки, истории, искусства — пытаются актуализировать библейские истины, не предлагая однозначных ответов на вопросы, заданных его пьесами, но ясно очерчивая вектор этих поисков. Усиливая сатирические тенденции своих мистериальных пьес, драматург обнажает мотивировки уродливых форм современного сознания,

переместившихся с периферии жизни в ее центр. Пьесы Миттерера нацелены на изменение сознания человека через катарсическое воздействие посредством театра. Именно с этой целью драматург отсылает мысль зрителя к религиозным проблемам, заставляет вспомнить о них и задуматься над ними.

Ключевые слова: Феликс Миттерер; мистерия; моралите; пассия; дидактика; сакральное

1. Введение

Феликс Миттерер (род. в 1948 г.) — уроженец Северного Тироля. Там он прожил большую часть своей жизни, начал печататься в инсбрукских изданиях в конце 70-х гг. XX в. Уже в первых своих пьесах драматург поднимает целый спектр вопросов, связанных с проблемами веры. Затем религиозный дискурс становится центральным в его творчестве. Многие его драмы посвящены отдельным личностям церковной истории — *Франциск — шут Божий* («Franz von Assisi — Der Narr Gottes», 2008), *Егерштеттер* («Jägerstätter», 2013), *Лютер* («Luther», 2017), историческим религиозным событиям — *Потерянная родина* («Verlorene Heimat», 1987), *Дети черта* («Die Kinder des Teufels», 1989), *Иоанна или изобретение нации* («Johanna oder die Erfindung der Nation», 2002), *Хуттеровицы* («Die Hutterer», 2004), теологическим проблемам — *Каждый* («Ein Jedermann», 1991), *Авраам* («Abraham», 1993), *Крах в доме Господнем* («Krach im Hause Gott», 1994), *Смертные грехи* («Tödliche Sünden», 1999), *Исповедь* («Die Beichte», 2004), *Пассия в Эрле* («Passion Erl», 2013).

В центре нашего внимания — три пьесы Миттерера — моралите *Каждый человек* (1991), современная мистерия *Крах в доме Господнем* (1994) и поджанр мистерияльной драмы *Пассия в Эрле* (2013). Весьма значимым для анализа заявленной темы является вопрос об историческом и литературном контексте создания религиозных драм Миттерера, так как тирольский драматург возрождает в своем творчестве жанр мистерии и моралите в то время, когда христианство в Европе было по существу отвергнуто.

Во многом внимание драматурга к вопросам веры объясняется тем, что Тироль до середины XX в. являлся одним из центров австрийской религиозной философии. Теологическая проблематика разрабатывалась в известном инсбрукском литера-

турно-философском журнале «Бреннер» («Brenner», 1910—1954). С журналом сотрудничали такие значительные австрийские религиозные философы как Теодор Хэкер (1879—1945) и Фердинанд Эбнер (1882—1931). После войны журнал вновь обращается к христианским темам, которые нашли свое отражение прежде всего в сочинениях писателя и педагога Игнаца Цангерле (1905—1987), — *О назначении поэта* («Die Bestimmung des Dichters», 1946) и *Очерк христианской эстетики* («Entwurf einer christlichen Ästhetik», 1946). Цангерле развивал в них идеи о мессианском назначении литературы, о писателе как проводнике библейского слова.

Тирольские авторы дольше своих европейских коллег, вплоть до конца 60-х гг. XX столетия, размышляли о религиозных проблемах в своем творчестве: это прежде всего Анна Мария Ахенрайнер (1909—1972) и Гертруд Фусенеггер (1912—2009). И лишь с последующим послевоенным общеевропейским «вытеснением» христианского дискурса из европейской литературы и развитием процессов секуляризации общества теологическое начало стало исчезать из области их размышлений о мире и человеке, замещаться социологическими аспектами.

«Какое отношение имеет Бог к литературе? И царство Божие к роли литературы?» — задается вопросом Ю. Аман (AMAN 1992: 9), один из авторов сборника *Современная литература как вызов теологии и церкви* («Moderne Literatur, Herausforderung für Theologie und Kirche», 1992), изданного в Тироле в период растущей популярности творчества Миттерера. В эпоху постмодернизма «литература, склонная к изменчивости, сопротивляется всякой попытке сделать ее послушной и подчинить такой классификации, которая не хочет и не может ужиться с противоречиями», — заявляет совершенно в духе времени другой автор сборника И. Хольцнер (HOLZNER 1992: 7). Мнение авторов этого сборника весьма показательны в смысле демонстрации общеевропейских представлений о взаимодействии литературы и религии, которые можно характеризовать как тенденцию растущей критики: поиск смыслов в современной литературе давно не связан с религией, напротив, высший разум и его законы сейчас, в эпоху постмодернизма, в лучшем случае — объект со-

мнений и обвинений, в худшем — замалчивания и забвения.

Возвращение к библейским темам и вопросам в Тироле началось в 80-е гг. в драматургии Миттерера. Его творчество стало открыто религиозной проблематикой вопреки общим трендам развития немецкоязычной литературы.

В предисловии к пьесе *Пассия в Эрле* он сообщает, указывая на истоки своей религиозности:

Тот, кто рожден в католической крестьянской среде, особенно в тирольской, всегда остается католиком, хочет он этого или нет. Народная вера со всеми ее магическими ритуалами и всегда готовыми прийти на выручку помощниками, часто имеющими языческое происхождение (что разумно и благожелательно попускалось церковью), всегда много значила для меня (MITTERER 2016a: 6).

Далее он пишет о неизбежно критическом в период сегодняшнего кризисного состояния католической церкви отношении к ней со стороны творческих кругов. Эта позиция традиционна для австрийских писателей: в 60—70-е гг. в католицизме видели наряду с национал-социализмом «форму проявления репрессивного механизма» (НОВИКОВА 2018: 14). Так, известный австрийский драматург Петер Туррини (род. в 1944 г.) в эссе *Искусство и церковь* («Kunst und Kirche», 1981) пишет, что характерная для писателей реакция на церковь — это «гнев, когда они подвергаются нападкам с ее стороны, в остальном же — равнодушные» (TURRINI 1991: 360). Однако, как и Миттерер, Туррини отделяет отношение к церкви от отношения к вере как таковой:

Литература обходится без церкви, но не без христианства. Христианство для меня — это печаль о поругании человека и страстная борьба за восстановление его достоинства. Такое христианство ушло из церкви... Остался литургический клуб, который занимается поддержанием ритуалов и подсчетом грошей, перерастающих в миллионы (ibid.: 360).

Отношения церкви, «денег и власти» (MITTERER 2018: 506) — в центре пьесы Миттерера *Лютер*, в которой драматург предсказывает неизбежность прихода в XVI в. реформатора типа Лютера, «так как уже в то время католическая церковь пришла в полный упадок и прогнила» (ibid.: 506). Негативный образ католической церкви в разных его проявлениях запечатлен во

многих пьесах драматурга.

Антиклерикальные мотивы творчества Миттерера являются важной составляющей в осмыслении идейно-тематических комплексов мистериальной драматургии, но при этом они не вступают в противоречие с глубоко религиозным подходом в трактовке современности, который позволил зрителям и театральным критикам воспринять его пьесы как «Евангелие на сцене».

2. Характеристика материала и методов исследования

Мистериальные драматические жанры исследованы в отечественном литературоведении явно недостаточно. Их генезису и истории посвящены нескольких глав о средневековом европейском театре в первом томе *Истории западноевропейского театра* (1956) С. С. Мокульского (МОКУЛЬСКИЙ 1956), книга А. В. Карельского *Драма немецкого романтизма* (КАРЕЛЬСКИЙ 1992), в которой затрагиваются вопросы эволюции мистериальной традиции в немецкоязычном романтическом театре, обстоятельная монография А. А. Юрьева *Мистериальная традиция в театре Хенрика Ибсена* (ЮРЬЕВ 2013), а также несколько статей о бытовании мистериальной традиции в современной литературе — *Роль социальной критики в моралите Гуго фон Гофманстала «Имярек»* Ю. Л. Цветкова (ЦВЕТКОВ 2019), *В поисках утраченной мистерии* Е. А. Авраменко, Н. В. Песочинского (АВРАМЕНКО & ПЕСОЧИНСКИЙ 2016), лингвистические аспекты жанра мистерии рассмотрены в статьях Е. С. Самойловой *Языковые средства выражения интертекстуальных связей средневековой немецкой литургической драмы* (САМОЙЛОВА 2014) и *Семантические особенности ремарок в немецкой литургической драме XV—XVI веков* (САМОЙЛОВА 2015). Некоторые проблемы мистериальной драмы в творчестве Миттерера были затронуты в нашей монографии *Драматургия Феликса Миттерера* (ФЕДЯЕВА 2020).

Статья ставит своей целью рассмотрение жанра мистерии в творчестве Миттерера как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте. Вопросы трансформации средневековой религиозной драмы связаны в ней не только с генезисом мистерий, но и введены в литературно-исторический контекст современных австрийских театральных практик.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Мистерияльная традиция в драматургии Северного Тироля

Христианские мистерии были широко распространены в средневековой Европе. Так как служба в церкви традиционно велась на латыни, прихожане плохо понимали литургические тексты, а многие из них не умели читать, то выручали спектакли на религиозную тему. Таким образом, смысл библейских историй доходил до людей через драматургию. В основу мистерий лег принцип «Смотреть и верить». Их тематика была исключительно библейской, инсценировка подчеркнута архаичной, завершался спектакль не аплодисментами зрителей, а воспеванием хвалы Господу. Пели вместе и артисты, и зрители.

Свое происхождение мистерии вели от коротких литургических пьес, которые духовенство сочиняло к праздникам Рождества и Пасхи и которые со временем увеличивались в объеме и сочинялись на национальных языках. Своего высшего развития этот жанр достиг в XV—XVI вв., когда мистерии приобрели форму циклов коротких пьес, которые в Англии ставились на специальных передвижных повозках, а во Франции и Германии — на многочисленных постоянных сценах, устроенных на городских или рыночных площадях. Эти циклы пьес религиозного содержания охватывали практически всю Священную историю человечества, отображая события от сотворения мира и до явления Христа. В них могло входить большое число отдельных пьес, так что иногда представление занимало несколько дней. До нашего времени мистерияльные постановки сохранились только в Тироле, Швейцарии и Германии.

В качестве причин интереса драматурга к мистерияльным жанрам на рубеже XX—XXI вв. можно назвать бахтинский закон «памяти жанра», который, к примеру, вызвал возрождение мистерияльной традиции на рубеже XIX—XX вв. в драмах Ибсена, Метерлинка, Гофманшталя, Стриндберга. Если у этих авторов, по мнению А. А. Юрьева, автора книги *Мистерияльная традиция в театре Хенрика Ибсена*, «поиск контактов с религией часто не выходил за пределы утонченной эстетизированной игры с сюжетами и формами религиозной драмы» (ЮРЬЕВ 2013: 154), то в творчестве Миттерера интерес к мистерияльной пьесе

встроен в историческую многовековую театральную традицию северного Тироля.

Мистерии играют в Тироле с начала XVI в. и до настоящего времени в небольшом городке Эрль. Пьесы на сюжеты Страстей Христовых (Passionspiele) стали ставиться в знак обета, данного тирольцами Господу после победы над чумой. По сведениям театроведа Э. Шенвизе, сохранился текст тирольской *Urpassion* (1400), которая разыгрывалась строго по тексту Библии. Известно, что четыре века назад аугсбургский мейстерзингер Себастьян Вильд поставил здесь свой первый пасхальный спектакль.

Мистерии в Тироле традиционно собирали людей из окрестных деревень и городов на незамысловатые сельские постановки. С середины XX в. они стали привлекать к себе туристов. В 1959 г. архитектор Р. Шуллер построил в тирольском Эрле специальный зал «Пасхоншпильхаус».

Фестивали в Эрле проводятся один раз в шесть лет. В 2013 г. в честь 400-летия постановок мистерий в Эрле состоялись юбилейные представления, ими руководил Миттерер, который для этого фестиваля специально написал пьесу *Пассия в Эрле*.

3.2. Мистериальные пьесы Ф. Миттерера

3.2.1. Моралите «Каждый человек»

Главная проблема, которую решает драматург в рамках религиозного дискурса — поиски нового способа говорения о религиозных вопросах со зрителем, давно живущим в секуляризованном обществе, отошедшим от вопросов веры. В качестве главных тенденций этих поисков можно назвать интерпретацию религиозных понятий в новых жизненных условиях, «нескучную», как определяет драматург, манеру изложения религиозных тем, намеренное заострение проблематики, связанной с вопросами веры и нравственности, а также весьма радикальную трансформацию жанровых законов средневековой религиозной драмы.

Ранняя пьеса Миттерера *Каждый человек* создана по мотивам средневекового английского моралите *Everyman* и одноименной драмы Г. фон Гофманстала *Имярек* (1911). В моралите, написанном Миттерером по заказу комитета Зальцбургского фестиваля, драматург ставил перед собой задачу разрушить «зальцбургскую фестивальную сказочную феерию» (METHLAGL 1995: 107).

Миттерер писал, что хотел придать «старому духовному моралите *Everyman* сегодняшний облик» и «написать морализаторскую пьесу, не действуя на нервы зрителю (MITTERER 2018: 221). В средневековом моралите и в пьесе Гофмансталя герои, следуя основополагающему канону жанра моралите, были аллегориями. Миттерер пошел по пути придания аллегорическим образам человеческих черт, так как, по его мнению, «аллегии больше не трогают наши сердца» (ibid.). В предисловии к пьесе драматург писал: «В старом «Имяреке» аллегориями являются даже люди, у меня наоборот — аллегии стали людьми», «так я смог отважиться изобразить на сцене Бога, Иисуса (он и был человеком), а также Святого Духа» (ibid.). Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух — традиционные персонажи моралите, в пьесе Миттерера одеты по сегодняшней моде, могут появляться в баре, пить кока-колу, ссориться друг с другом, употреблять крепкие выражения.

Имена и фигуры в пьесе Миттерера сохранены как у Гофмансталя, но все герои имеют еще и вторые, современные обозначения, данные в перечислении действующих лиц в скобках. Имярек получил дополнительное имя — генеральный директор, Черт выступил в качестве служащего офиса, спасающего бизнес от банкротства, гофмансталевская фигура Дружбы превратилась у Миттерера в бундесканцлера, с которым Имярек на «ты». В качестве Добрых Деяний выступает президент профсоюзов. Веру как аллегорический персонаж Миттерер исключил из состава действующих лиц, так как, по его признанию, никто больше не верует в Бога. Появился и новый герой — жена Имярека.

Действие пьесы перенесено в наши дни и насыщено бытовыми деталями современности. Главный герой — генеральный директор огромного завода, производящего оружие. Господь посылает ему тяжкие испытания. В течение одного дня в жизни богатого человека случаются все мыслимые несчастья — как в личной жизни, так в бизнесе. Его фирма оказывается на пороге краха. В этот момент в игру вступает дьявол и предлагает ему свою помощь в обмен на гибель души. Главный герой поступает нравственными принципами, чтобы спасти фирму. В результате дела его поправляются, но сам он умирает от инфаркта,

последними его словами было признание, что он не верит в Бога. Завершая пьесу именно таким образом, драматург трансформирует жанр моралите, финал которого традиционно предполагал посмертное прощение грехов богача с учетом его добрых дел и раскаяния.

В пьесе Миттерера исправления богача и раскаяния в грехах не происходит. Невозможность раскаяния для современного человека, европейца — важная тема пьесы. Если раньше отношение «Имярека» к богатству и принципы, согласно которым он распоряжался своими деньгами, рассматривали как нечто индивидуальное, т. е. как индивидуальный грех, а раскаяние было актом личностным, то в пьесе Миттерера взгляды на природу греха изменились. Драматург вводит понятие «структурного греха» (METNLAGL 1995: 107). Оно не исключает признания индивидуальной вины, но связано, как полагает драматург, с невозможностью для нашего современника, богатого человека, живущего во времена глобализации, противостоять действиям различных лобби и политических группировок. Иначе говоря, Миттерер почти полностью снимает с богача чувство вины в собственной греховности, ибо современный человек живет, по его мнению, в силовом поле коллективного греха. Таким образом, Богач в его пьесе оказывается жертвой обстоятельств: он не понимает, в чем каяться.

В заключительном разговоре Бога-Отца и Бога-Сына после смерти богатого человека окончательный приговор не выносится, на уговоры Сына простить грешника Отец отвечает «может быть». Моралите Миттерера, вероятно, впервые за всю историю этого жанра заканчивается открытым финалом. Дидактическая функция моралите практически сводится на нет, «религиозно-моральная концепция пьесы» (МОКУЛЬСКИЙ 1956: 93) значительно ослабевает. Если гофмансталевское моралите отражало центральную для этого жанра ситуацию — «схватку сакрального и демонического принципов» (ЦВЕТКОВ 2019: 88) и победу сакрального, то в пьесе Миттерера надмирный план сведен к минимуму, каноническая дидактика упразднена.

Согласно Миттереру, наши представления о сакральном уже не имеют вневременного характера и обусловлены, в первую

очередь, историческими процессами. Можно констатировать, что гофмансталевская мистика ушла из миттереровского моралите, в его пьесе налицо предельная социализация метафизических контекстов. В этом смысле можно согласиться с мнением профессора Инсбрукского университета В. Метлагля, который утверждал, что Миттерер написал «антигофмансталевскую пьесу» (METHLAGL 1995: 107). Несмотря на то, что тоска по метафизическим смыслам в пьесе все же остается, драматург еще раз подтвердил свое кредо как автора «безжалостно реалистических пьес» (KRALICEK 1995: 102).

Драматург не наложил окончательного проклятия на главного героя, богача, потому что тогда, по его признанию, он «должен был бы проклясть всех людей, включая себя» (MITTERER 2018: 222). В предисловии к пьесе он пишет, еще раз подтверждая антропоцентричный характер главного вектора своих размышлений о смыслах жизни:

Эта пьеса, как и все мои пьесы, о том, как плохо люди обходятся друг с другом, и как было бы хорошо, если бы они любили друг друга (независимо от того, веруют они или нет), а любовь привела бы нас к цели, которая так же проста, как и тяжела — к человечности (MITTERER 1993: 277-278).

Метлагль считает, что святотатство, в котором обвиняли драматурга по написании пьесы, «служит художественным целям» (METHLAGL 1995: 106), так как ее основная тенденция — разрушение «окаменелых форм религиозности» (ibid.: 108) через сатирическое или ироническое изображение форм антирелигиозного сознания: «Грубый тон во вводных пассажах миттереровского «Имярека» служит — через сатиру или иронию — демонтажу религиозных представлений, которые, согласно воззрениям Миттерера, не действуют в сегодняшнем мире» (ibid.). Другими словами, в миттереровском моралите, по мнению исследователя, мы имеем дело с сатирой, доведенной до эпатажных форм. Эту безусловно верную мысль Метлагля необходимо все же дополнить еще одной идеей, которую драматург заложил в замысел пьесы. Миттереровская мистерия свидетельствует, в первую очередь, о глубоком кризисе веры в Европе. Дело даже не в наличии в пьесе антицерковной сатиры, обычного мотива

для мистериальных жанров, речь идет именно о потере веры и ощущении трагизма этой утраты.

3.2.2. Мистерия «Крах в доме Господнем»

Одной из тенденций мистериального жанра, жанра площадного, ярмарочного, покинувшего в Средние века стены церкви, было стремление «очеловечить христианскую легенду, придать ей психологическую достоверность и бытовое правдоподобие», изобразить жизнь Иисуса так, чтобы она «вызывала ассоциации с жизнью обыкновенного человека» (МОКУЛЬСКИЙ 1956: 69).

Миттереровская «современная мистерия» *Крах в доме Господнем* актуализирует именно этот жанровый посыл, весьма радикально трансформируя обязательную для этого жанра теологическую основу мистериального действия. В автобиографии драматург вспоминает, что в этой пьесе он использовал «шанс нескучным образом столкнуть людей с теологическими проблемами и последствиями монотеистической религии от ее истоков вплоть до сегодняшних дней» (МИТТЕРЕР 2018: 252). Пьеса Миттерера отсылает нас к главной мысли Ветхозаветных мистерий — идее суда над человечеством и идее искупления. Следуя канонам жанра мистерии, ее действующими лицами являются главные фигуры Священной истории: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух, а также Сатана. На пороге второго тысячелетия они спорят о том, нужно ли уничтожить человечество за грехи или дать ему еще один шанс. Адвокатом человека выступает Бог-Сын, прокурором — Сатана.

Стараясь донести до зрителя в адекватной и доступной для восприятия форме свои размышления о сложных духовных проблемах, драматург придает главному конфликту пьесы черты обычной семейной ссоры, присваивает лицам Святой Троицы мирские привычки, таким образом и в этой пьесе подчиняя их изображение принципу антропоцентризма. Радикальной переоценке подвергаются и догматические религиозные представления: например, во избежание Страшного Суда Миттерер предлагает ввести в божественную Троицу четвертый персонаж — женщину, Богоматерь, чтобы разрушить господство мужского начала, которое, как полагает драматург, явилось причиной но-

вой апокалиптической ситуации.

Разбираясь с проблемой монотеизма и его последствиями вплоть до современности, Миттерер пишет в предисловии к пьесе:

Наконец я занялся тем, что меня всегда беспокоило и чего мне никогда не хватало в христианской религии, а именно женского начала. Где женщина? Почему есть только Бог-Отец? Разве рядом с отцом не должно быть матери? (MITTERER 2001: 127).

Главным источником богословских построений в этой пьесе были для Миттерера книги теолога, социолога, педагога Кристины Мулак (род. в 1943 г.) *Мария — тайная богиня в христианстве* (1985), *Женская сущность Христа* (1983), *Иисус — миропомазанник женщины* (1987). Таким образом, драматург вводит в пьесу «новый теологический мотив» (MITSCHE-EBEL 1995: 111), используя в качестве теологической основы пьесы феминистскую теологию, освобождая Библию, вслед за Мулак, от патриархальных трактовок, несколько парадоксальным образом опираясь при этом на типологию пола К. Юнга и Каббалу. Миттереру, как и Мулак, важны тезисы Юнга о коллективном бессознательном, в частности, его учение об анимусе и аниме, или мужской стороне женской души и женской стороне мужской души. Так, по Юнгу, на мужчину в его отношениях с женщинами влияет не только опыт общения с матерью (который тоже отчасти обуславливается врожденной анимой), но анима как «вечный образ женщины», вечной женственности, входящей в состав коллективного бессознательного. Согласно идеям Юнга, анимус связан, прежде всего, с функцией мышления, а анима — с функцией чувства.

В пьесе Бог-Отец признает, что Богоматерь старше его и именно она — начало всех начал; он говорит о лежащей глубоко в сердце людей памяти, которую он не может убить. Это, безусловно, прямое указание на учение Юнга. Бог-Сын в подтверждение этой мысли признается в своей вечной тоске по матери, «которую узнал слишком поздно» (MITTERER 2001: 157), только после того, как воплотился в человека.

Вопрос о судьбе человечества остался в пьесе нерешенным. Бог-Отец дал людям отсрочку. Можно констатировать, что и в этой пьесе несвойственное мистерии радикальное переосмыс-

ление христианского учения соседствует с неклассической для мистерии формой открытого финала, который ослабляет дидактическую основу этого жанра. Как и в моралите *Каждый человек*, в этой пьесе драматург привносит в размышления о вере и религии чрезмерно много человеческого, плотского, физиологического. Он считает, что это единственный на сегодня способ привлечь внимание европейского зрителя к религиозным вопросам.

3.2.3. *Пассия «Пассия в Эрле»*

Почти через двадцать лет после написания пьесы *Крах в доме Господнем* Миттерер вновь вернулся к мистеральному жанру. Его пьеса *Пассия в Эрле* наследует традиции полулитургической драмы, из которой вырос жанр мистерии. В России пассия как театральная форма неизвестна. У нас под этим словом подразумевают особые великопостные службы с чтением Евангелий о Страстях Христовых. Первые мистерии, посвященные Страстям Господним, появились в Европе в XIV в. Мистерии страстей обычно делились на четыре части. Первая часть — изгнание Адама и Евы из рая, рождение Иисуса, вторая — земная жизнь Христа и предательство Иуды, третья — Страсти Господни, в которой развивались два мотива — страдания Христа и предательство Иуды. Четвертая часть посвящалась воскресению Иисуса.

В Эрле на протяжении всех веков существования *Passionsspiele* мистеральные представления были сюжетно сокращены и повествовали только о страстях Господних и его крестной смерти. События в миттереровской *Пассии в Эрле* в полном соответствии с традицией начинались со входа Господня в Иерусалим и заканчивались Страстной пятницей. Более того, при создании пьесы драматург должен был соблюдать сценические предписания, которые предъявлялись к постановкам в Эрле со стороны церкви, он согласовывал текст драмы с епископством. Изображение Страстей Христовых должно было строго следовать Евангелиям, быть их диалогизированным переложением. Авторская трактовка библейского текста, таким образом, ограничивалась его каноническим пониманием, но, как пишет Миттерер в предисловии к пьесе, постановка пассий в Эрле всегда отличалась довольно смелой интерпретацией евангельских со-

бытий и автору всегда «поручалось создание новой версии пастси» (MITTERER 2016a: 380), но в рамках церковного канона.

В трансформации жанра пастси драматург вновь идет по пути усиления злободневных трактовок библейских сюжетов. Мирское начало, которое всегда в мистериях соседствовало с религиозным, в драме Миттерера стало вытеснять последнее. Несмотря на то, что сюжет пьесы строго следует евангельским событиям, он полон их новейших интерпретаций. Новизна миттереровских трактовок библейского материала заключалась в нескольких моментах: он акцентировал неканоническую по своему характеру мысль о том, что Иисус хотел поднять народ против завоевателей, против римского господства; еще более неканонической и сверхрадикальной была идея реабилитации Иуды, который, по мнению драматурга, ожидал от Иисуса именно этого чуда — «что он выкинет римлян из Святой земли» (MITTERER 2016b: 379). Драматурга также волновал вопрос о роли женщин в судьбе Иисуса и принижении ее оценки в католичестве. В пьесе он выделяет Марию Магдалину как равную Апостолам: «В его алтаре стоит женщина, равная мужчинам» (ibid.).

Сценическое внедрение важных для драматурга посылов происходит следующим образом: Миттерер вкладывает в уста героев точные цитаты из Библии, снабжает их указанием на соответствующую главу Евангелия, но дальше дополняет цитируемое изречение прямой речью персонажа. Так, Иисус говорит Петру: «Кто себя возвысит, будет унижен» (Мт. 23, 12) и продолжает: «Не возвышайся над женщиной. Она тебе мать, сестра, жена, дочь. Все женщины здесь, мои юные спутницы, важны для меня так же, как и ты» (ibid.: 394). Этот основной прием диалогизированной передачи евангельского сюжета сочетается с присвоением евангельским героям речей, никак не обозначенных в Библии. Так, Иуда обращается к Иисусу со словами, не отраженными в евангельском тексте:

Ты совершил бесчисленные чудеса, накормил 5000 человек пятью хлебами и двумя рыбами, ты исцеляешь параличных, слепых и бесноватых — сделай то же самое с римскими легионами! Неужели тебе не жаль наш народ? (ibid.: 388).

Согласно Миттереру, главный психологический мотив предательства Иуды — отказ Иисуса от борьбы против римлян.

Названные идеи отражают основные идеологические послылы творчества драматурга, который в каждой мистериальной пьесе развивает на библейском материале отдельные лейтмотивы своих пьес. Это, к примеру, учение «теологии освобождения» (*Befreiungstheologie*), когда теологические проблемы рассматривались исключительно с точки зрения угнетаемых. Кроме того, лозунги борьбы за освобождение своей родины от захватчиков были чрезвычайно популярны в Тироле еще со времен наполеоновского нашествия. Патриотическая тематика нашла отражение во многих пьесах драматурга (ФЕДЯЕВА 2021; ФЕДЯЕВА 2022). В нескольких пьесах Миттерера развивались и идеи женской теологии, получившей распространение во времена расцвета феминистских движений (ФЕДЯЕВА 2020: 51-67).

Еще один важный момент трансформации жанра пасторали в творчестве Миттерера заключался в том, что он распространил действие жанровых законов пасторали не только на театральное воплощение страстей Христовых, но и на рассказ о страдающем человеке как таковом. В предисловии к одной из драм он написал, что «театр, который не ранит, который не показывает нашу боль, не интересен» (MITTERER 1992: 259).

«Герои Миттерера — не борцы, они страдальцы» (NENNING 1995: 23), как весьма верно написал один из театральных критиков. Большинство пьес Миттерера — это истории глубоко несчастных людей, нередко истории их гибели. В этом смысле пасторалью является его первая, остро социальная пьеса *Для идиотов места нет* («Kein Platz für Idioten», 1977), а вторая — *Стигматы* («Stigma», 1982) уже имеет жанровый подзаголовок «пастораль».

Шенвизе выделяет важнейший признак этого жанра, наследующий основную идею традиционной пасторали, посвященной страданиям Христа: «В пасторали все ослеплены за исключением того, о ком идет речь в пьесе» (SCHÖNWIESE 2016: 121). Все герои миттереровских пасторалей, написанных на светском материале, согласно законам жанра пасторали, погибают, но в их смерти, как и в канонической пасторали, содержится идея воскресения. Пасторалью можно назвать многие пьесы драматурга. Таковы,

кроме вышеназванных, героини-страдальцы пьес *Время для посещения* («Besuchszeit», 1985), *Сибирь* («Sibirien», 1989), *Дикарка* («Die wilde Frau», 1986), *Некрасивая страна* («Kein schöner Land», 1987) *Потерянная родина* («Verlorene Heimat», 1987), *Дети дьявола* («Die Kinder des Teufels», 1989), *Авраам* («Abraham», 1993), *В логове льва* («In der Löwengrube», 1998) *Женщина в автомобиле* («Die Frau im Auto», 1998), *Ты останешься со мной* («Du bleibst bei mir», 2011), *Егерштеттер* («Jägerstätter», 2013), *Боксер* («Der Boxer», 2015), *Мерценгрунд* («Märzengrund», 2018). Они создавались и создаются на протяжении всего его творчества. Поэтому вполне можно утверждать, что мистериальные идеи и мистериальные жанровые традиции пронизывают всю драматургию Миттерера.

4. Заключение

Из произведенного анализа мистериального театра Миттерера можно сделать вывод о тенденции тотального обмирщения сакрального в его мистериальных пьесах, что на первый взгляд вполне согласуется с главным трендом в развитии современной литературы — подавлением любых попыток создания метарасказа, разрушением принципа всезнания как такового. Однако даже при условии предельного ослабления дидактической составляющей современной мистериальной драмы Миттерер возрождает в европейской драматургии традицию теологического понимания действительности, противоречащей постмодернистским установкам европейской литературы. Его творчество служит уникальным примером открытости христианским трактовкам человека и мира, не свойственной современной немецкоязычной драматургии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Авраменко Е. А., Песочинский Н. В. В поисках утраченной мистерии // Петербургский театральный журнал. 2016. № 1 (83). С. 89—96. [Avramenko, Yevgeniy A. & Pesochinskiy, Nikolay V. (2016) V poiskakh utrachennoy misterii (In Search of the Lost Mystery). *Saint Petersburg Theater Journal*, 1 (83), 89—96. (In Russian)].
- Карельский А. В. Драма немецкого романтизма. М.: Медиум, 1992. [Karel'skiy, Albert V. (1992) *Drama nemetskogo romantizma* (Drama of German Romanticism). Moscow: Medium. (In Russian)].

- Мокульский С. С. История западноевропейского театра: в 8 т. (1955 — 1988). Т. 1. М.: Гослитиздат, 1956. [Mokul'skiy, Stefan S. (1956) *Istoriya zapadnoyevropeyskogo teatra* (History of Western European Theatre). Vol. 1. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)].
- Новикова С. Ю. Автобиографическая проза Т. Бернхарда: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2018. [Novikova, Svetlana Yu. (2018) *Avtobiograficheskaya proza T. Bernkharda: problematika i poetika* (Autobiographical Prose of T. Bernhard: Problematics and Poetics). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Самойлова Е. С. Языковые средства выражения интертекстуальных связей средневековой немецкой литургической драмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). Ч. II. С. 138—142. [Samoylova, Yekaterina S. (2014) *Yazykovyye sredstva vyrazheniya intertekstual'nykh svyazey srednevekovoy nemetskoj liturgicheskoy dramy* (Linguistic Means of Expressing Intertextual Connections of Medieval German Liturgical Drama). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 8 (38), vol. 2, 138—142. (In Russian)].
- Самойлова Е. С. Семантические особенности ремарок в немецкой литургической драме XV—XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2015. Т. 12, № 1. С. 137—145. [Samoylova, Yekaterina S. (2015) *Semanticheskiye osobennosti remarok v nemetskoj liturgicheskoy dramе XV—XVI vv.* (Semantic Peculiarities of German Liturgical Drama of the 15th—16th Centuries). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 12 (1), 137—145. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Роль социальной критики в моралите Гуго фон Гофманстала «Имярек» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. XVI / ред. Н. С. Бабенко и др. М.: РГГУ, 2019. С. 87—96. [Tsvetkov, Yuriy L. (2019) *Rol' sotsial'noy kritiki v moralite Gugo fon Gofmanstalya "Imyarek"* (The Role of Social Criticism in Hugo von Hofmannsthal's Morality Book "The Name"). In: Babenko, Nataliya S. & al. (eds) *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 16. Moscow: Russian State Humanitarian University, 87—96. (In Russian)].
- Федяева Т. А. Драматургия Феликса Миттерера. СПб.: Балтийские сезоны, 2020. [Fedyayeva, Tatyana A. (2020) *Dramaturgiya Feliksa Mit-*

- terera* (Drama by Felix Mitterer). Saint Petersburg: Baltic seasons. (In Russian)].
- Федеяева Т. А. Проблема героя и антигероя и тирольский дискурс в творчестве Феликса Миттерера // Герой и антигерой как объекты сравнительного литературоведения: межвузовский сборник научных статей, посвященный памяти А. А. Чамеева. Вып. 3 / отв. ред. И. И. Булова. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2021. С. 154—163. [Fedyayeva, Tatyana A. (2021) Problema geroya i antigeroya i tirol'skiy diskurs v tvorchestve Feliksa Mitterera. (The Problem of the Hero and Anti-hero and the Tyrolean Discourse in the Works of Felix Mitterer). In: Buova, Irina I. (ed.) *Geroy i anti-geroy kak obyekty sravnitel'nogo literaturovedeniya* (Hero and Anti-hero as Objects of Comparative Literary Criticism), 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 154—163. (In Russian)].
- Федеяева Т. А. Исторические драмы Феликса Миттерера как феномен тирольского текста в австрийской литературе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2022. № XIX. С. 506—523. [Fedyayeva, Tatyana A. (2022) Istoricheskiye dramy Feliksa Mitterera kak fenomen tirol'skogo teksta v avstriyskoy literature (Historical Dramas of Felix Mitterer as a Phenomenon of the Tyrolean Text in Austrian Literature). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 19, 506—523. (In Russian)]. doi: 0.47388/2782-2605/lunn2022-19-506-523.
- Юрьев А. А. Мистерияльная традиция в театре Хенрика Ибсена. СПб.: Санкт-Петербургская гос. академия театрального искусства, 2013. [Yur'yev, Andrey A. (2013) *Misterial'naya traditsiya v teatre Khenrika Ibsena* (Mystery Tradition in the Theatre of Henrik Ibsen). Saint Petersburg: Saint Petersburg State Academy of Theatrical Arts. (In Russian)].
- Aman, Jurg. (1992) Reich Gottes! Unzeitgemäße Betrachtungen zur Rolle der Literatur. In: Holzner, Johann & Schuster, Erika. (eds) *Moderne Literatur, Herausforderung für Theologie und Kirche*. Innsbruck-Wien: Tyrolia-Verlag, 9—24.
- Holzner, Johann. (1992) Vorwort. In: Holzner, Johann & Schuster, Erika. (eds) *Moderne Literatur, Herausforderung für Theologie und Kirche*. Innsbruck-Wien: Tyrolia-Verlag, 7—8.
- Kralicek, Wolfgang. (1995) Der neue Jedermann. In: Felix Mitterer. *Materialien*. Innsbruck: Haymon Verlag, 102—105.
- Methlagl, Walter. (1995) Blasphemie in Mitterers „Jedermann“? In: Felix Mitterer. *Materialien*. Innsbruck: Haymon Verlag, 106—110 .

- Mitterer, Felix. (1992) *Stücke*. Bd. 1. Innsbruck: Haymon Verlag.
- Mitterer, Felix. (1993) Vorwort zum Stück „Ein Jedermann“. In: Mitterer, Felix. *Stücke*. Bd. 2. Innsbruck: Haymon Verlag, 277—278.
- Mitterer, Felix. (2001) *Stücke*. Bd. 3. Innsbruck-Wien: Haymon.
- Mitterer, Felix. (2016a) Mein Weg zur Erler Passion. In: Mitterer, Felix. *Passion Erl*. Innsbruck-Wien: Haymon, 5—13.
- Mitterer, Felix. (2016b) Passion Erl. In: Mitterer, Felix. *Stücke*. Bd. 5. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag.
- Mitterer, Felix. (2018) *Mein Lebenslauf*. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag.
- Mitscha-Eibl, Robert. (1995) Mitterers „Krach im Hause Gott“ vor Uraufführung. In: Felix Mitterer. *Materialien*. Innsbruck: Haymon, 111—113.
- Nenning, Günther. (1995) Nazi, Jude und Christ in einem. In: Felix Mitterer. *Materialien*. Innsbruck: Haymon, 20—24.
- Turrini, Peter. (1991) Kunst und Kirche. In: Turrini, Peter. *Lesebuch zwei*. Wien-Zürich: Europaverlag, 360—362.
- Schönwiese, Ernst. (2016) Die Passionen im Jahrhunderttakt — vom Weihensteiner zu Meilensteinen. In: Mitterer, Felix. *Passion Erl. Theaterstück*. Innsbruck-Wien: Haymon Verlag, 94—122.

Tatyana A. Fedyayeva
Saint Petersburg State Agrarian University

Genre Transformations of the Mystery Tradition in the Works of F. Mitterer at the Turn of the 20th— 21st Centuries

The purpose of this study is to trace the transformation of the genre-forming laws of medieval mystery play in the work of Felix Mitterer, one of the most significant modern Austrian playwrights. The basis of Mitterer's dramaturgy is a tragic worldview, a keen awareness that we live in times of crisis of humanistic and religious values: he reflects on the fate of modern man, based on categories close to religious consciousness, which is not typical for modern European theater, and tries, contrary to the general anti-religious trends in its development push a person to search for “ultimate” meanings. His dramaturgy — explicitly or implicitly — states the highest point of view on which he relies and to which he turns his story about modern man and modern life. The value world of Mitterer's work is formed by biblical truths and plots, which the playwright was able to translate into a language close to his contemporary. The playwright's turn to the medieval mystery genre was due to one of the Tyrolean theatrical traditions — the annual holding of mystery performances in the small Tyrolean town of Erl. The history of mystery festivals in Erle goes back more

than five centuries. Transforming the basic laws of medieval religious drama — the didactic basis, mystical contexts, theological language, plot structure — the playwright introduces the sphere of the sacred into the consciousness of the modern viewer, who has moved far away from the metaphysical understanding of reality. The mystery plays of Mitterer in a situation of crisis of the so-called meta-narrative, that is, traditional “explanatory systems” (J.-F. Lyotard) — religion, science, history, art — try to actualize biblical truths without offering unambiguous answers to the questions asked by his plays, but clearly outlining the vector of these searches. Strengthening the satirical tendencies of his mystery plays, the playwright reveals the motivations for the ugly forms of modern consciousness that have moved from the periphery of life to its center. Mitterer’s plays aim to change human consciousness through cathartic effects through theater. It is for this purpose that the playwright refers the viewer’s thoughts to religious problems, makes them remember and think about them.

Keywords: Felix Mitterer; mystery; morality; passion; didactics; sacred

Для цитирования:

Федеяева Т. А. Жанровые трансформации мистерияльной традиции в творчестве Ф. Миттерера на рубеже XX—XXI веков // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 469—488.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-469-488.

To cite this Article:

Fedyayeva, Tatyana A. (2024) Zhanrovyye transformatsii misterial'noy traditsii v tvorchestve F. Mitterera na rubezhe XX—XXI vekov (Genre Transformations of the Mystery Tradition in the Works of F. Mitterer at the Turn of the 20th—21st Centuries). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 469—488. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-469-488.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; принята к публикации 29.04.2024
The article was submitted 28.02.2024; accepted for publication 29.04.2024

Ю. Л. Цветков

Ивановский государственный университет

**ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ЖАНР
СКАЗКИ 672 НОЧИ ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДХОДЫ**

Анализ дискурса двухчастной *Сказки* (1895) австрийского поэта, драматурга и прозаика Гуго фон Гофмансталя (1874—1929) с точки зрения базовых коммуникативных стратегий начинается в модальности *убеждения* в правоте эстетской жизни купеческого сына, красивого юноши, пресыщенного обществом друзей. Он вживался в свое одиночество и считал красоту вещей и интерьеров в доме, стихов поэтов и своих слуг объектом эстетского наблюдения. Эмблематическая дискурсивность проявляется в нарциссизме героя (зеркала) и опирается на суггестивность (внушение слугам собственного превосходства) без какой-либо вербальной коммуникации с ними (невербальные средства общения: «взгляды»). Нормативно-ролевая интенция автора определяется его самоограничением речевой практикой в области эстетизма как высшая ценность в мире искусства. Риторический этос должностования, вызывающий к регулятивному ресурсу сознания читателя, выражается в сдержанном и холодном отношении купеческого сына к молодой служанке и слугам. Коммуникативные характеристики второй части *Сказки* свидетельствуют о стратегии *разногласия*, рецептивной компетенцией которой служит неподчинение, питаемое провокативностью читательского сознания. Получив таинственное письмо, купеческий сын отправился в город, в котором впервые испытал страх и ужас реальной и трудно постигаемой жизни, ощутил «дыхание смерти», посчитав, что слуги погнали его навстречу с ней. Купеческий сын умер ужасной смертью от случайного удара копыта лошади. С горечью он вспомнил свою прошлую жизнь и отрекся от всего, что ему было близко. Имагинативный ресурс речи открыл новые смыслы (трагический тупик одиночества и эстетизма), свидетельствуя о релятивной картине мира и риторической фигуре авторства — самовыражении коммуникативного субъекта, что коррелирует с модальностью *мнения*. Дискурсивный анализ определил жанр *Сказки*. Она является *новеллой*, поскольку в ней присутствует поворотный пункт — пуант. Название новеллы имеет мало общего с арабскими сказками *Тысяча и одна ночь*: автор заимствовал экзотическое пространство восточной красоты интерьеров и рабскую покорность слуг. Число 672 в названии новеллы, вероятно, имеет ал-

химическое происхождение: 4×8×21: магический квадрат, умноженный на количество лет молодого автора.

Ключевые слова: литература венского модерна; эстетизм; дискурс и жанр; смена коммуникативных стратегий; *Сказка 672 ночи*; Гуго фон Гофмансталь

1. Введение

Дискурс, как известно, представляет собой высказывание или речевую практику, которая включает говорящего (субъекта), его речь (коммуникативный акт) и слушающего (адресата). Их дискурсивное взаимодействие определяется не семиотической (знаковой) структурой текста, что изучает поэтика, а выбором возможностей говорения, т. е. коммуникативными компетенциями дискурса. М. М. Бахтин (В. Н. Волошинов) в работе *Марксизм и философия языка* (1929) впервые высказал основные категории речевого взаимодействия, иначе говоря, представил оригинальную теорию высказывания. Современные отечественные исследователи В. И. Тюпа и И. В. Силантьев разработали принципы дискурсного анализа текста. Такая методика исследования не применялась ранее к анализу литературы венского модерна (1890—1910) и к творчеству самого талантливого ее представителя — всесторонне одаренного молодого писателя Гуго фон Гофмансталя, ключевым произведением которого стала первая, написанная в жанре прозы, программная *Сказка 672 ночи* (REITZ 1976: 99). Молодой автор высказал свои сомнения в жизнеспособности эстетизма, разрешая тем самым одну из актуальных проблем не только венской школы модерна, но и всего порубежного времени (MAYER 1993: 126). *Сказка* возникла под непосредственным влиянием событий, связанных с драматической судьбой Оскара Уайльда, после появления новеллы молодого венского писателя Л. фон Андриана *Сад познания*. Она посвящена другу — писателю Р. Бер-Гофману и вызвала живой отклик со стороны ведущего критика «Молодой Вены» Г. Бара и признанного мастера прозы венского кружка А. Шницлера (ЦВЕТКОВ 2003: 325).

2. Отечественные исследователи о дискурсном анализе текста

М. М. Бахтин сформулировал важный тезис о высказывании как основы «речевого становления»:

Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения — не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь... Высказывание как таковое всецело продукт социального взаимодействия, как ближайшего, определяемого ситуацией говорения, так и дальнейшего, определяемого всей совокупностью условий данного говорящего коллектива (ВОЛОШИНОВ 2000: 428).

Бахтин включил в дискурс слушающего наравне с говорящим:

Внешне актуализированное высказывание — остров, поднимающийся из безбрежного океана внутренней речи; размеры и формы этого острова определяются данной ситуацией высказывания и его аудиторией... Законченный вопрос, восклицание, приказание, просьба — вот типичнейшие целые жизненных высказываний (*ibid.*: 431).

Затрагивая проблему активного восприятия, Бахтин писал, что смысловой элемент высказывания воспринимается в «соответствующем контексте» слушающего: «Всякое понимание диалогично... Понимание подыскивает слову говорящего противослово» (*ibid.*: 436). Бахтин сформулировал определение «чужой речи», которая «...мыслится говорящим как высказывание другого субъекта, первоначально совершенно самостоятельное, конструктивно законченное и лежащее вне данного контекста» (*ibid.*: 445).

В поздних работах Бахтин рассматривал художественное творчество как специфическое высказывание или эстетический объект: «В художественном творчестве имеются два эмпирически наличных момента: внешнее материальное произведение и психический процесс творчества и восприятия» (БАХТИН 1975: 53). Триада центральных категорий: субъекта, адресата и объекта дискурса получила большую конкретизацию. Субъектом дискурса Бахтин считал не говорящего или пишущего. Субъектом, по Бахтину, являлась

...активная позиция говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере... Выбор языковых средств и речевого жанра определяется прежде всего предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора) (БАХТИН 1979: 263).

Адресатом дискурса Бахтин называл «активную ответную реакцию» (*ibid.*: 265), без которой не обходится ни одно высказывание. Наконец, объект дискурса представлял собой «ценностно-

смысловую направленность» (ibid.: 173) со стороны субъекта и ответную реакцию со стороны адресата.

Основополагающие идеи Бахтина были творчески осмыслены и стали фундаментом современного дискурсного анализа текста, наиболее полно разработанного В. И. Тюпой (ТюПА 2009). По его мнению, общекоммуникативные функции текста предстают в виде трех *компетенций*: креативной (авторской), референтной (отношение к миру) и рецептивной (читательской). Они по-разному проявляются в базовых коммуникативных стратегиях, выраженных в модальностях высказывания: знания, убеждения, мнения и понимания (ibid.: 288).

Что касается соотношения дискурса и жанра, следует констатировать, что в отечественном литературоведении не наблюдается серьезных дискуссий по этому поводу. Приведем мнение И. В. Силантьева о близких параметрах жанра и дискурса:

...коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров (напомним, *типов высказываний*), составляющих целое дискурса (СИЛАНТЬЕВ 2006: 20).

3. Сказка 672 ночи в сборнике *Тысяча и одна ночь*

Используя современные отечественные теоретические разработки, необходимо проанализировать текст *Сказки 672 ночи* для более четкого представления о ее жанровой принадлежности. В заглавии указан жанр «сказки» из известного сборника персидских сказок *Тысяча и одна ночь* (IX—XV вв.), состоящего из 180 текстов, образующих перевод с арабского на немецкий язык (ГЕРХАРДТ 1984: 20) и в этом составе известного молодому венцу Гофмансталу. Сборник *Тысяча и одна ночь* вбирает в себя как персидские, так и индийские, и египетские сказки, среди которых были и новеллы:

Язык «1001 ночи» в разных сказках весьма различен. Встречаются новеллы, язык которых соответствует самым строгим классическим нормам, а есть и такие, в которых можно встретить множество диалектизмов и простонародных разговорных оборотов (ibid.: 10).

Однако в этом сборнике и многочисленных других источниках *Сказка 672 ночи* повествует один из фрагментов развернутой трагической истории (сказки с 624 по 680 ночь) о приключениях

и противостоянии трех сводных царских братьев Аджибе, Гарибе и Сахиме, их любовных похождениях, сражениях и гибели двух из трех персонажей (РАССКАЗ ОБ АДЖИБЕ И ГАРИБЕ 2023: URL). Сказка Гофмансталея не воспроизводит ни их сюжетного, ни персонажного своеобразия и не может быть стилизацией или парафразой 672 ночи из сборника *Тысяча и одна ночь*.

4. Коммуникативная стратегия монологического согласия первой части *Сказки 672 ночи* Гофмансталея

4.1. Референтные компетенции

Анализ дискурса двухчастной *Сказки* Гофмансталея с точки зрения базовых коммуникативных стратегий начинается с дискурса по отношению к реальной действительности, т. е. референтной компетенции в виде риторической модальности высказывания — *убеждения* главного героя¹ в необходимости одиночества и правоте эстетской жизни:

Ein junger Kaufmannssohn, der sehr schön war und weder Vater noch Mutter hatte, wurde bald nach seinem fünfundzwanzigsten Jahre der Geselligkeit und des gastlichen Lebens überdrüssig (HOFMANNSTHAL 1986: 45).

Как многие романтические герои Дж. Г. Байрона или А. де Мюссе, купеческий сын был пресыщен обществом друзей и пирами:

Da ihm an seinen Freunden nichts gelegen war und auch die Schönheit keiner einzigen Frau ihn so gefangennahm, daß er es sich als wünschenswert oder nur als erträglich vorgestellt hätte, sie immer um sich zu haben, lebte er sich immer mehr in ein ziemlich einsames Leben hinein, welches anscheinend seiner Gemütsart am meisten entsprach (ibid.).

Купеческий сын считал красоту вещей и интерьеров в доме, стихов поэтов и своих слуг объектом эстетского наблюдения и наслаждения:

Ja, die Schönheit der Teppiche und Gewebe und Seiden, der geschnitzten und getäfelten Wände, der Leuchter und Becken aus Me-

¹ По мнению В. И. Тюпы убеждение является стратегией монологического согласия: «Модальность *убеждения* соотносится с императивной (от лат. *imperativus* — «повелительный») картиной мира, которая, оставляя сколь угодно обширное поле для заблуждений и ошибок, предполагает возможность единственно верного пути, ориентированного на истину в последней инстанции» (ТЮПА 2009: 278).

tall, der gläsernen und irdenen Gefäße wurde ihm so bedeutungsvoll, wie er es nie gehant hatte. Allmählich wurde er sehend dafür, wie alle Formen und Farben der Welt in seinen Geräten lebten. Er erkannte in den Ornamenten, die sich verschlingen, ein verzaubertes Bild der verschlungenen Wunder der Welt (ibid.).

Императивная картина эстетского мира в *Сказке* Гофмансталь предстает безальтернативной, что выражается в отношении купеческого сына к своим слугам. Подчеркнутый эгоцентризм по отношению к ним находил понимание со стороны слуг:

Er währte, völlig einsam zu leben, aber seine vier Diener umkreisten ihn wie Hunde, und obwohl er wenig mit ihnen redete, fühlte er doch irgendwie, daß sie unausgesetzt daran dachten, ihm gut zu dienen (ibid.: 46).

Купеческий сын принял спасительное участие в жизни пятнадцатилетней девочки, которая, упав на торчащий камень, сломала себе ключицу и долго выздоравливала. Единственный молодой слуга в доме в силу своей воспитанности, проявленной на приеме у посла персидского царя, прислуживал за столом.

Красоту купеческий сын видел не в природе, а в артефактах: в очертаниях зверей и цветов, которые переходили друг в друга, находя в искусственном мире «величавость покоя» или «мертвую неподвижность», привычные краски: «драгоценных камней», «сияющего моря», луны, звезд. К ним прибавлялись краски мистического содержания: «мистические шары», «мистические кольца» и «крылья серафимов» (ГОФМАНСТАЛЬ 1981: 45-60). Он чувствовал, однако, оборотную сторону процесса эстетизации мира искусства вокруг себя, своеобразную расплату за часы наслаждения красотой:

Doch er fühlte ebenso die Nichtigkeit aller dieser Dinge wie ihre Schönheit; nie verließ ihn auf lange der Gedanke an den Tod, und oft befahl er ihn unter lachenden und lärmenden Menschen, oft in der Nacht, oft beim Essen (HOFMANNSTHAL 1986: 46).

Для купеческого сына была характерна эстетизация смерти, что выдавало его декадентские наклонности:

Aber da keine Krankheit in ihm war, so war der Gedanke nicht grauenhaft, eher hatte er etwas Feierliches und Prunkendes und kam gerade am stärksten, wenn er sich am Denken schöner Gedanken oder

an der Schönheit seiner Jugend und Einsamkeit berauschte (ibid.: 46).

Постоянные мысли купеческого сына о смерти тревожили молодого человека, но он смирился со своей судьбой и говорил: «Wenn das Haus fertig ist, kommt der Tod» (ibid.: 46). Пессимизм его мироощущения не имел периодов просветления.

4.2. Креативные компетенции

Теперь посмотрим на авторские интенции первой части *Сказки* Гофманстала.² Большую роль в общении со слугами играли невербальные формы общения — взгляды:

...denn er fühlte, ohne hinzusehen, daß die Augen seiner vier Diener auf ihn geheftet waren. Er wußte, ohne den Kopf zu heben, daß sie ihn ansahen, ohne ein Wort zu reden, jedes aus einem anderen Zimmer. Er kannte sie so gut. Er fühlte sie leben, stärker, eindringlicher, als er sich selbst leben fühlte (ibid.: 49).

Купеческий сын, отказываясь от вербального общения, знал все о своих слугах. Они же, со своей стороны, наблюдая над купеческим сыном, знали его жизненную «тайну», которая не могла произноситься словами:

Ohne den Kopf zu heben, fühlte er, wenn der Diener für Minuten von seinem Fenster zurücktrat und sich an einem Schrank zu schaffen machte; ohne aufzusehen, erwartete er in heimlicher Angst den Augenblick, wo er wiederkommen werde... daß er die Augen der zwei Mädchen auf sich gerichtet wußte... Und dabei hatte er nie den Gedanken, daß sie ihn unmittelbar ansahen, ihn, der gerade mit gesenktem Kopfe umherging, oder bei einer Nelke niederkniete, um sie mit Bast zu binden, oder sich unter die Zweige beugte; sondern ihm war, sie sahen sein ganzes Leben an, sein tiefstes Wesen, seine geheimnisvolle menschliche Unzulänglichkeit (ibid.: 49-50).

² «Креативные (от лат. creatio — “сотворение”) компетенции высказываний различаются интенциями авторства в его отношении к языку. Эти типы дискурсивности накладывают на коммуникативное поведение говорящего / пишущего субъекта известного рода языковые ограничения... Пользуясь знаками всех видов, организатор коммуникативного события тем не менее неизбежно обращается к языку в целом как текстопроизводящему механизму определенного типа, чем формируется та или иная “форма авторства” (категория бахтинской металингвистики), или, иначе риторическая фигура авторства» (Тюпа 2009: 279-280).

Это важное качество природы купеческого сына ясно ощутимо слугами, т. е. персонажами, далекими от категорий красоты и эстетизма.

В креативной компетенции ведущую роль занимает эмблематическая дискурсивность, которая «...представляет собой оперирование смыслами (знаками с готовым смыслом, фиксированным концептом)» (ТЮПА 2009: 280). В *Сказке* Гофмансталя этот аспект проявляется в традиционном представлении главного героя в роли Нарцисса, любящего себя в зеркальном отражении:

Denn oft schöpfte der Kaufmannssohn einen großen Stolz aus dem Spiegel, aus den Versen der Dichter, aus seinem Reichtum und seiner Klugheit, und die finsternen Sprichwörter drückten nicht auf seine Seele“ (HOFMANNSTHAL 1986: 46).

В зеркале он замечал красоту служанки, оставаясь в то же время отстраненным персонажем:

Er wurde ergriffen von ihrer großen Schönheit, aber gleichzeitig wußte er deutlich, daß es ihm nichts bedeuten würde, sie in seinen Armen zu halten. Er wußte es überhaupt, daß die Schönheit seiner Dienerin ihn mit Sehnsucht, aber nicht mit Verlangen erfüllte, so daß er seine Blicke nicht lange auf ihr ließ, sondern aus dem Zimmer trat... (ibid.: 51).

Эмблематическая дискурсивность опирается на суггестивность (способность внушения) как коммуникативный ресурс речи. Начиная с внушения слугам собственного превосходства при минимальной вербальной коммуникации с ними, ограничиваясь лишь «взглядами», у купеческого сына возникает странное беспокойство и предчувствие своей пагубной изоляции в эстетском мире:

Eine furchtbare Beklemmung kam über ihn, eine tödliche Angst vor der Unentrinnbarkeit des Lebens. Furchtbarer, als daß die ihn un-ausgesetzt beobachteten, war, daß sie ihn zwangen, in einer unfruchtbaren und so ermüdenden Weise an sich selbst zu denken. Und der Garten war viel zu klein, um ihnen zu entrinnen (ibid.: 50).

Первая попытка побега из роскошного дома в мир людей была мотивирована поисками какого-либо цветка:

Schließlich ging er an das Ufer des Flusses... und suchte lange, obgleich er wußte, daß er vergeblich suchen werde, nach einer Blume,

deren Gestalt und Duft, oder nach einem Gewürz, dessen verwehender Hauch ihm für einen Augenblick genau den gleichen süßen Reiz zu ruhigem Besitz geben könnte, welcher in der Schönheit seiner Dienerin lag, die ihn verwirrte und beunruhigte (ibid.: 51).

Ради эстетского наслаждения купеческий сын убежал в неведомый реальный мир и не нашел в нем ни цветка, ни воображаемого наслаждения. Первое столкновение с реальной жизнью было неудачным. На этом эпизоде заканчивается первая часть *Сказки*. Нормативно-ролевая интенция автора определяется самоограничением речевой практикой: в первой части избран волновавший молодого поэта контекст эстетизма как высшей ценности в мире красоты и отдаленности эстетского идеала от реальной действительности.

4.3. Рецептивные компетенции

Третья грань коммуникативных стратегий — рецептивные компетенции, т. е. отношение дискурса к читателю или слушателю: «Текст высказывания всеми своими принципиальными моментами предполагает ту или иную коммуникативную позицию адресата» (ТюПА 2009: 283), которую со времен Аристотеля принято называть *этосом*.³ Несомненно, первая глава сказки обращена к тем читателям, для которых эстетское миропонимание является жизненной позицией с осознанием проблематичности воплощения эстетского идеала в жизни. *Сказка* была написана в 1895 г. во время окончания нашумевшего судебного процесса над английским писателем-эстетом Оскаром Уайльдом (1854—1900) и началом его тюремного заключения (ЛАНГЛАД 1999: 232). Гофмансталь писал в эссе *Себастьян Мельмот* (1905) с по-

³«Эмблематическая дискурсивность текста с модальностью убеждения отвечает регулятивному (от. лат. *regulo* — “упорядочиваю”) ресурсу воспринимающего сознания... Идеальным адресатом убеждающего дискурса выступает реципиент, способный усваивать уроки коммуникативных событий, способный корректировать свое мышление и жизненное поведение в соответствии с сообщенными ему императивами. Активирующий такую способность дискурс характеризуется этосом должностования. Он предполагает коммуникантов, способных к ролевой саморегуляции и озабоченных обязанностями своего функционирования в мире» (ТюПА 2009: 284-285).

ниманием позиции эстетизма Уайльда-писателя:

В том, что люди зовут наслаждением, может скрываться невыразимо жуткое. Бывает поэзия в нарядах кокоток и мещанство в эмоциях лирического поэта. В человеке заключено все. В нем противоборствует множество ядов (ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 565).

Риторический этос должествования, взывающий к регулятивному ресурсу сознания читателей эстетского мироощущения, выражается в отстраненном и холодном читательском послые, который характеризует отношения купеческого сына к реальной жизни, включая взаимоотношения с молодой служанкой и слугами.

5. Коммуникативная стратегия разногласия второй части Сказки

Рецептивной компетенцией стратегии разногласия является неподчинение, питаемое провокативностью читательского сознания. Купеческий сын получил таинственное письмо о том, что его старый слуга совершил у прежнего хозяина — персидского посла — какое-то гнусное преступление. Это сообщение сильно обеспокоило и испугало купеческого сына: «Es war ihm, als wenn man seinen innersten Besitz beleidigt und bedroht hätte und ihn zwingen wollte, aus sich selber zu fliehen und zu verleugnen, was ihm lieb war» (НОФМАННСТАЛЬ 1986: 52).

Купеческий сын отправился в город с целью узнать о преступлении слуги. В лабиринте переулков города он испытал страх и ужас реальной жизни. Он набрел на лавку ювелира и купил против своей воли золотую цепочку и берилл в оправе. В ближайших теплицах он увидел редкостные цветы, а за стеклом одной из теплиц обнаружил четырехлетнюю девочку:

Aber als er jetzt näher hinkam, erschrak er abermals, mit einer unangenehmen Empfindung des Grauens im Nacken und einem leisen Zusammenschnüren in der Kehle und tiefer in der Brust. Denn das Kind, das ihn regungslos und böse ansah, glich in einer unbegreiflichen Weise dem fünfzehnjährigen Mädchen, das er in seinem Hause hatte (ibid.: 56).

Призрачный персонаж вызвал «безотчетный страх» и привел его к дверям строения. Ему навстречу бросилась маленькая девочка:

Er beugte sich über das Gesicht des Kindes, das ganz blaß war und dessen Augen vor Zorn und Haß bebten, während die kleinen Zähne des Unterkiefers sich mit unheimlicher Wut in die Oberlippe drückten (ibid.: 56-57).

Купеческий сын отдал девочке серебряные монеты и оказался в узком проходе среди стен. Он внезапно ощутил «дыхание смерти», посчитав, что слуги погнали его навстречу со смертью.

Стратегия коммуникативного *разногласия* (смертельной враждебности реальной ситуации) по отношению к главному герою конституирует новую картину мира, которую можно назвать беспрецедентной или релятивистской.⁴ Купеческий сын дошел до приземистых домишек, где жили солдаты. Некоторые из них мыли лошадям копыта. Одна из лошадей испугала купеческого сына своим взглядом:

Bei dem häßlichen Anblicke fiel ihm blitzartig ein längst vergessenes Menschengesicht ein... Und er wußte, daß es das verzerrte eines häßlichen armen Menschen war, den er ein einziges Mal im Laden seines Vaters gesehen hatte (ibid.: 61).

Купеческий сын случайно выронил берилл под ноги лошади: «Er bückte sich, das Pferd schlug ihm den Huf mit aller Kraft nach seitwärts in die Lenden, und er fiel auf den Rücken» (ibid.: 61). Солдаты помогли купеческому сыну встать, но сознание покинуло его. Затем солдаты перенесли его в комнату и уложили на кровать, забрав цепочку и золотые монеты:

Da empfand er eine andere Angst, eine stechende, minder erdrückende, eine Angst, die er nicht zum ersten Mal fühlte; jetzt aber fühlte er sie wie etwas Überwundenes. Und er ballte die Fäuste und verfluchte seine Diener, die ihn in den Tod getrieben hatten... (ibid.: 62).

⁴ «В рамках картины мира, соотносимой с индивидуально самодостаточным сознанием, возможно в принципе все что угодно», поскольку «модальность мнения (субъективная ценность которого не претендует на истинность) обосновывается окказиональной (от лат. occasionalis — “случайный”) картиной мира» (Тюпа 2009: 279). Соответствующая модальности мнения иконическая (от гр. eikon — “картина”) дискурсивность предполагает обращение к языку как окказиональной знаковой системе, не сводимой к готовым значениям и смыслам» (ibid.: 280).

Новая волна «удушливого страха» накатила на него:

Mit einer großen Bitterkeit starrte er in sein Leben zurück und verleugnete alles, was ihm lieb gewesen war. Er haßte seinen vorzeitigen Tod so sehr, daß er sein Leben haßte, weil es ihn dahin geführt hatte. Diese innere Wildheit verbrauchte seine letzte Kraft... Zuletzt erbrach er Galle, dann Blut, und starb mit verzerrten Zügen, die Lippen so verrissen, daß Zähne und Zahnfleisch entblößt waren und ihm einen fremden, bösen Ausdruck gaben (ibid.: 62-63).

Имагинативный (образный) ресурс речи открывает новые смыслы: отречение от мира прекрасных форм и ненависть к прежней жизни, что свидетельствует о риторической фигуре авторства — самовыражении, обнаруживаемом в основе иконического противостояния, в результате которого эстетизм представлен как логический смертельный тупик жизненного кредо купеческого сына.

Рецептивный коммуникативный ресурс сознания вызван провокативностью,⁵ которая провоцирует свободную реакцию адресата. Идеальным реципиентом второй части *Сказки* Гофмансталь можно считать Уайльда, судьба которого является связующим звеном первой и второй части *Сказки* о превращении одной маски эстета в другую. В эссе *Себастьян Мельмот* Гофмансталь писал об удивительном преображении в то время, когда Уайльд подал в суд на Квинсбери:

Ибо, по-видимому, именно тогда маска Бахуса с красиво очерченными пухлыми губами неузнаваемо преобразилась в маску зрячего слепца Эдипа или беснующегося Аякса. Именно тогда стала отчетливо видна петля трагической судьбы, захлестнувшая вокруг его красивого лба (ГОФМАНСТАЛЬ 1995: 564-565).

Автор ясно почувствовал в эссе главного провокатора Уайльда, которого он называет «незнакомкой»:

невидимой, грозной и манящей как сфинкс, незнакомки, имя которой — действительность. К ней были прикованы все его мысли, когда он ее отрицал или говорил о ней, только чтобы ее

⁵ «Идеальным адресатом высказанного мнения выступает субъект, обладающий иным, собственным мнением о предмете общения. Дискурс этого типа характеризуется этосом неподчинения» (ТЮПА 2009: 285).

высмеять или унижить. И в его пальцах, обрывавших лепестки орхидей, и в ногах, покоившихся на подушках старинного китайского шелка, жила глубоко спрятанная, фатальная тяга к тому ужасающе грязному чану, при виде которого он, однако, содрогнулся от отвращения (*ibid.*).

Проблема эстетизма была глубоко личной проблемой молодого Гофмансталя, а *Сказка* — его саморефлексией. Дискурсивный анализ позволяет утверждать, что трагическое повествование о внутреннем преображении эстета в персидском городе следует назвать *новеллой*, поскольку в ней присутствует поворотный пункт повествования, выражающийся в смене коммуникативной стратегии (модальности высказывания убеждения на мнение), что в поэтике новеллы соответствует «поворотному пункту» — *пуанту*, в котором

кульминация и развитие сюжета... маркирует окончательный разворот к (счастливому или трагическому) *финалу*, разрешению; разворот, уже независимый, как правило, от вмешательства и субъективной воли героев (ПОЛУБОЯРИНОВА 2008: 147).

6. Заключение

Новелла Гофмансталя имеет отдаленное отношение как к жанру сказки, так и к арабским сказкам *Тысяча и одна ночь*, создавая лишь экзотическое пространство изысканной красоты восточного правителя-эстета и рабскую преданность его слуг. На этом фоне представлен важный этап духовного развития купеческого сына в противоречивом процессе притяжения и отторжения эстетизма, что являлось главной и трудно разрешимой проблемой европейски образованного и начитанного молодого венского поэта, драматурга и прозаика. Число 672 в названии новеллы, вероятно, имеет алхимическое происхождение: $4 \times 8 \times 21$. По мнению В. Витхельтер, 672 означает перемноженные цифры магического квадрата 4×8 и умноженные на количество лет Гофмансталя во время написания *Сказки* — 21 (WIET-NÖLTER 1990: 47).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. [Bakhtin, Mikhail M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* (Questions of Literature and Aesthetics). Moscow: Khudozhest-

- vennaya literatura. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979. [Bakhtin, Mikhail M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva*. (Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. [Voloshinov, Valentin N. (2000) *Marksizm i filosofiya yazyka* (Marxism and the Philosophy of Language). In: *Bakhtin Mikhail M. (pod maskoy). Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Statyi*. (Freudianism. The Formal Method in Literary Criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles). Moscow: Labirint. (In Russian)].
- Герхардт М. Искусство повествования. Литературное исследование «1001 ночи». М.: Наука, 1984. [Gerhardt, Miya. (1984) *Iskusstvo povestvovaniya. Literaturnoye issledovaniye "1001 nochi"* (The Art of Storytelling. Literary Research "1001 Nights"). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гофмансталь Г. фон. Сказка шестьсот семьдесят второй ночи / пер. С. Ошерова // Австрийская новелла XX века / ред. Ю. И. Архипов. М.: Художественная литература, 1981. [Hofmannsthal, Hugo. (1981) *Skazka shest'sot sem'desyat vtoroy nochi* (The Tale of the six hundred and seventy-second Night). In: Arkhipov, Yuriy I. (ed.) *Avstriyskaya novella XX veka*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 45—60. (In Russian)].
- Гофмансталь Г. фон. Себастьян Мельмот // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 562—565. [Hofmannsthal, Hugo. (1995) *Sebastyan Mel'mot* (Sebastian Melmoth). In: Hofmannsthal, Hugo. *Izbrannoye* (Selected Works). Moscow: Iskusstvo, 562—565. (In Russian)].
- Ланглад Ж. де. Оскар Уайльд, или Правда масок. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 1999. [Langlade, Jacques. (1999) *Oskar Uayld, ili Pravda masok* (Oscar Wilde, ou La Vérité des masques). Moscow: Molodaya gvardiya; Palimpsest. (In Russian)].
- Полубояринова Л. Н. Новелла // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 146—147. [Poluboyarinova, Larisa N. (2008) *Novella*. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* (Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts). Moscow: Kulagina Publ.; Intrada, 2008, 146—147. (In Russian)].

- Рассказ об Аджибе и Гарибе // Сказки 624-680 ночи / пер. с арабск. М. А. Салье. URL: <https://sheherezade.ru>. [Rasskaz ob Adzhibe i Garibe (The Story of Ajib and Gharib). In: *Skazki 624-680 nochi* (Fairy Tales 624-680 Nights). Retrieved from <https://sheherezade.ru>. (In Russian)].
- Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смешений. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Silant'yev, Igor' V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursnykh smesheniy* (The Newspaper and the Novel: The Rhetoric of Discursive Confusions). Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Дискурсный анализ // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. С. 273—299. [Tyupa, Valeriy I. (2009) *Diskursnyy analiz* (Discourse Analysis). In: Tyupa, Valeriy I. *Analiz khudozhestvennogo teksta*. (Analysis of a Literary Text). Moscow: Akademiya, 273—299. (In Russian)].
- Цветков Ю. Л. Катастрофичность бытия в «Сказке 672 ночи» Гуго фон Гофмансталя // Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал: Монография. М.; Иваново: МИК, 2003. С. 325—330. [Tsvetkov, Yuriy L. (2003) *Katastrofichnost' bytiya v "Skazke 672 nochi"* Gugo fon Gofmanstalya (The Catastrophism of Being in the "Tale of 672 Nights" by Hugo von Hofmannsthal). In: Tsvetkov, Yuriy L. *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial* (Literature of the Viennese Moderne. Postmodern Potential). Moscow; Ivanovo: MIK, 325—330. (In Russian)].
- Hofmannsthal, Hugo. (1986) *Das Märchen der 672. Nacht*. In: Hofmannsthal, Hugo. *Erzählungen. Erfundene Gespräche und Briefe. Reisen*. Frankfurt am Main: S. Fischer, 45—63.
- Mayer, Mathias. (1993) *Hugo von Hofmannsthal*. Stuttgart; Weimar: Metzler.
- Reitz, Karl. (1976) *Ästhetik und Sittlichkeit: Die Entwicklung von Hofmannsthals Prosa in ihrer zeitgeschichtlichen Bedeutung*. München: ohne Verlag.
- Wiethölter, Waltraud. (1990) *Hofmannsthal oder Die Geometrie des Subjekts: Psychostrukturelle und ikonographische Studien zum Prosawerk*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.

Yuriy L. Tsvetkov
Ivanovo State University

**Narrative Discourse and the Genre of *Tales of 672 Nights*
by Hugo von Hofmannsthal: Modern Domestic Approaches**

The analysis of the discourse of the two-part *Fairy Tale* (1895) by the Austrian poet, playwright and novelist Hugo von Hofmannsthal (1874—1929)

from the point of view of basic communicative strategies begins in the modality of convincing the aesthetic life of a merchant's son, a handsome young man, jaded by the company of friends. He got used to his loneliness and considered the beauty of things and interiors in the house, the poems of poets and his servants to be an object of aesthetic observation. Emblematic discursivity manifests itself in the narcissism of the hero (the mirror) and relies on suggestibility (suggestion of one's own egocentrism to servants) without any verbal communication with them (non-verbal means of communication: "views"). The normative role intention of the author is determined by his self-limitation of speech practice in the field of aestheticism as the highest value in the world of art. The rhetorical ethos of duty, appealing to the regulatory resource of the reader's consciousness, is expressed in the restrained and cold attitude of the merchant's son towards the young maid and servants. The communicative characteristics of the second part of the *Fairy Tale* indicate a strategy of disagreement, the receptive competence of which is insubordination, fueled by the provocativeness of the reader's consciousness. After receiving a mysterious letter, the merchant's son went to the city, where for the first time he experienced the fear and horror of a real and difficult to comprehend life, felt the "breath of death", believing that the servants drove him to meet her. The merchant's son died a terrible death from an accidental blow from a horse's hoof. Bitterly, he recalled his past life and renounced everything that was close to him. The imaginative resource of speech has opened up new meanings (the tragic dead end of loneliness and aestheticism), testifying to the relational picture of the world and the rhetorical figure of authorship — the self-expression of a communicative subject, which correlates with the modality of opinion. The discourse analysis has defined the genre of *Fairy Tales*. It is a novel because it has a turning point — *pointe*. The title of the novel has little in common with the Arabic fairy tales *One Thousand and One Nights*: the author borrowed the exotic space of the oriental beauty of the interiors and the slavish obedience of the servants. The number 672 in the title of the novel probably has an alchemical origin: $4 \times 8 \times 21$: a magic square multiplied by the number of years of the young author.

Keywords: literature of the Viennese modernism; aestheticism; discourse and genre; change of communicative strategies; *The Tale of 672 Nights*; Hugo von Hofmannsthal

Для цитирования:

Цветков Ю. Л. Повествовательный дискурс и жанр Сказки 672 ночи Гуго фон Гофманшталя: современные отечественные подходы // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 489—505.

To cite this Article:

Tsvetkov, Yuriy L. (2024) Povestvovatel'nyy diskurs i zhanr *Skazki 672 nochi* Gugo fon Gofmanstalya: sovremennyye otechestvennyye podkhody (Narrative Discourse and the Genre of *Tales of 672 Nights* by Hugo von Hofmannsthal: Modern Domestic Approaches). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 489—505. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-489-505.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; принята к публикации 07.04.2024
The article was submitted 29.04.2024; accepted for publication 07.05.2024

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

П. В. Абрамов

Высшая школа сценических искусств

**ВОПЛОЩЕННАЯ УТОПИЯ
КАК ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ**

Жеребин А. И. Место встречи — утопия. Из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с.

На перекрестках литературных явлений, стилей и жанров неизбежно возникают новые смыслы, позволяющие не только осознать прошлое, но и заглянуть в желаемое и полуреальное будущее. Однако обнаружить духовно-ментальные совпадения высшего порядка, уловить в частотных вибрациях национальных смыслов пульсацию вневременного и общего семиотического пространства литературы — задача для отечественной германистики как новаторская, так и требующая глубокого духовно-философского погружения.

Еще Н. Я. Берковский говорил в своих лекциях, что нечуждые совпадения в мировой литературе — самое увлекательное и труднообъяснимое. «Немецко-русский сверхтекст» с удивительной новизной и полифонией, воссозданный в книге ведущего отечественного германиста А. И. Жеребина, призван проследить, как на стыке двух культур генерировались и развивались сверхчувственно-эстетические связи, возникали в едином пространстве диалога новые транснациональные утопии, на которые откликались по обе стороны диалога политики, писатели, поэты, психоаналитики, композиторы, искусствоведы. Четыре сюжета объединяют собрание очерков, которые были написаны за последние десять лет: герменевтические вопросы перевода или, используя метафору Гете, «границ непереводаемого» («Герменевтическая утопия»); утопия «Третьего царства», как мечты об идеальной духовной реальности («Вокруг „Третьего царства“»); проблема диалога между сознательным и бессознательным («Русский спор с Фрейдом»); взаимоотражение революционных идей в немецком и русском сознании («Империя и революция»).

На широком литературно-историческом поле двухсотлетнего взаимодействия культур, обозначенного автором как эпоха модернизма, перед читателем разыгрывается не просто драма идей и концепций, а инициируется плодотворный диалог о «духе утопии», в котором сам модернизм рассматривается как утопическое явление, где из пространства реальной жизни («сферы возможного») намечены пути и импульсы в зону «контакта с абсолютным будущим, в эсхатологическую перспективу спасения» (ЖЕРЕБИН 2023: 8).

Книгу отличает не только междисциплинарный подход и полифония цитат (включая новейшие исследования западных коллег), суждений и спектр мнений. Воссоздание литературно-художественного климата эпохи, на первый взгляд, хорошо знакомого недавнего прошлого, предельно документально и конкретно. Писатели и философы, художники и политики, связанные личными пристрастиями и отношениями не только в разных странах, но и на континентах, находились в едином пространстве мировой культуры. Детали и подробности — то, что сегодня почти не встречается в работах молодых ученых, — качество, которое много лет сообщает академическую полноту и основательность исследованиям А. И. Жеребина. Объединенные единым исследовательским сюжетом, очерки ступенчато демонстрируют диалектические сходства и противоречия литературных тенденций в едином поле модернизма, где интенция к утопической эсхатологии лишь возрастает со временем.

Подобный вектор движения авторской мысли, подчиняющей идеальной логике все очерки, собранные под одной обложкой, более чем оправдан, если в исторических, социальных и духовных трагедиях народов разных культур видеть общие экзистенциально-утопические проблемы, на которые, как показывает история мировой литературы, писатели и поэты откликались сходными мыслью образами. И здесь в обновленном ракурсе возникает проблема перевода, которой посвящен первый раздел книги. Отгалкиваясь от утопии *мировой литературы*, где, с точки зрения Гете, эстетический идеализм будет доминировать над политикой и социологией, а мир станет единым художественным произведением, автор приводит в качестве оппози-

ции статью Эриха Ауэрбаха *Филология мировой литературы* (1947), где предсказывается рождение транснациональной литературы и прогнозируется фактическое бессилие филолога в попытке охватить целое, а также утрата смысла в поиске синтеза литератур.

Важнейшая дихотомия «наука — миф» и сегодня трудноразрешима в литературоведении: от герменевтической утопии «мировой литературы» сюжет книги движется к герменевтическому осмыслению вопросов теории перевода, а на первый план выходит не только оппозиция «свое / чужое», где, по Ю. М. Лотману, возникают новые смыслы и запускается машина «текстообразования», но и возникают новые переводческие «коды» культуры. Проблемам трансфера культурных кодов в русской литературной традиции А. И. Жеребин посвятил множество статей; в рецензируемой же новой книге мы видим квинтэссенцию проблематики: «Перевод есть культурный механизм, реализующий герменевтический акт понимания» (ЖЕРЕБИН 2023: 45).

Творческое преобразование оригинала есть по сути расширение границ исходного текста, и тогда возможно его обретение в пространстве отечественной литературы: чужое благодаря переводчику присваивается, возникает феномен «второго оригинала». Ценность и острота очерков, освещающих с разных ракурсов проблему не столько перевода, сколько интерсемиотического трансфера, состоит в многогранном сопоставлении герменевтических установок Х.-Г. Гадамера и М. М. Бахтина, ведущих теоретиков советской школы перевода, таких как А. В. Федоров, и французских постструктуралистов Ж. Жанетта и Р. Барта. Практическим же осмыслением проблем перевода и, что не маловажно, личности переводчика служит анализ забытой сегодня работы Ю. Н. Тынянова «Блок и Гейне» (1921). Может ли искусство победить жизнь? Способна ли поэзия смоделировать иную, лучшую реальность? Стоящие, по словам Ю. Н. Тынянова, «на разных полюсах поэзии» Блок и Гейне представляют тем не менее, по мысли А. И. Жеребина, «полюса одного энергетического поля» (*ibid.*: 87), той самой «макроэпохи модерна», где утопия литературы как жизнетворчества, спасительного преосуществления жизни едва ли возможна.

Идея «Третьего царства», о котором грезил немецкие романтики, от Новалиса до Гельдерлина, обнаружила свои утопические переключки в работах Вяч. Иванова и С. Л. Франка. Статьей о романе Гельдерлина *Гиперион* в контексте поиска Царства Божия открывается второй раздел книги, в котором также находим осмысление идей Ницше о синтезе духа и плоти в интерпретациях Томаса Манна и Дмитрия Мережковского, грезы о «святой русской литературе» через призму взглядов Тонио Крегера и проблем гуманизма в духе Толстого и Достоевского, как понимал их немецкий классик, мечтавший оказаться за столом у русского самовара и называвший себя Фома Генрихович.

На подступах к третьему разделу книги, который посвящен диалогу с Фрейдом и юнгианским вариациям сознательного и бессознательного в России, тональность очерков меняется. В предгрозовом воздухе Европы уже явственно витает не только угроза фашизма, но возникает и проблема духовной несвободы, породившая тот самый уход в сферу сверхчувственного и бессознательного, что привлекало русских символистов, а также философов Л. И. Шестова, С. Л. Франка, Вл. Соловьева и других. Со временем возник любопытный парадокс: если Фрейд смотрел на все русское через призму Достоевского, то впоследствии в России начали воспринимать поступки героев писателя «по Фрейду». Однако верно и то, что русский «психотип» привлек австрийского исследователя по причине почти полного отсутствия барьера между сознательным и бессознательным. Это удивительно глубокое замечание Лу Андреас Саломе находим на стр. 247. Дальнейшее рассмотрение фрейдизма в русской культуре 20-х гг. XX в. вновь подводит к неутешительным итогам: подчинить практическую жизнь творимому новому искусству («poiesis»), обретя власть над бессознательным и создав единое произведение искусства «Gesamtkunstwerk», невозможно. Накануне Октябрьской революции подобные голоса звучали все глуше и осуществить этот поистине «революционный» замысел оказалось непосильной задачей.

Юнгианский подход к исследованию природы русского символизма показан в очерке «Второй транс. К истории русского юнгианства» на примере ушедших в забвение работ Эмилия

Метнера, Андрея Белого и Рудольфа Штейнера, которые известны сегодня лишь узкому кругу специалистов. История литературных взаимосвязей всегда является историей и личных отношений: связи Эмилия Метнера с кругом русских антропологов, Андреем Белым, — все это выразительно рисует духовный климат тогдашней России. На острие полемики с Фрейдом возникает первая работа Бориса Вышеславцева, стремившегося, как показано в очерке, доказать возможность дальнейшего преобразования юнгианской идеи русской религиозной мыслью.

В разделе «Империя и революция», самом драматичном в исследовании, детально анализируется сходство и различие имперских утопий Германии и России, роль Бисмарка в становлении имперских идеалов, в работах которого автору видятся как утопические, так и фаталистические ноты. Его *Мысли и воспоминания* (1898) сопоставляются с герценовским романом *Бывшее и думы* в русле эстетических и исторических обобщений. Думается, что на метатекстовом уровне сходство не ограничивается: семиотические подходы последних десятилетий продемонстрировали возможность видеть в тексте не только открытый финал, но и «открытое произведение» в целом (У. Эко), когда перекодировка и включение его в иной культурно-исторический контекст не только возможны, но и желательны. Так происходит с попыткой прочтения раннего рассказа Франца Кафки *Приговор* (1913) в качестве «петербургской повести». Можно предположить, что удивительно обостренно-интуитивное воображение Кафки, которое помогло ему в будущем воссоздать на страницах романа образ Америки, где он никогда не бывал, способствовало и обостренному восприятию Петербурга. И город действительно, как пишет А. И. Жеребин, был «прочно связан для Кафки с предчувствием грядущей революции» (ЖЕРЕБИН 2023: 318). На глубинном мифопоэтическом уровне показано сближение с петербургским мифом — городом революции, водного хаоса, одиночества, краха карьеры. Указанные мифологемы проанализированы столь убедительно, что возникает уверенность в их обостренном восприятии самим Кафкой, и Петербург в этом небольшом рассказе перестает быть декоративной условностью, а выступает, как это началось с Достоевского и Диккенса, пол-

ноправным действующим лицом всего сюжета, городом-персонажем. Воссоздание сотериологической утопии, — а все основополагающие слагаемые жизни и смерти, падения и возвышения в рассказе присутствуют — не только включает текст Кафки в единое семиотическое поле русской литературы, но через Петербург приближает к сфере чувств и эмоций российского читателя.

Пронзительной фигурой финальных очерков книги становится Йозеф Рот и герой его романа *Иов* Мендель Зингер. Его путь из местечка в России в Америку, страну мечты, отнимает у него в итоге не только мечту, но и веру в жизнь. Новое отечество оказывается смертоносным. И это не просто смена локаций — России на Америку, — а перелом мировоззрения. Пройдя испытания Америкой, Мендель Зингер остается верным своей религиозно-эстетической утопии, которая, как кажется, частично осуществляется: неожиданно выздоравливает сын, становясь позднее гениальным музыкантом, а к Менделю возвращается утраченная вера. Утопизм же проявляется в том, что реалистический пласт постепенно заменяется принципом «чем поэтичнее, тем реальнее» (ЖЕРЕБИН 2023: 344). Однако все это есть лишь иллюзорное и временное спасение от жестокой и совершенно бесформенной реальности, которая накрыла мир после революций между двумя войнами. Точной метафорой характеризует А. И. Жеребин наступление постмодернизма, где «мифу пути» противостоит бесцельное блуждание «в необозримом пространстве постапокалиптической культуры, где под ногами лишь осколки разбитых мировоззрений и древки брошенных знамен» (ibid.: 380).

Эпоха модернизма, ярко освещенная в этом многогранном исследовании, потому, вероятно, и воспринимается как эпоха последней *воли к спасению* человечества, поскольку апеллировала к знакомым издревле мифологемам, вдребезги разбившимся об ужасы XX столетия, круша последние надежды на то, что утопия когда-нибудь станет реальностью. Осознание утопичности не как жанровой категории, а как синкретической природы всего модернизма углубляет наше познание текстов того времени, а через межкультурный диалог, который лейтмотивом про-

ходит через всю книгу, мы видим, как утопия, пусть ненадолго, но воплощалась в сознании писателей и нередко увлекала за собой читающую публику России и Германии, обещая новый и лучший мир.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Жеребин А. И. Место встречи — утопия. Из истории литературных отношении России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. [Zherebin, Aleksey I. (2023) *Mesto vstrechi — utopiya. Iz istorii literaturnykh otnosheniy Rossii, Germanii, Avstrii* (The Meeting Place is Utopia. From the History of Literary Relations between Russia, Germany, and Austria). Saint Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian)].

Для цитирования:

Абрамов П. В. Воплощенная утопия как приглашение к диалогу. Рец. на кн.: *Жеребин А. И.* Место встречи — утопия. Из истории литературных отношении России, Германии, Австрии. СПб.: Владимир Даль, 2023. 421 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 507—513.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-507-513.

To cite this Review:

Abramov, Pyotr V. (2024) *Voploshchennaya utopiya kak priglasheniye k dialogu* (Embodied Utopia as an Invitation to Dialogue). Book Review: Zherebin, Aleksey I. (2023) *Mesto vstrechi — utopiya. Iz istorii literaturnykh otnosheniy Rossii, Germanii, Avstrii* (The Meeting Place is Utopia. From the History of Literary Relations between Russia, Germany, Austria). Saint Petersburg: Vladimir Dal', 421 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 507—513. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-507-513.

Рецензия поступила в редакцию 15.04.2024; принята к публикации 02.05.2024
The review was submitted 15.04.2024; accepted for publication 02.05.2024

А. В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет

ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ТЕКСТЕ

Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке.
М.: Прометей, 2024. 182 с.

Одна из активно обсуждаемых тем в современной лингвистике — функционирование дискурсивных слов, дискурсивных маркеров и дискурсивных частиц. В связи с этим рассматриваются такие вопросы как отличительные свойства и функции частиц (БОННО & КОДЗАСОВ 1998), их статус в системе частей речи (БАБАЕВА 2008; ПУТИНА & ШУСТОВА 2019; АВЕРИНА 2023), использование в различных функциональных стилях. Определение функций дискурсивных частиц как отдельного разряда частиц, выявление их отличий от дискурсивных маркеров, модальных слов и модальных частиц — одна из задач, требующих своего решения. Ей посвящена монография В. Д. Иванова *Функции дискурсивных частиц в немецком языке*. В рецензируемой работе показано соотношение дискурсивных частиц, дискурсивных слов, дискурсивных маркеров и модальных слов в немецком языке, определена специфика дискурсивных частиц как отдельного класса частиц с присущими ему свойствами и функциями, а также проанализированы их функции в текстах.

В первой главе «Концептуальные основы исследования дискурсивных частиц» рассмотрен вопрос о разграничении дискурсивных слов, модальных слов, дискурсивных маркеров и дискурсивных частиц. Автор показывает, что термин «дискурсивные маркеры» выступает как гипероним по отношению к модальным словам и дискурсивным частицам. Заслуживает внимания вопрос о специфике класса дискурсивных частиц и предложенная интерпретация дискурсивных частиц как самостоятельного класса слов с присущими им специфическими свойствами. Автор замечает, что дискурсивные частицы входят в класс дискурсивных маркеров, участвуют в структурировании дискурса, обеспечивая логичность, последовательность и связность изло-

жения. Отмечено, что дискурсивные частицы — это короткие, неизменяемые единицы речи, организующие дискурс и выполняющие различные функции в отношении хода коммуникации, реализуя коммуникативные цели говорящего. Автору удалось очертить границы класса дискурсивных частиц, которые включают междометия, сигналы сегментации, восклицание, маркеры сомнения, связующие элементы, сигналы ответа и др. Заслуживает внимание наблюдение автора о том, что модальные и дискурсивные частицы обладают рядом общих свойств: не могут быть отрицаемы; являются факультативными; неизменяемы; к ним нельзя задать вопрос; они могут выступать в комбинации с другими частицами. Как отмечается в работе, дискурсивные частицы занимают инициальную позицию в предложении, выступают в роли самостоятельного предложения, могут быть ударными, а также имеют возможность формировать свое собственное высказывание.

В связи с этим можно было бы отметить, что ударные частицы, конечно же, обладают своей спецификой и их целесообразно было бы выделить в отдельную группу. Они имеют общее функциональное назначение и способны кодировать контраст (о контрасте подробнее см. в [MEIBAUER 1994]). Ударные частицы отличаются от других разрядов частиц по следующим параметрам: по синтаксическим свойствам, по выполняемым в высказывании функциям, а также по возможности употребления в различных типах высказываний. Более того, ударные частицы могут быть рассмотрены как грамматические единицы, поскольку они соответствуют трем ключевым параметрам грамматикализации: редуцированный вес языковой единицы, что проявляется в их односложности; тесная связь языкового элемента с другими или когезия; вариативность, т. е. ситуация, при которой одну языковую единицу нельзя заменить на другую. Понятно, что ударные частицы представляют собой достаточно сложную тему, которая выходит за рамки предпринятого автором исследования.

Важным наблюдением можно считать синтаксические свойства дискурсивных частиц — они занимают позицию либо в предполье, либо в послеполье немецкого предложения. Основное функциональное назначение этих слов — усиление интен-

ции говорящего.

Во второй главе «Группы дискурсивных частиц по их функциональным, синтаксическим и семантическим особенностям» представлен анализ семантики и синтаксиса дискурсивных частиц. Показано, что класс дискурсивных частиц неоднороден, образован от других частей речи, что позволяет наблюдать вариацию их значения, различные семантические особенности и дифференциацию их функций в организации диалогической речи. На основании этимологического происхождения, дифференциации семантических, синтаксических и функциональных особенностей дискурсивных частиц в организации диалогической речи в работе выделено четыре группы: 1) собственно частицы с интерактивным функциональным назначением (ja, äh, ähm); 2) частицы-междометия с эмотивным функциональным назначением (oh, ach, eh, hm, mhm, na, na ja, tja); 3) наречные частицы со структурно-связующим функциональным назначением, репрезентацией авторского начала и маркирующие позитивную реакцию (okay, also, gut); 4) отрицательные частицы с корректирующим функциональным назначением и маркирующие отрицание (nee, doch, nein). Для каждой группы характерны свои особенности. На обширном фактическом материале показано, что дискурсивные частицы äh и ähm выступают в качестве сигналов, используемых в процессе поиска подходящего слова, размышлениях, воспоминаниях, корректировке и исправлении сказанного. Дискурсивная частица ja служит для усиления интенции говорящего. Частицы-междометия служат для выражения удивления, изумления, радости и заинтересованности (eh, ach, oh), боли, озабоченности, сострадания (ach, oh), то есть обладают определенным эмотивным потенциалом. Определенная роль им отводится и в тексте: данная группа частиц участвует в смене темы разговора или в корректировке сказанной информации. Дискурсивные частицы, образованные от наречий, служат для создания связности между различными предложениями. Дискурсивные частицы, маркирующие отрицание, служат в роли сигнала обратной связи или для смены темы разговора.

Третья глава «Общие функции дискурсивных частиц» посвящена общим для всех групп дискурсивных частиц функцио-

нальным свойствам, которые проявляются на уровне текста и дискурса. Показано, что дискурсивные частицы обладают способностью участвовать в создании когерентности текста, позволяя сохранить его структурную целостность и смысловое единство. Автор демонстрирует на примерах участие дискурсивных частиц в тема-рематическом членении предложения: эти слова маркируют как тему, создавая тематическую связанность, так и рему высказывания, позволяя говорящему сформулировать мысль и сфокусировать внимание реципиента на следующей далее новой информации. Можно согласиться с автором монографии, что дискурсивные частицы в немецком языке способны также выполнять в предложении акцентирующую функцию, под которой автор понимает их свойство усиливать ту или иную составляющую часть высказывания, привлекать к ней особый интерес и добиться внимания партнера по коммуникации. Вполне убедительно показана интерактивная функция дискурсивных частиц. Вне всякого сомнения, дискурсивные частицы выполняют и экспрессивную функцию, которая позволяет говорящему выразить свое эмоциональное отношение к содержанию высказывания.

В заключение хотелось бы отметить, что монография Иванова *Функции дискурсивных частиц в немецком языке* достаточно полно раскрывает особенности класса немецких дискурсивных частиц и их назначение в тексте, а также освещает их синтаксические свойства. Книга рассчитана, в первую очередь, на специалистов в области германской филологии (магистрантов, аспирантов, преподавателей ВУЗов лингвистических факультетов, научных сотрудников).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Аверина А. В. Принципы организации системы частей речи и их интерпретация с позиции внутренней перспективы (на материале немецкого и русского языков) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1213>. [Averina, Anna V. (2023) *Printsipy organizatsii sistemy chastey rechi i ikh interpretatsiya s pozitsii vnutrenney perspektivy (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* (Principles of the Organization of the System of Parts of Speech and

- Their Interpretation from the Perspective of Internal Perspective (Based on the Material of German and Russian Languages)). *Russian Social and Humanitarian Journal*, 1. Retrieved from <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1213>. (In Russian)]. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1213>.
- Бабаева Р. И. Полифункциональность служебных слов в немецком обиходном дискурсе // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. С. 94—100. [Babaeva, Raisa I. (2008) Polifunktional'nost' sluzhebnykh slov v nemetskom obikhodnom diskurse (The Polyfunctionality of Empty Words in German Everyday Discourse). *Prepodavatel' XXI vek*, 3, 94—100. (In Russian)].
- Бонно К., Кодзасов С. В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *ведь* и *же*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой. М.: Мета, 1998. С. 382—417. [Bonnot, Christine & Kodzasov, Sandro V. (1998) Semanticheskoye varyirovaniye diskursivnykh slov i ego vliyaniye na linearizatsiyu i intonirovaniye (na primere chastits *ved'* i *zhe*) (Semantic Variation of Discursive Words and Its Influence on Linearization and Intonation (Using the Example of Particles *ved'* and *zhe*)). In: Kiselyova, K. (ed.) *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* (Discursive Words of the Russian Language: the Experience of Contextual and Semantic Description). Moscow: Meta, 382—417. (In Russian)].
- Путина О. Н., Шустова С. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров *hy* и *well* в русском и английском языках (корпусное исследование) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 1. С. 112—122. [Putina, Olga N. & Shustova, Svetlana V. (2019) Funktsional'nyy potentsial diskursivnykh markerov *hy* i *well* v russkom i angliyskom yazykakh (korpusnoye issledovaniye) (The Functional Potential of the Discursive Markers *hy* and *well* in Russian and English (a Corpus Study)). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (Theoretical and Applied Linguistics), vol. 5, no. 1, 112—122. (In Russian)].
- Meibauer, Jörg. (1994) *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen: Niemeyer Verlag.

Для цитирования:

Аверина А. В. Дискурсивные частицы в тексте. Рец. на кн.: Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке. М.: Прометей, 2024. 182 с. //

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024.
№ XXI. С. 514—519.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-514-519.

To cite this Review:

Averina, Anna V. (2024) *Diskursivnyye chastitsy v tekste* (Discourse Particles in the Text). Book Review: Ivanov, Vladimir D. (2024) *Funktsii diskursivnykh chastits v nemetskom yazyke* (Functions of Discourse Particles in German). Moscow: Prometej, 182 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 514—519. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-514-519.

Рецензия поступила в редакцию 15.05.2024; принята к публикации 27.05.2024
The review was submitted 15.05.2024; accepted for publication 27.05.2024

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет

Сытько А. В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск: Минский гос. лингвистический ун-т, 2023. 248 с.

В нашем стремительном настоящем мы поголовно увлечены искусственным интеллектом: разговаривающим, рисующим, сочиняющим музыку, пишущим стихи и прозу. Неудивительно, что научная жизнь не является (да и не должна являться) исключением. Редкий лингвист не исследует сейчас возможности чата GPT и им подобных, не рассуждает о лингвистических корпусах, построенных на новых принципах или не мечтает о компьютерных системах для интерпретации текстов всех жанров и на всех возможных языках планеты.

Среди этого стремительного потока «цифры» — нужной, важной и неизбежной — приятно обнаружить «классическую» фундаментальную работу, которой по праву можно назвать монографию Анны Васильевны Сытько — результат многолетних исследований, посвященных деонтическим высказываниям на материале русского и немецкого языков. Впрочем, дух времени отразился и в данной работе — в новейших методах исследований с привлечением Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и немецкоязычного корпуса DWDS. Именно привлекаемый для описания материал, деонтические высказывания на русском и немецком языках, во всем его многообразии (поскольку корпуса позволяют получить речевые образцы в максимально полном объеме) позволяет автору избежать узкого, ограниченно-только одним языком взгляда на исследуемый феномен.

Рецензируемая монография, несомненно, представляет собой важное и актуальное исследование одной из центральных проблем современной лингвистики. Во-первых, она обращена к деонтической модальности, отражающей осознание человеком должноствования в его социальном бытии. Во-вторых, выбрав для своего исследования одно из сложнейших языковых явлений, Сытько направила свой анализ на системное раскрытие се-

мантических и прагматических характеристик модального высказывания, тем самым следуя магистральным направлениям современного языкознания.

Обратимся непосредственно к содержанию монографии. Она состоит из введения, трех глав, объясняющих проблематику и методологию исследования («Деонтическая модальность как лингвистический феномен», «Структура и семантика деонтического высказывания» и «Иллокутивная специфика 150 деонтических высказываний»), заключения и списка литературы (229 наименований на русском, белорусском, немецком и английском языках).

Первая глава начинается с логико-философской интерпретации деонтической модальности. Автор рассматривает понятия действительности, возможности и необходимости, начиная с Аристотеля и завершая XXI в. Далее деонтическая модальность рассматривается применительно к лингвистике. С позиции логико-понятийного подхода выделяется модальная триада значений: алетическая, деонтическая, эпистемическая модальность, каждая из которых предусматривает необходимость и возможность.

Далее следует подробный обзор взаимоотношения деонтики с различными типами модальности (параграфы «Деонтическая модальность и аксиологические смыслы», «Деонтическая vs алетическая семантика», «Деонтика и волитивность», «Деонтическое высказывание и эпистемическая модальность»). Затем повествование переходит к взаимоотношению между деонтикой и эпистемикой, аксиологией, алетикой и волитивностью.

Теоретические положения подкрепляются около 200 контекстами на русском и немецком языках из художественных произведений и из СМИ, извлеченными из лингвистических корпусов.

Автор приходит к выводу о том, что логико-понятийную основу деонтической модальности составляют понятия возможности и необходимости. Деонтическая модальность взаимообусловлена и взаимодействует также с иными модальными значениями. Она органически взаимосвязана с аксиологией и алетикой, базируясь на объективных возможностях исполнителя действия и ценностях «польза», «благо», которые составляют онтологический и ценностный субстрат, или презумпцию деонтического суждения. Онтологической основой для выражения деон-

тического отношения необходимости к действию *P* является алетика (то есть физическая и логическая возможность): субъект-исполнитель необходимого действия должен быть в состоянии его реализовать, а само действие *P* должно быть осуществимым. Деонтика не обусловлена волей / желанием говорящего. Деонтическое высказывание намечает программу действий по изменению текущего положения вещей, где воля реализуется лишь на этапе выбора целесообразного действия, однако само модальное отношение не является волевым актом говорящего (СЫТЬКО 2023: 68-71). Именно аспект взаимодействия является оригинальной авторской новацией, поскольку в монографии впервые предпринят анализ деонтического высказывания с точки зрения взаимодействия с другими типами модальности, в том числе и на поверхностном уровне (в формальной структуре), реализуемого определенными синтаксическими моделями (чистой и противительной конъюнкцией, изъянением, каузальностью). Кроме этого, комплексный подход позволил автору выявить аксиологические расширения деонтического высказывания, которые возникают в результате конфликта различных модальных установок.

Вторая глава посвящена главным образом структурному и семантическому анализу компонентов модальной (деонтической) ситуации. Последняя представляется как комбинация языкового и внеязыкового компонентов. В отдельных параграфах главы 2 автор обращается к модальным источникам (рассматривая их в дихотомии «универсальные — ситуативные»), структурным типам деонтических конструкций, останавливаясь на ядерной структуре для выражения долженствования — деонтической конструкции (модально-глагольном комплексе) и переходя далее к рассмотрению отдельных ее компонентов (деонтическому субъекту, предикату, смысловому глаголу, факультивным компонентам). Отдельные разделы главы посвящены семантическим характеристикам деонтических высказываний с отрицанием и темпоральным характеристикам деонтических конструкций. В результате делается вывод о том, что

деонтическая конструкция представляет собой семантическое целое, структурно состоящее из обязательных (деонтического

маркера, деонтического субъекта и смыслового глагола) и факкультативных компонентов, каждый из которых характеризуется многообразием языкового проявления, обуславливая разнообразие семантических характеристик конструкции (ibid.: 151).

В то же время

рассмотрение темпоральных характеристик деонтических конструкций в двух языках позволяет констатировать их идентичность в плане прагматических и семантических свойств при незначительных различиях в формальной реализации (ibid.: 154).

Автор, значительно расширяя и дополняя имеющиеся семантические описания деонтических высказываний в выбранных языках благодаря обращению ко всем составляющим деонтической ситуации в целом и в частности (к предикатам, субъектам, смысловым глаголам), не ограничивается только их семантикой. Важным представляется выявление модификаций семантики деонтических конструкций под влиянием самых разных факторов: отрицания, перенесения в различные темпоральные планы, эксплицитного / имплицитного характера деонтического субъекта.

Третья глава раскрывает тему иллокутивной специфики деонтических высказываний. Несмотря на солидную историю изучения различных аспектов категории деонтической модальности целый ряд вопросов в этой проблемной области остается нерешенным; в первую очередь, это касается прагматики деонтического высказывания (до сих пор редуцируемого, по сути, исключительно к зоне директивных иллокутивных значений). Автор уделяет внимание, прежде всего, факторам формирования иллокутивного значения деонтического высказывания, определяя степень участия компонентов последнего в формировании его иллокутивных характеристик, доказывает, что деонтический субъект и смысловой глагол играют ведущую роль в модификации прагматики модального высказывания. В результате определяется набор иллокутивных значений деонтического высказывания, четко выделяются иллокутивные характеристики дескриптивных деонтических высказываний и деонтические высказывания в перформативном употреблении; устанавливается как прагматическое разнообразие «первоначальных» деонтических вы-

сказываний, так и функциональный потенциал деонтических перформативов. При этом, вследствие того, что прагматические (иллокутивные) характеристики деонтического высказывания рассматриваются в единстве с его формально-грамматическими и семантическими особенностями, автору, на наш взгляд, удалось создать комплексную и цельную картину семантико-прагматических и функциональных свойств деонтического высказывания как ядерного средства выражения модальности долженствования в немецком и русском языках. Подчеркивается, что значение деонтической конструкции, ее семантика и прагматика являются результатом взаимодействия характеристик ее компонентов, которые формируют различные деонтические и иллокутивные смыслы высказывания, а тип иллокутивной структуры деонтического высказывания демонстрирует зависимость от языковых и внеязыковых компонентов (*ibid.*: 221).

Переходя к общим выводам, автор подчеркивает, что деонтическая модальность как универсальный философский феномен выступает одной из базовых модальностей, обеспечивающих существование человека в социуме, а деонтическая семантика наиболее тесным образом связана с аксиологической (*ibid.*: 225). Далее, деонтическое высказывание детерминировано различного рода источниками, имеющими универсальный и ситуативный характер, границы которых дискретны. Наличие в поверхностной структуре модального источника модифицирует категоричность высказывания. Категориальные операторы отрицания и времени модифицируют семантику деонтической структуры, смещая ее в зону алетических (для отрицания) и аксиологических смыслов. Наконец, значение деонтической конструкции, ее семантика и прагматика не является формальной суммой значений ее компонентов, а представляет собой результат сложного переплетения их семантико-прагматических свойств и характеристик, что позволяет адресанту нюансировать тонкие коммуникативные оттенки деонтического значения (*ibid.*: 226).

Мы не можем не согласиться с автором, что предложенное исследование продемонстрировало семантическое разнообразие модальных конструкций, позволило представить механизмы прагматического смыслообразования, установить функциональ-

ную нагрузку компонентов деонтического высказывания в формировании его прагматического значения и правила его прагматической интерпретации, а методика предпринятого исследования может быть использована для установления иллюкативной специфики иных модальных конструкций.

Несомненно, Сытько подарила германистам чрезвычайно интересный и скрупулезно составленный научный труд, который заставляет нас посмотреть, казалось бы, на давно известное и всесторонне изученное явление модальности должествования несколько по-новому. Впечатляет иллюстративный языковой материал, богатство которого обусловлено эрудицией автора и применением современных корпусных инструментов.

В перспективе хотелось бы видеть работы, опирающиеся на созданный задел, в том числе и учебного назначения, так как педагогическая практика показывает наличие трудностей в употреблении модальных конструкций как при изучении немецкого языка, так и русского языка как иностранного.

Для цитирования:

Горожанов А. И. Рец. на кн.: Сытько А. В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск: Минский гос. лингвистический ун-т, 2023. 248 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 520—525.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-520-525.

To cite this Review:

Gorozhanov, Aleksey I. (2024) Book Review: Syt'ko, Anna V. (2023) *Deonticheskoye vyskazyvaniye: semanticheskiye kharakteristiki i pragmaticheskii potentsial (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* (Deontic Utterance: Semantic Characteristics and Pragmatic Potential (Exemplified by Russian and German)). Minsk: Minsk State Linguistic University, 248 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 520—525. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-520-525.

Рецензия поступила в редакцию 11.04.2024; принята к публикации 21.04.2024

The review was submitted 11.04.2024; accepted for publication 21.04.2024

В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Литература и искусство в поле притяжения Гете (= *Literatur und Kunst im Spannungsfeld Goethes*): сборник научных статей / отв. ред. П. В. Абрамов. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2023. 734 с.

В издательстве Московского государственного лингвистического университета вышел объемный том *Литература и искусство в поле притяжения Гете* по итогам международной научной конференции, состоявшейся по случаю 270-летия великого немецкого поэта и мыслителя. Этот коллективный труд, адресованный, согласно уведомлению редактора, «филологам, германистам, искусствоведам и широкому кругу читателей», включает статьи, далеко выходящие за рамки литературы и искусства в традиционном понимании. В поле притяжения («*Spannungsfeld*») оказались также исследования философского и естественно-научного характера.

В приветственном слове известный германист проф. Д. Кемпер говорит о трансформации понимания Гете от классического «роета doctus» к гению всеобъемлющего значения и о закономерном расширении круга вопросов, которые ставит перед собой русская германистика в изучении наследия Гете. Вступительная статья П. В. Абрамова вновь обращает внимание читателя на культурно-эстетическое «поле притяжения» Гете: автор кратко излагает содержание книги, охватывающей результаты 20-летних систематических исследований российского гетеведения, которые во многом берут свое начало от монографии В. М. Жирмунского *Гете в русской литературе*.

Многогранность и фундированность представленных статей обусловлена не только разнообразием «исследовательских сюжетов конференции» (ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО... 2023: 9), но и самой постановкой вопросов, их полемичностью: например, проблема восприятия гетевского концепта «*Weltliteratur*» поднимается А. И. Жеребиным; О. С. Асписова пишет об осмыслении плодотворности «антикульта» Гете для движения

литературоведческой мысли; взгляд на образ Фауста в творчестве Ю. Левитанского привлекает внимание Е. И. Зейферт; о восприятии фигуры Гете модернистскими писателями на примере Генри Миллера пишет Д. Д. Усенюк.

Следует отметить, что все разделы в рецензируемом издании не являются замкнутыми и исключающими проникновение идей из других областей науки и искусства. Так, социология и философия оказываются неразрывно связаны в статье Е. А. Тахо-Годи *А. Ф. Лосев о Гете: взгляд из 1933 года*. Возможное движение философской мысли Лосева, толчок которому дали тексты Гете (помимо *Учения о цвете*, это *Страдания юного Вертера* и *Фауст*), находится в прямой зависимости от круга общения Лосева в 1930-е гг.: в то время заключенный Лосев, как известно, строил Беломорско-Балтийский канал. П. В. Абрамов исследует автобиографический космос Гете. При этом он опирается на принципы современного литературоведения, тяготеющего к междисциплинарности, и сочетание филологического и естественно-научного подходов представляется продуктивным. Отсылки к музыковедению содержит статья А. Е. Махова, безвременно ушедшего из жизни в 2021 г., а исследование Г. В. Синило затрагивает проблемы текстологии и переводоведения.

Вопросы, связанные с творчеством Гете, представляются столь же современными и неисчерпаемыми, как фигура самого немецкого гения. Интересны и оригинальны размышления о мотиве вампиризма у Гете и А. К. Толстого в компаративном исследовании Л. Н. Полубояриновой. В статье Н. Т. Пахсарьян *Современная французская вариация на тему «Фауста», или Гетевские персонажи в гостях у Гете* блестяще проанализировано жизнеописание Гете, созданное современным французским писателем М. Пети с использованием элементов коллажа и детективного романа. Текст Пети балансирует между реальностью и мифом.

Слово Гете не перестает вдохновлять композиторов и художников разных эпох. На примере трех композиторов разных эпох А. В. Гусева предлагает музыкальную интерпретацию стихотворных текстов из гетевского романа *Годы учения Вильгельма Майстера*. В статье «*Фауст*» И. В. Гете в иллюстрациях братьев Трауготов Д. В. Фомин раскрывает новые страницы русской

графической фаустианы.

Раздел сборника, скромно озаглавленный «Varia. Рецензии», включает четыре действительно разнообразных, но не разрозненных статьи. Их объединяет целостный взгляд на возможность бесконечного обращения к наследию Гете. Вспоминая приведенную П. В. Абрамовым цитату из *Парабасы* Гете, можно сказать, что современный читатель «к изумлению призван здесь». Г. В. Якушева, председатель Гетевской комиссии при РАН, к великому сожалению, не успевшая взять изданный сборник в руки, и редактор настоящего сборника П. В. Абрамов, тонко и точно анализируют микрокосмос переводов лирики Гете на русский язык, собранный в антологии «Кого не покидает гений». *Гете в переводах русских поэтов XIX века*. Авторы рецензий обращают внимание на полифонию смыслов и богатство вариантов переводов канонических текстов Гете, а также на бережное обращение составителя с малоизвестными переводчиками — «загадочными перьями» (ibid.: 704), демонстрирующее «наглядную историю развития переводческой мысли за сто лет» (ibid.: 708). Оба рецензента, вторя друг другу, с надеждой пишут о вероятности второго, расширенного издания антологии с датировкой оригиналов и комментариями, посвященными авторам переводов.

Внимательное прочтение поэтической антологии логично дополняют рецензии на трехтомное издание естественно-научных трудов Гете (составитель С. В. Казачков). Авторы коллективной рецензии, представившие на гетевской конференции два тома, в качестве одного из основных достоинств издания называют тщательную сверку существующих переводов. По их словам, «иногда исправления просто придают тексту легкочитаемый вид, иногда возвращают тексту правильный смысл» (ibid.: 714). Автор рецензии «И. В. Гете — естествоиспытатель», К. Г. Михайлов, призывает научное сообщество обратить пристальное внимание на естественно-научные работы Гете. Он приветствует переводы трудов Гете, посвященных биологии. обстоятельные комментарии к ним свободны от гуманистического пиетизма, Михайлов подчеркивает, что перед читателем предстал «... наконец, настоящий, аутентичный Гете, очищен-

ный от неокантианской и позитивистской шелухи» (ibid.: 720).

Книга *Литература и искусство в поле притяжения Гете* раскрывает перед читателем модель вселенной великого поэта и ученого. Авторы статей предлагают современное прочтение идей и трудов Гете.

Следует отметить великолепное оформление сборника: обложку небесно-голубого цвета, портретные иллюстрации, фрагменты партитур, цветные репродукции гравюр и картин. Как тут не вспомнить гетевское учение о цвете!

Строгий и гармонично составленный сборник издан к 275-летию со дня рождения Гете. Есть возможность взять в руки этот прекрасно изданный том, ощутить его физическую и интеллектуальную весомость.

Для цитирования:

Сибирцева В. Г. Рец. на кн.: Литература и искусство в поле притяжения Гете (= Literatur und Kunst im Spannungsfeld Goethes): сборник научных статей / отв. ред. П. В. Абрамов. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2023. 734 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов.

2024. № XXI. С. 526—529.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-526-529.

To cite this Review:

Sibirtseva, Vera G. (2024) Book Review: Abramov, Pyotr V. (ed.) (2023) *Literatura i iskusstvo v pole prityazheniya Gete* (Literature and Art in Goethe's Field of Attraction).

Collected Papers. Moscow: Moscow State Linguistic University, 734 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 526—529. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-526-529.

Рецензия поступила в редакцию 11.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

The review was submitted 11.04.2024; accepted for publication 29.04.2024

Е. О. Туманова

Московский городской университет управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова

**ГЕНДЕРНОЕ СИММЕТРИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ
И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Нефедова Л. А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2023. 232 с.

Феминистская критика стала неотъемлемой частью современной речевой коммуникации в Германии. Наиболее точно об унификации языкового кода говорит В. В. Наумов, рассматривая данный процесс как «мощнейший государственный рычаг», применяемый посредством реализации тех или иных идеологических постулатов с целью манипулирования общественным сознанием (НАУМОВ 2010: 24).

Стремительное развитие политической корректности в языке и его гендерной чувствительности приводит к ускорению темпов гендерного симметрирования в языке, что, в свою очередь, обостряет проблему фиксации и отражения гендерного равенства в немецком языке.

Именно этой актуальной проблеме посвящена рецензируемая монография Л. А. Нефедовой. Проявляя особый лингвистический интерес к такому социокультурному явлению, как гендер, автор избирает в качестве объекта своего исследования фразеологизмы современного немецкого языка, отличающиеся гендерной инклюзией. Автор отмечает, что изучение содержания и особенностей реализации гендера в лексике возможно посредством анализа языковых структур (НЕФЕДОВА 2023: 5).

Для достижения поставленной цели, а именно выявления гендерно инклюзивных фразеологизмов современного немецкого языка, автор избирает довольно перспективные инструменты исследования, среди которых структурно-семантический и коммуникативно-прагматический анализ.

Изучение «такого неисследованного ранее феномена, как гендерная инклюзия» (НЕФЕДОВА 2023: 9), проводится на впечатляющем своим объемом материале, включающем шесть известных словарей немецкого языка, Мангеймский корпус немецкого языка, а также художественную литературу, публицистику, публикации на форумах и в социальных сетях. В связи с этим субъективная составляющая автором исключена (ibid. 2023: 180). Представленный объем позволяет в полной мере считать полученные и описанные Нефедовой результаты своего научного изыскания как репрезентативные и верифицированные.

В структуре монографии, охватывающей три главы, представляется возможным выделить следующие основные аспекты: описание базовой терминологии, исследование гендерно инклюзивных фразеологизмов с точки зрения их структурных типов и реализации в них гендерного компонента.

В первой главе автор дает общую характеристику терминологического аппарата таких смежных научных направлений как гендерология и феминология, современная фразеология, на пересечении которых располагается гендерная фразеология, которая, в свою очередь, рассматривает понятия гендерной асимметрии и симметрии во фразеологии, а также типологию по включению в состав фразеологизма гендерного компонента. Постепенно продвигаясь от общих понятий, Нефедова переходит к определению термина «гендерно инклюзивный язык» как совокупности лексических средств, с помощью которых достигается и подчеркивается равенство гендеров, учитываются личности с небинарной гендерной идентичностью. При этом отмечается, что немецкий язык по своей природе, а именно наличию грамматической категории рода, длительный исторический период тяготел к гендерно инклюзивным формам; распространение гендерно нейтральных форм приобрело массовый характер в 60-70-х гг. XX в.

Характеризуя гендерно маркированные фразеологизмы, автор монографии предлагает принимать за гендерный компонент, который отчасти может влиять и на оценочность, лексические единицы, которые обозначают мужчин или женщин, выделяя маскулинные и фемининные компоненты соответственно. Гендерно ориентированные фразеологизмы, по мнению автора, не

включают гендерного компонента, но характеризуют лиц определенного пола или людей в целом. Отмечается, что абсолютное большинство как гендерно маркированных, так и гендерно ориентированных фразеологизмов представляют собой кодифицированные узуальные маскулинные фразеологизмы (*ibid.*: 69).

Во второй главе читателю предлагается ознакомиться с гендерно симметричными фразеологизмами, которые выступают номинациями лица. Вслед за И. В. Зыковой автор монографии описывает такие типы гендерных маркеров как антропоцентрические лексемы, термины родства, антропонимические лексемы, агентивные существительные (ЗЫКОВА 2003: 42). При этом первые два компонента образуют самую многочисленную группу гендерно симметричных номинаций лица. Нефедова дополняет этот ряд зоонимами, которые посредством метафорического переноса способствуют использованию представителей мира фауны для описания человека, указания на его особые характеристики. Перечисленные гендерные маркеры позволяют образовывать идиомы как с маскулинным, так и фемининным компонентом, то есть узуальные гендерно симметричные формы. В большинстве случаев гендерный компонент сохраняет свое прямое значение, маскулинный вариант рассматривается как базовый, а его симметричный вариант являет собой дань деятельности феминисток.

В связи с этим стоит обратить внимание на идиому *eine Frau der Tat*, которая хотя и является парным вариантом к фразеологизму *ein Mann der Tat*, подчеркивает исключительные профессиональные качества женщины. Возникновение фемининной формы указывает на то, что ранее женщины не имели права заниматься своей профессией, и в узусе не шла речь об их высокой профессиональной пригодности (НЕФЕДОВА 2023: 76).

Кроме того, особый исследовательский интерес представляют идиомы, которые благодаря включению в их состав имен собственных с символическим значением фиксируются как антропонимы-символы национальной персонификации Германии. Помимо максимально известных и распространенных идиом *der deutsche Michel*, *Lieschen Müller*, *Otto Normalverbraucher*, автор обнаруживает некоторые гендерные модификации в номинациях среднестатистических жителей Германии: *Lieschen Normal-*

verbraucherin, Ottilie Normalverbraucherin, однако фиксирует отсутствие парной идиомы *die deutsche Liese (ibid.: 93).

Предположение о том, что среди гендерно симметричных вербальных идиом маскулинные фразеологические единицы являются базовыми, находит свое подтверждение при сопоставлении их с фемининными фразеологизмами, которые служат конкретизации того факта, что речь идет непосредственно о женщине и ее личностных и профессиональных качествах. В обоих вариантах отмечается положительная коннотация, а наличие двух кодифицированных форм свидетельствует о структурной гендерной симметрии при различии их внутренней формы.

В разделе, посвященном гендерно симметричным пропозициональным выражениям, автор рассматривает полноценные предложения, а именно паремии и афоризмы, которые эксплицитно примыкают к общему контексту сообщения. На наш взгляд, научный интерес помимо узуальных гендерных пропозициональных фразеологизмов представляют те их модификации, в которых субстантивный компонент заменяется на лексические единицы, не связанные с обозначением пола, например, *Selbst ist der Kunde / die Maus / die Braut / die Pflanze*. Междометные идиомы отличает фамильярная ироничная коннотация. Согласно исследованию Нефедовой, наибольшей вариативностью обладают пропозициональные выражения, которые включают в свой состав в качестве гендерно маркированного компонента термины родства (ibid.: 118). При этом компонент *Mann* в данных выражениях характеризуется генерализующей функцией, но возможно использование фразеологизмов и с параллельной номинацией. Таким образом, автор вводит в отечественный терминологический аппарат понятие «метагендерный фразеологизм», т. е. обозначающий как мужчин, так и женщин.

Обособленная группа гендерно инклюзивных фразеологизмов сформирована идиомами, в которые входят сразу два компонента: маскулинный и фемининный, как, например, *etwas wie Oma und Opa machen*, формируя в человеческом сознании симметричную картину мира.

Автор также затрагивает актуальную для европейского общества проблематику обозначения представителей социума с

нетрадиционной сексуальной ориентацией, активно пропагандируемую в зарубежных СМИ и направленную на устранение даже малейших проявлений дискриминации в отношении этой группы лиц. Данная терминология, как известно, абсолютно исключена в отечественной культуре и противоречит нашим ценностным ориентирам, становясь предметом обсуждения особенностей межкультурного взаимодействия между представителями Германии и России.

В третьей главе автору удалось соединить эмпирическую базу с выверенной научной обоснованностью и представить на суд читателя два базовых механизма построения инклюзивных гендерно симметричных фразеологизмов. Как отмечает сам автор, модель играет первостепенную роль «для образования ряда альтернативных форм базового фразеологизма» (ibid.: 148). Первая модель позволяет заменить гендерно маркированный компонент с семой «мужчина» на симметричный ему фемининный компонент. Вторая модель представляет собой два возможных пути трансформации фразеологизмов с метагендерной семантикой с маскулинным и фемининным компонентами соответственно. При этом Нефедова отмечает авторский характер подобных трансформаций и указывает на наблюдение о том, что языковая игра, положенная в основу гендерного симметрирования, «выражает определенное смысловое содержание», оказывая непосредственное влияние на «семантико-стилистическую тональность фразеологизма» (ibid.: 140). Результатом замены маскулинного компонента фемининным (реже — наоборот, но такие случаи автором тоже зафиксированы) становится появление модификации, представляющей собой гендерно симметричную альтернативную форму, которая в отличие от метагендерной идиомы будет наделена гендерным значением и станет употребляться в зависимости от пола референта.

Важнейшую роль в процессе гендерного симметрирования реализуют гендерные маркеры, которые Нефедова распределяет на несколько типов: антропометрические лексемы с гендерной семантической доминантой, термины родства, антропонимы, имена собственные. Появление этих фразеологизмов в речи служит созданию большей экспрессии в текстовом послании и

привлекает внимание читателя.

Выделенная автором группа заимствованных гендерно симметричных фразеологизмов сравнительно небольшая и представляет собой англицизмы с фемининными компонентами *Lady, Miss* и маскулинными *Gentleman, Mister*. Наличие подобных заимствований свидетельствует о расширении лексических парадигм в немецком языке (*ibid.*: 160).

Опираясь на выдвинутый постулат о значимости контекста, автор отмечает увеличение числа коммуникативных ситуаций, требующих реализации механизмов гендерного симметрирования. Активная социальная позиция женщин требует создания особых языковых единиц с гендерным компонентом, подчеркивающим их половую принадлежность.

Представленная рецензия затрагивает далеко не все аспекты проделанной Нефедовой многогранной научной работы, в которой автору успешно удалось воссоздать целостную картину механизмов и процессов гендерного симметрирования во фразеологии современного немецкого языка с привлечением как словарей и текстовых корпусов, так и анализа Интернет-дискурса.

Ценность настоящей монографии заключается в том, что каждый читатель, будь то начинающий исследователь или опытный германист, определенно получит новые импульсы для дальнейшего изучения и анализа этой проблематики. Важно, что монография может быть использована и как справочное пособие для изучающих немецкий язык, и как пособие для развития иноязычной компетенции обучающихся.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Зыкова И. В.* Способы конструирования гендера в английской фразеологии: монография. М.: УРСС, 2003. [Zykova, Irina V. (2003) *Sposoby konstruirovaniya gendera v angliyskoy frazeologii* (Ways of Constructing Gender in English Phraseology). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Наумов В. В.* Государство и язык: Формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010. [Naumov, Vladimir V. (2010) *Gosudarstvo i yazyk: Formuly vlasti i bezvlastiya* (State and Language: Formulas of Power and Powerlessness). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Нефедова Л. А.* Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера.

М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2023. [Nefedova, Luybov' A. (2023) *Genderno inkluzivnaya frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka: simmetriya frazeologizmov v svete gendera* (Gender Inclusive Phraseology of the Modern German Language: Symmetry of Phraseological Units from the Gender Viewpoint). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].

Для цитирования:

Туманова Е. О. Гендерное симметрирование фразеологизмов в структурно-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Рец. на кн.: Нefедова Л. А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2023. 232 с. // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 530—536.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-530-536.

To cite this Review:

Tumanova, Ekaterina O. (2024) *Gendernoye simmetrirovaniye frazeologizmov v strukturno-semanticheskoy i kommunikativno-pragmaticheskoy aspektakh* (Gender Symmetry of Phraseological Units in Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Aspects). Book Review: Nefedova, Luybov' A. (2023) *Genderno inkluzivnaya frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka: simmetriya frazeologizmov v svete gendera* (Gender Inclusive Phraseology of the Modern German Language: Symmetry of Phraseological Units from the Gender Viewpoint). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 232 p. *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 21, 530—536. (In Russian).
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2024-21-530-536.

Рецензия поступила в редакцию 30.04.2024; принята к публикации 10.05.2024
The review was submitted 30.04.2024; accepted for publication 10.05.2024

СООБЩЕНИЯ

REPORTS

Н. А. Бакши

НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ (ЗОЛОТУРНСКИЕ ДНИ ЛИТЕРАТУРЫ)

Крупнейший швейцарский литературный фестиваль, «Дни литературы в Золотурне», прошел в этом году с 10 по 12 мая. Его программа включала более 140 мероприятий, в которых приняли участие более 200 приглашенных гостей. Основное внимание в этом году было уделено теме «Будущее».

Одна из трех панельных дискуссий была посвящена теме «Швейцария как антиутопия». В ней участвовали авторы, чьи работы так или иначе связаны с этой темой. Франкоязычный писатель Максан Маршан (Лозанна) в своем последнем романе *La timidité des cimes* («Робкие вершины») рассказывает о миграции и ее травматических последствиях. Люсия Масу (Лозанна), стремится исправить антиутопию с помощью нарратива. Главная героиня ее романа *Sous la boue* («Из-под грязи»), пожилая женщина, рассказывает внучке о своем опыте катастрофы, и этот рассказ непонятным образом будто исправляет ход событий. Во время дискуссии выяснилось, что речь идет не столько о Швейцарии как антиутопии, сколько о текстах-антиутопиях, созданных в Швейцарии. В любом случае оба автора согласились, что антиутопия — это несостоявшаяся утопия, в которой все еще есть проблески надежды, даже в самые темные времена.

Нам удалось глубже погрузиться в обсуждаемую проблематику, опросив еще трех авторов об их видении будущего, связанных с ним страхах и о понятии «родина».

Бернский писатель Крис Шнебергер, небинарная личность со стилем и аурой, получил Швейцарскую литературную премию 2021 г. за свой дебютный роман *Neon Pink & Blue* («Неоново-розовый и синий»). В его новом тексте *Suisse miniature* Швейцария описывается как бесконечный парк развлечений, вращающийся вокруг самого себя. «Я не пишу апокалиптическую литературу, — говорит Шнебергер, — у антиутопии еще есть шанс обратиться вспять. Швейцария — это общество, которое быстро исключает аутсайдеров из своей среды, где участие в общественной жизни

обходится слишком дорого. И это консервативное общество, где то и дело обсуждается «ремиграция». В Швейцарии проживает большая доля смешанных семей, для которых ремиграция была бы катастрофой. Я рос в страхе, наблюдая за изменениями климата. Многие из тех, кто тогда умер от героина, были чувствительными людьми, погибшими от ощущения, что будущего нет. Вот почему я против апокалиптической риторики. Утопии все еще возможны в частном пространстве, в условиях солидарности между людьми. Давайте проведем мысленный эксперимент. Как известно, почти все ядерное оружие направлено на Европу. И представьте себе, что кто-то нажмет на кнопку, и нам придется бежать, например, в Марокко с нашими паспортами. Разве они захотят пустить нас? Не будет ли это ответом на наши действия за последние 10 лет? Каково это? Родина для меня связана с друзьями, с семьей, а не с географическим местоположением».

Нам также удалось расспросить одного из самых популярных писателей, пишущих на диалекте, Педро Ленца о его видении будущего. Его новая пьеса *Längizyti* («Тоска по дому») рассказывает о пожилой паре, которая возвращается в Швейцарию после долгой жизни в Испании, но с трудом узнает свою родину. «Я осторожный оптимист, — говорит Педро Ленц, — но линейного пути вперед не существует. И все же современная молодежь внушает надежду». «В диалекте я чувствую себя как дома, — признается автор, всю жизнь пишущий и выступающий на бернском диалекте. — Но моя родина — это прежде всего моя семья. Можно создать себе родину где угодно, для этого нужно совсем немного — свой бар, свой магазин, свой киоск, куда ты регулярно ходишь и где все тебя знают. Этот всегда маленький, стабильный и обозримый мирок. Хотя родина все же должна изменяться, чтобы продолжать жить, так же как постоянно изменяется швейцарский язык. Он необыкновенно восприимчив к разным влияниям и легко их впитывает и усваивает».

Роман цюрихской писательницы Джанны Молиари *Hinter der Hecke die Welt* («Мир за изгородью») описывает, с одной стороны, Арктику, а с другой — деревню с окружающей ее живой изгородью, в которой последним двум детям не удастся вырасти. Этот роман, по сути, очень близок к антиутопии, с чем автор, од-

нако, не согласна. «Мой роман сочетает в себе и то, и другое: в нем, конечно, есть черты антиутопии, но и утопия просвечивает, и в этом моя надежда. От антиутопии здесь связь с нашим временем, в котором происходят изменения климата, лидеры различных государств претендуют на власть и устраивают войны, сдвигаются границы. Мы видим, как многие вещи исчезают. Но я надеюсь, что дети из моего романа все же найдут свое будущее, проявив немного смелости и воли. С другой стороны, эти дети не растут, а потому кажется, что у них нет будущего. Хотя надежда остается. Литература способна заглянуть в будущее. К счастью, я могу писать обо всем, что мне кажется важным, и так справляюсь с моими страхами. Я не верю, что у литературы есть миссия, но с помощью текстов я могу создавать пространство для вопросов, куда читатели могут прийти со своими страхами, а также желаниями и утопиями. Тексты — это пространство для общения. Я надеюсь, что литература создает мосты в будущее. Деревня, о которой я пишу, не находится в какой-то конкретной стране, но по некоторым признакам можно определить, что она не может быть повсюду. С ней у меня прежде всего ассоциируется Швейцария. Родина для меня — это язык, а также запахи и вкусы, моя собственная история и предыстория в широком смысле».

Еще одна большая тема, неразрывно связанная с будущим, касается искусственного интеллекта (ИИ) и его роли. Этой теме в Золотурне была посвящена отдельная дискуссия «ИИ — мультидисциплинарный подход». В романе Элиаса Хиршля ChatGPT старательно создает «контент». В *Зловещей долине* (2018) режиссер Штефан Кэги («Римини протокол») создал копию писателя Томаса Мелле в натуральную величину в образе гуманоида. А продюсер, автор и комик Патрик «Карпи» Карпиченко уже много лет экспериментирует с разными поколениями ИИ. С юмором, беспокойством и любопытством эти трое подходят к тревожной теме, которая постоянно обсуждается и переосмысливается, высвечивая то положительные, то отрицательные стороны.

Автор научной фантастики, журналист и блогер Реда Эль Арби в отличие от многих не обеспокоен развитием ИИ и описывает свое видение будущего, Цюрих 2082 года, в котором ИИ уже правит миром. Этот ИИ запрограммирован по определен-

ным законам, например, имеет свой категорический императив, который требует защищать и улучшать жизнь каждого живого существа. В отличие от людей, полагает автор, ИИ не стремится к власти, не служит каким-либо конкретным интересам и, следовательно, может обеспечить общее благо, на которое не способны люди. Прежде всего, ИИ может остановить глобальные экологические проблемы. Этот мир, созданный Эль Арби и управляемый ИИ, вовсе не похож на антиутопию.

Помимо новых текстов и молодых талантов, в Золотурне также чествовали маститых писателей, чьи труды уже известны широкой публике. Клаус Мерц, получивший в этом году Швейцарскую литературную премию, и Кристоф Гейзер рассказывали о своих сочинениях в их совокупности. Известный поэт, эссеист и переводчик Ральф Дутли назвал свою новую книгу стихов *Альба* автобиографической, то есть делом всей своей жизни. В ней он пытается дойти до сути поэзии, этого сладостного «меда мира», и «открыть в языке Амазонку».

Специальную премию в области перевода в этом году получила известная переводчица русской литературы Доротея Троттенберг. В своей вступительной речи она подчеркнула, что премия за переводы с русского языка в наше время посылает позитивный сигнал, политика не должна захватывать культурное пространство, а переводчики своими произведениями создают мосты в будущее.

Для заключительной дискуссии «Фикции о будущем» ученикам разных школ предложили задать вопросы о будущем, которые и были зачитаны с подиума: Будущее будет все хуже и хуже? Существуют ли иные модели, кроме школы-работы-пенсии? Есть ли жизнь после цифровой революции? Сможем ли мы по-прежнему уделять время важным вещам? Станет ли будущее безличным? Как мне стать счастливым?

Эти вопросы молодых людей сами по себе были весьма красноречивым признаком тревожного, неопределенного, и тем не менее обнадеживающего будущего.

Университет Базеля (Швейцария)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамов** Петр Валерьевич, Высшая школа сценических искусств (Москва, Россия); p_abramow@mail.ru
- Аверина** Анна Викторовна, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); anna.averina@list.ru
- Аверкина** Лариса Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); averkina_l@lunn.ru
- Бакши** Наталия Александровна; nataliabakshi@mail.ru
- Блинова** Юлия Анатольевна, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева (Самара, Россия); jublinova@mail.ru
- Большакова** Татьяна Михайловна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); bolshakovatiana@gmail.com
- Быкова** Ольга Ильинична, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); olga.bykova@rambler.ru
- Гончарова** Евгения Александровна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); eagon@rambler.ru
- Горожанов** Алексей Иванович, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); a_gorozhanov@mail.ru
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grischaewa@gph.vsu.ru
- Добровольский** Дмитрий Олегович, Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); dm-dbrv@yandex.ru
- Едличко** Анжела Игоревна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); ang299@yandex.ru
- Захаров** Вячеслав Сергеевич, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); slavawenzel@gmail.com
- Иванов** Андрей Владимирович, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); aivan@lunn.ru
- Иванова** Римма Анваровна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); rivanova@lunn.ru

- Ишимбаева** Галина Григорьевна, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия); galgrig7@list.ru
- Карпов** Владимир Ильич, Институт языкознания РАН, ФИЦ «Информатика и управление» РАН (Москва, Россия); wi.karpow@gmail.com
- Кемпер** Дирк, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); dirk_kemper@icloud.com
- Коршунова** Людмила Юрьевна, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина (Иваново, Россия); l_korshunova@mail.ru
- Кострова** Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); olga_kostrova@pgsga.ru
- Кротова** Елена Борисовна, свободный исследователь (Хельсинки, Финляндия); elena_krotova@inbox.ru
- Лаххайн** Барбара, Университет Дуйсбург-Эссен (Эссен, Германия); b-m.lachhein@t-online.de
- Наумова** Вера Сергеевна, Библиотечный центр «Екатеринбург» (Екатеринбург, Россия); wera.naumowa@yandex.ru
- Нефедова** Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); nefedovalub@mail.ru
- Никонова** Жанна Викторовна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); nikonova@lunn.ru
- Нюбина** Лариса Михайловна, Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия); lmnjubina@mail.ru
- Петрова** Мария Владимировна, Московский государственный университет (Москва, Россия); rmascha@yandex.ru
- Сибирцева** Вера Григорьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия); vsibirtseva@hse.ru
- Трошина** Наталья Николаевна, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); troshinat@mail.ru
- Туманова** Екатерина Олеговна, Московский городской университет управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова (Москва, Россия); ekaterina.msu@mail.ru
- Федяева** Татьяна Анатольевна, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия); fedjaew58@mail.ru

Цветаева Елена Николаевна, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия);
elenatsvetaeva@yandex.ru

Цветков Юрий Леонидович, Ивановский государственный университет (Иваново, Россия); jzvetkow@mail.ru

Шарандин Артем Вячеславович, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия); sharandin@gmail.com

LIST OF CONTRIBUTORS

- Pyotr V. **Abramov**, High School of Performing Arts (Moscow, Russia);
p_abramow@mail.ru
- Anna V. **Averina**, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
anna.averina@list.ru
- Larisa A. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); averkina_l@lunn.ru
- Nataliya A. **Bakshi**; nataliabakshi@mail.ru
- Yulia A. **Blinova**, Samara National Research University (Samara, Russia);
jublinova@mail.ru
- Tatiana M. **Bolshakova**, Herzen Russian State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia); bolshakovatatiana@gmail.com
- Olga I. **Bykova**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
olga.bykova@rambler.ru
- Dmitriy O. **Dobrovol'skiy**, Russian Language Institute, Russian Academy
of Sciences; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
(Moscow, Russia); dm-dbrv@yandex.ru
- Anzhela I. **Edlichko**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Rus-
sia); ang299@yandex.ru
- Tatyana A. **Fedyayeva**, Saint Petersburg State Agrarian University (Saint
Petersburg, Russia); fedjaew58@mail.ru
- Evgeniya A. **Goncharova**, Herzen Russian State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia); eagon@rambler.ru
- Aleksey I. **Gorozhanov**, Moscow State Linguistic University (Moscow, Rus-
sia); a_gorozhanov@mail.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
grischaewa@rgph.vsu.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Ufa University of Science and Technology (Ufa,
Russia); galgrig7@list.ru
- Andrey V. **Ivanov**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); aivan@lunn.ru
- Rimma A. **Ivanova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny
Novgorod, Russia); rivanova@lunn.ru
- Vladimir I. **Karpov**, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia); wi.karpow@gmail.com
- Dirk **Kemper**, Russian State University for the Humanities, (Moscow, Rus-
sia); dirk_kemper@icloud.com
- Lyudmila Yu. **Korshunova**, Ivanovo State Power University (Ivanovo,
Russia); l_korshunova@mail.ru

List of Contributors

- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); olga_kostrova@pgsga.ru
- Elena B. **Krotova**, free researcher (Helsinki, Finland); elena_krotova@inbox.ru
- Barbara **Lachhein**, Universität Duisburg-Essen (Essen, Germany); b-m.lachhein@t-online.de
- Vera S. **Naumova**, Library Center “Yekaterinburg” (Yekaterinburg, Russia); wera.naumowa@yandex.ru
- Lyubov’ A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); nefedovalub@mail.ru
- Zhanna V. **Nikonova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); nikonova@lunn.ru
- Larisa M. **Nyubina**, Smolensk State University (Smolensk, Russia); lmnjubina@mail.ru
- Mariya V. **Petrova**, Moscow State University (Moscow, Russia); pmascha@yandex.ru
- Artem V. **Sharandin**, Russian State University for the Humanities, (Moscow, Russia); sharandin@gmail.com
- Vera G. **Sibirtseva**, National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod, Russia); vsibirtseva@hse.ru
- Nataliya N. **Troshina**, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); troshinat@mail.ru
- Elena N. **Tsvetaeva**, Moscow State Linguistic University, (Moscow, Russia); elenatsvetaeva@yandex.ru
- Yuriy L. **Tsvetkov**, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia); jzvetkow@mail.ru
- Yekaterina O. **Tumanova**, Moscow Metropolitan Governance University (Moscow, Russia); ekaterina.msu@mail.ru
- Vyacheslav S. **Zakharov**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); slavawenzel@gmail.com

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XXI

**НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ДИСКУРСЫ И ТЕКСТЫ:
ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИИ, КОРРЕЛЯЦИИ**

Главный редактор

Иванов Андрей Владимирович

Ответственный редактор лингвистической части

Бабенко Наталья Сергеевна

Ответственный редактор литературоведческой части

Бакши Наталья Александровна

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова»

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым

Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 28.06.2024. Дата выхода в свет 20.08.2024.
Формат 60x88/16. Усл. печ. л. 33,57. Уч.-изд. л. 28,00.
Тираж 500 экз. Изд. № 6606. Заказ № .
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-А.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова»
<https://lunn.ru>

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел.: 8 (495) 334-82-65; тел. 8 (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: 8 (495) 230-20-52

